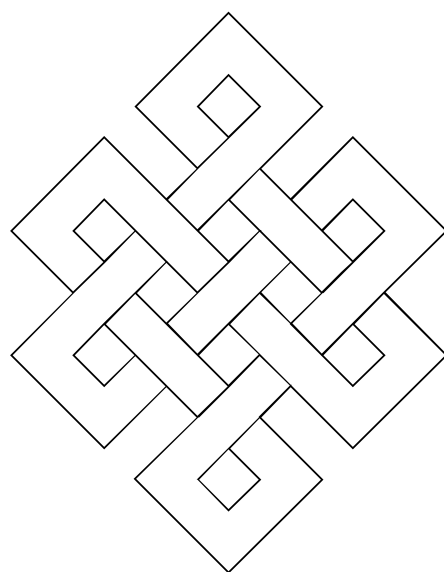

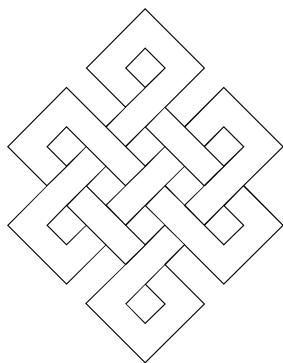
Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№3
2026

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2026

№ 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
 Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
 Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
 Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
 Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
 Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
 Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
 Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
 Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
 Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
 Левин Т., Дартмаус колледж, США
 Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
 Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
 Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
 Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет
 имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
 Макаров В. С., редактор
 Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатель: Ч. К. Ламажаа, Россия, 117437, г. Москва, а/я 30,
 Соиздатель: Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
 Республика Казахстан, Алматы, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
 Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
 Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
 Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
 Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
 Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology,
 Academy of Science Mongolia, Mongolia
 Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian
 Academy of Sciences

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
 Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch,
 Russian Academy of Sciences
 Galina F. Balakina, Tuvanian Institute for Exploration of Natural
 Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
 Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social
 and Economic Research, Russian Federation
 Theodore Levin, Dartmouth College, United States
 Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva,
 Russian Federation
 Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
 Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
 Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
 Vladimir S. Makarov, Editor
 Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions
 in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in
 ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index,
 Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.

Publisher - Ch. K. Lamazhaa (Postal box 30, Moscow, Russia, 117437);
 Co-publisher - Al-Farabi Kazakh National University
 (71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040).

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
 («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Бочина Т. Г., Ломакина О. В. (Россия) Детский мир тувинской загадки: лингвокультурологический анализ	6
Гарипова Г. Т. (Россия), Жарбулова С. Т. (Казахстан), Шафранская Э. Ф. (Россия) Этнохудожественные константы образа ребенка в творчестве современных тувинских писателей А. Ламажаа и Ч. Куулара	18
Аманжолова Д. Б. (Казахстан), Кара-оол Л. С. (Россия), Каиржанова А. Т. (Казахстан) Метафора и сравнение как средства выражения культурных кодов в произведении С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу»	33
Шафранская Э. Ф. (Россия), Шаймерденова Н. Ж. (Казахстан), Гарипова Г. Т. (Россия) Литературный образ бабушки в контексте тюркских традиций	47
Кол Ч. Ш., Нелюбова Н. Ю., Сувандии Н. Д. (Россия) Представление культурных кодов в тувинских и алтайских паремиях о детстве	63
Искендир А. А., Кенжекожаева А. (Казахстан) Образ младшего сына в казахских и тувинских сказках: сравнительный анализ	76
Башиева С. К., Бахтикиреева У. М. (Россия) Особенности концептуализации детства в карачаево-балкарской этнокультуре в междисциплинарной перспективе	95
Учайкина А. М. (Россия) Обычаи алтайцев, связанные со статусом пуповинной матери (вторая половина XX — начало XXI в.)	108
Эверт Л. С. (Россия) Буллинг и виктимизация у подростков Тувы: распространенность, структура, возрастнополовые различия	121
Смирнова О. В., Овчаренко Е. С., Каспаров Э. В. (Россия) Этнические особенности физического и психического развития детей, подростков и молодежи Республики Тыва (обзор литературы)	146
Эверт Л. С. (Россия) Психопатологические расстройства у подростков Республики Тыва с различным онлайн-поведением	166

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ламажаа Ч. К. (Казахстан), Майны Ш. Б. (Россия) Калдак-Хамар: десакрализация и новая сакрализация	196
Ростовская Т. К., Фаузер В. В., Ситковский А. М. (Россия) Этническая гомогамия и межэтнические браки в Туве: по материалам Всероссийской переписи населения 2021 года	222
Ledeneva V. Yu. (Kazakhstan), Rakhmonov A. Kh. (Russia) Employment probabilities of migrants and local residents in the labor market of the Republic of Tuva	236
Ситковский А. М. (Россия) Корреляционный анализ влияния отдельных социально-экономических показателей на рождаемость Тувы (1990–2024 гг.)	254
Анисимова Т. Г., Кубякин Е. О., Плотников В. В. (Россия) Социальное самочувствие в условиях парадокса закона Энгеля: институциональный анализ на материалах социологического исследования в Республике Тыва	272

РОДНОЙ ЯЗЫК

Ламажаа Ч. К. (Казахстан), Сувандии Н. Д. (Россия), Амалбекова М. Б. (Казахстан), Иргит Л. Р. (Россия) Чингис и Чингиз: растение и завоеватель	290
--	-----

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Умбетаев Ш. А., Темирболат А. Т. (Казахстан) Экзистенциальная проблематика человеческого бытия в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита	306
Нарожная В. Д. (Казахстан), Кадеева М. И. (Казахстан), Майны Ш. Б. (Россия), Канаева Л. С. (Казахстан) Орнамент как знак невербальной коммуникации (на материале дизайнерских коллекций казахской и тувинской одежды)	325

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Шмакова Е. С., Бегалиева С. Б. (Казахстан) Структурно-семиотические и мифопоэтические доминанты «алма-тинского текста» в контексте русскоязычной прозы Казахстана	346
Скрябина А. А. (Россия) Бытах 'нож' в якутской языковой картине мира	363
Геляева А. И., Хучинаева Дж. Дж., Кумахова Дж. Б. (Россия) Концепт Ант в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры	380
Есенова Г. Б., Есенова Т. С. (Россия) Концепт хээн 'котел' в лингвокультуре калмыков	400
Данилова Н. И., Трофимова С. М. (Россия) Наименования кожаных сосудов в монгольских языках и тюркских языках Сибири (сравнительный аспект)	417

CONTENTS

SPECIAL THEME

<i>Bochina T. G., Lomakina O. V. (Russia)</i> The Child's World of the Tuvan Riddle: A Linguocultural Analysis	6
<i>Garipova G. T. (Russia), Zharbulova S. T. (Kazakhstan), Shafranskaya E. F. (Russia)</i> Ethno-artistic constants of the image of the child in the works of contemporary Tuvan writers A. Lamazhaa and Ch. Kuular	18
<i>Amanzholova J. B. (Kazakhstan), Kara-ool L. S. (Russia), Kairzhanova A. T. (Kazakhstan)</i> Metaphor and comparison as means of expressing cultural codes in S. A. Saryg-ool's work "Angyr-ooldung toozhuzy"	33
<i>Shafranskaya E. F. (Russia), Shaimerdenova N. Zh. (Kazakhstan), Garipova G. T. (Russia)</i> The literary image of the grandmother in the context of Turkic traditions	47
<i>Kol Ch. Sh., Nelyubova N. Yu., Suvandii N. D. (Russia)</i> Representation of cultural codes in Tuvan and Altai paremias about childhood	63
<i>Iskendir A. A., Kenzhekozhaeva A. (Kazakhstan)</i> The image of the youngest son in Kazakh and Tuvan fairy tales: A comparative analysis	76
<i>Bashieva S. K., Bakhtikireeva U. M. (Russia)</i> Features of the conceptualization of childhood in Karachay-Balkar ethnoculture in an interdisciplinary perspective	95
<i>Uchaikina A. M. (Russia)</i> Customs of the Altaians Related to the Status of the Umbilical Mother (Second Half of the 20th — Early 21st Century)	108
<i>Evert L. S. (Russia)</i> Bullying and victimization among adolescents in Tuva: prevalence, structure, age and gender differences ..	121
<i>Smirnova O. V., Ovcharenko E. S., Kasparov E. V. (Russia)</i> Ethnic characteristics of physical and mental development of children, adolescents and youth in the Republic of Tuva (literature review)	146
<i>Evert L. S. (Russia)</i> Psychopathological disorders in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior	166

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Lamazhaa Ch. K. (Kazakhstan), Mainy Sh. B. (Russia)</i> Kaldak-Khamar: Desacralization and Resacralization	196
<i>Rostovskaya T. K., Fauzer V. V., Sitkovskiy A. S. (Russia)</i> Ethnic Homogamy and Interethnic Marriages in Tuva: Evidence from the 2021 All-Russian Population Census	222
<i>Ledeneva V. Yu. (Kazakhstan), Rakhmonov A. Kh. (Russia)</i> Employment probabilities of migrants and local residents in the labor market of the Republic of Tuva	236
<i>Sitkovskiy A. M. (Russia)</i> Correlation Analysis of the Impact of Selected Socio-Economic Indicators on Fertility in Tuva (1990–2024)	254
<i>Anisimova T. G., Kubyakin E. O., Plotnikov V. V. (Russia)</i> Social Well-Being under the Engel's Law Paradox: An Institutional Analysis Based on Sociological Research in the Republic of Tuva	272

NATIVE LANGUAGE

<i>Lamazhaa Ch. K. (Kazakhstan), Suvandii N. D. (Russia), Amalbekova M. B. (Kazakhstan), Irgit L. R. (Russia)</i> Chingis and Chingiz: A Plant and a Conqueror	290
--	-----

DIALOGUE OF CULTURES

<i>Umbetayev Sh. A., Temirbolat A. B. (Kazakhstan)</i> Existential Issues of Human Existence in the Poetry of Shakarim Kudayberdiuly and Eduard Mizhit	306
<i>Narozhnaya V. D. (Kazakhstan), Kadeyeva M. I. (Kazakhstan), Mainy Sh. B. (Russia), Kanayeva L. S. (Kazakhstan)</i> Ornament as a Sign of Nonverbal Communication: Evidence from Design Collections of Kazakh and Tuvan Clothing	325

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

<i>Shmakova E. S., Begaliyeva S. B. (Kazakhstan)</i> Structural-Semiotic and Mythopoetic Dominants of the "Almaty Text" in the Context of Russian-Language Prose of Kazakhstan	346
<i>Skryabina A. A. (Russia)</i> Byyhakh 'knife' in the Yakut Linguistic Worldview	363
<i>Gelyaeva A. I., Khuchinaeva J. J., Kumakhova J. B. (Russia)</i> The Concept of <i>Ant</i> in the Karachay-Balkar Ethnolinguoculture ..	380
<i>Esenova G. B., Esenova T. S. (Russia)</i> <i>Khääsn</i> 'cauldron' as a Concept in the Linguoculture of the Kalmyks	400
<i>Danilova N. I., Trofimova S. M. (Russia)</i> Names of Leather Vessels in Mongolic Languages and Turkic Languages of Siberia (Comparative Perspective)	417

Специальная тема
«Культура детства тувинцев
и народов тюрко-монгольского мира»

Ответственные редакторы:
Ольга Валентиновна Ломакина,
доктор филологических наук
(Российский университет дружбы народов,
Россия),
Джемма Болатовна Аманжолова,
кандидат филологических наук
(Astana IT University, Республика Казахстан).

Special issue
«Childhood culture of Tuvans
and peoples of the Turkic-Mongolian world»

Guest editors:
Olga V. Lomakina,
Doctor of Philology,
RUDN University, Russia,
Jemma B. Amanzholova,
Candidate of Philology
Astana IT University,
Republic of Kazakhstan

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

DOI: 10.25178/nit.2026.3.1

Статья

Детский мир тувинской загадки: лингвокультурологический анализ

Татьяна Г. Бочина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация,

Ольга В. Ломакина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

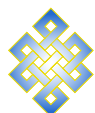
Загадки, как и другие паремиологические тексты, репрезентируют особенности лингвокультуры, в том числе аксиосферы народа, в которой дети занимают важное место и понимаются как ценность. Целью статьи является выявление лингвокультурологических особенностей тувинских загадок о детях и детенышах животных. Основным источником исследования послужил сборник тувинских загадок Г. Н. Курбатского (2021), включающий 1121 загадку. Объектом исследования стали как денотаты (отгадки), так и сигнификаты (кодифицирующие тексты) загадок, содержащие компонент 'дети'.

Тувинские загадки с компонентом — наименованием ребенка или номинацией детеныша имеют как общие, так и специфические черты. Сходство проявляется в том, что образы и детей, и детенышей используются для трансляции этнически окрашенной модели семьи (рода). Эта модель подкреплена единством ее членов, каждый из которых своеобразен и выполняет свою функцию.

В кодифицирующей части загадки детская метафора раскрывается признаком, общим для энигмат и энигматоров. В его качестве используется либо параметрический признак 'маленький', либо процессуальный. Для обеих групп загадок характерна этнокультурная коннотация как кодифицирующей, так и закодированной части энигматического текста, обогащение метафоры-кода специфическими бытовыми реалиями, традициями, ритуалами.

Различия проявляются в том, что номинации ребенка используются в обеих частях энигматического текста, а наименования детенышей — только в тексте собственно загадки. Различение возраста животных отражено наличием в языке разных номинаций одного и того же животного в зависимости от возрастного статуса. Однако это знание транслируется адресату загадки только в описательной части паремии, но не является ее темой. Также установлено взаимодействие различных культурных кодов в тувинских загадках о детях (антропонимического, зоонимического и предметного).

Ключевые слова: паремиология; паремия; загадка; тувинский фольклор; тувинская лингвокультура; тувинский язык; ребенок; детеныш; культура детства

Для цитирования:

Бочина Т. Г., Ломакина О. В. Детский мир тувинской загадки: лингвокультурологический анализ // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.1>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистического образования для иностранных студентов Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адреса: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

SPECIAL THEME

Article

The Child's World of the Tuvan Riddle: A Linguocultural Analysis

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation,

Olga V. Lomakina

RUDN University, Russian Federation

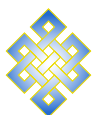
Riddles, like other paremiological texts, represent features of a linguoculture, including its axiosphere, in which children occupy an important place and are construed as a value. The aim of the article is to identify the linguocultural features of Tuvan riddles about children and baby animals. The primary source of the study is G. N. Kurbatsky's collection of Tuvan riddles (2021), comprising 1,121 items. The objects of analysis are both denotata (solutions) and significata (encoding texts) of riddles containing the component "children".

Tuvan riddles that include a component naming a child or designating an animal young exhibit both shared and specific features. The similarity lies in the use of images of both children and baby animals to convey an ethnically marked model of the family (clan). This model is supported by the unity of its members, each of whom is distinctive and performs a particular function.

In the encoding part of the riddle, the child metaphor is explicated through a feature common to both the enigma and the enigmatizing element. This may be either the parametric feature "small" or a processual feature. Both groups of riddles are characterized by ethnocultural connotation in both the encoding and encoded parts of the enigmatical text, as well as by the enrichment of the metaphorical code through specific everyday realities, traditions, and rituals.

Differences are manifested in that nominations of a child are used in both parts of the enigmatical text, whereas names of baby animals occur only in the proper riddle text. The differentiation of animals by age is reflected in the presence of different lexical items in the language for the same animal depending on its age status. However, this knowledge is transmitted to the addressee of the riddle only in the descriptive part of the paremia and does not constitute its theme. The interaction of various cultural codes in Tuvan riddles about children (anthroponymic, zoonymic, and object-related) has also been established.

Keywords: paremiology; paremia; riddle; Tuvan folklore; Tuvan linguoculture; Tuvan language; child; baby animal; culture of childhood

For citation:

Bochina T. G. and Lomakina O. V. The Child's World of the Tuvan Riddle: A Linguocultural Analysis. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.1>

BOCHINA, Tatyana Gennadiyevna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Linguistic Education for International Students, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008, Kazan, Russian Federation. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID: 0000-0002-2606-2985

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail addresses: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-0298-5678

Введение

В современной лингвистике с выходом ее за пределы системы языка и появлением антропоцентрических междисциплинарных направлений (когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др.) значительно оживился интерес к изучению малых жанров фольклора. Паремиологическая система языка, включающая различные единицы, в т. ч. загадки, отражает культурные доминанты народа и наглядным образом демонстрирует ценностные константы этноса.

К числу жанровых особенностей энигматических текстов относится двусоставная структура, состоящая из описательной части (загадки) и собственно отгадки; при этом описательная часть включает метафору-шифр и признак, характерный как для энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке), так и для энигматора (кодирующей, описательной части) и потому помогающий расшифровать загаданный образ. Иначе говоря, энигматический текст является закодированным текстом, а ввиду своей традиционности и даже архаичности загадка транслирует коды той или иной лингвокультуры. При этом, как правило, в загадке сочетаются как минимум два разнопорядковых кода (коды загадки и отгадки), в связи с чем изучение загадок приобретает особую актуальность для лингвокультурологии, с ее нацеленностью на познание этнических особенностей определенной лингвокультуры.

Корпус загадок того или иного этноса состоит, как правило, из трех тематических блоков, отражающих соответствующие фрагменты картины мира: загадки о природе (небе и небесных светилах, природных и погодных явлениях, земле, флоре и фауне), загадки о человеке (его теле, внутреннем мире, социальной жизни) и о том, что создано человеком (материальных и идеальных артефактах). Другими словами, фонд загадок антропоцентричен, поэтому в энигматических текстах представлены разные ипостаси человека. Одной из константных характеристик, присущих любому человеку, является его возраст, в котором темпоральный признак сопряжен с физиологическими особенностями, уровнем развития внутренних качеств (например, психологических, интеллектуальных, морально-этических и др.), социальным статусом. При этом данный «пучок» специфических свойств возрастного периода жизни человека осложняется культурно-маркированной аксиологической коннотацией, в которой сочетаются различные ценности и антиценности.

Этническая рефлексия о течении жизни человека и свойствах ее этапов получила свое отражение в паремиологической картине мира, в частности, пословицах и загадках. Если пословицы, лингвокогнитивным принципом которых является контраст, сосредоточены на оппозиции «молодость — старость», причем «именно молодость является немаркированной нормой» (Бочина, Сян, 2013: 44), то в загадках представлена более богатая палитра возрастов. Таким образом, не вызывает сомнений научная значимость исследований загадок о специфике разных возрастных периодов жизни человека и животных.

Для данной статьи избрана исследовательская проблема репрезентации ювенильного (дорепродуктивного) периода бытия живых существ в тувинских энигматических текстах, которая ранее не становилась предметом специального изучения. При этом привлечение к анализу загадок не только о детях, но и о детенышах животных позволяет продемонстрировать этноспецифичное восприятие ранних периодов развития биологических существ (детенышей) и биосоциальных созданий (детей).

Нужно заметить, что тувинские загадки в последние годы привлекают внимание ряда исследователей, однако степень разработанности разных тематических сфер в научных работах неодинакова. Наиболее детально изучен природный мир в тувинских загадках (Чеснокова, Усманов, 2022b; Иванов, Монгуш, 2023; Соян, 2023; и др.), ряд работ посвящен артефактам тувинской культуры, отраженным в энигматических текстах (Чеснокова, Усманов, 2022a; Бочина, 2024, 2025; Чеснокова, Радбиль, 2024: 107; Соян, Ломакина, 2024; и др.), а исследований, посвященных образу человека в тувинских загадках, значительно меньше (Бочина, 2023; Соян, 2024; Николаева, 2025). Как отмечалось, тувинские загадки на «детскую» тему не изучались.

Итак, актуальность данной статьи определяется, с одной стороны, важностью научного осмысления тувинских загадок о детстве (людей и животных) с позиций современных лингвистических теорий, с другой — недостаточной изученностью данной исследовательской области.

Цель исследования — выявление лингвокультурных особенностей репрезентации детства в энигматических текстах тувинской лингвокультуры. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: определить этнокультурные особенности тувинских загадок о детях; представить лингвокультурные характеристики компонента 'дети' в описательной части загадки; установить этническую специфику компонента 'детеныши животных' в описательной части загадки.

Источником исследования послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского (2021)¹, включающий 1121 загадку, из которого методом сплошной выборки было отобрано 100 текстов, содержащих номинации детей или детенышей в тексте загадки или отгадки. Также для подтверждения тезисов привлекались материалы из дополнительных источников (монографий и статей).

Тувинские загадки о детях

Под загадками о детях подразумеваем энигматические тексты с отгадками-наименованиями человека по возрасту (*бала, оол, уруг* и др.)². Хотя количество загадок о детях в рассматриваемом сборнике Г. Н. Курбатского относительно небольшое, в этой тематической группе отражены важнейшие для тувинской культуры концепты: *төрөл* 'родня', *уруг-дарыг* (*уруглар*) 'дети'. При этом исследователи тувинской культуры (Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии и др.) подчеркивают, что «концепт уруг-дарыг (*уруглар*) 'дети' безоговорочно признается и в народе, и в научном знании одной из главных ценностей тувинской традиционной культуры» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 163; см. также: Ломакина, 2024: 59; и др.³). Многодетность в традиционной культуре была залогом достатка в будущем: «многодетные семьи имели много будущих работников, это обеспечивало процветание рода» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 168).

Данная тенденция аксиологической картины мира тувинцев проявилась в том числе в наличии математических загадок «со сказочными персонажами из тувинских литературных произведений»⁴ о количестве в роде детей и внуков:

Тозандайның тос оглунуң бирээзи-ле тос оолдуг, а оларның оолдарының бирээзи-ле чеди оолдуг. Ол оолдарының бирээзи-ле беш оолдуг, а ол оолдарның бирээзи-ле үш оолдуг, ол оолдарының бирээзи-ле бир оолдуг. Тозандайның ийи кызы оолдардан чартык катап эвээш оолдарлыг болган. Тозандайның ажы-төлу шупту каш кижжи болганыл? (Тозандайның ажы-төлүнүң ажы-төлу 30753 кижжи)

‘У Тозандая девять сыновей. У каждого из них по семь сыновей. У каждого из семерых по пять сыновей. У каждого из пятерых по три сына. А у каждого из них по одному сыну. А у двух дочерей Тозандая их в пол раза меньше, чем у сыновей. Посчитайте, сколько у Тозандая внуков и правнуков (Внуков, правнуков у Тозандая 30753)’ (ТЗ: 1092);

Бир кадай тоорук сайлааш, 121 сай арыглап алган. Оозун өг-бүледе хөй уруг-дарыыңа дең-дең кылдыр үлөп берген. Ол кадайның уруг-дарыы шупту каш кижжи турганыл? Кижжи бүрүзүңге арыглап каан каш сай онаашканыл? (Он бир кижжи, он бир сай)

‘Одна женщина очистила 121 ядро кедрового ореха. Эти ядра она поровну поделила между своими детьми. Сколько всего было у женщины детей? Сколько ядер досталось каждому из них? (11 детей, 11 ядрышек)’ (ТЗ: 1094).

Идея о том, что дети — это главное богатство, прямо озвучивается в одном из текстов, где аксиологическая доминанта входит в денотат энигматического текста:

«Тувинская загадка *Кижиде үш бай. Ол чүл?* ‘Три богатства у человека. Что это?’ имеет следующий ответ: *Башкы бай — ажы-төл, Ортаа бай — эртем-билиг, Соңгу бай — эртин-байлак* ‘Первое богатство — дети, Среднее богатство — образование, Последнее богатство — имущество и драгоценности’» (Мижит, 2013: 128).

¹ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Далее отсылки к примерам из данного сборника оформлены следующим образом: (ТЗ: номер страницы).

² Загадки с компонентами *оглу, кызы*, которые обозначают детей не по возрасту, а по родственным отношениям, в данной статье не рассматриваются.

³ Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков) : дис. ... докт. филол. наук. М., 2025. С. 160.

⁴ Кара-Сал Н. М., Танова О. М. Роль семьи в развитии интереса детей к математике // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 133.

Детальную проработку в лингвокультуре получили тексты-загадки о разных периодах жизни человека, в которых возрастные особенности ребенка сравнивались со спецификой других возрастов (о роли числительных в таких загадках — см.: Бочина, 2023: 11–12). Во-первых, это загадка-триада о детстве — зрелости — старости. Она является универсальной для многих как западных, так и восточных культур, что неоднократно отмечалось исследователями: «о человеке вообще довольно распространена загадка: *Утром — на четырех ногах, В полдень — на двух, Вечером — на трех*. Она знакома почти всем европейским народам. По преданию, ее загадывал сфинкс, погибший после того, как Эдип разгадал ее» (Митрофанова, 1978: 74):

Эртен дөрт буттаап кылаштаар, Душтите ийи буттаап кылаштаар, Кежээ үш буттаап кылаштаар
(Кижиниң чашта үнгээри, кылаштаары, кыраанда даянгыштыг чорууру)

‘Утром на четырех ногах ходит, В полдень на двух ногах ходит, Вечером на трех ногах ходит
(В младенчестве человек ползает, повзрослее ходит, в старости бредет, опираясь на палку)’ (ТЗ: 431).

Кроме универсальной трехчленной загадки, фиксирующей признак младенческого возраста — ползание на четвереньках из-за неспособности ходить на двух ногах, в тувинской лингвокультуре имеются многокомпонентные тексты¹, в которых представлена более подробная система этапов жизни человека. Многочленные загадки соотносятся с дробной периодизацией жизни человека, принятой в этнопедагогике тувинцев, в которой представлены семь (аналогично количеству звезд Большой медведицы) и даже 12 периодов развития человека, соотносящиеся с двенадцатилетним животным календарем (Волков, Салчак, Шаалы, 2009: 41–44, 91–93). В корпусе загадок свое отражение получили следующие ключевые фазы детства: внутриутробный период, рождение, время, когда ребенок начинает сидеть, ползать и, наконец, ходить.

Что касается внутриутробного периода, загадками фиксируется народное поверье тувинцев о разных сроках вынашивания девочек и мальчиков, детей и детенышей животных:

Кызым-биле тос ай нүүрүндө чурттадым, Оглум-биле он ай нүүрүндө чурттадым (Кыс уруг иезиниң иштинге — тос ай, а оол уруг он ай нүүрүн көргөш, төрүттүнер)

‘С дочкой моей в течение девяти месяцев жила, С сыном моим в течение десяти месяцев жила
(Дочь в материнском лоне находится девять месяцев, а сын — десять лунных месяцев (народное поверье))’ (ТЗ: 687);

Мен мегереш беш айлыг, Олулар уруу он айлыг (Дырбактыг, киж. Дырбактыг, беш айболгаш, төрүүр, киж. — он ай болгаш)

‘Я хитрый пятимесячный, Сидячая ее дочь десятимесячная (Рысь, человек. Рысь дает помет через пять месяцев, женщина рождает через десять лунных месяцев)’ (ТЗ: 346).

Этот же синтез общего и противоположного (сын и дочь одного рода) представлен в загадке-шутке, в которой не-сын — это дочь, а не-дочь — это сын: *Ада-иезиниң төлү боорда, Кайызының-даа уруу* (Оглу. Эвес) ‘Хоть и отца-матери дитя, Но ничья дочь (ничей сын) (Сын. Дочь)’ (ТЗ: 686).

В загадках о еще не родившемся ребенке используется параметрический признак (маленький размер): «При описании нахождения ребёнка в утробе матери женщина уподобляется чёрной скале, дитя — белой лодыжке: *Кара хая баарында ак кажык* ‘Белая бабка перед черной скалой’. Использование лексемы *кажык* ‘бабка, лодыжка’ подчёркивает маленький размер плода, а хая ‘скала’ указывает на человека высокого роста» (Соян, 2024: 114).

В качестве главных особенностей младенческого возраста выделяются признаки кормления грудью и наличия колыбели. Так, например, в загадке, отражающей кочевой образ жизни тувинцев, младенец уподобляется наезднику с бурдюками провизии: *Шыгыр-шыгыр чоруктуг, Ийи дорзук хүнезинниг* (Тооргу, тооргу хини) ‘Скрип-скрип, едущий, Два бурдюка провизии имеющий (Ребенок в люльке. Грудь матери)’ (ТЗ: 427).

Фиксируется загадкой также понимание тувинцами цикличности бытия, при которой начало жизни аналогично ее концу, в частности, отсутствие зубов у младенцев и стариков и доступность в этой связи только жидкой пищи: *Кызыл аас кырганны Хымыраан-биле азырады* (Чаш уругну эмиг сүдү-

¹ Подобные сложные загадки о периодах жизни человека есть в якутском, алтайском и хакасском языках (Николаева, 2025: 98).

биле эмзирери) 'Беззубого старца Жидким чаем кормили (Кормление ребенка грудным молоком)' (ТЗ: 428).

Сходство детства / молодости и старости неоднократно отражено в специфических загадках-триадах с сакральным числом *үш* 'три', соответствующих традиционной и современной художественной культуре тувинцев (Мижит, 2013). Так, белый цвет объединяет молодость и старость, но он же их противопоставляет по характерному атрибуту:

Өртөмчөйде үш ак (Аныяанда дижи ак, Кырый бээрге, бажы ак, Өлү бээрге, сөөгү ак)

'Во вселенной три белых (В молодости зубы белые, В старости голова белая, После смерти кости белые)' (ТЗ: 1011);

Делегейде үш ак (Өзөрге — дижи ак, Кырырга — бажы ак, Өлүрге — сөөгү ак)

'В мире три белых (Когда растешь, зубы белые. Когда постареешь, голова белая. Когда умрешь, кости белые)' (ТЗ: 1012).

Весьма показательна сложная (многоуровневая) загадка об этапах жизни, где ребенок, который уже может ходить (от года до десяти лет), представлен образом щенка, а подросток и юноша — образом волка. Если первый образ можно отнести к универсальным для разных этносов (ребенок и детеныш животного уподобляются друг другу), то во втором проявляется этнокультурная специфика: «двадцать волков» указывают на возраст, когда человек многого недопонимает и самонадеян:

Он эник, Чээрби бөрү, Ужен хылыш, Дөртөн маадыр, Бежен дүжүмет, Алдан даяңгыыш, Чеден быра (Кижы назыны: 10 эник дээрге 1 хардан 10 харга чедир чаш назын, 20 бөрү — чүвени чедир билбес, туразы улуг өйү, 30 хылыш — кончуг чалыы назыны, 40 маадыр — далашпас, кортпас өйү, 50 дүжүмет — угаан чедишкени, 60 даяңгыыш — кырып эгелээни, 70 быра — чөнүй бергеш, даяңгыыштаныр чорууру)

'Десять щенков, Двадцать волков, Тридцать сабель, Сорок богатырей, Пятьдесят чиновников, Шестьдесят посохов, Семьдесят рычагов (Человеческий возраст, жизнь: 10 щенков — от одного года до десяти, младенческий возраст; 20 волков — от 10 до 20, возраст, когда человек многого недопонимает, самонадеян; 30 сабель — цветущая молодость; 40 героев-богатырей — человек не торопится, ничего не боится; 50 чиновников — пора умственной зрелости; 60 посохов — начало старения; 70 рычагов-опор — человек стар и пользуется палкой)' (ТЗ: 1008).

Показательно, что в этой тувинской загадке детский период кодируется зооморфной метафорой, подчеркивая физиологическую сторону человека, близость детей к природе (*щенок, волк*), тогда как молодость и старость связаны с артефактами (молодость ассоциируется с *саблей, старость — с посохом, рычагом-опорой*), а зрелость ассоциируется с социальным статусом человека (*герой-богатырь, чиновник*). Таким образом, в загадке об этапах жизни человека сочетаются количественный, природный (зооморфный), предметный и социальный коды культуры¹.

Итак, тувинские энигматические тексты с отгадкой 'ребенок, дети' находятся в неразрывной связи с концептами *уруг-дарыг (уруглар)* 'дети' и *төрөл* 'родня': с одной стороны, выделяются признаки детского возраста (передвижение на четвереньках, кормление грудным молоком, беззубость, позднее — белозубость), с другой — ребенок является частью рода, семьи и его возрастные особенности изображаются на фоне специфики других жизненных периодов человека.

Дети как компонент описательной части загадки

Как известно, этнокультурная традиция в энигматических текстах ярко проявляется в описательной части загадки, которая кодирует денотат (отгадку) сочетанием метафоры и признака, общего для нее и отгадки. Лингвистические особенности репрезентации загаданного денотата посредством детского кода оказываются напрямую связанными с этнокультурными особенностями мировосприятия и бытовых традиций. Так, в загадках о ступе и песте в одном ряду с другими антропоморфными метафорами (ступа — беременная мать, невестка (сноха), старуха; пест — ханский сын, сын Маная, отец, старик) (подробнее: Бочина, 2025: 315–316) используется образ ребенка

¹ Ср. наблюдение о сочетании образов животных и предметов в алтайской загадке о человеке (Бидинова, 2015: 62).

для кодирования проса / зерна: *Авазы иштиг, Оглу орлаанай, Адазы адыралбай (Согааш, тараа, бала) 'Мать на сносях, Дитя удалое, Отец привередливый (Ступа, ступка: просо; пест, пестик)' (ТЗ: 668).*

Кроме того, загадки на данную тему фиксируют неразрывную связь детей с родовым поселением: *Аал ишти дойлуп, Ажы-төлү тода берди (Бала, согааш) 'Весь аал суетится, Дети досыта наелись (Пест, пестик; ступа, ступка)' (ТЗ: 672).*

Безусловно, в загадках, как пишет Н. И. Файзуллина, «метафорическая номинация тесно сопряжена с характером восприятия реалий постигаемого мира и напрямую связана с возможностью осязания денотата, зрительно фиксировать его и осуществлять контроль над его функционированием»¹. Так, с целью создания зримого образа в загадках о рукотворных и нерукотворных предметах детские образы кодируют объекты небольших параметров согласно модели «невysокий рост — маленький размер»: *Дәрде төккүлчек уруг маңнып тур (Ширбиил) 'На дворе юрты куца девочка бегают (Метла, веник)' (ТЗ: 567).*

В другом тексте о сугубо женском предмете используется не только номинация уруг 'девочка', признак формы загаданного денотата, но и аналогия основной функции энигмата и любимого детского занятия, вербализованного в описательной части загадки: *Өг иштинде борбак уруг чуглуп тур (Ширбиил) 'Внутри юрты округлая девочка катается (Метла, веник)' (ТЗ: 566).*

Этнически маркированным, безусловно, является образ озорного мальчика, кодирующего колеблющееся пламя светильника: в описательной части загадки мальчик танцует *деви́г* — ритуально-обрядовый тувинский танец борцов (поэтому образ мальчика в загадке нельзя заместить образом девочки): *Тенек-оол девип тургаш, тейледи (Дең оду) 'Озорной мальчик, исполняя деви́г, молится (Колеблющееся пламя светильника фонаря)' (ТЗ: 577).*

Традиционным мировосприятием объясняется и то, что мальчик из загадки, танцуя, молится. Как пишет исследователь традиционного тувинского танца И. О. Ондар, «в системе тенгрианства, как древнейшей форме "небесно-солнечной" религии, через деви́г (так называемый "танец орла") наиболее зримо и ярко воплощается сакральная вертикаль "Небо — Земля"»². Согласно этому, и светильник из загадки — это синтез огня небесного и земного.

Связано с народными традициями и использование образа мальчика в загадках о почках, что можно объяснить метонимической связью между детским возрастом и употреблением в пищу внутренних органов: «Особенно аккуратно тувинцы следят за тем, какие куски кладут на детские тарелки: малыши получают самые мягкие части (почки, сердце), чтобы не пораниться об острые кости» (Ламажаа и др., 2022: 159). Мотивирована и ассоциативная связь между загаданным органом тела и ватным одеялом, т.к. каждая почка снаружи покрыта прочной соединительнотканной фиброзной капсулой, или плотным чехлом из соединительной ткани: *Хөвен шуглактыг Хөөкүй оолду уштун алдым (бүүрек) 'Из ватного одеяла бедного мальчика вынул (Почка)' (ТЗ: 620); Хөөкүй-оол хөвен шуглактыг (бүүрек) 'У жалкого мальчика ватное одеяло (Почка)' (ТЗ: 733).*

Связана с культурой традиционного питания еще одна загадка, в которой образ мальчика замещает нечто внутреннее и наиболее ценное (костный мозг): *Чалым хая чарлы берди, Чанагааш оол үне халыды (Чилиг, сөөк; чилиг согары; чилиин алгаш, сөөгүн октапкан) 'Неприступная скала разверзлась. Голый мальчик выбежал (Костный мозг, кость; выбивание костного мозга; высосав мозг, выбросил кость)' (ТЗ: 624).*

Итак, детская метафора в описательной части тувинской загадки мотивируется такими признаками ребенка, как маленький размер (рост) и характерная для детей активность (бегать, кататься, танцевать), которые важны для ассоциативного механизма разгадывания энигматического шифра. Данные общечеловеческие представления обогащаются в тувинских загадках этническим своеобразием (бытовыми реалиями, традиционными ритуалами и обрядами).

¹ Файзуллина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... д-ра филол. н. Казань, 2019. С. 14.

² Ондар И. О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы : автореф. дис. ... канд. культурологии. Красноярск, 2016. С. 9.

Детеныши животных как компонент описательной части загадки

В изучаемом сборнике тувинских загадок нам не встретилось ни одного текста о детенышах животных в денотате. В загадках и о диких зверях, и одомашненных животных они не дифференцируются по возрасту, как люди. Иная ситуация с наименованиями животных в описательной части загадки. В качестве энигматической метафоры встречаются образы следующих детенышей — *чаваа*, *богба* 'стригунок', *ошкү кулун* 'жеребенок', 'жеребчик', *теве чаш төл* 'верблюжонок', *бөрү оглу* 'тигренок', *хураган* 'ягненок', *анай*, *уруг* 'козленок', *бызаа* 'теленок':

— *Кулун баскан дазыр орук, Кундус чазаан чолдак ыяш (Шаң, хиизин)* 'Жеребенком вытоптанная голая дорога, Выдрой выстроганное низкое дерево (Ток, гумно, столб в середине тока для привязывания быков, лошадей)' (ТЗ: 846);

— *Хевээ хураган көвүк кусту (Чаныы, өрүм)* 'Ягненка-альбиноса пеной вырвало (Брусок, оселок, мягкий точильный камень; сверло, бурав)' (ТЗ: 950);

— *Көк анай хөне сөөрткен, Көк хураган көвүүн кускан (ужуктуг ине, чаныы)* 'Синий козленок привязь волочит, Синего козленка пеной вырвало (Иголка с ниткой, брусок, оселок, мелкий точильный камень)' (ТЗ: 967) и др.

Между миром «человеческих детенышей» и миром детенышей животных в загадках есть много общего. Прежде всего, это репрезентация принадлежности детской особи к роду, семье, члены которой имеют возрастные, статусно-ролевые и гендерные особенности. Так, в ряде текстов важнейшим компонентом описательной части, который выполняет роль триггера при декодировании денотата загадки, является связь матери и детеныша. В загадке о годе 12 месяцев кодируются близнецами-верблюдатами, рожденными верблудицей, — символом материнской любви у тувинцев и самым выносливым животным, не боящимся ни жары летом, ни мороза зимой (контрастные точки годового цикла): *Ак тедем он ийи бодаган ийистээн (Чылдын он ийи айы)* 'Белая верблудия моя 12 верблюжат-близнецов родила (12 месяцев года)' (ТЗ: 449).

Пара «мать и дитя» как в человеческом, так и животном мире кодирует предметы, соответствующие архетипическому биному «Производящее — Производимое», как в загадке, где в образе кобылы зашифровано молоко, а в образе жеребенка — молочная водка:

Эмдик ак бе Эр кара кулун төрээн, Ону өөрткен оолдуң Эргээ тенек болган (Хойтпак, арага, шууруун, шууруун шоргазы)

'Необъезженная белая кобыла Чёрного жеребчика родила, У её объезжавшего парня Большой палец глупым оказался (Особым образом заквашенное молоко, молочная водка — арака, деревянный перегонный аппарат, жёлоб деревянного перегонного аппарата)' (ТЗ: 659).

Родственная связь матери и ее детеныша проявляется и в передаче наследственных признаков, характерных особенностей рода, как в тексте, где денотат «горящие угли и жар» закодирован биномом «тигрица — ее детеныш»:

Хүлөр хемниң бажында Хүрең-кызыл пар төрээн Оон оглун тудар кижиги — Кара чаңгыс кортпас маадыр (Көс, кышкаш)

'У истока реки Хүлөр Коричнево-красная тигрица родила, Кто ее детеныша поймает — Тот единственный бесстрашный герой (Горящие угли, жар, щипцы-кочерга)' (ТЗ: 598).

Красный, красновато-рыжий цвет во многих загадках символизирует или кодирует огонь (Соян, 2023: 88–89), как, например, в приведенной выше загадке, однако образ жеребенка семантизирует огонь и без колористического признака, и здесь можно провести параллель с озорным мальчиком, намекающим на колеблющееся пламя светильника фонаря: *Куй иштинде кулун дешкилеп тур, Аргада ак баштыг ашак олур (От, төш)* 'В пещере жеребёнок скачет, В тайге белоголовый старик сидит (Огонь, печь)' (ТЗ: 574).

В загадках об артефактах, особенно наиболее значимых знаках материальной культуры, составляющих предметный код этноса, зоонимический код (подобно антропонимическому) моделирует в описательной части тувинскую семью с использованием номинаций и взрослых особей, и детенышей:

Аскыры аскак, Бези бертик, Чаваазы чандаш, Кулуну курук (Паш тигери)

'Жеребец хромой, Кобыла увечная, Стригунок кособокий, Жеребёнок тучный (Котёл (чугунная чаша), стоящий (стоящая) на треноге в виде камней)' (ТЗ: 607).

А. М. Соян справедливо отмечает, что *аскыр* ‘жеребец’, *бе* ‘кобыла’, *чаваа* ‘стригунок’ являются символами трех камней треножника. При этом, казалось бы, странный выбор характеризующих эпитетов *аскак* ‘хромой’, *бертик* ‘увечный’, *чандаш* ‘кособокий’ мотивирует взаимозависимость составных частей треножника: его устойчивость обеспечивается наличием всех трех элементов, каждый из которых сам по себе не может играть роль подставки под котел, да и отсутствие хотя бы одного компонента — разрушает всю конструкцию. «Данная загадка, — пишет автор, — имеет глубокий философский смысл. Можно интерпретировать, что в ней изображен образ семьи как единое целое, где имеются отец, мать и дети (старший и младший)» (Соян, 2023: 89).

Аналогичный принцип шифрования используется в тексте, где энigmatор синонимичен описательной части предшествующей загадки, а энigmat — омонимичен отгадке предыдущего текста. В описательной части данной загадки посредством зоонимического кода воспроизводится представление о семье, а в денотате подразумевается традиционный артефакт — приспособление для приготовления напитка, производящее (молоко), и производимое (молочная водка):

Аскыры аскак, Бези бертик, Чаваазы чандаш, Кунну курук (Бүлгээр, доскаар, хойтпак, арага)

‘Жеребец хромой, Кобыла увечная, Стригунок кривобокий, Жеребёнок полный (Деревянный перегонный аппарат, бочка, особым образом заквашенное молоко, молочная водка — арака)’ (ТЗ: 660).

Члены семьи в загадке наделяются характерными признаками и функциями, мотивирующими загаданный предмет. Например, облако-туча — это молоко, которое дает верблюдница, гром — рев верблюда, дождь — омут, а град — резвящийся верблюжонок:

Эдер-тудар эггиниг Эдип келир бууралыг, Санан четпес турумнуг, Дешкилен кээр бодаганныг (Булут, динмирээшкен, чаашкын, долу)

‘С верблюдницей, дающей молоко, С ревущим верблюдом, С бесчисленным омутом, С резвящимся верблюжонком (Облако, туча, гром, дождь, град)’ (ТЗ: 93).

Энигматический текст, в описательной части которого используется метафора детеныша, в качестве ее мотиватора (признака, общего для загадки и отгадки) используется размерный параметр (молодая особь меньше в размерах, чем взрослая) или процессуальный признак (характерные для детей и детенышей действия). Например, в загадке о традиционном украшении шапки в качестве мерила используется размер части тела верблюжонка: *Бош даг кырында бодаган хову Алдын сааскан соктап олур (Дүжүмет улустун чинзези)* ‘На вершине горы с коленную чашечку верблюжонка Золотая сорока, сидя, клюет (Шарик на шапке чиновников)’ (ТЗ: 1024).

Акциональный («действенный») код (Гудков, 2004: 39) используется для фиксации таких действий детенышей, как бег (быстрый и неутомимый), сосание / облизывание, непрерывные крики (ср.: плач для детей), частое мочеиспускание, пастьба (ср. с хождением на четвереньках у детей):

— *Кара богба¹ Хайыр чылгап тур (Чаныы-биле бижек чаныыры)* ‘Черный стригунок, Солонец облизывая, бегаёт (Точить нож на оселке (бруске, мягком точильном камне))’ (ТЗ: 948);

— *Дыннаажантын баарында Хурең чаваа киштеп тур (Кулак сыргазы)* ‘Перед слушающим бурый стригунок ржет (Серьга в ухе)’ (ТЗ: 537);

— *Хажызында кара анай сидиктеп чыдыр (Шууруун, арага)* ‘Сбоку чёрный козлёнок мочится (Деревянный перегонный аппарат, молочная водка — арака)’ (ТЗ: 657);

— *Ховуда кожундактыг бызаа чор (Өөк, джи)* ‘В степи попарно связанные телята пасутся (Пуговица, петля)’ (ТЗ: 529).

Таким образом, в тувинских загадках, в кодирующей части которых используются номинации детенышей, зоонимические образы репрезентируют принадлежность детской особи к роду, семье. Зоосемья, как правило, имеет структуру «взрослые особи (самец — самка либо самка — самец) — детеныш / детеныши разного возраста», другими словами, выделяются гендерные и социальные роли членов семьи, а дифференциация по возрасту, в отличие от загадок о человеке, периферийна. В то же время, как и в загадках с детскими образами, в текстах с образами детенышей постулируется тесная взаимосвязь всех членов семьи, особенно выделяется связь самки с детенышем. Метафоры детенышей наделяются признаками, актуальными для денотата — параметрическим ‘маленький’ или акциональным (бег, сосание, крик и др.).

¹ *Богба* — это жеребец или кобылица в возрасте от одного до двух лет (Даржа, 2003: 66).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд лингвокультурных особенностей репрезентации детства в тувинских энигматических текстах.

Во-первых, в тувинских загадках, содержащих наименование ребенка / детеныша, взаимодействуют разные культурные коды, особенно активно — антропонимический, зоонимический и предметный.

Во-вторых, и образы детей, и образы детенышей используются для трансляции этнически окрашенной модели семьи (рода), которая крепка единством ее членов, каждый из которых своеобразен и выполняет свою функцию. Особенно фиксируется связь «мать и дитя», «самка с детенышем».

В-третьих, в кодирующей части загадки детская метафора, как антропонимическая, так и зоонимическая, раскрывается признаком, общим для энигматического текста и энигматора, в качестве которого используется либо параметрический признак 'маленький', либо процессуальный. Если первый аналогичен для образов ребенка и детеныша, то второй — вариативен: при описании детей фиксируется такая активность, как питание материнским молоком, ползание на четвереньках, бег, катание, танцы, а для зоонимического кода — бег, сосание, крик, которые, впрочем, легко экстраполируются на детский мир человека.

В-четвертых, для обеих групп загадок характерна этнокультурная коннотация как кодирующей, так и закодированной части энигматического текста, обогащение метафоры-кода специфическими бытовыми реалиями, традициями, ритуалами.

В-пятых, различия в отражении мира детей и мира детенышей в тувинских загадках проявляются, в первую очередь, в том, что номинации ребенка используются в обеих частях энигматического текста, а наименования детенышей — только в тексте собственно загадки, иначе говоря, незрелые животные не являются денотатом-отгадкой. Это можно объяснить тем, что для паремии-загадки актуальным является различие разных этапов жизни человека, возрастных, гендерных и социальных особенностей, которые фиксируются и загадкой, и отгадкой. Различение возраста животных (особенно скота), жизненно важное в практической жизни тувинцев, отражено наличием в языке разных номинаций одного и того же животного в зависимости от возрастного статуса, однако это знание транслируется адресату загадки только в описательной части паремии, но не является ее темой.

Таким образом, загадки с наименованиями детей или номинациями детенышей характеризуются как общими, так и специфическими чертами.

Перспективы исследования видятся в изучении лингвокогнитивного аспекта репрезентации детства в разных паремиологических жанрах тувинского фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бидинова, А. К. (2015) Метафоры, обозначающие человека, в алтайских загадках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1 (28). С. 61–65.

Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бочина, Т. Г. (2024) Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 2. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Бочина, Т. Г. (2025) Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 305–320. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>

Бочина, Т. Г., Сян, Ц. (2013) Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. Серия «Филологические науки. Лингвистика». № 3 (33). С. 44–48.

Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Изд.-полиграф. отдел «Билиг». 212 с.

Гудков, Д. Б. (2004) Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 26. 168 с. С. 39–50.

Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН. 154 с.

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой эди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Ломакина, О. В. (2024) Концепт дети в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. № 1–2 (57). С. 58–62.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Митрофанова, В. В. (1978) Русские народные загадки. Ленинград : Наука. 178с.

Николаева, Т. Н. (2025) Представления о жизненном цикле человека в загадках // Эпосоведение. № 1 (37). С. 95–105.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Соян, А. М. (2024) Характеристики человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.7>

Соян, А. М., Ломакина, О. В. (2024) Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. № 1–2 (57). С. 103–107.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Чеснокова, О. С., Радбиль, Т. Б. (2024) Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 92–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Дата поступления: 23.02.2026 г.

Дата принятия: 21.05.2026 г.

REFERENCES

Bidinova, A. K. (2015) Metaphors denoting a person in Altai riddles. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 1(28), pp. 61–65. (In Russ.)

Bochina, T. G. (2023) Numerical and colour code as a component of Tuvan riddles about a person. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Bochina, T. G. (2024) The yurt and its details in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 125–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Bochina, T. G. (2025) Tuvan Riddles about Artifacts in a Linguo-Cognitive Aspect. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 305–320. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>

Bochina, T. G. and Syan, Ts. (2013) Axiology of age in Russian paremias. *Filologiya i kul'tura. Seriya "Filologicheskie nauki. Lingvistika"*, no. 3 (33), pp. 44–48. (In Russ.)

Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuvan people*. Kyzyl, Bilig. 212 p. (In Russ.)

Gudkov, D. B. (2004) Units of cultural codes: issues of semantics. In: *Language, consciousness, communication: collection of articles*. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, MAKSS Press. Issue 26. 168 p. Pp. 39–50. (In Russ.)

Darzhba, V. K. (2003) *The horse in the traditional practices of Tuvan nomads*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 154 p. (In Russ.)

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) *Khoi e'di* for Tuvans. Identity, comfort, responsibility. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

- Lomakina, O. V. (2024) The concept children in the system of traditional values of an ethnos (based on paremiological data of unrelated languages). *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2(57), pp. 58–62. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2013) *Tuvan tercet. The triad in Tuvan traditional culture*. Novosibirsk, SO RAN Publ. 138 p. (In Russ.)
- Mitrofanova, V. V. (1978) *Russian folk riddles*. Leningrad, Nauka. 178 p. (In Russ.)
- Nikolaeva, T. N. (2025) Ideas about the human life cycle in riddles. *Eposovedenie*, no. 1(37), pp. 95–105. (In Russ.)
- Soyan, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>
- Soyan, A. M. (2024) Characteristics of a person in Tuvan riddles (based on field and lexicographic data). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.7>
- Soyan, A. M. and Lomakina, O. V. (2024) The image of the yurt in Tuvan paremiology: a cognitive approach. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2(57), pp. 103–107. (In Russ.)
- Tuvans. Native people* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy, ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.)
- Chesnokova, O. S. and Radbil, T. B. (2024) Riddles about everyday life as a reflection of ethnocultural identity (on the example of Tuvan, Russian and Colombian riddles). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 92–109. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7>
- Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>
- Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian and Spanish riddles. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Submission date: 23.02.2026.

Acceptance date: 21.05.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.3.2

Статья

Этнохудожественные константы образа ребенка в творчестве современных тувинских писателей А. Ламажаа и Ч. Куулара

Гульчира Т. Гарипова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Сауле Т. Жарбулова

Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Республика Казахстан,

Элеонора Ф. Шафранская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье исследуются принципы и способы изображения образа ребенка в современной тувинской литературе на примере произведений А. Ламажаа и Ч. Куулара. Писатели в процессе художественного изображения образа ребенка соотносятся с этническими коррелятами, восходящими не только к обыденному миру, но и к обрядово-ритуальным традициям, и к историческим реалиям жизни тувинского народа.

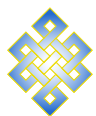
Художественные произведения, в которых главный герой — ребенок, выражающий авторскую мировоззренческую позицию, репрезентируют этнокультурные и универсальные мифологические, экзистенциальные и онтологические ценностные аксиомы. Персонаж-ребенок, как alter ego автора, проектирует особое понимание этнической культуры детства, связанной с традицией и общечеловеческими ценностями, которые определяют этнохудожественные константы его субъектной структуры.

В исследовании идентифицированы аксиологемы (дом, семья, земля), которые репрезентируются через прямые номинации и знаки (символы, архетипы) тувинской этнокультуры, являющиеся маркерами идеи преемственности поколений в анализируемых произведениях. Выявлено, что в прозе А. Ламажаа и Ч. Куулара понятие «память рода» организует модель «детского мира» через систему традиционных ценностей и ритуалов тувинской этнокультуры, формируя этнохудожественные константы образа ребенка. В их творчестве ребенок представлен как активный субъект национального миробытия, медиатор этнокультурной традиции, носитель коллективного опыта тувинцев, выразитель авторского экзистенциального сознания.

Ключевые слова: образ ребенка; родовая память; преемственность поколений; сакральное; мифопоэтика; тувинцы; тувинская литература; тувинская культура; культура детства; Анна Момбужаевна Ламажаа; Черлиг-оол Чашкынмаевич Куулар

Исследование выполнено в рамках проекта № 050119-0-000 (внутренний грант для инициативных тем фундаментальных НИР филологического факультета РУДН), реализованного на базе УОП (учебно-образовательного подразделения) «Кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН».

Для цитирования:

Гарипова Г. Т., Жарбулова С. Т., Шафранская Э. Ф. Этнохудожественные константы образа ребенка в творчестве современных тувинских писателей А. Ламажаа и Ч. Куулара // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 18-32. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.2>

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. Адрес: Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

Жарбулова Сауле Траровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, руководитель программы «Русский язык и литература» Кызылординского университета имени Коркыт Ата. Адрес: Республика Казахстан, 120014, Кызылординская область, г. Кызылорда, ул. Айтеке би, зд. 29а. Эл. адрес: zharbul@mail.ru

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор Института русского языка-ка Российского университета дружбы народов. Адрес: Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Article

Ethno-artistic constants of the image of the child in the works of contemporary Tuvan writers A. Lamazhaa and Ch. Kuular

Gulchira T. Garipova

RUDN University, Russian Federation,

Saule T. Zharbulova

Korkyt Ata Kyzylorda University, Republic of Kazakhstan,

Eleonora F. Shafranskaya

RUDN University, Russian Federation

The article examines the principles and ways of depicting the image of the child in contemporary Tuvan literature, using the works of A. Lamazhaa and Ch. Kuular as examples. In the process of artistic representation of the child's image, the writers correlate it with ethnic correlates that go back not only to the everyday world, but also to ritual traditions and to the historical realities of the life of the Tuvan people.

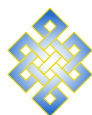
Artistic works in which the main character is a child expressing the author's worldview position represent ethnocultural and universal mythological, existential and ontological value axioms. The child character, as the author's alter ego, projects a particular understanding of the ethnic culture of childhood, associated both with tradition and with universal values, which determine the ethno-artistic constants of its subjective structure.

The study identifies axiologemes (home, family, land) that are represented through direct nominations and signs (symbols, archetypes) of Tuvan ethnoculture, which serve as markers of the idea of generational continuity in the works under analysis. It is revealed that in the prose of A. Lamazhaa and Ch. Kuular the concept of "ancestral memory" structures the "children's world" model through a system of traditional values and rituals of Tuvan ethnoculture, forming the ethno-artistic constants of the child's image. In their works, the child is presented as an active subject of national existence, a mediator of ethnocultural tradition, a bearer of the collective experience of the Tuvans, and an exponent of the author's existential consciousness.

Keywords: image of the child; ancestral memory; continuity of generations; sacred; mythopoetics; Tuvans; Tuvan literature; Tuvan culture; culture of childhood; Anna Mombuzhaevna Lamazhaa; Cherlig-ool Chashkynmaevich Kuular

Funding:

The study was carried out as part of project no. 050119-0-000 (an internal grant for exploratory fundamental research projects of the Faculty of Philology of RUDN University), implemented at the educational and academic unit "Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University."

For citation:

Garipova G. T., Zharbulova S. T. and Shafranskaya E. F. Ethno-artistic constants of the image of the child in the works of contemporary Tuvan writers A. Lamazhaa and Ch. Kuular. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 18-32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.2>

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7675-2570

ZHARBULOVA, Saule Trarovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Head, program "Russian Language and Literature", Korkyt Ata Kyzylorda University. Postal address: 29a Aiteke bi Str., Kyzylorda region, 120014, Republic of Kazakhstan. E-mail: zharbul@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6485-5452

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fyodorovna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710

Введение

Обращение к традиционным этническим ценностям является важнейшим качеством современной тувинской литературы. Именно эта интенция задает ключевой вектор художественного миромоделирования и формирования субъектной организации текста, психологических констант персонажной системы, в том числе и образа ребенка. В тувинской исследовательской культурной парадигме детская тема в ее социокультурном измерении очень актуальна (Кара-оол, 2015; Ламажаа, 2015ab, 2021; Майны, 2021; Ооржак, Бавуу-Сюрюн, 2020; и др.). В трудах ученых обозначены ценностные координаты культуры детства в этнической традиции. Исследователи отмечают, что не только семья, но и система образования в современной Туве привержены идеям этнокультурного воспитания.

В статье рассматриваются принципы репрезентации этнохудожественных констант образа ребенка в произведениях современных тувинских писателей. Новое поколение авторов, сохраняя преемственную связь с литературными традициями XX в., в большей степени ориентированными на социально-психологическую тематику, моделирует этническую картину мира в экзистенциальной оптике: так, этнокультурные координаты культуры детства в творчестве современных тувинских писателей позволяют по-новому взглянуть на эволюционный путь народа от древних времен до реалий XXI в. — в контексте судьбы ребенка.

В прозе А. Ламажаа¹ используются принципы сакрализации образа ребенка на основе древневосточных религиозно-философских систем (например, тенгрианства² и шаманизма). В рассказах Ч. Куулара³ ребенок представлен как носитель творческого дара и будущий хранитель культурных традиций рода.

Оба писателя акцентируют неразрывную связь человека и народа, детей и родителей. Герои-дети проходят важнейшие инициационные трансформации, связанные с ритуально-обрядовой мифологической традицией тувинского народа, в их образах репрезентируются цивилизационные, эпохальные, философские, этнокультурные ценности прошлого. Мы показываем, какие аспекты традиционной культуры в изображении детства сохраняются и развиваются в условиях глобализации и модернизации современного тувинского общества. Оба анализируемых нами автора пишут произведения на русском и тувинском языках, расширяя читательское поле и проектируя поликультурные уровни этнического восприятия. Роман «Дороги Серебряных шаманов» (2011) А. Ламажаа и рассказ «Мальчик с пупком земли» (2003) Ч. Куулара созданы на русском языке, рассказы «Проклятые судьбы» (1994) А. Ламажаа и «Шораан» (1990) Ч. Куулара — на тувинском языке. Анализ русскоязычных текстов и переводных версий произведений, написанных на тувинском языке, в рамках одного исследования обусловлен художественным билингвизмом писателей. Мы обращаемся к художественным переводам тувинских текстов, акцентируя при этом сюжетную, тематическую и интертекстуальную проблематику, не затрагивая языковую организацию текста, что позволяет избежать ошибок в передаче лексико-семантических значений в эквивалентных понятиях. Художественное двуязычие писателей и переводческая рецепция их оригинальных произведений играют важную роль в развитии этнокультурной и транскультурной российской литературы.

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью современной тувинской литературы в аспекте: образ ребенка как этнокультурный маркер (Тарбастаева, 2010; Ламажаа, 2015b: 55). Аналитика аксиологических констант персонажа-ребенка позволяет расширить представление о концептуальных ценностях тувинского народа, о его этнических идеях-концентрах родовой памяти и преемственности поколений.

Цель статьи — выявить этнохудожественные константы образа ребенка в контексте мифологической тувинской традиции и в соотношении с архетипом «божественное дитя» в концепции аналитической психологии К. Г. Юнга (Юнг, 1997).

¹ Ламажаа Анна Момбужаевна (1944 г. р.) — современная российская писательница, врач-эпидемиолог, родилась в Туве, пишет произведения на тувинском и русском языках, лауреат премии писательниц Тувы им. Барыкаан, член Ассоциации писательниц Республики Тува.

² В ином звучании — тенгризма, тангризма.

³ Куулар Черлиг-оол Чашкынмаевич (1940 г. р.) — народный писатель Республики Тыва, родился в Туве, литературный критик; был редактором журнала «Улуг-Хем», председателем правления Союза писателей Республики Тыва.

Задачи: рассмотреть этнохудожественные принципы изображения ребенка как персонажа-концентра¹ тувинской традиционной культуры детства; на уровне методов этнопоэтики и мифологического анализа образа божественного ребенка раскрыть этнохудожественные константы образа ребенка в произведениях А. Ламажаа; рассмотреть этнохудожественные константы образа ребенка в произведениях Черлиг-оола Куулара.

Объектом исследования выступают этнохудожественные константы образа ребенка с учетом их авторской жанровой, мифологической, этнокультурной репрезентации в произведениях А. Ламажаа и Ч. Куулара. Предмет исследования — этнохудожественные константы образа ребенка.

Новизна предлагаемой статьи заключается в том, что впервые предпринята попытка осмысления образа ребенка как центрального героя, своего рода *alter ego* автора, функционально выполняющего роль транслятора этнокультурной аксиологии «родовой памяти», медиатора сакральных знаний об истоках этнокультурной тувинской картины мира.

Теоретико-методологическую основу статьи составили исследования, посвященные изучению проблемы формирования традиционной и этнохудожественной аксиосферы (Панченко, 1986; Хализев, 2004), этнокультурной проблематики (Кагарлицкий, 1999; Элиаде, 2000; Геннеп, 2002; Батай, 2006; Шафранская, 2020); труды, на основе которых выстроена рабочая методология мифологического анализа (Мелетинский, 1976, 1998; Гачев, 1998; Гарипова, 2019; Тувинцы: Родные люди, 2022) и этнопоэтики (Jason, 1975; Nymes, 1994; Табакова, 2014; Зырянов, 2019; Захаров, 2020; Шафранская, Гарипова, 2023; Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, 2024; Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024).

Источниковая база — произведения современных тувинских писателей: А. Ламажаа (роман «Дороги Серебряных шаманок», рассказ «Проклятые судьбы»²), Ч. Куулара (рассказы «Мальчик с пупком земли»³, «Шораан»⁴).

Образ ребенка как концентр тувинской этнической культуры детства

Образ ребенка в тувинской литературе значим не только своими антропософскими смыслами, но в большей степени этнокультурными, связанными с традиционными тувинскими ценностями, особенно семейными. Как пишет Ч. К. Ламажаа, «ребенок (уруг, child) — в тувинских традициях это любимый родной маленький человечек, средоточие надежд и чаяний для родителей: продолжатель рода, мерило семейного богатства, благополучия, залог счастливой старости для человека. Это одна из главных ценностей в тувинской культуре» (Ламажаа, 2015а: 79).

В тувинской традиции мир отца связан с воспитанием в первую очередь мальчика, пространство для девочки формируется материнским аальным миром. Сам приход ребенка в мир семьи определяется древней родовой традицией (например, род шаманок или род охотников). Для тувинцев характерно особое отношение к рождению девочки, ее ждали в семье, приветствовали и даже готовили ее судьбу. Родители мальчиков иногда искали невесту для своего сына еще до ее рождения, словно приглашая девочку в мир. «Колыбельный стговор» предполагал выбор невесты на основе характеристики ее родителей. Так подчеркивалась преемственность родового мира в девочке⁵. Если мальчик и девочка были одногодками, то именно девочка считалась старшей. Этнологи традиции определенного гендерного равноправия объясняют условиями кочевого общества. Уже в детском возрасте закладываются принципы соотношения личной жизни с законами семьи и рода. (см.: Потопов, 1969: 266–278). По утверждению ученых, в педагогических взглядах тувинцев на становление и развитие человека важное влияние оказывают этнокультурные воззрения на преемственность этапов становления личности:

¹ Персонаж-концентр — герой художественного произведения, интегрирующий, вбирающий в себя ключевые константы этнокультурной традиции и отражающий их.

² Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок: Роман. Рассказы. М.: 4Принт, 2019.

³ Куулар Ч. Мальчик с пупком земли // Современная литература народов России. Т. 2. Книга 1. Проза. М.: Пик, 2003. С. 237–245.

⁴ Куулар Ч. Шораан // Аялга. Кызыл: ТНУЧ, 1990. С. 7–102; Куулар Ч. Шораан [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7376> (дата обращения: 12.01.2026).

⁵ См. подробно: Культура традиционной тувинской семьи: уч.-метод. пособие / отв. ред. А. С. Шаалы. Кызыл: Институт развития национальной школы, 2014. С. 31.

«Формируясь под влиянием наследственных факторов, среды и воспитания, личность человека в своем развитии проходит ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов, каждый из которых имеет свои особенности и характерные черты. <...> В обычной жизни возраст человека тувинцы делят на три этапа: утро жизни — детство (чаш, бичии үе); полдень — зрелость (улуг кижжи); вечер — старость (кырган назын). <...> В таком сопоставлении явлений природы и человеческой жизни скрыты стихийно-материалистические взгляды народной философии» (Волков, Салчак, Шаалы, 2009: 40).

Образ ребенка является важным для всей тувинской литературы с момента ее зарождения. В произведениях таких писателей XX в., как С. Тока (первая книга трилогии «Слово арата», повесть «В берестяном чуме»), С. Сарыг-оол («Повесть о светлом мальчике», рассказ «Огненная телега»), М. Кенин-Лопсан («Бабушкин календарь»), О. Сувакпит (рассказ «Зеленый патруль»), Э. Донгак (роман «Исчезнувшая девушка»), К.-Э. Кудажи (Литературные сказки, рассказ «Зеленый, синий и красный карандаши»), С. Пюрбю («Побасенки Шынаппая») и др., создавались яркие и запоминающиеся, психологически глубокие и сложные образы детей, соотносимые с тувинской народной картиной мира, отражающие традиционные принципы культуры детства и семьи (см.: История тувинской ... , 2013).

При исследовании этнохудожественных констант образа ребенка, концентрирующего традиционную аксиосферу этноса, на наш взгляд, важна аналитика на основе методов этнопоэтики, констатирующей важность связи с этнолингвистикой и фольклористикой (Зырянов, 2019: 11).

Художественная сакрализация образа ребенка приводит к акцентации ребенка-персонажа как феномена духовного, как знака проявления священного (небесного) в оптике концептуально-смыслового поля архетипа «божественное дитя» (Юнг, 1991: 68–70; 1997). В тувинской литературе сакрализация образа ребенка чаще всего соотносена с древними традициями посвящения, как личностного, так и семейного, родового. Персонажи соотносятся с такими характеристиками архетипа, как чудесное рождение, подверженность опасностям, сила духа, неуязвимость, двухмерность / амбивалентность (в значении божественное в человеке / человеческое в божестве), единство с первородной стихией, способность к бесконечному возрождению, мотив борьбы света и тьмы, мессианская задача, функция хранителя или спасителя.

Таким образом, многоплановое использование этнохудожественных констант, связанных с тувинской традиционной культурой детства и семьи, при изображении ребенка позволяет тувинским писателям акцентировать его как персонаж-концентр, интегрирующий, вбирающий в себя и отражающий этнокультурную модель мира тувинского народа.

Образ божественного ребенка в произведениях А. М. Ламажаа

Сакрализация образа девочки ярко представлена в произведениях «Проклятые судьбы» и «Дороги серебряных шаманок» Анны Ламажаа. Травматизм судьбы девочек из шаманского рода определяется самой историей XX в., детерминирующей разрушение древних этнокультурных традиций.

Исследуя трансформации женских образов кочевой культуры в произведении «Проклятые судьбы», входящем в цикл рассказов «Таинственные встречи», который «содержит идеи защиты природы, возвращения духовных святынь народа, призыв к возврату традиционных семейных ценностей кочевников» (Самдан, 2020: 232), исследователь З. Б. Самдан отмечает особую значимость образа ребенка в повествовании о родовом проклятии семьи Серебряных шаманок. Главная роль девочки Павлины, дочери и внучки шаманок, заключена в разрешении агонического конфликта добра и зла и возрождении будущего своего рода. Кульминационная встреча на родовом святилище Серебряных шаманок главных героинь с Духом-хозяином горы Богаалыг становится началом разрешения многовекового конфликта между шаманами-мужчинами и шаманами-женщинами. Образ черного шамана символически означает род шаманов-мужчин, стремящихся к возрождению своей власти. «Божественное дитя» девочка Павлина, обладающая даром спасителя, силой духа, дарованной ей шаманками семьи и первородной стихией, хранящая небесной волей, приводит свой род к победе.

В рассказе используются многочисленные описания традиционных ритуалов и обрядов, упоминание этнокультурных топосов, деталей повседневного быта, исторические реалии, символические

мифообразы. Важную роль выполняет онейросферическая система¹ видений и снов героинь, позволяющих встраивать в реальную историю жизни героев измерение коллективного сознания, что создает особую связь хронотопа прошлого и настоящего. Ключевыми этнохудожественными элементами поэтики становятся детали и онимы, связанные с женскими персонажами. Три поколения женщин шаманского рода объединены повторяющимся травматическим событием — потерей среднего пальца левой руки.

Левая рука играет особую роль в тувинской этикетной невербальной традиции. Знаком благодати считалась правая рука, которой вручались и принимались дары. Напитки гостю также подавали правой рукой, но пальцами левой придерживали локоть правой руки. При этом гость, «приняв пиалу, прежде чем пригубить напиток, окроплял им очаг хозяев безымянным пальцем правой руки, держа пиалу в левой. Это древний жест чажыг — жест жертвоприношения духу-хозяину жилища» (Кужугет, 2019: 21). Пальцы левой руки играют определенную роль и в традиционном гадании тувинских шаманов хуваанак. В отличие от большинства христианских и исламских традиций, в которых левая рука считалась «от нечистого» и пригодной лишь для выполнения причиняющих неудобства дел, в тувинской традиции именно левой рукой важно было совершать действия, открывающие путь. Например, лошадь управляется левой рукой, в юрту важно входить с правого края порога, но войлок откидывать левой рукой. Теряя палец на левой руке, серебряные шаманки лишались силы родового дара. Проклятие черного шамана перекрывало им путь предназначения.

Это событие — квинтэссенция родового проклятия, красной нитью проходящего и через все родовые инициационные сны героинь в возрасте 13 лет. Именно с травматической истории потери пальца девочкой Павлиной, представительницей третьего поколения шаманского рода, начинается рассказ. Концептуализация образа Павлины обозначена принципом нарушения родовых законов (вопреки традиции имя ей дал отец, а не старшие бабушки), что семантизирует трансформацию всей родовой системы:

«Когда Старшие Мамы его призвали к ответу за нарушение обычая, он, склонив голову с буйной шевелюрой, принес свои искренние извинения. Однако, подчеркнул он, смысл обычая был соблюден. Ведь он назвал дочь именем царственной птицы — “Павлина”. Старшие мамы, переспросив еще раз имя птицы на тувинском языке — “Алдын-доос”, вздохнули и успокоились, простив зятя»².

Нарушение родового закона со стороны отца запустило цепную реакцию изменений судьбы всего рода. Соблюдение традиции именованья обозначило знаковость образа Павлины, предназначением которой стало «досмотреть» родовой сон, обрести сокрытую тайну проклятия черного шамана и разрушить ее. Семантика образа ребенка предопределена и семиотикой имени. Этнокультурная интерпретация онима «павлин» варьируется в различных мифологических системах. У алтайских народов павлин часто выступает в роли тотемного знака с семантикой *вождь, глава рода, шаман*, который может передавать другим родам с тотемами птиц свою шаманскую силу. Именно подобную мессианскую роль и выполняет девочка Павлина, волею проклятой судьбы принеся в жертву свой дар музыканта во имя возрождения рода серебряных шаманок с птичьими именами к новой жизни.

Пророчество Великой матери, думающей на древнем наречии фарси³ — «Пусть теперь ты станешь родоначальницей нового рода, владеющего великими знаниями природы»⁴ — детерминирует главные этнохудожественные константы образа девочки Павлины, связанные не только с тувинской мифологической традицией, но и с персидской. Птица павлин считается священной и связана с культами солнца и космоса в ирано-персидской культуре. В древнеперсидской традиции, основанной на зороастрийской мифологии, павлин является тотемическим знаком дуалистической природы человека, но в то же время символом разрешения агонического противостояния Ангри-майну

¹ Онейросферическая система (от др.-греч. *ὄνειρος* ‘сновидение’) — совокупность образов сна и бессознательного (архетипов, символов, мифологем), особых измененных состояний сознания, посредством которых человек постигает глубинные смыслы бытия.

² Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок... С. 270.

³ Там же. С. 302.

⁴ Там же. С. 299.

(сила зла) и Ахурамазды (сила добра), и обретения единства и целостности¹. В религии езидов, представляющей синтез зороастризма, иудаизма, суфизма, ислама и христианства, ангел в облике павлина является центральным божеством, именуемым Малак Таус.

В рассказе экзистенциальное личное разворачивается в оптике родового сакрального, изображаемого в системе ритуально-обрядовой сюжетной линии, которая связана с описанием тувинских шаманских традиций. В этом плане рассказ «Проклятые судьбы» образует единство не только с сюжетной линией романа «Дороги Серебряных шаманок», но и с принципом изображения образа ребенка — девочки, выполняющей мессианскую роль сохранения родовой памяти.

В романе образ главной героини сакрализуется еще до рождения, которое становится первым посвящением-инициацией в череде обрядов перехода. В процессе трансформаций присваивается дополнительное имя: Чаянмаа; Чооду Анна Болатовна; Маша, дочь Амырта-дарги; Нюра, Анна, Аня; Чаинка; Толуй Анна; Иоанка, Иоанна, Иоаннушка; Толуй Чаянмаа Болатовна. При рождении героиню нарекают тувинским именем Чаянмаа (*чаян* 'судьба'), наделяя ее сразу знаками родовой предначертанности стать шаманкой. Исследовательница Н.А. Токарева отмечает важную роль *форм* тувинского имени, которые отражают «не только внутренний мир главной героини на определенной стадии ее жизни, но и даже мир вокруг — жизнь Тувы» в разные ее периоды (кочевой, советский, перестроечный) (Токарева, 2022: 162).

Ономастикон женских имен создает особую заданность хронотопу романа как сакральному женскому тувинскому миру с семантикой тайных знаний и шаманских культов. Каждое имя дано не случайно и имеет свое значение. Например, бабушку зовут *Мөнгүн-Баштыг* — 'Сереброголовая', ее сводную сестру *Алтынай* — 'Золотая' и др. Мир рода Серебряных шаманок противостоит энтропийному миру новой действительности, разрушающей родовые законы и традиции тувинского миробития. З. Б. Самдан выделяет особую связь пути главной героини с судьбой тувинского этноса в оптике ключевых фронтиров «обрядов перехода»: «Выделены четыре этапа эволюции образа женщины кочевой культуры: зарождение — становление — трансформация — утверждение образа. Они соответствуют эволюции от образа женщины-защитницы природы; женщины-хранительницы традиционных ценностей семьи; женщины-хранительницы традиционных ценностей рода и до образа женщины современной формации, хранительницы исторической памяти рода и этноса» (Самдан, 2020: 229).

Сюжетную основу составляет жизнь трех поколений рода Серебряных шаманок, фиксируемых тремя женскими образами: прабабушки *Ак-Баштыг* — 'Белоголовой', бабушки *Мөнгүн-Баштыг* — 'Сереброголовой', внучки *Чаянмаа* — 'Получившей Дар'. По замыслу автора романа судьба каждой из них и всего рода Серебряных шаманок в целом есть символическая проекция судьбы всего тувинского мира в переломные периоды истории (от образования Тувинской Народной Республики и до 2000-х гг.): «Жизнь и судьба каждого человека имеет свою единственную неповторимую линию. <...> Но какой бы она ни была особой, индивидуальной, ей не миновать общей судьбы своего народа, своей страны»².

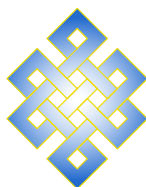
Описанная в первых двух частях романа судьба девочки Чаянмаа может быть определена как сильная смысловая позиция в акцентации сакральности родового мира. Семантику сакральности и катарсичности рождения маленькой шаманки усиливает экспозиция романа, определяемая годом Белого Дракона, соответствующего предвоенному 1940-му году, и хронотопом кочевья: «...они переехали на прохладные летние стоянки — чайлаги, расположенные на таежном высокогорье, на широкой "спине" Драконова Хребта»³.

Улу 'Дракон' в тувинском фольклоре считается сверхъестественным существом Верхнего мира, а иногда и Нижнего. Такая амбивалентная семиотика словно предопределила маргинальное пространство и события романа. На пересечении времени перехода и жертвенного места, имеющего сакральное значение Оваа, под знаком Белого Дракона, часто символизирующего в шаманской практике «внутренний огонь», представительница рода Серебряных шаманок, Долума преждевременно

¹ См. подробно: Тотем Спентамана — Павлина в мифах, легендах, преданиях [Электронный ресурс] // Зороастрийцы Санкт-Петербурга. URL: <https://www.zoroastrian.ru/index.php/node/2807> (дата обращения: 11.01.2026).

² Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок... С. 9.

³ Там же. С. 10.

на перевале родила дочь. Среди всех природных элементов, с которыми человек живет и тесно связан, стихия огня является наиболее важной. Тувинцы рассматривают огонь как семейное божество, защищающее род, и верят, что существует бог огня, поэтому ему необходимо в соответствующее время совершать обряд жертвоприношения¹.

Обряд *от-дагыры*, связанный с очищением семьи огнем, как правило, проводит самый сильный шаман. Обряд призван принести семье счастье. Рождение девочки до срока в семье потомственных шаманок под знаком Дракона, вопреки законам природы, означает неслучайность ее прихода в этот мир. Она знак высшей милости и предопределенности одновременно конца и начала для своего рода. Сакрализация героини усилена за счет травматизации опыта рождения: умирает бабушка, мать отца Болата, в день рождения вершины гор покрываются туманом, начинается грозовая буря, молния. Лошадь сбросила беременную Долуму, словно по велению свыше обозначив место и время рождения самой сильной шаманки в роду. Дракон забрал в качестве жертвоприношения жизнь отца новорожденной девочки, предопределив ей не только миссию шаманки, но и защитницы своей семьи. Исполнилось пророчество старшей шаманки в роду, Белоголовой, завершившей свой личный 60-летний цикл жизни, передавшей полномочия Сереброголовой:

«Так родился третий ребенок в семье, которая потеряла в этот же момент кормильца. Девочка появилась раньше срока на два месяца.

Сбылось пророчество покойной, старой шаманки племени, которую все почтительно величали Ак-Баштыг — Белоголовой. <...> Род шаманок, наследуемый по женской линии, прервется на той, пуповину которой перережет мужской нож. Это будет началом нового шаманского рода по мужской линии. Белоголовая также предрекла распад и конец своего племени, исчезновение тувинской государственности»².

Приход в мир девочки-шаманки обозначил грядущую родовую и историческую эсхатологию семьи и страны. Это не было проклятием, это стало началом перехода рода на новый уровень. Духи как основа сакрального в шаманских культурах трактуются как «энергии», или «энергетические потоки» (Харитоновна, 2016: 189). Семья вынуждена была прервать женскую шаманскую энергию рода, противоречащую историческим реалиям мира-катастрофы, прервать, чтобы спасти девочку-шаманку, по древнему предсказанию обреченную замкнуть «созидательный круг — Божественный промысел»³. Ее священный дар превратился в жертву, которую род Серебряных шаманок принес эпохе. Род Серебряных шаманок должен вернуться к истокам. В эпоху Чингисхана начинался он как род Великого шамана под знаком Белого Тенгри.

«Шаманская болезнь» не обошла Чаянмаа стороной, она владела многими сакральными знаниями и способностями, видения преследовали и пугали ее. Шаманский дух в ней крепчал, сила вызревала. Проведенный раньше времени обряд первого посвящения трансформировал в ней родовой дар. Бабушка погасила шаманскую энергию, но не уничтожила ее:

«Силу ее не отнимешь. Не я ей это дала, это дар Божий. Пусть Всевышний решает, когда ей вернуть силу... <...> Лучше ей стать эмчи — врачом, пусть сила уходит на это. Если не использовать, не применять в жизни дар, можно свихнуться»⁴.

Судьба Чаянмаа — закончить родовой круг женского шаманства, пожертвовать даром небес во имя начала нового родового круга мужского шаманства — стала одновременно знаком сакрализации образа девочки и десакрализации ее великого дара. Она, словно мученица, взяла на себя миссию Разрушителя и Спасителя одновременно. Только великая духовная сила могла помочь ей реализовать эту мессианскую родовую задачу.

Второе посвящение совместило ритуал трансформации шаманской силы в энергию возрождения рода, его новой судьбы. Сакральная амбивалентность «энтропии-возрождения» стала судьбой маленькой девочки как отражение судьбы всего тувинского мира. Одним из ярких приемов сакрализации становится традиционная одежда тувинцев, в которую одевают Чаянмаа при посвя-

¹ См.: Сарыглар Ч. Ш. Культ семейного очага у тувинцев-номадов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 370–371.

² Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок... С. 12–13.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 29.

щении, она подчеркивает ее инаковость, но не имагологического качества¹, а особого, посвященного, — она не Чужая, а именно Иная в сакральном значении неофита. С этого момента девочка приобщается к родовому миру избранных. Пророчество старой шаманки-бабушки звучало как проклятие и как сакральное пророчество будущего для всего рода, нации:

«Она пропела алгыш, затем четко произнесла по-тувински:

— Да пусть минует тебя чаша шаманки, с тебя снимется наша доля труда.

Пусть начнется с тебя, нашей новой родоначальницы — путь мужчин-шаманов, которым мы уступаем свое место и время. Наступает время передачи великих древних знаний мужскому. Пусть их путь будет белым, как молоко!

Пусть закроются наши женские храмы-пещеры до прихода их смены. <...>

— Эту девочку — будущую Великую мать, родоначальницу мужской линии великих шаманов, Мать-Земля, прими под свою защиту! Отец-Тенгри — Великое небо, огради ее от черных сил!

Раздался оглушительный гром.

— Великий Дракон, определи ей хранителя-защитника, личного ээрена!»²

Девочку лишили шаманского будущего, но передали под покровительство Великого Тенгри, что сохраняло ее мессианскую роль Хранительницы рода, его Берегини. Воплощением женского начала в тенгрианстве является богиня Умай, которая отвечает за плодородие. Образ женщины с золотыми или серебряными волосами соотносится с семиотикой рода Серебряных шаманок. Девочка Чаянмаа обретает новую способность — не провидицы, а Спасительницы рода, она обретает силу проводника воли Небес, она может сделать человека счастливым и помочь ему найти свое место в жизни. Найдя себя в профессии врача, она продолжает реализовывать родовое предназначение Дарительницы жизни.

Сакрализация образа девочки выстраивается в контексте семантики «хранительницы рода», соотнесенной с важнейшей фигурой тенгрианства Богиней-матери Умай, жены Тенгри, символом плодоносящей Земли, покровительницы женщин. Чаянмаа, как и героиня Павлина в рассказе «Проклятые судьбы», представлена как медиатор между верхними и нижними мирами, выполняющий задачи богини Умай. В обоих произведениях важным является молитвенный дискурс — обращения к Тенгри-небу. Небо — та грань, которая соотносит судьбы человека, рода и божественного бытия. Семиотика предела также конгениальна значениям понятия «эсхатос» (пребывание на краю), но имеет выраженный смысл не провиденции, а историософской энтропии человеческого рода. Героини-девочки словно пребывают на границах сакрального и профанного миров, вбирая в свой травматический опыт детства кармические задачи всей семьи-рода.

Таким образом, в произведениях А. Ламажаа этнохудожественные константы образа ребенка выстраиваются в контексте тенгрианства, мифологической тувинской традиции шаманизма и в соотнесении со значениями юнгианского архетипа «божественное дитя». В рассказе «Проклятые судьбы» и романе «Дороги Серебряных шаманок» героини девочки могут быть идентифицированы как персонажи-концентры тувинской традиционной культуры детства. Семантическое поле образа ребенка включает в себя этнокультурные аспекты миробытия, сочетая в едином образе-судьбе компоненты историософии XX в., традиций этоса, сакральное ритуально-обрядовое искусство, индивидуально-мистический опыт и личные переживания автора.

Этнохудожественные константы образа ребенка-творца в произведениях Черлиг-оола Куулара

В ряде произведений, с выраженной народной мировоззренческой философией, тувинского писателя Ч. Куулара особую психологическую нагрузку выполняет образ ребенка. Он соотносится с та-

¹ Имагология (от лат. *imago* 'образ') — область гуманитарных наук, изучающая проблемы функционирования образов «своего» и «чужого». Различение профанного и сакрального восприятия Другого подчеркивает *инаковость* особого, посвященного героя (*Иного*, но не обязательно *Чужого*), что вскрывает фундаментальную разницу между двумя типами чуждости.

² Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок... С. 56.

кими константами архетипа «божественное дитя», как небесный дар, символ будущего. Ребенок-персонаж, как правило, физически немощен, но предстает как носитель особой духовной силы, наделенный творческим даром.

Первая прозаическая книга писателя «Мелодия гор»¹ (1985) повествует о жизни слепого тувинского композитора Солаана Базыр-оола. Писатель большое внимание уделяет фольклору, не только изучает и собирает его, но и активно использует в моделировании этнокультурной художественной картины мира. Продолжая тему творческого дара, в 1990-м г. писатель опубликовал повесть «Шораан», которая, по мнению Е. Т. Чамзырын,

«для тувинской детской прозы стала новаторской. В ней впервые появилось тонкое понимание психологических особенностей подростка, умение точно передать сложные движения его души. В сюжете произведения отчетливо ощущается ее фольклорная основа, кажется, есть что-то от легенды и народной притчи. Вместе с тем традиционное воззрение переосмысливается автором и наполняется новым — в духе времени — содержанием» (Чамзырын, 2020: 36).

Судьба героя, слепого мальчика с уникальным музыкальным даром, выстраивается в системе народной ценностной аксиосферы в виде характеристики героя, личностных ценностей и авторской позиции. Разворачивая образ ребенка в парадигме судьбы-травмы, писатель создает особое катарсическое поле для репрезентации духовного прозрения героя. Именно оно помогает ему преодолеть личное горе и прожить не жалкую жизнь больного человека, а наполненную смыслом судьбу талантливого музыканта:

«Какими необыкновенными звуками наполнен мир! Эту переправу называют Сайлыг-Сарыг. Река здесь мелкая и широкая. Быстрый поток на своем пути сглаживает множество камней. Отец говорил, что река берет начало на высокогорье Урбун, где блестят белые, как молоко, льдины. Среди камешков, которыми я играю, есть белые, синие, желтые, красные. А для меня окружающий мир — темнота. Мои друзья восхищаются чудесными оттенками камней. Значит, в них скрыта какая-то таинственная радость, да? Когда начнут видеть мои глаза, тогда и я смогу понять эту радость»².

Писатель разрушает «темный мир» незрячего мальчика за счет погружения его в пространство звуков, ощущений, эмоций родной природы, фольклора, окружающих людей. Преодолевая свою физическую слепоту, Шораан начинает ценить свой талант, видя в нем божественное благословение. Этот дар он несет людям, через него обретает силу и счастье.

Важнейшим этнокультурным маркером идеи силы народной традиции становится легенда о слепом музыканте Дембилдее, которую рассказывает дед Сандак. Слушая ее, слепой мальчик чувствует в себе силу рода и обретает уверенность, что и он сможет преодолеть трудности, прозревая смысл радости творческой жизни, став ее активным участником. Важно, что его восприятие мира формируется в системе традиционных представлений тувинцев о природе, семье и обществе. Он воспринимает природу как живое существо, эмоциональное и духовное взаимодействие с ней становится способом обретения своей силы. Судьба мальчика отражает одновременно трагедию и силу человеческого духа перед лицом физических ограничений, позволяя понимать авторские размышления о смысле жизни, предназначении человека и взаимосвязи поколений.

В рассказе Ч. Куулар «Мальчик с пупком земли» образ ребенка разворачивается в контексте архетипа «героя пути», чей духовный рост неразрывно связан с освоением родового наследия. Цель этого пути — пройти инициацию и, преодолев испытания, вернуться домой (метафорически это — родовое лоно, истоки этнического мира и сознания), обретя духовное просветление. Главные опасности на этом пути — разрыв связи поколений и потеря родовой памяти, обида на мир и потеря своего предназначения.

«Меня воспитала бабушка Манмаа из рода Куулар. По отцу я бы должен носить фамилию Ооржак. Этому противилась бабушка... <...> Предки наши почитали древний обычай, так и Ооржаки отдали меня бабушке вместо ее дочери.

¹ Куулар Ч. Мелодии гор: Повести и рассказы. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1985.

² Куулар Ч. Шораан [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7379> (дата обращения: 12.01.2026).

В знак того, что я родился на дороге, мне дали имя Черлиг-оол. “Чер” — земля, суффикс “лиг” придает значение — с землей или с пупком земли; “оол” — мальчик, так можно расшифровать мое имя. Ой, как нелегко досталось мне оно! Свидетельство о рождении выдавали в 1949 году, когда мне было уже 9 лет. Вместо буквы “г” написали по слуху “к” и исказили значение имени: вместо “мальчика с землей” получилось очень оскорбительное — “дикий”»¹.

Ключевой мотив произведения семантизируется фразеологизмом *пуп земли* (в значении *центр мира*), который служит центральной метафорой, разворачивающей 1) тему преемственности поколений, реализуемую через семантику имени героя, подчеркивающего его роль как наследника и хранителя родовой памяти и 2) идею связи человека с природой и родной землей, обозначающую суть родовой составляющей процесса взросления. Космологическое понятие центра мира в различных религиозно-мифологических традициях, представляющее источник жизненной энергии и точку соприкосновения человечества с космосом, выстраивается в контексте этнической традиции. Топологически в каждой религиозно-мифологической традиции есть свой «пуп земли»: у древних греков — это омфалос, каменный объект в Дельфах, у христиан — место храма Гроба Господня (на середине прямой линии, которая соединяет алтарь православного кафедрального собора и Кувуклию, часовню, построенную над Гробом Господним), Мекка у мусульман, тибетская гора Кайлас у буддистов и т. д. Этот мотив традиционно присутствует в шаманских верованиях народов Сибири и Центральной Азии. Для тувинских писателей земля и природа выступают важнейшими элементами самоидентификации, подчеркивающими единение человека с окружающим миром.

Писатель создает особый сакральный хронотоп для своего героя, описывая его мир, он воспроизводит уникальные образы священных мест, ассоциирующиеся с древними обычаями и ритуалами. В рассказе игнорируется второе переносное значение иронического фразеологизма «пуп земли», означающего человека с доминантой эгоцентрической энергии «самости», самоуверенного и заносчивого. Конфликт героя и окружения, смеющегося над мальчиком, связан с искажением именно сакральной семантики имени в свидетельстве о рождении. Судьба «мальчика с пупком земли» представляется в рассказе как метафора судьбы всего тувинского мира, чьи исконные традиции и образ жизни были разрушены в процессе исторических преобразований XX в.

Мальчик проходит сложный путь познания и защиты права носить с гордостью истинное родовое имя. Герой проходит главную экзистенциальную инициацию и получает дар слова, возможность писать историю своего народа в книгах. Травматическое рождение мальчика на дороге, в год Дракона, затем смерть матери Дары, отдавшей все свое тепло жизни сыну, предопределили и его особую функцию родового замещения. Он смог продолжить не только линию отцовского рода, но и получить право на сохранение рода матери. Созидательная сила семьи помогает ему сохранить внутреннюю гармонию, ощутить свою близость родной земле и противостоять издевкам. Писатель раскрывает внутреннюю силу мальчика, заключенную в познании природных стихий и литературы. В этом он ощущал свое предназначение. Ему помогают старшие герои — бабушка, владеющая древними сакральными народными знаниями, и учительница, открывшая мир книг. Слившиеся стихии природы и знаний сделали из него поэта:

«С этого дня наглухо закрылись мои уши для злых прозвищ. Передо мной шумел Тихий океан из книжки, такой голубой, и над ним мерцали тайные звезды.

Я стал поэтом»².

Образ мальчика в рассказе «Мальчик с пупком земли» демонстрирует важнейшие идеи современной тувинской литературы — тесную связь человека (с детских лет) и народного сознания, коллективную память как единственный путь обретения своего истинного родового имени и получения судьбы-предназначения.

Таким образом, Ч. Куулар в рассказах «Шораан» и «Мальчик с пупком земли» репрезентирует образ ребенка с творческим даром в соответствии с этнохудожественными константами тувинской культуры детства. Наиболее яркими становятся образы мальчиков, в этом проявляется автобиографическая интенция, позволяющая писателю использовать личный опыт своего детского становления. Персонажи мальчики изображаются как носители этнического наследия, хранители

¹ Куулар Ч. Мальчик с пупком земли... С. 238.

² Там же. С. 240.

традиций и обычаев своего народа. Герои-дети обретают высший дар творчества, и в этом проявляется родовой закон судьбы-предназначения, заключенный в сохранении вековой народной мудрости, которая передается от старшего поколения детям.

Заключение

В произведениях современных тувинских писателей А. Ламажаа и Ч. Куулара этнохудожественные константы образа ребенка соотносятся с мифологической тувинской народной традицией (в частности, тенгрианством и шаманизмом) и с архетипическими значениями «божественное дитя». Эстетическая задача персонажа ребенка, концентрирующего в себе этнокультурную традицию, дефинируется как принцип моделирования тувинского мира в художественном нарративе. Трансформация религиозно-мифологических образов в сакральные концепты этнокультуры, встроенные в систему субъектной матрицы образа ребенка, становится основным способом его аксиологизации.

В произведениях А. Ламажаа обнаруживаются принципы сакрализации образа девочки на основе этнокультурных ценностных констант: «единство с первородной стихией», «преемственность поколений», «память рода», «бессмертие, способность к бесконечному возрождению», «агоническая борьба света и тьмы». Этнохудожественные константы персонажей-девочек выстраиваются в соотнесении с символикой архетипа «божественное дитя», с акцентом на значениях: «проявление особой мудрости, присущей детскому взгляду на мир», «связь между земным и небесным мирами», «возможное возрождение и воскрешение». Сюжетная линия произведений с главной героиней девочкой построена на основе нарратива судьбы-травмы. Образ ребенка функционирует как центр родовой памяти и условие сохранения национальной истории.

Семантическое поле образа ребенка в рассказах Ч. Куулара определяется аксиосферой тувинского народного мироустройства — сохранение и продолжение ценностей этнокультурного мира, возрождение родовых традиций. Образы персонажей-мальчиков содержат в себе или реальное биографическое начало, связанное со знаковыми для тувинской культуры личностями (например, повесть «Мелодия гор» и рассказ «Шораан»), или автобиографическое начало, усиливающее идею родовой связи, памяти и предназначения как высшего творческого дара (например, рассказ «Мальчик с пупком земли»). Образ мальчика несет дидактическую нагрузку, представляя образец воспитания нравственных качеств с детства, истинных законов этнокультурной морали. В оптике детского взгляда читатель знакомится с миром взрослых ценностей и норм поведения. Образ ребенка становится символом чистоты души, искренности чувств и способности видеть мир иначе — не замутненным обыденностью и условностями взрослого мира взглядом. Детство представлено как особый период экзистенциальной и родовой инициации, отмеченный восприимчивостью к миру вокруг себя.

Художественный образ ребенка в творчестве современных тувинских писателей А. Ламажаа и Ч. Куулара раскрывается через призму тувинской традиции, подчеркивая ее уникальность и значимость для сохранения этнокультурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батай, Ж. (2006) Проклятая часть: Сакральная социология / пер. с фр.; сост. С. Н. Зенкин. М. : Ладомир. 742 с.
- Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Билиг. 212 с.
- Гарипова, Г. Т. (2019) Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. Т. 5. № 5. С. 467-474. DOI: <https://www.doi.org/10.33619/2414-2948/42/69>
- Гачев, Г. Д. (1998) Национальные образы мира: курс лекций. М. : Академия. 432 с.
- Геннеп, А. ван (2002) Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М. : Восточная литература. 198 с.
- Захаров, В. Н. (2020) Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. № 3. С. 7–19. DOI: <https://www.doi.org/10.15393/j9.art.2020.8382>
- Зырянов, О. В. (2019) Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. № 1 (55). С. 8–15. DOI: <https://www.doi.org/10.26170/FK19-01-01>

История тувинской литературы (2013) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН. Т. 1: Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 263 с.

Кагарлицкий, Ю. (1999) Сакрализация как прием: Ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. № 38. С. 66–77.

Кара-оол, Ч. А. (2015) Детский фольклор периода младенчества в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 130–135.

Кужугет, А. К. (2019) Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX–XX в.). Кызыл : Изд-во ТувГУ. 70 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015a) Ребенок в тувинской культуре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 79–89.

Ламажаа, Ч. К. (2015b) Ребенок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Майны, Ш. Б. (2021) Семейный обряд *хылбык дой* городских тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 76–88. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.

Мелетинский, Е. М. (1998) Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М. : РГГУ. 576 с.

Ооржак, С. С., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.8>

Панченко, А. М. (1986) Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: сб. ст. / редкол.: М. Б. Храпченко и др. М. : Наука. 335 с. С. 236–250.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Самдан, З. Б. (2020) Трансформация образа женщины кочевой культуры в тувинской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 228–239. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.16>

Табакова, З. П. (2014) Этнопоэтика: предмет исследования и этнопоэтический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (336). С. 198–206.

Тарбастаева, И. С. (2010) Тувинская семья — традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 2. С. 259–267.

Токарева, Н. А. (2022) Художественные функции тюркизмов в современном художественном тексте (на материале романа А. М. Ламажаа «Дороги серебряных шаманок») // Молодые ученые в инновационном поиске: сб. науч. ст.: в 2 ч. / отв. ред. И. В. Метлушко. Минск : МГЛУ. Ч. 2. 296 с. С. 159–165.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хализев, В. Е. (2004) Теория литературы. М. : Высшая школа. 405 с.

Харитонов, В. И. (2016) Сакральность и сакрализация: социокультурные контексты современности (введение к специальной теме номера) // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 185–190. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/2312461X/14/10>

Чамзырын, Е. Т. (2020) Нравственные проблемы и этапы становления главного героя в повести «Шораан» Ч. Куулара // Казанская наука. № 9. С. 35–38.

Шафранская, Э. Ф. (2020) Современная русская литература: иноэтнoкультурная проблематика. М. : Юрайт. 194 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2023) Мифомодели национального бытия в романе Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» // Филология и культура. Philology and Culture. № 4 (74). С. 111–119. DOI: <https://www.doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-111-119>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Кешфиудинов, Ш. Р. (2024) Транскультурная литература XXI века. М. : Юрайт. 235 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 121–134. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Элиаде, М. (2000) Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / пер. с фр. М. : Ладомир. 414 с.

Юнг, К. Г. (1991) Архетип и символ / предисл. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. М. : Ренессанс. 297 с.

Юнг, К. Г. (1997) Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание / сост. и авт. предисл. П. С. Гуревич. М. ; Назрань : Олимп : АСТ. 398 с.

Hymes, D. (1994) Ethnopoetics, Oral-Formulaic Theory, and Editing Texts // Oral Tradition. Vol. 9. № 2. P. 330–370.

Jason, H. (1975) Ethnopoetics, a Multilingual Terminology. Jerusalem : Israel Ethnographic Society. 90 p.

Дата поступления: 23.01.2026 г.

Дата принятия: 13.03.2026 г.

REFERENCES

Bataille, G. (2006) *The accursed share: Sacred sociology*. Transl. from French; ed. S. N. Zenkin. Moscow, Ladomir. 742 p. (In Russ.)

Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuva people*. Kyzyl, Bilig. 212 p. (In Russ.)

Garipova, G. T. (2019) The phenomenon of integral thinking and the development of innovative methods of literary studies in the modern scientific paradigm. *Byulleten' nauki i praktiki*, vol. 5, no. 5, pp. 467–474. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.33619/2414-2948/42/69>

Gachev, G. D. (1998) *National images of the world: A course of lectures*. Moscow, Akademiya. 432 p. (In Russ.)

Gennep, A. van (2002) *Rites of passage: A systematic study of rites*. Transl. from French by Yu. V. Ivanova, L. V. Pokrovskaya. Moscow, Vostochnaya literature. 198 p. (In Russ.)

Zakharov, V. N. (2020) The idea of ethnopoetics in contemporary research. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 3, pp. 7–19. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.15393/j9.art.2020.8382>

Zyryanov, O. V. (2019) The problem-methodological field of contemporary ethnopoetics. *Filologicheskii klass*, no. 1(55), pp. 8–15. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.26170/FK19-01-01>

History of Tuva literature (2013) Ed. by K. A. Bicheldei. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN. Vol. 1: Origins. Literature of the Tuva People's Republic (1921–1944). 263 p. (In Russ.)

Kagarlitskii, Yu. (1999) Sacralization as a device: Resources of persuasiveness and influence of imperial discourse in Russia of the 18th century. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 38, pp. 66–77. (In Russ.)

Kara-ool, Ch. A. (2015) Infant folklore in the traditional culture of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 130–135. (In Russ.)

Kuzhuguet, A. K. (2019) *Traditional etiquette of Tuva people in the context of ethical culture (based on the works of travellers and scholars of the late 19th–20th centuries)*. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 70 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2015a) The child in Tuva culture. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 79–89. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2015b) The child and childhood in Tuva culture: Traditions and modernity. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Children for Tuva people: Changes in attitudes under sociocultural transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Mainy, Sh. B. (2021) The family rite khylyk doi of urban Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Meletinskii, E. M. (1976) *Poetics of myth*. Moscow, Nauka. 407 p. (In Russ.)

Meletinskii, E. M. (1998) *Selected papers. Memoirs*. Ed. by E. S. Novik. Moscow, RGGU. 576 p. (In Russ.)

Oorzhak, S. S. and Bavuu-Surun, M. V. (2020) Vocabulary of rites for protecting children's lives in the Tuva language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.8>

Panchenko, A. M. (1986) Topics and cultural distance. In: *Historical poetics: Results and prospects of the study: a collection of articles*. Ed. board: M. B. Khrapchenko et al. Moscow, Nauka. 335 p. P. 236–250. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of Tuva people*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2020) Transformation of the image of the woman of nomadic culture in Tuva literature (on the example of the works of A. M. Lamazhaa). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 228–239. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.16>

Tabakova, Z. P. (2014) Ethnopoetics: Subject of research and ethnopoetical analysis. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (336), pp. 198–206. (In Russ.)

Tarbastaeva, I. S. (2010) The Tuva family: Traditions and modernity. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 259–267. (In Russ.)

Tokareva, N. A. (2022) Artistic functions of Turkisms in the contemporary literary text (based on the novel *Roads of the silver shaman women* by A. M. Lamazhaa). In: *Young scholars in innovative search: Collection of scientific papers: in 2 parts. Part 2*. Ed. by I. V. Metlushko. Minsk, MGLU. 296 p. Pp. 159–165. (In Russ.)

Tuvans. Native people (2022) Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 360 p. (In Russ.)

Khalizev, V. E. (2004) *Theory of literature*. Moscow, Vysshaya shkola, 405 p. (In Russ.)

Kharitonova, V. I. (2016) The sacred and sacralization: Sociocultural contexts of modernity (introduction to the special topic of the issue). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 185–190. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.17223/2312461X/14/10>

Chamzyryn, E. T. (2020) Moral problems and stages of the protagonist's formation in the novella *Shoraan* by Ch. Kuular. *Kazanskaya nauka*, no. 9, pp. 35–38. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2020) *Contemporary Russian literature: Issues of other-ethnic culture*. Moscow, Yurait. 194 p. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. (2023) Mythomodels of national existence in Salavat Yuzeev's novel *Do not interrupt the dead*. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, no. 4 (74), pp. 111–119. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-111-119>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Keshfidinov, Sh. R. (2024) *Transcultural literature of the 21st century*. Moscow, Yurait. 235 p. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) Discovering Tuva through the Orientalist lens (Sergei Mintsov and Otto Menchen-Helfen). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 121–134. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Eliade, M. (2000) *Selected works: The myth of the eternal return. Images and symbols. The sacred and the profane*. Transl. from French. Moscow, Lodomir. 414 p. (In Russ.)

Jung, C. G. (1991) *Archetype and symbol*. Foreword by A. M. Rutkevich; notes by V. M. Bakusev et al. Moscow, Re-nessans. 297 p. (In Russ.)

Jung, C. G. (1997) *The divine child: Analytical psychology and education*. Compiled and with a foreword by P. S. Gurevich. Moscow, Nazran, Olimp, AST. 398 p. (In Russ.)

Hymes, D. (1994) Ethnopoetics, Oral-Formulaic Theory, and Editing Texts. *Oral Tradition*, vol. 9, no. 2, pp. 330–370.

Jason, H. (1975) *Ethnopoetics, a Multilingual Terminology*. Jerusalem, Israel Ethnographic Society. 90 p.

Submission date: 23.01.2026.

Acceptance date: 13.03.2026.

Метафора и сравнение как средства выражения культурных кодов в произведении С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу»

Джемма Б. Аманжолова

Astana IT University, Республика Казахстан,

Любовь С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Адия Т. Каиржанова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются метафоры и сравнения как средства объективации зооморфного и духовного кодов культуры в повести-дилогии тувинского писателя С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления языковых механизмов трансляции традиционной картины мира в произведении. Выбор метафоры и сравнения в качестве основных инструментов анализа обусловлен тем, что они признаны базовым механизмом концептуализации мира.

Сплошная выборка примеров из повести подтвердила, что именно эти языковые средства являются доминирующими при репрезентации исследуемых культурных кодов. Эмпирическую базу составили около 200 контекстов.

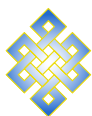
Показано, что зооморфный код реализуется через развернутые сравнения с детенышами животных, нулевые сравнительные конструкции, магические и ритуальные уподобления. Духовный код раскрывается через когнитивные модели концепта «сүнезин» 'душа': душа как неодушевленный объект, как вещество, как контейнер и как одушевленная сущность.

Сделан вывод о том, что метафора и сравнение выступают не только изобразительными средствами, но и ключевыми механизмами объективации культурных кодов, моделирования традиционного мировосприятия и взросления героя.

Ключевые слова: тувинская литература; Степан Агбанович Сарыг-оол; код культуры; зооморфный код; духовный код; картина мира; метафора

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23486380 «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту»).

Для цитирования:

Аманжолова Д. Б., Кара-оол Л. С., Каиржанова А. Т. Метафора и сравнение как средства выражения культурных кодов в произведении С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 33-46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.3>

Аманжолова Джемма Болатовна — кандидат филологических наук, ассистент-профессор Школы общеобразовательных дисциплин Astana IT University. Адрес: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, пр. Мангилик Ел, 55/11, С1. Эл. адрес: J.Amanzholova@astanait.edu.kz

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: lkaraool61@mail.ru

Каиржанова Адия Тасболатовна — доктор наук (PhD), ведущий специалист Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: kairzhanova16@gmail.com

Metaphor and comparison as means of expressing cultural codes in S. A. Saryg-ool's work "Angyr-ooldung toozhuzy"

Jemma B. Amanzholova

Astana IT University, Republic of Kazakhstan,

Lyubov S. Kara-ool

Tuvan State University, Russian Federation,

Adiya T. Kairzhanova

Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes metaphors and comparisons as means of objectifying zoomorphic and spiritual cultural codes in the dilogy-novella "Angyr-ooldung toozhuzy" ("The Story of the Bright Boy") by the Tuvan writer S. A. Saryg-ool. The relevance of the study is determined by the need to identify the linguistic mechanisms of transmitting the traditional worldview in the work. The choice of metaphor and comparison as the main analytical tools is due to their recognition as a basic mechanism of conceptualizing the world.

A continuous sampling of examples from the novella has confirmed that these linguistic means are dominant in the representation of the cultural codes under study. The empirical base consists of about 200 contexts.

It is shown that the zoomorphic code is realized through extended comparisons with animal young, zero comparative constructions, and magical and ritual likenings. The spiritual code is revealed through cognitive models of the concept "sünezin" 'soul': the soul as an inanimate object, as a substance, as a container, and as an animate entity.

It is concluded that metaphor and comparison function not only as figurative devices, but also as key mechanisms for objectifying cultural codes, modeling the traditional worldview, and representing the protagonist's coming of age.

Keywords: Tuvan literature; Stepan Agbanovich Saryg-ool; cultural code; zoomorphic code; spiritual code; worldview; metaphor

Funding:

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant no. AP23486380 "Turkic languages of Kazakhstan in the context of spiritual modernization of society: from graphics to epic text").

For citation:

Amanzholova J. B., Kara-ool L. S. and Kairzhanova A. T. Metaphor and comparison as means of expressing cultural codes in S. A. Saryg-ool's work "Angyr-ooldung toozhuzy". *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 33-46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.3>

AMANZHLOVA, Jemma Bolatovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, School of General Education Disciplines, Astana IT University. Postal address: C1 55/11 Mangilik El Ave., Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: J.Amanzholova@astanait.edu.kz

ORCID: 0000-0002-3153-5169

KARA-OOL, Lyubov Salchakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head, Department of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: lkaraool61@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9270-2912

KAIRZHANOVA, Adiya Tasbolatovna, PhD, Leading Specialist, Scientific Research Institute of Turkology and Altaics, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000. E-mail: kairzhanova16@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9005-412X

Введение

Из всех жанров детской литературы именно повесть о детстве имеет наиболее давнюю и устойчивую традицию, уходящую корнями в автобиографическую прозу XIX в. (в европейской литературе Ч. Диккенс «Дэвид Копперфилд», «Оливер Твист»; в русской — С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» и т. д.). В XX в., по мнению О. С. Октябрьской, на основе традиционных признаков (психологизм, интерес к внутренним переживаниям и автобиографизм) сформировался особый жанр — «роман (повесть) о взрослении и становлении характера героя» (Октябрьская, 2016: 56), в котором важно было показать «социализацию ребенка в процессе усвоения традиционных и одновременно новых ценностных ориентиров» (там же: 57).

Одним из наиболее ярких образцов такого жанра является дилогия тувинского писателя Степана Агбановича Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике», 1959–1967), которую исследователи называют «энциклопедией тувинской жизни»¹. Творчество писателя давно стало объектом детального научного анализа в работах исследователей (Палкина, 1979; Самдан, 1987; Очур, 2007, 2011; и др.). В произведении «Аңгыр-оолдуң тоожузу» образ ребенка служит проводником в мир традиционной тувинской культуры: перед читателем проходят сцены охоты, скотоводства, семейных обрядов, народных верований.

Однако не только сюжет и система персонажей делают это произведение энциклопедичным, но и сам язык повествования. О строе художественной речи, так же как и о качествах главного героя, об оценке прекрасного и отвратительного, пишет Р. Палкина: «все несет в себе отсвет фольклорной традиции, все является художественно преломленным выражением народных оценок» (Палкина, 1979: 101). Исторические и этнографические реалии, фольклорные вкрапления (легенды, предания, песни) и обилие метафор погружают читателя в колоритный мир народной культуры, раскрывая внутренние переживания героя, тонко чувствующего и по-особому воспринимающего окружающую его действительность.

Главный герой произведения С. А. Сарыг-оола — мальчик-сирота Аңгыр-оол. Оставшись без родителей, он попадает в чужую семью, где ему предстоит заново выстраивать отношения с людьми, доказывать свое право на место в роду, учиться кочевому труду (пасти скот, охотиться и т. д.). Сюжет движется через цепочку испытаний к взрослению: от страха и неуверенности — к принятию ответственности, от одиночества — к осмыслению традиций рода и законов общества. В сущности, автор описывает, как ребенок осваивает три главных объекта познания, которые вслед за В. В. Красных можно назвать «фундаментальными сферами бытия», т. е. самого себя (свое тело, эмоции, поступки), окружающий мир (пространство кочевья и предметы, его заполняющие) и время (циклы природы, возрастные переходы, ритм обрядов) (Красных, 2001: 7). Однако эти сферы даны не в отвлеченном виде, а пропущены через культурные коды тувинской (шире — тюркской) традиции.

Как известно, еще А. Я. Гуревич ввел в научный оборот понятие «категорий культуры», образующих «основной семантический “инвентарь” культуры» (Гуревич, 1972: 16). В современной лингвокультурологии эта идея получила развитие в работах В. В. Красных, которая предложила развернутую типологию культурных кодов (Красных, 2001: 5), понимая под кодом категориальную систему, структурирующую картину мира. В нашем исследовании мы опираемся на эту работу.

Культурный код существует не сам по себе, а находит конкретное вербальное выражение, он неразрывно связан с базовыми концептами культуры. Поскольку код является продуктом коллективного сознания, его декодирование предполагает наличие общих фоновых знаний у автора и читателя. В языке такими вербальными маркерами культурных кодов выступают, в частности, метафора и сравнение — к их анализу мы и обратились.

В рамках типологии В. В. Красных мы выделяем два релевантных для нашего материала культурных кода: биоморфный (зооморфный) и духовный. Биоморфный (зооморфный) код связан с осмыслением мира через образы животных, их повадки, внешность и поведение; он отражает архаичные представления о тотемных предках, охотничьей магии и месте человека в природе. Духовный код, в свою очередь, репрезентирует сакральную сферу — мифологические персонажи, религиозные представления, ритуалы и верования, формирующие ценностно-смысловое ядро этнокультуры.

¹ Калзан А. К. Восхождение к высотам // Улуг-Хем. 1969. № 10. С. 191–196.

Их выбор обусловлен тем, что в повести С. А. Сарыг-оола они не только наиболее частотны, но и находятся в тесном взаимодействии, поскольку традиционное мировоззрение тувинцев не противопоставляет, а связывает природный и сакральный миры.

Таким образом, *цель статьи* — определить, как метафора и сравнение служат средствами вербализации зооморфного и духовного кодов культуры в повести С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу». В соответствии с целью в статье ставятся следующие задачи: а) уточнить содержание понятия «культурный код» и его двойственную природу; б) выявить и проанализировать метафоры и сравнения, объективирующие зооморфный код в повести С. А. Сарыг-оола; в) выявить и описать метафорические модели, репрезентирующие концепт *сүнезин* ‘душа’ в рамках духовного кода.

Настоящее исследование выполнено в русле лингвокультурологии и когнитивной лингвистики и посвящено анализу метафор и сравнений как средств объективации культурных кодов в художественном тексте. Материалом исследования послужил оригинальный тувинский текст дилогии С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу»¹, цитаты из которого мы даем в нашем переводе на русский язык, привлекая также и перевод М. Ганиной из издания «Повесть о светлом мальчике» 1974 г.² для верификации интерпретации сложных фрагментов оригинала, содержащих культурно-специфичную лексику и образные средства. В случае расхождения переводческих решений с нашей интерпретацией мы указываем на это в комментариях.

Методом сплошной выборки из обоих изданий было извлечено около 200 фрагментов текста, содержащих метафоры и сравнительные конструкции с зооморфной и духовно-морфологической семантикой. Полученный материал анализировался с помощью методики В. В. Красных по выделению базовых культурных кодов, а также с применением концептуального анализа в русле теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона для выявления когнитивных моделей концепта «душа» (Лакофф, Джонсон, 2004). Привлекались также описательный, контекстуальный и компонентный методы; для интерпретации тувинских реалий — прием лингвокультурологического комментирования с опорой на этнографические источники.

Культурный код и его двойственная природа

Понятие «код» пришло в лингвокультурологию из семиотики, где оно традиционно понимается как система знаков и правил их комбинирования, обеспечивающая передачу, хранение и интерпретацию информации. Однако, как справедливо отмечает Ю. М. Лотман, в гуманитарной сфере код и язык не являются взаимозаменяемыми понятиями: «Язык — это код плюс его история» (Лотман, 2010: 15). Иными словами, в отличие от абстрактного кода, язык включает в себя не только формальную структуру, но и культурную память, закрепленную в значениях слов и устойчивых выражениях. Именно эта историческая и культурная наполненность делает возможным переход от семиотики к лингвокультурологии, где предметом изучения становится то, как культурные смыслы кодируются в языковых единицах и как они затем декодируются носителями определенной лингвокультуры.

Ключевым для нашего исследования является понятие культурного кода в трактовке В. В. Красных (Красных, 2001). Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, несут универсальный характер, однако их конкретная реализация в каждой культуре глубоко специфична и обусловлена национальным менталитетом. Мы опираемся на выделение автором шести базовых кодов: соматического (телесного), пространственного, временного, предметного, биоморфного и духовного (там же: 6). Остальные коды (например, кулинарный) являются частными разновидностями базовых культурных кодов. Каждый из этих кодов представляет собой систему координат, через которую человек осмысляет себя, мир и свое место в нем. Важно подчеркнуть, что эти коды не существуют изолированно: в реальном тексте и в сознании носителя культуры они переплетаются, накладываются друг на друга, создавая многомерную смысловую ткань.

Вместе с тем мы считаем необходимым уточнить, что биоморфный код культуры охватывает всю сферу живого и включает две основные разновидности: *зооморфную* (мир животных) и *фитоморф-*

¹ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2021.

² Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М. Ганиной. М.: Современник, 1974.

ную (мир растений). В настоящем исследовании мы сосредоточиваемся на первой из них, поскольку в повести С. А. Сарыг-оола именно зооморфные образы составляют основу художественной системы.

Как показал анализ материала, зооморфный код объективируется в языке прежде всего через зоонимы — наименования животных (волк, конь, олень, медведь, птицы). В художественном тексте зоонимы выполняют не только номинативную, но и характеризующую функцию. Образ животного становится основой для оценки человека, его поступков или ситуации в целом, при этом значимыми оказываются те свойства, которые закреплены в народном восприятии за тем или иным животным. Как подчеркивают О. М. Холомееенко и М. М. Сарыева, зооморфный код присутствует в любой культуре и связан с «архетипическими представлениями о мире животных <...>, которые сосуществуют с миром человека» (Холомееенко, Сарыева, 2023: 23), а актуализация этих смыслов происходит прежде всего через метафору и сравнение. При этом вторичное значение зоонимов является специфическим для каждого культурного сообщества и формируется под влиянием географических, климатических и хозяйственных условий. Для тувинцев, традиционно занимавшихся скотоводством и охотой, такими значимыми животными выступают олень, конь, марал, медведь, корова, собака, а также мелкие пушные звери и птицы.

Духовный код, вслед за В. В. Красных, понимается нами как система нравственных ценностей и эталонов культуры, включающая такие ключевые оппозиции, как «добро — зло», «свой — чужой» и т. п. (Красных, 2001: 15). Одним из центральных элементов этого кода выступает концепт «душа», который относится к числу ключевых, организующих как внутренний мир человека, так и его отношения с сакральной сферой. Как показала А. Е. Оксенчук, многие образы души восходят к архаическим представлениям о ее способности покидать тело, странствовать и переселяться (Оксенчук, 1996).

Культурный код, как уже отмечалось, имеет двойственную природу: он существует одновременно как система внеязыковых смыслов и как их языковая объективация. При анализе прозы, описывающей традиционный уклад, эта двойственность становится особенно значимой, поскольку многие реалии повседневной жизни (тип жилища, способы ведения хозяйства, формы социального взаимодействия) выступают не просто деталями быта, а знаками, несущими глубокий культурный смысл. В вербальной форме эти знаки находят выражение в концептуальных метафорах, сравнениях, фразеологизмах, которые, по замечанию М. Л. Ковшовой, не случайны, они «являются именами не реалий... а культурных знаков, т. е. реалий, получивших культурное переосмысление» (Ковшова, 2016: 174–175). Таким образом, любое сравнение (явное или скрытое, т. е. метафорическое) можно рассматривать как свернутый культурный код, ключ к которому лежит в коллективном опыте народа.

Для выявления когнитивных моделей, организующих тувинский концепт *сүнезин* 'душа', мы обращаемся к теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Лакофф, Джонсон, 2004). Согласно данной теории, метафора является не стилистическим приемом, а фундаментальным когнитивным механизмом, посредством которого абстрактные понятия осмысляются через конкретные сферы опыта (сферы-источники). Применительно к нашему материалу это означает, что концепт *сүнезин* 'душа' в тувинской культуре может быть реконструирован через те сферы-источники, которые регулярно используются для его языковой объективации (свет, полет, огонь и др.). Такой подход позволяет перейти от описания отдельных метафор к выявлению устойчивых когнитивных моделей.

В современной лингвокультурологии метафора и сравнение рассматриваются как ключевые механизмы вербализации культурных и лингвокультурных кодов, поскольку именно они обеспечивают переход от абстрактных ценностно-образных схем к их языковому воплощению¹. Если культурные коды, понимаемые как типизированные способы членения, категоризации и оценки мира в рамках определенной культуры, «прорастают» в язык через устойчивые образные модели, которые структурируют повседневный и художественный дискурс, то концептуальная метафора в этом контексте описывается как основная когнитивная модель, связывающая сферы-источники и сферы-мишени таким образом, что в языковой форме фиксируются не только индивидуальные, но и коллективно разделяемые представления о теле, пространстве, времени, животных, вещах и т. д., то есть реализации соответствующих культурных кодов (Холомееенко, Сарыева, 2023; Ковшова, 2008).

¹ Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2012.

Ряд исследований прямо трактует метафору как форму культурного кодирования. Так, О. А. Сви́репо показывает, что устойчивые метафорические модели выступают «кодами культуры», поскольку задают стандартизированные, социально распознаваемые способы интерпретации ключевых сфер человеческого опыта¹. В обзорах, посвященных культурным и лингвокультурным кодам, подчеркивается, что особую роль играют образные коды, а метафора описывается как основной механизм их вербальной реализации (Павлишак, 2016; Баранова, Кучеренко, 2023). В работах по вторичной номинации и фразеологии (Ковшова, 2008; Маркова, 2017) показано, что метафорические прозвища, фразеологизмы и устойчивые эпитеты строятся по культурно закрепленным моделям — пищевым, соматическим, зооморфным и др., — что позволяет интерпретировать их как языковые проявления соответствующих культурных кодов.

Сравнение, будучи формально более явным, чем метафора, также оказывается важным носителем культурного кода. Исследования грамматических конструкций, выражающих отношение сходства, демонстрируют, что выбор «эталона» для сравнения (с чем именно сопоставляется человек, явление или ситуация) опирается на культурно значимые признаки и образцы, тем самым выводя на поверхность конкретные коды (например, зооморфный, вещественный и др.) (Берестнев, 2017). В работах о языковых средствах функционирования культурных кодов в пространстве текста² подчеркивается, что систематически повторяющиеся метафоры и сравнительные конструкции образуют сеть образных корреспонденций, которые структурируют текст как носитель культурной памяти и обеспечивают узнаваемость «своих» образов и сюжетов для носителей данной культуры (Доманский, 2024). Таким образом, анализ метафор и сравнений в художественных и фольклорных текстах позволяет реконструировать не только отдельные концепты, но и лежащие за ними культурные и лингвокультурные коды, задающие общие правила «чтения» мира внутри конкретной культурной традиции.

Как показал анализ научной литературы, в тувиноведении культурные коды изучались на обширном материале фразеологии, паремииологии и оронимии (напр.: Бочина, 2023). В работе Т. Х. Назынчап и Н. С. Доржу рассматривалась художественная трансформация национальной картины мира через систему символических образов в романах Сарыг-оола и Н. Доможакова³. В исследовании Т. Очур предложена трактовка образов-символов как «кода познания центрально-азиатской коллективной памяти» (Очур, 2007: 192). В работах Н. Д. Сувандии неоднократно отмечалась особая роль зооморфной лексики в фольклоре и традиционной культуре (Сувандии, 2013, 2016). По мнению исследователя, тувинские охотники табуировали прямые названия зверей, заменяя их эвфемизмами, что связано с верой в то, что «звери являются собственностью хозяина тайги — духа» (Сувандии, 2016: 139). В повести Сарыг-оола эти архаические представления находят отражение в речи персонажей. Кроме того, как отмечает А. М. Мягкова, перенос «животное → человек» может нести как положительные, так и отрицательные коннотации, а «в основе такого переноса — сходство с каким-либо животным на уровне его отдельных признаков» (Мягкова, 2017: 4).

В настоящей статье мы сосредоточимся на двух кодах — зооморфном и духовном, — анализируя их через метафоры и сравнения в повести С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдун тоожузу». Остальные (соматический, пространственный, временной и предметный) будут упомянуты лишь в той мере, в какой они, пересекаясь, создают сложную картину взаимодействия культурных кодов.

Репрезентация зооморфного культурного кода

Зооморфный культурный код занимает центральное место в языковой картине мира, репрезентируемой в повести тувинского писателя С. А. Сарыг-оола. Исследуя данное произведение, мы обнаруживаем, что образы животных и их детенышей активно используются автором не только для прямого описания охотничьего быта, но и для характеристики внутреннего мира человека, его эмоций, социальных связей и духовных практик.

¹ Сви́репо О. А. Метафора как код культуры: дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002.

² Мартинов А. С. Культурные коды и языковые средства их функционирования в тексте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.

³ Назынчап Т. Х., Доржу Н. С. Художественная трансформация национальной картины мира: символические образы в романах С. Сарыг-оола и Н. Доможакова // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 460–463.

Из собранных нами фрагментов (около 200), содержащих метафоры и сравнения, 58% (116 примеров) репрезентируют зооморфный культурный код. Среди этих фрагментов количественно доминируют сравнения — 79 единиц (что составляет более 60% от всех зооморфных репрезентаций).

Сравнение. Важнейшим лингвистическим инструментом для выражения сравнения и уподобления в тувинском языке служат сравнительные конструкции. Специальное исследование С. Б. Олчат-оол, выполненное на материале повести С. А. Сарыг-оола, выявило более полутысячи компаративных единиц, из которых доминирующими являются послелог *дег* 'как, подобно' и *ышкаш* 'словно, будто, вроде' (Олчат-оол, 2017: 96–97). Действительно, наша выборка также показала, что на подобные конструкции приходится большая часть всех примеров. Эти средства создают развернутую сеть образных параллелей между миром человека и миром живой природы.

Одним из наиболее частотных приемов в повести является сравнение человека с детенышем дикого или домашнего животного. Примечательно, что при этом автор использует форму с посессивно-притяжательным сочетанием с *-оглу* 'сын, дитя', что само по себе антропоморфизует животное и усиливает семантику беззащитности:

«Бир-бир бодаарга, чоокта чаа тудуп эккелген адыг оглу-даа ышкаш, арнын, караан чажырныр, улут баштыг, сыдыгыр карактарын шала чивеңнеткилеп, хүлүмзүрүй аарак чугаалапканда, сеткилиниң ха-нызындан хөөрээр, ынчаарда шырайы чымчап, топтуг кыннып кээр»¹

‘Иногда подумаешь: он, словно только что пойманный медвежонок, прячет лицо и глаза, большеголовый, чуть прищурив свои узкие глаза, когда начинает говорить с легкой улыбкой, то радуется из глубины души, и тогда лицо его смягчается, становится основательным’ (выделено курсивом нами, здесь и далее без отдельных упоминаний перевод наш. — Авт.).

Метафора. Другой пример, где детеныш животного служит признаком для описания сиротства и разобщенности родственников:

«Бо-ла бар алышкы, угбашкы бистер ада-ие өлүп — “аза сарты” апаргылааш, уязын үерге үреткен күске оолдары дег, тоо быдарап, каш-каш чылда бот-бодувусту көрүшпес чоргулаан бис...”²

‘Вот все мы, родня — и старшие, и младшие, — когда родители умерли, стали словно “сироты-скитальцы”, как мышата, которых бросили учить плавать в своем же гнезде, — рассеялись кто куда, годами не видели друг друга...’.

Как видим, в примере автор использует развернутое сравнение, которое порождает метафору *уязын үерге үреткен* ‘учить плавать в гнезде’. Такая метафора передает состояние детей-сирот, оставленных без наставников, которые не могут найти свое место в мире. Зооморфная номинация здесь служит не столько характеристике внешности, сколько моделированию социального и экзистенциального опыта, что соответствует наблюдению О. М. Холомееенко и соавтора о том, что зоонимы активно используются для описания эмоционального состояния и характера (Холомееенко, Сарыева, 2023: 23).

Наряду с образами детенышей, в повести широко представлены сравнения со взрослыми животными, которые обычно несут положительную оценочную нагрузку. Так, например, в обращении матери к сыну:

«Ой дадайым, мээң оглумнуң кончуун! Кончуг-ла эрес кижидир! Эзир-ле-дир. Эрезимни! Орланым-ны! Кайгалымны!»³

‘О сыночек мой, какой храбрец! Быстрый мой! Орел настоящий! Орел мой! Гордость моя!’

В этом фрагменте отсутствует эксплицитный сравнительный показатель, но зооним *эзир* ‘орел’ употреблен в предикативной позиции (*Эзир-ле-дир* ‘Орел настоящий’), что представляет собой нулевую сравнительную конструкцию, где эталон приравнивается к предмету через именное сказуемое. Орел в тувинской культуре — священная птица, связанная с верхним миром, с духами-покровителями охотников и воинов. Кроме того, с образом орла в тувинской культуре тесно связано явление национальной борьбы *хуреш* и исполняемого ее участниками танца орла (*девиг*).

¹ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 2021. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 18.

Как показано в исследовании Т. Г. Рабенко и Ц. С.-Б. Нурзет, в обыденном сознании носителей тувинского языка *эзир* 'орел' устойчиво ассоциируется с борцом хуреш, а его полет уподобляется танцу, который борцы исполняют, подражая птице (Рабенко, Нурзет, 2023: 93–94). Эта связь закреплена и в языке: например, устойчивые выражения, такие как *эзир дег девиш* 'танцует, как орел', фиксируют глубокую культурную значимость этого образа (там же: 94). В произведении метафорическое отождествление ребенка с орлом — это не просто комплимент, а пожелание, чтобы он вырос зорким, сильным и свободным. По сути, здесь зооморфный код работает как инструмент воспитания и трансляции ценностей.

В повести можно увидеть примеры магической функции зоонимов. Так, в эпизоде, где бабушка ласково называет Ангыр-оола *ыдым* 'моя собачка', мальчик недоумевает: разве можно человека называть собакой? («Чоп кижини “эниим”, “ыдым” дээр чүвөл, кырган-авай?» 'Почему человека “моим щенком”, “моей собакой” называют, бабушка?'). Бабушка объясняет:

«...эник, ыттан аза-бук коргар боорга, оларны сенээ келбезин дээш ынча дээрим ол-дур ийин»¹

'Щенок, потому что злые духи (аза-бук) боятся собак, чтобы они к тебе не приходили, я так и говорю'.

Здесь зооним *ыт* 'собака' используется не в сравнительной конструкции и не для описания внешности, а в вокативной форме с магической прагматикой. Как известно из этнографических исследований, тувинцы верили, что собака отпугивает злых духов (Сувандии, 2016: 139). Называя ребенка *ыдым*, бабушка не столько уподобляет его собаке, сколько совершает речевой защитный акт, стремясь передать ребенку свойства животного-оберега. Тем самым зооморфный код смыкается с духовным кодом культуры, а также с практиками табуирования и эвфемизации.

Зооморфный код — это система культурных маркеров, в которой образы и свойства животных используются для осмысления человека, его поступков, социальных отношений, ритуалов. В традиционных культурах, включая тувинскую, зооморфизм часто проявляется в магических практиках, верованиях и приравнивании человека к скоту в обрядовых контекстах (например, свадьба). В повести С. А. Сарыг-оола встречается такой фрагмент:

«Мен ынчан ооң ужурун-даа эки билбес мен ийин, соонда дыннап чоруурумга, ол болза өске черге — чатка баар кыс-биле кады ооң соңгу аал-чуртунуң кежик-буяны эдерип чоруй барбазын дээш, дедир кыйгырып ап турганнары ол чүвөл иргин. Шаанда улус хары кижээ малын-даа бээрде, коданан үнгелек чорда, “кежиктеп” алып турган — ындыг караң чүдүлгелер бар чүвө-дир. Оозун бодап көөрге, күжүр Долбанмы, өреге берген мал-даа ышкаш, шуут-ла дедир ээлбес кылдыр үдээни ол-дур ийин»²

'Я тогда, наверное, и не знал хорошо этой причины, а потом, когда услышал, оказалось, что это они кричали в ответ, чтобы та девушка, которая идет в другую сторону (замуж), не унесла с собой счастье и благополучие ее родного северного стойбища. В старину люди, когда отдавали чужому человеку даже свой скот, выводя его из загона, брали себе “кежик” (счастливую долю / откуп) — такие темные верования есть. Если поразмыслить, то несчастную Долбанму, словно скотину, отданную в приданое, навсегда заклини, чтобы не возвращалась обратно'.

Отметим, что в переводе М. Ганиной упускается эта культурно значимая метафора:

«Тогда не будет плодиться скот и в покинутую счастьем юрту придут мор и болезни. Так же, между прочим, полагалось поступать, когда продавали скот»³.

В этом варианте перевода отсутствует упоминание обряда и самого акта заклинания (*үдээни*), что влечет за собой потерю глубинных культурных смыслов оригинала.

В данном фрагменте зооморфный код реализуется сразу на двух уровнях. Во-первых, на уровне обрядовой (ритуальной) практики: девушка, уходящая замуж в другое стойбище, ритуально уподобляется скоту, отдаваемому чужому, — родня совершает магическое действие *кежиктеп*, чтобы «счастье и благополучие» не ушли вместе с нею. Во-вторых, на уровне прямого сравнения: «*күжүр Долбанмы, өреге берген мал-даа ышкаш*» 'несчастную Долбан, словно скотину, отданную в приданое' — невесту заклиняют не возвращаться обратно. Как видим, здесь репрезентируется традиционное понимание, в котором женщина в обрядах типа свадьбы утрачивает право на возвращение в «свое» пространство.

¹ Там же. С. 46.

² Там же. С. 245.

³ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974. С. 131.

Таким образом, зооморфный культурный код в повести С. А. Сарыг-оола реализуется через развитую систему сравнительных конструкций и метафорических номинаций. В повести зооморфный код выполняет не только характеризующую функцию (описание внешности, поведения персонажей), но и участвует в репрезентации глубинных экзистенциальных смыслов. Вместе с тем зооморфный код в повести не существует изолированно. Он активно переплетается с соматическим кодом, духовным кодом (*аза-бук* 'злой дух', *сүнезин* 'душа'), пространственным («свое — чужое»). Это подтверждает тезис В. В. Красных об отсутствии жестких границ между кодами культуры (Красных, 2001: 6).

Репрезентации духовного кода

В традиционном тувинском мировоззрении *сүнезин* ('душа') понимается как уязвимая жизненная сила, способная покидать тело, странствовать и подвергаться воздействию злых духов. Как отмечает М. Б. Кенин-Лопсан, согласно традиционным воззрениям,

«у каждого малыша есть душа, по-тувински — *уруг куьду*. Душа еще нерожденного ребенка находится у матери. Местонахождение души ребенка до трех лет — это: *бүкүлээш* — темя, *кавай* — колыбель, *чөргек* — пеленка, *чучак* — пальтишко, *бопук* — обувь, *ойнаарактар* — куклы»¹.

Сходные наблюдения встречаем у Ж. М. Юша, которая подчеркивает, что «в тувинской культуре понятие жизненной силы выражено лексемами *тын*, *кут*, *сүнезин*» (Юша, 2024: 10).

Обращение к повести С. А. Сарыг-оола подтверждает эти наблюдения. Выборка примеров из повести дает богатый материал для реконструкции духовного кода, поскольку лексема *сүнезин* 'душа' и ее производные встречаются в сценах болезни, страха, смерти, а также в объяснениях бабушки, выступающей носителем традиционного (сакрального) знания. В количественном отношении из общего корпуса проанализированных единиц 43% (84 примера) объективируют духовный код, из них большая часть реализована через метафоры.

Метафора. В повести *сүнезин* 'душа' предстает как предмет, обладающий пространственными и физическими характеристиками: ее можно потерять, найти, передать, она имеет цвет, размер, вес. Важнейшим маркером этой модели служат вопросы Ангыр-оола, обращенные к бабушке:

«А кижиниң сүнезини каяа, чүзүнге чоруруул? Өнү кандыгыл? Улуг бе, бичии бе?»²

«А куда направляется душа человека, в каком обличье? Какой у нее цвет? Большая она или маленькая?»

На наш взгляд, в этом вопросе душа предстает как объект, обладающий пространственными и физическими характеристиками: она имеет направление движения, форму, цвет, размер. Цитату можно рассматривать как концентрированный пример того, как душа кодируется через систему культурных кодов: пространство (направление движения души), телесность и размер (обличье, «большая или маленькая») и цвет (колоративный аспект). В этом смысле реплика не просто описывает «неизвестность» судьбы души, а «разлагает» ее на те параметры, через которые данная культура в принципе структурирует и осмысляет невидимое, что позволяет осторожно говорить о проявлении здесь метафоры культурного кода души, а не только о наивно-вопросительной форме.

Другой пример — фрагмент после исцеления (или после обряда возвращения души):

«Оон үнгеш, даштыгаа кээримге, *сагыжым бичии чиигей-даа берген ышкаш болду*»³

«Затем, когда я вышел на улицу, мне показалось, что душа моя стала немного легче».

В отличие от русской фразеологии, где объектная модель реализуется в идиомах типа *положить душу* или *вкладывать душу*, в тувинском тексте эти смыслы в устойчивых фразеологизмах с *сүнезин* 'душа' в объектном значении не реализованы, преобладают описательные обороты, что свидетельствует о большей ритуализованности концепта. В приведенном высказывании представляется также оправданным говорить о метафорическом способе репрезентации внутреннего состояния. Облегчение души описывается через признак физического веса, что предполагает перенос телесно-сенсорной характеристики («тяжелый/легкий») на нематериальный объект — душу, и тем самым реализует когнитивную модель типа «эмоционально-моральное состояние — вес/груз». В этом

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. М.: ОО ИПЦ «Маска», 2009. С. 302.

² Сарыг-оол С. А. Ангыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 2021. С. 47.

³ Там же. С. 71.

смысле формула «душа стала легче» может трактоваться как устойчивое проявление соматического культурного кода, в рамках которого переживания человека осмысляются и вербализуются через категорию телесной тяжести/легкости, связывая эмоциональное, моральное и физическое измерение опыта в единую культурно значимую образную схему.

Сравнения. Как показали наблюдения, душа в тексте произведения нередко уподобляется огню. Например, в воспоминаниях об умершей матери:

«Оларның аразында чырык херегеп, дириг чоруур-ла чүве авамның сүнезини боор ийин оң»¹

‘Среди них, наверное, свечой светясь, живым существом ходит душа моей матери’.

Ключевым является сравнение, в котором душа уподобляется свече, светящейся и движущейся. Это сравнение актуализирует семы ‘тепло’, ‘движение’, ‘жизненная сила’.

В переводе М. Ганиной этот фрагмент передан иначе, через метафору:

«Я вышел из юрты. Горы, где лежало тело мамы, были серые иплыли, словно живые. *Где-то среди этих гор бродила душа мамы и просила света...*»².

Как видим, расхождение в передаче образа демонстрирует различную репрезентацию духовного кода: в оригинале душа предстает как самодостаточная сущность, в переводе — как уязвимая, нуждающаяся в помощи. Оба варианта интерпретируют духовный код, но по-своему.

По мнению исследователей, антропоморфный принцип освоения мира ведет к тому, что части тела обретают знаковую функцию в культуре, а познание мира идет через сопоставление с собственным телом (Гудков, Ковшова, 2007). В повести встречаются развернутые соматические описания сердца. Например:

«...чүрээм улгадып азы чаңгыс эвес бооп, көвүдөп-даа келген ышкаш...»³

‘... сердце мое словно увеличилось, или стало не одним, а даже приумножилось...’

или

«Чүрээмни бодаарымга, аксымче үнер дээш сыңмайн-на тур ышкаш»⁴

‘Сердце мое не подчинялось — так прыгало, что казалось, сейчас выскочит через рот»⁵.

Оба примера показывают, что в тувинском тексте функцию вместилища для эмоций выполняет не сүнезин ‘душа’, а чүрэк ‘сердце’.

Показательно, что схожие метафоры, связанные с сердцем, выделяют и другие исследователи тувинской литературы. Так, Ш. В. Монгуш и Е. М. Куулар, анализируя сцены охоты и рыбалки в повести С. А. Сарыг-оола, обращают внимание на то, что через соматическую метафору «чүрээм согары безин бир янзы өскерли бээр» автор «помогает читателю понять, насколько волнующим и захватывающим может быть это занятие» (Монгуш, Куулар, 2025: 64).

Наиболее многочисленную группу составляют фрагменты, в которых душа (сүнезин) предстает как живое существо — ей приписываются способность к самостоятельному перемещению, воля, превращение. Такие примеры встречаются в диалогах бабушки, объясняющей природу злых духов, в описаниях обрядов проводов души, а также в размышлениях героя о смерти матери. Обратимся к наиболее показательным фрагментам.

Важнейший фрагмент — объяснение бабушки о злых духах (бук, аза-бук):

«— А бук деп чүл ол? Хүлдүг-Өдекти чүге “буктук чурт” дээрил, кырган-авай?

— Бук дээрге бурган, дываажан оранынче чорбайн, азып чыдып калган сүнезин-дир ийин, оглум»⁶

‘— А что такое “бук”? Почему Хүлдүг-Өдек называют “буктук чурт”, бабушка?

— “Бук” — это душа, которая, не отправившись в мир богов (дываажан оран), осталась бродить, внучек’.

В этом фрагменте душа представлена через метафору живого существа: ей приписываются способность к самостоятельному перемещению (чорбайн ‘не пойдя, не отправившись’) и сознатель-

¹ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу. Кызыл, 2021. С. 75.

² Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974. С. 46.

³ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу. Кызыл, 2021. С. 265.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974. С. 38.

ное действие (*азып чыдын калган* 'осталась бродить'). Метафора актуализирует духовный код через представление о душе как автономной сущности, способной заблудиться и стать злым духом.

Бабушка объясняет мальчику природу болезни:

«Кижиди-даа, мал-даа амытан бүгүдээзи дөгере сүнезинниг. Ол сүнезин кады чоруур болза, кижиди дириг чоруур-ла. Ол сүнезинни аза-бук кижиден чарып аппаар болза, кижиди аарып, өлүр чүве-дир...»¹

'Человек, и скот, и вообще всякое живое существо — все имеют душу. Если та душа находится вместе (с телом), то человек живет. Если аза-бук оторвут ту душу от человека, то человек заболит, умрет...'

Здесь душа представлена через метафору объекта, который можно отделить от тела (*чарып аппаар* 'оторвать, отделить'). Злые духи выступают как активные субъекты, совершающие действие. Эта метафора фиксирует архаическое представление о душе как уязвимой субстанции, нуждающейся в защите.

Примечательно, что автор вводит объяснения (от бабушки, отца и др.) об обряде проводов души как своего рода способ передачи духовного кода от старшего поколения к младшему. Такие моменты в произведении моделируют саму ситуацию научения, в которой через диалог и обряд ребенок становится полноправным членом традиционного общества.

Например, объяснение необходимости лампы: «...сүнезини бурган оранынче баарда, чырыткы болзун дээш чула үспейн турарывыс»² 'когда душа пойдет в мир бурханов, чтобы ей было светло, мы и зажигаем лампу'.

В этом фрагменте душа представлена через метафору странника (*баарда* 'когда пойдет'), которому требуется свет для ориентира. Метафора рисует душу как живое существо, способное самостоятельно перемещаться в сакральном пространстве.

Другой фрагмент подчеркивает необратимость этого пути: «Өлгөн кижиниң сүнезини дедир кээп болбас...»³ 'Душа умершего человека вернуться не может'.

Душе приписывается способность к движению (*кээп болбас* 'вернуться не может'), но одновременно фиксируется онтологический запрет на возвращение. Это имплицитное сравнение маркирует границу между миром живых и миром мертвых: душа уподобляется тому, кто перешел невидимую черту.

Наконец, эпизод о поминальном ритуале на сорок девятый день: «чула-даа тутпас — шуудан чоруй баар»⁴ 'лампу не зажигаем — уйдет навсегда стремительно'.

Душа метафорически описывается как живой странник, который после завершения переходного периода (49 дней) окончательно покидает этот мир.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что духовный код в повести С. А. Сарыг-оола объективируется через систему метафор и сравнений, в которых *сүнезин* 'душа' предстает: а) как объект с физическими характеристиками (цвет, размер, вес, пространственная локализация); б) как субстанция, подобная свету (свече); в) как живое существо, способное к самостоятельному перемещению, превращению и нуждающееся в ориентире; г) как объект, который можно отделить от тела.

Специфика духовного кода в повести Сарыг-оола по сравнению, например, с русской литературной традицией, заключается в сохранении ярко выраженных мифологических черт: душа предстает как множественная, уязвимая сущность, которую могут похитить злые духи (*аза-бук*), и для ее защиты или проводов требуются ритуальные действия. Эти смыслы в тексте передаются не через прямые номинации, а через систему метафор и сравнений, которые и составляют языковую ткань духовного кода в повести.

¹ Там же.

² Там же. С. 75.

³ Там же.

⁴ Там же.

Заклучение

Таким образом, повесть «Аңгыр-оолдуң тоожузу» С. А. Сарыг-оола, являясь «энциклопедией тувинской жизни», представляет собой уникальный источник для реконструкции зооморфного и духовного кодов, закодированных в метафорах и сравнениях.

Проведенное исследование показало, что в тексте произведения много сравнений с зооморфными образами, которые служат не только для характеристики персонажей, но и для передачи экзистенциальных смыслов. Духовный код объективируется через метафоры и сравнения, в которых сүнезин 'душа' предстает как живое существо, объект или субстанция, при этом наиболее частотной является модель души как автономной, странствующей сущности. Сопоставление с официальным переводом М. Ганиной текста произведения на русский язык выявило случаи трансформации культурно-маркированных образов. Кроме того, установлено, что коды не изолированы, пересекаются с соматическим и пространственным, что подтверждает тезис В. В. Красных об отсутствии жестких границ между ними.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с расширением материала за счет других произведений тувинской литературы, а также с более детальным сопоставительным анализом способов передачи культурных кодов в переводах на другие языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова, Н. В., Кучеренко, Е. Н. (2023) Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (60). С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230660>
- Берестнев, Г. И. (2017) Метафоры и сравнения: формальные способы выражения отношения сходства (на материале русского языка) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 4. С. 289–302.
- Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
- Гудков, Д. Б., Ковшова, М. Л. (2007) Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис. 288 с.
- Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры. М. : Искусство. 322 с.
- Доманский, В. А. (2024) Культурные коды русской литературы и современность // Слово. Текст. Контекст. № 4(20). С. 88–101.
- Ковшова, М. Л. (2008) Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. № 67(2). С. 60–65.
- Ковшова, М. Л. (2016) Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд-е 3-е. М. : ЛЕНАНД. 459 с.
- Красных, В. В. (2001) Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 19. 164 с. С. 5–19.
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живем / пер. А. Н. Баранова, А. В. Морозова. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Лотман, Ю. М. (2010) Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 704 с.
- Маркова, Е. М. (2017) Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 4. С. 78–84.
- Монгуш, Ш. В., Куулар, Е. М. (2025) Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 55–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>
- Мягкова, А. М. (2017) Культурный код как реализация метафорической модели вторичной номинации // Российский социально-гуманитарный журнал. № 4. С. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-4-834>
- Олчат-оол, С. Б. (2017) Способы выражения сравнения в тувинском языке (на материале романа С. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу») // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т. 1. № 3. С. 96–103.
- Оксенчук, А. Е. (1996) Следы древних мифов о душе в русской фразеологии // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. № 2. С. 84–89.
- Октябрьская, О. С. (2016) Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М. : МАКС Пресс. 245 с.

Очур, Т. Х. (2007) Образы-символы в прозе С. Сарыг-оола // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. № 7. С. 191–195.

Очур, Т. Х. (2011) Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола. Кызыл : ТувГУ. 167 с.

Павлишак, О. В. (2016) Роль метафоры в языковом кодировании культурного опыта // Язык и текст. № 2 (4). С. 66–73.

Палкина, Р. (1979) Роман в литературах народов Южной Сибири: формирование и развитие жанра в связи с эволюцией прозы / отв. ред. Л. И. Залеская. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва. 133 с.

Рабенко, Т. Г., Нурзет, Ц. С.-Б. (2023) Обыденная семантика бионимов орел / эзир в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Научный диалог. № 12 (3). С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99>

Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 80 с.

Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 72–79.

Сувандии, Н. Д. (2016) Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (59). С. 138–141.

Холомееенко, О. М., Сарыева, М. М. (2023) Концептуальная метафора как средство выражения культурных кодов в художественном тексте // Universum: филология и искусствоведение. № 9. С. 21–23.

Юша, Ж. М. (2024) Жизненная сила, болезнь и смерть человека в представлениях тувинцев // Религиоведение. № 4. С. 99–106.

Дата поступления: 09.09.2025 г.

Дата принятия: 09.10.2025 г.

REFERENCES

Baranova, N. V. and Kucherenko, E. N. (2023) Cultural and linguocultural codes: A theoretical review. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4(60), pp. 41–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230660>

Berestnev, G. I. (2017) Metaphors and comparisons: Formal ways of expressing the relation of similarity (based on Russian language data). *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, no. 4, pp. 289–302. (In Russ.)

Bochina, T. G. (2023) Numerical and colour code as a component of Tuvan riddles about a person. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Gudkov, D. B. and Kovshova, M. L. (2007) *The bodily code of Russian culture: Materials for a dictionary*. Moscow, Gnozis. 288 p. (In Russ.)

Gurevich, A. Ya. (1972) *Categories of medieval culture*. Moscow, Iskusstvo. 322 p. (In Russ.)

Domanskii, V. A. (2024) Cultural codes of Russian literature and modernity. *Slovo. Tekst. Kontekst*, no. 4(20), pp. 88–101. (In Russ.)

Kovshova, M. L. (2008) Analysis of phraseological units and cultural codes. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, no. 67(2), pp. 60–65. (In Russ.)

Kovshova, M. L. (2016) *The linguoculturological method in phraseology: Cultural codes*. 3rd ed. Moscow, LENAND. 459 p. (In Russ.)

Krasnykh, V. V. (2001) Codes and standards of culture (an invitation to a discussion). In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei*. Eds. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, MAKSS Press. Issue 19. 164 p. Pp. 5–19. (In Russ.)

Lakoff, G. and Johnson, M. (2004) *Metaphors we live by*. Transl. by A. N. Baranov, A. V. Morozov. Moscow, Editorial URSS. 256 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (2010) *The semiosphere*. St Petersburg, Iskusstvo-SPB. 704 p. (In Russ.)

Markova, E. M. (2017) The Cultural Connotations Of Secondary Nominations In Teaching The Russian Language As Foreign Slavic. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"*, no. 4, pp. 78–84. (In Russ.)

Mongush, Sh. V. and Kuular, E. M. (2025) Tuvan folklore and literature about commercial hunting of Tuva people. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 55–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>

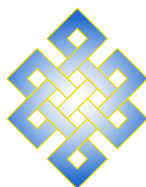
Myagkova, A. M. (2017) Cultural code as a realization of the metaphorical model of secondary nomination. *Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal*, no. 4, pp. 1–10. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-4-834>

- Olchat-ool, S. B. (2017) Ways of expressing comparison in the Tuvan language (based on S. Saryg-ool's novel "Angyr-ooldung toozhuzy"). *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh i humanitarnykh nauk*, vol. 1, no. 3, pp. 96–103. (In Russ.)
- Oksenchuk, A. E. (1996) Traces of ancient myths about the soul in Russian phraseology. *Vesnik Vitebskaya dzyarzhavnaga universiteta imya P. M. Masherava*, no. 2, pp. 84–89. (In Russ.)
- Oktyabr'skaya, O. S. (2016) Formation and development of the genre system in Russian children's prose of the 1920s–1950s. Moscow, MAKS Press. 245 p. (In Russ.)
- Ochur, T. Kh. (2007) Symbolic images in S. Saryg-ool's prose. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 7, pp. 191–195. (In Russ.)
- Ochur, T. Kh. (2011) *The ethnopoetic specificity of S. Saryg-ool's prose*. Kyzyl, TuvGU. 167 p. (In Russ.)
- Pavlishak, O. V. (2016) The role of metaphor in linguistic encoding of cultural experience. *Yazyk i tekst*, no. 2(4), pp. 66–73. (In Russ.)
- Palkina, R. (1979) *The novel in the literatures of the peoples of Southern Siberia: Formation and development of the genre in connection with the evolution of prose*. Ed. by L. I. Zalesskaya. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd-nie Alt. kn. izd-va. 133 p. (In Russ.)
- Rabenko, T. G. and Nurzet, Ts. S.-B. (2023) Everyday semantics of the bionyms orel/ezir in Russian and Tuvan (based on the results of a linguistic experiment). *Nauchnyi dialog*, no. 12(3), pp. 82–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99>
- Samdan, Z. B. (1987) *From folklore to literature*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 80 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2013) Hunting vocabulary in the Todzha dialect of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2016) Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (59), pp. 138–141. (In Russ.)
- Kholomeenko, O. M. and Saryeva, M. M. (2023) Conceptual metaphor as a means of expressing cultural codes in a literary text. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 9, pp. 21–23. (In Russ.)
- Yusha, Zh. M. (2024) Vital force, illness and death of a person in the beliefs of Tuvans. *Religioznovedenie*, no. 4, pp. 99–106. (In Russ.)

Submission date: 09.09.2025.

Acceptance date: 09.10.2025.

Литературный образ бабушки в контексте тюркских традиций

Элеонора Ф. Шафранская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Нурсулу Ж. Шаймерденова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Гульчира Т. Гарипова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируется литературный образ бабушки, созданный тувинским писателем С. Сарыг-оолом, татарским — А. Еники, киргизским — Ч. Айтматовым, узбекским — Т. Пулатовым. Теоретической основой анализа выступили идеи архетипа старухи К. Юнга и образа бабушки В. Я. Проппа, опосредованно отраженных в литературном творчестве писателей тюркоязычного ареала.

Образ бабушки как «арматура» картины мира (по Е. Мелетинскому) развит в тех культурах, которые до XX в. включительно сохранили «решетку» патриархального устройства мира, его традиций. Литература в границах тюркоязычной культуры выразительно отражает этот аспект жизни в образе бабушки, формирующей мировоззрение своих внуков. Интенция образа бабушки сопряжена с сохранением истории рода, семьи, народных традиций.

В «Повести о светлом мальчике» С. Сарыг-оола бабушка — «энциклопедия» для мальчика Ангыра; в повести «Невысказанное завещание» А. Еники бабушка — мост между прошлым и настоящим; в повести «Материнское поле» Ч. Айтматова бабушка — дарительница жизни, для ее продолжения поднимающаяся над личным во имя сохранения памяти народа; в повести «Хор мальчиков» Т. Пулатова бабушка, сродни тувинской бабушке Сарыг-оола, формирует личность внука Душана.

Сравнительно-сопоставительный анализ четырех художественных произведений показывает общность ментальных ценностей в тюркоязычном мире, несмотря на разность религиозных верований, географического пространства. В этих произведениях затрагиваются не только конкретно-исторический, но и универсальный пласт человеческого бытия — вопросы жизни и смерти, нравственного выбора, связи поколений, что позволяет говорить об их экзистенциальной наполненности. Проблематика произведений выходит за рамки локального и сиюминутного, формируя устойчивую модель этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: тюркский мир; образ бабушки; культура детства; тувинская литература; татарская литература; узбекская литература; киргизская литература

Исследование выполнено в рамках проекта № 050119-0-000 (внутренний грант для инициативных тем фундаментальных НИР филологического факультета РУДН) реализованного на базе УОП (учебно-образовательного подразделения) «Кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН».

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Шаймерденова Н. Ж., Гарипова Г. Т. Литературный образ бабушки в контексте тюркских традиций // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.4>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор Института русского языка Российской академии наук. Адрес: Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российской академии наук. Адрес: Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

The literary image of the grandmother in the context of Turkic traditions

Eleonora F. Shafranskaya

RUDN University, Russian Federation,

Nursulu Zh. Shaimerdenova

Farabi University, Republic of Kazakhstan,

Gulchira T. Garipova

RUDN University, Russian Federation

The article analyzes the literary image of the grandmother created by the Tuvan writer S. Saryg-ool, the Tatar writer A. Eniki, the Kyrgyz writer Ch. Aitmatov, and the Uzbek writer T. Pulatov. The theoretical basis of the analysis is provided by C. G. Jung's concept of the crone archetype and V. Ya. Propp's concept of the grandmother figure, which are indirectly reflected in the literary works of authors from the Turkic-speaking area.

The image of the grandmother as the "framework" of the worldview (in E. Meletinskii's terms) has developed in those cultures which, up to and including the twentieth century, preserved the "grid" of a patriarchal world order and its traditions. Literature within the Turkic cultural sphere vividly reflects this aspect of life in the image of the grandmother, who shapes the worldview of her grandchildren. The intentionality of the grandmother figure is linked to the preservation of the history of the clan and family and of folk traditions.

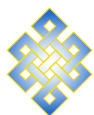
In S. Saryg-ool's novella "The Story of the Bright Boy" the grandmother is an "encyclopedia" for the boy Angyr; in A. Eniki's novella "The Unspoken Will" the grandmother serves as a bridge between the past and the present; in Ch. Aitmatov's novella "Mother's Field" the grandmother is a giver of life who rises above the personal for the sake of preserving the memory of the people; in T. Pulatov's novella "The Boys' Choir" the grandmother, akin to Saryg-ool's Tuvan grandmother, shapes the personality of her grandson Dushan.

A comparative analysis of the four literary works reveals a shared set of mental values in the Turkic-speaking world, despite differences in religious beliefs and geographical space. These works address not only concrete-historical realities but also a universal layer of human existence: questions of life and death, moral choice, and intergenerational ties, which allows us to speak of their existential fullness. The problems raised in these texts go beyond the local and the momentary, forming a stable model of ethnocultural identity.

Keywords: Turkic world; image of the grandmother; culture of childhood; Tuvan literature; Tatar literature; Uzbek literature; Kyrgyz literature

Funding:

The study was carried out as part of project no. 050119-0-000 (an internal grant for exploratory fundamental research projects of the Faculty of Philology of RUDN University), implemented at the educational and academic unit "Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University."

For citation:

Shafranskaya E. F., Shaimerdenova N. Zh. and Garipova G. T. The literary image of the grandmother in the context of Turkic traditions. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 47–62 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.4>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710

SHAIMERDENOVA, Nursulu Zhamalbekovna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Director, Research Institute of Turkology and Altaistics, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2830-8336

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7675-2570

Введение

Детство — не просто этап биографии, это стадия инициации, связанная с приобщением к сакральному знанию, тайнам природы, памяти рода. В этом процессе велика роль бабушки. На этой семейной роли литература останавливает свое пристальное внимание только с 1960-х гг. «Старики и дети оказываются не просто темой литературы, — пишут М. Эпштейн и Е. Юкина, — они определяют самый тип литературного творчества, которое приближается к мифическому. <...> Старик и дитя более растворены в жизни всем своим душевным составом: один еще не выделился из нее, другой уже готовится быть поглощенным ею. Для ребенка мир невыводим за пределы фантазии, для старика почти весь введен в пределы памяти...» (Эпштейн, Юкина, 1981: 238).

Этим мотивирована *цель статьи* — выявить функциональную роль образа бабушки (персонажа «бабушка») в формировании картины мира ребенка у ряда тюркоязычных народов (тувинцев, башкир, киргизов, узбеков), удаленных друг от друга географически, но родственных по языковой группе, при этом найти объединяющие черты. Задачи: проанализировать образы тувинской, башкирской, киргизской бабушек, а также образ бабушки узбекского мальчика (у которого бабушка — не узбечка); рассмотреть специфику авторской репрезентации архетипических составляющих образа бабушки, уровень их конгениальности с этнокультурной традицией различных тюркоязычных народов.

Объектом исследования выступают взаимоотношения бабушек и внуков (так как статус бабушки проявляется/реализуется именно во взаимоотношениях с внуками, в других социальных ролях «бабушка» не бабушка, а чья-то мать, жена, сестра, золовка и проч.). Предмет исследования — поэтика образа бабушки, т. е. анализ образа — как, какими приемами и средствами он создан. «Целью поэтики, — как пишет М. Л. Гаспаров, — является выделение и систематизация элементов текста, участвующих в формировании эстетического впечатления от произведения»¹. Поэтика (от греческого глагола *ποιέω* 'делать, творить, сочинять') изучает образы, жанры, мотивы, сюжеты, композиционные приемы и проч. «Понятия поэтики — инструмент такого анализа, — считает Н. Д. Тамарченко, — без которого "служба понимания" едва ли осуществима. Каждое понятие необходимо для того, чтобы выделить определенную форму, сравнить различные тексты, в которых она присутствует, и определить ее *инвариантное значение*»².

Теоретико-методологическая основа статьи заключена в трудах филологов, антропологов, мифологов, связанных с поэтикой художественного образа и субъектной организацией текста (Бахтин, 1979, 2000; Гинзбург, 1979, 1999; Корман, 1981; Лотман, 1970, 1994; Мелетинский, 1976; Тюпа, 2021; Шмид, 2008; Юнг, 1991, 1997); труды, в которых содержится изучение мифологического архетипа матери и бабушки, а также оберегательных мифологических практик (Биркхойзер-Оэри, 2010; Пропп, 2000; Фрэзер, 1985, 1986); исследования тувиноведов, посвященные разным областям жизни тувинцев: быту, семейным отношениям, тувинской литературе (Ламажаа, 2021; Москаленко, 2018; Потапов, 1969; Хадаханэ, 1968).

В современной повседневности, связанной с культурой детства, присутствует значимый в воспитании ребенка паттерн³ о бабушке — носительнице традиции. Однако в художественном дискурсе он отнюдь не повсеместен. Исследовательница Е. И. Шевчугова пишет, что образ бабушки в русской литературе «почти не оказывается в фокусе внимания литературоведов», его лишь «включают в описание семьи героя», указывая на наличие прототипа (Шевчугова, 2018: 31), и останавливается на произведениях И. Гончарова, М. Горького и В. Астафьева, образе бабушки в них. По сути, этот ряд классиков присутствует почти во всех современных работах, посвященных образу бабушки (Саломатина, 2016: 35; Макрушина, 2016; Нежданый, как ... , 2020: 58; Гапонова, Никкарева, 2022: 143; Сергеева, Ткаченко, 2022: 108; Побережная, Тихонова, 2024: 113). В современном литературном

¹ Гаспаров М. Л. Поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. Стб. 786–787.

² Тамарченко Н. Д. Поэтика // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 183.

³ Паттерн — «это одно из слагаемых мифологического, фольклорного, литературного повествования <...> Применительно к контексту нашей статьи, паттерн — это строительная единица мифа. Если миф — это, по сути, растиражированный нарратив, то паттерн — один из «кирпичей» этого построения» (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024: 63).

процессе наиболее часто образ бабушки встречается в литературе для детей и подростков, вот в этом кластере научных исследований делаются, с одной стороны, весьма интересные наблюдения, например, «маргинализация» старости, бабушки предстают «уходящей натурой, динозаврами, существами из другой жизни» (Савкина, 2011: 121), с другой — повторяется бессменный паттерн: бабушка — продолжатель традиций (см.: Саломатина, 2016: 35; Гапонова, Никкарева, 2022: 142; Сергеева, Ткаченко, 2022: 108; Воробец, Лобкова, 2025: 66).

В научном дискурсе о «бабушке» обнаруживаются и неожиданные наблюдения: исследования с претензией на академичность, но, по сути, с отсутствием оной, содержащие, скорее, начетнические умозаключения. Например, С. З. Мамирова пишет: понятие «бабушка» есть во всех культурах, и только в русской культуре «оно наполнено особым смыслом. *Только русские бабушки самые внимательные, добрые и мудрые*»¹ (курсив наш. — Авт.). За отсутствием задачи анализировать подобные тексты, отметим ненаучный подход к этой проблеме, к сожалению, весьма распространенный, т. к. он тиражируется начиная со среднего образования. Носители подобных «концепций» выдают желаемое за действительное — достаточно углубиться в классический труд В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», чтобы констатировать ложность этого суждения: у Проппа бабушкой названа «типичная яга», «старушка», «бабушка-задворенка» (Пропп, 2000: 36). В статье Л. Б. Аль Хатиба, с опорой на коннотации бабушки и дедушки (в английском, русском, французском языках), автор приходит к выводу: понятие бабушка в трех разных культурах сопряжено с непохожими концептами (Аль Хатиб, 2017: 164).

Эти и традиционные, и радикальные предпосылки говорят об актуальности предлагаемого исследования. Согласно аналитическому наблюдению М. Эпштейна и его соавтора, образ бабушки становится акцентированным в многонациональной советской литературе начиная с рубежа 1950–1960-х гг. (Эпштейн, Юкина, 1981: 237), особенно это заметно в литературе тюркоязычных культур, сохраняющих патриархальные традиции на протяжении XX в. Важно отметить: появились компаративные исследования о русской бабушке и итальянской (Сергеева, Ткаченко, 2022), русской, шведской и французской бабушках (Побережная, Тихонова, 2024), однако работы о бабушке тюркоязычных народов в русскоязычном секторе литературоведческих исследований встретить затруднительно. Отметим общность у ряда тюркских народов в номинации бабушки с семантикой прародительницы, старшей в роду, то есть в структуре онима *бабушка* у тюркских народов присутствуют значения, дополняющие и коррелирующие родовую семантику материнства: «большая мать», «старшая мать», например, у татар соответственно — *дәү әни, карт әни*; у тувинцев — *кырган-авай*; у киргизов — *чоң энеме* и др. В тувинской повести С. Сарыг-оола внук обращается к бабушке *кырган-авай*, то есть «старая / старенькая мама».

Научная новизна статьи определяется аналитикой образа бабушки (его поэтики), выполненной в сравнительно-сопоставительном ракурсе традиций тюркоязычных народов. Впервые предпринята попытка осмысления этих образов не как фольклорно-бытовых, а как концептуальных структур.

Источники исследования — это созданные в 1960–1980-х гг. русскоязычные тексты (повести «Материнское поле»² киргизского писателя Ч. Айтматова и «Хор мальчиков»³ узбекского писателя Т. Пулатова) и переводные (повесть «Аңгыр-оолдуң тоожузу», в русском переводе с тувинского — «Повесть о светлом мальчике»⁴ писателя С. А. Сарыг-оола; повесть «Әйтелмәгән васыять», в русском переводе с татарского — «Невысказанное завещание»⁵ писателя А. Еники⁶). Обращение к переводным текстам позволяет рассмотреть единые типологические корреляты нарративной репрезентации персонажа «бабушка» в парадигме языковой интерпретации (на русском языке). Подобное компара-

¹ Мамирова С. З. Образ бабушки в художественных произведениях [Электронный ресурс] // Сайт «XXI Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся "Старт в науке"». 2025. URL: <https://school-science.ru/21/10/56808> (дата обращения: 01.01.2026).

² Айтматов Ч. Т. Материнское поле // Айтматов Ч. Т. Повести. М.: Правда, 1979. С. 123–214.

³ Пулатов Т. И. Хор мальчиков // Пулатов Т. И. Собр. соч.: в 3 т. М.: Современный писатель, 1996. Т. 2. С. 3–100.

⁴ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М. Ганиной. М.: Современник, 1986.

⁵ Еники А. Невысказанное завещание. Рассказы, повести / пер. с тат. Х. Хусаиновой. Казань: Татарское книжное изд-во, 2017. С. 86–122.

⁶ А. Еники — татарский писатель, повествующий в «Невысказанном завещании» о башкирах, соответственно, в статье рассматривается образ башкирской бабушки.

тивное исследование выявит художественные смысловые константы образа бабушки, не требуя анализа лингвистической этносемантики лексемы «бабушка». Статья не предполагает исследовательского ракурса, связанного с теорией и практикой художественного перевода. Аналитика переводного текста не ведет к ложной экстраполяции, т. к. мы не затрагиваем собственно лингвоконцепты, кроме контекстуального онима *бабушка*, а фокусируемся на семантических составляющих образа.

Повесть о светлом мальчике

Автобиографическая «Повесть о светлом мальчике»¹ С. Сарыг-оола² (1962) написана в парадигме социалистического реализма: подросток, оказавшись сиротой, вынужден скитаться в роли батрака, однако с приходом советской власти к нему приходит осознание его несправедливой участи, и на глазах читателя он превращается в активного борца за переустройство мира. Несмотря на неактуальный ныне метод «соцреализма», надо отметить, что повесть Сарыг-оола ценна богатой информацией о быте, нравах, обычаях, фольклоре тувинцев первой половины XX в. Писатель отнюдь не создает презентацию жизни тувинцев для читателя-нетувинца — он пишет текст на своем родном тувинском языке, никак не экзотизируя исторический и этнографический материал, лежащий в основе повести, — что ценно для рецепции повести в XXI в.

Уже сделан разносторонний анализ этой повести известным литературным критиком М. А. Хадаханэ (Хадаханэ, 1968), которая упомянула и бабушку главного героя. Эта повесть, ставшая объектом диссертации Е. Т. Чамзырын³, названа воплощением «всего национального быта» Тувы⁴.

Тем не менее считаем нужным более подробно остановиться на роли бабушки в формировании героя.

Когда герой «Повести о светлом мальчике», шестилетний Ангыр, оказывается в лесу в поисках мальчишек, зовет их, пытается догнать, его сопровождает эхо, бьют ветки по лицу — все это выливается в страх и обморок. Придя в себя, Ангыр бежит домой и сообщает, что за ним гнались черти. Серьезно воспринимает это сообщение только бабушка, которая начинает выполнять оберегательный ритуал: берет в руки плетъ с красной ручкой, нож с желтой рукояткой — якобы черти боятся таких предметов.

«Тьфу, тьфу!.. — Бабушка сплевывала, бросая в дверь одной рукой золу, другой песок. После этого закрыла внутренние створки дверей. — Что вы рты разинули! Зажигайте светильники на аптаре⁵!»⁶

В юрте висят войлочные фигурки красно-желтой расцветки — тоже от чертей (это не детская забава, а сакральный антураж бабушки, используемый в ритуальных оберегательных практиках). При этом она называет внука «собачкой». На вопрос Ангыра, почему собачка, бабушка объясняет: чтобы обмануть чертей, которые боятся собак.

У многих народов, архаические практики которых дожили до новейшего времени, по словам Д. Фрэзера, смысл подобных действий-обманов связан с желанием скрыться от духа смерти, «вызвать его отвращение и отогнать его от себя» (Фрэзер, 1985: 381) или же «сделать себя неузнаваемым» для него (там же: 428). В подобных действиях Фрэзер усматривает «желание обмануть или отвратить от себя грозный дух умершего» (там же: 429), именно таково действие бабушки Ангыра, называющей внука «собачкой», — оберегательное.

Бабушка выполняет миссию: выступает проводником внука в неведомый ему мир. Это не пресловутое «рассказывание сказок на ночь» бабушкой, это ответственное, как она предполагает, посвящение мальчика в хитросплетения жизни. Вначале бабушка объясняет каждому из внуков его астрологический знак, по сути, растолковывая азы тотемических верований. Потом почти каждый

¹ В исследованиях тувиноязычных авторов повесть называется по-разному, вариативно: «Воспоминания Ангыр-оола» (Хадаханэ, 1968: 96), «Повествование об Ангыр-ооле» (Очур, 2008: 5).

² Степан Агбанович Сарыг-оол (1908–1983) — народный писатель Тувинской АССР.

³ Чамзырын Е. Т. Этнопоэтические особенности тувинской детской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ *Аптара* — сундук.

⁶ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике... С. 19.

день на бесконечные вопросы внука находит мудрые ответы в виде легенд и преданий. На вопрос, почему муравей выглядит «как переломленный», бабушка отвечает: в этом сила муравья, чтобы жить в трех мирах. Так Ангыр получает мифологические сведения об устройстве мироздания (верхнем, среднем и нижнем мирах). Юный «философ» уходит в недоумении, продолжая рассуждать с самим собой: почему муравей, а не человек? От бабушки он узнает о трех стихиях: Буре, Огне и Воде. Вопросы Ангыра, его реакция на ответы вызывают у взрослых полушутливое-полусерьезное предположение: «Может, из него шаман получится?»¹ Обратим внимание, что у Ангыра есть отец и мать, но им недосуг «философствовать» со *светлым* мальчиком — это делает бабушка. *Светлым* его называли по цвету волос («Волосы у меня были очень светлые, гораздо светлее, чем у других...»²), *светлым* он представлен в повествовании (оно ведется от первого лица) — в значении думающий, интересующийся всем на свете. Обиженный маминым отказом ответить на вопрос — как трава растет — и ее упреком в безделье, Ангыр бежит к бабушке: «Старенькая мама, расскажи...»

Став взрослым, Ангыр повторяет раз за разом, что говорила его бабушка: «Руки шевелятся, живот сыт. Трудясь, друзей обретешь»³, — это стало жизненным кредо Ангыра.

Бабушка, о которой идет речь, была матерью мамы Ангыра. Когда, будучи молодой женщиной, умирает мама Ангыра — отец не воспитывает его (он вскоре женится), мальчик идет в батраки сначала к родственникам, потом к чужим людям. Всегда, когда есть возможность отлучиться от тяжелой работы, он бежит домой, а дом его там, где бабушка. Взрослея и добиваясь успехов, Ангыр думает, как он расскажет о них бабушке, не отцу (отец практически уходит из повествования):

«Не помня себя, примчался я к бабушке с неожиданным известием.

— Отгадай, старенькая мама, куда я поеду? На праздник в Кыргыстарское хуре! На самом Аскамчи-Бора седоком буду!..»⁴

Однажды вместе, сдерживая слезы, они вспоминают: Ангыр свою мать, бабушка — свою дочь. Ангыр рассказывает о маме, пришедшей к нему во сне, бабушка — про кукушку, навевшую тоску по умершей, — так совпадают и в чувствах бабушка и внук. Упоминание кукушки, благодаря вопросам Ангыра, продолжено целым орнитологическим фрагментом: выпь, сова, дикий голубь, чилдабай, «то-кпак-чаяк» размером с куропатку — бабушка была для Ангыра «энциклопедией». «Почему», «когда», «как» — этими вопросами Ангыр засыпает бабушку, переходя от птиц к телятам, маралам, жеребяткам.

О том, что бабушка стала единомышленником повзрослевшего Ангыра, вступившего в борьбу с социальным произволом, говорит фрагмент повести, в котором Ангыру снится сон, он рассказывает о нем бабушке:

мы «с храбрецами прибежали к Черному утесу, а чиновники за нами. Мы сталкивали на них большие камни, раздавили им головы, но они не умирали, все равно преследовали нас. И так близко были, что я даже оборачивался и швырял им в лицо песок. И вдруг один чиновник споткнулся и упал вниз со скалы. Тут я от радости проснулся, бабушка! — Ну хоть одного во сне прикончил! — проворчала бабушка и повторила: — Не смей ходить туда!»⁵

В 2008 г. появляется еще одно исследование прозы С. Сарыг-Оола — диссертация Т. Х. Очур⁶, где уделено внимание и повести об Ангыре. Так, анализируя образ бабушки, Т. Х. Очур называет ее по имени и даже раскрывает семантику имени — Чинзелиг-Кадай. К сожалению, в русском переводе бабушка Ангыра безымянна. Очур пишет:

«В одной из глав произведения автор называет полное имя своей героини — Чинзелиг, это говорящее имя, оно обозначает символическое украшение верхушки шапки у ноенов, указывающее на его статус. Хотя бабушка Чинзелиг-Кадай не относится по своему социальному положению к высшим слоям общества, автор хочет подчеркнуть именем героини высоту ее помыслов, способность управлять другими людьми»⁷.

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 96–98.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Очур Т. Х. Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008.

⁷ Там же. С. 16.

Исследователь называет бабушку Ангыра его другом, нравственным путеводителем и символическим образом народа, во всяком случае, в отношении к детям так и есть, что соответствует наблюдениям исследователей (см.: Ламажаа, 2021).

Итак, для поэтики рассмотренного образа свойственна идеализация бабушки Ангыра: она — источник мудрости, знаний о жизни, природе; она знает, на чьей стороне справедливость; воплощает в себе один из главных экзистенциальных концептов в картине мира Ангыра — дом; она для Ангыра не только «энциклопедия», бабушка — авторитет, она умеет отвести беду — владеет средствами и приемами: зола, песок, обрядовая амуниция — все эти бытовые и в то же время нагруженные сакральным смыслом детали в бэкграунде бабушки участвуют в создании образа. Бабушка не играет, не притворяется, как порой водится в общении с детьми, она серьезно воспринимает все страхи и горести внука и отводит от него беду. Читатель воспринимает бабушку Ангыра как интеллектуальный портрет народного духа. Бабушка не только отличается знаниями, у нее есть сердце: она тоскует по ушедшей дочери, плачет вместе с внуком. Сутью этого идеального образа можно считать имя бабушки из оригинального тувинского текста — *Чинзелиг* 'вершина'.

Невысказанное завещание

В повести татарского писателя А. Еники¹ «Невысказанное завещание» (1965) акцентируется роль бабушки как хранительницы векового опыта башкирского рода, его нравственных заветов. В своей роли матери Акэби противопоставлена — в регистре памяти — своим детям, которые забыли обычаи и традиции предков. Акэби в роли бабушки исполняет амплуа спасительницы рода: она возвращает молодое поколение на путь связи с языком, культурой, башкирскими традициями.

Интенция жизни героини превратила ее реальное имя Акбикэ 'белая дева' в Акэби 'белая/чистая бабушка', тем самым подчеркнув значимость ее родовой миссии: вернуть в национальное лоно заблудшее в беспомощности поколение внуков.

Акэби не может высказать свое завещание внукам, чтобы они любили родной язык и свои корни, не может, потому что они говорят на разных языках. Она просит похоронить ее по мусульманскому обычаю, а дети отмахиваются и не слушают ее. Центральное сюжетное событие повести — болезнь и смерть Акэби — становится испытанием для всех, знаменуя мучительный разрыв связи матери и детей. Духовно близки бабушке лишь внук Геннадий и внучка Гузель: их образы лишены в повествовании окончательного «приговора»; есть надежда, что они осознают то послание, которое хотела донести до них бабушка — о родовой памяти. Однажды Акэби, угощая внука,

«начала было: “У нас, башкир...” — но Геннадий, по-своему поняв бабушку, вдруг заявил, тыча себя в грудь большим пальцем:

— Я тоже башкир, бабушка, башкир я! — да еще подморгнул ей, не волнуйся, мол, все в порядке.

Акэби задумчиво поглядела на внука, вздохнула про себя, потом с тихой лаской улыбнулась ему: что ни говори, в этом рыжем парне и в самом деле текла ее кровь, башкирская кровь!»²

В образах внуков заложена надежда на возрождение родового этоса башкирского народа. Акэби умирает, не сумев произнести свое завещание (дети не хотят ее слушать и обрывают на полуслове, а внуки просто не понимают родного языка), но с надеждой на продолжение семейной и родовой традиции во внуках, которая символизирована в двух старинных предметах — камче деда, переданной внуку Геннадию, и украшении (две большие серебряные чулпы³ с красным яхонтом), которое взяла на память дочь, мать внучки Гузель. Возможно, оно перейдет, как того хотела бабушка, Гузели по наследству от матери и свяжет ее с родовым сознанием. Все остальное «наследство», бережно хранимое бабушкой и завещанное детям, будет растрчено и передано в театр — так А. Еники показывает десакрализацию родовой памяти башкир.

Однако забвение истории своего рода возможно преодолеть, о чем пишет исследовательница повести Еники В. Р. Аминева: «Внутренняя речь Акэби в завещании <...> восходит к древнейшим

¹ Амирхан Еники — псевдоним татарского писателя Амирхана Нигметзяновича Еникеева (1909–2000).

² Еники А. Невысказанное завещание. Рассказы, повести. Казань: Татарское книжное изд-во, 2017. С. 93.

³ Чулпа — традиционное женское татарское украшение, которое вплетали в косы.

пластам национального культурно-исторического миропонимания. Национальная философия бытия и драматический опыт взаимоотношения поколений в пределах одной семьи, оказавшейся перед угрозой выпадения из цепи родовой преемственности, раскрываются и через многосубъектную организацию повествования, вбирающего в себя голоса не только повествователя и героини, но и собирательной народной общности» (Аминева, 2016: 14).

В повести Еники акцентируется физическая немощь бабушки, но при этом показывается сила ее духовного начала, концентрируемая на идее невозможности прервать родовую традицию. Семантика заглавия повести «Невысказанное завещание» двойственная: с одной стороны, говорит о тщетном желании бабушки Акэби сохранить традиции рода и основы семьи, с другой — несет не только авторскую надежду, но и метатекстуальную: не может просто так раствориться жизнестроительная энергия, которую продуцировала бабушка.

Да, бабушка Акэби воплощена в образ хранительницы родовой памяти, языка и нравственных традиций, которая оказывается неслышанной собственными детьми и внуками. Что значит «хранительница»? Она хранит в сундуке национальные украшения, одежду, предметы быта, которые хочет передать по наследству как символ связи поколений.

Ее образ также раскрывается через черты характера: Акэби добрая, мягкая, сердечная, ее жизнь целиком обращена к детям и внукам; смысл ее старости — ждать их, заботиться о них, думать о том, что им оставить. В то же время это внутренняя стойкость и достоинство: она сознательно отказывается уезжать из родного дома в город, не желая рвать связь с землей предков и привычным укладом. Ее отличает глубокая самоотверженность: она не обижается на детей, оправдывает их, надеется на их «прозрение», даже когда чувствует себя лишней и непонятой.

Внутренний монолог Акэби, состоящий из ее мыслей и воспоминаний, показывает, что она ощущает себя связующим звеном между детьми и «землей отцов», старинными обрядами, народными сказаниями. Важно отметить, что любовь Акэби к детям и внукам жертвенна и безусловна: даже чувствуя их отчуждение, она продолжает верить, что они «продолжение ее жизни» и обязаны сохранить то, что она им передаст. Особо подчеркнута ее трепетная любовь к внуку Геннадию: в ее воображении он — будущий носитель родовой памяти, однако реальность (его выбор нагайки как «красивой вещи») показывает, что он воспринимает наследство поверхностно.

Неуслышанное завещание матери становится нравственным укором детям: не исполнив ее духовный наказ, они как бы обрывают цепь родовой преемственности. В этом трагизм ее образа. Трагедия бабушки не в материальной бедности, а в духовном одиночестве: ее хотят «выходить», накормить, обеспечить комфортом, но не готовы выслушать ее завещание и разделить ее ценности. Невысказанное завещание поднимает образ Акэби до символа всего старшего поколения, которое уносит с собой нераскрытое богатство национальной памяти и веры.

Имя Акэби (от тюркского *ак/ок* 'белый') подчеркивает ее духовную чистоту, светлую душу, нравственную безупречность; в тексте это прямо проговаривается персонажем-поэтом. Через образ бабушки писатель показывает, как утрата языка, традиций, памяти о предках разрушает внутренний мир человека и семьи, лишает людей опоры. Акэби становится не только частным персонажем, но и художественным образом «матери народа» — тихой, терпеливой, нравственно высокой, но не услышанной современным поколением.

Поэтика образа Акэби задана заглавием повести, образ строится на антитетичной семантике: вектор развития образа находится в антагонизме с намерениями молодого поколения. Сакрализация бабушкой старинных вещей рода оборачивается у внуков профанированием в отношении к этим вещам: они отданы посторонним людям. Акэби собирала «наследство» — молодое поколение его растратило.

Материнское поле

Произведения киргизского писателя Чингиза Айтматова, в перечне художественных текстов которого есть написанные как на родном языке, так и на русском, в современном литературоведении часто причисляют к литературе *транскультурной*: «Литература, созданная этнически нерусскими авторами на русском языке, бесспорно, транслингвальна и шире — транскультурна. Латинский префикс “транс” вбирает такие смысловые компоненты, как “за”, “по ту сторону”, “на той стороне”,

“через”, “на другую сторону»» (Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021: 270). Писатель посылает художественное сообщение о своем народе, своей культуре другому народу¹: в случае с Айтматовым картина мира киргизов «переводится» на русский язык.

В его повести «Материнское поле» (1964) Толгонай изображена как *матриарх*, на ней держится дом, она в вечных трудах и хлопотах, носительница предания и нормы, т. е. хранительница.

Нарративная стратегия в повести структурирована на основе диалога между Толгонай и полем, символизирующим природу. Толгонай исповедуется полю, просит дать ей сил. Рассказ Толгонай о былом счастье ее семьи, рождении сыновей сменяется повествованием о тяготах войны, борьбе за жизнь, голоде, когда Толгонай была одна в ответе за свой аил (деревню), о горе утраты мужа и трех сыновей, о своей невестке Алиман, которая мужественно, вместе с Толгонай, проживала их общее несчастье. О том, как Алиман, спустя семь лет после потери мужа, думала, что жизнь не окончена и что она может найти свое счастье. Попытка оказалась неудачной, забеременев, Алиман осталась обманутой, при родах она умерла. «В одно мгновение на глазах у меня столкнулись жизнь и смерть!»², — говорит полю Толгонай.

Отныне *мать* Толгонай становится *чоң энеме* ‘старенькой мамой’, ‘старшей мамой’: «А ведь жизнь не совсем погибла, остался росточек»³. Однажды «росточек» заболел; попав в больницу вместе с внуком, и сама Толгонай чуть не распрощалась с жизнью. На вопрос доктора «Где родители ребенка», она отвечает: «Я ему и отец и мать, сынок. Не дай ему помереть. Если помрет, жить не буду»⁴. И он выжил, не случайно автор повести дает имя ребенку — Жанболот, т. е. жизнь из стали.

В образе Толгонай акцентирован мотив материнства: она, будучи бабушкой, становится матерью для внука, который по родству таковым не является. В заботе о внуке она символизирует «земную мать», мать-природу и мать-родину. Образ Толгонай обретает свою законченность именно в призма субъектных отношений «бабушка — внук». Бабушка замещает «пустующее место» матери. Она обещает полю, что пока жива, никогда не забудет свою семью, а когда мальчик Жанболот подрастет, расскажет ему историю семьи. Для Толгонай важно сохранение памяти. Она надеется, что мальчик ее поймет. Толгонай становится матерью не только Жанболоту, но и всему аилу, выжившему во время войны благодаря ее воле и труду.

К ее миссии «хранительница рода» и «матриарх» добавляется еще одна — «дарительница жизни», ибо не выжил бы внук без Толгонай. Забота о ребенке делает ее старость не просто временем скорби, а временем служения: она трудится, бережет внука, буквально вырывает у смерти (эпизод, когда несет мальчика по льду к врачу). В ее отношении к Жанболоту совмещаются материнская нежность и суровая ответственность: она хочет не только вырастить, но и передать ему память о погибших и нравственные ориентиры. В своих сомнениях, примет ли внук ее правду, сможет ли осознавать себя как часть ее рода, узнав, что он не кровный, она обращается к полю, равному матери-природе:

«Чтобы он правильно рассудил то, что было, чтобы он правильно понял жизнь, я должна рассказать ему не только о нем самом, не только о его судьбе, но и о многих других людях и судьбах, и о себе, и о времени своем, и о тебе, мое поле, о всей нашей жизни и даже о велосипеде, на котором он катается, ездит в школу и ничего не подозревает»⁵.

(Не подозревает, что велосипед, который Жанболот считает отцовским, то есть Касыма, старшего сына Толгонай: велосипед был вручен Касыму как «премия от МТС»⁶, — по сути, не отцовский.)

Мать Толгонай потеряла всех своих детей на войне, *бабушка* Толгонай восстанавливает уничтоженный войной род через хранимого ею, принятого вопреки устоям чужого ребенка, что свидетельствует о наличии мессианских черт в образе бабушки. Опять же вопреки устоям, она идет хоронить свою невестку Алиман:

¹ См: Гарипова Г. Т., Шафранская Э. Ф., Кешфидинов Ш. Р. Транскультурная литература XXI века: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2024. С. 12.

² Айтматов Ч. Т. Материнское поле // Айтматов Ч. Повести. М.: Правда, 1979. С. 209.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Там же. С. 135.

«По обычаю, женщине не положено идти на кладбище, но я пошла, и никто ничего не сказал мне: в доме у меня не было мужчин, чтобы я могла соблюсти обычай. Я сама схоронила Алимана, сама уложила ее на дно могилы и сама бросила первую горсть земли»¹.

В поэтику образа Толгонай, всеобщей бабушки, включены антропоморфные и анимистические концепты архаической культуры. Толгонай живет в постоянном диалоге с полем: исповедуется ему, делится с ним своими горестями и радостями, просит у него совета. Поле — это символ природы, и сама Толгонай становится ее частью, потому что ее общение с полем — главная экзистенциальная составляющая ее образа.

Хор мальчиков

Рассмотренные выше образы бабушек можно номинировать как *тувинская бабушка*, *башкирская бабушка*, *киргизская бабушка*. Не все так прямолинейно с повестью «Хор мальчиков» Тимура Пулатова, которого в литературном процессе второй половины XX в. называют русскоязычным узбекским писателем, в связи с чем вроде бы на поверхности, что в его творчестве образ *узбекской бабушки*. Здесь важны контекстуальные и внетекстуальные детали.

Действие повести происходит в Бухаре. По советским лекалам внутренних границ город был «отписан» Узбекской ССР, хотя в этническом составе Бухары преобладали таджики (отсюда ряд этнокультурных и этносоциальных противоречий, сопровождавших историю XX в.), ныне Бухара также в составе Республики Узбекистан. Эти исторически мотивированные противоречия подспудно присутствуют и в повести: отец главного героя, мальчика Душана, — узбек, его бабушка со стороны матери — таджичка. На протяжении почти всего повествования она выражает свое недовольство зятем: считает его выходцем из простонародья (себя, соответственно, из местной аристократии), недостойным его дочери, постоянно противоречит зятю, спорит с ним, хулит его. Это недовольство бабушки отражено в картине мира Душана: он вынужден всячески доказывать ксенофобному подростковому окружению, что он настоящий узбек. Поэтому бабушка Душана, с одной стороны, как бы выпадает из типологического тюркоязычного ряда нашей статьи, с другой стороны, наоборот, подчеркивает множество проявлений бухарской ментальности, находящейся на стыке двух культур.

Повесть «Хор мальчиков» (1980) — первая часть трилогии «Страсти бухарского дома». Мы рассматриваем ее отдельно от всего романа по двум причинам: во-первых, она появилась первоначально как самостоятельное произведение; во-вторых, бабушка Душана присутствует и умирает в первой части.

В повести показано детство Душана, начиная с первых дней его существования — редкий литературный прецедент. Окружающий мир предстает глазами младенца, лежащего в люльке. Образ бабушки Душана — это образ духовной наставницы и хранительницы традиции, через которую Душан получает чувство избранности, опору и «карту» мира.

Именно бабушка первая «считывает» необычность внука, называет его благородным, нежным, противопоставляет отцу и прямо связывает его появление с мотивом вины и святости: «из вины рождается святость». Ее слова задают Душану особый статус: он не просто «странный ребенок», а человек с особыми внутренним зрением, внук — продолжатель истории рода и духовного опыта.

Благодаря образу бабушки показано, что бессознательные сны и видения Душана («он летает над скалой, пустыней»², видит историю рода) неслучайны: они «подключены» к опыту прадеда-кочевника и всего рода. Бабушка как бы подтверждает и поддерживает это соединение времен: ее рассказы, легенды, притчи срастаются с детскими сновидениями Душана, и весь родовый опыт входит в сознание ребенка.

Бабушка — «пара» и опора одинокого ребенка. Душан ощущает себя «особенным» настолько, что ищет себе пару — и находит ее именно в бабушке: она единственная, кто его по-настоящему понимает. Ее случайная фраза о смерти («меня унесет смерч»³) показывает небрежную попытку уберечь

¹ Там же. С. 210.

² Пулатов Т. И. Хор мальчиков // Пулатов Т. И. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Современный писатель, 1996. Т. 2. С. 6.

³ Там же. С. 65.

ребенка от страшных подробностей, но для Душана это становится реальной угрозой, с которой он борется — он караулит смерч и закидывает его глиняными шариками.

Его вопрос: «А что человек чувствует, когда умирает, бабушка?»¹ подчеркивает, что именно к ней он обращается с предельными, экзистенциальными вопросами — она для него посредник между жизнью и смертью.

Мир бабушки описан как «странный и чарующий»², и именно он оказывается миром, соразмерным внутреннему миру мальчика; бабушка комментирует его поступки, отвечает на вопросы, рассказывает легенды, предания и притчи из Корана. «Набожный мусульманин не воспринимает их как бремя и невыносимое ограничение своей свободы. Напротив, он горд тем, что знает и соблюдает то, что предписал пророк...» (Андре, 2003: 68) — так, любимая книга в кожаном переплете, которую бабушка торжественно приносит и читает, становится для Душана сакральным источником сюжетов и смыслов; ритуальность чтения усиливает значимость услышанного.

История Юсуфа Прекрасного и сидельца, погибшего от птиц за неуважение к хлебу, превращается в конкретное нравственное правило: бабушка требует целовать уроненный хлеб и просить у него прощения, связывая бытовой поступок с космическим возмездием.

Бабушка задает Душану систему пищевых табу: нельзя смешивать «то, что ходит, с тем, что плавает, с тем, что летает»³, потому что это соотносено с трехчастным строением мироздания (небо — птицы, средний мир — копытные и человек, нижний мир — рыбы, змеи, хтонические существа). Репликой о съеденном мозге овцы она намекает на веру в переход качеств животного к человеку. Д. Фрэзер объясняет подобные ситуации переходом характера съеденного животного на человека, причем вера в подобное действо существовала как в древности, так и в XX в. — аргументированно заявляет этнограф (Фрэзер, 1986: 467). Так, бабушка вписывает мальчика в архаическую систему верований (где еда формирует характер), превращает повседневные действия ребенка в этически и космологически значимые поступки: Душан учится воспринимать мир не как «обыденный», а как насыщенный знаками и запретами.

Бабушка Душана ведет себя как проводник и защитница. Она стремится обезопасить Душана от злых сил: развешивает в комнате пучок сухого бессмертника исырыка, кстати, так же, как и тувинская бабушка, окуривающая Ангыра артышом — можжевельником⁴. Таким образом подчеркивается роль бабушки как медиатора между ребенком и невидимым миром духов, злых сил, судьбы: она знает, «как надо» обезопасить, и тихо применяет эти знания.

Память о бабушке продолжается в Душане. После смерти бабушки семилетний Душан чувствует, что она «унесла часть его молодости»⁵, но он «терпеливо и достойно будет носить в себе ее старость»⁶ — формула, которая делает его носителем ее мудрости и опыта. В интернате, в новой социальной среде, он все время опирается на ее заветы: защищая свое «странное» имя, он объясняет его так, как учила бабушка (родился в понедельник⁷; имя — знак договоренности с судьбой). Образ бабушки таким образом продолжается в его речи, поведении, самоощущении: она уже умерла, но ее присутствие в нем становится внутренним голосом и нравственной опорой. Память о хоре, песне, плоских крышах и сентябрьских вечерах, — с надеждой Душана когда-нибудь «влиться в хор», соединяется с бабушкиными рассказами: она становится одним из главных «каналов», через которые традиция и религиозно-ритуальное время входят в его личную биографию.

Посредством образа бабушки показано, что духовная и культурная идентичность ребенка формируется прежде всего в связи «внук — бабушка», где бабушка становится живым носителем религии, мифа, этики и памяти.

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 16.

⁴ Об артыше, его функции в обрядовой жизни тувинцев см.: Москаленко, 2018: 132.

⁵ Пулатов Т. И. Хор мальчиков ... С. 100.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Имя Душан от *душанба* 'понедельник' на узб. яз. (на ряде тюркских языков: на казах. — *дүйсенбі*, на киргиз. — *дүйшөмбү*, на татар. — *дүшәмбе*, на башкир. — *дүшәмбе*, на туркмен. — *duşenbe*, на уйгур. — *дүшәнбә* и др.; а также на таджикском языке — *душанбе*).

Поэтика образа бабушки из повести «Хор мальчиков» строится зеркально: все черты портрета и характера Душана, ее внука, — отражение экзистенциальных свойств его бабушки. Бабушка говорит об избранности внука — Душан везде и со всеми *другой*, ни на кого не похожий. В суждениях и поведении бабушки присутствует этническая иерархия (таджики превосходят узбеков) — Душан, усвоивший эту бабушкину «шкалу», взрослея, понимает, что она отторгается обществом, и поэтому всячески мимикрирует под узбека. Душан приходит к выводу, что бабушка — его пара, возможность ухода бабушки из жизни становится его травматическим переживанием. Как для Ангыра («Повесть о светлом мальчике») бабушка — источник знаний о мире и взаимоотношений с ним, так и для Душана: его бабушка регламентирует его поступки (не роняй хлеб, не ешь недозволенную пищу), прививает Душану коранические ценности, знакомя его с персонажами и сюжетами из Корана, которые в отдельные периоды его детства и юности задают модель поведения (например, Юсуф Прекрасный). По смерти бабушки она остается частью картины мира Душана — в виде наказов, заветов, превращая его в «маленького имама»¹ — со смертью бабушки уходит его молодость, бабушка воплощается в Душане.

Архетип бабушки в общемировой и тюркской традициях

Во всех рассмотренных произведениях присутствует оптика смерти: у Ангыра умирает мать («Повесть о светлом мальчике» С. Сарыг-оола); Акэби показана в моменты физической немощи, медленного мучительного умирания от болезни («Невысказанное завещание» А. Еники); Толганай, пережив смерти своих детей, сохраняет внутреннюю силу («Материнское поле» Ч. Айтматова); грядущая смерть бабушки Душана, прожившей свой век, рождает у него экзистенциальное беспокойство — без бабушки, своей пары, он не мыслит существования («Хор мальчиков» Т. Пулатова). По поводу смерти в литературном произведении Ю. М. Лотман написал статью «Смерть как проблема сюжета» (Лотман, 1994), суть которой состоит в том, что только смерть дает основание говорить о смысле жизни персонажа. Этот смысл в мифологически ориентированных сюжетах порождает идею цикличности, из которой вытекает мотив смерти-возрождения — в нашем случае это возрождение умершей бабушки во внуке.

Бабушка Ангыра становится единственным близким для него человеком, его семья — это бабушка. Акэби на пороге смерти пытается успеть восстановить через внуков целостность рода. Толганай напрямую берет на себя заместительную материнскую роль дарительницы жизни. Бабушка Душана — ее мировоззрение, ее ценности, ее картина мира — трансформируется в своего внука — так ощущает сам Душан.

В отличие от образа «злой старухи», по Проппу, связанной с миром смерти, рассмотренные образы бабушек противостоят духовной смерти и эсхатологии рода. Три ключевые коннотации художественного образа бабушки — спасительница, хранительница, мессия — дополняют ключевые значения юнгианского архетипа «старуха» и соотносятся с древнетюркскими и мусульманскими значениями «хранительница очага».

Миссия бабушек из упомянутых художественных текстов — быть проводником внуков в неведомый им мир; архетип образов бабушек соответствует медиатору обряда посвящения (инициации), в архаике эту роль выполняла старая женщина. Связь бабушки с внуками определяется не только по линии земного существования, но и через пространство коллективного бессознательного. Не случайно в сюжеты о бабушке встраивается танатологический мотив — смерть в той или иной проявленности. Мортальный порог определяет эту связь на границах земной и вечной жизни. Бабушка одновременно семантизирует проявления архетипических модификаций «земной матери» и «небесной матери».

В образе бабушки, согласно теории коллективного бессознательного К. Г. Юнга, проявляются амбивалентные константы архетипов с семантикой женского начала: например, Великой Матери и ее ипостаси — Старухи (Ведьмы, Мудрой Старицы). Так, образ бабушки, как носитель архетипического женского начала, семантизирует одновременно положительную функцию целительства, проводника между мирами и негативную функцию стагнации и близости к смерти (см. подробнее: Юнг,

¹ Пулатов Т. И. Хор мальчиков... С. 58.

1991: 116–121; 1997: 150, 311, 317, 371). Одним из негативных проявлений архетипа «старуха» выступает ее бесплодность: с одной стороны, старуха не способна что-либо создать, с другой — воплощает опыт, сохраняет традиции и передает их. Она близка к смерти, а значит одной ногой стоит по ту сторону реальности, умеет обращаться с иным миром.

Негативные и положительные значения пересекаются на уровне концепта «мудрость». Старуха в любом своем проявлении может стать духовным учителем. Однако именно бабушка, а не просто любя «старуха», реализует идею передачи духовного опыта рода, семьи, то есть становится воплощением экзистенциальной памяти.

В литературе, имеющей тюркоязычные корни, кроме универсальных значений, восходящих к юнгианскому архетипу матери, образ бабушки, чаще всего, наделяется смыслами, детерминированными национальной традицией: воплощение идеи единства и благополучия рода. В связи с этим часто в структуре онима *бабушка* у разных тюркских народов присутствуют значения, дополняющие и коррелирующие родовую семантику материнства — большая мать, старшая мать, отмеченные нами выше.

В древней тюркской традиции бабушка и мать являются национальными символами сохранения самосознания народа, его продолжения, будущего, мирной и гармоничной жизни. Основные национальные лексико-семантические коннотации женского архетипического образа в рассмотренных нами традициях соотносятся с общекультурными значениями архетипа Великой матери, объединяющего в себе светлое и темное, творящее и разрушающее. Значения «хранительница», «спасительница», «дарительница жизни» соотносятся с основными сакральными смыслами и в общетюркской мифологии. Мать, в отличие от юнгианских значений архетипического образа отца, редко связана в тюркской традиции с коннотациями Верхнего мира, чаще всего именно со срединной частью мифологической картины мира — землей, как основой жизненного почвенного мира человеческого рода. Сакрализация женских образов у тюрков детерминирована семантикой «материнского лона», в рамках которого создается бытийный миропорядок и гармония духа и тела. По мнению Д. Ф. Загидуллиной, следование мировым литературным тенденциям сопровождается одновременной акцентацией на общетюркских традициях, организующих движение национального литературного процесса на основе «сохранности и трансформации отдельных мотивов» (Загидуллина, 2022: 189), соотносимых с древнетюркскими памятниками культуры.

Заключение

Ставшие хрестоматийными слова С. С. Аверинцева о том, что филология — это служба понимания другого человека, другой культуры, другой эпохи, иллюстрируют подход в нашей аналитике образа бабушки. Без анализа поэтики, считает Н. Д. Тамарченко, «„служба понимания“ едва ли осуществима. Каждое понятие необходимо для того, чтобы выделить определенную форму, сравнить различные тексты, в которых она присутствует, и определить ее *инвариантное* значение» (Тамарченко, 2008: 183).

В образах бабушек персонажей Ангыра («Повесть о светлом мальчике») и Душана («Хор мальчиков») сконцентрирована аксиология тюркского мира, правила поведения, трансляция модели существования, спрессованная веками народная мудрость. Образы бабушек Акэби («Невысказанное завещание») и Толгонай («Материнское поле») символизируют «почву», связь земли и рода. Оптика анализа в статье направлена на индивидуально-авторские приемы поэтики — в создании образов бабушек, в итоге сводимых к универсальному значению. Так, в литературе, имеющей тюркоязычные корни, кроме универсальных значений, восходящих к юнгианскому архетипу матери, образ бабушки наделяется смыслами, детерминированными национальной традицией: воплощение идеи единства и благополучия народа, рода, страны. Бабушка определяется как носитель «телесной» родовой памяти. Выявлены универсальные смыслы и этнокультурные различия образов бабушки, созданных писателями, чье творчество питается разными и в то же время похожими картинами мира.

Таким образом, поставленная цель — выявить функциональную роль образа бабушки в формировании картины мира ребенка у ряда тюркоязычных народов, найти общее и отличное, достигнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аль Хатиб, Л. Б. (2017) Концепты «дедушка/бабушка» в разных лингвокультурах // Успехи современной науки и образования. Т. 3. № 4. С. 163–165.
- Аминева, В. Р. (2016) Повествователь и герой в повести А. Еники «Невысказанное завещание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (61). Ч. 1. С. 12–14.
- Андре, Т. (2003) Исламские мистики / пер. с нем. В. Г. Ноткиной. СПб. : Евразия. 240 с.
- Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А., Токарева, Н. А. (2021) На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 (2). С. 263–272. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
- Бахтин, М. М. (1979) Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М. : Искусство. 423 с. С. 7–180.
- Бахтин, М. М. (2000) Проблема речевых жанров // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / сост. и авт. вступ. ст. С. Г. Бочаров. СПб. : Азбука. 332 с. С. 249–299.
- Биркхойзер-Оэри, С. (2010) Мать: архетипический образ в волшебной сказке / пер. с англ.; под ред. М.-Л. фон Франц. М. : Когито-Центр. 254 с.
- Воробец, Т. А., Лобкова, Е. В. (2025) Репрезентация образов бабушек и дедушек в современной русской литературе (на материале сборника «Удивительные истории о бабушках и дедушках») // Семья — ближайшее и самое дорогое для нас отечество: сб. материалов IV Круглого стола / отв. ред. Е. В. Лобкова. Омск : Сибирский гос. автомобильно-дорожный ун-т (СибАДИ). 234 с. С. 65–68.
- Гапонова, Ж. К., Никкарева, Е. В. (2022) Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. Т. 27. № 4. С. 141–153.
- Гинзбург, Л. Я. (1979) О литературном герое. Л. : Советский писатель. 223 с.
- Гинзбург, Л. Я. (1999) О психологической прозе. М. : Интрада. 415 с.
- Загидуллина, Д. Ф. (2022) Художественные приемы и стиливые обновления в татарской литературе (в контексте тюркских литератур XX–XXI вв.). Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. 252 с.
- Корман, Б. О. (1981) Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма: Межвузовский сб. / отв. ред. Л. А. Финк. Куйбышев : Куйбышевский гос. ун-т. 160 с. С. 39–54.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Лотман, Ю. М. (1970) Структура художественного текста. М. : Искусство. 384 с.
- Лотман, Ю. М. (1994) Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А. Д. Кошелев. М. : Гнозис. 560 с. С. 417–430.
- Макрушина, Ю. А. (2016) Архетипический образ бабушки в повествовании в рассказах «Последний поклон» В. П. Астафьева // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов междунар. студен. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск : Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова. 396 с. С. 44–47.
- Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.
- Москаленко, Н. П. (2018) Природа обоняния — ключ восприятия окружающего мира в тувинской культуре // Кунсткамера. № 2. С. 127–134.
- «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...» (2020): семейный дискурс русской и мировой литературы / под науч. ред. Е. М. Болдыревой. Ярославль : РИО ЯГПУ. 271 с.
- Побережная, Ю. В., Тихонова, Н. В. (2024) Современная проза о бабушках и дедушках на уроках литературы в школе // Кубанская школа. № 4 (76). С. 113–119.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.
- Пропп, В. Я. (2000) Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт. 336 с.
- Савкина, И. Л. (2011) «У нас никогда уже не будет этих бабушек»? // Вопросы литературы. № 2. С. 109–135.
- Саломатина, Г. В. (2016) Образ бабушки в русской литературе М. Горький. «Детство», В. П. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет», «Конь с розовой гривой» // Литература в школе. № 8. С. 35–36.

Сергеева, О. В., Ткаченко, А. А. (2022) Образ бабушки в современной прозе для детей и подростков на уроках литературы // Литература в школе. № 1. С. 105–115. DOI: <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-1-105-115>

Тюпа, В. И. (2021) Горизонты исторической нарратологии. СПб. : Алетейя, 270 с.

Фрэзер, Д. Д. (1985) Фольклор в Ветхом завете / пер. с англ. Д. Вольпина. М. : Политиздат. 511 с.

Фрэзер, Д. Д. (1986) Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М. : Политиздат. 703 с.

Хадаханэ, М. А. (1968) Тувинская проза. Кызыл : Тувкнигоиздат. 131 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

Шевчугова, Е. И. (2018) Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В. П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация // Сибирский филологический форум. № 4 (4). С. 31–36.

Шмид, В. (2008) Нарратология. М. : Языки славянской культуры. 302 с.

Эпштейн, М., Юкина, Е. (1981) Мир и человек // Новый мир. № 4. С. 236–240.

Юнг, К. Г. (1991) Архетип и символ / предисл. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. М. : Ренессанс. 297 с.

Юнг К. Г. (1997) Душа и миф: Шесть архетипов. М. : Совершенство; Киев : Порт-Рояль. 382 с.

Дата поступления: 06.01.2026 г.

Дата принятия: 12.03.2026 г.

REFERENCES

Al Khatib, L. B. (2017) The concepts “grandfather/grandmother” in different linguocultures. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*, vol. 3, no. 4, pp. 163–165. (In Russ.)

Amineva, V. R. (2016) The narrator and the character in A. Eniki’s novella “The Unspoken Will”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7(61), part 1, pp. 12–14. (In Russ.)

Andre, T. (2003) *Islamic mystics*. Transl. from German by V. G. Notkina. St Petersburg, Evraziya. 240 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. and Tokareva, N. A. (2021) On the “Agora” today: Approaches to the study of translingual literature. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6(2), pp. 263–272. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>

Bakhtin, M. M. (1979) Author and hero in aesthetic activity. In: *Aesthetics of verbal art*. Notes by S. S. Averintsev, S. G. Bocharov. Moscow, Iskusstvo. 423 p. Pp. 7–180. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (2000) The problem of speech genres. In: *Author and hero: Toward the philosophical foundations of the humanities*. Comp. and introd. by S. G. Bocharov. St Petersburg, Azbuka. 332 p. Pp. 249–299. (In Russ.)

Birkhäuser-Oeri, S. (2010) *The mother: Archetypal image in fairy tales*. Transl. from English; ed. by Marie-Louise von Franz. Moscow, Kogito-Tsentr. 254 p. (In Russ.)

Vorobets, T. A. and Lobkova, E. V. (2025) Representation of the images of grandmothers and grandfathers in contemporary Russian literature (based on the collection “Amazing stories about grandmothers and grandfathers”). In: *The family is our nearest and dearest homeland: Proceedings of the 4th Round Table*. Ed. by E. V. Lobkova. Omsk, Sibirskii gosudarstvennyi avtomobil’no-dorozhnyi universitet (SibADI). 234 p. Pp. 65–68. (In Russ.)

Gaponova, Zh. K. and Nikkareva, E. V. (2022) Representation of the images of grandmother and grandfather in contemporary children’s literature. *Filologicheskii klass*, vol. 27, no. 4, pp. 141–153. (In Russ.)

Ginzburg, L. Ya. (1979) *On the literary character*. Leningrad, Sovetskii pisatel’. 223 p. (In Russ.)

Ginzburg, L. Ya. (1999) *On psychological prose*. Moscow, Intrada. 415 p. (In Russ.)

Zagidullina, D. F. (2022) *Artistic devices and stylistic innovations in Tatar literature (in the context of 20th–21st century Turkic literatures)*. Kazan, Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova. 252 p. (In Russ.)

Korman, B. O. (1981) The integrity of a literary work and an experimental dictionary of literary terms. In: *Problems of the history of criticism and the poetics of realism: Interuniversity collection*. Ed. by L. A. Fink. Kuibyshev, Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet. 160 p. Pp. 39–54. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Children for Tuva people: Changes in attitudes under sociocultural transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

- Lotman, Yu. M. (1970) *The structure of the artistic text*. Moscow, Iskuststvo. 384 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. (1994) Death as a problem of plot. In: *Yu. M. Lotman and the Tartu–Moscow school of semiotics*. Comp. by A. D. Koshelev. Moscow, Gnozis. 560 p. Pp. 417–430. (In Russ.)
- Makrushina, Yu. A. (2016) The archetypal image of the grandmother in the narrative of V. P. Astaf'ev's stories "The last bow". In: *World literature through the eyes of modern youth: Proceedings of the international student research and practice conference*. Ed. by S. V. Rudakova. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Novosova. 396 p. Pp. 44–47. (In Russ.)
- Meletinskii, E. M. (1976) *Poetics of myth*. Moscow, Nauka. 407 p. (In Russ.)
- Moskalenko, N. P. (2018) The nature of smell as a key to perceiving the surrounding world in Tuva culture. *Kunstkamera*, no. 2, pp. 127–134. (In Russ.)
- "Unexpected, like a flower over the abyss, the family hearth and comfort...": *Family discourse in Russian and world literature* (2020) Ed. by E. M. Boldyreva. Yaroslavl, RIO YaGPU. 271 p. (In Russ.)
- Poberezhnaya, Yu. V. and Tikhonova, N. V. (2024) Contemporary prose about grandmothers and grandfathers in literature lessons at school. *Kubanskaya shkola*, no. 4 (76), pp. 113–119. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of Tuva people*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. (2000) *The historical roots of the fairy tale*. Moscow, Labirint. 336 p. (In Russ.)
- Savkina, I. L. (2011) "We will never again have those grandmothers"? *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 109–135. (In Russ.)
- Salomatina, G. V. (2016) The image of the grandmother in Russian literature: M. Gorky, "Childhood"; V. P. Astaf'ev, "The photograph I am not in", "The horse with the pink mane". *Literatura v shkole*, no. 8, pp. 35–36. (In Russ.)
- Sergeeva, O. V. and Tkachenko, A. A. (2022) The image of the grandmother in contemporary prose for children and adolescents in literature lessons. *Literatura v shkole*, no. 1, pp. 105–115. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-1-105-115>
- Tyupa, V. I. (2021) *Horizons of historical narratology*. St Petersburg, Aleteiya. 270 p. (In Russ.)
- Frazer, J. G. (1985) *Folklore in the Old Testament*. Transl. from English by D. Volpin. Moscow, Politizdat. 511 p. (In Russ.)
- Frazer, J. G. (1986) *The golden bough: A study in magic and religion*. Transl. from English by M. K. Ryklin. Moscow, Politizdat. 703 p. (In Russ.)
- Khadakhane, M. A. (1968) *Tuva prose*. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 131 p. (In Russ.)
- Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) The ambivalent myth of Tuva in the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 61–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>
- Shevchugova, E. I. (2018) The archetype of the grandmother in the works of I. A. Goncharov, M. Gorky and V. P. Astaf'ev: Tradition and authorial interpretation. *Sibirskii filologicheskii forum*, no. 4 (4), pp. 31–36. (In Russ.)
- Schmid, W. (2008) *Narratology*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 302 p. (In Russ.)
- Epshtein, M. and Yukina, E. (1981) The world and the human being. *Novyi mir*, no. 4, pp. 236–240. (In Russ.)
- Jung, C. G. (1991) *Archetype and symbol*. Foreword by A. M. Rutkevich; notes by V. M. Bakusev et al. Moscow, Renessans. 297 p. (In Russ.)
- Jung, C. G. (1997) *Soul and myth: Six archetypes*. Moscow, Sovershenstvo; Kiev, Port-Royal. 382 p. (In Russ.)

Submission date: 06.01.2026.

Acceptance date: 12.03.2026.

Представление культурных кодов в тувинских и алтайских паремиях о детстве

Чодураа Ш. Кол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Наталья Ю. Нелюбова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

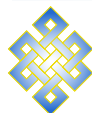
В статье анализируются культурные коды о детях и детстве на материале тувинских и алтайских паремий, собранных из аутентичных паремиографических источников. Приведено более 40 репрезентативных тувинских и алтайских примеров. Применена комплексная методика исследования, согласно которой в паремиях были уточнены способы представления разных культурных кодов, их сочетаемость и роль в определении значимости темы детства в языковом и культурном сознании тувинцев и алтайцев.

Выявлены элементы-обозначения ряда культурных кодов, среди которых в двух языках преобладает анималистический. Его репрезентанты демонстрируют валентные связи с компонентами-номинациями природного, растительного, вещественного, соматического, цветового, нумеративного и гастрономического кодов.

Для наименования детей в тувинских паремиях зафиксированы употребления гиперонимических и гипонимических номинаций. В алтайском материале, содержащем апелляции к культурным кодам, установлено только гиперонимическое обозначение детей. Метафорические обозначения детей в двух языках встречаются фрагментарно. Репрезентанты выявленных культурных кодов встречаются преимущественно в параллельных синтаксических конструкциях. Они усиливают образность и экспрессивность паремий при передаче семантических пословичных конденсатов, в основном совпадающих в тувинских и алтайских пословицах о детях и детстве.

Ключевые слова: паремия; тувинский язык; алтайский язык; культурный код; детство; ребенок; детеныш

Для цитирования:

Кол Ч. Ш., Нелюбова Н. Ю., Сувандии Н. Д. Представление культурных кодов в тувинских и алтайских паремиях о детстве // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 63-75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.5>

Кол Чодураа Шолбан-ооловна — аспирант кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 98. Эл. адрес: 4odon@mail.ru

Нелюбова Наталья Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: nat.nelubova@mail.ru

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 98. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Representation of cultural codes in Tuvan and Altai paremias about childhood

Choduraa Sh. Kol

Tuvan State University, Russian Federation,

Nataliya Yu. Nelyubova

RUDN University, Russian Federation,

Nadezhda D. Suvandii

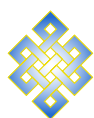
Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes cultural codes relating to children and childhood based on Tuvan and Altai paremias collected from authentic paremiographic sources. More than 40 representative Tuvan and Altai examples are presented. A comprehensive methodology is applied, according to which the ways of representing different cultural codes in paremias, their combinability, and their role in determining the significance of the theme of childhood in the linguistic and cultural consciousness of Tuvans and Altaians are specified.

Elements denoting several cultural codes are identified, among which the animalistic code predominates in both languages. Its representatives demonstrate valency links with components naming the natural, vegetal, material, somatic, colour, numerical, and gastronomic codes.

For the naming of children in Tuvan paremias, uses of both hyperonymic and hyponymic nominations are recorded. In the Altai material containing references to cultural codes, only hyperonymic designations of children are attested. Metaphorical designations of children in the two languages occur only fragmentarily. The representatives of the identified cultural codes appear predominantly in parallel syntactic constructions. They enhance the imagery and expressiveness of the paremias in conveying semantic proverbial condensates, which largely coincide in Tuvan and Altai proverbs about children and childhood.

Keywords: *paremia; Tuvan language; Altai language; cultural code; childhood; child; animal young*

For citation:

Kol Ch. Sh., Nelyubova N. Yu. and Suvandii N. D. Representation of cultural codes in Tuvan and Altai paremias about childhood. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 63-75 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.5>

KOL, Choduraa Sholban-oolovna, Postgraduate Student, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 98 Mongusha Sata St., Kyzyl, 667004, Russia. E-mail: 4odon@mail.ru

ORCID: 0009-0000-2231-5802

NELYUBOVA, Natalia Yuryevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Str., 117198, Russia, Moscow. E-mail: nat.nelubova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6538-8267

SUVANDII, Nadezhda Dariyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean, Faculty of Philology, Tuvan State University. Postal address: 98 Mongusha Sata St., Kyzyl, 667004, Russia. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3817-2436

Введение

В русле современного антропоцентрического направления в лингвистике актуальным представляется создание методики комплексного анализа культурных кодов и их репрезентации в языке. Некоторые образы и фрагменты мира, имеющие символическое значение, лежат в основе различных кодов. Вслед за В. В. Красных, мы считаем, что культурный код представляет собой совокупность ментальных фактов, обнаруживающих связь с феноменами, наделенными культурным смыслом. Данные феномены имеют отношение к определенной сфере бытия (Красных, 2016: 131).

В соответствии с определенными сферами жизни выделяются различные культурные коды. В частности, если рассматривать их по тематическому признаку, выделяют антропный, природный, соматический, вещный (артефактный) и др. Тематические коды культуры, как пишет М. Л. Ковшова, по форме представляют собой «субстанционально различные знаки материального и духовного мира, объединенные в рамках одной темы. По содержанию <...> — реалии мира, переосмысленные в эстетических и этических категориях, ставшие носителями культурных идей» (Ковшова, 2016: 174).

Обращение к паремиологическому материалу в контексте изучения культурных кодов обусловлено насыщенностью данных языковых единиц культурно значимой информацией, способностью к ее воспроизводимости в процессе передачи опыта и традиций от одного поколения к другому. Репрезентантами культурных кодов в паремиях служат семантически связанные с ними соответствующие компоненты-номинации человека, частей тела, предметов быта и пищи, природных явлений, животных и растений и др.

Важным аспектом исследования мы считаем не только выявление репрезентантов культурных кодов в паремиях, но и анализ их комбинаторики, а также роли в представлении ценностно важных тематических блоков, в частности отношений к семье, детям и детству. В целом в паремиях находит отражение различное у разных этносов «понимание родства, родственников, их иерархия, связанная со складывавшимися веками социальными отношениями», о чем пишут Е. И. Зиновьева и А. С. Алешин (Зиновьева, Алешин, 2022: 133). Детям, как установила О. В. Ломакина, уделяется особое внимание в разных типах лингвокультур (европейской, азиатской и евроазиатской) (Ломакина, 2024: 59). Согласимся с автором, что «конкретная ценность, характеризующая ту или иную лингвокультуру, может являться культурно маркированным, занимающим определенное место в иерархии ценностей образованием» (Ломакина, 2025: 626).

Семья в системе ценностей азиатских народов является одной из важных аксиологических доминант, что проявляется, в частности, в тувинской и алтайской культурах, где всегда почитали и почитают семейные узы (напр.: Кенин-Лопсан, 2021: 118–121). Рождение ребенка у тувинцев является одним из важных событий в жизни народа (Потапов, 1969: 266–278). Весь род был заинтересован в создании новой семьи. В традиционной культуре алтайцев важным было родство по сеоку (роду) и по браку. Полноценной личностью считался лишь человек, владеющий скотом, имеющий свое жилище, семью и детей (Тюхтенева, 2015: 72).

Цель данной статьи — представить анализ репрезентаций культурных кодов в тувинских и алтайских паремиях тематической группы «детство». Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) рассмотреть культурные коды в тувинских паремиях о детях и детстве; 2) рассмотреть культурные коды в алтайских паремиях о детях и детстве; 3) проанализировать общее и особенное в тувинских и алтайских паремиях.

Материал был отобран путем сплошной выборки из аутентичных тувинских¹ и алтайских² источников. Из них была собрана картотека тувинских (30) и алтайских пословиц (33) с компонентами, связанными с семантическим полем «детство» и одновременно содержащими обозначения различных культурных кодов (всего — 63). Далее был осуществлен анализ представления культурных кодов и их роли в тувинских и алтайских паремиях о детстве: выявлены репрезентанты культурных

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. (На рус. и тув. яз.); Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-составитель Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; АНО «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.

² Ойроткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012.

кодов и определена их роль в формировании семантики пословиц; выявлена комбинаторная способность репрезентантов культурных кодов, отражающая возможные случаи сочетаемости кодов друг с другом, как фактор формирования семантики паремий в тувинских и алтайских паремиях. Для иллюстрации теоретических положений в статье представлено в итоге 40 наиболее репрезентативных тувинских и алтайских примеров. При анализе материала применены лингвокультурологический, описательно-аналитический, метод семного анализа.

В статье использованы теоретические положения и выводы изложенные в трудах ученых в следующих областях: теоретические основы изучения культурных кодов (Ковшова, 2016); различные аспекты теории валентности в лингвистике (Бочина, 2023a; Nelyubova, Dugalich, Ershov, 2021); проблема репрезентации семейной тематики в тувинских и алтайских пословицах (Зиновьева, Алешин, 2022; Ломакина, 2024; Нелюбова, 2022a; Сувандии, 2025; Ойноткинова, 2012), а также представления в них различных культурных кодов (Бочина, 2023b; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Нелюбова, 2022b; 2023; Николаева и др., 2023; Ойноткинова 2012). Кроме того, в исследовании мы опирались на данные, касающиеся этнографии и традиционного мировосприятия тувинцев (Курбатский, 2001; Мендешева, 2008) и алтайцев (Енчинов, 2013; Традиционная пища алтайцев, 2024; и др.¹).

Представление культурных кодов в тувинских пословицах о детях

Согласно проведенному ранее исследованию одного из соавторов статьи, самой многочисленной тематической группой тувинских пословиц является рубрика о семье и родственных отношениях (Нелюбова, 2022a: 155), одним из наиболее важных аспектов которых является наличие большой семьи и детей. Ч. К. Ламажаа особо подчеркивает в своих исследованиях, что ребенок для тувинцев — это не только любимый родной маленький человечек, но и одна из главных ценностей в тувинской культуре (Ламажаа, 2015: 51). Рассматривая семью как традиционную ценность, О. В. Ломакина выделяет внутри ее несколько типов отношений, среди которых на первом месте находятся отношения между детьми и родителями (Ломакина, 2024: 59). Еще один из соавторов данной статьи Н. Д. Сувандии также обращает внимание на важную роль отношений между детьми и родителями, к которым дети очень привязаны, как и к домашнему очагу (Сувандии, 2025: 732), что можно считать важным семантическим пословичным конденсатом тувинских пословиц. Под семантическим пословичным конденсатом вслед за Е. И. Селиверстовой мы понимаем смысл паремии, выраженный в сжатом виде, если исключить из нее «метафоричность, лексическую избыточность, ритм, рифму и проч.» (Селиверстова, 2014: 59).

Анализ собранной нами картотеки тувинских паремий о детях и детстве, содержащих репрезентанты различных культурных кодов, позволил выявить следующие конденсаты: ценность любви и нежного отношения к детям в семье; важность воспитания детей, которому родители отдают много сил; невоспитанный ребенок — позор для семьи; дети — предмет гордости родителей; важность уважительного отношения к родителям на протяжении всей жизни; трудная судьба сирот.

Так, в паремиях подчеркивается важность нежного отношения и любви родителей, в частности матери к детям: *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-киш артык* 'Матери дитё дорого, Охотнику — чёрный соболь'². В данном случае параллельное обращение к образу соболя (репрезентант анималистического кода) как ценного объекта традиционного занятия тувинцев — охоты, имеющей высокую хозяйственную значимость (Курбатский, 2001: 55), показывает ценность ребенка для матери. Пословицы указывают и на ответную реакцию детей: *Чассыдарда чаи белен* 'Ребенок на ласку отзывчив'³, в том числе на их заинтересованность в своем пути и своей жизни: *Ава кижы "төлүм" дээр, Ажы-төлү "шөлүм" дээр* 'Думы матери о детях, Мысли детей — в степи'⁴. В данном примере используется также репрезентант природного культурного кода *шөл* 'степь'. Его упоминание объясняется тем, что особенности ландшафта региона в той или иной степени влияют на особенности образного восприятия окружающего мира (Николаева и др., 2023: 53).

¹ Алтайский этнографический словарь / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2025.

² Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 40-41.

³ Там же. С. 54, 55.

⁴ Там же. С. 40, 41.

В пословицах о любви матери к ребенку дети могут обозначаться и метафорически — орнитологическими образами: *Кускун кара-даа болза, Төлүнге ынак* 'Хоть черны воронята, а мать их любит'¹. Кроме того, отметим в данной паремии важность обращения к цветовому коду. Цвет, с одной стороны, является признаком объектов действительности и отражает его объективную характеристику. С другой стороны, как пишет Т. Г. Бочина, «значения колористических лексем развивают множество этноспецифичных аксиологических, символических и семиотических коннотаций в связи с лингвокультурной обусловленностью освоения и восприятия мира» (Бочина, 2023b: 9). Апелляция к колоративу *кара* 'черный', подразумевающему как правило отрицательную коннотацию, подчеркивает еще больше силу материнской любви (мать любит воронят несмотря на то, что они черные). Важность любви и заботы родителей отражается и в пословицах о сиротах и их трудной судьбе: *Ада чокта — чартык өскүс, Ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, Без матери — круглый сирота'².

Также семантический конденсат — важность любви и нежности к детям — с помощью обращения к анималистическому коду выражен и в следующих паремиях: *Кижиге төлүнге ынак, Ыт коданынга ынак* 'Человек любит своих детей, А собака — свой двор'³; *Уялыг куш чаныган, уруглуг кижиге кээрээчел* 'Птица гнездо бережёт, человек — детей'⁴. Необходимость бережного отношения к детям представлена и в следующих примерах: *Чаваа аътты түредип болбас, Чаш кижини коргудуп болбас* 'Жеребенка не седлай, Ребенка не пугай'⁵; *Чавааны шаварга — аскаар, Чашты аттынарга — ыглаар* 'На жеребенке поскачешь — захромает, Ребенка обидишь — заплачет'⁶. В параллельных частях пословиц как основа для сравнения использованы метафорические образы собаки, птицы и жеребенка.

Упоминание жеребенка связано с ролью коня в тувинской культуре, который представляет для тувинцев одну из важных жизненных ценностей (Сувандии, 2022: 170), чем объясняется частотность данного образа среди других анималистических образов в пословично-поговорочном фонде (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 242). Он может выступать в том числе как основа метафорического обозначения ребенка: *Кулун тудар — доозунгуг, Куда дүжер — дүвүренчиг* 'С жеребятами — хлопотно, На свадьбе — суетно'⁷. Данная пословица указывает, что с детьми у родителей много хлопот.

В качестве еще одного образа животного, представленного в параллельных синтаксических конструкциях, используется образ другого детеныша животного — козленка: *Чаш малдың оюну чараш, Чаш уругнуң чаңы чараш* 'У козленка игры резвы, У ребенка лепет приятен'⁸; *Адазынга кызы чассыг, Авазынга анай чассыг* 'Девочка ласкается к отцу, Козленок — к своей матери'⁹, в том числе для метафорического обозначения ребенка: *Аалчы кижиге алыксак, Анайлыг өшкү эдиген* 'Гостю — подарок, Коже — козленок'¹⁰.

В целом в тувинских паремиях подчеркивается важность процесса воспитания ребенка, так как плохо воспитанный ребенок — позор для семьи: *Төрөл багы — аал чуду, Төл багы — өг чуду* 'С плохой родней — аалу позор, С плохим дитём — юрте позор'¹¹. В данном случае в качестве этноспецифического символа семьи выступает юрта — одно из самых важных проявлений материальной культуры (Курбатский, 2001: 14). С юртой пословицы связывают само существование, в них отражается важность гостеприимства и в целом коллективистский вектор азиатской тувинской культуры: *Будуктуг ыяшка куш чыгыр, Буянный өгге чон чыгыр* 'К ветвистому дереву птицы слетаются, К приветливой юрте народ собирается'¹².

С точки зрения социоцентрической направленности тувинской культуры мы считаем показательным факт, что «в названиях рубрик словаря тувинских пословиц, как и самих пословицах

¹ Там же. С. 56, 57.

² Там же. С. 40, 41.

³ Там же. С. 40, 41.

⁴ Там же. С. 42, 43.

⁵ Там же. С. 52, 53.

⁶ Там же. С. 42, 42.

⁷ Там же. С. 46, 47.

⁸ Там же. С. 52, 53.

⁹ Там же. С. 46, 47.

¹⁰ Там же. С. 160, 161.

¹¹ Там же. С. 56, 57.

¹² Там же. С. 22.

упоминается народ и народные идеалы» (Нелюбова, 2022а: 157). Отметим, что в ряде примеров данной тематики выявлены репрезентанты природного и растительного культурных кодов в параллельных и сравнительных синтаксических конструкциях с целью придания паремии образности и экспрессивности: *Хем келдейбес, чон чолдайбас* 'Река не иссякнет, народ не оскудеет'¹; *Чоннуң көөрү — шолбан караа* 'Ум народа ясен, как утренняя звезда'²; *Шын сөске чон ынак, шык черге үнүш ынак* 'Народ любит правду, растение любит влагу'³.

Отметим, что в тувинских паремиях отрицательно оценивается неуважение к родителям, что также в значительной степени типично для азиатских культур. В качестве анималистического образа в параллельной конструкции используется образ щенка: *Тоткан эник ээзин ээрер, Доруккан оол иезин чаңчаар* 'Щенок наестся и на хозяина лает, Сын вырастет и на мать кричит'⁴. Отрицательная оценка такого поведения представлена имплицитно — путем сравнения лающего на хозяина щенка с кричащим на родителя ребенком. Щенок зависит от хозяина, кормящего его, как и ребенок — от родителя и может быть наказан за неуважительное отношение. Когда щенок сыт, а ребенок вырос, проявления неблагодарности традиционно оцениваются людьми негативно, особенно в обществах, в которых выражены социоцентрические тенденции и важна вертикальная дистанция между его представителями. Кроме компонента-зоонима, представляющего анималистический код, в данном примере отражен также пищевой код, как и в паремии *Ыт думчуу борбанатпа, Уруг караа кылаңнатпа* 'Собаку накорми, ребенка угости'⁵ о необходимости заботы и о домашних животных, наиболее близких к человеку, и о детях.

При обозначении детей в тувинских паремиях, кроме гиперонимических номинаций *төл* 'дитя, дети', *уруг* 'ребенок', *чаиш* 'младенец', встречаются и гипонимы *оол* 'сын' и *кыс* 'дочь': *Ада кижиги оглун сактыр, Алдын-доос кудуруун сактыр* 'Отец гордится сыном, А павлин — хвостом'⁶. В данной паремии для передачи семантического конденсата дети — предмет гордости родителей использовано обращение к орнитологическому коду и соматическому (название части тела птицы). Аппеляция к предметному коду позволяет указать на традиционные мужские и женские занятия: *Кыс уруг ине-чүскүк дээр, Оол уруг оттук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с наперстком, Сын — нож с огнем'⁷. *Бижек* 'нож' — один из инструментов, широко используемых в быту. «В ноже-бижек удивляла безотказность в работе, долговечность» (Курбатский, 2001: 66). Встречаются также параллельные обращения к природному коду, например, для передачи традиции, согласно которой дочь, которая вышла замуж, живет в семье мужа: *Даиш кагган черинге чыдар, Кыс берген черинге олурар* 'Где камень бросил, там и лежит, Куда дочь отдал, там и живет'⁸.

В приведенных примерах необходимо подчеркнуть факт сочетаемости репрезентантов культурных кодов, или их валентность, которую мы предлагаем рассматривать по аналогии с аксиологической валентностью (Бочина, 2023а). Последняя существует в виде сопредельных ценностей (Nelyubova, Dugalich, Ershov, 2021: 1060, 1069, 1070; Нелюбова, 2022: 149, 152 и др.), определяемых нами как «занимающие смежное положение по отношению к другим ценностям в их системе» (Нелюбова, 2025: 115). Так, преобладающие в нашем материале репрезентанты анималистического кода вступают в валентные отношения с репрезентантами природного, соматического, вещественного, пищевого и цветового кодов. Проведенное исследование подтвердило мысль о том, что зоокомпоненты выступают как репрезентанты ключевых понятий и как лексические маркеры паремической образности (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 61). Та же мысль справедлива и по отношению к компонентам, представляющим другие культурные коды. В основном данные лексемы выступают для усиления экспрессивности в процессе передачи значения паремии в параллельной синтаксической

¹ Там же. С. 20, 21.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; АНО «Детский литературный сайт "Радуга Тувы"», 2020. С. 68.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 144, 145.

⁶ Там же. С. 54, 55.

⁷ Там же. С. 48, 49.

⁸ Там же.

конструкции, в то время как в другой части для обозначения детей используются как гиперонимы, так и гипонимы. В редких случаях дети обозначаются с помощью метафорических образов детенышей животных.

Представление культурных кодов в алтайских пословицах о детях

В алтайских пословицах, как и в тувинских, отражено традиционное мировоззрение, общеизвестные способы поведения, в том числе в семье и на уровне взаимоотношений между детьми и родителями. Причем в паремиях в целом «за основу и образец берутся только идеальные модели поведения, поэтому в поступках и действиях человека должно четко прослеживаться его стремление к идеалу, а несоответствие может толковаться как отступление от нормы»¹.

Алтайский материал нашей картотеки, включающий пословицы о детях с компонентами-репрезентантами культурных кодов, продемонстрировал схожие с тувинскими пословичные конденсаты: ребенок — это богатство; необходимость воспитывать детей с самого детства; важная составляющая процесса воспитания — любовь к детям; сирота — несчастный человек, которого обижать нельзя.

В алтайских паремиях с помощью обращения к культурным кодам выражаются различные аспекты значений паремий: указанные семантические конденсаты, их лингвокультурное содержание и др., чему способствуют, как и в тувинских паремиях, параллельные синтаксические конструкции. Согласно исследованию Н. Р. Ойроткиновой, алтайские пословицы утверждают, что любой ребенок — это богатство, он оценивается утилитарно, приносит пользу обществу, родителям, определяет материальное и духовное благополучие семьи в будущем: *Бака балазы көлгө туза, Кижжи балазы элге туза* 'Икра лягушки озеру нужна, Ребенок человека народу нужен'; *Бакадын үркенези көлгө туза, Кижжинин балазы кижжиге туза* 'Икра лягушки озеру нужна, Ребенок человека человеку нужен'².

В данных вариантах пословицы указанный семантический конденсат выражается посредством обращения к анималистическому и природному кодам. Путем сравнения через данные метафоры подчеркивается не только важность ребенка, его ценность для семьи, но и для народа. Здесь проявляется социоцентрический вектор алтайской культуры. Так, Э. В. Енчинов отмечает, что в традиционном обществе человек обладает правами только потому, что является членом группы. «Его исключение из группы автоматически лишает человека прав, а в прошлом и самого основного — права на жизнь, — отмечал автор. — Именно поэтому ограничение в участии в коллективных мероприятиях, таких как совершение жертвоприношений, больших ритуалов и праздников, свадеб и похорон, было для алтайца не только моральным порицанием, но и правовой санкцией» (Енчинов, 2013: 43).

Сила влияния народа в алтайской паремиологии также выражается путем обращения к различным культурным кодам и параллелям в виде соответствующих образов, представленных рядом компонентов. Это компоненты-номинации явлений природы, анималистические компоненты, соматизмы, нумеративы и др.: *Албатынын күчиле кайада кыймыктаар* 'Силой народа и скала сдвинется'³; *Агын сууда балык бар, Албатыда арга бар* 'В быстрой реке рыба есть, В народе спасение есть'⁴; *Бир ат жедер, Мун ат алар* 'Одна лошадь догонит, Тысяча лошадей возьмет'⁵; *Бир ийнектин мүүзине соксо, Мун ийнектин мүүзине тийгендий барар* 'Если в рога одной коровы ударить, То покажется, что тронули рога тысячи коров'⁶; *Жоннын мойны жоон* 'У народа шея крепкая'⁷; *Сенин көзин бир көс, Албатынын көзи — мун көс* 'Твои глаза — один глаз, Глаза народа — тысяча глаз'⁸; *Кол чөн үрер, Көп көдүрер* 'Одна рука заставит тонуть, Много [рук] поднимут'⁹. В пословицах числительное *бир* 'один' может

¹ Алтайский этнографический словарь / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2025. С. 15.

² Алтайские пословицы и поговорки / сост. Н. Р. Ойроткинова; отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск, 2010. С. 220, 221.

³ Там же. С. 126, 127.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

символизировать понятие *мало* (Бредис и др., 2022: 281). В данном случае оно противопоставляется числительному *муң* ‘тысяча’, символизирующему очень большое количество.

Фактор коллективистской направленности алтайской культуры следует учитывать в воспитании детей, что также отражено в пословицах. Семантический конденсат детей необходимо воспитывать с раннего детства передается с помощью анималистического и растительного кодов: *Ўркенедең балык бұдер, Ўреннен өзүм өзөр* ‘Из икры рыба появится, Из семян растение вырастет’¹. В данном случае дети и взрослые представлены, как и в предыдущих примерах, с помощью метафорических образов *икры* и *рыбы*, а во второй части параллельной синтаксической конструкции используется образ растительного мира (гипероним *өзүм* ‘растение’). В данном контексте важно вспомнить, что, по замечанию Н. Р. Ойноткиной, метафора-ихтионим *балык* ‘рыба’ обозначает общество (Ойноткина, 2012: 950) в контексте универсальной структурно-семантической модели Рыба гниет с головы. В приведённом примере рыба, вероятно, может подразумевать человека как часть общества. Обратим внимание также на отражение подчиненной роли женщины в обществе, которая также выражается с помощью представления культурных кодов, в частности анималистического: *Казырага баштаткан — мал болбос. Кадытка баштаткан жон — жон болбос* ‘Теленком возглавленный скот — стадом не будет, Женщиной возглавленный народ — народом не будет’² — теленок метафорически обозначает ребенка; *Јаман көлдө бака — айгыр* ‘В плохом озере лягушка — жоак’³.

Кроме того, в алтайских паремиях отмечается еще одна универсальная семантическая модель сходства детей с родителями и подчеркивается, что у хороших родителей и дети хорошие: *Јакшы эттинг мўни де тату, Јакшы кижининг балазы да јакшы* ‘Из хорошего мяса и бульон вкусный, У хорошего человека и ребенок хороший’⁴. В данном случае мы констатируем обращение к пищевому коду культуры. Гастрономические компоненты *мўн* ‘бульон’ и *эт* ‘мясо’, номинирующие важные в алтайской пищевой традиции продукты, использованы во второй части параллельной синтаксической конструкции. Отметим неслучайность ассоциативного сравнения бульона из хорошего мяса с ребенком хорошего человека: у алтайцев «мясная пища символизировала достаток в семье и здоровье ее членов» (Традиционная пища ... , 2024: 16). Кроме того, отметим, что *мўн* ‘мясной бульон’ исторически имеет для алтайцев также ритуальный смысл: его использовали как ритуальное подношение «во время обряда кормления духа огня домашнего очага, на свадьбе или на молениях»⁵.

Тот же семантический конденсат выражен и в пословице *Кандый айгыр — андый кулун, Кандый ада — андый бала* ‘Какой жеребец, такой и жеребенок, Какой отец, такой и ребенок’⁶, но уже путем обращения к анималистическому коду — образу *айгыр* ‘жеребец’, которому в табуне лошадей принадлежала важная роль. Табун пасся обычно косяками, конские косяки состояли из 20–50 лошадей, а жеребец-производитель был хозяином и защитником. Если на стадо нападали хищники, пишет В. М. Мендешева, он брал на себя его защиту (Мендешева, 2008: 252). Жеребец мог прогнать волка, иногда и медведя. Он должен был обладать плодовитостью и безупречным здоровьем⁷. В хозяйстве алтайцы жеребца-производителя не использовали, как и племенных кобыл, «они всегда были при табуне и являлись богатством и гордостью хозяина. Скотоводство у алтайцев всегда считалось более престижным занятием, чем земледелие. Поэтому человек без лошади или занимающийся земледелием считался бедняком» (Мендешева, 2008: 252).

Другой семантический конденсат — важная составляющая процесса воспитания — любовь к своим детям (Ойноткина, 2012: 219) в алтайских паремиях передается с помощью природного кода: *Јаш өлөңгө јааш керек, Јаш балага эрке керек* ‘Молодой поросли дождь нужен, Маленькому ребенку ласка нужна’⁸. Использование универсального образа дождя в пословице объясняется еще, возможно, и тем, что в традиционной культуре алтайцев он воспринимался как необходимый и естественный элемент мироздания: наблюдая прямую связь «между дождем и урожаем, ростом травы,

¹ Там же. С. 168, 169.

² Там же. С. 134, 135.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 170, 171.

⁵ Алтайский этнографический словарь / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2025. С. 103.

⁶ Алтайские пословицы и поговорки ... С. 168, 169.

⁷ Алтайский этнографический словарь ... С. 146.

⁸ Алтайские пословицы и поговорки ... С. 174, 175.

люди внесли ритуалы прошения дождя у высших сил в обрядовую практику»¹. Отметим еще один важный семантический конденсат алтайских пословиц: незавидная судьба сирот, которые лишены родительской любви и ласки, у них нет близких, они одиноки. В гостях их не угощают лучшей едой: *Оскүстин колында өкпө дөжаан көрүнер* 'В руке сироты и легкие большими покажутся'² — так говорят, когда у сирот хотят отобрать последнее. Сироту, как и других несчастных обижать нельзя: *Оскүс-жабысты базынба, Отпөгин блаашпа* 'Сироту-низкого не унижай, У него лепешку не отбирай'³. Выделенные нами семантические конденсаты представлены компонентами-репрезентантами пищевого кода: пища является основным жизненным ресурсом, которого нельзя лишать никого, тем более обездоленного человека.

Как и в тувинском материале, в алтайских пословицах были установлены отношения сопредельности между репрезентантами различных культурных кодов. Так, в валентные отношения вступают природный и анималистический коды, нумеративный код используется для выражения противопоставления малого количества большому в сочетании с природным, растительным, анималистическим и соматическим кодами.

Общее и особенное

В паремиях двух языков были выявлены в целом схожие семантические паремические конденсаты, демонстрирующие важность наличия детей в семье и их привязанность к дому; ценность любви и нежного отношения к детям в семье; важность правильного воспитания детей и уважительного отношения к родителям на протяжении всей жизни; трудную судьбу сирот. Большинство из данных значений тувинских и алтайских паремий, рассмотренных в различных аспектах, обращалось внимание также в работах других исследователей (Зиновьева, Алешин, 2022; Ломакина, 2024; 2025; Сувандии, 2025; Ойноткинова, 2012; и др.). Тема сиротства в пословицах ряда языков освещена О. В. Ломакиной, которой были выделены и другие семантические доминанты пословиц о детях, не отмеченные в нашем материале (Ломакина, 2024). Данная разница связана, в первую очередь с тем, что в настоящей статье основное внимание было сконцентрировано на репрезентантах культурных кодов в паремиях о детстве.

Материал авторской картотеки двух языков показал не только ценность ребенка для семьи, рода, но и для всего народа, демонстрируя тем самым традиционно выраженную социоцентрическую, коллективистскую тенденцию в отношениях как внутри тувинского (см. также: Нелюбова, 2022а), так и алтайского этноса. В тувинских паремиях встречаются обозначения детей с помощью гиперонимов (*төл* 'дитя, дети', *уруг* 'ребенок', *чаиш* 'младенец') и гипонимов (*оол* 'сын' и *кыс* 'дочь'). В алтайских пословицах гипонимы *уул* 'сын' и *кыс* 'дочь' употребляются, однако данные примеры не рассматривались в рамках данной статьи, поскольку в них не были выявлены репрезентанты культурных кодов. В нашей картотеке в основном употребляется гипероним *бала* 'ребенок, дитя'. Фрагментарно встречаются метафоры-обозначения детей с помощью представителей фауны. В целом преобладают репрезентанты анималистического кода. На важную роль зоокомпонентов в создании образности тувинских пословиц обращают внимание, в частности, Е. Е. Иванов, Ж. В. Марфина и О. В. Шкуран (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022).

В пословицах двух языков отмечены многочисленные репрезентанты различных культурных кодов, которые приводятся чаще всего в параллельных синтаксических конструкциях и служат в основном для усиления экспрессивности выраженных семантических паремических конденсатов. В тувинском материале выявлены номинации, связанные с анималистическим (наименования животных и птиц), природным (обозначения растений и форм ландшафта), предметным (номинации предметов быта, связанных с традиционными видами деятельности мужчин и женщин), колоративным, пищевым и соматическим кодами. Обзор работ, посвященных паремиям, исследуемым в разных аспектах, с компонентами, имеющими отношение к данным кодам и лежащими в основе метафорических образов, был приведен нами ранее (Нелюбова, Скарнев, Кол, 2024). Подчеркнем преобладание номинации животных и птиц, в первую очередь обращение к образам жеребенка и

¹ Алтайский этнографический словарь ... С. 73.

² Алтайские пословицы и поговорки ... С. 176, 177.

³ Там же. С. 176.

козленка. В ранее проведенных исследованиях также отмечалась важная роль образа коня в языковом сознании тувинцев (Сувандии, 2022) и наибольшая частотность компонента *agt* 'конь' в тувинских паремиях (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022). В алтайских паремиях отмечены репрезентанты анималистического, природного, пищевого, соматического, нумеративного кодов, где также преобладают номинации представителей фауны, среди которых важная роль принадлежит коню (см. также: Мендешева, 2008; Ойноткинова, 2012). Данная особенность в паремиях двух языков объясняется особой ролью и ценностью лошади в жизни и культуре тувинцев и алтайцев (Курбатский, 2001; Сувандии, 2022; Алтайский этнографический словарь, 2025; Мендешева, 2008; Ойноткинова, 2012; и др.).

Проведенный анализ показал многочисленные случаи проявления валентных связей — комбинаторики выявленных репрезентантов кодов как в тувинском, так и в алтайском паремиологическом материале. Обращение к определенным сочетаниям культурных кодов усиливает экспрессивность паремий и позволяет наиболее образно донести традиционный опыт этносов, представленный в паремиях, облегчая их запоминание.

Заключение

Согласно поставленной в рамках данной статьи цели и задачам, авторами впервые было проведено исследование репрезентации культурных кодов в тувинских и алтайских паремиях о детях и детстве. В материале картотеки пословиц, собранной из аутентичных источников, были выявлены основные семантические пословичные конденсаты, проведен анализ репрезентантов культурных кодов и определена их роль в выражении смысла пословиц в тувинском и алтайском материале, представляющем азиатскую культурную традицию; охарактеризованы валентные связи репрезентантов культурных кодов, отражающие их комбинаторные отношения с точки зрения выражения смысла паремий.

Исследование тувинских и алтайских паремий о детях и детстве позволило выявить репрезентацию ряда культурных кодов, среди которых в двух языках преобладают наименования представителей фауны. Номинанты анималистического кода демонстрируют разнообразные валентные связи с компонентами, семантически связанными с природным, растительным, вещественным, соматическим, цветовым, нумеративным и пищевым кодами. Среди зоокомпонентов важная роль принадлежит номинациям коня ввиду важности этого животного для представителей рассматриваемых лингвокультур.

Среди обозначений детей в тувинском материале встречаются как гиперонимы, так и гипонимы. В тувинских паремиях в сочетаниях с репрезентантами культурных кодов употребляется гиперонимическая номинация. Метафорические обозначения детей с помощью зоонимов в двух языках фрагментарны. Репрезентанты выявленных культурных кодов представляют ключевые понятия и выступают в качестве маркеров образности, усиливая экспрессивность паремий, сопровождающую передачу семантических пословичных конденсатов, которые в тувинских и алтайских пословицах о детях и детстве преимущественно совпадают. Кроме того, анализ материала позволил установить в нем реализацию одной из важных тенденций сопоставляемых азиатских культур — их отнесенность к социоцентрическому типу.

Перспективой представленного фрагмента исследования нам видится сопоставительный анализ представления культурных кодов в тувинских и алтайских паремиях в ракурсе выявления этноспецифических компонентов, а также исследование репрезентантов кодов, их сочетаемости и функций в паремиях тюркских языков в сравнении с паремиологическим материалом других языков, представляющих иные типы культур в рамках различных тематических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочина, Т. Г. (2023a) Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере // Современная коммуникативистика. № 6. С. 7–12.

Бочина, Т. Г. (2023b) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Енчинов, Э. В. (2013) Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре. Горно-Алтайск : ИП Высоцкая Г. Г. 226 с.

Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы» ; Тувинское книжное издательство. 241 с.

Ковшова, М. Л. (2016) Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД. 456 с.

Красных, В. В. (2016) Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М. : Генезис. 493 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.

Ломакина, О. В. (2024) Концепт ДЕТИ в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. № 1–2 (57). С. 58–62.

Ломакина, О. В. (2025) Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-16-3-622-637>

Мендешева, В. М. (2008) Конь в традиционной культуре алтайцев // Народы и религии Евразии. № 2. С. 250–260.

Нелюбова, Н. Ю. (2022a) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю. (2022b) Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 169–177. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10922>

Нелюбова, Н. Ю. (2023) Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. № 2 (53). С. 458–465.

Нелюбова, Н. Ю., Скнарев, Д. С., Кол, Ч. Ш. (2024) Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 90–111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремии как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Ойноткинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Редакционно-издательский центр НГУ. 354 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.

Селиверстова, Е. И. (2014) Национальная самобытность пословиц в свете данных многоязычных словарей // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (45). С. 58–61.

Сувандии, Н. Д. (2022) Аът «лошадь» в пословицах и поговорках тувинцев // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-ле-

тию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 300 с. С. 169–170.

Сувандии, Н. Д. (2025) Роль образов отца и матери в репрезентации концепта «семья» в тувинской лингвокультуре (на материале паремий) // Когнитивные исследования языка. № 1–2 (62). С. 731–735.

Традиционная пища алтайцев (2024) / авт.-сост. В. П. Ойношев. Горно-Алтайск : АУ РА Литературно-издательский дом «Алдын-Туу». 112 с.

Тюхтенева, С. П. (2015) Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // Вестник КИГИ РАН. № 4. С. 72–81.

Nelyubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Ershov, V. I. (2021) Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 1051–1074. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

Дата поступления: 15.01.2026 г.

Дата принятия: 17.03.2026 г.

REFERENCES

Bochina, T. G. (2023a) Communicative valency of hedonistic values in the traditional Russian axiosphere. *Sovremennaya kommunikativistika*, no. 6, pp. 7–12. (In Russ.)

Bochina, T. G. (2023b) Numerical and colour code as a component of Tuvan riddles about a person. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuva linguoculture in proverbs (against the background of a number of Turkic and Mongolic languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Enchinov, E. V. (2013) *Family values of Altai people: Transformation of customary law in modern culture*. Gorno-Altaysk, IP Vysotskaya G. G. 226 p. (In Russ.)

Zinov'eva, E. I. and Aleshin, A. S. (2022) The family in comparative paremiology of Tuvan, Swedish and Russian. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, images, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nominations in Tuvan proverbs and sayings: Aspects of implementation and issues of study. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditional culture of Tuva people*. Kyzyl, Detskii literaturnyi sait “Raduga Tuva”; Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 241 p. (In Russ.)

Kovshova, M. L. (2016) *The linguoculturological method in phraseology: Cultural codes*. 3rd ed. Moscow, LENAND. 456 p. (In Russ.)

Krasnykh, V. V. (2016) *Dictionary and grammar of linguoculture: Foundations of psycholinguoculturology*. Moscow, Genezis. 493 p. (In Russ.)

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2015) The child and childhood in Tuva culture: Traditions and modernity. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.)

Lomakina, O. V. (2024) The concept *CHILDREN* in the system of traditional values of an ethnos (based on paremiology of non-related languages). *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2(57), pp. 58–62. (In Russ.)

Lomakina, O. V. (2025) Metalanguage of contemporary linguoaxiology: Paremiological level. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 16, no. 3, pp. 622–637. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-16-3-622-637>

Mendesheva, V. M. (2008) The horse in the traditional culture of Altai people. *Narody i religii Evrazii*, no. 2, pp. 250–260. (In Russ.)

Nelyubova, N. Yu. (2022a) Axiological dominants of paremias as typological markers of Tuvan, Russian and French ethnocultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nelyubova, N. Yu. (2022b) Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 169–177. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10922>

Nelyubova, N. Yu. (2023) Metaphorical representation of the gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan paremias: Axiological aspect. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 2(53), pp. 458–465. (In Russ.)

Nelyubova, N. Yu., Sknarev, D. S. and Kol, Ch. Sh. (2024) The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan paremias (against the background of Russian and French material). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 90–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6>

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of the mountain in Tuvan paremiology as a manifestation of ethnomarked mentality (against the background of Altai, Khakass, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres*. Novosibirsk, Redaktsionno-izdatel'skii tsentr NGU. 354 p. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of Tuva people*. Moscow, Nauka. 401 p. (In Russ.)

Seliverstova, E. I. (2014) National originality of proverbs in the light of data from multilingual dictionaries. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 3(45), pp. 58–61. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2022) The lexeme at 'horse' in proverbs and sayings of Tuvans. In: *Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia*: Proceedings of the 5th International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding Orientalist and Turkologist N. F. Katanov (Abakan, 19–20 May 2022). Eds. T. G. Borgoyakova, N. S. Mainagasheva. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni V. M. Torosova. 300 p. P. 169–170. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2025) The role of the images of father and mother in the representation of the concept "family" in Tuva linguoculture (based on paremias). *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2(62), pp. 731–735. (In Russ.)

Traditional food of Altai people (2024) Comp. by V. P. Oinoshev. Gorno-Altaysk, AU RA Literaturno-izdatel'skii dom "Aldyn-Tuu". 112 p. (In Russ.)

Tyukhteneva, S. P. (2015) Personality and society among Altai people: From clan affiliation to pan-Altai identity. *Vestnik KIGI RAN*, no. 4, pp. 72–81. (In Russ.)

Nelyubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Ershov, V. I. (2021) Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 1051–1074. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

Submission date: 15.01.2026.

Acceptance date: 17.03.2026.

Образ младшего сына в казахских и тувинских сказках: сравнительный анализ

Аккуралай А. Искендир, Акбота Кенжекожаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье рассматривается образ младшего сына в казахских и тувинских сказках на примере сказок о трех братьях и их младшем брате: «Қаратай», «Приключения Елемеса» и «Балдыр-Бээжек», «Хеймер-оол и волк величиной с быка». Показан процесс формирования образа героя, отражающего воспитательные, мировоззренческие и культурные ценности, а также специфика проявления образа в разных культурных и социально-бытовых контекстах.

Отмечено, что в сказках младший сын наделен положительными качествами (смелость, справедливость, ум). Часто ему на помощь приходят второстепенные персонажи или волшебные предметы. Эти возможности определяют характерные черты главного героя сказок, позволяя ему преодолевать препятствия, непосильные для старших братьев.

Выявлены сходства и различия в образах младшего сына, связанные с особенностями семейных иерархий, социального статуса, ценностных установок, а также с культурными и природными условиями культур. Подчеркивается, что образ «младшего сына» демонстрирует универсальные черты героя и адаптируется к национальным особенностям, отражая глубокие этнокультурные и фольклорные установки казахского и тувинского народов.

Предлагаются перспективы расширения темы через привлечение сравнительного материала из фольклора тюркских и других народов, что позволит глубже изучить генезис данного образа в мировом литературном наследии.

Ключевые слова: казахский фольклор; тувинский фольклор; сказка; младший сын

Данное исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант «АР23486380 Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту»).

Для цитирования:

Искендир А. А., Кенжекожаева А. Образ младшего сына в казахских и тувинских сказках: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 76-94. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.6>

Искендир Аккуралай Абдиуалиевна — доктор философии (PhD), ведущий специалист «Лаборатории рукописей» Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: iskendirakkuralaj@gmail.com

Кенжекожаева Акбота — доктор философии (PhD), ведущий специалист «Лаборатории социолингвистики, теории и практики перевода» кафедры иностранной филологии и переводческого дела Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: aqbota555@gmail.com

The image of the youngest son in Kazakh and Tuvan fairy tales: A comparative analysis

Akkuralay A. Iskendir, Akbota Kenzhekozhayeva

Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article examines the image of the youngest son in Kazakh and Tuvan fairy tales using as examples tales about three brothers and their younger sibling: "Qaratay", "The Adventures of Elemes", and "Baldyr-Beezhok", "Kheimer-ool and the bull-sized wolf". The study shows how the hero's image is formed, reflecting educational, worldview and cultural values, as well as the specificity of its manifestation in different cultural and sociocultural contexts.

It is noted that in the tales the youngest son is endowed with positive qualities such as courage, justice and intelligence. Secondary characters or magical objects often come to his aid. These factors determine the typical traits of the main character, enabling him to overcome obstacles that are insurmountable for his elder brothers.

Similarities and differences in the images of the youngest son are identified, which are related to the specifics of family hierarchies, social status, value orientations, and the cultural and natural conditions of the respective cultures. The article emphasizes that the image of the "youngest son" demonstrates universal heroic features while adapting to national particularities, thereby reflecting deep ethnocultural and folkloric patterns of the Kazakh and Tuvan peoples.

The authors outline prospects for further research by involving comparative material from the folklore of other Turkic and non-Turkic peoples, which will make it possible to study more deeply the genesis of this character in the world literary heritage.

Keywords: Kazakh folklore; Tuvan folklore; fairy tale; youngest son

Funding:

This research is funded by the Committee on Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant «AP23486380 Turkic languages of Kazakhstan in the context of spiritual modernization of society: from graphics to epic text»).

For citation:

Iskendir A. A. and Kenzhekozhayeva A. The image of the youngest son in Kazakh and Tuvan fairy tales: A comparative analysis. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 76-94 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.6>

ISKENDIR, Akkuralay Abdualievna, PhD, Leading Specialist, Manuscripts Laboratory, Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Av., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: iskendirak-kuralaj@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7487-5286

KENZHEKOZHAYEVA, Akbota, PhD, Leading Specialist, Laboratory of Sociolinguistics, Theory and Practice of Translation, Department of Foreign Philology and Translation Studies, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Av., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: aqbota555@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1380-2753

Введение

В системе персонажей фольклора образ младшего сына занимает не просто значимую, но и во многом ключевую роль.

Как отмечает Ф. И. Урманче (Урманче, 2015: 56), эта фигура является основным координатором сказочного повествования, концентрируя в себе главные этические и эстетические идеалы этноса. Фундаментальный вклад в изучение вопроса внес Е. М. Мелетинский, по мнению которого, выделение образа младшего сына «...в мифе и особенно в сказке есть компенсация социально обездоленного в процессе перехода от рода к семье или большой патриархальной общине (отказ от минората, уравнивавшего младшего брата со старшим, и переход к майороту)» (Мелетинский, 1994: 15).

Одним из центральных факторов формирования специфики образа младшего сына в фольклоре выступает архаический обычай минората, согласно которому он остается в родительском доме, становясь его полноправным хозяином и хранителем родового очага после смерти отца. Параллельно с этим, в более поздние времена развитие системы приоритета старших братьев приводило к социальной обездоленности младших сыновей. В тюркских сказках этот мотив часто трансформируется в сюжет о несправедливо обделенном и обиженном герое, который, будучи по возрасту младшим и слабым, оказывается сильнее духовно своих противников. «Такое подвластное положение вынуждает героя к активным действиям: на его долю приходится больше всего испытаний, благодаря которым он “мужает” и обретает нечто большее, чем просто материальное благополучие», отмечает Р. Р. Зинурова, рассматривая этот образ в башкирских сказках (Зинурова, 2021: 84). Младший сын в казахских сказках представлен более смелым и добрым по сравнению с другими братьями, это может быть связано с традиционным представлением казахского народа о младшем как о наследнике семейного очага. По мнению фольклориста С. Каскабасова: «... суть казахского минората в том, что отношение казаха к младшему сыну было особое. Младший сын пользовался любовью родителей и большими привилегиями. Он оставался хозяином “үлкен шаңырақ” (большого отцовского дома), а старшие сыновья получали свои енши и отделялись от отца... Его изображение как идеального героя в казахской сказке естественное явление» (Каскабасов, 2014: 94; примечание было в оригинале. — *Авт.*).

Также в казахском фольклоре жанра «волшебные сказки» «главный герой и его основная миссия возникли из народных представлений об идеальном человеке»¹. Поскольку с давних времён люди в своей жизни сталкивались с различными общественными и социальными конфликтами, и в них возникала потребность в таких героях. Как мы уже отмечали с коллегами, «социальные явления, вызванные столкновением противоположных понятий — добра и зла, молодости и старости, мудрости и невежества, бескорыстия и подлости, жизни и смерти — через художественное мышление находят своё выражение в литературных произведениях» (Кенжекожаева, Мамбетов, Ауесбаева, 2025: 302). По словам М. Габдуллина, люди древности не сразу достигали поставленных целей и не могли в одночасье воплотить свои замыслы и мечты. Однако они знали «... что сила человека вечна, и твердо верили в неизбежную победу над всеми враждебными силами» (Габдуллин, 2013: 142).

Изначально главный персонаж изображался как охотник-стрелок, сражающийся за свою жизнь с силами природы и дикими зверями, однако «в эпоху сложившегося родового общества он уже предстает в образе батыра, защищающего своих родных от вражеских нападений»². Следовательно, с распадом родового строя идеал героя претерпел изменения и перешёл к роли младшего сына — наследника главного семейного очага, продолжателя родовой линии.

Кроме того, образ младшего сына встречается в казахском фольклоре как в жанре волшебной сказки, так и в героических повествованиях. Он предстает смелым и решительным персонажем, который побеждает врагов, противников или чудовищ. Например, Асан батыр сражается с мыстан

¹ Дала фольклорының антологиясы [Антология степного фольклора]. Он томдық [В десяти томах] // Құраст / состав. Әлбеков Т., Елесбай Н., Набиолла Н. Алматы: Brand Book, 2020. Т. 7: Прозалық фольклор: Ертегілер [Прозаический фольклор: Сказки]. 69 б. (На каз. яз.). Здесь и далее все переводы текстов выполнены А. Кенжекожаевой.

² Дала фольклорының антологиясы [Антология степного фольклора]. Он томдық [В десяти томах] // Құраст / состав. Әлбеков Т., Елесбай Н., Набиолла Н. Алматы: Brand Book, 2020. Т. 7: Прозалық фольклор: Ертегілер [Прозаический фольклор: Сказки]. 69 б. (На каз. яз.).

(ведьмой), Майлыкараша — с жалмауыз-кемпир (людоедкой), Жумакелди — с семиглавым великаном, Жебірейіл — с трёхглавым драконом, а Каратай — со старичком Ергежейли. А в тувинских волшебных сказках герой вступает в противоборство не только с традиционными образами жестких ханов, но и с мифическими существами: албысами, шулбусами, аза, чылбыгой, птицей Хан-Херети¹. Например, Балдыр-Бээжек сталкивается с главным противником: «в самой вершине неба сверкнула перьями шестиголовая птица Хан-Херети и камнем упала на табун»².

Выбор для сравнительного анализа казахских сказок «Каратай», «Приключения Елемеса» и тувинские «Балдыр-Бээжек», «Хеймер-оол и волк величиной с быка» обоснован тем, что они позволяют проследить адаптацию единого тюркского сюжета о младшем сыне к различным культурным условиям. Эти сказки объединяет классический мотив героя-минората, который, вопреки изначальному статусу младшего, в итоге достигает триумфа. Однако пути к этой победе существенно различаются. Если в казахском фольклоре акцент сделан на степной героике и воинской доблести батыра, чьи идеалы созвучны исламской этике справедливости, то тувинские герои действуют в пространстве архаичной магии и анимизма, где ключевую роль играют связь с духами природы и буддийская созерцательность. Сравнение данных текстов позволит показать, как под влиянием географии, образа жизни и религии формировались разные национальные характеры, то есть от открытого героизма казахских степей до мистической мудрости саянской тайги.

Так, проблемой исследования выступает образ младшего сына, представленный в казахских и тувинских сказочных нарративах, который остается малоизученным, отражающим глубинные этнические установки, модели социального поведения сказочных героев и сохранения традиционных ценностей. Это один из древнейших образов, часто встречающихся в сказках тюркских народов, в которых интерпретация варьируется в зависимости от локального фольклора.

Несмотря на широкую изученность этого образа в фольклоре отдельных народов, например, как С. Томпсон (Thompson, 1946), В. В. Карчина (Карчина, 2019), Н. Г. Шарапенкова и М. А. Бахлаева (Шарапенкова, Бахлаева, 2023) и др., сравнительного анализа казахского и тувинского фольклора в данном аспекте ранее не проводилось. Это обуславливает актуальность исследования, тем более что образ младшего сына в тувинской традиции также сам по себе не становился объектом изучения. В настоящее время сравнительное исследование фольклора тюркских народов открывает возможность выявления общих литературных и культурных основ.

Цель работы состоит в раскрытии смысловой нагрузки и трансформаций образа младшего сына в контексте казахского и тувинского фольклора (жанра сказок) посредством сравнительного анализа, отражающего как культурные параллели, так и уникальные черты каждой традиции. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать образ младшего сына в казахских сказках; исследовать образ младшего сына в тувинских сказках; выявить сходства и различия в образе младшего сына в контексте этнокультурных и мифопоэтических особенностей обоих народов.

Теоретико-методологическую основу работы составляют труды и публикации исследователей (Oirik, 1909; Thompson, 1946; Мелетинский, 1994; Пропп, 1998; Самдан, 2002; Каскабасов, 2009; Мижит, 2009; Балтабаева, 2010; Доржу, 2011; Фабуллин, 2013; Квилинкова, 2014; Урманче, 2015; Шаймердинова, 2015; Әуесбаева, 2018; Басангова, 2018; Орус-оол, 2018; Карчина, 2019; Зинурова, 2021; Шарапенкова, Бахлаева, 2023; Чистобаева, 2024; и др.).

Основу источниковой базы работы составляют сборник «Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер» (Астана, 2011)³, из которого были отобраны тексты сказок «Каратай»⁴ и «Приключения Елемеса»⁵, и издание «Тувинские народные сказки», составленное М. Ватагиным (М., 1971)⁶

¹Тувинские народные сказки. Вып. 2. / сост. М. А. Изыднеева. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1958. С. 4.

²Тувинские народные сказки / перев., сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 110–111.

³Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] // Құраст / состав. Қаскабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. (На каз. яз.).

⁴Там же. 334–339 б.

⁵Там же. 185–186 б.

⁶Тувинские народные сказки / перев., сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 208.

в котором представлены тексты тувинских сказок «Балдыр-Бээжек»¹, «Хеймер-оол и волк величиной с быка»².

Анализ текстов казахского фольклора проводился на языке оригинала, а выбранные фрагменты представлены на русском языке в переводе одного из соавторов статьи А. Кенжекожаевой. Сказка «Каратай», выбранная нами для сравнения, впервые была опубликована в 1886 г. в газете «Дала уалаяты» (№ 40–41). В качестве собирателя текста указывается А. Е. Алекторов. Позднее эта сказка была включена А. В. Васильевым в сборник «Образцы киргизской (казахской. — Авт.) народной словесности» в 1898 г. Для анализа мы использовали фрагменты, взятые из 74-го тома 100-томного издания «Бабалар сөзі», опубликованного в 2011 г. в городе Астана. Редакционная коллегия отметила, что версия сказки, включённая в этот том, подготовлена на основе текста, опубликованного в газете «Дала уалаяты»³.

Оригинал сказки «Приключения Елемеса» хранится в фонде рукописей Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, в папке 124, тетради № 6. В качестве собирателя текста указывается О. Енсегенов. Сказка была опубликована во 2-м томе трехтомника «Казахские сказки»⁴, изданного в 1962 г. в Алматы под редакцией Е. Ысмайылова, Б. Адамбаева, Б. Ысқақова и Б. Уахатова. Версия, включенная в 74-й том стотомника «Бабалар сөзі», была подготовлена на основе оригинала, однако редакционная коллегия отметила, что текст сверялся со вторым томом «Казахских сказок» для проведения текстологических работ.

Тексты тувинских сказок «Балдыр-Бээжек» и «Хеймер-оол и волк величиной с быка» исследовались в переводах М. Ватагина (выполненных при участии сотрудников Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории — Д. С. Куулара, А. К. Калзана, М. А. Хадаханэ, а также Л. В. Гребнева и Н. Сердобова). Стоит отметить, что, согласно авторскому предисловию М. Ватагина⁵, фактический основой издания послужили подстрочные переводы, выполненные Оюн Кодур-оолом, в то время как за М. Ватагиным оставалась общая редакция и литературная обработка текстов. В ходе анализа учитывались тексты оригиналов для уточнения специфических терминов, имен и фразеологизмов.

Правомерность сопоставления разноязычных текстов и использования переводного материала обосновывается теорией инвариантности фольклорных структур В. Я. Проппа (Пропп, 1998), согласно которой функции действующих лиц и логика сюжета остаются неизменными при межъязыковой трансляции. Опора на академические переводы, сохраняющие этнографическую точность, позволяет, согласно методологии Е. М. Мелетинского (Мелетинский, 2005), достоверно реконструировать семантическое ядро образа младшего сына. В данном контексте русский язык выступает верифицированным метаязыком описания, что делает возможным корректное сравнение казахской фольклорной традиции с архаико-мифологической системой тувинского без потери сущностных смыслов.

Методологическую основу работы составляют: сравнительный метод, применяемый для исследования сходств и различий образа «младшего сына» в сказках двух генетически родственных и имеющих свои особенности народов; структурный анализ для изучения сюжетной композиции, системы образов, направленный на исследование символического значения образа младшего сына.

Образ младшего сына в казахских сказках

Фольклорист С. Каскабасов отмечает среди главных героев казахских сказок таких персонажей, как охотник-стрелок, воин-батыр, младший сын, бедняк и защитник народа (Каскабасов, 2009: 294). То есть можно отметить, что основные герои, как правило, мужского пола. Это связано с высокой ролью мужчины в казахском традиционном обществе.

¹ Там же. С. 106–111.

² Там же. С. 96–100.

³ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Каскабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. (На каз. яз.).

⁴ Қазақ ертегілері [Казахские сказки] / под ред. рук. Е. Ысмайылов. Алматы: Қазақ ССР Ғылым академиясы әдебиет және өнер институты. Қазақтың мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1962. Т. 2. (На каз. яз.).

⁵ Тувинские народные сказки / перев., состав. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 208.

Одним из таких значимых героев сказок является младший сын. Обычно у него есть старшие братья, и чаще всего он является третьим из трёх братьев. Тем не менее в ряде сказок число братьев может превышать три: «...мои восемь сыновей — это одно, а Төстік — совсем другое»¹, «У хана было сорок сыновей»². Однако в большинстве сказок преобладание числа три объясняется «законом тричности». По мнению А. Ольрика, «когда в повествование вводится ряд лиц или предметов, самый главный выдвигается на первое место, а на последнее — тот, кто играет особенно важную роль в эпическом действии» (Olrik, 1909: 7). Таким образом, «эпический центр тяжести» (Мелетинский, 2005: 59) сосредоточен в «последнем», то есть в завершающем элементе ряда.

Эту закономерность подтверждают многочисленные примеры из казахских сказок:

- «Давным-давно жил старик по имени Естеміс, у него было трое сыновей. Младшего звали Асан. С юных лет он выделялся среди сверстников»³;
- «Жил-был один богач, у него было трое сыновей. Старшего звали Жандос, среднего — Табанак, а младшего — Майлықараша»⁴;
- «Давным-давно у одного бедняка было трое детей... Младшего из них звали Елемес»⁵;
- «Жил-был бедняк. Старшего сына звали Әшкен, среднего — Мүшкен, а младшего — Жұмакелді»⁶;
- «Жили-были старик со старушкой. У них было трое детей и пять коз... Третий сын был по имени Тазша»⁷;
- «Давным-давно было три брата: старшего звали Сарытай, среднего — Торытай, а младшего — Каратай»⁸;
- «В старину жил царь по имени Абдрахман, у него было трое детей. Старшего звали Ахмет, среднего — Сахмет, а младшего — Жебірейіл»⁹.

Как мы видим из этих примеров, имена младших сыновей/братьев часто употребляются в названиях и этим подтверждают их роль центральной фигуры сказок («Асан батыр», «Сказка о Майлықараше», «Приключения Елемеса», «Тазша бала», «Каратай»).

Фольклорист С. Сакен отмечает, что «сравнительная характеристика братьев, демонстрирующая превосходство младшего как центрального положительного персонажа является постоянным мотивом во многих народных сказках. Идеализированное изображение младшего сына характерно и для казахских сказок»¹⁰.

Главного героя сказки «Каратай» зовут Каратай. У него есть два старших брата — Сарытай и Торытай. Сведения об их родителях отсутствуют. Братья занимаются охотничьим промыслом и по очереди остаются дома для приготовления пищи. Появившийся Ергежейли¹¹ наводит ужас на двух старших братьев, съедает их еду и ведет себя как полноправный хозяин. Однако на третий день его уловки не срабатывают на младшего брата, Ергежейли терпит поражение, и Каратай привязывает его к тополию. С этого момента сюжет сказки становится более напряженным, так как на следующее утро братья, не обнаружив Ергежейли на месте, отправляются на его поиски.

В пути преодоления испытания младшему сыну способствуют волшебные помощники, обладающие особыми силами. Так, главный герой сражается с Ергежейли и побеждает его с помощью вол-

¹ Қазақ ертегілері [Казахские сказки] / отв. ред. С. Қалиұлы. Алматы: «Алматы кітап» баспасы, 2017. 16 б. (На каз. яз.).

² Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Қасқабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 67 б. (На каз. яз.).

³ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Қасқабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 70 б. (На каз. яз.).

⁴ Там же. 157 б.

⁵ Там же. 185 б.

⁶ Там же. 187 б.

⁷ Там же. 226 б.

⁸ Там же. 334 б.

⁹ Там же. 351 б.

¹⁰ Сәкен С. И. Қазақ фольклорының типологиясы: оқу құралы [Типология казахского фольклора: учебное пособие]. Алматы: «Қыздар университеті», 2013. 58 б. (На каз. яз.).

¹¹ Старичок с бородой в сорок пядей, злой дух.

шебной воды прекрасных девушек. Злые братья решают оставить Каратая под землёй. Но благодаря помощи пророка Кызыр, принявшего облик огромной белой птицы, Каратай возвращается на поверхность земли: «...Вдруг он превратился в большую белую птицу, посадил спящего Каратая на спину и в мгновение ока вывел юношу к Божьему свету»¹.

В сказке старичок Ергежейли описывается как «с бородой в сорок пядей, ростом с палец». Несмотря на это, «... он отличается разрушительной силой; ущерб, который он может причинить человеку, чрезвычайно велик»². Таким образом, персонаж с ростом в один пядь и бородой в сорок пядей рассматривается «как злой дух нижнего мира»³. Этот персонаж встречается также у татар, туркмен и монголов. «В туркменской традиции он проглатывает раненого героя, а затем извергает его обратно, тем самым исцеляя, то есть выполняет магическую функцию»⁴. В этой сказке Ергежейли не проглатывает Каратая с целью исцеления, однако в определённом смысле можно сказать, что он «поглощает» его, отправляя в подземный мир. Трансформация Каратая осуществляется именно через его подземное путешествие и совершение там героических деяний. Следовательно, можно утверждать, что и в данном случае Ергежейли выполняет свою магическую функцию, хотя и в иной, трансформированной форме.

Спасителем выступает пророк Кызыр — мудрец и благочестивый персонаж, упоминаемый в Коране в сурах «Баһар» и «Каһф»⁵. У казахов существовало поверье, что встреча с Кызыром приносит благополучие и способствует исполнению желаний.

Также в сказке заметно широкое присутствие религиозной лексики. Например: «Молодой человек обратился к Богу⁶ и направился к укрытию беглеца»; «В течение всей жизни мы будем молить Бога о вашей защите и благодарим за спасение нас от злодея»; «Бойтесь Бога, не думайте, что, сделав кого-либо несчастным, сами станете счастливыми»; «Бог на стороне праведного и накажет виновного»; «Не проклиная своих братьев за злодейство, он вверил их Богу, чтобы они стали разумными»; «Он был полностью сосредоточен на чтении большой молитвенной книги»; «Ассаламу алейкум, да будет милость Бога с тобой»; «О, Господи, каким чудом я вернулся из-под земли на свет!»; «Ты, мой Бог, всемогущий, сильный и справедливый, послал мне спасителя в образе старика»; «Я вверил тебя Богу»; «Этот старик был пророком Кызыром»⁷.

Эти формулировки демонстрируют религиозно-дидактическую функцию сказки, то есть, выражения благодарности за добро, стремление не причинять несчастья другим, прощение виновных, воздержание от проклятий, поклонение и вверение своих дел Богу, которые соответствуют исламской морально-религиозной традиции.

Несмотря на то, что Каратай наделён смелостью, отвагой и решительностью, мы не можем отнести эту сказку к героическим сказкам, поскольку в ней присутствуют герои и элементы волшебной сказки: старичок Ергежейли, подземный мир, волшебная вода, пророк Кызыр. С. Каскабасовым было отмечено, что главная особенность героических сказок заключается в активных и сильных персонажах: «Героические сказки усвоили многие художественные особенности волшебных сказок, однако при этом вобрали в себя и выразительные средства героического эпоса» (Каскабасов, 2009: 201).

То есть борьба Каратая со злом во многом осуществляется при содействии волшебных помощников. Кроме того, за исключением эпизода с борьбой против старичка Ергежейли, других активных боевых ситуаций в сказке не встречается.

¹ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Каскабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 338 б. (На каз. яз.).

² Дала фольклорының антологиясы [Антология степного фольклора]. Он томдық [В десяти томах] / состав. Әлбеков Т., Елесбай Н., Набиолла Н. Алматы: Brand Book, 2020. Т. 7: Прозалық фольклор: Ертегілер [Прозаический фольклор: Сказки]. 464 б. (На каз. яз.).

³ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Каскабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 435 б. (На каз. яз.).

⁴ Там же.

⁵ Кызыр мен Кыдыр ата деген кім? [Электронный ресурс] // amin.kz. URL: <https://amin.kz/qyzyr-men-qydyr-ata-degen-kim/> (дата обращения: 30.12.2025). (На каз. яз.).

⁶ В оригинале *Құдай*; в казахском языке слово *Құдай* обозначает Бога и переводится на русский язык как «Бог».

⁷ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Каскабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 334–339 б. (На каз. яз.).

Сказка завершается обращением: «Эй, мои простодушные слушатели, радуйтесь благу этого мира, наслаждайтесь добродетелью и семейным союзом, подобно Каратаю!»¹ Это закономерно, поскольку Каратай проходит ряд испытаний и сталкивается со злом, в том числе с враждебностью собственных родных братьев, преодолевает трудности и в итоге одерживает победу.

Во второй сказке «Приключения Елемеса» главным героем выступает Елемес. В произведении упоминается, что у него есть два старших брата, однако их имена не называются. Их отец был бедняком, и после его кончины трое сирот отправляются в путь в поисках средств к существованию. В этой сказке трансформация героя также происходит через совершение путешествия.

Добравшись до перепутья, братья сворачивают на дорогу «откуда возвращаются», а Елемес отправляют на путь «откуда нет возврата». В этот момент братья становятся истинными антагонистами героя. Фактически, они обрекают Елемеса на верную гибель, заботясь лишь о собственной безопасности. Именно в этой точке сказки берет свое начало первое противостояние добра и зла.

Встреча главного героя с будущим помощником описывается через эпизод столкновения Елемеса с сивогривым волком во время его странствия. В ответ на грозный вид зверя Елемес произносит: «Во благо тебе эта пища!»² Волк, никогда прежде не слышавший столь добрых слов, отвечает: «О, мой друг, это первое доброе слово, которое я услышал. Теперь я буду твоим верным другом до самой смерти»³. Те же, кто встречал волка до него, проклинали зверя словами «Да будет эта еда тебе не впрок», за что волк лишал их жизни. Поэтому этот путь прозвали «дорогой, откуда нет возврата». В этом эпизоде воплощается главная суть сказки: «за добро платят добром».

Попрощавшись с волком, Елемес прибывает в большой город и устраивается на работу. В один из дней, «...когда Елемес работал, вскапывая землю, его лопата наткнулась на что-то твердое»⁴. Находкой оказывается золото. Золото становится испытанием для Елемеса. Именно в этот момент в повествование вплетается характерный для тюркских и восточных сказок мотив вещего сна: «Ему приснилось, что его братья находятся в бедственном положении, и он в испуге проснулся»⁵. Обретя сокровище, Елемес не помышляет о личном обогащении или безбедной жизни, напротив, его первым стремлением становится желание разделить найденное богатство с братьями.

Неслучайной становится и новая встреча Елемеса с братьями на том самом перепутье, где когда-то разошлись их пути. Перепутье здесь выступает как граница между добром и злом. И на этой границе братья вновь выбирают сторону зла: «Вскоре они убивают Елемеса и забирают все его имущество»⁶.

Однако закон сказки гласит: добро всегда побеждает зло. Сивогривый волк, прибыв к месту, где кружило воронье, находит безжизненное тело своего друга. Схватив царя воронов, волк ставит условие: «Я отпущу тебя, если вы принесете траву, воскрешающую человека»⁷. Помня о добром слове, некогда сказанном Елемесом, и верный своей клятве быть другом до самой смерти, волк воскрешает его.

Если покровителем и помощником Каратая выступает старец Кызыр, то защитником Елемеса является Волк. В данном контексте волк — это не просто говорящий анималистический персонаж, призванный спасти Елемеса, а тотемный образ. Ведь «тюрки, — подчеркивает Г. С. Балтабаева, — считали волка своим первопредком» (Балтабаева, 2010: 51). Также и «Ворона (қарға), — пишет Н. Г. Шаймердинова, — считалась священной птицей, она обожествлялась, силуэт вороны древние тюрки изображали на коронах своих каганов» (Шаймердинова, 2015: 205).

Волк, являясь защитником Елемеса, выступает также своего рода отражением его духовного мира. Несмотря на предательство братьев, сердце Елемеса остается незапятнанным, он до конца остается приверженцем добра. И волк в этой сказке трансформируется из привычного образа грозного

¹ Там же. 339 б. (На каз. яз.).

² Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Қасқабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. (На каз. яз.).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 186 б. (На каз. яз.).

⁷ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] // Құраст / состав. Қасқабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 186 б. (На каз. яз.).

хищника в роль помощника и защитника. Ворон же предстает вестником, связующим жизнь и смерть. По мнению Т. Г. Басанговой, «с образом вороны связано представления о смерти и бессмертии, а также происхождение вечнозеленых деревьев» (Басангова, 2018: 33). Ведь если поначалу стая вороны, кружа над безжизненным телом Елемеса, символизирует смерть, то позже именно вороны становятся теми, кто приносит исцеление и возвращает героя к жизни.

Воскресший Елемес вновь отправляется на поиски своих братьев. Однако в этой сказке образ младшего сына имеет свою особенность: несмотря на его великодушие, у его прощения есть предел. Старший брат посягает не только на жизнь Елемеса, но и на его честь, пожелав его жену. Не в силах сдержать гнев на старшего брата, который силой забрал его жену, Елемес «...схватил его за горло и задушил»¹. Средний же брат, не узнав Елемеса, приглашает его в дом как гостя и раскрывает свою душу: «Был у нас младший брат. Старший брат настоял на его убийстве, и мы совершили это злодеяние. Тогда, послушав старшего, я оставил его тело непогребенным, а теперь хочу найти его останки и предать их земле, вот и готовлю надгробный камень»². Елемес прощает брата, который искренне раскаялся в содеянном и стремился исправить свою ошибку, и они примираются.

Тот факт, что Елемес лишает жизни одного из своих братьев, свидетельствует не о его жестокости, а о его приверженности справедливости. Именно через это решительное действие в полной мере раскрывается его героическая природа. Елемес не прощает старшего брата, поскольку тот окончательно перешел на сторону зла, в то же время он проявляет милосердие к среднему брату, который искренне раскаялся в содеянном. Таким образом, герой четко разграничивает неисправимое зло и человеческую ошибку, подлежащую искуплению.

В результате путешествия и прохождения различных испытаний образ младших сыновей в казахских сказках претерпевает трансформацию. В то же время сказки носят ярко выраженный дидактический характер, они призывают читателей творить добро, стойко переносить испытания, побеждать зло силой нравственности и тем самым достичь счастья и благополучия.

В заключение можно отметить, что в казахских сказках образ младшего сына предстает как наследник отцовского дома, символ преемственности поколений и семейных ценностей, а также как персонаж сохраняющий мир и согласие в семье. Более того, младший сын выступает воплощением добродетели, противостоящей злу, и предстает смелым и отважным героем, защищающим своих близких от всех опасностей, врагов и злодеев.

Образ младшего сына в тувинских сказках

В тувинском фольклоре становление младшего сына как центрального действующего лица происходит через преодоление многоуровневых испытаний. Это напрямую соответствует традиционному воспитанию: «Мальчику же с детства внушалось, что он будущий “хозяин юрты”, продолжатель рода. В тувинских семьях культивировались определенные взаимоотношения между детьми. Младшие относились к старшим с большим послушанием и почитательностью» (Доржу, 2011: 35).

Несмотря на то, что в большинстве тюркских патриархальных обществ доминировала система майората, закреплявшая властные полномочия и имущественные права за старшим наследником, младший сын зачастую оказывался в социально уязвимом положении, что находит отражение в зачинах сказок.

Стандартное положение представляет состав семьи и место героя в ней:

— «Раньше раннего, древнее древнего, в начале широкой степи, у белой скалы жил мальчик Балдыр-Бээжек с двумя старшими братьями. Не было у них ни матери, ни отца. Старшие братья, Алдын-Бижээчи и Монгун-Бижээчи...»³;

— «Жил в давние времена Картыган-хан. Было у него три сына и семь быстроногих черных коней. ...Младший сын хана, Хеймер-оол...»⁴;

¹ Там же.

² Там же.

³ Тувинские народные сказки / перев., сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 106.

⁴ Там же. С. 96.

— «В стародавние времена жил-был бедный старик. Было у него три сына»¹.

Анализ образных качеств младшего сына в тувинском фольклоре позволяет выявить одно стабильное противопоставление «младший VS старший», где конфликт разрешается не на физическом, а на личностных качествах. Традиционно старшие братья воплощают формализм и эгоцентризм, в то время как младший брат показывает духовную чистоту. Нередко этот конфликт приобретает острые формы: «Жил славный Эр Агыын. ...Было у него два старших брата, оба бедняки. ...Но завистливые старшие братья хотели известить младшего брата...»². В некоторых сюжетах старшие братья сознательно пытаются отстранить героя, лишая его родственных связей: «Ну, коли так, то по крайней мере не говори никому, что ты младший брат Майышгака и Шойушгака! Скажи: «Я несчастный сирота, бродяга». Не ходи за нами! — приказали братья»³.

Тем не менее, через самопознание и верность этическим нормам герой утверждает свой статус: «Ха, я тоже сын Бай Назара, я — младший по имени Эр Тёстюк!...»⁴. В данном контексте сказочный нарратив выступает важным инструментом «социального равенства», где изначальная изоляция героя — будь то жизнь с братьями у белой скалы⁵ или статус сироты (например, Оскюс-оол) становится отправной точкой для его сакрального и социального триумфа.

Интересно, что в тувинских сказках победа младшего героя обусловлена не грубой силой, а его благородным происхождением и особой проницательностью. Наглядным примером данного утверждения служит сюжет сказки «Ак-сагыш и Кара-сагыш», где противоположность братьев вынесена уже в заглавие (досл. «Белая мысль и Черная мысль»)⁶. Эгоизм старшего брата, выраженный в предательстве и нарушении семейных уз ради выживания, а именно поедание коня младшего, противопоставляется не просто добру младшего, а его сообразительности. Специфика образа младшего сына в сказке «Ак-сагыш и Кара-сагыш» заключается в его эволюции от жертвы обстоятельства до культурного героя. Если старший брат проявляет предательство ради сиюминутной выгоды, то младший показывает успех через испытание и созерцание к обретению волшебного инструмента (серебряная палка кабана) и обустройство окружающей среды (освобождение родника). Заключительные слова «Никогда не завидуй и не жадничай»⁷ обозначает переход героя в статус морального образца, чья победа признана не только Караты-ханом, но и самим мировым порядком.

Рассматривая тувинскую сказочную традицию, мы отчетливо видим, как образ младшего сына внедряется в сюжетные схемы, построенные на постепенном повышении и значительных различиях. Наиболее часто такие формы повествования об испытаниях нескольких братьев и сестер (их число варьируется от двух до девяти), где сюжет разворачивается по двум основным путям. С одной стороны, мы наблюдаем постепенное «разрушение» старших героев, которые терпят поражение из-за недостатка морально-волевых качеств, в то время как младший брат демонстрирует «верную» форму поведения. С другой стороны, часто встречается мотив неудачного подражания, после победы младшего героя старшие пытаются в точности повторить его действия, но, не учитывая особую роль духовной составляющей личности, то есть гибнут или становятся предметом насмешек.

Типичным примером такого осуществления может послужить сказка «Оскюс-оол с девятью красновато-рыжими конями», где низкий социальный статус героя-сироты противопоставлен его исключительным магическим и волевым качествам.

Многообразная галерея героев тувинского фольклора включает не только классических неуязвимых богатырей, таких как Ыйгылак-Кара или Алдай-Мерген, но и специфические образы «богатырей-малолеток» и невинно гонимых персонажей. К ним относятся показательные фигуры Чангыс-Карыша (Одна пядь), Балдыр Бээжека (Мужичок с ноготок), Бараскан-оола и Эрбек-пена (Мальчик с

¹ Тувинские народные сказки. Вып. 2. / сост. М. А. Иззднеева. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1958. С. 71.

² Сказки и предания алтайских тувинцев / собр. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 88.

³ Там же. С. 192.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Тувинские народные сказки / перев., сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 106.

⁶ Тувинские народные сказки. Вып. 2. / сост. М. А. Иззднеева. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1958. С. 100.

⁷ Там же. С. 103.

пальчик), чья типология глубоко символична. Имена этих героев не только дают название произведению, но и выражают их социальное положение, характер или антропометрические особенности.

Особенное значение для раскрытия данного образа имеет категория помощников и дарителей, уравнивающая социальную оторванность брата или сироты. В этот круг входят как персонажи, имеющие человекоподобный облик — мудрые родственницы, Золотая дангына, белобородый старец-наставник или представители низших слоев общества, выступающие посредниками миров, так и анимистические союзники и чудесные артефакты. Среди них ключевую роль играют богатырский конь, птица Хан-Херети (Гаруда), священный ворон, золотой орел и божественный ястреб с лошадиной головой¹, бесшумные идьки (обувь), шапка-невидимка, золотая стрела или книга, железное войско, оживляющий платок, зеркало² и др., позволяющее обозреть всю землю и подземелья. Активное участие «благодарных животных», мифологических существ в судьбе младшего сына подчеркивает его избранность и гармоническую связь с «древними религиозно-мифологическими представлениями тувинцев» (Самдан, 2016: 220), с силами природы, сакральным миром, что в конечном итоге обеспечивает ему окончательную победу над противниками. И через эту победу герой доказывает свое право на высокий социальный статус, завершая процесс духовного и физического становления.

В контексте исследования образных структур тувинского фольклора сказка «Балдыр-Бээжек» представляет собой образцовый экземпляр проявления героизма по инициативе младшего сына в лице Балдыр-Бээжека. Путь главного героя — младшего брата, который выражает последовательную трансформацию личности, то есть от состояния социального отчуждения к статусу сакрального победителя.

Начальный этап пути героя характеризуется классической ситуацией отверженности: «Бедный Балдыр-Бээжек сам пас тысячу овец и тысячу коней...»³. Балдыр-Бээжек выступает в повествовании как персонаж, лишенный родительской опеки и используемый старшими братьями — Алдын-Бижээчи и Монгун-Бижээчи. Образное противостояние «праздность — трудолюбие» здесь достигает своего пика в момент несправедливого раздела имущества, когда герою достается лишь незначительная доля наследства в размере десять коней и десяти овец. Эта «худшая доля» служит некоторого рода необходимым условием для начала запуска трансформации, вытесняя героя из привычного социального круга в пространство перехода — к границе миров у «белой скалы».

Важным событием в развитии образа младшего сына становится испытание духа, в ходе которого Балдыр-Бээжек демонстрирует глубокую человечность и особую связь с природой, свойственную тувинскому мировосприятию. Герой не ожесточается в ответ на несправедливость, а направляет свои духовные силы на заботу о животных и сохранение *ак сагыш* (светлых помыслов). Именно эта этическая чистота и способность к состраданию становятся причиной для вмешательства сверхъестественных сил.

Переход к шагу получения магической помощи обозначается встречей с Дарителем — старцем Ак-Мергендеем: «"Тогда подожди немного", — сказал старичок и ушел под камень. Он вернулся с большой золотой книгой. ...И вручил книгу мальчику»⁴. Старик, являясь посредником между мирами, передает герою сакральное знание в форме «Золотой книги» и снабжает его атрибутами силы (магическим конем и одеянием). Здесь находит выражение ценность тувинской буддийской культуры: младший сын получает помощь не за физическую мощь, а как ответ на его смирение и верность традиционным ценностям. Удивительно, что даже обладая магической силой, Балдыр-Бээжек добровольно выбирает облик «оборванного паренька», что подчеркивает этап скрытого начала — герой должен подтвердить свое превосходство делами, а не внешними атрибутами.

Кульминация и окончательная слава героя осуществляется в Верхнем мире, где Балдыр-Бээжек совершает подвиг, недоступный его старшим братьям. Победа над шестиголовой птицей Хан-Херети,

¹ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Сибирская издательская фирма ВО «Наука», 1994. С. 19.

² Там же. С. 19.

³ Тувинские народные сказки / перев., сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 105.

⁴ Там же. С. 107.

разоряющей страну, окончательно утверждает героя в статусе богатыря-избавителя. Восстановление справедливости в сказке носит не карательный, а гармонизирующий характер, то есть, возвращаясь к «белой скале», герой не только обретает семейное счастье с красавицей Отакшин-Кара, но и показывает великодушие к братьям. Чудесное умножение его малого стада до бесчисленных отар является показателем полного завершения посвящения — младший сын, начавший путь с «худшей доли», становится истинным правителем своей судьбы и хранителем родового благополучия, достигая высшей точки социального и сакрального признания.

В результате анализа образа Балдыр-Бээжека необходимо подчеркнуть, что образ младшего сына в тувинской сказочной традиции выходит за рамки универсального фольклорного шаблона, приобретая глубокое национальное содержание. В данном образе складываются идеальные черты тувинского национального характера, сформированные кочевым образом жизни и пасторальной культурой, а именно исключительная физическая и духовная выносливость, скромность и безусловное уважение к иерархии и традициям предков.

В итоге через победу Балдыр-Бээжека народная сказка обуславливает жизнеутверждающее правило — социальная справедливость и благополучие рода достижимы лишь через сохранение чистоты помыслов (*ак сагыш*), следование буддийским ценностям.

Следующая тувинская сказка о Хеймер-ооле представляет собой классический пример становления героя из образа младшего сына, проходящего путь от неопытного юноши до мудрого правителя. Начало истории описывает типичную для образа младшего сына в анализируемой работе семейную ситуацию героя: «Жил в давние времена Картыган-хан. Было у него три сына и семь быстроногих черных коней»¹. Так, в анализируемой сказке из трех братьев имя озвучивается только Хеймер-оол.

Одной из главных особенностей образа Хеймер-оола следует назвать его силу, которая проявляется не в физическом превосходстве, а в моральных качествах: «Не печалься отец, я добуду золотую птицу Алдын-Хана. Отпусти меня»². В отличие от старших братьев, он обладает исключительной бдительностью и стойкостью, что позволяет ему одному выследить таинственного врага. Его готовность к самопожертвованию и отсутствие жадности становятся ключевыми факторами: «Дай мне твоего коня, я его съем! — сказал волк. — Бери, ешь, — ответил Хеймер-оол»³, впоследствии данное решение превращает потенциальную угрозу в самого могущественного союзника в лице Волка величиной с быка и переходом получения магической помощи в будущем.

Борьба героя с мифическими существами в сказке разделена на несколько этапов, каждый из которых является важным уроком для младшего сына. Первое столкновение происходит с Золотой птицей Алдын-хана, что символизирует пробуждение героя, вступившего в схватку с огромным существом. В результате он добывает золотое перо — артефакт, свидетельствующий о его храбрости и запускающий цепь дальнейших событий. Здесь герой проявляет решительность, которая выделяет его среди братьев, уснувших во время охраны коней.

Вторым и самым важным этапом становится встреча с Волком величиной с быка. Это существо — не просто зверь, а мудрый магический наставник. Отношения с ним строятся на доверии и послушании. Волк помогает Хеймер-оолу преодолевать препятствия, созданные тремя могущественными ханами (Алдын-ханом, Ай-ханом и Хюн-ханом). В этих испытаниях борьба переходит в пространство внутренних сражений, где младший сын сражается со своим любопытством и нетерпеливостью. Нарушая запреты волка (например, прикасаясь к золотому гнезду или серебряной уздечке), Хеймер-оол совершает ошибки, которые усложняют его путь, но одновременно делают его более опытным и осторожным.

Финальная часть борьбы связана с преодолением человеческого коварства — предательства старших братьев. Когда Хеймер-оол достигает цели, добыв Золотую птицу, коней и Золотую девушку, он становится жертвой зависти. В этот момент мифический Волк выступает в роли спасителя: «Рано утром он побежал туда, где оставил Хеймер-оола, и увидел, что друг его лежит мертвый...

¹ Тувинские народные сказки / пер, сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 96.

² Там же. С. 97.

³ Там же.

Волк вложил в рот Хеймер-оолу целебной травы»¹. Сюжет завершается логической развязкой, после воскрешения Хеймер-оола и его женитьбы на золотой девушке старшие братья погибают от руки отца, Картыган-хана, который назначает младшего сына своим преемником.

Таким образом, судьба младших сыновей и их победы в тувинских сказках — это результат их честного взаимодействия с миром природы и магии. Сказки утверждают, что настоящий победитель — тот, кто умеет признавать свои ошибки, слушать мудрых наставников и сохранить чистоту сердца даже перед лицом самой смерти.

Образ младшего сына в казахских и тувинских сказках: сходства и различия

Основные сходства в рассмотренных сказках связаны с сюжетной линией предательства младшего брата со стороны старших братьев и прохождением героя через различные испытания. Также мы видим наличие религиозно-мифологических и тотемных персонажей, наделённых особыми способностями и оказывающих помощь герою на пути к победе. Для обеих сказок характерен мотив отправления героя в путь, возвращения домой после преодоления трудностей. При этом уход героя из дома может интерпретироваться как начало поиска младшим сыном своей главной миссии, то есть стремление к самопознанию и к воплощению «идеального» образа, существующего в народном воображении. Испытания, встречающиеся на его пути, представляют собой этапы духовного роста и развития образа героя, тогда как возвращение домой символизирует его становление в качестве в определённой степени «идеального» героя.

Как отмечает С. Каскабасов, «классическая сказка любого народа начинается с отлучки из дому и заканчивается его возвращением» (Каскабасов, 2011: 253). В этом смысле Каратай, не находя Ергежейли на месте, где тот был привязан, спускается в подземный мир, чтобы разыскать его. Иными словами, он тоже покидает свой дом и отправляется в путь. Аналогично Балдыр-Бээжек «загнал своих овец и коней в белую скалу, сел на тёмно-гнедого коня и поехал по следу братьев»². Начало сказки формируется через уход героя в путь, что является стартовой вехой всей повествовательной линии и, по сути, первым испытанием, которое предстоит преодолеть герою.

Сразу после выхода из дома события сказки усложняются и насыщаются: «задачи героя и преграды на его пути становятся всё более трудными» (Каскабасов, 2011: 254). Следовательно, как Каратай, так и Балдыр-Бээжек покидают свои дома и отправляются в путь, сталкиваются с трудностями и проходят испытания, что способствует их духовной и личностной трансформации.

Особого внимания заслуживает присутствие в обеих сказках «Молитвенной книги» и «Золотой книги». Первая связана с религиозным учением, тогда как вторая является волшебной книгой: «Балдыр-Бээжек раскрыл золотую книгу и узнал, что его старшие братья едут в верхний мир»³. Упоминание книги в обеих сказках может свидетельствовать о традиционном представлении о книге как источнике знания и духовного наставления казахского и тувинского народов, с той разницей, что речь идет о традициях двух разных религий — ислама и буддизма.

В сказке «Каратай» полностью отсутствуют сведения о его родителях, тогда как в повествовании о Балдыр-Бээжеке прямо говорится, что у героя нет ни отца, ни матери. Если Каратай вместе с братьями добывает пропитание охотой, то Балдыр-Бээжек самостоятельно занимается выпасом скота.

В сказке «Каратай» действия главного героя начинаются на поверхности земли и далее продолжают в подземном мире. Сюжет же сказки «Балдыр-Бээжек» также стартует на земле, а затем развивается в небесном мире и на море. При этом нельзя забывать и о выходящем из подземного мира персонаже Ақ-Мергендей. Следовательно, картина мира обоих народов схожа, они верят, что жизнь существует не только на поверхности земли, но и в подземном и небесном мирах. Так, наличие поверхности земли, подземного и небесного миров отражает закон троичности, показывая, что пространственное измерение в сказках трёхмерно. По мнению П. Ауесбаевой, «число три является универсальной моделью отражения мифологической структуры мироздания» (Ауесбаева, 2018: 251). Модель тройственного мира может быть связана с религиозно-мифологическим сознанием тюркских

¹ Там же. С. 99–100.

² Там же. С. 107.

³ Там же.

народов: «...согласно космогоническому представлению древних тюрков, модель мира состоит из единства верхнего, среднего и нижнего миров» (Рыскиева и др., 2018: 61). В описании этих уровней присутствует ряд компонентов, обладающих культурной спецификой. Например, в традиционной казахской культуре пространство состоит из трёх уровней «Верхний мир — это небесный свод, поклонение Тенгри, средний мир — пространство, где обитает человечество, нижний мир — подземное царство смерти» (там же: 61), а у тувинцев мифологическая трёхступенчатая структура вселенной представлена следующим образом: «1) верхний мир — Үстүү оран (Курбусту ораны — мир Курбусту, Бурган ораны — Божий мир); 2) средний мир — Ортаа оран (Сарыг Өртемчей — Желтая Вселенная, Чырык Өртемчей — Светлая Вселенная); 3) нижний мир — Алды оран (Карангы Өртемчей — Темная Вселенная, тамы — бездна)» (Мижит, 2009: 174).

При переходе Каратая и Балдыр-Бээжека в иное пространство *бәйтерек* 'тополь' и *железный тополь* символически выполняют функцию моста. Так, Каратай, привязав Ергежейли к тополи, на следующий день не обнаружив его на месте, отправляется на поиски: «На следующий день парни увидели, что старика нет на тополе... Однако вместо старика на дереве осталась его борода»¹. В сказке о Балдыр-Бээжеке говорится: «Балдыр-Бээжек посмотрел в золотую книгу и узнал, что железный тополь — это дорога в верхний мир»². Именно с этого момента начинается переход Каратая и Балдыр-Бээжека в иное пространственное измерение. В данном контексте *бәйтерек* (тополь) и железный тополь образно выполняют роль моста между мирами. Как было отмечено нашими коллегами, «в мировой мифологической культуре, в тюркской — также, мост выступает связью миров или переходом в другие пространства» (Туймебаев и др., 2025: 140). Хотя в сказках мост напрямую не называется, его символическая функция отчетливо прослеживается в самом контексте повествования. Следовательно, развитие и трансформация Каратая и Балдыр-Бээжека осуществляется через смену пространств. Другими словами, они выходят за пределы своей повседневной бытовой жизни и стремятся к свободе. «То, как поступит человек, как разовьет свою личность, свою Судьбу — это уже творится в пространстве Свободы» (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024: 65).

И Каратай, и Балдыр-Бээжек проявляют милосердие и готовность прощать. Например, «Добро-сердечный Каратай простил вину своих братьев»³, а Балдыр-Бээжек говорит: «Но у меня нет к вам зла. Берите себе весь мой скот и золотую юрту. Живите на этой земле»⁴. Так и в казахских, и в тувинских сказках младший сын изображается милосердным, великодушным, щедрым и способным к прощению.

В русскоязычном тексте сказки «Каратай» слово «Бог» встречается часто, и явно прослеживается религиозная дидактика, то есть имеются прямые отсылки к исламской вере, например, к пророку Кызыру. В сказке «Балдыр-Бээжек» слово «Бог» не упоминается, однако религиозный мотив присутствует через лам — они выполняют функцию проводников в небесный мир, предоставляя «разрешительные записки»: «У черной скалы сидели два ламы и давали записки, по которым пропускali в верхний мир»⁵.

Кроме того, в обеих сказках присутствует образ религиозно-мифологического духа-покровителя, образы которых наиболее ярко отразились в сказках (Самдан, 2002), помогающего герою. В тувинской сказке это Ақ-Мергендей, в казахской — пророк Кызыр. Однако последующее превращение пророка Кызыр в большую белую птицу придаёт религиозному мотиву мифологический характер.

В сказках «Приключения Елемеса» и «Хеймер-оол и волк величиной с быка» особенности их образов заключаются в разных социальных положениях: Елемес — сын бедняка, Хеймер-оол — сын хана.

¹ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Қасқабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 335 б. (На каз. яз.).

² Тувинские народные сказки / пер, сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 108.

³ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүзтомдық [В ста томах] / состав. Қасқабасов С., Тойшанұлы А., Набиолла Н. Астана: Фолиант, 2011. Т. 74: Қиял-ғажайып ертегілер [Волшебные сказки]. 339 б. (На каз. яз.).

⁴ Тувинские народные сказки / пер, сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 111.

⁵ Там же. С. 108.

Елемес вместе с братьями отправляется в путь с целью найти ремесло и пропитание, а Хеймер-оол пускается в дорогу вслед за братьями, которые пропали без вести в поисках золотой птицы Алдын-хана.

Встреча обоих героев с волком на их пути не является случайностью. Ведь «образ волка пополняет охранительные функции, он в большей степени покровитель, чем родоначальник. Этот образ тесно связан с небесными божествами» (Квилинкова, 2014: 82). Таким образом, появление волка на пути Елемеса и Хеймер-оола знаменует присутствие тотемного покровителя, который предвещает грядущие испытания и помощь в преодолении их.

В обеих сказках волк оживляет героя с помощью целебной травы. Таким образом, целебная трава выступает здесь как волшебное средство исцеления. По мнению Н. Чистобаевой, «в группу волшебных предметов с семантикой “исцеление и воскрешение” относится от “трава”. ... На поиски лечебной травы отправляются богатырский конь, травник, сестра богатыря и др.» (Чистобаева, 2024: 56). Согласно сюжету казахской сказки, волк берет в плен предводителя воронов и обещает даровать свободу ему лишь в обмен на чудодейственную траву, способную воскресить Елемеса. В отличие от этого, тувинская сказка не дает пояснений, каким образом в распоряжении волка оказалось эта целебная трава.

Оба героя, в отличие от своих братьев, обладают смелостью и чувством справедливости. Они отправляются в путь с неизвестным исходом и подвергаются различным испытаниям, первым из которых становится встреча с волком. Если Елемес успешно проходит это испытание благодаря своему благородству и доброму слову, то Хеймер-оол приносит в жертву голодному волку своего коня.

В казахской сказке Елемес сам выступает в роли судьи, он наказывает одного брата и дарует прощение другому, который осознал свою вину и раскаялся. В тувинской же сказке карательная функция принадлежит хану. Хан не прощает своих старших сыновей, предавших младшего брата, и велит отрубить им головы.

Если в первой паре сказок отчетливо прослеживаются религиозные-мифологические верования, то во второй — преобладает тема тесной связи с природой, выражаемой в архетипичных образах волка, вороны и магических свойствах целебной травы.

Проведенный сравнительный анализ образа «младшего сына» в казахских и тувинских сказках выявил, что, несмотря на общую тюркскую основу и схожесть в героическом воплощении образа, часто при поддержке второстепенных персонажей или волшебных предметов, этот образ формирует идеальную модель универсального и уникального героя, отражающая воспитательные, мировоззренческие и культурные ценности, такие как добродетель, уважение к традициям, преодоление трудностей, духовный рост, а также ценности кочевой культуры, различных религиозных верований и семейной морали обоих народов. Как отмечает М. Ауэзов «...мы также находим намек на социальную основу многих сказочных персонажей»¹, что подчеркивает важность социального положения в формировании этих героев.

Так, универсальность образа младшего сына проявляется в том, что он всегда наделен такими качествами, как милосердие, великодушие, смелость и приверженность справедливости. А уникальность каждого героя раскрывается через их индивидуальные черты. Например, Каратай изначально характеризуется бесстрашием, он вступает в борьбу с Ергежейли без тени сомнения с первой же встречи. То есть его мужество проявляется еще до того, как его образ подвергается трансформации. Образ Балдыр-Бээжека, напротив, вначале описывается без прикрас и героизации: «Бедный Балдыр-Бээжек плакал весь день. Он плакал, от того что нет у старших братьев жалости, оттого что они бросают его одного в широкой степи»². В начале пути он не является героем, ему свойственны слабости маленького ребенка. Его становление — это путь от плачущего мальчика, обиженного на братьев, до личности, основавшей свой собственный аал. Особенность же Елемеса заключается в его непоколебимой верности справедливости, ради её торжества он готов на решительный шаг и лишает жизни даже родного брата. В образе Хеймер-оола отличительная черта проявляется в особой

¹ Ауэзов М. О. Әдебиет туралы. Оқу құралы. [О литературе. Учебное пособие]. Алматы: Санат, 1997. 20 б. (На каз. яз.).

² Тувинские народные сказки / пер, сост. и примеч. М. Г. Ватагина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 107.

надежде и вере ему со стороны отца, Картыган-хана: «сторожить оставшихся коней будет ваш младший брат. Может быть, он справится лучше вас»¹.

Образ младшего сына в сказках не только выявляет определённые социально-иерархические структуры, но и играет важную роль в отражении народных представлений о воспитании, а также в вечном противостоянии добра и зла. Особенности проявляются в характере семейных иерархий, роли младшего сына в наследовании, а также в степени его связности с сакральной инициацией, преодолением испытаний и функцией культурного героя. В казахской традиции младший сын нередко воплощает адаптивность, сохранение веры высшим силам и стремление к достижению своей миссии, тогда как в тувинских сюжетах он чаще ассоциируется с чистотой, связью с природными силами и мудростью. Эти различия отражают не только фольклорные типологии, но и глубинные этнокультурные установки, формирующие восприятие социального статуса и духовной зрелости.

Заключение

В результате проведенного исследования был рассмотрен образ младшего сына в казахских и тувинских сказках: «Қаратай», «Приключения Елемеса» и «Балдыр-Бээжек», «Хеймер-оол и волк величиной с быка». Он является отражением многовековой истории, культуры, литературы и мировоззрения тюркских народов. Этот образ формировался на пути стремления к добру, справедливости и свободе. Сравнительный анализ выявил как общие элементы, так и национальные особенности, присущие разным культурам, а также позволил не просто сопоставлять сюжеты, но и вчитываться в их глубинные смыслы, зачем младший сын проходит путь героя и что именно он олицетворяет для казахского и тувинского народов.

Идеалы и эстетические устремления обоих народов во многом совпадают. Герои благодаря своей смелости, честности и храбрости, а также с помощью волшебных помощников преодолевают различные трудности и достигают поставленных целей. Все они стремятся победить зло и установить справедливость.

Отметим также, что в казахских и тувинских сказках количество братьев не ограничивается тремя. В сказках встречаются сказки о пяти, шести, семи или даже большем числе братьев и младшем сыне, например, «Шесть братьев», «Ер Тостик», «Сорок сыновей Ауэзхана» и другие. Также в развитие этой темы сопоставительный анализ может быть расширен за счет привлечения материалов по другим сходным сибирско-тюркским традициям, напр., «Книга моего деда Коркута» (Орус-оол, 2018: 330). В том числе, целесообразно использовать хантыйскую волшебную сказку «Небесного отца младший сын» (в контексте работ В. В. Карчиной, Карчина, 2019) или башкирские народные сказки «Бой на калиновом мосту», «Три подземных царства», «Два брата», часть которых была изучена в работе Р. Р. Зинуровой (Зинурова, 2021).

Мы полагаем, что эти сказки могут стать основой для будущих исследований в данном направлении, так как дальнейшее изучение образа младшего сына позволит глубже понять литературные и культурные контексты, влияющие на формирование героев и сюжетов сказок не только тюркских народов, но и других.

Результаты исследования способствуют осмыслению воспитательного потенциала народного литературного наследия, укрепляют литературный диалог между народами и создают основу для межкультурного сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Әуесбаева, П. Т. (2018) Қиял-ғажайып ертегілерінің сюжеттік құрылымы [Сюжетная структура волшебных сказок] // Eurasian Journal of Philology: Science and Education. № 3 (171). 250–257 б. (На каз. яз.).

Балтабаева, Г. С. (2010) Көне түркі көк бөрі тотемі және қазіргі қазақ әңгімесі [Древнетюркский тотем Кок бори и современный казахский рассказ] // Түркология. № 3–4. 50–55 б. (На каз. яз.).

Басангова, Т. Г. (2018) Ворона в калмыцком фольклоре: приметы, заговор, сказка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 12. № 1. С. 30–34.

¹ Там же. С. 96.

Габдуллин, М. (2013) Қазақ халқының ауыз әдебиеті [Устная литература казахского народа]. Алматы : Рауан. 456 б. (На каз. яз.).

Доржу, З. Ю. (2011) Тувинская семья: тенденции её жизнедеятельности // Омский научный вестник. № 1 (195). С. 35–38.

Зинурова, Р. Р. (2021) Образ младшего сына/брата в башкирских богатырских сказках // Проблемы востоковедения. № 2 (92). С. 83–89. DOI: <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2021-2-83-89>

Карчина, В. В. (2019) Образ младшего сына в хантыйских сказках (на примере сказки «Небесного отца младший сын») // Филологический аспект. № 6 (50). С. 192–199.

Карчина, В. В. (2019) Средства художественной выразительности, характерные для хантыйских волшебных сказок (на примере сказки «Небесного отца младший сын») // Филологический аспект. № 9 (53). С. 101–109.

Қасқабасов, С. (2009) Ойөріс. [Поле мышления]. Алматы : Жібек жолы. 303 б. (На каз. яз.).

Қасқабасов, С. (2011) Шығармалары [Произведения]. 20 томдық [в 20 томах]. Астана : Фолиант. Т. 1. Жаназық. Әр жылғы зерттеулер [Духовная пища. Исследования разных лет]. 568 б. (На каз. яз.).

Қасқабасов, С. А. (2014) Избранные исследования : в 5 т. Астана : Фолиант. Т. 3. Фольклорная проза казахов. 424 с.

Квилинкова, Е. Н. (2014) Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев : Тір. Centrală. 472 с.

Кенжекожаева, А., Мамбетов, Ж. О., Ауесбаева, П. Т. (2025) Мудрость и юмор Ходжи Насреддина в контексте различных версий притчи о казане // Новые исследования Тувы. № 2. С. 300–311. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.18>

Мелетинский, Е. М. (1994) О литературных архетипах. М. : Российский государственный гуманитарный университет. 136 с.

Мелетинский, Е. М. (2005) Герой волшебной сказки. М. ; СПб. : Академия Исследований Культуры, Традиция. 240 с.

Мижит, Л. С. (2009) Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 173–188.

Орус-оол, С. М. (2018) Сходные сюжеты и мотивы эпоса тюрко-монгольских народов Сибири и огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» // Алтай — Западная Сибирь в XIX — начале XX вв.: население, хозяйство, культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля Сергея Порфирьевича Швецова / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова. 356 с. С. 330–340.

Пропп, В. Я. (1998) Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт. 512 с.

Рыскиева, А. А., Куранбек, А. А., Аташ, Б. М., Таттибек, Н. М. (2018) Түркілік мәдениеттегі рәміздердің эстетикасы және оның экзистенциалдық-өмірмәнділік астарлары [Эстетика символов в культуре тюрков и их экзистенциально-смысловые основы] // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. № 2 (60). С. 58–68. (На каз. яз.)

Самдан, З. Б. (2002) Поэтика тувинского мифа // Ученые записки / ТНИИЯЛИ / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл : Республиканская типография. Вып. XIX. 329 с. С. 235–246.

Самдан, З. Б. (2016) Трансформация жанров тувинского фольклора (по материалам истории рода кужугетов и публицистики С. К. Шойгу) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 211–223.

Туймебаев, Ж. К., Аманжолова, Д. Б., Жанабаев, К., Тургенбаева, А. Ш. (2025) Формульный стиль устной поэзии тюркских народов // Новые исследования Тувы. № 1. С. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.10>

Урманче, Ф. И. (2015) Тюркский героический эпос. Казань : ИЯЛИ. 448 с.

Чистобаева, Н. С. (2024) Средства исцеления и воскрешения в героических сказаниях хакасов // Эпосоведение. № 2. С. 53–66.

Шаймердинова, Н. Г. (2015) Ритуалы, обычаи, традиции древних тюрков и их преемственность в культуре казахского народа // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. 39. Sayı. S. 197–207.

Шарапенкова, Н. Г., Бахлаева, М. А. (2023) Образ младшего брата в европейской сказочной традиции // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. № 3. С. 40–45.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

Orlik, A. (1909) Epische gesetze der volksdichtung // Zeitschrift Für Deutsches Altertum Und Deutsche Literatur. Vol. 51 (1). S. 1–12. (На нем. яз)

Thompson, S. (1946) The folktale. New York : The Dryden press. 510 p.

Дата поступления: 30.01.2026 г.

Дата принятия: 17.04.2026 г.

REFERENCES

Äuesbaeva, P. T. (2018) The plot structure of fairy tales. *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*, no. 3(171), pp. 250–257. (In Kaz.)

Baltabaeva, G. S. (2010) The ancient Turkic totem Kök böri and the contemporary Kazakh short story. *Türkologiya*, no. 3–4, pp. 50–55. (In Kaz.)

Basangova, T. G. (2018) The crow in Kalmyk folklore: Omens, spell, fairy tale. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki*, vol. 12, no. 1, pp. 30–34. (In Russ.)

Ġabdullin, M. (2013) *Oral literature of the Kazakh people*. Almaty, Rauan. 456 p. (In Kaz.)

Dorzhu, Z. Yu. (2011) The Tuva family: Trends in its functioning. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 1(195), pp. 35–38. (In Russ.)

Zinurova, R. R. (2021) The image of the youngest son/brother in Bashkir heroic tales. *Problemy vostokovedeniia*, no. 2(92), pp. 83–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2021-2-83-89>

Karchina, V. V. (2019) The image of the youngest son in Khanty fairy tales (on the example of the tale “The youngest son of the heavenly father”). *Filologicheskii aspekt*, no. 6(50), pp. 192–199. (In Russ.)

Karchina, V. V. (2019) Means of artistic expression characteristic of Khanty fairy tales (on the example of the tale “The youngest son of the heavenly father”). *Filologicheskii aspekt*, no. 9(53), pp. 101–109. (In Russ.)

Qasqabasov, S. (2009) *Oińris. The field of thought*. Almaty, Jibek zholy. 303 p. (In Kaz.)

Qasqabasov, S. (2011) *Works*. In 20 vols. Astana, Foliant. Vol. 1. *Zhanazyk*. Spiritual food. Studies of different years. 568 p. (In Kaz.)

Kaskabasov, S. A. (2014) *Selected studies*. In 5 vols. Astana, Foliant. Vol. 3. Folklore prose of the Kazakhs. 424 p. (In Russ.)

Kvlinkova, E. N. (2014) *The cult of the wolf among the Gagauz through the prism of ethnocultural symbols*. Chisinau, Tip. Centrală. 472 p. (In Russ.)

Kenzhekozhaeva, A., Mambetov, Zh. O. and Auesbaeva, P. T. (2025) The wisdom and humor of Hodja Nasreddin in the context of various versions of the parable of kazan. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 300–311. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.18>

Meletinskii, E. M. (1994) *On literary archetypes*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. 136 p. (In Russ.)

Meletinskii, E. M. (2005) *The hero of the fairy tale*. Moscow, St Petersburg, Akademiia Issledovaniia Kul'tury, Traditsiia. 240 p. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2009) Triple images in the mythology and folklore of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 173–188. (In Russ.)

Orus-ool, S. M. (2018) Similar plots and motifs of the epic of the Turkic-Mongolic peoples of Siberia and the Oghuz epic “The book of my grandfather Korkut”. In: *Altai — Western Siberia in the 19th – early 20th centuries: Population, economy, culture*. Proceedings of the All-Russian research and practice conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the ethnographer, economist and public figure Sergei Porfir'evich Shvetsov. Ed. by N. V. Ekeev. Gorno-Altai, Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im. S. S. Surazakova. 356 p. P. 330–340. (In Russ.)

Propp, V. Ia. (1998) *Morphology of the “fairy” tale. The historical roots of the fairy tale*. Moscow, Labirint. 512 p. (In Russ.)

Ryskueva, A. A., Kuranbek, A. A., Atash, B. M. and Tattibek, N. M. (2018) The aesthetics of symbols in Turkic culture and their existential and life-meaning dimensions. *Vestnik KazNU. Seriya filosofii, kul'turologii i politologii*, no. 2 (60), pp. 58–68. (In Kaz.)

Samdan, Z. B. (2002) Poetics of the Tuva myth. In: *Scholarly notes*. Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Ed. by V. D. Mart-ool. Kyzyl, Respublikanskaia tipografiia. Issue XIX. 329 p. P. 235–246. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2016) Transformation of genres of Tuva folklore (based on the history of the Kuzhuget clan and the publicistic works of S. K. Shoigu). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 211–223. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K., Amanzholova, J. B., Zhanabayev, K. and Turgenbayeva, A. Sh. (2025) Formulaic style of oral poetry of the Turkic peoples. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 134–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.10>

Urmanshe, F. I. (2015) *The Turkic heroic epic*. Kazan, IIALI. 448 p. (In Russ.)

Chistobaeva, N. S. (2024) Means of healing and resurrection in heroic tales of the Khakas. *Eposovedenie*, no. 2, pp. 53–66. (In Russ.)

Shaimerdinova, N. G. (2015) Rituals, customs, traditions of the ancient Turks and their continuity in the culture of the Kazakh people. *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*, no. 39, pp. 197–207. (In Russ.)

Sharapenkova, N. G., Bakhlaeva, M. A. (2023) The image of the younger brother in the European fairy tale tradition. *Studia Humanitatis Borealis*, no. 3, pp. 40–45. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) The ambivalent myth of Tuva in the twentieth century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 61–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

Olrik, A. (1909) Epische Gesetze der Volksdichtung. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, vol. 51(1), pp. 1–12. (In Germ.)

Thompson, S. (1946) *The folktale*. New York, The Dryden press. 510 p.

Submission date: 30.01.2026.

Acceptance date: 17.04.2026.

Особенности концептуализации детства в карачаево-балкарской этнокультуре в междисциплинарной перспективе

Светлана К. Башиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Улданай М. Бахтикиреева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье исследованы особенности концептуализации детства в этнокультуре карачаевцев и балкарцев, рассмотрены словоформы концепта «сабийлик» 'детство', идеи концепта и социальная регуляция концепта.

Отмечено, что концепт представлен большим объемом вербальных репрезентантов, когнитивных признаков, актуализированных в языковом сознании карачаевцев и балкарцев. На основе этнографических, фольклорных источников выявлены концепты-идеи, объективирующие, трудовую игровую деятельность детей, — «иш» 'труд', «оюн» 'игра', «сабий тил» 'детский язык', «юйретилю» 'воспитание', которые дополняют, конкретизируют ценностно-смысловое поле детства. Рассмотрена социально-культурная практика, отражающая комплекс семейных обрядов, важных со дня рождения ребенка (имянаречение, укладывание в люльку, первый шаг, первая стрижка волос).

Таким образом в работе представлена этнокультурная модель детства — результат осмысления и концептуализации значимого для народа фрагмента карачаево-балкарской ментальной парадигмы, содержание которой определяют, прежде всего, прагматические установки, особенности мировидения.

Ключевые слова: концептуализация культуры; детство; культура детства; концепт культуры; этническая культура; карачаево-балкарская культура

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Башиева С. К., Бахтикиреева У. М. Особенности концептуализации детства в карачаево-балкарской этнокультуре в междисциплинарной перспективе // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 95-107. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.7>

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова; профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов. Адреса: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Features of the conceptualization of childhood in Karachay-Balkar ethnoculture in an interdisciplinary perspective

Svetlana K. Bashieva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation,

Uldanai M. Bakhtikireeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov; RUDN University, Russian Federation

The article presents the specific features of the conceptualization of childhood in the ethnoculture of the Karachays and Balkars, examining the word forms of the concept “sabylik” ‘childhood’, the idea-components of the concept, and the social regulation of the concept. It is noted that the concept is represented by many verbal exponents and cognitive features actualized in the linguistic consciousness of the Karachays and Balkars.

Based on ethnographic and folklore sources, the study identifies idea-concepts that objectify children’s work and play activities — “ish” ‘work’, “oyun” ‘game’, “sabyi til” ‘child language’, “yüiretiliu” ‘upbringing’, which supplement and specify the value-semantic field of childhood. The article considers sociocultural practices reflecting a complex of family rituals important from the day of the child’s birth (name-giving, placing in the cradle, first step, first haircut).

Thus, the study presents an ethnocultural model of childhood as the result of comprehending and conceptualizing a significant fragment of the Karachay-Balkar mental paradigm, whose content is determined primarily by pragmatic attitudes and distinctive features of the worldview.

Keywords: conceptualization of culture; childhood; culture of childhood; cultural concept; ethnic culture; Karachay-Balkar culture

Funding:

The study was carried out with the financial support of an internal grant from Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University within the Priority 2030 program (agreement no. 45).

For citation:

Bashieva S. K. and Bakhtikireeva U. M. Features of the conceptualization of childhood in Karachay-Balkar ethnoculture in an interdisciplinary perspective. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 95-107 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.7>

BASHIEVA, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov; Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 10A Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

Введение

Одним из важнейших периодов жизнедеятельности любого человека является детство, научное осмысление которого актуализирует способы, физические, интеллектуальные, эмоциональные принципы воспитания. Особый интерес представляют отечественные исследования по этнографии детства, в которых выстроена с опорой на народную педагогику русская традиционная система воспитания детей (Виноградов, 1926; Комарова, 2014), культуре детства, в которой М. А. Трухачева выделяет два уровня: 1) «культурные нормы и артефакты, создаваемые взрослыми на основе определенных конструкторов, составляющих понятие «детство», 2) «формы собственной деятельности ребенка, определяемые как его индивидуальными особенностями, так и ресурсами, условиями, создаваемыми общей культурой»¹.

На наш взгляд, актуально изучение проблем детства в широком междисциплинарном контексте с опорой на языковые, этнографические, фольклорные материалы, что обусловило обращение к теме данного исследования ввиду его актуальности для карачаево-балкарской культуры. Мы полагаем, что наиболее полную картину детства можно получить при рассмотрении его как концепт культуры, так как именно в нем сосредоточены ценностные установки, особенности мировосприятия этноса.

Цель статьи — проанализировать концепт *сабийлик* 'детство' в карачаево-балкарской этнической культуре. В соответствии с ней определены следующие задачи: выявить и описать лексику, репрезентирующую концепт *сабийлик* 'детство'; рассмотреть концепты-идеи *оюн* 'игра', *иш* 'труд', *сабий тил* 'детский язык', *юйретилиу* 'воспитание', объективирующие деятельность сферу детей; определить особенности социальной регуляции детства в этнокультуре карачаевцев и балкарцев.

Теоретико-методологическая база. Для решения задач исследования в работе использован методологический подход Ч. К. Ламажаа, включающий рассмотрение трех аспектов концепта культуры: словоформа — идея — социальная регуляция (Ламажаа, 2023). В соответствии с ним концепт *сабийлик* в контексте этнической культуры карачаево-балкарского народа рассмотрен в рамках вербального, культурного, социального аспектов как ментальный конструктор, включающий в себя: 1) комплекс лексических репрезентантов, когнитивных признаков, определяющих понятийное, информационное и интерпретационное содержание концепта; 2) концепты-идеи, которые углубляют концептуальное содержание детства культурными смыслами; 3) механизмы социальной регуляции проблем детства, реализуемые в карачаево-балкарских традициях.

Объектом исследования является концепт *сабийлик* 'детство' в карачаево-балкарской этнической культуре, предметом — особенности лексической репрезентации (концепт-словоформа), культурных смыслов, закрепленных в этническом сознании народа (концепт-идея), меры социальной регуляции, заложенные в культуре детства (концепт — социальный регулятор).

В процессе исследования темы был использован фактологический материал из толковых, этимологических словарей², фольклорных, этнографических, этнопедагогических работ (Шаманов, 1980; Гуртуева, 1990; Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009; Абдуллаева, 2014; Болурова, 2014, Хаджиева, 2022), этического кодекса карачаево-балкарского народа «Ёзден адет»³ и др.

¹ Трухачева М. А. Культура детства в информационном обществе: автореф. дис. ... канд. культ. Саратов, 2019. С. 8.

² Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост. Т. А. Боровкова и др. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Ғылым» баспасы, 2016; Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Ючтомлукъ. А-Ж. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 1996. Т. I; Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Ючтомлукъ. З-Р. Нальчик: Эль-Фа Китап басма, 2002. Т. II; Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Ючтомлукъ. С-Я. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. Т. III; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «В», «Г» и «Д» / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980.

³ Ёзден адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005; Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. (На карач.-балк. яз.).

Обзор литературы

Культура детства карачаевцев и балкарцев включает в себя различные традиции, нацеленные на воспитание, обучение с ранних лет, поэтому их изучение представляет собой актуальную научную проблему как бесценный коллективный опыт, который содержит «рецепты», теряющие свою значимость под влиянием массовой культуры. Например, такие пословицы, как: *Аман баланг юйюнге палах келтирир* 'Плохой ребенок принесёт в дом беду', *Аман сабийден эсе, болмай къалгъан игиди* 'Лучше быть бездетным, чем иметь плохого ребенка', *Баланы адам этген анады* 'Ребенка человеком делает мать', *Артда кесинг жиягъандан эсе, сабийинги мардагъа жияма деп жиятсанг игиди* 'Пусть ребенок плачет в процессе воспитания, чем потом сама будешь плакать'¹, говорят о том, что воспитание ребенка занимает приоритетное место в народной педагогике.

Детство в прошлом рассматривалось в рамках норм обычного права, в котором были осмыслены различные семейные и общественные отношения кавказцев, в том числе и карачаевцев, балкарцев, включая проблемы детства и материнства, воспитания, приобщение детей с ранних лет к религии, права родителей, касавшиеся детей, в частности принадлежность опекуна ближайшему родственнику мужского пола (Леонтович, 1883). Наиболее полно детство изучено в этнографии и этнопедагогике (Шаманов, 1980; Гуртуева, 1997; Абдуллаева, 2014; Болурова, 2014; и др.²). Различные аспекты этнографии детства рассмотрены в историко-этнографических очерках К. Т. Лайпанова с соавторами «Карачай с древнейших времен до 1917 года» (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009), в которых освещены такие вопросы детского цикла, как приметы, поверья, магические обряды, сформированные «на протяжении столетий, вбирая в себя нормы и ценности разных эпох и культур» (там же: 229). Из филологических работ отметим статьи М. М. Текуева и Г. Ж. Газаевой, посвященные словообразовательным, морфологическим особенностям лексем *къагъанакъ* 'младенец', *сабий* 'ребенок' (Газаева, Текуев, 2015; Текуев, Газаева, 2015). Авторы с опорой на лексикографические, фольклорные источники считают, что первоначальное значение слова *къагъанакъ* — 'слизь', которое указывает на «время, когда у ребенка, или теленка, или ягненка спадает слизь», то есть первые дни после рождения младенца, в современном карачаево-балкарском языке указывает возраст «от рождения до тех пор, пока не слезет с люльки» (Текуев, Газаева, 2015: 28).

Однако приведенные работы не отражают культуру детства в полном объеме, так как в них освещены отдельные аспекты, в частности педагогический, исторический, этнографический, лингвистический. Поэтому этот пробел может быть восполнен при комплексном осмыслении представлений этноса об особенностях развития человека от рождения до юности.

Вербальные репрезентанты концепта «сабийлик»

Особенности восприятия, оценки детства и представления их в формате «сгустков знания» того, «посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» (Степанов, 2004: 42–43), в карачаево-балкарском языке отражены в комплексе вербальных средств.

Детство репрезентировано словом *сабийлик*, производным от лексики *сабий*, зафиксированной в толковом словаре в следующих значениях: 1) бала; 2) плод, зачаток, эмбрион; 3) детёныш, птенец; 4) сынок (при обращении старших к младшим)³.

Слово *бала* в качестве основного репрезентанта понятия «человек в период детства» используется в башкирском, казахском, киргизском, ногайском, татарском языках. В древнетюркском словаре за ним закреплены значения 'детеныш (животного)', 'птенец'⁴. В карачаево-балкарском языке, как утверждают Г. Ж. Газаева, М. М. Текуев, «бала обозначает общее название ребенка без

¹ Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии / сост. Р. А.-К. Ортабаева и др.. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкес. отделение, 1990.

² Боташева Л. Х. Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX — начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. н. М., 2002.

³ Къарачай-малкъар тилини ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гуртеев. Ючтомлукъ. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма, 2005. Т. III. С. 323.

⁴ Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост. Т. А. Боровкова и др. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Ғылым» баспасы, 2016. С. 86.

конкретного обозначения возраста, но в семантике слова содержится темпоральное значение — «маленький ребенок» (Газаева, Текуев, 2015: 196). По мнению К. М. Мусаева, лексема *бала* используется для обозначения ребенка «любого возраста, в основном мужского пола — ‘мальчик’», но «древнейшее зафиксированное значение — ‘детеныш животного, птенец’» (Мусаев, 2006: 558). Анализ фактологического материала карачаево-балкарского языка показал, что лексема *сабий* характеризуется большей контекстуальной активностью, обширной периферией, чем лексема *бала*, о чем свидетельствует количество репрезентантов: *сабийлик* ‘детство’, *сабий заман* ‘детское время’, *кзыз сабий* ‘девочка’, *эр киши сабий* ‘мальчик’, *сабийлеге деп этилген* ‘предназначенный для детей’, *сабий кийим* ‘детская одежда’, *сабий ундурукъ* ‘детская кровать’, *сабий бешик* ‘детская колыбель’, *сабий жаш* ‘мальчик-подросток’, *сабий сезим* ‘детское мышление’, *сабий-балий* ‘детвора’ *сабий юй* ‘детский дом’, *сабийсиз* ‘бездетный’, *сабий кзылыкъ* ‘детские выходки’.

Анализ лексического материала показал, что номинативное поле исследуемого концепта имеет трехчастную структуру «ядро — ближняя периферия — дальняя периферия».

В качестве ядра выступает слово *сабий* в значениях ‘дитя, ребёнок’, зафиксированных в лексикографических источниках как носители базовых представлений о детстве, что подтверждается и тем, что лексема *сабий* является ключевой в семантической парадигме концепта *сабийлик* как производящая основа (*сабий* + аффикс -лик).

В ближнюю периферию включены компоненты, отражающие 1) повседневные обязательные в ближайшее время после рождения ребенка — предметы: *бешик* ‘детская колыбель, люлька’, *итлик кёлек* ‘первая распашонка’; действия: *киндик кесерге* ‘перерезать пуповину’, *бешикни тебиретирге* ‘качать люльку’, *сабийни бешикге салыргъа* ‘уложить ребенка в люльку’, *бешикге бёлерге* ‘пеленать в люльке’, *бешикден сабийни тешип алыргъа* ‘распеленать ребенка в колыбели’, *бешикден бёленип тургъан сабийни алыргъа* ‘взять ребенка из колыбели’; 2) возрастные границы детства: от 1 дня до 1 года *кзагъанакълыкъ* ‘младенчество’: *жангы туугъан сабий* ‘новорожденный’, *кзагъанакъ* ‘младенец’ (в переносном значении *сынамы болмагъан адам* ‘неопытный, неумелый, наивный человек’), *эмчек ичген сабий* (букв. ребенок, сосущий грудь матери), *эмчекдеги сабий* ‘грудной ребенок’ (букв. ребенок, находящийся на груди матери), *кёюндагъы сабий* ‘грудной ребенок’ (букв. ребенок, находящийся за пазухой), *экижыллыкъ* ‘двухлетний’, *ючжыллыкъ* ‘трехлетний’, от 3 до 7 лет — дошкольник: *окъуугъа бармагъан сабий* ‘ребенок, который не ходит на учебу’; от 7 до 16–17 лет — школьник: *окъуугъа баргъан сабий* ‘ребенок, который ходит на учебу’; от 16 лет до 18 лет — совершеннолетний (букв. умственно совершенный), *адамны ёсери ёсюп, жылы жетген кези* (букв. человек, завершивший рост, достигший совершеннолетия).

Дальнюю периферию составили когнитивные признаки детства, репрезентирующие различные характеристики детей в процессе их развития:

1) размер: *улуу санлы* ‘большого телосложения’, *онглу, томпур* ‘крупный’, ‘полный’ (ребенок), *замансыз туугъан сабий* ‘ребенок, родившийся раньше срока’, *хурттак* ‘мизерный, кусочек’, *бурху* ‘крохотный’, *мыжгыл* ‘маленький’;

2) счастье, несчастье: *насыплы сабий* ‘счастливый/несчастливый ребенок’ (что зависело от наличия родителей), *аналы-аталы* ‘имеющий отца и мать’, *анасы бла атасы бла* ‘с отцом и матерью’; жизнь в любви: *татлы бала* ‘сладкий ребенок’, *жулдузчукъ* ‘звездочка’, *аючукъ* ‘медвежонок’; *насыпсыз сабий* ‘несчастливый ребенок’ (у которого нет одного или обоих родителей): *ёксюз, атасыз, анасыз* ‘не имеющий матери’, ‘сирота’, *анасызлыкъ* ‘сиротство’; *анасыз сабий кюн кёрмез* ‘ребёнок без матери счастья не увидит’; *некахсыз туугъан сабий* ‘родившийся без некаха, вне бракосочетания родителей по мусульманскому обряду’: *гыбышы* ‘внебрачный’, *киммилди* ‘незаконнорожденный’, *кзантулукъ* ‘выродок’;

3) здоровье: *саппа-сау* ‘здоровый’, *бёкем* ‘физически крепкий’, *борбайлы* ‘крепкий’; *ауруулу, салукъсуз* ‘болезненный’, *кыяулу* ‘дефектный’, *сакъат* ‘несовершенный’, *сангырау* ‘глухой’, *сокъур* ‘слепой’, *акъсакъ* ‘хромой’, *акъылдан кем* ‘умственно отсталый’;

4) внешняя привлекательность/непривлекательность: *сююмлю* ‘симпатичный’, *ариу* ‘красивый’, *ушагъыулу* ‘симпатичный’, *хур* ‘райский’; *эриши* ‘некрасивый’, *сыфатсыз* ‘невзрачный’, *тукъуш санлы* ‘кривого телосложения’, *ушагъыусуз* ‘несимпатичный’, *чырайсыз* ‘некрасивый’, *кепсиз* ‘невзрачный’;

5) умственные способности: *акъыллы* 'умный', *бек акъыллы* 'очень умный', *тамаша* 'удивительный', *каргъуна* 'очень умный'; *тентек* 'несообразительный', *чынкъыл* 'тупой', *малхуня* 'неумный', *мусоллоу* 'полоумный';

6) застенчивость: *къубулчакъ* 'несмелый', *уялчакъ* 'робкий', *жунчуукъ* 'стеснительный', *тартынчакъ* 'стеснительный';

7) необщительность: *гыбыр* 'неразговорчивый', *гурмук* 'замкнутый', *илеушиусюз* 'интровертный';

8) послушность/непослушность: *манкюш* 'смирный', *жууаш* 'спокойный', *жумушакъ* 'ласковый', *хыны* 'грозный', *гырхы* 'недружелюбный';

9) шаловливость: *хыпяр*, *хыпый-сыпый*, *сиркиу* 'озорной', *чёрчек* 'проказливый', *камсык* 'задорный';

10) воспитанность/невоспитанность: *адепли* 'вежливый', *хурметли* 'тактичный', *тап юйренген* 'хорошо воспитанный', *масхаплы* 'тактичный'; *адепсиз*, *къылыксыз* 'невоспитанный'; *сырсыз*, *халисиз* 'плохо воспитанный', *халсыз* 'дурно воспитанный', *зыбыр* 'неучливый'.

Таким образом, номинативное поле концепта *сабийлик* включает лексические единицы, объективирующие как базовые, так и периферийные характеристики представлений карачаево-балкарского этноса о культуре детства. Выявленные в ходе анализа эмпирического материала когнитивные признаки эксплицируют как положительно-оценочные, так и отрицательно-оценочные смыслы исследуемого концепта, которые регулярно проявляются в различных коммуникативных ситуациях, актуальных для различных этапов детства.

Идеи концепта

Ребенок в карачаево-балкарской культурной традиции — *кёзню чырагъы* 'свет глаз', *къартлыкъда тутурукъ* 'опора в старости'. Если в семье нет детей, это воспринимается не только как горе женщины, но и всего рода, о чем свидетельствуют пословицы *Сабийсиз тиширыу бузда жюрюгенчады* 'Бездетная женщина как будто ходит по льду', *Сабийсиз юй чыракъсыз юй кибикди* 'Дом без ребенка как дом без света', поэтому рождение ребенка, особенно мальчика — продолжателя рода, оценивалось как самое значимое событие. Так как до двух месяцев роженица находилась в родительском доме, чтобы укрепить, оберечь новорожденного от сглаза, ребенок с первых дней становился объектом внимания вначале бабушки по матери, потом бабушки по отцу *уллу ана* (букв. большая мама), которые брали на себя организацию, проведение обрядовых действий (*къурманлыкъ* 'жертвоприношение'; *бешикге салыу* 'укладывание в люльку', *биринчи тиш* 'первый зуб', *биринчи атлам* 'первый шаг' и др.).

В этнической культуре этапы детства регламентированы нормами народной педагогики, главным постулатом которой было и является правильное воспитание с младенческого возраста: *Сен атангы, анангы къалай кёре эсенг да, сени сабийлеринг да сени алай кёрюрле* 'Как ты относишься к своим отцу, матери, так и твои дети будут относиться к тебе; *Сабийим жокъду деп жилима, аман болады деп жилиа* 'Не плачь из-за того, что детей нет, плачь, опасаясь, что будет плохим'.

М. Б. Гуртуева приводит следующую периодизацию детства:

«ребенок, только что родившийся; ребенок, который еще на груди у матери, ребенок в люльке, волоком передвигающийся ребенок (7 мес.), ребенок, начавший ходить, свободно бегающий ребенок (4–5 лет), ребенок, которого уже за дровами да по воду можно посылать (6–7 лет), ребенок, уже способный твои поручения выполнять (8–12 лет), ребенок — готовый пастух (10–12 лет)... А с отрочеством начинается подготовка к титулу джигита, подготовка к переходу в юношество, характерной особенностью которого являются уже особые черты, присущие джигиту» (Гуртуева, 1997: 195).

На развитие, формирование ребенка, по общепринятому мнению, большое влияние оказывают деятельность сферы, из которых доминантными в первые годы являются коммуникативная, игровая и трудовая, воспитательная области, которые определяют приобщение к семье, интеграцию детей в социум, поэтому в качестве концептов-идей мы рассматриваем *сабий тил* 'детский язык', *оюн* 'игра', *иш* 'труд', *юйретилиу* 'воспитание', выделение которых связано с различными этапами развития детей.

Сабий тил 'детский язык'. Языковое сознание ребенка формируется по мере развития, его концептуальная матрица включает когнитивные контексты, репрезентированные в детском языке *сабий тил*:

- родственники: *ата*, *аття* ‘папа’, *ана*, *ання* ‘мама’, *аппа* ‘дедушка’, *амма*, *аммака* ‘бабушка’, *няння* ‘тетя’;
- части тела: *кока* ‘рука’, *кака* ‘нога’, *муш-муш* ‘нос’;
- одежда: *бокка* ‘шапочка’, *чакка*, *чаппа* ‘обувь’;
- пища: *баппу* ‘хлеб’, *житча* ‘мясо’, *сюття* ‘молочко’;
- животный мир: *утча*, *дидиу* ‘щенок’, *кишиу* ‘кошка’, *гау-гау* ‘собака’, *нё-нё* ‘лошадка’, *чиби/чибий* ‘козлёнок’, *уммо* ‘корова’, *учух* ‘ослик’, *чуу-чуу* ‘птичка’;
- природные явления: *уф* ‘холод’, *данг-данг* ‘гром’;
- игры, игрушки: *ляу* ‘прятки’, *чыкыырдауукъ* ‘погремушка’, *илляу/иллеу/ыккау* ‘игрушка’, *ву-ву*, *дюдют* ‘машинка’;
- императивы: *уккаш эт* ‘обними’, *ам-ам эт* ‘покушай’, *таттий/даттий эт* ‘сделай шаг’, *чабу-чабу эт* ‘беги к кому-то’, *гых/кых этме* ‘не запачкайся’, *ух/кух эт* ‘спи’, *тон/дон этесе* ‘не упади’, *чик этесе* ‘не сломай’, *дыгы-дыгы эт* ‘встань на ножки’, *чаби эт* ‘хлопай в ладоши’ и др.

Таким образом, словотворчество ребенка в первые годы жизни, в частности на этапах гуления, лепета, построено на креативной основе, включает от звукоподражательных слов до полнозначных слов. Затем дети по мере интеграции во взрослую жизнь семьи переходят на фразовую речь.

Оюн ‘игра’. По мнению Т. Д. Попковой, игра является элементом детской субкультуры, характеризующейся автономностью, самоорганизацией, «коллективным разумом» сообщества, атмосферой чувственных переживаний, ценностно-смысловыми и мифологическими контекстами¹, важных, с нашей точки зрения, как факторы формирования у ребенка когнитивных, социальных навыков, физической активности, позитивного эмоционального настроя, приобретения опыта социализации. Особенности карачаево-балкарских игр рассмотрены в монографии по этнопедагогике М. Б. Гуртуевой, в которой основное внимание уделено детской игре как средству физического развития, начиная с младенческого возраста (Гуртуева, 1997: 179–243), а также в ее учебно-методическом пособии для учителей «Къарачай-малкъар халкъны сабий оюн фольклор»², в котором автор анализирует игры для младенцев, зафиксированные в устном народном творчестве, игры и упражнения для подростков. Следует также отметить работы Х. М. Акбаева (Акбаев, 2012), Д. М. Таумурзаева, Х. Байрамукова (Таумурзаев, Байрамуков, 1998), в которых систематизированы и описаны более 200 карачаево-балкарских детских игр. Некоторые игры, например, *тарта* — *соза* ‘тянем — потянем’, *дуркзу* — *дуркзу*, *дуркзуда ёгюз* ‘загон — загон, в загоне вол’ — актуальны по сей день.

Таким образом, игры в карачаево-балкарском этническом сознании, прежде всего, являются фактором физического, интеллектуального развития, социализации детей, поэтому они передаются из поколения в поколение как традиционные ресурсы народа.

Иш ‘труд’. Ценность труда в карачаево-балкарской системе воспитания подчеркнута в пословицах *Дуньяны тутуругзу* — *ишлеген къолла* ‘Основа мира — рабочие руки’, *Ишлемеген* — *тишлемез* ‘Кто не работает, тот не ест’, *Гитчеликде ишлемесенг, уллулукъну тапмазса* ‘Не познаешь величия, если с детства не привык работать’; *Ишде уллу-гитче жокъду* ‘На работе нет старших, младших’³. По мнению А. Н. Болуровой, основными целями семьи, общины в прошлом являлись формирование у ребенка трудовых навыков, приобщение детей к коллективному труду *изеу*, их физическая закалка, обучение промыслам (Болурова, 2016: 46–52). Содержание трудового воспитания базировалось на традициях, чтении фольклорных произведений, примерах старших. М. Б. Гуртуева отмечает, что до перехода в отрочество было несколько возрастных периодов от «ребенка, только что родившегося» до «ребенка, которого можно было посылать за дровами, способного выполнять поручения», готового пастуха (Гуртуева, 1997: 195).

¹ Попкова Т. Д. Мир детства как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра культ. Иваново, 2022. С. 31.

² Гуртуланы М. Б. Къарачай-малкъар халкъны сабий оюн фольклору [Карачаево-балкарский детский игровой фольклор]. 2-чи изд. Нальчик: Эльбрус, 2001. (На карач.-балк. яз.)

³ Алийланы С. Ч. Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы]. Черкесск: Къарачай-черкес китаб басма, 1963. (На карач.-балк. яз.)

Карачаевцы и балкарцы с ранних лет приобщали детей к труду, что отражено в народной периодизации детства, приведенной выше. Мальчиков с 6–7 лет учили ухаживать за скотом. В карачаево-балкарском языке сохранилась расхожая фраза: *Жашчыкъ кѡлуна чыбыкъ алгъанлай, кѡшха элте эдиле* 'Как только мальчик мог держать в руке палку, его забирали на животноводческий стан' (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 231). Девочки к 10 годам умели вязать спицами (*чындай ийне*), крючком (*ырчыкъ*), «изготавливали такие вязаные изделия, как разнообразные виды платков (*джаулукъ*), носки и чулки (*чындайла*), рукавицы и варежки (*кѡлкѡабла*), шарфы (*боюнлукъ*), вязаные рубахи, свитера» (там же: 117). Как отмечает М. Б. Гуртуева, «трудовая подготовка подрастающего поколения осуществлялась также путем передачи умений и навыков непосредственно от отца к сыну, от матери к дочери и так далее по прямой родственной линии» (Гуртуева, 1997: 60), то есть дети выполняли посильные хозяйственные функции с малых лет, «ведь недаром народ, изготавливая орудия труда, часто повторял их в миниатюре, и они служили не только игрушками для детей, но и детскими орудиями труда. Был у отца топор, а у сына — топорик, о назначении которого тот имел ясное представление; шла мать с ведрами за водой, а дочь спешила за ней с ведерками» (там же: 51).

В целом трудовое воспитание детей в карачаево-балкарской этнокультуре представляет собой систему, нацеленную на формирование не только трудовых навыков, но и нравственных качеств.

Юйретуу 'воспитание'. Особенности воспитания детей в карачаево-балкарской культуре зафиксированы в пословицах¹:

- *Адамла кѡатында сабийинги махтама* 'Не хвали ребенка рядом с людьми',
- *Сабийинге кѡылыкѡ юйретсенг, билдирмеи, адамланы кѡлдюрмеи эт* 'Воспитывай ребенка незаметно, не вызывая смех людей',
- *Атанга кѡл этдирме, баланга кѡл жетдирме* 'Отца не подбадривай, ребенка не бей',
- *Кѡмагѡа кѡын, балагѡа тын керекди* 'Кинжалу ножны, ребенку спокойствие нужны',
- *Кѡартланы намысын унутма, сабийлени жанын кѡыйнама* 'Не забывай о почитании стариков, не обижай детей',
- *Тиширыула ичинде ѳсген жашчыкъ кѡызбай болур* 'Мальчик, выросший среди женщин, станет женственным',
- *Кѡуш бала уясында нени кѡрсе, учханында аны этер* 'Что орленок увидит в гнезде, то он и будет делать, когда будет летать',
- *Кѡызчыкъны кѡлюн, жашчыкъны белин сындырма* 'Не ломай душу девочки, поясницу мальчика',
- *Баланга кѡл тийдирме* 'Не бей ребенка' и др.

В них выражены требования к воспитанию детей, обязательность участия в воспитании мужчины, недопущение физического воздействия на детей, подавления их своим авторитетом, публичного порицания, навязчивости и др. В карачаево-балкарской этнокультуре основные требования к детским играм представлены в пословицах²: *Ойнай-ойнай кѡз чыгѡар* 'При игре можно потерять глаз', *Оюн оюн болса да, боюннга ургѡан оюн тѡюкѡдѡ* 'Игра игрой, а удар по шее — это не игра', *Оюннга да ой керек, андан сора бой керек* 'В игре побеждает умный, а не высокий' (букв. для игры нужен ум, а потом рост), *Алты–жети жылдан кѡызчыкъланы кеслерини оюнлары, жашчыкъланы кеслерини оюнлары* 'У шести-семилетних девочек свои игры, у мальчиков — свои игры', которые акцентируют внимание прежде всего на безопасности игры, смекалке, совершенствовании способностей детей. В последней пословице подчеркнуты гендерный и возрастной аспекты игровой деятельности девочек и мальчиков.

¹ Ёзден адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005; Кѡарачай-малкѡар нарт сѡзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018; Кѡарачай-малкѡар нарт сѡзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. Х. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005; Балкарские пословицы и поговорки / сост. А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982.

² Кѡарачай-малкѡар нарт сѡзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018 (На карач.-балк. яз.); Кѡарачай-малкѡар нарт сѡзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. Х. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005 (На карач.-балк. яз.); Балкарские пословицы и поговорки / сост. А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982.

Детство в карачаево-балкарской культуре понималось как значимая часть картины мира этноса, осмысление которой отразилось не только в структурных компонентах концепта *сабийлик*, но и совокупности культурных смыслов, эксплицирующих деятельность (речевую, игровую, трудовую) сферу детей, особенности их воспитания в различные периоды развития ребенка.

Концепт «сабийлик» как социальный регулятор

Социальная регуляция базируется на восприятии, оценке, представлении окружающего мира в практической деятельности в соответствии с традициями, сложившимися в ходе исторического развития. Регулятивная форма жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев, как и других народов Северного Кавказа, в прошлом составляла *адат* (*адет*) 'обычное право; обычай, традицию'¹, в том числе и в вопросах, связанных с рождением, воспитанием детей. Одним из важнейших его компонентов является этический кодекс карачаево-балкарского народа «Ёзден адет» как инструмент социальной регуляции.

В разделах *Атаны борчу* 'Долг отца', *Ананы борчу* 'Долг матери' зафиксированы следующие принципы воспитания детей:

- *адамны къатында сабийни махтама* 'не хвали ребенка при постороннем человеке',
- *атанга-ананга этгенинг башынга жетер* 'свое отношение к родителям испытываешь на себе',
- *баланга эслеп сёлешсенг, жер юсюнде атлы этер, эслемай сёлешсенг, жер туюнде уятлы этер* 'если будешь разговаривать с ребенком обдуманно, он тебя прославит своим именем, если будешь разговаривать опрометчиво, он тебя опозорит даже под землей',
- *къартны къатында сабийни эркетелме* 'не ласкай ребенка при старике',
- *ёге ана келтирген, кеси да ёге болур* 'тот, кто приведет мачеху, сам станет отчимом',
- *ичингден чыкъгъан жилин болса да, белинге байла* 'если даже родилась змея, привяжи ее к своему поясу',
- *юйню ачыкъ ташлама, къызы кесин бошлама* 'не оставляй дом открытым, не отпускай дочь одну'².

Рефлексивная природа детства отразилась на многих способах организации жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев. Издревле ребенок имел особую ценность в семьях горцев, о чем гласит поговорка *бир сабий — сабий туююлду* 'один ребенок не ребенок', при рождении первенца говорили: *Энтда сабийи кёп болсун!* 'Пусть детей будет много!', поэтому развитие ребенка с первых же дней сопровождалось комплексом различных обрядов.

Приведем некоторые из них.

Ат атау 'имянаречение'. Обряд проводили в семье роженицы, так как первые два месяца, по обычаям карачаевцев и балкарцев, она находилась у своих родителей. Имя давали дедушка, бабушка по отцу, либо старший в роду. Для его оглашения отправляли на мероприятие женщину из рода отца ребенка. Имя выбирали такое, чтобы оно приносило удачу. Если имя давал мужчина, он дарил ребенку деньги, если давала женщина, то отрез на рубашку: «*сабийни атын эр киши атаса, ахча бергенди, тиширыу атаса, кёлеклик бергенди*», что символизировало долгую счастливую жизнь³ (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 193).

Бешикге салгъан адет 'ритуал укладывания ребенка в люльку' на седьмой день после рождения. Он сопровождался жертвоприношением барана *къурманлыкъ мал*, кровью которого мазали лоб ребенка, чтобы оберечь от сглаза. «Мать новорожденного обязана была приготовить свекрови и свекру подарки за пеленание (*бешикге салгъанлыкъ ючюн*)» (Болурова, 2014: 39).

Обрядовые действия, как правило, проводила *кимдик ана* 'повитуха', так как существовало поверье: *Сабийни бешикге биринчи кере киндигин кесген къатын салса, ол чалыусуз ёседи* 'Если ребенка

¹ Карачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужев. Ючтомлукъ. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 1996. Т. I. А–Ж. С. 54. (На карач.-балк. яз.)

² Ёзден адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 494–495.

³ Карачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 421.

в первый раз в люльку укладывает повитуха, то он будет расти благополучно'. Гости на мероприятии произносили *алгышыи* 'благопожелания' в адрес новорожденного. В частности желали, чтобы кости были крепкими *жашар сюекли болсун*. В честь первенца устраивали *чэк* 'праздник в связи с первым пеленанием в люльке'. Чтобы ребенок не вздрагивал во сне, в матрас люльки втыкали иголку ежа *кёрпе ийне* (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 193).

Итлик кёлек кийдирген адет 'надевание на ребенка первой рубашки'. Обряд проводили через три-четыре месяца. К этому времени шили из мягкой ткани детскую распашонку и надевали на ребенка.

Итлик чачны алгган адет 'сбривание первых волос'. Действие поручали брату отца ребенка, после него мать ребенка взвешивала волосы и дарила столько же граммов золотых украшений родственникам мужа. Рекомендовали, чтобы обряд проводили лучше весной, чтобы волосы были гуще (Хаджиева, 2022: 146–148).

Биринчи тиш чыкыгъан адет 'обряд, посвященный первому зубу'. Обрядовые действия включали специальное блюдо *тиш жырна* 'кашу из очищенных в ступе зёрен кукурузы'. Н. Болурова отмечает, что «свекровь брала горсть вареных кукурузных зерен и сыпала на голову ребенку. При этом она приговаривала: *Муну кибик кэюлүб чыкысын тишлеринг* 'Пусть зубы твои вырастают так же дружно, как эти зерна' (Болурова, 2014: 39), чтобы зубы не были кривыми.

Биринчи атлам 'первый шаг'. К этому событию готовили напоминавшее колесо маленькую круглую лепешку *гюттю* из кукурузной муки, которую пускали между ножками ребенка, действие обычно поручалось женщине из рода отца ребенка. После него каждый гость отламывал кусочек хлеба и ел (Хаджиева, 2022: 149).

Все перечисленные обряды сопровождалось приготовлением ритуальной пищи из жертвенного животного, а также *халуа* 'халвы', *хычинов* 'тонких пирогов с различными начинками'. Они в контексте темы данной статьи охватывают все этапы детства, отражая такие понятия, как *бешик* 'люлька', *биринчи тиш* 'первый зуб', *биринчи атлам* 'первый шаг' и др., актуальные на раннем этапе жизни ребенка, который Г. А. Комарова предлагает выделить в специальный блок, называемый условно «периодом протосоциализации» (Комарова, 2014: 85).

Важным для родителей было сохранение здоровья ребенка. В лексикографических источниках зафиксированы названия болезней и их симптомов, часть из которых отмечена как *сабий ауруу* 'детская болезнь': *кёме* 'корь', *айдаш* 'рахит', *асма* 'скарлатина', *бууала* 'дифтерит', *кэоян ауруу* 'эпилепсия', *зуккулук* 'косоглазие', *хыр-хыр* 'удушие', *кырна* 'зуд', *кэалтырауук* 'озноб', *бюрчюк* 'сыпь' и др.¹

При некоторых болезнях детей родственники приглашали *джахил баггыучу* 'лекаря-самоучку', который проводил такие ритуалы, как *сабийни бёрюню хамхоту бла ётдюрген* 'протаскивание ребенка под пастью волка', *сабийни бёрюню териси бла ётдюрген* 'протаскивание ребенка под шкурой волка'. Для этого «кусочек шкуры и косточку из волчьей пасти привешивали к колыбели ребенка. Иногда вместе со шкурой использовали просверленную волчью косточку альчик» (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 193), сопровождая словами: *Ауруунгу, кэоркэуунгу да ма бу алсын* 'Пусть твои страхи и болезни возьмет вот это' (то есть шкура или пасть волка).

Если ребенок был плаксивым, пугливым, волчью пасть или намоленный мешочек с зерном вешали у изголовья люльки следующим образом: «Кузнец расплавлял свинец, а затем сосуд с расплавленным металлом трижды обводил над головой больного и медленно вливал в корытце с водой, при соприкосновении с водой расплавленный свинец остывает, принимая разнообразные формы. Считалось, что в таких формах проступает образ существа, являвшегося причиной болезни от испуга: "неден кэоркэган эсе, аны сураты тюшеди"» (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009 : 194–195).

Некоторые болезни связывали с воздействием дурного глаза, в качестве очищающего средства использовали молоко черной кобылы *кэара байталны сютю*. Кроме того, актуальными были аму-

¹ Кэарачай-Малкэар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гүзеев. Ючтомлукъ. А-Ж. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 1996. Т. I (На карач.-балк. яз.); Кэарачай-малкэар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гүзеев. Ючтомлукъ. З-Р. Нальчик: ЭЛЬ-ФА Китап басма, 2002. Т. II (На карач.-балк. яз.); Кэарачай-малкэар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гүзеев. Ючтомлукъ. С-Я. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. Т. III. (На карач.-балк. яз.)

леты *асма таш* 'камень от скарлатины', который клали на больное горло, *бууун мынчакъ* 'бусина, которую надевали на запястье', *жилян тил* 'змеиный язык' вешали на шею больного малярией: «Безгекден аругъан адамны бойнуна жилян тил такъгъанлай, иги болуп къалады, дегендиле» 'Говорят: если на шею заболевшего малярией вешали змеиный язык, то он сразу выздоравливал'¹, Золотуху, рожу лечили слюной княгини *бийче туюрюк*, так как верили в ее целительную силу (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 196).

Таким образом, социальная регуляция детства как форма организации воспитания, лечения, развития ребенка включала различные способы, средства, которые зафиксированы в этическом кодексе карачаево-балкарского народа «Ёзден адет», паремиологических единицах, объективирующих поведенческие правила в различных ситуациях.

Заклучение

Концепт *сабийлик* 'детство' в карачаево-балкарской этнокультуре представляет собой феномен, интегрирующий вербальный, культурный и социальный аспекты.

В исследовании отмечена разветвленная и богатая формами лексика детства, номинирующая различные действия семьи после рождения ребенка, а также участников этих действий.

Важным компонентом концепта *сабийлик* являются культурные смыслы, воплощенные в концептах-идеях *сабий тил* 'детский язык', *оюн* 'игра', *иш* 'труд', *юйретилю* 'воспитание', эксплицирующих ментальные представления этноса о деятельностной сфере ребенка с младенчества.

Ценностно-смысловое содержание детства в прошлом реализовывалось через механизмы социальной регуляции, прежде всего через обряды, включающие различные ритуальные действия, что обеспечивает передачу традиций следующим поколениям, их сохранение в коллективном опыте.

В целом исследование феномена детства с междисциплинарной позиции дало возможность выявить спектр биологических, культурных, социальных компонентов концепта *сабийлик*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаева, М. А. (2014) Обряды и празднества, связанные с рождением ребёнка у карачаевцев и балкарцев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Вып. 41 (148). С. 31–37.

Акбаев, Х. М. (2012) Къарачай-малкъар сабий оюнла [Карачаево-балкарские детские игры]. Пятигорск : ИКО «Аланский Эрмитаж». 200 с. (На карач.-балк. яз.).

Болурова, А. Н. (2014) Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением детей (конец XIX — начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №. 12–1 (50). С. 37–40.

Болурова, А. Н. (2016) Формирование трудовых навыков у карачаево-балкарцев: воспитательный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5 (67). С. 46–52.

Виноградов, Г. С. (1926) Народная педагогика : Отрывки и наброски. Иркутск : Вост.-Сибирск. отд. Русск. географич. общ.-ва. 30 с.

Газаева, Г. Ж., Текуев, М. М. (2015) Концепт бала «дитя, ребенок» и его темпоральная характеристика в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 4 (66). С. 196–200.

Гуртуева, М. Б. (1997) Этнопедагогика карачаевского и балкарского народа. Нальчик : Эльбрус. 256 с.

Гуртуланы, М. Б. (2001) Къарачай-малкъар халкъны сабий оюн фольклору [Карачаево-балкарский игровой фольклор]. Нальчик : Эльбрус. 180 с. (На карач.-балк. яз.).

Комарова, Г. А. (2014) Этнография детства: междисциплинарные исследования. Изд. 2-е, доп. М. : ИЭА РАН. 160 с.

¹ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 424.

Лайпанов, К. Т., Хатуев, Р. Т., Шаманов, И. М. (2009) Карачай с древнейших времен до 1917 года: историко-этнографические очерки. Черкесск : ИКО «Аланский Эрмитаж». 270 с.

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Леонтович, Ф. И. (1883) Адамы кавказских горцев : Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Т. 38 / под ред. А. А. Кочубинского. Одесса : Типография П. А. Зеленого. 402 с.

Мусаев, К. М. (2006) Родство и свойство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука. 908 с. С. 536–561.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. Изд. 3-е исправ. и доп. М. : Академический проект. 992 с.

Таумурзаев, Д. М., Байрамкулов, Х. К. (1998) Къарачай-малкъар халкъ оюнла [Карачаево-балкарские народные игры]. Нальчик : Эльбрус. 207 с. (На карач.-балк. яз.).

Текуев, М. М., Газаева, Г. Ж. (2015) Временная семантика имен существительных къагъанакъ «младенец», сабий «ребенок» в карачаево-балкарском языке / / Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии / отв. ред. М. З. Улаков. Нальчик : Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 236 с. С. 27–31.

Хаджиева, М. Х. (2022) Традиционная система питания карачаевцев и балкарцев в XIX — XX вв. Карачаевск : КЧГУ. 252 с.

Шаманов, И. М. (1980) Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX — начало XX в.). // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии: сб. статей. / редкол.: В. П. Кобычев (отв. ред.) и др. Черкесск : Кар.-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. 185 с. С. 72–94.

Дата поступления: 28.01.2026 г.

Дата принятия: 22.04.2026 г.

REFERENCES

Abdullaeva, M. A. (2014) Rites and festivities related to the birth of a child among the Karachays and Balkars. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, iss. 41(148), pp. 31–37. (In Russ.)

Akbaev, Kh. M. (2012) *Karachay-Balkar children's games*. Pyatigorsk, IKO "Alanskii Ermitazh". 200 p. (In Karach.-Balk.)

Bolurova, A. N. (2014) Rites and beliefs of the Karachays related to the birth of children (late 19th — early 20th century). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12–1 (50), pp. 37–40. (In Russ.)

Bolurova, A. N. (2016) Formation of labour skills among the Karachays and Balkars: The educational aspect. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5(67), pp. 46–52. (In Russ.)

Vinogradov, G. S. (1926) *Folk pedagogy: Fragments and sketches*. Irkutsk, Vost.-Sibirsk. otd. Russk. geografich. obshch-va. 30 p. (In Russ.)

Gazaeva, G. Zh. and Tekuev, M. M. (2015) The concept bala "child" and its temporal characteristics in the Karachay-Balkar language. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4 (66), pp. 196–200. (In Russ.)

Gurtueva, M. B. (1997) *Ethnopedagogy of the Karachay and Balkar people*. Nalchik, El'brus. 256 p. (In Russ.)

Gurtulany, M. B. (2001) *Karachay-Balkar children's game folklore*. Nalchik, El'brus. 180 p. (In Karach.-Balk.)

Komarova, G. A. (2014) *Ethnography of childhood: Interdisciplinary studies*. 2nd ed., rev. Moscow, IEA RAN. 160 p. (In Russ.)

Laipanov, K. T., Khatuev, R. T. and Shamanov, I. M. (2009) *Karachay from ancient times to 1917: Historical and ethnographic essays*. Cherkessk, IKO "Alanskii Ermitazh". 270 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Leontovich, F. I. (1883) *Adats of the Caucasian mountaineers: Materials on the customary law of the North and East Caucasus*. Issue 2. Vol. 38. Ed. by A. A. Kochubinskii. Odessa, Tipografiya P. A. Zelenogo. 402 p. (In Russ.)

Musaev, K. M. (2006) Kinship and affinity. In: *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic base. The worldview of the Proto-Turkic ethnos according to linguistic data*. Eds. E. R. Tenishev, A. V. Dybo. Moscow, Nauka. 908 p. P. 536–561. (In Russ.)

Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants: A dictionary of Russian culture. An exploratory study*. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.)

Taumurzaev, D. M., Bairamkulov, Kh. K. (1998) *Karachay-Balkar folk games*. Nalchik, El'brus. 207 p. (In Karach.-Balk.)

Tekuev, M. M. and Gazaeva, G. Zh. (2015) Temporal semantics of the nouns qag'anak "infant", sabiy "child" in the Karachay-Balkar language. In: *Topical issues of Karachay-Balkar philology*. Ed. by M. Z. Ulakov. Nalchik, Izdatel'skii otdel Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 236 p. P. 27–31. (In Russ.)

Khadzhieva, M. Kh. (2022) *Traditional food system of the Karachays and Balkars in the 19th–20th centuries*. Karachaevo-Cherkessk, KChGU. 252 p. (In Russ.)

Shamanov, I. M. (1980) Rites and beliefs of the Karachays related to the birth of a child (19th — early 20th century). In: *Problems of the ethnic history of the peoples of Karachaevo-Cherkessia: Collection of articles*. Ed. board: V. P. Kobych (ed.-in-chief) et al. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe otделение Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva. 185 p. P. 72–94. (In Russ.)

Submission date: 28.01.2026.

Acceptance date: 22.04.2026.

Обычаи алтайцев, связанные со статусом пуповинной матери (вторая половина XX — начало XXI в.)

Айару М. Учайкина

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова,
Российская Федерация

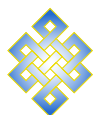
В статье описываются обычаи алтайцев, связанные со статусом «кин-эне», т. е. пуповинной матери — принимавшей роды, «встречавшей» первой в этом мире ребенка. Материалы собраны автором в Южном и Центральном Алтае в 2024–2025 гг., хранятся в научном архиве Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова в г. Горно-Алтайск (Республика Алтай, Россия). Хронологические рамки исследования — вторая половина XX — начало XXI в.

Обычаи, связанные с кин-эне, практически отсутствуют в сведениях в трудах до-революционных ученых, хотя затем описывались этнографами в советский период. На основе сравнительного анализа этнографических материалов советского периода и современных полевых исследований автор показывает сохранение элементов обычая, связанного со статусом кин-эне.

В настоящее время в качестве «кин-эне» назначается женщина, приходящаяся близкой родственницей или подругой матери ребенка. Наряду с исследованием «кин-эне» рассмотрено появление пуповинного отца «кин-ада», в качестве которого автоматически стал выступать супруг «кин-эне». Зафиксированы случаи первоначального назначения «кин-ада», в данном случае его супруга уже становилась «кин-эне».

Установлены этно-территориальные различия обычаев, связанных с «кин-эне» и их локальная устойчивость в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Выявлена роль пуповинной матери в воспитании ребенка и его судьбе, так как она наряду с родителями, несёт ответственность за формирование его социальных и культурных ценностей. Подчеркивается, что отношения между пуповинной матерью «кин-эне» и ее ребенком — «кин-бала» — способствуют укреплению связей между людьми, усиливают взаимопомощь и поддержку в алтайском обществе.

Ключевые слова: алтайцы; родильная обрядность; кин-эне; киндик-эне; пуповинная мать; культура детства

Для цитирования:

Учайкина А. М. Обычаи алтайцев, связанные со статусом пуповинной матери (вторая половина XX — начало XXI в.) // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.8>

Учайкина Айару Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и этнографии (этнологии) Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Адрес: 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6. Эл. адрес: aiaroposheva@mail.ru

UCHAIKINA, Aiaru Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Research Department of History and Ethnography (Ethnology) S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. Postal address: 649000, Gorno-Altai, Russia. E-mail: aiaroposheva@mail.ru

ORCID: 0009-0003-2601-9885

Customs of the Altaians Related to the Status of the Umbilical Mother (Second Half of the 20th — Early 21st Century)

Aiaru M. Uchaikina

S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics, Russian Federation

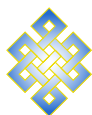
The article examines the customs of the Altaians associated with the status of kin-ene, i.e., the umbilical mother—the woman who assisted in childbirth and was the first to “receive” the child into this world. The materials were collected by the author in Southern and Central Altai in 2024–2025 and are preserved in the scientific archive of the S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics in Gorno-Altai (Altai Republic, Russia). The chronological framework of the study covers the second half of the 20th to the early 21st century.

Customs related to kin-ene are virtually absent in the works of pre-revolutionary scholars, although they were later described by ethnographers during the Soviet period. Based on a comparative analysis of ethnographic materials from the Soviet era and contemporary field research, the author demonstrates the preservation of elements of the custom associated with the status of kin-ene.

At present, a woman who is a close relative or a friend of the child's mother is appointed as kin-ene. Alongside the study of kin-ene, the emergence of the umbilical father (kin-ada) is considered; this role has come to be automatically assumed by the husband of the kin-ene. Cases of the initial designation of a kin-ada have also been recorded; in such instances, his spouse subsequently became the kin-ene.

Ethno-territorial differences in customs related to kin-ene have been identified, as well as their local persistence in the Kosh-Agach District of the Altai Republic. The role of the umbilical mother in the upbringing of the child and in shaping their life trajectory is revealed, as she, alongside the parents, bears responsibility for the formation of the child's social and cultural values. It is emphasized that the relationship between the umbilical mother (kin-ene) and her child (kin-bala) contributes to strengthening interpersonal ties, enhancing mutual assistance and support in Altaian society.

Keywords: Altaians; childbirth rituals; kin-ene; kindik-ene; umbilical mother; childhood culture

For citation:

Uchaikina A. M. Customs of the Altaians Related to the Status of the Umbilical Mother (Second Half of the 20th — Early 21st Century). *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 108–120 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.8>

Введение

В современной культуре алтайцев сохраняются традиционные обычаи жизненного цикла, среди них обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка. Данные обычаи отражают духовные и культурные ценности алтайцев, помогают, в том числе, поддерживать связь с родными. У алтайцев достаточно подробно изучена детская обрядность. Изданы соответствующие труды, включающие специальные параграфы, посвященные обычаям жизненного цикла, в том числе детской обрядности (Чочкина, 2003; Алтайцы. Этническая, ..., 2014; Трансформации в обществе ..., 2016; Обрядность в традиционной ..., 2019; Этнографический атлас ..., 2022; и др.).

В настоящей статье мы рассматриваем обычаи, связанные с пуповинной матерью *кин-эне* / *киндик-эне*.

Отметим, что статус и роль пуповинной матери в жизни ребенка схожи у многих тюрко-монгольских народов. Например, у тувинцев они назывались *хин-авай* или *тудугжу*. Л. П. Потапов писал: «Принимала ребенка у роженицы опытная старуха или пожилая женщина, которая перерезала пуповину новорожденного. Эту женщину называли *кырган-авай*, а тувинцы Эрзинского района —

бооцүэчж и ее считали второй матерью» (Потапов, 1969: 267). Согласно исследованиям Е. В. Айыжы, почетную миссию доверяли женщинам, которые имели много детей (Айыжы, 2014: 81). О почетной роли пуповинной матери говорится, например, в культуре каракалпаков: «повитуха занимала особое место, олицетворяя собой мудрость и силу женского начала» (Пахратдинов, 2025: 78).

В современное время роды проходят в медицинских учреждениях. Если по какой-либо причине роды происходят дома (из-за невозможности доставить роженицу быстро до больницы), то вызывают местного медика, фельдшера. По сведениям Н. О. Тадышевой, в этом случае фельдшер становилась *кин / көй / киндик-эне* 'пуповинной матерью' ребенку (Тадышева, 2011: 98). Согласно норме обычая ее почитают как крестную мать, зовут на семейные праздники, дарят подарки. Исследователь отметила, что сегодня в связи с участвовавшими случаями разных патологий, ухудшением здоровья будущих мам, женщины стараются рожать в родильных домах, это привело к тому, что стали исчезать обряды, связанные с *киндик-эне* (там же).

Сегодня женщины во время беременности и после родов соблюдают традиционные запреты и ограничения (пищевые запреты и ограничения, на занятия шитьем, вязанием, на ношение одежды из определенных материалов и др.). Подробнее о запретах и ограничениях, связанных с беременностью, писали современные этнографы, социологи (Енчинов, 2008; Дилекова, 2018). В 1990-е гг. с ростом этнического самосознания в алтайском обществе стали проводить традиционные праздники. Например, в последние годы в числе семейных праздников активно проводится *койу көчө* букв. 'густая похлебка' — торжество, устраиваемое в честь первого дня рождения ребенка¹. Дядя по матери *таай* стрижет первые волосы племяннику / племяннице, разрезает путы, дарит *баркы* 'подарок' в виде жеребенка, овцы и др. животных, либо вещей. О системе родственных отношений в научной литературе подробно написано исследователями (Шатинова, 1981; Тадина, 1995, 2005; Тюттенева, 1997, 2006; Енчинов, 2013; и др.). При этом практически отсутствуют научные исследования о пуповинной матери, есть лишь фрагментарные упоминания о ней. Информация об этом есть в виде небольших статей в республиканской периодической печати. В связи с этим обстоятельством, считаем тему настоящей статьи особенно актуальной для освящения изучаемого элемента в обрядовой жизни семьи. В этнографических работах по детской обрядности вопрос *кин-эне* освещается крайне мало и неполно.

Целью исследования является исследование сохранности алтайских обычаев, связанных со статусом *кин-эне* 'пуповинной матери' во второй половине XX — начале XXI в.

Объектом исследования являются обычаи первичной социализации в алтайской культуре, предметом — ритуалы и ритуальные действия, связанные с пуповинной матерью *кин-эне*.

Для достижения поставленной цели автором поставлены следующие задачи: 1) охарактеризовать традиционные обряды и отношения *кин-эне* и *кин-бала*; 2) описать обряды и отношения *кин-эне* и *кин-бала* в советское время; 3) проанализировать обряды и отношения *кин-эне* и *кин-бала* в постсоветское время и до сегодняшнего дня.

Для исследования применены общенаучные и специализированные методы и подходы: историко-хронологический, сравнительно-исторический, проблемно-тематический; системный, логический, процессный. Общенаучный метод позволил изучать объект исходя из фундаментальных научных представлений о детской обрядности. С помощью сравнительно-исторического метода выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений. Так, анализировалась родильная обрядность алтайцев, бытовавшая второй половине XX в. и в наши дни. Проблемно-тематический метод помог рассмотреть обычаи, которые варьировались в зависимости от территориальных характеристик, семейных традиций, а также личных убеждений информанта.

Хронологические и пространственные рамки исследования охватывают вторую половину XX — начало XXI в. Территориальная локализация охватывает центральную и южную часть современной Республики Алтай. Исследования проводились в Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Онгудайском, Улаганском и Кош-Агачском районах республики, а также в столице региона г. Горно-Алтайске.

¹ Алтайский этнографический словарь / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2023. С. 209.

Источниковую базу исследования составляют этнографические труды второй половины XX — начала XXI в. Также автор использовал результаты собственных полевых изысканий, состоявшихся в вышеперечисленных районах в 2024–2025 гг. Были опрошены порядка десяти информантов по теме детской обрядовой культуры, в процессе которых были получены сведения по смежной теме — о *кин-эне*. В опросах приняли участие молодые люди возрастом 25–40 лет, у которых есть *кин-эне* и, некоторые сами ею являются. Затем интервью были взяты у *кин-эне* — женщин, возрастом 60–70 лет, имеющих большой опыт в приеме родов и ухода за новорожденными. Среди информантов в качестве экспертов автор отмечает акушерку-гинеколога А. Ч. Алматову из с. Кокоря Кош-Агачского района, исходя из ее большого жизненного и профессионального опыта. Также экспертом в изучаемой теме выступила уроженка из с. Бельтир М. А. Демчинова, ученый-фольклорист, являющаяся большим знатоком алтайской традиционной культуры, в том числе по теме *кин-эне*. Она непосредственно выросла в среде бытования обычая и имеет большой багаж этнографических знаний, накопленных за многолетнюю научную, экспедиционную деятельность в НИИ алтаистики.

Собранные материалы хранятся в научном архиве Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова в электронном фонде аудиодокументов — ЭАД (далее — НА НИИА). Все персональные сведения информантов приводятся с их согласия.

Традиционные обряды и отношения

В Алтайско-русском словаре *кин*, *киндик* означают ‘пупок’, ‘пуповина’, а *кин-эне* — это женщина, принимавшая роды и перерезавшая пуповину¹. Понятие *кин-бала* / *киндик-бала* в словарях отсутствует, однако оно широко применяется в повседневной жизни и обозначает ребенка, у которого есть пуповинная мать.

Кин-эне ‘пуповинная мать’ — это повитуха, т. е. женщина, принимавшая роды и перерезавшая пуповину ребёнка. До середины XX в., роды традиционно проходили дома. Для этого приглашали знающую женщину. Она владела навыками народного акушерства². *Кин-эне* считалась земным воплощением Умай-Эне, поэтому при принятии родов повивальная мать обычно говорила: «Не моя рука режет, а рука матери Умай» (Чочкина, 2003: 37). Повитуха *кин-эне* перерезала пуповину березовым ножом³. Такой одноразовый нож получается очень острым. После рождения ребенка она омывала его в воде с добавлением можжевельника, который является природным антисептиком и произносила благопожелание. По представлениям алтайцев, ритуал обеспечивал новорожденного сакральной защитой от сглаза и другого негативного влияния, способствовал улучшению самочувствия ребенка⁴.

Кин-эне также схоранивала послед. Она сворачивала послед в ткань или в плохой войлок и зарывала в землю, вне жилища по направлению к востоку. По сведениям В. П. Дьяконовой, некоторые группы кош-агачских теленгитов после рождения девочки послед заворачивали в ткань, в узелок укладывали немного плиточного чая, зерен ячменя, ребро от кабарги, травинку или палочку, по виду напоминавшее иголку. После рождения мальчика вместе с последом укладывали лук со стрелами *оксаадак*, также добавляя немного зерен, кусочков чая, мяса и кислого домашнего сыра. Все содержимое заворачивали в небольшую ткань и закапывали вне жилища, в таком месте, где не ходил скот (Дьяконова, 2001: 142).

Пока роженица не окрепла, пуповинная мать ухаживала за ребенком. Она дарила роженице войлочное одеяло для ребенка *эне чуу* (букв. мать-пеленка). Пуповинной матери оказывали почтение и уважение, ей мыли руки после родов, одаривали белой тканью, шкурой овцы, иногда дарили нательное белье и говорили благопожелания: *Кайчы-бычак тудунып*, / *Киним кескен кин-энем* / *Кара суунан*

¹ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2018. С. 327.

² Алтайский этнографический словарь / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2023. С. 209.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ Талкыбаева Л. Я. Чуй элинин жанжыгулары: ийит уйге учурлалган бичик [Обычаи и традиции Чуйской земли]. Горно-Алтайск, 2021. С. 149–150. (На алт. яз.).

урала, / Кирум јунган кин-энем. / Томирак-кайчы тудунып, / Киним кескен кин-энем. / Тонмок суунан экелип, / Кирум јунган кин-энем / Кин-эне, кӱй-эне, киндик-эне! 'Ножницы-нож держа, / Пуповину мою перерезавшая / пуповинная мать. / Родниковой воды налив, / Грязь мою омывшая пуповинная мать. / Ножик-ножницы держа, / Пуповину мою перерезавшая пуповинная мать. / Ключевой воды принеся, / Грязь мою омывшая пуповинная мать' (Обрядность в традиционной ..., 2019: 417).

По рассказам людей старшего поколения, *кин-эне* оборачивала белой хлопковой тканью руки женщины, у которой она принимала роды, и дарила ей белую шубу из овечьей шкуры *тон*, либо выделанную овечью шкуру. Когда у ребенка отпадала пуповина, *кин-эне* очищала новорожденного священным растением *арчын* 'можжевельником', затем клала его в *кабай* 'колыбель', произнося благопожелания. Также она зашивала отпавшую пуповину в *кинсалгыш* 'кожаный мешочек для пуповины'¹. Считалось, что пуповину нужно зашивать в мешочек непременно в длинный день (когда промежуток между восходом и закатом максимален), чтобы жизнь ребенка также была длинной и мягкой².

В качестве *кин-эне* выбирали уважаемую, многодетную и надежную женщину, владеющую соответствующими навыками. В народе были представления, что ребенок по чертам характера становился похожим на свою пуповинную мать³.

По алтайским обычаям, *кин-эне* воспринимается семьей как близкий родственник, уважаемый и почитаемый человек. Поэтому ее приглашают на самые важные события и мероприятия, происходящие в семье: дни рождения, сватовство, свадьбы. Например, если девушка выходит замуж, *кин-эне* преподносят *кадакту тажуур* — *тажуур* (кожаный сосуд для жидких молочных продуктов) с привязанной к горловине белым шелковым платком. На свадьбе ей подают сваренные заднюю часть барана *уча* и грудину *тӱш*. Если женится парень — ее *кин-бала* — то он на свадьбе подает *кин-эне* молоко в чашке. А когда родные жениха идут сватать невесту, то *кин-эне* поручается почетная миссия: преклонившись на одно колено, подносить родителям невесты *кадакту тажуур*⁴.

Насчитывается три обязательных случая, когда семья приглашает, встречает и угощает *кин-эне*:

- при исполнении ребенку одного года; в это время омывают руки *кин-эне*;
- при исполнении ребенку шести лет. Это века, когда ребенок из узкого круга семьи приобщается к обществу⁵;
- во время свадьбы — веки открытия дороги в большую жизнь.

В настоящее время случаи не так четко регламентированы. *Кин-эне* приглашают на праздник исполнения двенадцати лет, сватовства, проводов на учебу, в армию и т. д.

Таким образом, пуповинная мать играла важную роль в жизни алтайцев в прошлом, особенно когда не было родильных домов, ведь от нее зависели жизни матери и ребенка.

Обряды и отношения в советское время

В ранних этнографических материалах начала XX в. исследователи не писали об обычаях, связанных со статусом *кин-эне*, однако при этом в их работах имеются упоминания о женщинах, принимавших роды.

Например, Л. Э. Каруновская в с. Улус-Черга Шебалинского района встретила «с двумя пожилыми телеутками, одна из которых Коюн Шадеева, 67 лет, была признанной хранительницей старинных традиций и первой помощницей при появлении на свет ребенка» (Каруновская, 1927: 2). Она же писала, что, почувствовав приближение родов, женщина приглашает к себе одну из соседок, слыв-

¹ Кудачинова Л. Бала сузы бек болзын [Пусть здоровье ребёнка будет крепким] // Алтайдын Чолмоны. 2011. 18 августа. № 151–153. С. 6. (На алт. яз.).

² Талкыбаева Л. Я. Чуй элинин јанжыгулары: јиит үйеге учурлалган бичик [Обычаи и традиции Чуйской земли]. Горно-Алтайск, 2021. С. 150. (На алт. яз.).

³ Темеева Р. Јиит үйе ырысту болзын [Пусть подрастающее поколение будет счастливым] // Алтайдын Чолмоны. 2015. 20 января. № 9. С. 6. (На алт. яз.).

⁴ Талкыбаева Л. Я. Чуй элинин јанжыгулары: јиит үйеге учурлалган бичик [Обычаи и традиции Чуйской земли]. Горно-Алтайск, 2021. С. 151. (На алт. яз.).

⁵ Там же.

шую за ловкую, счастливую в приеме ребенка. При тяжелых родах помогают две-три женщины; если же роды заранее предполагаются тяжелыми, то зовут бабушку из ближайшего русского селения (там же: 22).

Более подробные описания обычаев приходится на конец XX в. По материалам, собранным в 1980-е гг. Н. И. Шатиновой, женщину, принимавшую роды, называли по-разному: жители Онгудайского района *кин-эне* 'мать, перерезавшая пуповину', жители Усть-Канского района — *көй-эне*, в Улаганском и Кош-Агачском районах — *киндик-эне*, *көй*. Слово *көй*, как и *кин* означает 'пуповина' (Шатинова, 1981: 74). Эта женщина владела навыками народного акушерства.

О *кин-эне* есть упоминание у этнографа Н. А. Тадиной, изучавшей алтайскую свадебную обрядность. По ее материалам, *кин-эне* принимала *jön тажуур* — *тажуур* согласия с рук сватов во время сватовства невесты, что закрепляло согласие на брак. Также она шила занавесь для новобрачных — *көжөгө* (Тадина, 1995: 47).

В. П. Дьяконова подробно описывала обычаи, связанные с *кин-эне* среди теленгитов Кош-Агачского и Улаганского районов (Дьяконова, 2001: 146). Она писала об обязательном имянаречении ребенка женщиной, принимавшей роды, об обязательном одаривании ее нательной одеждой, шкурой овцы, задней ляжкой (*жалмаш*), задней частью (*уча*) от туши овцы, а позднее полотенцем, мылом, головным платком, угощениями. Если она во второй раз принимала роды в этой семье, то ей дарили шубу (*тон*), в третий раз — лошадь.

В связи с отсутствием источников, детально описывающих *кин-эне* и обычаев в прошлом, мы восстановили информацию на основе воспоминаний наших информантов.

По рассказу Р. М. Бидиновой, ее — семнадцатилетнюю девушку — в начале 1970-х гг. *таай јене* (жена дяди по матери) попросила быть *киндик-эне* для ребенка своей дочери. Во время схваток они все поехали в фельдшерско-акушерский пункт в Улаганском районе, где акушерка, находясь рядом словами объяснила будущей *киндик-эне* процесс перерезания пуповины. Фельдшер спросила: *Канайып этјат билерин бе?* 'Знаешь ли, как делать [перерезать пуповину]?' Молодая девушка, ответила: *Билерим* 'Знаю'.

Несмотря на то, что она совершала данный процесс в первый раз, она справилась — перерезав пуповину правильно и правильно перевязав, тем самым она стала для новорожденной девочки пуповинной матерью. Впоследствии ее приглашали на семейные праздники — дни рождения, сватовство, свадьбы. А к детям *киндик-эне* относились как к родным братьям и сестрам, называя *ака* 'брат' и *эје* 'сестра'¹ (НА НИИА, ЭАД. д. 270). На данном примере мы видим, что в советское время, когда роды проходили в медицинских учреждениях, тем не менее медицинские работники могли придерживаться «старых» обычаев и, думаем, в отдельных, исключительных случаях могли допустить к родам будущую выбранную родителями ребенка пуповинную мать.

Знаток алтайской традиционной культуры, фольклорист, родом из Кош-Агачского района М. А. Демчинова сообщила о том, что раньше, когда роды принимали дома (до больниц), женщина, фактически принимавшая роды, могла предоставить важный момент отрезания пуповины другой присутствовавшей на родах женщине или молодой девушке и наделить статусом *киндик-эне*, а супруг женщины, отрезавшей пуповину, автоматически становился *киндик-ада* — пуповинным отцом. Данный акт посвящения мужчины в статус второго отца встречаем, например, у хантов «Пуповинным отцом ребенка (*пукан ас'и*) становился либо муж (*пукан ангки*), либо другой уважаемый в этой семье мужчина» (Сподина, 2009: 98). По нашему мнению, отношения между *кин* /*киндик-эне* и *кин* /*киндик-бала* можно сравнить с отношениями крестной матери / крестного отца и крестника / крестницы в русской культуре, но со своими особенностями. У алтайцев в научной литературе, а также в фольклоре отсутствуют сведения о пуповинном отце *кин-ада*. Возможно, его появление связано с распространением у алтайцев христианства с середины XIX в., в частности среди теленгитов Улаганского района. Влиянию православия на традиционную культуру населения Алтая посвящены специальные работы, в которых отмечается способность православия к синкретизации с традиционными представлениями (Тадышева, 2011: 83).

¹ Информант: Римма Михайловна Бидинова, 1952 г. р., род *алмат*, с. Саратан, Улаганский район.

Киндик-эне воспринимается родственниками ребенка, как вторая мать, после родов она, также, как и акушерка / фельдшер, регулярно приходит и смотрит за ребенком: как он себя чувствует, как проходит краснота после рождения *кызылы канайып жоголып јат*, как отпадает пуповина *киндиги канай тайкылган*, как заживает темя *меекейи канай бүдүп јат* и т. д. Это была почетная и ответственная работа¹ (НА НИИА, ЭАД. д. 275). Про качества пуповинной матери у тувинцев писала Е. В. Айыжы. По ее сведениям, в традиционном тувинском обществе при выборе повитухи учитывают ее историю: чтобы женщина сама имела детей, обладала опытом ухода за грудными детьми. Она должна была обладать такими личными качествами как доброта, отзывчивость, трудолюбие, сноровка и физическое здоровье, а также высокими моральными качествами, поскольку она помогает ребенку родиться и вводит его в мир людей (Айыжы, 2015: 417, 418). Полагаем, аналогичными качествами должна была обладать *кин-эне* и у алтайцев.

Обычай, связанные с *киндик-эне*, бытуют преимущественно в Кош-Агачском районе. В с. Кокоря Алтын Чынчаевна Алматова, работающая гинекологом в Кокоринской врачебной амбулатории (до 1990-х гг. — фельдшерско-акушерский пункт, ФАП) является пуповинной матерью 78 детей. Окончив в 1979 г. Горно-Алтайское медицинское училище, она начала работать акушерской в Кош-Агачской районной больнице, затем в ФАП в с. Кокоря. Самый старший ее *кин-бала* Мудаев Эркин Солумович является ветераном боевых действий, а самый младший *кин-бала* Бидинов Амыр Борисович учится в школе. В связи с тем, что она многие годы непосредственно принимала роды, она «автоматически» становилась пуповинной матерью. После закрытия родильного дома в селе, А. Ч. Алматова работала гинекологом во врачебной амбулатории, сопровождала на скорой помощи рожениц до районной больницы².

У Демчиновой (Диятовой) Айанбала Чункековны, 1914 г. р. из рода *јайат-кыпчак*, проживавшей в с. Белтир Кош-Агачского района, было 19 *киндик-бала*³ (НА НИИА, ЭАД. д. 275). Раньше, когда не было больниц и люди жили не так компактно, в урочищах не было людей, знающих правила принятия родов, то одна женщина могла стать пуповинной матерью всем детям села / урочища. В такое время Айанбала Чункековна принимала роды у многих женщин. Когда ребенок подрастал, примерно в возрасте одного года или трех лет он должен был погостить у своей пуповинной матери — *баланы киндик энеге айылдадар керек*. По рассказам женщин, у которых есть *киндик-эне*, вместе с родителями они ездили к своей пуповинной матери в гости в другую местность / село. Так, М. А. Демчинова вместе с матерью Айанбала Чункековной в возрасте семи лет гостила у своей *кин-эне* Тардай в местечке Ташту-Көл на плато Јалангаш, сами жили в местечке Кургал. Тардай подарила ребенку ткань, чтобы сшили ей платье⁴ (НА НИИА, ЭАД. д. 275).

Как рассказывает А. К. Кыпчакова, нередко *киндик-эне* наделяется правом наречения именем своего *киндик-бала*, но при этом она может вернуть это право обратно родителям. Она делает ребенку подарок *јаан төрөйтөн мал* — большое животное, которое будет приносить приплод (лошадь, корову). Если нет большого животного, то можно подарить овцу или козу. Если не было возможности дарить животных, она может подарить какой-либо другой подарок⁵.

Примерно через два месяца после родов, либо после 40 дней, родители ребенка приглашают пуповинную мать на чаепитие. Ей подают сваренные бараньи голову *баш*, бедро *јалмаш* и шею *мойын*. При этом через отверстие спинного мозга (через канал спинного мозга) продевают тонкий пруттик таволжника, чтобы кости не отделились друг от друга. Это означает пожелание, чтобы шея ребенка была крепкой. *Кин-эне* нарезает мясо из шейных позвонков на кусочки и угощает всех гостей, затем сама должна обглодать кости, очистить их. Очищенные от мяса позвонки завязывают с двух сторон белыми лентами и вешают на почетный угол *төр* в аиле.

Здесь наблюдается симильная (имитативная) или симпатическая магия, описанная Дж. Фрэзером⁶ (Фрэзер 1980: 16), т. е. трапеза с гостями во время чаепития и ритуальные действия направ-

¹ Эксперт-фольклорист: Мира Айлычоновна Демчинова, 1957 г.р., род *кара тодош*, г. Горно-Алтайск.

² Эксперт: Алтын Чынчаевна Алматова, 1959 г.р., род *сагал*, с. Кокоря, Кош-Агачский район.

³ Эксперт-фольклорист: Мира Айлычоновна Демчинова, 1957 г.р., род *кара тодош*, г. Горно-Алтайск.

⁴ Она же.

⁵ Информант: Алёна Краевна Кыпчакова, 1976 г.р., род *кыпчак*, с. Кокоря, Кош-Агачский район.

⁶ Гомеопатическая и контагиозная магии могут быть обозначены единым термином симпатическая магия, поскольку в обоих случаях допускается, что благодаря тайной симпатии вещи воздействуют друг на друга на расстоянии, и импульс передается от одной к другой посредством чего-то похожего на невидимый эфир.

лены на укрепление шеи ребенка, чтобы он ее крепко держал. На празднике *кин-эне* дарит ребенку пеленки, одеяло, одежду. В ответ родители ребенка дарят ей полотенце и мыло для того, чтобы омыть ее руки, перерезавшие пуповину; а за имянаречение своего *кин-бала* — золотые серьги. Алтын Чынчаевна давала имя большинству своих пуповинных детей. По словам информанта, в 1980-е гг. родители ребенка дарили *кин-эне* полотенце, мыло и выделанную овечью шкуру. Сейчас шкуру не дарят, так как с уменьшением скотоводческого образа жизни и широким ассортиментом товаров в магазинах овечья шкура мало у кого есть¹.

Далее *кин-эне* приглашают на исполнение одного года ребенку *койу көчө*, окончание школы, сватовство, свадьбу и др. До 1990-х гг. праздник устраивался после 40 дней после родов, как раз к этому времени укреплялась шея ребенка. Жители Кош-Агачского района преимущественно проводят праздник в 40 дней, затем в 1 год. *Киндик-эне* подавалась задняя часть барана *уча*, а ее супруг *киндик-ада* / *кайын-ада* удостаивался сваренной бараньей головы *баш* и груди *төш*, что соблюдается и сегодня² (НА НИИА, ЭАД. д. 275). *Кин-эне* А. Ч. Алматова на празднике *койу көчө* дарит детские коляски (ПИМА, 2026 г.).

Таким образом, обычаи, связанные с *кин-эне*, в советский период активно поддерживались. Пуповинной матерью становились женщины, которые принимали роды, когда роженицы не могли в силу отдаленности от центра добраться до больниц, либо не успевали. Статус пуповинной матери в это время продолжал оставаться высоким и почетным, она считалась второй матерью ребенка. Она была максимально приближена к процессу родов: принимая ребенка, перерезая пуповину, омывая ребенка и ухаживая в первое время за новорожденным и матерью. Соответственно в семье и обществе ей оказывалось большое внимание и уважение.

Обряды и отношения в постсоветское время и в современности

Этнографами в последние 10–20 лет в молодых алтайских семьях была замечена тенденция называть пуповинной матерью человека, не участвовавшего в перерезании пуповины ребенка. Делается это для оформления близких родственных отношений с друзьями или удостаивания этой чести близкого родственника, например, сестру, тетю и т. д.

Во время нашего опроса информантов в 2024–2025 гг., некоторые из них высказывали мнение о том, что такое изменение формы обычая является неправильным. По их мнению, статусом *кин-эне* / *киндик-эне* должен наделяться человек, непосредственно участвовавший в родах и перерезавший пуповину (НА НИИА, ЭАД. д. 275). Изменение формы обычая, на наш взгляд, объясняется сочетанием возрожденческих и трансформационных процессов, протекающих в алтайском социуме. Люди стремятся поддерживать старые обычаи, но уже с поправкой на современные условия.

Многие молодые семьи желают, чтобы у их чада тоже был такой почетный человек и стараются сохранять обычаи с *кин-эне*. Так, например, бывают случаи, когда перед родами или, собственно, перед поездкой в родильный дом, женщина просит близкого для нее человека, например, тетю / сестру / подругу стать *кин-эне* для ее ребенка. Сообщают ей об этом за несколько дней до родов. По нашим наблюдениям, пуповинная мать в настоящее время это чаще всего молодая девушка / женщина, замужняя / незамужняя. Нам сообщали, что в 2025 г. родители для своего новорожденного сына выбрали в качестве *кин-эне* близкую замужнюю родственницу, у которой с мужем не было детей³. Таким образом родители ребенка одновременно желали, чтобы в семье близких родных людей появились дети.

В 2024 г. Сынару Олеговну Анатпаеву, молодую многодетную женщину, проживающую в г. Горно-Алтайск, наделила статусом *киндик-эне* ее подруга из Кош-Агачского района. Роженица с новорожденным сразу после выписки из роддома отправились к ней домой. *Киндик-эне* должна была приготовить ванну с водой, полотенце и помыть ребенка. Затем *киндик-эне*, согласно традиции, омыла свои руки водой с добавлением можжевельника. Если раньше пуповинная мать фактически перерезала пуповину и считалось, что ее руки в крови, то сейчас такое сакральное значение стало

¹ Эксперт: Алтын Чынчаевна Алматова, 1959 г.р., род *сагал*, с. Кокоря, Кош-Агачский район.

² Информант: Алёна Краевна Кыпчакова, 1976 г.р., род *кыпчак*, с. Кокоря, Кош-Агачский район.

³ Информант: Асемгуль Борисовна Батырова, 1985 г.р., род *чагандык*, отец — алтаец, мать — казашка с. Кош-Агач, Кош-Агачский район.

более формализованным. Но смысл сохранился. По словам информанта, связано это с представлением об уходе в иной мир — чтобы человек, когда настанет время, отправлялся в тот мир с чистыми руками¹ (НА НИИА, ЭАД. д. 272). Согласно этнографическим сведениям 1990-х гг. «Можжевеликом, также после рождения ребенка окуривали жилище родившей женщины и мыли руки повитухи (*кин-эне*) водой с добавлением можжевелика (*арчынду суула*) и окуривали ее руки 4–8 раз. Плохим знамением считалось не окуривать руки *кин-эне*» (Муйтуева, Чочкина 1996: 67). Поэтому в связи с описанным представлением в настоящее время *кин-эне* символически оmyвает руки от «крови».

По сообщению С. О. Анатпаевой, когда *киндик-бала* пойдет в школу, *киндик-эне* необходимо будет приготовить для него / нее школьную сумку с канцелярскими принадлежностями² (НА НИИА, ЭАД. д. 272). О существовании такого же подарка у казахов Кош-Агачского района сообщила А. Б. Батырова. По-казахски обычай называется *тил ашар* 'развитие языка', по-алтайски *ос ачар* или *тил ачар* (досл. 'открывать рот, развивать язык'). Примерно в шести-семилетнем возрасте, когда ребенок собирается идти в школу, *киндик-эне* покупает ему школьную сумку / рюкзак, школьную и спортивную форму, канцелярские принадлежности³ (НА НИИА, ЭАД. д. 297).

Кин-эне также участвует в мероприятии по окончании школы ребенком. В 1982 г. двенадцать *кин-бала* А. Ч. Алматовой выпускались из Кокоринской средней школы, всем детям она подарила наручные часы, желая каждому открытой дороги и хорошей учебы⁴.

Статусом *кин-эне* может наделяться не только женщина, но и мужчина / парень. Во втором случае тот человек будет называться *кин-ада* / *киндик-ада* — пуповинный отец. Например, у казахов, когда в семье рождался долгожданный ребенок, функцию пуповинной матери *киндик шеие* выполнял мужчина *киндик ата*, который только перерезал пуповину и в дальнейшем при родах не помогал (Коновалов, Шаханова, 1998: 15).

По сообщениям почти всех информантов, среди алтайцев *кин-ада* был и раньше, не только в современное время. По словам С. А. Кользеновой, у ее племянника есть *киндик-ада*. В 2000 г. им стал восемнадцатилетний сын ее двоюродной сестры Эрмен Сахиянов из рода *көбөк* из Кош-Агачского района. Статусом пуповинного отца его наделили самостоятельно без пуповинной матери. Через несколько лет, когда он женился, его супруга автоматически стала *кин-эне*. Пуповинному отцу было предоставлено право имянаречения своего *киндик-бала*. Он дал ребенку имя Артем⁵ (НА НИИА, ЭАД. д. 275).

По мнению информанта А. К. Кыпчакова, сегодня женщина может быть *киндик-эне* не более девяти детей, а порой и не более трех. Предпочтительно должно быть четное количество детей. Ограничение по количеству связано с предоставлением возможности помогать детям в течение жизни, а предпочтение чётного количества с символикой чисел в традиционной культуре алтайцев⁶. *Киндик-эне* как вторая мать участвует в жизни ребенка, оказывает финансовую и материальную поддержку, поэтому должна учитывать свои материальные возможности. У А. К. Кыпчаковой 3 *киндик-бала* 'детей' разного возраста: Учур — 28 лет, Алёне — 25 лет, Амине — 14 лет. На сватовство старших детей она готовила *тажуур* 'кожаный сосуд' с напитком и платки для сватов. *Киндик-бала* во время своего сватовства дарила Алёне Краевне золотые серьги⁷ (НА НИИА, ЭАД. д. 275). Есть похожий пример: С. А. Кользенова во время сватовства перед своей свадьбой также дарила своей *киндик-эне* золотые серьги, а *киндик-эне* должна сшить невесте свадебную занавесь *көжөгдө*⁸ (НА НИИА, ЭАД. д. 275).

¹ Информант: Сынару Олеговна Анатпаева, 1985 г.р., род *ак көбөк*, г. Горно-Алтайск.

² Информант: Сынару Олеговна Анатпаева, 1985 г.р., род *ак көбөк*, г. Горно-Алтайск.

³ Информант: Асемгуль Борисовна Батырова, 1985 г.р., род *чагандык*, с. Кош-Агач, Кош-Агачский район.

⁴ Эксперт: Алтын Чынчаевна Алматова, 1959 г.р., род *сагал*, с. Кокоря, Кош-Агачский район.

⁵ Информант: Сынару Адучиновна Кользенова, 1998 г.р., род *сагал*, г. Горно-Алтайск.

⁶ Чётные числа (парность) ассоциируются с «миром живых», с правильным, определённым и завершённым, а нечётные — с «потусторонним», мифологическим. Поэтому правило парности соблюдается в количестве ритуальных действий (подношений, угощений, вещей, участников церемониала и т. д.). См.: Тадина Н. А. Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 148.

⁷ Информант: Алёна Краевна Кыпчакова, 1976 г.р., род *кыпчак*, с. Кокоря, Кош-Агачский район.

⁸ Информант: Сынару Адучиновна Кользенова, 1998 г. р., род *сагал*, г. Горно-Алтайск.

По сообщению швеи Э. А. Мызиной, занимающейся изготовлением мешочков для хранения пуповин *кинсалгыш*, к ней часто поступают заказы от женщин *кин-эне*, которые будут зашивать пуповину своего *кин-бала* во внутрь *кинсалгыш* со всеми необходимыми атрибутами (можжевельник, монеты, бусины, порох и т. д.)¹.

Обычай наделения статусом *кин-эне* мы встретили в с. Кучерла Усть-Коксинского района. Информант Валентина Николаевна Такина является *кин-эне* своей родственнице Аржане из Кош-Агачского района² (НА НИИА, ЭАД. д. 281). Как раз во время нашего интервью, состоявшегося 30 июля 2025 г., в айыл прибыла Аржана с тремя детьми в гости к *кин-эне*. Семья Аржаны регулярно гостит летом в этом высокогорном селе, расположенном от Кош-Агача в 555 км по тракту, а географически — по соседству. Географическая близость разных районов объясняет единство многих обычаев и традиций у алтайцев разных этнотерриториальных групп, так как исторически граничащие друг с другом разные административно-территориальные образования, не имевшие друг с другом больших транспортных путей, связывали когда-то конные или пешие пути, укреплялись такие отношения также сватовскими обменами подарками. Поэтому мы встретили обычай, характерный для теленгитов Кош-Агачского района, в Усть-Коксинском районе.

Таким образом, современные полевые материалы демонстрируют желание как сельских, так и городских алтайских семей укреплять родственные связи и взаимоподдержку, путем поддержки обычаев, связанных с *кин-эне*. Сегодня *кин-эне* не участвует в процессе родов, не перерезает пуповину, но активно участвует в жизни ребенка до его взросления.

Заключение

Таким образом, мы видим, что обычай, связанный с *кин-эне* 'пуповинной матерью', был частью традиционных обычаев алтайцев в прошлом, он не был утерян в советское время и дошел до современности, приобретя трансформированные виды.

Несмотря на то, что роды сегодня принимают в медицинских учреждениях, некоторые родители могут сами выбрать пуповинную мать, тем самым удостаивая человека высокой чести стать *кин-эне*, фактически второй матерью для ребенка. В свете возрожденных обычаев продолжают бытовать такие ритуальные действия как омывание ребенка в воде, одаривание ребенка подарками на знаковых днях рождениях, важных событиях жизни. При этом помощь и родственные отношения взаимны, так как *кин-бала* и его родители также навещают *кин-эне*, преподносят ей ответные подарки. Эти действия и отношения укрепляют родственные связи, формируют духовное родство между людьми.

Отметим территориальные рамки обычая назначения *кин-эне*. Он характерен для жителей Кош-Агачского района, реже — граничащего с ним Улаганского и Усть-Коксинского районов. В остальных районах республики элементы обычая встречается реже, преимущественно в случае, если одна из сторон (мать ребенка или будущая пуповинная мать родом из Кош-Агачского и Улаганского районов).

Существование схожих обычаев у родственных тюрко-монгольских народов открывает пути для новых перспективных исследований, направленных на выявление культурных различий и общих традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В. (2014) Обрядовая практика тувинцев: рождение ребёнка и колыбель // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. № 4 (84). С. 79–85.

Айыжы, Е. В. (2015) Категория возраст и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанский педагогический журнал. № 5–2 (112). С. 415–421.

Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие (2014) / Н. В. Екеев, Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов; отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. 464 с.

¹ Информант: Эвелина Александровна Мызина, 1984 г. р., мать — алтайка, отец — армянин, г. Горно-Алтайск.

² Информант: Валентина Николаевна Такина, 1967 г. р., род *сагал*, с. Кучерла (Кујурлу), Усть-Коксинский район.

Дилекова, С. Д. (2018) Молодежь и обычаи жизненного цикла // Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX — начало XXI вв.) / Э. В. Енчинов, Н. О. Тадышева; отв. ред. Н. В. Екеев. Вып. 3. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. 288 с. С. 160–174.

Дьяконова, В. П. (2001) Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск : Изд-во «Юч-Сумер — Белуха». 222 с.

Енчинов, Э. В. (2013) Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре. Горно-Алтайск : Изд-во ИП «Высоцкая Г. Г.», 226 с.

Каруновская, Л. Э. (1927) Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук / отв. ред. Е. Ф. Карский. Ленинград : Издательство Академии наук СССР, Государственная Академическая типография. Т. VI. 209 с. С. 19–36.

Коновалов, А. В., Шаханова, Н. Ж. (1998) Ребенок в системе традиционной обрядности казахов (родильный и ранний воспитательные циклы) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа/ отв. ред. Р. Р. Рахимов. СПб. : МАЭ РАН. 229 с. С. 7–36.

Муйтуева, В. А., Чочкина, М. П. (1996) Алтай жанг (Биленинг бичиги) [Алтайская вера (Семейная книга)]. Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография. 207 с. (На алт. яз.).

Обрядность в традиционной культуре алтайцев / Н. В. Екеев, Е. Н. Кузьмина, А. А. Конунов, Н. О. Тадышева; отв. ред. Н. В. Екеев, науч. ред. Е. Н. Кузьмина. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 704 с.

Пахратдинов, А. К. (2025) Киндек шеше: роль и функции повитухи в традиционном каракалпакском обществе // Проблемы востоковедения. № 1 (107). С. 77–81.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Сподина, В. И. (2009) Материалы к описанию терминологии родства хантов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (36). С. 97–101.

Тадина, Н. А. (1995) Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск : Изд-во «Юч-Сюмер — Белуха». 207 с.

Тадина, Н. А. (2005) Три линии родства и авункулат алтайцев // Алгебра родства. Серия Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 9. / отв. ред. В. А. Попов. СПб. : Изд-во Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 284 с. С. 255–265.

Тадина, Н. А. (2011) Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (14). С. 146–153.

Тадышева, Н. О. (2011) Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-ОАО «Горно-Алтайская типография. 176 с.

Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков). Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX — начало XXI вв.) (2016) / Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов; отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 252 с.

Тюхтенева, С. П. (1997) Семья алтайцев: прошлое, настоящее, будущее // Семья, гендер, культура: мат. междунар. конференций 1994–1995 гг / отв. ред. В. А. Тишков. Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН. 416 с. С. 239–242.

Тюхтенева, С. П. (2006) Социальная организация и семейная обрядность // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М. : Наука. 678 с. С. 413–428.

Фрэзер, Д. Д. (1980) Золотая ветвь. М. : Политиздат. 830 с.

Чочкина, М. П. (2003) Алтайский детский фольклор. Горно-Алтайск : Изд-во РИО «ГАГУ». 156 с.

Шатинова, Н. И. (1981) Семья у алтайцев. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства. 184 с.

Дата поступления: 26.02.2026 г.

Дата принятия: 16.04.2026 г.

REFERENCES

- Aiyzhy, E. V. (2014) Ritual practice of the Tuvans: birth of a child and cradle. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, no. 4 (84), pp. 79–85. (In Russ.)
- Aiyzhy, E. V. (2015) The category of age and attitudes towards it in the traditional culture of the Tuvans. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*, no. 5–2 (112), pp. 415–421. (In Russ.)
- Altaians: Ethnic history. Traditional culture. Contemporary development* (2014) / N. V. Ekeev, N. M. Ekeeva, E. V. Enchinov; ed. by N. V. Ekeev. Gorno-Altai, BNU RA “NII altaistiki im. S. S. Surazakova”. 464 p. (In Russ.)
- Dilekova, S. D. (2018) Youth and life cycle customs. In: *Transformations in society and values of traditional culture in the Altai Republic (late 20th — early 21st centuries)* / E. V. Enchinov, N. O. Tadyшева; ed. by N. V. Ekeev. Issue 3. Gorno-Altai, BNU RA “NII altaistiki im. S. S. Surazakova”. 288 p. Pp. 160–174. (In Russ.)
- D'yakonova, V. P. (2001) *Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Mountainous Altai)*. Gorno-Altai, Yuch-Sumer — Belukha. 222 p. (In Russ.)
- Enchinov, E. V. (2008) Legal customs associated with pregnancy in the traditional worldview of the Altaians. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Central'noy Azii v istoricheskoy retrospektive*, no. 2, pp. 271–277. (In Russ.)
- Enchinov, E. V. (2013) *Family values of the Altaians: transformation of customary law in contemporary culture*. Gorno-Altai, Izd-vo IP “Vysotskaya G. G.”. 226 p. (In Russ.)
- Karunovskaya, L. E. (1927) From the Altaian beliefs and rituals related to the child. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii Akademii nauk* / ed. by E. F. Karskii. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya. Vol. VI. 209 p. P. 19–36. (In Russ.)
- Konovalov, A. V. and Shakhanova, N. Zh. (1998) The child in the system of traditional Kazakh rituals (birth and early educational cycles). In: *Childhood in the traditional culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus* / ed. by R. R. Rakhimov. St Petersburg, MAE RAN. 229 p. P. 7–36. (In Russ.)
- Muytueva, V. A. and Chochkina, M. P. (1996) *Altaiian faith (Family book)*. Gorno-Altai, Gorno-Altayskaya tipografiya. 207 p. (In Altaian.)
- Rituals in the traditional culture of the Altaians* / N. V. Ekeev, E. N. Kuz'mina, A. A. Konunov, N. O. Tadyшева; ed. by N. V. Ekeev, scientific ed. E. N. Kuz'mina. Gorno-Altai, BNU RA “NII altaistiki im. S. S. Surazakova”. 704 p. (In Russ.)
- Pakhratdinov, A. K. (2025) Kindek sheshe: role and functions of the midwife in traditional Karakalpak society. *Problemy vostokovedeniya*, no. 1 (107), pp. 77–81. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the everyday life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)
- Spodina, V. I. (2009) Materials for the description of the kinship terminology of the Khanty. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (36), pp. 97–101. (In Russ.)
- Tadina, N. A. (1995) *Altaiian wedding rituals (19th–20th centuries)*. Gorno-Altai, Izd-vo “Yuch-Sumer — Belukha”. 207 p. (In Russ.)
- Tadina, N. A. (2005) Three lines of kinship and avunculate among the Altaians. In: *Algebra of kinship. Series Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms*. Issue 9 / ed. by V. A. Popov. St Petersburg, Izd-vo Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. 284 p. P. 255–265. (In Russ.)
- Tadina, N. A. (2011) Worldview as the basis of the communicative culture of the Altaians. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (14), pp. 146–153. (In Russ.)
- Tadyшева, N. O. (2011) *Influence of Christianization on the family rituals of the indigenous population of Mountainous Altai*. Gorno-Altai, OAO “Gorno-Altayskaya tipografiya”. 176 p. (In Russ.)
- Transformations in society and values of traditional culture in the Altai Republic (late 20th — early 21st centuries). Economic and cultural complex of Mountainous Altai: transformations and traditions (late 20th — early 21st centuries)* (2016) / N. V. Ekeev, E. V. Enchinov; ed. by N. V. Ekeev. Gorno-Altai, BNU RA “NII altaistiki im. S. S. Surazakova”. 252 p. (In Russ.)
- Tyukhteneva, S. P. (1997) The family of the Altaians: past, present, future. In: *Family, gender, culture: materials of international conferences 1994–1995* / ed. by V. A. Tishkov. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 416 p. P. 239–242. (In Russ.)
- Tyukhteneva, S. P. (2006) Social organization and family rituals. In: *Turkic peoples of Siberia* / ed. by D. A. Funk, N. A. Tomilov. Moscow, Nauka. 678 p. P. 413–428. (In Russ.)
- Frazer, J. G. (1980) *The golden bough*. Moscow, Politizdat. 830 p. (In Russ.)

Chochkina, M. P. (2003) *Altaian children's folklore*. Gorno-Altaiisk, Izd-vo RIO "GAGU". 156 p. (In Russ.)

Shatinova, N. I. (1981) *The family among the Altaians*. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altayskoe otделение Altayskogo knizhnogo izdatel'stva. 184 p. (In Russ.)

Submission date: 26.02.2026.

Acceptance date: 16.04.2026.

Буллинг и виктимизация у подростков Тувы: распространенность, структура, возрастно-половые различия

Лидия С. Эверт

Научно-исследовательский институт медицинских
проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

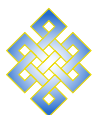

В статье исследуются проблемы буллинга и виктимизации среди подростков Республики Тыва, их распространенность и структура в зависимости от возрастно-половой принадлежности. Источником анализа выступили результаты широкомасштабного скринингового исследования случайных выборок лиц подросткового возраста Тувы ($n=1366$), проводившегося методом онлайн-тестирования в 2022–2023 гг. с использованием Google Forms психометрического опросника «ROSA» (A. Sourander, 2012) для выявления наличия/отсутствия у тестируемых буллинга — традиционного буллинга, кибербуллинга или их сочетания.

У подростков республики изучены частота встречаемости, виды, способы и проявления буллинга и кибербуллинга в группах, различающихся по полу и возрасту. Проанализирована кратность эпизодов буллинга дифференцированно для каждого вида травли и с учетом роли тестируемого в процессе буллинга (жертва/агрессор). Описаны виды издевательств при традиционном буллинге и кибербуллинге, типы агрессоров, представлены сведения о вероятных причинах травли и попытках жертвы получить помощь.

Среди тувинских подростков установлена значительно большая частота вовлеченности в буллинг мальчиков, чем девочек. При традиционном буллинге тувинские мальчики чаще своих сверстниц выступали в роли жертвы (14,6% против 8,0% у девочек), агрессора (13,9% против 5,5%) и жертвы/агрессора (11,3% против 3,4%). Аналогичной была закономерность распределения данных характеристик при кибербуллинге и сочетанном варианте буллинга: у тувинских мальчиков все указанные показатели были выше, чем у тувинских девочек.

Ключевые слова: Тува; подросток; тувинцы; русские; буллинг; кибербуллинг; виктимизация; жертва; агрессор

Для цитирования:

Эверт Л. С. Буллинг и виктимизация у подростков Тувы: распространенность, структура, возрастно-половые различия // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 121–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.9>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0665-7428

Bullying and victimization among adolescents in Tuva: prevalence, structure, age and gender differences

Lidiya S. Evert

Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, SB RAS, Russian Federation

This article examines bullying and victimization among adolescents in the Republic of Tuva, focusing on their prevalence and structure by age and gender. The analysis is based on the results of a large-scale screening study of random samples of adolescents in the Republic of Tuva ($n = 1,366$), conducted online in 2022–2023 using Google Forms and the ROSA psychometric questionnaire (A. Sourander, 2012) to determine the presence or absence of bullying—traditional bullying, cyberbullying, or a combination of the two. The frequency, types, methods, and manifestations of bullying and cyberbullying were analyzed across age and gender groups. The frequency of bullying episodes was examined separately for each type of bullying, taking into account the participant's role in the bullying process (victim, aggressor). The forms of traditional and cyberbullying, the profiles of aggressors, and information on the probable causes of bullying and the victim's attempts to seek help are described.

Among Tuvan adolescents, boys were significantly more likely to be involved in bullying than girls. In traditional bullying, Tuvan boys were more likely than their female peers to be victims (14.6% versus 8.0% for girls), aggressors (13.9% versus 5.5%), and victim–aggressors (11.3% versus 3.4%). The distribution of these characteristics was similar for cyberbullying and combined bullying: Tuvan boys demonstrated higher rates on all of these indicators than Tuvan girls.

Keywords: Tuva; adolescents; Tuvans; Russians; bullying; cyberbullying; victimization; victim; aggressor

For citation:

Evert L.S. Bullying and victimization among adolescents in Tuva: prevalence, structure, age and gender differences. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 121–145 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.9>

Введение

Буллинг в детско-подростковой популяции является крайне актуальной социальной проблемой, включающей также медицинские, психологические, педагогические и другие аспекты, требующие внимания специалистов различного профиля — медиков, психологов и педагогов. Буллинг (запугивание, издевательство, травля) широко распространён в подростковой среде (Капиренкова, Пискажева, 2020; Реан, Новикова, 2019; Zhu et al., 2022) и может проявляться в виде традиционного буллинга (ТБ) и кибербуллинга (КБ).

Кроме наиболее распространенных видов травли — традиционного буллинга (ТБ), кибербуллинга (КБ) и их сочетания, есть и другие, менее распространенные виды буллинга. В структуре ТБ выделяют две основные его формы — психологическую и физическую. По характеристикам *объекта насилия* выделяют виды буллинга: по полу, возрасту, национальности, веры (подростковый буллинг, буллинг против лиц женского пола, лиц другой веры, другого этноса), *по среде распространения* (школьный, родительский, интернет-травля) и *по характеру насильственных действий* (физический, вербальный и социальный буллинг). Значительно расширяет зону вовлеченности подростков в процесс травли в целом сочетание ТБ и КБ (Москаленко, 2025).

ТБ является одним из видов агрессивного поведения, разновидностью физического или психического насилия в отношении человека, не способного защитить себя в данной ситуации (Kwan et al., 2022; McLoughlin, 2022; Shoham et al., 2021). Школьный буллинг разделяют на типы: физический, социально-психологический и вербальный буллинг.

КБ — более современный вид буллинга, возникший с появлением цифровых технологий, включающий агрессивное поведение, неоднократно совершаемое группой или отдельным лицом с использованием электронных форм воздействия в отношении жертвы, которая не в состоянии себя легко защитить (Maftai, Holman, Merlici, 2022; Jaskulska et al., 2022). В исследованиях зарубежных и отечественных ученых выделяют следующие *виды кибербуллинга*: 1 — флейминг, домогательства, гриферы, кибертролли, киберсталкинг (Reer, Festl, Quandt, 2021); 2 — исключение, домогательства, вылазки, кибер-преступление, фрапин, рассылка поддельных профилей, обман, троллинг (Kowalski et al., 2014); 3 — оскорбления, травля, очернение, олицетворение, вылазка, обман, отчуждение, кибер-преступление (Wang, Iannotti, Luk, 2012); 4 — травля текстовыми сообщениями, травля фото и видео с мобильных телефонов, телефонными звонками, по электронной почте, в чате, травля посредством мгновенных сообщений, травля через веб-сайты (Smith et al., 2008); 5 — онлайн-домогательства, флейминг, кибер-преступность, клевета или троллинг, розыгрыши, разглашение конфиденциальной информации (Kyriacou, Zuin, 2015); 6 — троллинг, киберсталкинг, кибермобинг, бокс, фрапинг, оскорбление, пикник, флейминг, порно-мести (Sainz, Martín-Moya, 2023).

Результатом буллинга является виктимизация, или процесс превращения лица в жертву (Chudal et al., 2022; Kwan et al., 2022; Labella et al., 2024; Рогатень, 2019). Актуальность буллинга для подростков обусловлена возможными негативными последствиями виктимизации, приводящими к эмоциональному стрессу (Kim et al., 2019; Sampasa-Kanyinga, 2017), депрессии (Mitchell, Jones, Turner, 2021), тревоге, социальной изоляции, низкой самооценке (Sampasa-Kanyinga, Lalande, Colman, 2018), отказу от посещения школы, злоупотреблению психоактивными веществами (Kim et al., 2019; Sampasa-Kanyinga, Lalande, Colman, 2018), суицидальному поведению (Mitchell, Jones, Turner, 2021; Nguyen et al., 2023; Zaborskis et al., 2019; Brailovskaia, Teismann, Margraf, 2018; John et al., 2018; Cuesta et al., 2021). Данный эффект доказан не только для жертвы, но и для агрессора (Azevedo et al., 2020).

Стремительный рост буллинга в подростково-молодежных популяциях регистрируется во многих странах мира (Chiu, Vargo, 2022; Abregú-Crespo et al., 2024; Armitage, 2021; Peprah et al., 2023), что с учетом его негативного влияния на здоровье вовлеченных в буллинг подростков, свидетельствует об актуальности данной медико-социальной проблемы и необходимости ее скорейшего решения (Rees, Sabia, Kumpas, 2022; Williams et al., 2023).

Не менее актуальна проблема буллинга и для подросткового населения такой многонациональной страны, как Россия. Подтверждением этого могут служить результаты недавнего исследования Н. Б. Семеновой (Семенова, 2023), обследовавшей 692 подростка г. Красноярска и установившей высокую вовлеченность обследованных ею лиц в буллинг — 43,1% (из них только ТБ — 17,2%; только КБ — 14,3%; оба вида — 11,6%). Полученные данные, безусловно, свидетельствуют о необходимости разработки неотложных профилактических мер для уменьшения агрессивного поведения в подростковой среде подростков-россиян.

Цель исследования — изучить у тувинских подростков распространенность и проявления буллинга и кибербуллинга, оценить социальные роли участников и методы запугивания с позиции возрастно-половых различий. *Объектом* исследования были лица подросткового возраста (12–18 лет), мужского и женского пола — жители Республики Тыва. *Предметом* исследования был буллинг, его распространенность, виды, способы и проявления, методы травли, типы агрессоров, вероятные причины травли и попытки жертвы получить помощь.

При использовании в тексте понятия «тувинские подростки», мы имеем в виду только территориальное проживание (подростки Тувы), а не их этническую принадлежность.

Для реализации этой цели сформулированы следующие *задачи*: изучить распространенность и структуру буллинга во всей группе включенных в исследование тувинских подростков; исследовать особенности распространенности буллинга (традиционного, кибербуллинга и их сочетания) у тувинских подростков различных возрастно-половых групп; охарактеризовать социальные роли (жертва, агрессор, жертва/агрессор) у подростков, вовлеченных в буллинг; оценить частоту травли

и типы агрессоров при разных видах буллинга у тувинских подростков; провести сравнительный анализ видов (способов) издевательств при различных видах буллинга у тувинских подростков с позиций возрастно-половых различий; провести анализ различных аспектов травли в целом (причины травли, попытки найти поддержку и помощь; лица, к которым обращались за помощью жертвы травли).

Материал и методы исследования

Результаты, обсуждаемые в данной работе, являются частью большого исследования, выполненного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) «Федерального исследовательского центра “Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук”» (ФИЦ КНЦ СО РАН) темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.) и темы НИР «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.) (FWES-2024-0036, рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064-6), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, согласовано с администрациями учебных заведений.

Данными для статистического анализа послужили результаты широкомасштабного скринингового обследования случайных выборок лиц подросткового возраста Республики Тыва ($n=1366$), проводившегося методом онлайн-тестирования в 2022–2023 гг. с использованием Google Forms психометрического опросника «ROSA» (Sourander et al., 2012) для выявления наличия/отсутствия у тестируемых буллинга — традиционного буллинга, кибербуллинга или их сочетания. Общее число обследованных, согласившихся на онлайн-опрос и заполнивших указанный опросник после ознакомления информации, представленной в начале онлайн-ссылки, о гарантии исследователей о неразглашения персональных данных, составило 1366 чел., медиана (Me) возраста 16,0 [15,0; 17,0] лет. В это число не вошло 12 подростков, отказавшихся пройти тест. Из 1366 протестированных и включенных в статистический анализ, лиц мужского пола было — 41,5% (567/1366), женского — 58,5% (799/1366).

Учитывая, что нами обследованы случайные выборки подростков, то, безусловно, речь не может идти о полной репрезентативности всей подростково-молодежной популяции Тувы, охваченной скринингом.

Дизайн исследования включал изучение у обследованных групп сравнения показателей, демонстрирующих частоту встречаемости определенного вида буллинга (традиционного, кибербуллинга) и их сочетания; характеристику видов, способов и проявлений буллинга и кибербуллинга; кратность эпизодов буллинга дифференцированно для каждого вида травли и с учетом роли тестируемого в процессе буллинга (жертва/агрессор); описание видов издевательств и видов агрессоров при традиционном буллинге и кибербуллинге; сведений о вероятных причинах травли и попытках жертвы получить помощь.

В статистический анализ включались только корректно заполненные опросники, в которых тестируемыми были даны ответы на все вопросы. Анализировали показатели в общей группе вошедших в исследование лиц и давших ответы на все вопросы, включенные в опросник. Распространенность каждого из видов буллинга анализировали в общей группе ($n=1366$) включенных в исследование подростков, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом пола: мальчики ($n=567$), девочки ($n=799$) и возраста: 12–14 лет ($n=80$), 15–18 лет ($n=1286$).

В исследовании включены два блока вопросов из опросника психического здоровья подростков «ROSA» (Sourander et al., 2012; Семенова, 2023). Блок I — традиционный буллинг (ТБ) включал следующее определение травли: «Травля — это когда ученик неоднократно подвергается негативным

болезненным действиям со стороны одного или нескольких учеников. Тому, кого травят, трудно защитить себя. Травля может быть словесной (например, обзывательства, угрозы), физической (например, избиение) или психологической (например, сплетни, игнорирование/исключение). Если кто-то постоянно дразнит или обижает человека — это травля». Информация о традиционных издевательствах была получена из четырех вопросов: «Как часто тебя травили в школе за последние шесть месяцев?», «Как часто тебя травили вне школы за последние шесть месяцев?», «Как часто ты травил/а других в школе за последние шесть месяцев?», «Как часто ты травил/а других вне школы за последние шесть месяцев?». Предлагалось четыре варианта ответов: 1) никогда, 2) реже одного раза в неделю, 3) чаще раза в неделю, 4) почти каждый день. Ответы 2, 3, 4 свидетельствовали об издевательствах или преследованиях, по крайней мере, иногда. Выборка была разделена на 4 группы: (1) подростки, никогда не подвергавшиеся виктимизации и не участвовавшие в травле; (2) только жертвы (по крайней мере, иногда были жертвами, но никогда не были агрессором); (3) только агрессоры (по крайней мере, иногда были агрессорами, но никогда — жертвами); (4) группа с ролевой амбивалентностью — жертва/агрессор (по крайней мере, иногда были жертвами, иногда — агрессорами).

Информация о методах издевательства включала вопрос «Как часто тебя кто-либо травил таким образом», состоящий из 11 вариантов: смеялись из-за религии или национальности; из-за того, как ты выглядишь или говоришь; толкали, шлепали, ударяли; распространяли слухи или подлую ложь; направляли сексуальные шутки, комментарии или жесты; не разговаривали или не отвечали; обзывали; говорили плохо; угрожали причинить боль или избить; не включали в то, что делали; не приглашали на вечеринку или встречу. Информация об агрессоре включала вопрос «Кто травил тебя (в школе, вне школы)?», состоящий из 3 вариантов: девочки, мальчики, группа (например, компания друзей, класс и т. п.).

Блок II — кибербуллинг (КБ) в опроснике «ROSA» включал следующее определение кибертравли: «Кибертравля — это когда кто-то неоднократно насмехается над другим человеком онлайн или неоднократно задевает его по электронной почте или в текстовых сообщениях, или выставляет что-то неприятное о человеке в Интернете (социальных сетях)». Информация о кибертравле была получена из двух вопросов: «За последние шесть месяцев как часто ты подвергался кибертравле?», «За последние шесть месяцев как часто ты занимался кибертравлей других?». Выборка была разделена на 4 группы в соответствии с ответами, по аналогии с ТБ. Информация о методах кибертравли включала вопрос «Как часто тебя травили в Интернете таким образом?», состоящий из 6 вариантов: игнорировали, проявляли неуважение, обзывали, распространяли слухи, угрожали, запугивали опасностью. Информации об агрессоре включала вопрос «Кто тебя травил?», состоящий из 6 вариантов ответов: девочки, мальчики, группа (например, компания друзей, класс и т. п.), взрослые женщины, взрослые мужчины, неизвестная личность (не ясно какого пола или возраста). Шкала ответов была идентичной для всей анкеты и включала варианты: 1) никогда, 2) реже одного раза в неделю, 3) чаще раза в неделю, 4) почти каждый день. Ответы были объединены в парные: нет для «никогда» и да — для других вариантов ответов.

При статистической обработке полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Распространенность буллинга и социальные роли подростков, вовлеченных в буллинг

Проанализирована распространенность различных видов буллинга (традиционного, кибербуллинга) и их сочетания в общей выборке тувинских подростков, включенных в исследование ($n=1366$), уточнена социальная роль вовлеченных в буллинг лиц. Проанализированы возрастно-половые особенности данных показателей. Результаты проведенного сравнительного анализа показали, что вовлеченными в ТБ были 13,1% (179/1366, ДИ = 11,4–15,0%) тувинских подростков.

Нами выявлено, что в Туве численность лиц, имеющих статус жертвы, составляла 10,8% (147/1366, ДИ = 9,2–12,5%). Статусом «агрессора» в процессе вовлеченности в ТБ, характеризовались 9,0% (123/1366, ДИ = 7,6–10,6%) тувинских подростков. В статусе агрессора и одновременно жертвы традиционного буллинга были 6,7% (91/1366, ДИ = 5,5–8,1%) тувинских подростков.

Распространенность кибербуллинга в общей выборке обследованных тувинских подростков составляла 11,6% (159/1366, ДИ = 10,0–13,4%). Статус жертвы кибербуллинга имели 9,1% (124/1366, ДИ = 7,7–10,7%) тувинских подростков. Роль агрессора в процессе кибербуллинга принадлежала 6,5% (89/1366, ДИ = 5,3–7,9%) тувинских подростков.

Роль агрессора и одновременно статус жертвы кибербуллинга были характерны для 4,0% (54/1366, ДИ = 3,0–5,1%) тувинских подростков. Вовлеченность в оба вида буллинга (их сочетание) отмечалась у 5,4% (74/1366, ДИ = 4,3–6,7%) тувинских подростков.

В таблицу 1 включены результаты сравнительного анализа, отражающие гендерные особенности распространенности всех видов буллинга и социальные роли вовлеченных в буллинг лиц, в общей выборке тувинских подростков, включенных в исследование (учтены ответы только «да»).

Таблица 1. Гендерные различия распространенности буллинга и социальные роли вовлеченных в него лиц, у тувинских подростков

Table 1. Gender differences in the prevalence of bullying and the social roles of those involved in it among Tuvan adolescents

Социальная роль	Группы обследованных						p1-2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Традиционный буллинг (ТБ)							
Не вовлечены в ТБ	469/82,7	79,4–85,6	718/89,9	87,6–91,8	1187/86,9	85,0–88,6	<0,001
Вовлечены в ТБ	98/17,3	14,4–20,6	81/10,1	8,2–12,4	179/13,1	11,4–15,0	<0,001
Из них: только жертвы	83/14,6	12,0–17,8	64/8,0	6,3–10,1	147/10,8	11,4–15,0	<0,001
только агрессоры	79/13,9	11,3–17,0	44/5,5	4,1–7,3	123/9,01	7,6–10,6	<0,001
жертвы/агрессоры	64/11,3	8,9–14,2	27/3,4	2,3–4,9	91/6,7	5,5–8,1	<0,001
Кибербуллинг (КБ)							
Не вовлечены в КБ	468/82,5	79,2–85,4	739/92,5	90,5–94,1	1207/88,4	86,6–90,0	<0,001
Вовлечены в КБ	99/17,5	14,6–20,8	60/7,5	5,9–9,5	159/11,6	10,0–13,4	<0,001
Из них: только жертвы	73/12,9	10,4–15,9	51/6,4	4,9–8,3	124/9,1	7,7–10,7	<0,001
только агрессоры	60/10,6	8,3–13,4	29/3,6	2,5–5,2	89/6,5	5,3–7,9	<0,001
жертвы/агрессоры	34/6,0	4,3–8,3	20/2,5	1,6–3,8	54/4,0	3,0–5,1	<0,001
Оба вида буллинга (ТБ+КБ)							
Не вовлечены в ТБ+КБ	522/92,1	89,5–94,0	770/96,4	94,8–97,5	1292/94,6	93,3–95,7	<0,001
Вовлечены в ТБ+КБ	45/7,9	6,0–10,5	29/3,6	2,5–5,2	74/5,4	4,3–6,7	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Как следует из представленной *таблицы 1*, тувинские мальчики, в отличие от девочек, отличались более частой вовлеченностью во все рассматриваемые виды буллинга (традиционный буллинг, кибербуллинг и их сочетание — ТК+КБ).

В структуре социальных ролей внутри каждого из рассматриваемых видов буллинга, мальчики значительно чаще девочек имели статус «только жертвы», «только агрессора» и «агрессора/жертвы».

Частота травли и типы агрессоров при разных видах буллинга

Для оценки структуры буллинга и виктимизации была проанализирована такая характеристика, как частота (кратность эпизодов) травли при каждом из видов буллинга. В указанной ниже *таблице 2* представлены результаты анализа частоты травли при традиционном (школьном) буллинге в общей выборке обследованных в Туве подростков в зависимости от пола (учтены ответы только «да»).

Таблица 2. Частота травли при традиционном буллинге у тувинских подростков различного пола

Table 2. Frequency of traditional bullying among Tuvan adolescents of different genders

Социальная роль и частота травли	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Как часто тебя травлили в школе за последние 6 месяцев							
Совсем не травили	512/90,3	87,6–92,5	749/93,7	91,8–95,2	1261/92,3	90,8–93,6	0,019
Травили: почти каждый день	3/0,5	0,2–1,5	2/0,3	0,1–0,9	5/0,4	0,2–0,9	0,401
чаще раза в неделю	11/1,9	1,1–3,4	8/1,0	0,5–2,0	19/1,4	0,9–2,2	0,145
реже раза в неделю	41/7,2	5,4–9,7	40/5,0	3,7–6,7	81/5,9	4,8–7,3	0,087
Как часто тебя травили вне школы за последние 6 месяцев							
Совсем не травили	505/89,1	86,2–91,4	764/95,6	94,0–96,8	1269/92,9	91,4–94,1	<0,001
Травили: почти каждый день	1/0,2	0,0–1,0	1/0,1	0,0–0,7	2/0,2	0,0–0,5	0,808
чаще раза в неделю	14/2,5	1,5–4,1	6/0,8	0,3–1,6	20/1,5	0,9–2,3	0,010
реже раза в неделю	47/8,3	6,3–10,8	28/3,5	2,4–5,0	75/5,5	4,4–6,8	<0,001
Как часто ты сам травил других в школе за последние 6 месяцев							
Совсем не травил	509/89,8	87,0–92,0	762/95,4	93,7–96,6	1271/93,0	91,6–94,3	<0,001
Травил: почти каждый день	2/0,4	0,1–1,3	1/0,1	0,0–0,7	3/0,2	0,1–0,6	0,376
чаще раза в неделю	9/1,6	0,8–3,0	7/0,9	0,4–1,8	16/1,2	0,7–1,9	0,229
реже раза в неделю	47/8,3	6,3–10,8	29/3,6	2,5–5,2	76/5,6	4,5–6,9	<0,001
Как часто ты сам травил других вне школы за последние 6 месяцев							
Совсем не травил	510/89,9	87,2–92,2	768/96,1	94,5–97,3	1278/93,6	92,1–94,7	<0,001
Травил: почти каждый день	3/0,5	0,2–1,5	2/0,3	0,1–0,9	5/0,4	0,2–0,9	0,401
чаще раза в неделю	8/1,4	0,7–2,8	5/0,6	0,3–1,5	13/0,9	0,6–1,6	0,141
реже раза в неделю	46/8,1	6,1–10,7	24/3,0	2,0–4,4	70/5,1	4,1–6,4	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Результаты сравнительного анализа частоты травли у подростков Тувы, вовлеченных в традиционный буллинг, статистически значимых гендерных различий не выявил для всех категорий кратности эпизодов травли (почти каждый день, чаще и реже одного раза в неделю) подростков в школе за последние 6 месяцев.

Эпизоды травли вне школы с частотой чаще или реже одного раза в неделю значительно чаще регистрировались у мальчиков в сравнении с девочками. На вопрос «Как часто ты сам травил других в школе, а также вне школы?», за последние 6 месяцев мальчики отвечали значительно чаще девочек (табл. 2). Приведенные данные свидетельствуют о более частой виктимизации мальчиков при традиционном (школьном) буллинге, с другой стороны, мальчики, вовлеченные в ТБ, статус агрессора имели чаще, чем девочки.

Аналогичный анализ, демонстрирующий частоту травли среди тувинских подростков различного пола, проведен и для кибербуллинга, его результаты включены в таблицу 3 (учтены ответы только «да»).

Таблица 3. Частота травли при кибербуллинге среди тувинских подростков различного пола
Table 3. Frequency of cyberbullying among Tuvan adolescents of different genders

Социальная роль и частота травли	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
За последние 6 месяцев как часто ты подвергался кибертравле							
Совсем не травили	494/87,1	84,1–89,6	748/93,6	91,7–95,1	1242/90,9	89,6–92,3	<0,001
Травили: почти каждый день	4/0,7	0,3–1,8	5/0,6	0,3–1,5	9/0,7	0,3–1,2	0,858
чаще раза в неделю	14/2,5	1,5–4,1	4/0,5	0,2–1,3	18/1,3	0,8–2,1	0,002
реже раза в неделю	55/9,7	7,5–12,4	42/5,3	3,9–7,0	97/7,1	5,9–8,6	0,002
За последние 6 месяцев как часто ты занимался кибертравлей других							
Совсем не травил	507/89,4	86,6–91,7	770/96,4	94,8–97,5	1277/93,5	92,1–94,7	<0,001
Травил: почти каждый день	5/0,9	0,4–2,0	1/0,1	0,0–0,7	6/0,4	0,2–1,0	0,038
чаще раза в неделю	8/1,4	0,7–2,8	5/0,6	0,3–1,5	13/1,0	0,6–1,6	0,141
реже раза в неделю	47/8,3	6,3–10,8	23/2,9	1,9–4,3	70/5,1	4,1–6,4	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Частотой эпизодов травли в течение последних 6 месяцев у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, с кратностью чаще и реже одного раза в неделю, в значительно большей степени отличались мальчики, чем девочки. Роль агрессора, осуществлявшего травлю в Интернете с частотой почти каждый день или реже одного раза в неделю, также значительно чаще принадлежала мальчикам, чем девочкам (табл. 3).

Проведен сравнительный анализ типов агрессоров при традиционном буллинге и кибербуллинге в общей группе включенных в исследование подростков Тувы различного пола, результаты анализа отражены в таблице 4 (учтены ответы только «да»).

Таблица 4. Типы агрессоров при традиционном буллинге и кибербуллинге у подростков Тувы различного пола
Table 4. Types of bullies in traditional and cyberbullying among Tuvan adolescents of different genders

Типы агрессоров	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Кто тебя травил в школе/вне школы (традиционный буллинг)							
1. Мальчики	89/15,7	12,9–18,9	86/10,8	8,8–13,1	175/12,8	11,1–14,7	0,007
2. Девочки	60/10,6	8,3–13,4	83/10,4	8,5–12,7	143/10,5	9,0–12,2	0,908
3. Группа (друзья, одноклассники и т. п.)	62/10,9	8,6–13,8	57/7,1	5,5–9,1	119/8,7	7,6–10,3	0,014
Кто тебя травил в интернете (кибербуллинг)							
1. Мальчики	95/16,8	13,9–20,1	37/57,8	3,4–6,3	170/12,5	10,8–14,3	<0,001
2. Девочки	63/11,1	8,8–14,0	28/43,7	2,4–5,0	146/10,7	9,2–12,4	0,670
3. Взрослые мужчины	52/9,2	7,1–11,8	23/2,9	1,9–4,3	75/5,5	4,4–6,8	<0,001
4. Взрослые женщины	35/6,2	4,5–8,5	36/4,5	3,3–6,2	71/5,2	4,1–6,5	0,171
5. Неизвестные личности	158/27,9	24,3–31,7	194/24,3	21,4–27,4	352/25,8	23,5–28,2	0,135
6. Группа (друзей, одноклассников)	52/9,2	7,1–11,8	40/5,0	3,7–6,7	92/6,7	5,5–8,2	0,002
Тебе было страшно, что угрозы, направленные на тебя в Интернете, осуществляются в школе (или дома или где угодно вне Интернета)?							
Да, было страшно	45/7,9		43/5,4		88/6,4		0,058

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Гендерные различия типов агрессоров у подростков, вовлеченных в традиционный буллинг (в школе/вне школы), включали значительно большую частоту травли, осуществляемой мальчиками и/или группой сверстников (друзьями, одноклассниками и т. п.) среди тувинских подростков мужского, чем женского рода (табл. 4).

Мальчиков в Интернете значительно чаще, чем девочек, травили лица мужского рода. Кроме того, гендерными отличиями типов агрессоров у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, были более частая травля мальчиков взрослыми мужчинами и/или группой сверстников (друзей, одноклассников и т. п.), значимость указанных выше типов агрессоров для девочек была менее значимой (табл. 4).

Виды издевательств при различных видах буллинга

В процессе изучения и оценки видов и способов травли в популяции тувинских подростков, вовлеченных в традиционный буллинг, нами был проведен сравнительный анализ гендерных различий видов и способов издевательств при данном виде буллинга (учтены ответы только «да»).

Таблица 5. Виды издевательств при традиционном буллинге у тувинских подростков различного пола
Table 5. Types of bullying in traditional bullying among Tuvan adolescents of different genders

Виды издевательств при традиционном буллинге	Группы обследованных						p1-2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Как часто тебя травили таким образом							
1. Смеялись из-за религии / националь-ности	39/6,9	5,1–9,3	37/4,6	3,4–6,3	76/5,6	4,5–6,9	0,074
2. Смеялись над внешним видом	108/19,1	16,0–22,5	118/14,8	12,5–17,4	226/16,5	14,7–18,6	0,036
3. Толкали, шлепали, ударяли или били	88/15,5	12,8–18,7	59/7,4	5,8–9,4	147/10,8	9,2–12,5	<0,001
4. Распространяли слухи или подлую ложь	100/17,6	14,7–21,0	138/17,3	14,8–20,0	238/17,4	15,5–19,5	0,860
5. Сексуальные шутки, комментарии, жесты	84/14,8	12,1–18,0	57/7,1	5,5–9,1	141/10,3	8,8–12,0	<0,001
6. Не разговаривали или не отвечали	89/15,7	12,9–18,9	123/15,4	13,1–18,1	212/15,5	13,7–17,5	0,879
7. Обзывали	127/22,4	19,2–26,0	118/14,8	12,5–17,4	245/17,9	16,0–21,1	<0,001
8. Говорили о тебе плохо	111/19,6	16,5–23,0	125/15,6	13,3–18,3	236/17,3	15,4–19,4	0,058
9. Угрожали причинить боль или избить	61/10,8	8,5–13,6	33/4,1	3,0–5,7	94/6,9	5,7–8,3	<0,001
10. Не включали в то, что делали	88/15,5	12,8–18,7	82/10,3	8,3–12,6	170/12,5	10,8–14,3	0,004
11. Не приглашали на вечеринку или встречу	69/12,2	9,7–15,1	62/7,8	6,1–9,8	131/9,6	8,1–11,3	0,006

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Результаты сравнительного анализа гендерных различий большого перечня видов и способов издевательств (табл. 5) у подростков, вовлеченных в традиционный буллинг, включали значительно большую встречаемость у мальчиков, в отличие от девочек, таких видов и способов травли, как насмешки над внешним видом; толкание, шлепки, удары или избиения; комментарии, жесты и шутки сексуального характера; обзывания; угрозы причинения боли или избиения; невключение в виды деятельности и/или мероприятия; не приглашение на вечеринку или встречу (табл. 5).

Аналогичный анализ проведен у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, его результаты включены в таблицу 6 (учтены ответы только «да»).

Результаты проведенного анализа, включенные в таблицу 6, продемонстрировали у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, значительно большей частоты факта игнорирования у девочек в сравнении с мальчиками. У мальчиков в процессе кибербуллинга значительно чаще, чем у девочек, регистрировались такие виды травли, как обзывания, угрозы и запугивание опасностями (табл. 6).

Таблица 6. Виды издевательств при кибербуллинге у тувинских подростков различного пола
Table 6. Types of cyberbullying among Tuvan adolescents of different genders

Виды издевательств при кибербуллинге	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Как часто тебя травили таким образом							
1. Тебя игнорировали	132/23,3	20,0–26,9	238/29,8	26,7–33,0	370/27,1	24,8–29,5	0,008
2. Проявляли к тебе неуважение	120/21,2	18,0–24,7	150/18,8	16,2–21,6	270/19,8	17,7–22,0	0,274
3. Обзывали	119/21,0	17,8–24,5	93/11,6	9,6–14,0	212/15,5	13,7–17,5	<0,001
4. Распространяли слухи о тебе	87/15,3	12,6–18,5	97/12,1	10,1–14,6	184/13,5	11,8–15,4	0,087
5. Угрожали	59/10,4	8,2–13,2	29/3,6	2,5–5,2	88/6,4	5,3–7,9	<0,001
6. Запугивали опасностью	54/9,5	7,4–12,2	35/4,4	3,2–6,0	89/6,5	5,3–7,9	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

О травле в целом

В данном разделе рассмотрены особенности ряда показателей, дающих представление о различных аспектах травли в целом у подростков Тувы различного пола при традиционном буллинге. Результаты анализа указанных выше характеристик отражены в таблице 7.

Таблица 7. О травле в целом у подростков Тувы различного пола, вовлеченных в традиционный буллинг
Table 7. About bullying in general among teenagers of both sexes in Tuva involved in traditional bullying

Показатели	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Ты чувствуешь, что причина того, что тебя травят — что-то в тебе?							
Да	70/12,4	9,9–15,3	80/10,0	8,1–12,3	150/11,0	9,4–12,7	0,174
Ты чувствуешь, что кто-то травит тебя потому, что в ней или в нем что-то заставляет так поступать?							
Да	92/16,2	13,4–19,5	121/15,1	12,8–17,8	213/15,6	13,8–17,6	0,587
Ты говорил/а кому-нибудь о своих переживаниях, чтобы тебе могли помочь?							
Да	260/45,9	41,8–50,0	456/57,1	53,6–60,5	716/52,4	49,8–55,1	<0,001
Если говорил (а), то отметь, пожалуйста, кому:							
1. Родителю	184/55,6	28,7–36,4	316/61,5	36,2–43,0	500/59,2	34,1–39,2	0,089
2. Брату/сестре	106/32,0	15,7–22,1	180/35,0	19,8–25,6	286/33,8	18,9–23,2	0,369
3. Другу	182/55,2	28,4–36,1	298/58,0	34,0–40,7	480/56,9	32,7–37,7	0,419
4. Учителю	20/6,0	2,3–5,4	31/6,0	2,7–5,5	51/6,0	2,9–4,9	1,000
5. Другому взрослому в школе (директору, социальному педагогу)	11/3,3	1,1–3,4	13/2,5	1,0–2,8	24/2,8	1,2–2,6	0,497

6. Психологу, психиатру, соц. работнику	20/6,0	2,3–5,4	46/8,9	4,3–7,6	66/7,9	3,8–6,1	0,124
7. Говорил/а другому человеку	2/0,6	0,1–1,3	6/1,2	0,3–1,6	8/0,9	0,3–1,2	0,409
<i>За последние шесть месяцев ты намеренно повреждал/а себя, нанося порезы или ожоги кожи?</i>							
Да	41/7,2	5,4–9,7	51/6,4	4,9–8,3	92/6,7	5,5–8,2	0,538
<i>Ты когда-нибудь всерьез думал/а совершить самоубийство?</i>							
Да, думал/а	25/4,4	3,0–6,4	90/11,3	9,3–13,6	115/8,4	7,1–10,0	<0,001
<i>Ты пробовал/а совершить самоубийство?</i>							
Да, пробовал/а	15/2,7	1,6–4,3	31/3,9	2,7–5,5	46/3,4	2,5–4,5	0,213
<i>Риск суицида у подростков</i>							
Риска нет	508/89,6	86,8–91,8	677/84,7	82,1–87,1	1185/86,	84,8–88,4	0,009
Риск низкий	59/10,4	8,2–13,2	122/15,3	12,9–17,9	181/13,2	11,6–15,2	0,009

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Представленная выше таблица 7 иллюстрирует, что тувинские девочки чаще мальчиков принимали попытки найти поддержку и помощь, сообщая о своих переживаниях и проблемах кому-то из окружающих. Однако статистически значимых различий, относительно указаний на конкретное лицо — родитель, брат/сестра, друг/подруга, учитель, другой взрослый в школе (директор, социальный педагог), психолог, социальный работник, другой человек, к которому девочки могли обратиться или обращались, выявлено не было.

Для выявления группы риска по аутодеструктивному¹ и суицидальному поведению, в рамках проводимого исследования в опросник были включены соответствующие вопросы: «За последние шесть месяцев ты намеренно повреждал/а себя, нанося порезы или ожоги кожи?», «Ты когда-нибудь всерьез думал/а совершить самоубийство?» и «Ты пробовал/а совершить самоубийство?». Положительный ответ был получен на второй из заданных вопросов, при этом положительный ответ значительно чаще давали девочки (11,3%), чем мальчики (4,4%, $p < 0,001$).

Низкий уровень риска суицида чаще был характерен для девочек-тувинок (15,3%), чем тувинцев-мальчиков (10,4%, $p = 0,009$). Лиц, имеющих средний или высокий риск суицида, среди тувинских подростков (как мальчиков, так и девочек) выявлено не было.

Особенности буллинга у подростков Тувы различного возраста

Возрастные различия изучаемых в рамках данного исследования показателей включали большую частоту встречаемости социальной роли жертва/агрессор у тувинских подростков младшей возрастной группы (12–14 лет) в сравнении со старшей возрастной группой у подростков, вовлеченных в кибербуллинг — соответственно 10,0% (8/80, ДИ = 5,2–18,5) и 3,6% (46/1286, ДИ = 2,7–4,7; $p_{1-2} = 0,004$, $\chi^2 = 8,18$).

Роль агрессора у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, значительно чаще регистрировалась также у младших подростков — 12,5% (10/80, ДИ = 6,9–21,5) в сравнении со старшими — 6,1% (79/1286, ДИ = 5,0–7,6; $p_{1-2} = 0,025$; $\chi^2 = 5,00$).

¹ Аутодеструктивное поведение — это действия, направленные на причинение вреда самому себе, своему здоровью, телу или жизни. Может проявляться в различных формах: от нанесения себе физических повреждений до игнорирования лечения, злоупотребления алкоголем или наркотиками, а также в суицидальных попытках.

При анализе частоты эпизодов травли *вне школы* установлено, что в младшей возрастной группе доля лиц, никогда не участвующих в традиционном (школьном) буллинге в роли агрессоров, была значительно выше — 98,7% (79/80, ДИ = 93,3–99,8), чем у старших подростков — 93,2% (1199/1286, ДИ = 91,7–94,5; $p1-2 = 0,052$, $\chi^2 = 3,80$).

Тувинские подростки младшей возрастной группы, отличались меньшей численностью лиц, никогда не участвующих в травле в интернете (кибербуллинге) — 87,5% (70/80, ДИ = 78,5–93,1), чем группа старших подростков — 93,9% (1207/1286, ДИ = 92,4–95,0; $p1-2 = 0,026$, $\chi^2 = 4,50$). И, напротив, меньшей долей лиц, участвующих в травле в интернете (кибербуллинге) с частотой реже одного раза в неделю, характеризовались старшие подростки — 4,7% (61/1286, ДИ = 3,7–6,0), чем подростки младшей возрастной группы — 11,3% (9/80, ДИ = 6,0–20,0; $p1-2 = 0,011$, $\chi^2 = 6,56$).

Частота такого вида травли, как угроза причинения боли и угроза избиения, составляла 7,3% (94/1286, ДИ = 6,0–8,9) у подростков старшей возрастной группы, вовлеченных в традиционный (школьный) буллинг, и вообще не встречалось таких лиц среди младших подростков ($p1-2 = 0,012$; $\chi^2 = 6,28$).

При анализе различных аспектов травли в целом, было установлено, что при традиционном буллинге подростки старшей возрастной группы значительно чаще сообщали о своих сомнениях и проблемах кому-либо из числа окружающих их людей — 53,1% (683/1286, ДИ = 50,4–55,8), чем младшие школьники — 41,3% (33/80, ДИ = 31,1–52,2; $p1-2 = 0,039$, $\chi^2 = 4,25$).

Младшие подростки значительно чаще рассказывали о своих проблемах родителям — 73,9% (34/46, ДИ = 59,7–84,4), чем старшие — 58,3% (466/799, ДИ = 54,9–61,7; $p1-2 = 0,036$; $\chi^2 = 4,38$). Также значительно чаще, подростки младшего возраста рассказывали о своих страхах и сомнениях другому человеку — 4,3% (2/46, ДИ = 1,2–14,5) в сравнении с подростками старшей возрастной группы — 0,8% (6/799, ДИ = 0,3–1,6; $p1-2 = 0,014$, $\chi^2 = 6,00$). Статистически значимых возрастных различий других показателей буллинга, изученных в рамках данного исследования, получено не было.

Таким образом, результаты нашей работы позволяют сделать по основным разделам исследования следующие **выводы**:

1. *Эпидемиология буллинга в Туве*: результаты проведенного скринингового исследования продемонстрировали масштабы и структуру буллинга у тувинских подростков. Распространенность традиционного буллинга в Туве составила 13,1%, кибербуллинга — 11,6%, вовлеченность в оба вида буллинга — у 5,4% подростков;

2. *Социальные роли и виктимизация*: статус жертвы традиционного буллинга в Туве имеют 10,8% вовлеченных в ТБ подростков, роль агрессора в традиционном буллинге характерна для 9,0% тувинских подростков. При кибербуллинге виктимизация затрагивает 9,1% тувинских подростков, статус агрессора в Туве имеют 6,5% подростков. Доля тувинских подростков, одновременно выполняющих роли агрессора и жертвы при кибербуллинге, составляет 4,0%;

3. *Гендерные различия*: анализ гендерных аспектов выявил четкую тенденцию, включающую значительно большую вовлеченность тувинских мальчиков во все виды буллинга. Эта закономерность проявляется как в общей вовлеченности, так и в структуре социальных ролей — мальчики чаще имеют статус исключительно жертвы, исключительно агрессора и одновременно жертвы-агрессора;

4. *Частота травли*: при анализе частоты эпизодов травли в школе гендерных различий не выявлено, однако эпизоды буллинга *вне школы* чаще регистрировались у мальчиков, которые также значительно чаще занимали позицию агрессора. В отношении типов агрессоров мальчики чаще подвергались травле со стороны других мальчиков и групп сверстников, тогда как девочки подвергались более разнообразным типам агрессии;

5. *Виды и способы издевательств*: тувинские мальчики испытывают значительно более широкий спектр издевательств, включающий насмешки над внешним видом, физическую агрессию (толкание, шлепки, удары), комментарии сексуального характера, обзывания, угрозы физической расправы, социальное исключение и невключение в мероприятия. При кибербуллинге гендерные различия в видах и способах травли более специфичны: у девочек значительно чаще встречается игнорирование, тогда как у мальчиков — обзывания, угрозы и запугивание;

6. *Поиск поддержки и психосоциальные риски*: в процессе реализации фрагмента исследования, касающегося изучения различных аспектов буллинга в целом, было установлено, что тувинские де-

вочки чаще мальчиков предпринимают активные попытки получить поддержку и помощь, сообщая о своих проблемах и опасениях окружающим их людям. Однако конкретно указанные источники поддержки (родители, друзья, учителя, психологи) статистически значимо между полами не различались;

7. *Риск суицидального поведения*: наиболее важный вывод касается психических рисков: у 11,3% девочек возникали мысли о самоубийстве, в то время как среди мальчиков этот показатель составил 4,4% ($p < 0,001$). Оценка величины (выраженности) суицидального поведения показала, что низкий уровень суицидального риска чаще выявлялся у девочек (15,3%) по сравнению с мальчиками (10,4%). Положительным моментом является то, что среди тувинских подростков не было выявлено лиц со средним или высоким суицидальным риском;

8. *Возрастные различия*: анализ возрастных особенностей социальных ролей при буллинге выявил, что подростки младшей возрастной группы (12–14 лет) чаще имели статус одновременно агрессора и жертвы при кибербуллинге (10,0% против 3,6% у старших подростков), и также чаще они выполняли роль агрессора в кибербуллинге (12,5% против 6,1%);

9. *Возрастные различия в поиске поддержки/помощи и психосоциальных рисках*: старшие подростки предпринимают активные попытки получить поддержку и помощь, сообщая о своих проблемах и опасениях окружающим их людям и значительно реже — родителям (53,1% против 41,3%). Младшие подростки более охотно рассказывали о проблемах родителям (73,9% против 58,3%), что указывает на значимость сохранения близости семейных связей в младшем подростковом возрасте.

Обсуждение

Проблема традиционного буллинга и кибербуллинга у подростков характерна практически для всех стран мира, независимо от их экономического и социально-политического развития. Распространенность буллинга в различных странах вариабельна: в Японии — 16,1%, Греции — 16,2%, Норвегии — 19,8%, Индии — 23,2%, Китае — 21,8%, Финляндии — 27,4%, Вьетнаме — 30,7%, Сингапуре — 28,8%, Израиле — 35,4%, Иране — 38,7%, Литве — 37,1% (Москаленко, 2025). Показатели распространенности только кибербуллинга составляет у подростков Японии — 1,0%, Индии — 2,2%, Греции — 2,7%, Вьетнама — 2,8%, Финляндии — 3,5%, Сингапура — 3,9%, Литвы — 4,6%, Китая — 5,6%, Израиля — 6,4%, Норвегии — 6,5%, Индонезии — 6,5% и Ирана — 9,3% (Ang, 2017; Aparicio-Martínez et al., 2020; и др.¹).

Настоящее исследование буллинга среди подростков Тувы выявило комплекс феноменов, требующих детального научного анализа в контексте существующей международной литературы. Полученные результаты демонстрируют существенные различия в распространенности, характере и последствиях буллинга между половыми и возрастными группами.

Согласно исследованию PISA-2018 по буллингу в российских школах, средняя распространенность виктимизации составляет 16%, что соответствует нашим данным по Туве. Вероятно, низкие показатели в Туве могут отражать особенности школьного климата или различия в социокультурном контексте региона (Avanesian et al., 2021).

В международной практике показатели кибербуллинга варьируют от 11% до 30% в зависимости от методологии исследования и популяции. Последние данные WHO/Europe (2024) по 44 странам показывают, что 15% подростков испытали кибербуллинг, при этом отмечается тревожный рост этого показателя с 12–13% в 2018 г. Относительно низкие показатели в Туве (11,6%) могут предположительно указывать на более ограниченный доступ к цифровым технологиям или иные факторы, требующие дополнительного исследования (Li et al., 2024).

Наиболее примечательным явился установленный нами факт наличия более низкого показателя одновременного участия подростков Тувы в обоих видах буллинга (5,4%). Метаанализ 2022 г.

¹ Шипанова Д. Е. Исследование кибербуллинга: разработка диагностического инструментария // Наука. Информатизация. Технологии. Образование : материалы XIV международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в образовании и науке НИТО 2021» 1–5 марта 2021 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2021. С. 587–593.

(Li et al., 2024) выявил, что примерно 6,76% подростков вовлечены в оба типа буллинга, что предполагает, что Тува может действительно иметь более благоприятную ситуацию с полиморбидным буллингом.

Вероятно, наиболее значимой находкой результатов исследования является выраженность гендерных различий вовлеченности в буллинг, при одновременно противоположной направленности его психоэмоциональных и психиатрических последствий. Тувинские мальчики демонстрируют значительно более высокую вовлеченность во все виды буллинга, что соответствует данным международной литературы. Согласно WHO/Europe (2024), 8% мальчиков и 5% девочек указали на то, что они травили других в школе; при этом 14% мальчиков и 9% девочек сообщили о кибербуллинге других. Анализ гендерных различий в буллинге по данным одного из исследований показал, что мальчики чаще вовлечены в прямую физическую агрессию, тогда как девочки испытывают больше воздействий вербального и реляционного буллинга (Useche et al., 2023; Avanesian et al., 2021).

Неоднозначный результат анализа данных исследования выявлен нами в отношении суицидального риска: девочки в Туве в 2,5 раза чаще мальчиков (11,3% и 4,4%) периодически всерьез размышляли о самоубийстве. Это явление согласуется с международными данными, демонстрирующими, что девочки-жертвы буллинга имеют более высокую уязвимость к депрессии и суицидальному поведению, чем мальчики с аналогичным опытом виктимизации. Метаанализ 2025 г. выявил, что девочки, подвергшиеся издевательствам (насмешки, body-shaming, вербальное насилие) демонстрируют на 22–89% более высокие риски депрессивных симптомов в зависимости от формы буллинга (Sun et al., 2025).

Исследование гендерных типов агрессоров в Туве показало, что мальчики чаще травили друг друга и подвергались травле со стороны группы сверстников, тогда как девочки сталкивались с более разнообразными типами агрессоров, включая взрослых мужчин. Это может объяснять различия в психологических последствиях: мальчики сталкиваются с более конкретными, часто физическими формами агрессии со стороны равных по возрасту, тогда как девочки испытывают более многообразные формы социального исключения и потенциально нежелательного внимания со стороны взрослых (особенно мужчин), что может быть связано с их более глубокой психической травматизацией.

Одним из значимых научных выводов нашего исследования является выявление большей вовлеченности обследованных Тувы в кибербуллинг, затрагивающей значительную часть тувинских подростков (11,6%). Международные исследования последних лет демонстрируют, что кибербуллинг является независимым фактором риска суицидального поведения, отличным от традиционного буллинга (Arnon et al., 2022).

Исследование ABCD Study (США, 2022) с участием более 10000 подростков 10–13 лет показало, что жертвы кибербуллинга в 4 раза чаще имели суицидальные мысли и совершали попытки суицидов. Важно, что это взаимоотношение сохранялось даже при контроле за традиционным оффлайн буллингом, что указывает на наиболее выраженное психопатологическое воздействие кибербуллинга. Метаанализ 2025 г. выявил, что жертвы кибербуллинга демонстрируют повышенную тревожность, депрессию, одиночество, низкую самооценку и суицидальное поведение во всех проведенных метаанализах (Arnon et al., 2022).

В контексте нашего исследования, 9,1% тувинских подростков имеют статус жертвы кибербуллинга, и это может объяснять отмеченный выше феномен повышенного суицидального риска у девочек, несмотря на их меньшую общую вовлеченность в буллинг. Возможно, что девочки, становясь жертвами, испытывают более тяжелые психологические последствия особенно при кибербуллинге, характеризующегося перманентностью, воспроизводимостью и потенциальной публичностью.

Выявленные нами возрастные различия виктимизации и агрессии имеют значительное теоретическое и практическое значение. Младшие подростки (12–14 лет) в Туве, в противоположность подросткам старшей возрастной группы (15–18 лет), чаще занимали двойственный статус жертвы-агрессора при кибербуллинге (10,0% против 3,6%) и более часто выполняли роль агрессора (12,5% против 6,1%). Литературные данные по возрастным траекториям буллинга показывают неоднозначные результаты: некоторые исследования выявляют нисходящий тренд виктимизации с возрастом, особенно среди мальчиков, тогда как траектория у девочек часто показывает повышающийся тренд (López-Castro et al., 2023).

Интерпретация этих данных может быть связана с развитием социального и эмоционального функционирования подростков. Младшие подростки находятся в периоде критического перехода от детства к подростковому периоду, характеризующемуся незрелостью эмоциональной регуляции и импульсивностью. Исследования показывают, что стратегии когнитивной переоценки и эмоциональной регуляции развиваются в течение подросткового возраста и напрямую связаны со снижением агрессивного поведения. Младшие подростки могут демонстрировать более импульсивное, неосознанное участие в кибербуллинге, не полностью понимая последствия, что согласуется с более высокой частотой их двойственной социальной роли в процессе буллинга (Gutiérrez-Cobo et al., 2023).

Важно отметить, что младшие подростки в Туве значительно чаще рассказывали о своих проблемах родителям (73,9% против 58,3% у старших), что указывает на сохранение важности семейной привязанности и поддержки в младшем подростковом возрасте. Это согласуется с теоретическими моделями развития, предполагающими, что семья остается ключевым источником поддержки в младшем подростковом возрасте, тогда как у старших подростков социальное окружение становится более значимым (Ge, 2025).

Поиск помощи как защитный фактор и его ограничения. Травля среди подростков является серьезной проблемой общественного здравоохранения, имеющей глубокие психологические и поведенческие последствия. Исследования показывают, что help-seeking поведение является одним из наиболее эффективных механизмов воздействия/влияния при буллинге, особенно когда оно направлено на семью и учителей (Sitnik-Warchulska et al., 2021; Matuschka et al., 2022). Показано, что индивидуальные психологические ресурсы играют решающую роль в формировании реакции подростков на травлю, в то же время одной лишь социальной поддержки может быть недостаточно для снижения риска суицидальных наклонностей (Ge, 2025).

Установленный нами факт того, что тувинские девочки чаще мальчиков предпринимали попытки получить поддержку и помощь, может быть интерпретирован в контексте защитных факторов. Однако следует отметить и значимое ограничение: несмотря на то, что девочки чаще пытались получить помощь, при этом они демонстрировали более высокий суицидальный риск. Это предполагает, что help-seeking поведение, хотя и протективное, может быть недостаточным без необходимого качества ответной реакции и высоко профессиональной поддержки. Недавнее исследование (2025) показало, что, хотя самооценка, эмоциональная стабильность осуществляют/обеспечивают связь между буллингом и помощью-seeking, они имеют ограниченный защитный эффект на суицидальность. Это указывает на необходимость многоуровневых вмешательств, включающих не только семью и сверстников, но и профессиональные психиатрические и психологические виды помощи (Ge, 2025).

Выявленные гендерные различия в формах издевательств имеют теоретическое значение для понимания социализации агрессии. Мальчики испытывают более прямые, физически ориентированные формы агрессии (толкание, удары, угрозы), тогда как девочки сталкиваются с социальным исключением и игнорированием, особенно при кибербуллинге.

Согласно исследованию гендерных различий в буллинге, мальчики, подвергавшиеся физическому буллингу, демонстрируют более высокие показатели депрессии, чем мальчики, не испытывающие воздействий травли, тогда как девочки, испытывающие кибербуллинг, демонстрируют более высокие риски депрессии. Это предполагает, что формы буллинга по-разному воздействуют на подростков различного пола. Социальное исключение и реляционная агрессия, часто опосредованные цифровыми технологиями для девочек, могут быть психологически более разрушительными, поскольку атакуют социальную идентичность и чувство принадлежности — критические компоненты самооценки подростков (Sun et al., 2025).

Исследование PISA-2018 буллинга в русскоязычных школах выявило, что буллинг ассоциирован с особенностями школьного климата и часто встречается в школах с низкими показателями дисциплины и чувства принадлежности. Последние исследования по оценке эффективности профилактических мероприятий демонстрируют, что комплексные программы по профилактике буллинга, включающие социально-эмоциональное обучение (SEL) и создание позитивного школьного кли-

мата, эффективны в снижении буллинга и улучшении психоэмоционального состояния и психического здоровья (Fraguas et al., 2021; Avanesian et al., 2021; и др.¹).

Решающую роль в механизмах агрессии играет эмоциональная регуляция. Исследование (2023) показало, что использование когнитивной переоценки ассоциировано с более низкими уровнями агрессии, тогда как экспрессивное подавление эмоций связано с более высокими уровнями как агрессии, так и негативного аффекта. Это предполагает, что вмешательства, направленные на обучение адаптивным стратегиям эмоциональной регуляции, могут быть эффективны для уменьшения буллинга, особенно среди мальчиков, демонстрирующих более высокие уровни агрессии (Gutiérrez-Cobo et al., 2023).

Результаты проведенного исследования и данные других авторов позволяют представить ряд рекомендаций. В частности, для профилактики буллинга необходимо внедрение комплексных школьных программ по профилактике буллинга, включающих SEL, создание позитивного школьного климата и обучение педагогов распознаванию признаков виктимизации (Fraguas et al., 2021; Lin, Shih, 2024); для мальчиков обоснован фокус на развитии эмоциональной регуляции и конструктивных способах разрешения конфликтов, обучение эмпатии (Gutiérrez-Cobo et al., 2023); для девочек необходимо повышенное внимание к их психоэмоциональному статусу, профилактика суицидального поведения, особенно в контексте кибербуллинга (Arnon et al., 2022; Sun et al., 2025); для младших подростков важна цифровая грамотность, укрепление семейных связей как защитного фактора (Ge, 2025); многоуровневый подход, включающий интеграцию школьных программ, семейной поддержки и профессиональных психологических и психиатрических технологий, с признанием ограниченности исключительно поддержки сверстников (peer support) при высоком суицидальном риске (Hästbacka et al., 2025; Ge, 2025; Estévez-García, Cañas, Estévez, 2023).

Заключение

Исследование буллинга и кибербуллинга среди подростков Тувы, проводилось нами в рамках широкомасштабного онлайн-скрининга подростковых популяций 3-х регионов Сибири (Красноярский край, Хакасия, Тува) как комплексное изучение проблемы буллинга в образовательной среде и за ее пределами, включая виртуальное пространство. Исследование выявило существенные гендерные и возрастные различия в распространенности и характере травли тувинских подростков, при этом для Тувы в целом характерна более благоприятная эпидемиологическая ситуация относительно буллинга.

Исследование успешно решило все задачи, запланированные для тувинской популяции, обеспечив детальное понимание феномена буллинга с учетом социально-демографических факторов. Масштабная выборка позволила провести многоуровневый анализ, включая распространенность буллинга (традиционного и кибербуллинга), социальные роли участников (жертва, агрессор, жертва-агрессор), типы и способы издевательств, характеристики агрессоров, частоту эпизодов травли, поведение жертв в поиске помощи и риск суицидального поведения.

Полученные данные позволяют позиционировать Туву как регион с относительно контролируемой ситуацией в области традиционного/школьного буллинга и кибербуллинга среди тувинских подростков. Распространенность традиционного буллинга (13,1%), кибербуллинга (11,6%), достаточно низкий уровень одновременного участия подростков в обоих видах буллинга (5,4%) отражает более благоприятные условия в образовательной среде и социальной микросреде тувинских подростков. Однако это не исключает наличие серьезных проблем, требующих целенаправленного внимания, особенно в отношении девочек как группы повышенного психиатрического риска и мальчиков как группы повышенной вовлеченности в процессы травли.

Одним из самых значимых выявленных феноменов являются выраженные гендерные различия, включающие значительно более высокую вовлеченность мальчиков во все виды буллинга в сравнении с девочками. Это касается как традиционного буллинга в школьной среде, так и кибербуллинга.

¹ Дегтярев Е. А. Стратегия профилактики буллинга и кибербуллинга образовательной организации в подростковой среде // Мир науки, культуры, образования. 2021. Т. 89. № 4. С. 121–123. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-121-123>

Мальчики характеризуются более высокой частотой эпизодов травли как в роли жертвы, так и агрессора, что указывает на более конфликтогенный характер межличностных отношений среди мальчиков-подростков в Туве.

Качественные различия в формах издевательств также носят гендерный характер: если мальчики испытывают более прямые, физически ориентированные формы агрессии (толкание, удары, угрозы физической расправы), то девочки сталкиваются с социальным исключением и игнорированием. Это соответствует известным закономерностям гендерной социализации, где мальчики демонстрируют более открытую, экстернализованную агрессию, а девочки — скрытые, внутренние формы агрессии.

Наиболее тревожный показатель касается девочек: они в 2,5 раза чаще мальчиков (11,3% против 4,4%) всерьез размышляли о самоубийстве. Это свидетельствует о том, что, несмотря на меньшую вовлеченность девочек в буллинг, переживаемый ими буллинг имеет более глубокие психопатологические последствия. Кажущееся парадоксальным сочетание меньшей вовлеченности в буллинг с более высокими суицидальными мыслями подчеркивает особую виктимизирующую силу социального исключения и изоляции для девочек-подростков.

Выявленные возрастные различия указывают на особую уязвимость младших подростков (12-14 лет) в контексте кибербуллинга, где они чаще занимают двойственную роль жертвы-агрессора (10,0% против 3,6% у старших подростков) и более часто выполняют роль агрессора (12,5% против 6,1%). Одновременно младшие подростки демонстрируют более высокую частоту обращения за помощью и поддержкой к семье (73,9% из них рассказывают родителям о проблемах и страхах), что отражает сохранение важности семейных связей в этом возрасте. Напротив, старшие подростки демонстрируют более развитые навыки поиска социальной поддержки в целом (53,1% против 41,3%), но преимущественно в более расширенных социальных контактах, а не только в семье.

Важное значение имеет выявление того факта, что при отсутствии средних и высоких уровней суицидального риска среди тувинских подростков, наличие суицидальных мыслей все же регистрируется (хотя и на более низком уровне), особенно у девочек. Это требует рассмотрения буллинга не только как социального явления, но и как серьезного фактора риска нарушений психического здоровья, потенциально способного привести к аутодеструктивному и суицидальному поведению.

Настоящее исследование демонстрирует безусловную ценность с точки зрения примененного авторами методологического подхода, позволяющего выявлять не только универсальные, но и характерные для Тувы, закономерности в феномене буллинга. Детальный анализ социальных ролей, типов агрессоров, форм издевательств и поведения жертв в поиске помощи создает информационную основу для разработки таргетированных профилактических и терапевтических программ. Результаты исследования создают информационную базу для разработки и реализации региональной политики по профилактике буллинга и защите психологического и психического здоровья подростков, с учетом специфических гендерных и возрастных факторов риска в тувинской подростковой популяции.

Представленная работа имеет особую научную значимость благодаря дифференцированному решению всех запланированных на выборке тувинских подростков задач с анализом частоты, видов, способов и проявлений буллинга в зависимости от пола и возраста, включая кратность эпизодов травли и характеристики агрессоров.

В целом, ситуация с буллингом у подростков Тувы характеризуется более благоприятным профилем, однако требует дифференцированного внимания к мальчикам, как группе повышенного риска по вовлеченности в оба вида буллинга, а также к девочкам, как уязвимой группе по суицидальным рискам. Наиболее высокий риск полиморбидного буллинга наблюдается в младшей возрастной группе, что требует проведения ранних профилактических мероприятий на уровне образовательных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Капиренкова, О. Н., Пискажева, (2020) Буллинг в современной образовательной среде // Психология когнитивных процессов. № 9. С. 177–184.
- Москаленко, О. Л. (2025) Буллинг и кибербуллинг у детей и подростков: признаки, виды, формы, профилактика (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. Т. 59. № 2. С. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-974>
- Семенова, Н. Б. (2023) Буллинг и кибербуллинг в подростковой среде: распространённость, методы запугивания, ролевое поведение участников // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 67. № 4. С. 313–319. DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-313-319>
- Реан, А. А., Новикова, М. А. (2019) Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространённость и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. № 1 (97). С. 165–177.
- Рогатень, О. Ю. (2019) Процесс виктимизации как социально-психологическое явление // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. № 1. С. 110–116.
- Abregú-Crespo, R., Garriz-Luis, A., Ayora, M., Martín-Martínez, N., Cavone, V., Carrasco, M. Á., Fraguas, D., Martín-Babarro, J., Arango, C., & Díaz-Caneja, C. M. (2024) School bullying in children and adolescents with neurodevelopmental and psychiatric conditions: a systematic review and meta-analysis // The Lancet. Child & adolescent health. Vol. 8. № 2. P. 122–134. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(23\)00289-4](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(23)00289-4)
- Ang, C. S. (2017) Internet habit strength and online communication: Exploring gender differences // Computers in Human Behavior. Vol. 66. P. 1–16.
- Aparicio-Martínez, P., Ruiz-Rubio, M., Perea-Moreno, A. J., Martínez-Jiménez, M. P., Pagliari, C., Redel-Macías, M. D., Vaquero-Abellán, M. (2020) Gender differences in the addiction to social networks in the Southern Spanish university students // Telematics and Informatics. Vol. 46. Article 101304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101304>
- Armitage, R. (2021) Bullying in children: impact on child health // BMJ Paediatrics Open. Vol. 5. Issue 1. Article e000939. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjpo-2020-000939>
- Annon, S., Klomek, A. B., Visoki, E., Moore, T. M., Argabright, S. T., DiDomenico, G. E., Benton, T. D., Barzilay, R. (2022) Association of Cyberbullying Experiences and Perpetration With Suicidality in Early Adolescence // JAMA Network Open. Vol. 5. № 6. Article e2218746. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.18746>
- Avanesian, G., Dikaya, L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V and Abkadyrova, I. (2021) Bullying in the Russian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization // Frontiers in Psychology. Vol. 12. Article 644653. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.644653>
- Azevedo, Da Silva M., Gonzalez, J. C., Person, G. L., Martins, S. S. (2020) Bidirectional association between bullying perpetration and internalizing problems among youth // Journal of Adolescent Health. Vol. 66. № 3. P. 315–322. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2019.09.022>
- Brailovskaia, J., Teismann, T., Margraf, J. (2018) Cyberbullying, positive mental health and suicide ideation/behavior // Psychiatry Research. Vol. 267. P. 240–242. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.05.074>
- Chiu, H., Vargo, E. J. (2022) Bullying and other risk factors related to adolescent suicidal behaviours in the Philippines: a look into the 2011 GSHS Survey // BMC Psychiatry. Vol. 22. Article 445. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04085-w>
- Chudal, R., Tiiri, E., Brunstein Klomek, A., Ong, S. H., Fossum, S., Kaneko, H., Kolaitis, G., Lesinskiene, S., Li, L., Huong, M. N., Praharaj, S. K., Sillanmäki, L., Slobodskaya, H. R., Srabstein, J. C., Wiguna, T., Zamani, Z., Sourander, A., Eurasian Child Mental Health Study (EACMHS) Group (2022) Victimization by traditional bullying and cyberbullying and the combination of these among adolescents in 13 European and Asian countries // European child & Adolescent Psychiatry. Vol. 31. № 9. P. 1391–1404. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01779-6>
- Cuesta, I., Montesó-Curto, P., Metzler Sawin, E., Jiménez-Herrera, M., Puig-Llobet, M., Seabra, P., Toussaint, L. (2021) Risk factors for teen suicide and bullying: An international integrative review // International journal of nursing practice. Vol. 27. № 3. Article e12930. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijn.12930>
- Estévez-García, J. F., Cañas, E., Estévez, E. (2023) Non-Disclosure and Suicidal Ideation in Adolescent Victims of Bullying: An Analysis from the Family and School Context // Psychosocial Intervention. Vol. 32. № 3. P. 191–201. DOI: <https://doi.org/10.5093/pi2023a13>

Fraguas, D., Díaz-Caneja, C. M., Ayora, M., Durán-Cutilla, M., Abregú-Crespo, R., Ezquiaga-Bravo, I., Martín-Babarro, J., Arango, C. (2021) Assessment of School Anti-Bullying Interventions: A Meta-analysis of Randomized Clinical Trials // *JAMA Pediatrics*. Vol. 175. № 1. P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.3541>

Ge, X. (2025) Bullying victimization, suicidal behavior, and help-seeking in Chinese adolescents: a legal-psychological Study of resilience and responsibility // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Article 1625188. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1625188>

Gutiérrez-Cobo, M. J., Megías-Robles, A., Gómez-Leal, R., Cabello, R., Fernández-Berrocal, P. (2023) Emotion regulation strategies and aggression in youngsters: The mediating role of negative affect // *Heliyon*. Vol. 9. № 3. Article e14048. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14048>

Hästbacka, M., Klausen, S. H., Dahlqvist, H., Korzhina, Y., Sundqvist, A. J., Käcko, E., Nyman-Kurkiala, P., Strindberg, J., Hemberg, J. (2025) Causes of bullying among young people and protective mechanisms and preventative factors that promote mental health and well-being: young people's perspectives // *International journal of qualitative studies on health and well-being*. Vol. 20. № 1. Article 2524459. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2524459>

Jaskulska, S., Jankowiak, B., Pérez-Martínez, V., Pyżalski, J., Sanz-Barbero, B., Bowes, N., De Claire, K., Neves, S., Topa, J., Silva, E., Mocanu, V., Gena, D. C., Vives-Cases, C. (2022) Bullying and Cyberbullying Victimization and Associated Factors among Adolescents in Six European Countries // *Sustainability*. Vol. 14. Article 14063. DOI: <https://doi.org/10.3390/su142114063>

John, A., Glendenning, A. C., Marchant, A., Montgomery, P., Stewart, A., Wood, S., Lloyd, K., Hawton, K. (2018) Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 20. № 4. Article e129. DOI: <https://doi.org/10.2196/jmir.9044>

Kim, S., Kimber M., Boyle M. H., Georgiades K. (2019) Sex differences in the association between cyberbullying victimization and mental health, substance use, and suicidal ideation in adolescents // *The Canadian Journal of Psychiatry*. Vol. 64. № 2. P. 126–35. DOI: <https://doi.org/10.1177/0706743718777397>

Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N., Lattanner, M. R. (2014) Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // *Psychological Bulletin*. Vol. 140. № 4. P. 1073–1137. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035618>

Kwan, C., Wong, C., Chen, Z., Yip, P. S. F. (2022) Youth Bullying and Suicide: Risk and Protective Factor Profiles for Bullies, Victims, Bully-Victims and the Uninvolved // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. Article 2828. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19052828>

Kyriacou, C., Zuin, A. (2015) Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age // *Research Papers in Education*. Vol. 1522. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/02671522.2015.1037337>

Labella, M. H., Klein, N. D., Yeboah, G., Bailey, C., Doane, A. N., Kaminer, D., Bravo, A. J., Cross-Cultural Addictions Study Team (2024) Childhood bullying victimization, emotion regulation, rumination, distress tolerance, and depressive symptoms: A cross-national examination among young adults in seven countries // *Aggressive Behavior*. Vol. 50. № 1. Article e22111. DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.22111>

Li, C., Wang, P., Martin-Moratinos, M., Bella-Fernández, M., Blasco-Fontecilla, H. (2024) Traditional bullying and cyberbullying in the digital age and its associated mental health problems in children and adolescents: a meta-analysis // *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 33. № 9. P. 2895–2909. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-022-02128-x>

Lin, J. C., Shih, Y. H. (2024) Strategies for preventing school bullying-A life education perspective // *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. Article 1429215. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1429215>

López-Castro, L., Smith, P. K., Robinson, S., Görzig, A. (2023) Age differences in bullying victimisation and perpetration: Evidence from cross-cultural surveys // *Aggression and Violent Behavior*. Vol. 73. Article 101888. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2023.101888>

Maftai, A., Holman, A. C., Merlici, I. A. (2022) Using fake news as means of cyber-bullying: The link with compulsive internet use and online moral disengagement // *Computers in Human Behavior*. Vol. 127. Article 107032. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107032>

Matuschka, L., Scott, J. G., Campbell, M., Lawrence, D. M., Zubrick, S., Bartlett, J., Thomas, H. J. (2022) Correlates of Help-Seeking Behaviour in Adolescents Who Experience Bullying Victimization // *International Journal of Bullying Prevention*. Vol. 4. P. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42380-021-00090-x>

McLoughlin, A., Sadath, A., McMahon, E., Kavalidou, K., Malone, K. (2022) Associations between humiliation, shame, self-harm and suicidal behaviours among adolescents and young adults: A systematic review protocol // PLoS ONE. Vol. 17. № 11. Article e0278122. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278122>

Mitchell, K. J., Jones, L. M., Turner, H. A. (2021) Past year technology- involved peer harassment victimization and recent depressive symptoms and suicide ideation among a national sample of youth // Journal of Interpersonal Violence. Vol. 36. Issue 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260517748413>

Nguyen, T. H., Shah, G., Muzamil, M., Ikhile, O., Ayangunna, E., Kaur, R. (2023) Association of In-School and Electronic Bullying with Suicidality and Feelings of Hopelessness among Adolescents in the United States // Children. Vol. 10. № 4. Article 755. DOI: <https://doi.org/10.3390/children10040755>

Peprah, P., Asare, B. Y., Nyadanu, S. D., Asare-Doku, W., Adu, C., Peprah, J., Osafo, J., Kretchy, I. A., Gyasi, R. M. (2023) Bullying Victimization and Suicidal Behavior among adolescents in 28 Countries and Territories: A Moderated Mediation Model // The Journal of Adolescent Health. Vol. 73. Issue 1. P. 110–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2023.01.029>

Reer, F., Festl, R., Quandt, T. (2021) Investigating problematic social media and game use in a nationally representative sample of adolescents and younger adults // Behaviour & Information Technology. Vol. 40. № 8. P. 776–789. DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1724333>

Rees, D. I., Sabia, J. J., Kumpas, G. (2022) Anti-Bullying Laws and Suicidal Behaviors Among Teenagers // Journal of Policy Analysis and Management. Vol. 41. P. 787–823. DOI: <https://doi.org/10.1002/pam.22405>

Sainz, V., Martín-Moya, B. (2023) The importance of prevention programs to reduce bullying: A comparative study // Frontiers in Psychology. Vol. 13. Article 1066358. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1066358>

Sampasa-Kanyinga, H. (2017) Co-occurring cyberbullying and school bullying victimization and associations with mental health problems among Canadian middle and high school students // Violence and Victim. Vol. 32. № 4. P. 671–87. DOI: <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-16-00031>

Sampasa-Kanyinga, H., Lalande, K., Colman, I. (2018) Cyberbullying victimisation and internalising and externalising problems among adolescents: the moderating role of parent-child relationship and child's sex // Epidemiology and Psychiatric Sciences. Vol. 29. № 13. Article e8. DOI: <https://doi.org/10.1017/S2045796018000653>

Shoham, D. A., Wang, Z., Lindberg, S., Chu, H., Brubaker, L., Brady, S. S., Coyne-Beasley, T., Fitzgerald, C. M., Gahagan, S., Harlow, B. L., Joinson, C., Low, L. K., Markland, A. D., Newman, D. K., Smith, A. L., Stapleton, A., Sutcliffe, S., Berry, A. (2021) School Toileting Environment, Bullying, and Lower Urinary Tract Symptoms in a Population of Adolescent and Young Adult Girls: Preventing Lower Urinary Tract Symptoms Consortium Analysis of Avon Longitudinal Study of Parents and Children // Urology. Vol. 151. P. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urology.2020.06.060>

Sitnik-Warchulska, K., Wajda, Z., Wojciechowski, B., Izydorczyk, B. (2021) The Risk of Bullying and Probability of Help-Seeking Behaviors in School Children: A Bayesian Network Analysis // Frontiers in Psychiatry. Vol. 12. Article 640927. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.640927>

Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., Tippet, N. (2008) Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. Vol. 49. № 4. P. 376–385. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x>

Sourander, A., Koskela, M., Niemelä, S., Rihko, M., Ristkari, T. & Lindroos, J. (2012) Changes in adolescents mental health and use of alcohol and tobacco: a 10-year time-trend study of Finnish adolescents // European Child & Adolescent Psychiatry. Vol. 21. P. 665–671. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-012-0303-8>

Sun, W., Gu, F., Tan, B., Tang, S., Tang, K., Meng, J., Shen, Y., Gao, L., Li, J., Shan, S., Li, S., Xiao, W., Zhang, R., Song, P. (2025) Gender differences in the association between bullying victimization and depressive symptoms in Chinese children and adolescents // BMC Public Health. Vol. 25. Article 1944. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-025-23129-w>

Useche, S. A., Valle-Escolano, R., Valle, E., Colomer-Pérez, N. (2023) Gender differences in teenager bullying dynamics and predictors of peer-to-peer intimidation // Heliyon. Vol. 9. Issue 9. Article e20243. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20243>

Wang, J., Iannotti, R. J., Luk, J. W. (2012) Patterns of adolescent bullying behaviors: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber // Journal of School Psychology. Vol. 50. № 4. P. 521–534. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2012.03.004>

Williams, C., Griffin, K. W., Botvin, C. M., Sousa, S., Botvin, G. J. (2023) Effectiveness of Digital Health Tools to Prevent Bullying among Middle School Students // Adolescents. Vol. 3. № 1. P. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.3390/adolescents3010009>

Zaborskis, A., Ilionsky, G., Tesler, R., Heinz, A. (2019) The Association Between Cyberbullying, School Bullying, And Suicidality Among Adolescents // *Crisis*. Vol. 40. № 2. P. 100–104. DOI: <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000536>

Zhu, X., Griffiths, H., Eisner, M., Hepp, U., Ribeaud, D., Murray, A. L. (2022) Developmental associations between bullying victimization and suicidal ideation and direct self-injurious behavior in adolescence and emerging adulthood // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 63. P. 820–828. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.13529>

Дата поступления: 18.01.2026 г.

Дата принятия: 15.04.2026 г.

REFERENCES

Kapirenkova, O. N. and Piskazheva, (2020) Bullying in the modern educational environment. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov*, no. 9, pp. 177–184. (In Russ.)

Moskalenko, O. L. (2025) Bullying and cyberbullying in children and adolescents: signs, types, forms, prevention (literature review). *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, vol. 59, no. 2, pp. 30–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-974>

Semenova, N. B. (2023) Bullying and cyberbullying in the adolescent environment: prevalence, methods of intimidation, role behavior of participants. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii*, vol. 67, no. 4, pp. 313–319. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-313-319>

Rean, A. A. and Novikova, M. A. (2019) Bullying among high school students in the Russian Federation: prevalence and the impact of socioeconomic factors. *Mir psikhologii*, no. 1 (97), pp. 165–177. (In Russ.)

Rogaten', O. Yu. (2019) The process of victimization as a socio-psychological phenomenon. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, no. 1, pp. 110–116. (In Russ.)

Abregú-Crespo, R., Garriz-Luis, A., Ayora, M., Martín-Martínez, N., Cavone, V., Carrasco, M. Á., Fraguas, D., Martín-Babarro, J., Arango, C., and Díaz-Caneja, C. M. (2024) School bullying in children and adolescents with neurodevelopmental and psychiatric conditions: a systematic review and meta-analysis. *The Lancet. Child & adolescent health*, vol. 8, no. 2, pp. 122–134. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(23\)00289-4](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(23)00289-4)

Ang, C. S. (2017) Internet habit strength and online communication: Exploring gender differences. *Computers in Human Behavior*, vol. 66, pp. 1–16.

Aparicio-Martínez, P., Ruiz-Rubio, M., Perea-Moreno, A. J., Martínez-Jiménez, M. P., Pagliari, C., Redel-Macías, M. D. and Vaquero-Abellán, M. (2020) Gender differences in the addiction to social networks in the Southern Spanish university students. *Telematics and Informatics*, vol. 46, article 101304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101304>

Armitage, R. (2021) Bullying in children: impact on child health. *BMJ Paediatrics Open*, vol. 5, issue 1, article e000939. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjpo-2020-000939>

Arnon, S., Klomek, A. B., Visoki, E., Moore, T. M., Argabright, S. T., DiDomenico, G. E., Benton, T. D. and Barzilay, R. (2022) Association of Cyberbullying Experiences and Perpetration With Suicidality in Early Adolescence. *JAMA Network Open*, vol. 5, no. 6, article e2218746. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.18746>

Avanesian, G., Dikaya, L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V. and Abkadyrova, I. (2021) Bullying in the Russian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization. *Frontiers in Psychology*, vol. 12, article 644653. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.644653>

Azevedo, Da Silva M., Gonzalez, J. C., Person, G. L. and Martins, S. S. (2020) Bidirectional association between bullying perpetration and internalizing problems among youth. *Journal of Adolescent Health*, vol. 66, no. 3, pp. 315–322. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2019.09.022>

Brailovskaia, J., Teismann, T. and Margraf, J. (2018) Cyberbullying, positive mental health and suicide ideation/behavior. *Psychiatry Research*, vol. 267, pp. 240–242. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.05.074>

Chiu, H., Vargo, E. J. (2022) Bullying and other risk factors related to adolescent suicidal behaviours in the Philippines: a look into the 2011 GSHS Survey. *BMC Psychiatry*, vol. 22, article 445. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04085-w>

Chudal, R., Tiiri, E., Brunstein Klomek, A., Ong, S. H., Fossum, S., Kaneko, H., Kolaitis, G., Lesinskiene, S., Li, L., Huong, M. N., Praharaj, S. K., Sillanmäki, L., Slobodskaya, H. R., Srabstein, J. C., Wiguna, T., Zamani, Z., Sourander, A. and Eurasian Child Mental Health Study (EACMHS) Group (2022) Victimization by traditional bullying and cyberbullying

and the combination of these among adolescents in 13 European and Asian countries. *European child & Adolescent Psychiatry*, vol. 31, no. 9, pp. 1391–1404. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01779-6>

Cuesta, I., Montesó-Curto, P., Metzler Sawin, E., Jiménez-Herrera, M., Puig-Llobet, M., Seabra, P. and Toussaint, L. (2021) Risk factors for teen suicide and bullying: An international integrative review. *International journal of nursing practice*, vol. 27, no. 3, article e12930. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijn.12930>

Estévez-García, J. F., Cañas, E. and Estévez, E. (2023) Non-Disclosure and Suicidal Ideation in Adolescent Victims of Bullying: An Analysis from the Family and School Context. *Psychosocial Intervention*, vol. 32, no. 3, pp. 191–201. DOI: <https://doi.org/10.5093/pi2023a13>

Fraguas, D., Díaz-Caneja, C. M., Ayora, M., Durán-Cutilla, M., Abregú-Crespo, R., Ezquiaga-Bravo, I., Martín-Babarro, J. and Arango, C. (2021) Assessment of School Anti-Bullying Interventions: A Meta-analysis of Randomized Clinical Trials. *JAMA Pediatrics*, vol. 175, no. 1, pp. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.3541>

Ge, X. (2025) Bullying victimization, suicidal behavior, and help-seeking in Chinese adolescents: a legal-psychological Study of resilience and responsibility. *Frontiers in Psychology*, vol. 16, article 1625188. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1625188>

Gutiérrez-Cobo, M. J., Megías-Robles, A., Gómez-Leal, R., Cabello, R. and Fernández-Berrocal, P. (2023) Emotion regulation strategies and aggression in youngsters: The mediating role of negative affect. *Heliyon*, vol. 9, no. 3, article e14048. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14048>

Hästbacka, M., Klausen, S. H., Dahlqvist, H., Korzhina, Y., Sundqvist, A. J., Käcko, E., Nyman-Kurkiala, P., Strindberg, J. and Hemberg, J. (2025) Causes of bullying among young people and protective mechanisms and preventative factors that promote mental health and well-being: young people's perspectives. *International journal of qualitative studies on health and well-being*, vol. 20, no. 1, article 2524459. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2524459>

Jaskulska, S., Jankowiak, B., Pérez-Martínez, V., Pyżalski, J., Sanz-Barbero, B., Bowes, N., De Claire, K., Neves, S., Topa, J., Silva, E., Mocanu, V., Gena, D. C. and Vives-Cases, C. (2022) Bullying and Cyberbullying Victimization and Associated Factors among Adolescents in Six European Countries. *Sustainability*, vol. 14, article 14063. DOI: <https://doi.org/10.3390/su142114063>

John, A., Glendenning, A. C., Marchant, A., Montgomery, P., Stewart, A., Wood, S., Lloyd, K. and Hawton, K. (2018) Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 20, no. 4, article e129. DOI: <https://doi.org/10.2196/jmir.9044>

Kim, S., Kimber M., Boyle M. H. and Georgiades K. (2019) Sex differences in the association between cyberbullying victimization and mental health, substance use, and suicidal ideation in adolescents. *The Canadian Journal of Psychiatry*, vol. 64, no. 2, pp. 126–35. DOI: <https://doi.org/10.1177/0706743718777397>

Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N. and Lattanner, M. R. (2014) Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 4, pp. 1073–1137. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035618>

Kwan, C., Wong, C., Chen, Z. and Yip, P. S. F. (2022) Youth Bullying and Suicide: Risk and Protective Factor Profiles for Bullies, Victims, Bully-Victims and the Uninvolved. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, article 2828. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19052828>

Kyriacou, C. and Zuin, A. (2015) Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age. *Research Papers in Education*, vol. 1522, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/02671522.2015.1037337>

Labella, M. H., Klein, N. D., Yeboah, G., Bailey, C., Doane, A. N., Kaminer, D., Bravo, A. J. and Cross-Cultural Addictions Study Team (2024) Childhood bullying victimization, emotion regulation, rumination, distress tolerance, and depressive symptoms: A cross-national examination among young adults in seven countries. *Aggressive Behavior*, vol. 50, no. 1, article e22111. DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.22111>

Li, C., Wang, P., Martin-Moratinos, M., Bella-Fernández, M. and Blasco-Fontecilla, H. (2024) Traditional bullying and cyberbullying in the digital age and its associated mental health problems in children and adolescents: a meta-analysis. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 33, no. 9, pp. 2895–2909. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-022-02128-x>

Lin, J. C. and Shih, Y. H. (2024) Strategies for preventing school bullying-A life education perspective. *Frontiers in Psychology*, vol. 15, article 1429215. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1429215>

López-Castro, L., Smith, P. K., Robinson, S. and Görzig, A. (2023) Age differences in bullying victimisation and perpetration: Evidence from cross-cultural surveys. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 73, article 101888. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2023.101888>

Maftai, A., Holman, A. C. and Merlici, I. A. (2022) Using fake news as means of cyber-bullying: The link with compulsive internet use and online moral disengagement. *Computers in Human Behavior*, vol. 127, article 107032. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107032>

Matuschka, L., Scott, J. G., Campbell, M., Lawrence, D. M., Zubrick, S., Bartlett, J. and Thomas, H. J. (2022) Correlates of Help-Seeking Behaviour in Adolescents Who Experience Bullying Victimisation. *International Journal of Bullying Prevention*, vol. 4, pp. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42380-021-00090-x>

McLoughlin, A., Sadath, A., McMahon, E., Kavalidou, K. and Malone, K. (2022) Associations between humiliation, shame, self-harm and suicidal behaviours among adolescents and young adults: A systematic review protocol. *PLoS ONE*, vol. 17, no. 11, article e0278122. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278122>

Mitchell, K. J., Jones, L. M. and Turner, H. A. (2021) Past year technology- involved peer harassment victimization and recent depressive symptoms and suicide ideation among a national sample of youth. *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 36, issue 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260517748413>

Nguyen, T. H., Shah, G., Muzamil, M., Ikhile, O., Ayangunna, E. and Kaur, R. (2023) Association of In-School and Electronic Bullying with Suicidality and Feelings of Hopelessness among Adolescents in the United States. *Children*, vol. 10, no. 4, article 755. DOI: <https://doi.org/10.3390/children10040755>

Peprah, P., Asare, B. Y., Nyadanu, S. D., Asare-Doku, W., Adu, C., Peprah, J., Osafo, J., Kretchy, I. A. and Gyasi, R. M. (2023) Bullying Victimization and Suicidal Behavior among adolescents in 28 Countries and Territories: A Moderated Mediation Model. *The Journal of Adolescent Health*, vol. 73, issue 1, pp. 110–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2023.01.029>

Reer, F., Festl, R. and Quandt, T. (2021) Investigating problematic social media and game use in a nationally representative sample of adolescents and younger adults. *Behaviour & Information Technology*, vol. 40, no. 8, pp. 776–789. DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1724333>

Rees, D. I., Sabia, J. J. and Kumpas, G. (2022) Anti-Bullying Laws and Suicidal Behaviors Among Teenagers. *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 41, pp. 787–823. DOI: <https://doi.org/10.1002/pam.22405>

Sainz, V. and Martín-Moya, B. (2023) The importance of prevention programs to reduce bullying: A comparative study. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, article 1066358. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1066358>

Sampasa-Kanyinga, H. (2017) Co-occurring cyberbullying and school bullying victimization and associations with mental health problems among Canadian middle and high school students. *Violence and Victims*, vol. 32, no. 4, pp. 671–87. DOI: <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-16-00031>

Sampasa-Kanyinga, H., Lalande, K. and Colman, I. (2018) Cyberbullying victimisation and internalising and externalising problems among adolescents: the moderating role of parent-child relationship and child's sex. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, vol. 29, no. 13, article e8. DOI: <https://doi.org/10.1017/S2045796018000653>

Shoham, D. A., Wang, Z., Lindberg, S., Chu, H., Brubaker, L., Brady, S. S., Coyne-Beasley, T., Fitzgerald, C. M., Gahagan, S., Harlow, B. L., Joinson, C., Low, L. K., Markland, A. D., Newman, D. K., Smith, A. L., Stapleton, A., Sutcliffe, S. and Berry, A. (2021) School Toileting Environment, Bullying, and Lower Urinary Tract Symptoms in a Population of Adolescent and Young Adult Girls: Preventing Lower Urinary Tract Symptoms Consortium Analysis of Avon Longitudinal Study of Parents and Children. *Urology*, vol. 151, pp. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urology.2020.06.060>

Sitnik-Warchulska, K., Wajda, Z., Wojciechowski, B. and Izydorczyk, B. (2021) The Risk of Bullying and Probability of Help-Seeking Behaviors in School Children: A Bayesian Network Analysis. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 12, article 640927. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.640927>

Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S. and Tippett, N. (2008) Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 49, no. 4, pp. 376–385. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x>

Sourander, A., Koskelainen, M., Niemelä, S., Rihko, M., Ristkari, T. and Lindroos, J. (2012) Changes in adolescents mental health and use of alcohol and tobacco: a 10-year time-trend study of Finnish adolescents. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 21, pp. 665–671. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-012-0303-8>

Sun, W., Gu, F., Tan, B., Tang, S., Tang, K., Meng, J., Shen, Y., Gao, L., Li, J., Shan, S., Li, S., Xiao, W., Zhang, R. and Song, P. (2025) Gender differences in the association between bullying victimization and depressive symptoms in Chinese children and adolescents. *BMC Public Health*, vol. 25, article 1944. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-025-23129-w>

Useche, S. A., Valle-Escolano, R., Valle, E. and Colomer-Pérez, N. (2023) Gender differences in teenager bullying dynamics and predictors of peer-to-peer intimidation. *Heliyon*, vol. 9, issue 9, article e20243. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20243>

Wang, J., Iannotti, R. J. and Luk, J. W. (2012) Patterns of adolescent bullying behaviors: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber. *Journal of School Psychology*, vol. 50, no. 4, pp. 521–534. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2012.03.004>

Williams, C., Griffin, K. W., Botvin, C. M., Sousa, S. and Botvin, G. J. (2023) Effectiveness of Digital Health Tools to Prevent Bullying among Middle School Students. *Adolescents*, vol. 3, no. 1, pp. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.3390/adolescents3010009>

Zaborskis, A., Ilionsky, G., Tesler, R. and Heinz, A. (2019) The Association Between Cyberbullying, School Bullying, And Suicidality Among Adolescents. *Crisis*, vol. 40, no. 2, pp. 100–104. DOI: <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000536>

Zhu, X., Griffiths, H., Eisner, M., Hepp, U., Ribeaud, D. and Murray, A. L. (2022) Developmental associations between bullying victimization and suicidal ideation and direct self-injurious behavior in adolescence and emerging adulthood. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 63, pp. 820–828. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.13529>

Submission date: 18.01.2026.

Acceptance date: 15.04.2026.

Этнические особенности физического и психического развития детей, подростков и молодежи Республики Тыва (обзор литературы)

Ольга В. Смирнова, Елизавета С. Овчаренко, Эдуард В. Каспаров

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера —
обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН,
Российская Федерация

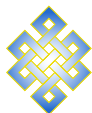

В статье представлен обзор научных исследований об этнических особенностях физического и психического развития детей, подростков и молодежи коренного населения Республики Тыва за последние 25 лет.

Анализ выявил выводы о ряде общепатологических черт формирования физического развития у представителей тувинского этноса. Рассмотрены данные об эпохальных изменениях антропометрических характеристик детей и подростков Республики Тыва. Отмечаются исследования этнических особенностей, проявляющихся уже с рождения и характеризующихся меньшими продольными размерами тела, превалированием дисгармоничного физического развития за счет избытка массы тела, значительным напряжением адаптационных механизмов по сравнению с русскими сверстниками. При этом в Республике Тыва фиксируется относительно благоприятная ситуация по показателям интеллектуального развития детей, подростков и молодежи по сравнению с другими регионами России, что связывается, в том числе, с масштабными мероприятиями по решению йододефицитных проблем на данной территории, на фоне сложной обстановки с суицидальным поведением среди детей и подростков.

Отмечена недостаточность и фрагментарность научных данных о состоянии физического и психического статуса представителей тувинской национальности, особенно в младшей возрастной группе. Подчеркивается необходимость комплексного подхода при исследовании показателей здоровья детей, подростков и молодежи Республики Тыва, и разработки дополнительных скрининговых и профилактических медицинских программ с учетом этнокультурных особенностей региона, адаптации мер социальной поддержки для повышения условий и качества жизни малочисленного населения России.

Ключевые слова: Республика Тыва; тувинцы; этническая особенность; ребенок; подросток; молодежь; физическое развитие; психическое развитие; здоровье; обзор

Для цитирования:

Смирнова О. В., Овчаренко Е. С., Каспаров Э. В. Этнические особенности физического и психического развития детей, подростков и молодежи Республики Тыва (обзор литературы) // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 146-165. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.10>

Смирнова Ольга Валентиновна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая лабораторией клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3Г. Эл. адрес: ovsmirnova71@mail.ru

Овчаренко Елизавета Сергеевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3Г. Эл. адрес: sci.work@mail.ru

Каспаров Эдуард Вильямович — доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3Г. Эл. адрес: clinic@impn.ru

Ethnic characteristics of physical and mental development of children, adolescents and youth in the Republic of Tuva (literature review)

Olga V. Smirnova, Elizaveta S. Ovcharenko, Eduard V. Kasparov

Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Science Center, SB RAS, Russian Federation

The article presents a review of scientific studies on the ethnic characteristics of the physical and mental development of children, adolescents and youth of the indigenous population of the Republic of Tuva over the past 25 years. The analysis revealed a number of general physiological features in the formation of physical development among representatives of the Tuvan ethnic group. Data on secular changes in the anthropometric characteristics of children and adolescents in the Republic of Tuva are considered. Studies are noted that describe ethnic features manifesting from birth, characterized by smaller longitudinal body dimensions, a predominance of disharmonious physical development due to excess body weight, and a markedly higher tension of adaptive mechanisms compared to Russian peers. At the same time, the Republic of Tuva shows a relatively favorable situation in terms of indicators of intellectual development of children, adolescents and youth compared to other regions of Russia, which is associated, among other factors, with large-scale measures to address iodine deficiency in this territory, against the background of a difficult situation with suicidal behavior among children and adolescents.

The review highlights the insufficiency and fragmentary nature of scientific data on the physical and mental status of representatives of the Tuvan nationality, especially in younger age groups. The need is emphasized for a comprehensive approach to studying health indicators in children, adolescents and youth of the Republic of Tuva and for developing additional screening and preventive medical programs that take into account the ethnocultural characteristics of the region, as well as for adapting social support measures to improve the living conditions and quality of life of this small-numbered population of Russia.

Keywords: Republic of Tuva; Tuvans; ethnic characteristic; child; adolescent; youth; physical development; mental development; health; review

For citation:

Smirnova O. V., Ovcharenko E. S. and Kasparov E. V. Ethnic characteristics of physical and mental development of children, adolescents and youth in the Republic of Tuva (literature review). *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 146-165. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.10>

SMIRNOVA, Olga Valentinovna, Doctor of Medical Sciences, Professor, Head, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Scientific Research Institute for Medical Problems of the North, FRC KSC SB RAS. Postal address: 3G Partisana Zeleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: ovsmirnova71@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3992-9207

OVCHARENKO, Elizaveta Sergeevna, Candidate of Biological Sciences, Senior Research, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Scientific Research Institute for Medical Problems of the North, FRC KSC SB RAS. Postal address: 3G Partisana Zeleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: sci.work@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6884-7871

KASPAROV, Edward Vilyamovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Director, Scientific Research Institute for Medical Problems of the North, FRC KSC SB RAS, Krasnoyarsk. Postal address: 3G Partisana Zeleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: clinic@imprn.ru

ORCID: 0000-0002-5988-1688

Введение

Детство и подростковый возраст — это два этапа жизни, которые характеризуются различными особенностями (физическими, психологическими и др.). Детство — отличается необычайно быстрыми темпами прогресса в физической, когнитивной, социальной и эмоциональной сферах. В этот период у детей доминирует интеллектуальная любознательность, стимулирующая их к исследованию и интерактивному взаимодействию с миром. С другой стороны, подростковый возраст представляет собой переходную фазу, для которой характерны значительные трансформации. Эти изменения, затрагивающие биологическую, когнитивную и психосоциальную области, нередко сопровождаются трудностями адаптации, такими как эмоциональная нестабильность, импульсивное поведение и обострение отношений в семье и коллективе сверстников (Konner, 2010; Gautam et al., 2023). Воздействие неблагоприятных факторов на подрастающее поколение может привести к аномалиям физического и психического развития, структурным нарушениям, функциональным дефицитам (Манчук и др., 2013; Barros et al., 2018). Несмотря на значительные усилия системы здравоохранения по профилактике и выявлению патологических отклонений, отмечается сохранение стойких негативных тенденций в состоянии здоровья подрастающего поколения (Разварина, Груздев, 2019; Кучма и др., 2021).

По данным Красноярскстата¹, в Республике Тыва наиболее распространенными патологическими состояниями в структуре детской заболеваемости в возрасте от 0–14 лет являются болезни органов дыхания (57984,5 случаев на 100 000 детей), травмы и отравления (6273,8 случаев на 100 000 детей), инфекционные и паразитарные заболевания (4656,2 случаев на 100 000 детей). Наибольший прирост за пять лет отмечен среди болезней глаза и его придаточного аппарата (+13%), болезней нервной системы (+6,65%). Среди тувинских подростков (15–17 лет) на 2022 год преобладают болезни органов дыхания (42980 случаев на 100 000 детей), болезни эндокринной системы, расстройства питания (11567,1 случаев на 100 000 детей). Значительный прирост за пять лет наблюдается среди болезней крови (+188%), костно-мышечной системы (+168%), глаза и его придаточного аппарата (+104%).

Структура заболеваний у детей и подростков во многом зависит от особенностей их физического развития. Физическое развитие характеризует динамический процесс изменения продольных и широтных размеров тела, развития органов, систем организма, биологического созревания, адаптационных возможностей ребенка (Кучма и др., 2021). Отклонение параметров физического статуса от должных величин является маркером развития патологических состояний, формирования или обострения хронических заболеваний (Овчаренко, Фефелова, 2014; Порецкова и др., 2018). Отмечается, что для оценки состояния физического развития детей и подростков предпочтительнее использование региональных нормативов². Адаптационные возможности организма во многом обуславливают эффективное функционирование и общее состояние здоровья индивида. Сердечно-сосудистая и вегетативная нервная системы наиболее восприимчивы к влиянию различных факторов внешней и внутренней среды и используются в качестве маркеров функциональных возможностей и адаптационных механизмов организма (Санчат, Гоголев, 2023). При оценке различных аспектов состояния здоровья крайне важно учитывать этнические, культурные и географические аспекты (Whitesell et al., 2022).

Изучение состояния здоровья детей и молодежи, в том числе с учетом этнического аспекта, представляет значительный интерес, особенно на фоне социально-экономических трансформаций, значительной цифровизации всех аспектов жизни общества, интенсификации влияния стрессовых факторов. Республика Тыва представляет собой уникальный регион для медико-биологических и антропологических исследований в силу своей географической изоляции, резко континентального климата, особенностей традиционного уклада жизни и этнической однородности населения, представленного преимущественно тувинцами. Изучение физического и психического компонента

¹ Статистический ежегодник Республики Тыва. 2023: Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. [Электронный ресурс] // Красноярскстат. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814> (дата обращения: 10.10.2025).

² Никитюк Д. Б., Попов В. И., Милушкина О. Ю. и др. Нормативы для оценки физического развития детей и подростков Российской Федерации: учебное пособие для врачей: часть 1. М.: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023.

здоровья, а также адаптационно-приспособительных механизмов у детей, подростков и молодежи Республики Тыва позволит не только оценить состояние здоровья конкретной когорты, но и проследить влияние процессов акселерации и секулярного тренда в специфических условиях, для повышения эффективности профилактических программ и терапевтических мероприятий с учетом этнических и региональных особенностей.

Цель исследования — проанализировать данные научной литературы с 2000 по 2025 гг. об этнических особенностях физического и психического развития детей, подростков и молодежи коренного населения Республики Тыва.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели нами был проведен обзор отечественной и зарубежной литературы по базам данных Научной электронной библиотеки, Киберленинки, PubMed, Springer, Wiley Journals. Для поиска использовались ключевые слова: «Республика Тыва» — «Republic of Tyva», «дети» — «children», «тувинцы» — «Tuvans», «подростки» — «adolescent», «молодежь» — «youth», «физическое развитие» — «physical development», «психическое здоровье» — «mental health», «вегетативная нервная система» — «autonomic nervous system», «умственная отсталость» — «mental retardation», «адаптация» — «adaptation», «функциональные возможности» — «functional capabilities».

В исследование были включены публикации не старше 2000 г., в которых объектом исследования являлись дети коренного населения Республики Тыва от 0 до 17 лет и молодежь от 18 до 22 лет, проводился анализ физического развития, психического статуса, состояния сердечно-сосудистой и вегетативной нервной систем. Рассматривались только рецензируемые научные труды: статьи и монографии. Материалы конференций, тезисы, диссертации не были включены в исследование.

Общая характеристика анализируемых по теме исследования публикаций

Всего были отобраны 32 публикации, соответствующих цели и задачам нашего исследования. Можно отметить временную неравномерность публикуемых работ. Наибольшее число статей приходится на 2007–2008 гг., 2012 г., 2017 г. и 2020–2021 гг. В двух публикациях проведено ретроспективное сравнение собственных результатов с более ранними данными (Красильникова, Будук-оол, Айзман, 2005; Грицинская, 2012).

Отобранные нами исследования охватывают возрастной диапазон от 0 до 22 лет. Количество статей по возрастным группам имеет неравномерное распределение: наибольшее количество публикаций по подростковому (12–17 лет, 31%) и юношескому (17–22, 28%) возрастам, наименьшее — в возрастной группе новорожденных (3,2%) (рис. 1). Также достаточное количество исследований (19%), охватывающих разновозрастной контингент (детей второго детства (8–12 лет) и подросткового возраста).

Рис. 1. Распределение публикаций по возрастным группам обследованных
Fig. 1. Distribution of publications by age groups of the surveyed

В то же время в доступной литературе нами не найдено публикаций по исследованию детей раннего детства (1–3 года) Республики Тыва за последние 25 лет.

Большинство публикаций, касающихся исследования физического и психического здоровья, а также адаптационных возможностей детей, подростков и молодежи Республики Тыва выполнены сотрудниками Тувинского государственного университета, НИИ медико-социальных проблем Республики Тыва, Перинатального центра Республики Тыва (рис. 2). Также стоит отметить научные работы исследователей из других регионов, в том числе Санкт-Петербургского государственного педиатрического меди-

Рис. 2. Участие научных и образовательных центров в публикациях результатов исследований по тематике
Fig. 2. Participation of scientific and educational centers in the publication of research results on the subject

цинского университета, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Института возрастной физиологии (г. Москва), Новосибирского государственного педагогического университета. Значительный вклад в изучаемую нами тему внесли сотрудники Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН (г. Красноярск), которые с 1990-х гг. и по настоящее время проводят исследования различных аспектов состояния здоровья коренного населения Республики Тыва, опубликовав значительное число научных трудов, в том числе монографий и диссертационных работ (рис. 2).

Единичные работы (не представленные на диаграмме) опубликованы авторами из Тувинской республиканской психиатрической больницы, Министерства здравоохранения Республики Тыва, Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского (г. Москва), Национального медицинского исследовательского центра эндокринологии (г. Москва). В целом, мы видим, что исследованием различных аспектов состояния здоровья подрастающего поколения Тувы занимаются как федеральные, так и региональные научные и образовательные центры.

Стоит отметить также значительный объем выборок, по которым изучалось состояние физического, психического развития и адаптационные возможности представителей коренного населения Тувы в представленных работах. Многие из представленных исследований охватывают в общем более 1500 испытуемых (разных этнических групп) и более 1000 представителей тувинского этноса, что свидетельствует о высокой репрезентативности, валидности и надежности результатов исследования, поскольку достаточный объем выборки позволяет минимизировать случайные ошибки, повысить точность оценок и обосновать экстраполяцию полученных результатов за пределы исследуемой группы.

Исследования физического развития

Физическое развитие подрастающего поколения является интегральным показателем здоровья нации и чутко реагирует на комплекс социально-экономических, экологических, климатогеографических и генетических факторов.

В. Л. Грицинская в результате сравнительного анализа морфометрических показателей новорожденных Республики Тыва, рожденных в период с 1978 по 2009 гг., отмечает тенденцию к снижению длины тела при рождении тувинских детей, что свидетельствует о замедлении процессов формирования физического компонента уже во внутриутробном периоде. Кроме того, зафиксирована

значительная доля детей с внутриутробной гипотрофией, преимущественно среди девочек (Грицинская, 2012).

Интересные данные представлены в работе В. Л. Грицинской, Н. О. Санчат о влиянии типа вскармливания на показатели физического развития. Так в возрасте 1 года гармоничное физическое развитие чаще фиксируется у детей, получавших грудное вскармливание от 6 месяцев и дольше. Риск развития дефицита массы тела увеличивается при переходе на искусственное вскармливание в возрасте менее 3 месяцев, тогда как избыток массы тела чаще встречается у детей, находившихся на грудном вскармливании дольше 12 месяцев. При этом данная тенденция сохраняется вплоть до периода второго детства (до 8 лет). Кроме того, отмечено, что тувинские дети дольше находятся на грудном вскармливании по сравнению с пришлым русским населением (Грицинская, Санчат, 2021).

При анализе показателей физического развития тувинских детей первого детства (4–7 лет) выявлен значительный процент дисгармоничного развития, преимущественно за счет избытка массы тела (у русских — за счет дефицита массы тела). Кроме того, выявлено, что среднее физическое развитие (соответствие длины тела возрастным нормативам) фиксируется у мальчиков тувинцев статистически чаще, а показатели выше среднего развития в группе тувинских дошкольников встречаются статистически значимо реже по сравнению с русскими мальчиками. Однако в целом тувинские дошкольники имеют более пропорциональное физическое развитие по сравнению с русскими детьми (по данным индекса Кетле² и индекса стенин) (Грицинская и др., 2013; Санчат, Омзар, 2022).

В. А. Красильникова, Л. К. Будук-оол, Р. И. Айзман при исследовании физического статуса детей второго детства (8–12 лет) отметили, что тувинские дети отличаются от русских сверстников статистически значимо меньшими показателями длины и массы тела, окружности грудной клетки. При этом нормальный вес чаще регистрируется у русских школьников, а высокий и низкий — у тувинских. Также тувинские дети характеризуются меньшими годовыми приростами основных антропометрических показателей, что по мнению авторов, характеризует своеобразие физического развития в тувинской популяции. При сравнении динамики физических показателей (с 1969 по 2004 гг.) авторы отмечают нарастание основных габаритных параметров у тувинских школьников, что подтверждает процессы акселерации в данной этнической группе (Красильникова, Будук-оол, Айзман, 2008).

В. Л. Грицинская, С. С. Сенди провели анализ пропорциональности параметров физического развития и выявили, что у тувинских детей статистически чаще регистрируется гармоничный вариант физического развития. Среди дисгармоничных вариантов в группе детей 8–12 лет превалирует избыток массы тела (Грицинская, Сенди, 2012).

Физическое развитие тувинских детей подросткового возраста (12–16 лет) характеризуется преимущественно гармоничным развитием, но в отличие от младших школьников среди дисгармоничных вариантов преобладает дефицит массы тела (Грицинская, Сенди, 2012; Санчат, Гоголев, 2023; и др.¹). При этом как показал сравнительный анализ Е. М. Аг-оол, антропометрические параметры подростков Республики Тыва значительно снижены по сравнению с русскими подростками, проживающими на той же территории (Аг-оол, 2007а). Вместе с тем, по данным Н. О. Санчат, Т. М. Курганской, В. Л. Грицинской, показатели длины тела тувинских детей в большинстве случаев соответствует возрастным нормативам (Санчат, Курганская, Грицинская, 2024).

В одной из публикаций Е. М. Аг-оол представлены интересные данные о разнородности показателей физического развития подростков тувинской национальности, проживающих в разных регионах Республики Тыва. Отмечается, что тувинцы-тоджинцы (северо-восточная группа) и тувинцы Монгун-Тайги (юго-западная группа) характеризуются меньшими показателями длины и массы тела по сравнению с представителями других территориальных групп Тувы. Выявленные особенности связываются авторами с резко отличающимися климатическими условиями и социально-экономической обстановкой (в частности различный уровень дохода, доступность и качество питания и медицинского обслуживания) в различных районах Республики Тыва (Аг-оол, 2007а).

¹ Хомушку А. А., Доржу, У. В. Оценка физического развития учащихся эрзинской средней школы республики Тыва [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 5. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20291> (дата обращения: 19.11.2025).

Тувинские юноши и девушки (16–21 лет), как и представители более ранних возрастных групп, отстают по показателям длины тела, массы тела, окружности грудной клетки, обхвата бедер, скелетно-мышечной и активной клеточной массы на фоне преобладания показателей центрального ожирения по сравнению с русскими сверстниками, проживающими как в Республики Тыва, так и в других регионах России (Будук-оол, 2011; Пермьякова и др., 2022). Л. К. Будук-оол в своем исследовании отмечает, что морфометрические показатели тувинских студентов характеризуются значительными приростами в период обучения, что может быть связано с отставанием процессов онтогенетического созревания организма по сравнению с русскими сверстниками (Будук-оол, 2011). Анализ пропорциональности антропометрических характеристик в юношеском возрасте, проведенный Л. К. Будук-оол, А. М. Ховалыг, С. К. Сарыг, выявил у тувинцев преобладание гармоничного физического развития, а дисгармоничность проявляется преимущественно «широкогрудостью», что связывается авторами с особенностями адаптации представителей тувинской национальности к экстремальным климатическим условиям¹. А. Ф. Харрасов и С. К. Сарыг исследовали конституциональные особенности тувинских студентов, проживающих в разных климатогеографических районах Тувы. В высокогорных регионах, а также районах с экстремальными климатическими параметрами они отметили высокий процент гиперстенического типа конституции, тогда как в низкогорных регионах выявлено преобладание астенической конституции над гиперстенической (Харрасов, Сарыг, 2021).

Помимо этнических особенностей рядом авторов проведено сравнение параметров физического развития у тувинских детей в разных возрастных группах, проживающих на территориях с разной урбанистической нагрузкой. Различия по антропометрическим показателям между городскими и сельскими тувинскими детьми выявлены во всех возрастных диапазонах, с преобладанием тотальных размеров тела у городского населения (Красильникова, Будук-оол, Айзман, 2005, 2008; Аг-оол, 2007b; Бацевич, Машина, Пермьякова, 2020; Бацевич и др., 2020). В исследовании В. А. Красильниковой и Р. И. Айзмана отмечается, что как городские, так и сельские тувинцы преимущественно характеризуются нормостеническим типом конституции, с небольшим преобладанием среди сельчан. Астенический тип телосложения чаще выявлялся среди городских девушек и сельских юношей, тогда как гиперстенический тип конституции преобладал в группе сельских девушек и городских юношей². По данным Е. М. Аг-оол различия по физическому развитию между городскими и сельскими подростками в Республике Тыва фиксировались как в 1950 г., так и в 2004 г. (Аг-оол, 2008).

Отдельные исследования затрагивают изучение эпохальных изменений физического статуса у представителей тувинской национальности. Так Е. М. Аг-оол, сравнивая показатели физического развития 15–17-летних подростков за 55 лет (с 1950 г. по 2004 г.), выявила, что для тувинской молодежи также характерны процессы акселерации, связанные с увеличением основных антропометрических показателей (там же). Также автор отмечает, что если в 1950 гг. тувинские подростки значительно отставали по длине тела от русских сверстников, проживающих на той же территории, то в 2004 г. их показатели практически сравнялись. Аналогичные результаты были получены в исследовании В. А. Бацевича и его коллег в отношении тувинских студентов (Бацевич и др., 2021). Сопоставив антропометрические данные, полученные в 2015–2019 гг. с аналогичными результатами 1976–1978 гг. авторы выявили, что современные тувинские студенты (17–25 лет) обладают большими значениями длины тела, массы тела, при неизменных поперечных размерах. Также они установили ускорение полового созревания, ранние сроки начала пубертатного периода, увеличение темпов биологического развития. Авторы обосновывают доминирующее влияние социально-экономических факторов по сравнению с климатогеографическими на процессы акселерации и секулярного тренда тувинского населения.

В целом, представленные выше результаты исследований морфометрических показателей тувинских детей и молодежи свидетельствуют о выраженных этнических особенностях: более низкие

¹ Будук-оол Л. К., Ховалыг, А. М., Сарыг, С. К. Морфофизические особенности организма студентов как показатель адаптации к условиям среды // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–6. С. 1197–1200.

² Красильникова В. А., Айзман Р. И. Морфофункциональные особенности студентов первого курса Тувинского государственного университета из городских и сельских районов // Информационный лист Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 178–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1705.12>

антропометрические параметры, проявляющиеся вне зависимости от возраста и урбанистической нагрузки в регионе проживания. При этом, по сравнению с русскими сверстниками, тувинские дети характеризуются более пропорциональным телосложением, что связано как с генетическими факторами, так и с адаптированностью тувинцев к проживанию на данной территории. Эпохальные изменения параметров физического развития тувинцев соответствуют мировым тенденциям, при сохранении этнических особенностей.

Изучение состояния сердечно-сосудистой системы и адапционных возможностей

Одним из важных свойств живой системы является способность приспособиться к изменяющимся условиям среды. Исследование адапционных возможностей организма, в частности функционального состояния вегетативной нервной и сердечно-сосудистой систем, является ключевым для оценки уровня здоровья и резервов индивида, а также позволяет объективно оценить адекватность реакций на воздействие стрессоров различной природы. Эти исследования составляют научную основу для разработки персонализированных подходов к повышению стрессоустойчивости и профилактике дезадаптации.

Анализ состояния сердечно-сосудистой системы у младших школьников (8–11 лет) ряда авторов выявил более высокие показатели частоты сердечных сокращений, систолического и минутного объема крови, артериального давления у представителей тувинской национальности, что характеризует более адекватные механизмы функционирования данной системы по сравнению с русскими школьниками. Тогда как степень напряжения регуляторных процессов (по данным адаптационного потенциала) выше у тувинских младших школьников на фоне доминирования симпатoadренальной регуляции (94%), что связывается авторами с несоответствием процесса обучения типу мышления и особенностям познавательной деятельности тувинских школьников (Красильникова, Будук-оол, Айзман, 2008; Грицинская, Санчат, Омзар, 2009).

Анализ функционального состояния и адапционных резервов у 12–16-летних тувинских школьников выявил доминирование симпатoadренальных влияний на регуляторные процессы организма (до 60%), что свидетельствует о напряжении адапционных механизмов (Грицинская, Санчат, Омзар, 2009; Санчат, Гоголев, 2023). Интерпретация индекса Руфье, представленная в работе Н. О. Санчат, А. В. Гоголева, свидетельствует о низких резервах функционального состояния сердечно-сосудистой системы примерно у половины обследованных школьников-тувинцев 12–16 лет. Также авторами установлено, что у представителей микросоматотипа статистически выше показатели стресс индекса и общего влияния симпатического тонуса по сравнению с другими вариантами физического развития, как у тувинских мальчиков, так и у девочек (Санчат, Гоголев, 2023).

В исследовании В. Л. Грицинской, Н. О. Санчат и О. С. Омзар продемонстрирована возрастная изменчивость состояния сердечно-сосудистой системы у тувинских детей и подростков: увеличение показателей систолического и диастолического давления от 7 лет к 18 годам, при снижении ЧСС с возрастом (Грицинская, Санчат, Омзар, 2009). Также отмечено, что половые различия по артериальному давлению и ЧСС фиксируются с 12-летнего возраста, что вероятно связано с началом полового созревания (у мальчиков фиксируется более высокие показатели систолического и диастолического давления, на фоне сниженных значений ЧСС).

Как показал сравнительный анализ Е. Ю. Пермяковой и ее коллег состояние гемодинамической системы не имеет значимых отличий у тувинских и русских студентов (проживающих г. Кызыл и в г. Москва соответственно). При этом отмечается более адекватная вегетативная регуляция функций организма у тувинской молодежи, что связывается авторами с особенностями формирования тувинской народности на занимаемой ими территории и лучшей адаптированности к климатогеографическим условиям (Пермякова и др., 2022). В то же время в работе Л. К. Будук-оол представлены данные о статистически сниженных показателях у тувинских студентов САД, ДАД, пульсового и гемодинамического давления, ЧСС на фоне высоких значений ударного и минутного объема крови по сравнению с русскими сверстниками, что свидетельствует о более высоких функциональных резервах и адапционных возможностях организма представителей тувинской национальности (Будук-оол, 2008).

Интересные данные представлены в работе В. А. Красильниковой и Р. И. Айзмана о влиянии факторов урбанизации на состояние сердечно-сосудистой системы выявлены только среди юношей-тувинцев¹. Так у лиц, проживающих в сельской местности достоверно ниже ЧСС и более высокие функциональные резервы сердца (по данным индекса Робинсона) и адаптационные возможности организма.

Таким образом, согласно исследованиям, дети и молодежь Республики Тыва преимущественно характеризуются более сбалансированным функционированием сердечно-сосудистой системы и механизмов вегетативной регуляции по сравнению с русскими сверстниками, что также можно рассматривать в качестве этнических особенностей тувинцев. При этом в возрасте 12–16 лет у тувинских подростков выявлено снижение функциональных резервов сердечно-сосудистой системы и напряжение адаптационных процессов, что может быть обусловлено сочетанием экзогенных неблагоприятных воздействий с эндогенными физиологическими изменениями гормонального статуса организма.

Исследования состояния психического здоровья

Анализ отчетов службы государственной статистики и Министерства здравоохранения Республики Тыва, представленный в монографии В. Л. Грицинской с соавторами, свидетельствует о стабильном уровне психических расстройств в структуре заболеваемости детей от 0 до 14 лет в период с 1997 по 2007 гг. (от 8,8 до 9,1 на 1000 детей соответственно). Хотя данный показатель среди подростков (15–17 лет) и выше, но имеет отрицательную динамику за указанный период (33,3 и 27,2 на 1000 детей соответственно). По данным авторов в целом уровень психических расстройств в Республике Тыва ниже аналогичного показателя по России (Грицинская, Санчат, Омзар, 2009: 33,34,36,37).

По данным правительства Республики Тыва², в период с 2014 по 2018 гг. в структуре первичной детской инвалидности наблюдается увеличение численности детей с психическими расстройствами в целом, и в том числе с умственной отсталостью с 0,3 до 1,9 на 10000 детей. А. С. А. Комбу в своем исследовании социально-демографических проблем в регионе отмечает, что низкие показатели психических расстройств в Республике Тыва относительно регионов Сибирского Федерального округа могут быть связаны с низким уровнем медицинской обеспеченности в регионе³. С другой стороны, по данным Е. А. Трошиной, в Республике Тыва была проведена масштабная работа по профилактике йододефицитных заболеваний. Отмечена оптимальная обеспеченность населения республики йодом и значимое снижение у школьников распространенности диффузного зоба с 96% до 7,7% (Трошина и др., 2021). Хотя в общей структуре заболеваемости болезни эндокринной системы у детей и подростков в период с 1997 по 2007 гг. имели самые большие приросты (+197% и +270% соответственно) и занимали в ранговой системе болезней стабильно 2–3 место за указанный период (Грицинская, Санчат, Омзар, 2009). По данным Н. Б. Семенов и В. Т. Манчука, при исследовании школьников Республики Тыва выявлены нарушения памяти, умственной работоспособности, интеллектуальных функций и зрительно-моторной координации у всех детей с йодной недостаточностью, при этом степень нарушения когнитивных функций прямо коррелировала с уровнем выраженности данного состояния (йодной недостаточности) (Семенова, Манчук, 2007).

Дефицит йода является одним из предотвратимых факторов развития интеллектуальных нарушений. По данным Г. Сьеры и его соавторов, тиреоидные гормоны обеспечивают развитие и созревание мозговых структур, а также нейропластичность мозга у взрослых (Schiera, Di Liegro C., Di Li-

¹ Красильникова В. А., Айзман Р. И. Морфофункциональные особенности студентов первого курса Тувинского государственного университета из городских и сельских районов // Информационный лист Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 178–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1705.12>

² Постановление правительства Республики Тыва от 14 июня 2019 года № 314 «Об утверждении региональной программы Республики Тыва «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям Республики Тыва, на 2019–2024 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700201906180002> (дата обращения: 27.05.2025).

³ Комбу А. С. А. Социально-демографические проблемы в республике Тыва // Энигма. 2021. № 30. С. 27–34.

egro I., 2021). В целом тиреоидные гормоны контролируют пролиферацию нейрональных и глиальных клеток, дифференцировку астроцитов, созревание, миграцию, функциональную интеграцию нейронов, синтез нейротрансмиттеров, а также запрограммированную гибель клеток (Alcaide Martin, Mayerl, 2023). Дефицит тиреоидных гормонов ассоциирован со снижением интеллекта у детей, развитием когнитивных и поведенческих нарушений, неврологических расстройств (аутизм, шизофрения, эпилепсия и др.) (Fetene, Betts, Alati, 2017; López Galera, Castiñeiras Ramos, Rocha, 2021; Alcaide Martin, Mayerl, 2023).

Установлено также влияние тиреоидных гормонов на параметры физического развития как в пренатальный, так и в постнатальный периоды развития ребенка. Так в исследовании Б. Чжоу и соавторов выявлено влияние дисфункции щитовидной железы на гипоталамо-гипофизарную ось, активация стрессовых механизмов, а также усиление деградации белков и липидов, что отрицательно сказывается на длине и массе плода (Zhou et al., 2020). Кроме того, исследователями установлено, что лептин и гормон роста способны изменять секрецию тиреоидных гормонов, влияя тем самым на показатели длины и массы тела у детей (Yokoya, Higuchi, 2019; Zhou et al., 2020).

В то же время Республика Тыва находится в лидирующих позициях по численности суицидов в Российской Федерации. Особенно высокие показатели суицидального поведения выявляются среди тувинских подростков (15–17 лет): 120 на 100 тыс. населения (в возрасте 10–14 лет данный показатель находится на уровне 15,6 на 100 тыс. населения) (Ооржак, 2012; Дуткин, 2017: 42), что превышает общероссийские показатели примерно в 3 раза, а общемировые — в 8 раз. В. Т. Манчук и его коллеги отмечают, что суицидальное поведение формируется под воздействием комплекса факторов, включающего индивидуально-психологические особенности личности, специфику семейного воспитания, социальное окружение, а также наличие стрессогенных событий, зависимостей и соматических заболеваний (Манчук и др., 2013). Кроме того, высокая суицидальная наклонность среди тувинской молодежи связывается исследователями с социально-экономической «депрессией» региона, потерей традиционной культурной идентичности, психическими особенностями представителей тувинского этноса (Манчук и др., 2013: 142–143; Семенова, 2017: 40–41 ; и др.¹).

В целом Республика Тыва при минимальных показателях заболеваемости по основным категориям психических расстройств демонстрирует чрезвычайно высокий уровень суицидов, особенно среди подростков. Учитывая значительный вклад социально-экономических условий региона в проблему суицидального поведения, крайне важно усиление работы по разработке мер, направленных на повышение качества жизни населения республики, стабилизацию и укрепление экономических показателей региона, улучшение выявляемости суицидальных наклонностей (в первую очередь среди молодежи), активизацию просветительской и профилактической работы с населением не только на региональном, но и на Федеральном уровне. Значительный вклад в данную проблематику может внести более детальное изучение генетических и эпигенетических предикторов суицидальных наклонностей у представителей различных этносов, включая коренное население Республики Тыва.

Обсуждение результатов

Состояние здоровья человека определяется физическим и психическим благополучием, а также адекватными адаптационными механизмами, которые в значительной мере варьируются в зависимости от региона. По данным Государственного доклада о состоянии здоровья населения Республики Тыва в 2023 г.², показатель общей заболеваемости населения республики за последние пять лет снизился на 4,5% (1206,3 на 1000 населения) и остается меньше среднероссийского показателя на 35,6% (РФ 2022 г. — 1728,3 на 1000 чел. нас.) и среднефедеративного на 39,3% (Сибирский Федеральный округ 2022 г. — 1832,2 на 1000 чел. нас.), что связано с низким уровнем

¹ Ооржак Л. Н., Монгуш Ч. Н. Влияние особенностей детско-родительских отношений на компоненты эмоционально-волевой сферы // Мир науки. 2017. Т. 5. № 3. С. 53.

² Распоряжение Правительства Республики Тыва от 15.05.2024 № 276-р «О Государственном докладе о состоянии здоровья населения Республики Тыва в 2023 году» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202405160003?index=1> (дата обращения: 15.10.2025).

обеспеченности враческими кадрами узкой специализации, особенно в сельской местности. В то же время показатель рождаемости за период 2019–2023 гг. снизился с 18,6 до 16,9 на 1000 населения, что, тем не менее, остается выше средних показателей по Сибирскому Федеральному округу и Российской Федерации примерно в 2 раза. Показатель младенческой смертности также снизился на 6,1%, но остаётся выше уровня Сибирского Федерального округа на 34,8% и выше уровня Российской Федерации на 47,6%. На сравнительно небольшую территорию Республики Тыва приходится значительное количество социальных, природных, антропогенных, экологических факторов, оказывающих значительное влияние на здоровье населения и в первую очередь на детей.

Проведенный анализ результатов исследований, представленных в научной литературе, позволил выявить комплексную и многогранную картину физического, функционального и психического развития детского и юношеского населения Республики Тыва. Полученные результаты демонстрируют тесное переплетение эндогенных (генетических, конституциональных) и экзогенных (социально-экономических, климатогеографических, культурных) факторов, определяющих специфику онтогенеза в данной этнической группе.

По данным анализируемых исследований, физическое развитие детей, подростков и молодежи Республики Тыва с одной стороны соответствует общемировой тенденции акселерации параметров физического развития (Лях и др., 2021; Попов и др., 2022; Danubio, Sanna, 2008; Kołodziej, Łopuszka, Lipowicz, 2015), хотя и постепенно сменяющиеся процессами ретардации (Аг-оол, 2008; Бацевич и др., 2021; Грицинская, 2012). С другой стороны, отмечено, что физический статус тувинцев имеет ряд специфичных особенностей. Так у тувинских детей с рождения и вплоть до студенческого возраста фиксируются более низкие продольные размеры тела по сравнению с русскими сверстниками, проживающими как на той же территории, так в других регионах России. Поскольку ростовые процессы (в первую очередь длина тела) в значительной мере генетически детерминированы, это можно считать этнической особенностью тувинцев.

Детский организм в процессе развития подвергается влиянию природных, антропогенных, социально-экономических факторов (Аг-оол, 2007b; Манчук и др., 2013). Нельзя не отметить сложные природно-экологические условия в республике, характеризующиеся резко континентальным климатом, со значительным перепадом температуры в течение года (49°C), суровыми зимами, высокими показателями природного и искусственного радиационного загрязнения, превышения предельных концентраций полиароматических углеводородов и бензапирена (в основном в отопительный период) (Пермякова и др., 2022; и др.²), отражающиеся не только на быте, культуре и обычаях населения, но и на конституциональных особенностях организма, определяющих функциональные и адаптационные возможности (Аг-оол, 2007b). Выявленные сниженные антропометрические параметры, преобладание поперечного роста организма («широкогрудость»), доминирование симпатоадреналовой регуляции с высоким уровнем напряжения регуляторных систем и адаптационных механизмов по сравнению с русскими сверстниками, может быть особенностями тувинского населения, компенсаторно сформировавшимися в ответ на экстремальные климатогеографические условия в регионе.

Однако имеются противоречивые данные по внутриэтническим исследованиям особенностей морфофункциональных параметров. Так в исследовании В. А. Бацевича не выявлено статических различий по антропометрическим параметрам среди тувинских студентов, проживающих в разных районах Тувы, отличающихся по климатогеографическим условиям. Авторы отмечают, что отсутствие различий фиксировалось при исследованиях в 1978 гг. и 2015–2019 гг. (Бацевич и др., 2021). С другой стороны, антропологическое исследование И. А. Хомяковой, Н. В. Балиновой представителей тувинского этноса, относящихся к разным территориальным группам: тувинцы Кызыльского кожууна, тувинцы-тоджинцы, населяющие таежные районы Тувы, и цагааны, этнические тувинцы, проживающие на северо-западе Монголии, выявило существенные различия по морфофункциональным показателям, что связывается авторами с доминирующим влиянием средовых условий на состояние здоровья представителей одного этноса (Хомякова, Балинова, 2017). Как

¹ Эрдыниева Л. С. Состояние здоровья и демографические процессы населения республики Тыва в начале XXI века // Медицина в Кузбассе. 2023. № 1. С. 81–88.

показало сравнительное исследование В. Л. Грицинской, Н. О. Санчат, О. С. Омзар морфологические характеристики школьников, относящихся к одной расе (монголоидной) и проживающих в сходных климатогеографических условиях (Республика Тыва, Монголия и Чукотка) имеют значительные различия (Грицинская, Санчат, Омзар, 2009). Так тувинские школьники 7–17 лет, по их данным, в целом отличаются большей длиной и массой тела по сравнению со сверстниками из Монголии. Аналогичная закономерность выявлена при сравнении тувинских и чукотских детей, за исключением показателя массы тела в возрасте 9–10 лет и 15–17 лет (чукчи имеют статистически значимо более высокие показатели). По мнению Н. Г. Аксяновой, тувинский этнос характеризуется значительной внутригрупповой разнородностью по сравнению с другими представителями монголоидной расы. Однако общими морфофизиологическими чертами тувинской популяции являются брахиморфия, увеличение жирового депо, уплотненность грудной клетки, пониженная минерализация скелета, что соответствует общей адаптивной стратегии к экстремальным континентальным условиям, в частности к холодовому стрессу (Аксянова, 2009).

В то же время нельзя не учитывать влияние социально-экономических аспектов на состояние здоровья тувинцев. По данным М. А. Хольшиной, А.-К. Ч. Кылыдай, в Республике Тыва отмечается недостаточность медицинского оснащения, неравномерность размещения медицинских учреждений и медицинских кадров, слабая материально-техническая база, что снижает эффективность профилактических и терапевтических мероприятий. Особенности региона также являются высокий уровень безработицы, низкий среднедушевой денежный доход населения. Выявленный значительный процент детей с дисгармоничным физическим развитием, значительная разница антропометрических показателей городского и сельского детского населения Тувы, вероятно является следствием изменения в традициях и культуре питания, образа жизни под влиянием нестабильной социально-экономической обстановки в регионе, поскольку масса тела более лабильна и сильнее подвержена влиянию внешних факторов (Хольшина, Кылыдай, 2014). В. Л. Грицинская, С. С. Сенди в своем исследовании выявили, что у тувинских детей чаще фиксируются признаки нерационального питания (преобладание «углеводной модели», недостаток поступления необходимых витаминов и микроэлементов) (Грицинская, Сенди, 2012). Также признаком влияния неблагоприятных экологических и социальных условий является высокая частота внутриутробной гипотрофии среди тувинских детей (Грицинская, 2012).

Психическое здоровье человека определяется как базовыми когнитивными навыками, так и способностью адаптироваться к социальным ролям и взаимодействиям (Yang, Liang, Sit, 2022). Развитие психических функций и нервной системы в целом в пре- и постнатальный период крайне уязвимы к влиянию неблагоприятных факторов, изменяющих структуру и функцию мозга посредством эпигенетических модификаций (изменения структуры ДНК и функции хроматина), увеличивая тем самым риск развития психических расстройств (Miguel et al., 2019). В последние десятилетия во всем мире отмечено значительное увеличение выявления психических, когнитивных и эмоционально-поведенческих проблем развития у детей и подростков (Волова и др., 2022; Eickmann, Emond, Lima, 2016).

Умственная отсталость является одной из наиболее распространенных форм психических расстройств у детей и подростков, внося значительный вклад в общую инвалидность населения (Vasconcellos et al., 2018). Умственная отсталость относится к группе нейроразвивающих расстройств, характеризующейся когнитивным дефицитом и функциональными нарушениями адаптивного поведения, которые возникают в процессе развития и диагностируются до 18 летнего возраста (Echavarría-Ramírez, Tirapu-Ustárroz, 2021). Распространенность умственной отсталости в мире колеблется от 1 до 3%, что связано с различными подходами к диагностике и системе учета таких пациентов (Kolset, 2020). В период с 2010 по 2022 гг. фиксируется снижение заболеваемости умственной отсталостью в нашей стране среди детей от 0 до 14 лет с 51,8 до 29,3 на 100 тыс. детей, в возрастной группе 15–17 лет с 38,1 до 22 на 100 тыс. детей¹. По данным Б. Д. Менделевича, в Сибирском федеральном округе неблагоприятными территориями по распространенности легкой умственной отсталости на 100 тыс. населения являются Республика Хакасия (302,2) и Красноярский край (219,9). По дру-

¹ Здравоохранение в России. Стат. сб. // Росстат. М., 2023. 179 с. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooohran-2023.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).

гим формам умственной отсталости лидируют Республика Алтай (77,9) и Красноярский край (72,4) (Менделевич, 2009). По распределению детской инвалидности, обусловленной умственной отсталостью на 1000 детей в Сибирском федеральном округе лидируют Омская область (5,88), Иркутская область (5,62), Алтайский край (4,97). Минимальные показатели отмечены в Республике Тыва (0,77)¹.

Нельзя не отметить высокую суицидальную активность в регионе (в том числе подростковую), что связывается с неблагоприятными социально-экономическими факторами (в том числе низким уровнем жизни, безработицей, высоким уровнем бытового пьянства, недостаточной оснащенностью как медицинским оборудованием, так и специалистами и др.), что особенно сильно проявляется в сельских районах². Кроме того, в истории тувинцев, как и других коренных народов Сибири, выделяется несколько периодов социально-экономических трансформаций, сопровождавшихся сменой традиционного уклада жизни, разрушением культурных и духовных устоев, что, по мнению исследователей, также влияет на показатели суицидов в регионе (Семенова, 2017).

Выделяют также биопсихологические особенности индивида, повышающие риск суицидального поведения. Так установлены корреляционные связи между частотой суицидальных смертей и полиморфизмами генов VDR (ген рецептора витамина D) и NAT2 (ген фермента N-ацетилтрансферазы 2 типа) (Пирузян, Гюльазизова, Николаева, 2009; Пирузян и др., 2011). Исследование эмоционально-психологических особенностей представителей тувинского этноса выявило высокие уровни тревожности, фрустрированности, эмоциональную неустойчивость, склонность к унынию, что в целом объясняет низкую стрессоустойчивость и высокие риски суицидального поведения (Манчук и др., 2013). Для тувинских подростков также характерны нарушения межличностных отношений со сверстниками и родителями, что также вносит значительный вклад в попытки суицидов (Ооржак, 2012; Семенова, 2018). Психологический портрет тувинских студентов, по данным Л. К. Будук-оол, А. М. Ховалыг, С. К. Сарыг, характеризуется сочетанием ригидности познавательной сферы, высокой выраженностью нейротизма и флегматического темперамента. Это находит отражение в склонности к педантичности, трудностях быстрого переключения между видами деятельности, а также в эмоциональной лабильности на фоне общей поведенческой инертности³. В то же время отмечается, что высокий риск суицидального поведения фиксируется среди национальных регионов (Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Еврейская автономная область и др.), что требует повышенного внимания к проблемам малочисленных народов, а разработку и внедрение программ профилактики суицидов необходимо проводить с учетом этнокультурных особенностей жизни населения.

Заключение

Анализ научной литературы за последние 25 лет свидетельствует о том, что подавляющее большинство публикаций по проблеме здоровья тувинского населения принадлежит сотрудникам научных центров самой Тувы. Тем не менее, изучением данной тематики занимаются также исследователи из других регионов, что несомненно способствует сохранению актуальности проблемы в исследовательской повестке, расширяя её научный охват.

В целом имеющиеся исследования физического компонента у детей, подростков и молодежи в Республике Тыва малочисленны и, как правило, затрагивают лишь отдельную возрастную группу или ограничиваются оценкой небольшого числа антропометрических характеристик. Также крайне мало публикаций, касающихся адаптационно-приспособительных механизмов организма и особенностей психического развития детей и подростков Республики Тыва.

¹ Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2022 году. Сборник статистических и аналитических материалов. Вып. 22 / под общ. ред. О. В. Стрельченко. Новосибирск: ООО «Сибирское университетское издательство», 2023.

² Ооржак Л. Н., Монгуш Ч. Н. Факторы риска суицидального поведения в Республике Тува [Электронный ресурс] // Мир науки. 2017. Т. 5. № 3. С. 53. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN317.pdf> (дата обращения: 15.12.2025),

³ Будук-оол Л. К., Ховалыг А. М., Сарыг С. К. Психофизиологическая и нейродинамическая характеристика студентов Тувинского государственного университета // Фундаментальные исследования. 2014. № 4–12. С. 756–759.

Проведенный анализ литературных данных свидетельствует о том, что развитие детского населения Республики Тыва представляется исследователям динамичным процессом, характеризующимся положительными секулярными тенденциями в физическом развитии, но одновременно — значительным функциональным напряжением и серьезными психосоциальными проблемами.

Дальнейшие исследования влияния стрессогенных факторов различной природы, и разработка программ сопровождения должны носить междисциплинарный характер, учитывая не только медицинские, но и этнокультурные, социальные и образовательные аспекты жизни тувинских детей и молодежи. Ключевыми направлениями должны стать оптимизация образовательной среды, адаптация мер социальной поддержки для повышения условий и качества жизни населения, поддержка психического здоровья через укрепление культурной идентичности, и целенаправленная работа по профилактике суицидального поведения. Кроме того, учитывая дефицитность территории республики по природному йоду и влияние тиреоидных гормонов на процессы роста и развития не только физической, но и психической сферы, целесообразно продолжить работу по профилактике тиреоидных заболеваний и информированию населения о важности потребления йодированной соли. Для получения более репрезентативных и современных данных необходимо продолжение мониторинговых исследований и разработка региональных стандартов физического развития детей и подростков Тувы, которые позволят более адекватно оценивать их здоровье и планировать профилактические мероприятия.

Благодарности

Авторы признательны рецензенту за критический анализ представленных материалов и конструктивные предложения, способствовавшие улучшению качества рукописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аг-оол, Е. М. (2007a) Сравнительная характеристика особенностей физического развития подростков Тувы и других этнических групп // Гигиена и санитария. № 2. С. 47–50.
- Аг-оол, Е. М. (2007b) Влияние социально-гигиенических, экологических факторов на состояние здоровья и физическое развитие школьников республики Тыва // Гигиена и санитария. № 1. С. 64–67.
- Аг-оол, Е. М. (2008) Исследование физического развития подростков Республики Тыва // Гигиена и санитария. № 1. С. 67–70.
- Аксянова, Н. Г. (2009) Основные результаты расогенетических исследований в Тыве в XX столетии (обзор литературных источников) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (40). С. 137–145.
- Бацевич, В. А., Машина, Д. А., Пермякова, Е. Ю. (2020) Социально-экономические преобразования на территории Тувы и изменения адаптивных биологических характеристик у коренного населения // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 4. С. 20–31.
- Бацевич, В. А., Пермякова, Е. Ю., Машина, Д. А., Ясина, О. В., Хрусталева, О. В. (2020) Сравнение городской и сельской групп детей школьного возраста республики Тыва по данным биоимпедансного анализа в условиях «трансформации» традиционного образа жизни // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (51). С. 148–160. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-13>
- Бацевич, В. А., Машина, Д. А., Красильникова, В. А., Ясина, О. В., Пермякова, Е. Ю. (2021) Изменения антропологических характеристик молодежи Тувы в связи с влиянием социально-экономических факторов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 148–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.12>
- Будук-оол, Л. К. С. (2008) Региональные особенности функционального статуса студентов, проживающих в Республике Тыва // Экология человека. № 1. С. 26–30.
- Будук-оол, Л. К. С. (2011) Морфофизические характеристики организма студентов как показатель адаптации к условиям среды // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. № 2 (9). С. 48–53.
- Волова, Т. Л., Шельгин, К. В., Меньшикова, Л. И., Сон, И. М. (2022) Детская инвалидность вследствие психических расстройств в Архангельской области: структурно-динамические тенденции // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 122. № 9. Вып. 2. С. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202212209290>

Грицинская, В. Л., Санчат, Н. О., Омзар, О. С. (2009) Современные тенденции роста, развития и здоровья детей и подростков Республики Тыва. Красноярск: ООО «Версо». 101 с.

Грицинская, В. Л. (2012) Динамика показателей физического развития у новорожденных детей в Республике Тыва // Гигиена и санитария. Т. 91. № 1. С. 57–59.

Грицинская, В. Л., Сенди, С. С. (2012) Особенности физического развития и питания школьников Республики Тыва // Вопросы детской диетологии. Т. 10. № 4. С. 6–8.

Грицинская, В. Л., Салчак, Н. Ю., Санчат, Н. О., Омзар, О. С. (2013) Комплексная оценка физического развития детей Республики Тыва // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. № 3–2 (91). С. 60–63.

Грицинская, В. Л., Санчат, Н. О. (2021) Показатели роста и развития детей в республике Тыва в зависимости от вида вскармливания // Children's Medicine of the North-West. Т. 9. № 2. С. 38–44.

Дуткин, М. П. (2017) Этнокультуральные факторы суицидального поведения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. № 4 (09). С. 42–45.

Красильникова, В. А., Будук-оол, Л. К., Айзман, Р. И. (2005) Особенности физического развития городских и сельских младших школьников республики Тыва // Сибирский педагогический журнал. № 4. С. 143–148.

Красильникова, В. А., Будук-оол, Л. К., Айзман, Р. И. (2008) Морфофункциональное развитие школьников тувинской и русской национальностей // Физиология человека. Т. 34. № 1. С. 74–81.

Кучма, В. Р., Рапопорт, И. К., Сухарева, Л. М., Скоблина, Н. А., Седова, А. С., Чубаровский, В. В., Соколова, С. Б. (2021) Здоровье детей и подростков в школьном онтогенезе как основа совершенствования системы медицинского обеспечения и санитарно-эпидемиологического благополучия обучающихся // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 65. № 4. С. 325–333. DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-4-325-333>

Лях, В. И., Левушкин, С. П., Сонькин, В. Д., Скоблина, Н. А. (2021) Тенденции изменений показателей физического развития детей, подростков и молодежи в конце XX века и начале XXI века (обзор) // Теория и практика физической культуры. № 11. С. 56–59.

Манчук, В. Т., Семенова, Н. Б., Музафарова, А. Ф., Орлова, Ю. Н., Долгушина, Е. Е. (2013) Психопатологические основы суицидального поведения у подростков коренных народов Сибири // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. № 4 (92). С. 141–146.

Менделевич, Б. Д. (2009) Особенности заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения у детей в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. № 3 (11). Статья 7. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/135/30/lang,ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

Овчаренко, Е. С., Фефелова, В. В. (2014) Физическое развитие детей с нарушением двигательной активности // Бюллетень Северного государственного медицинского университета. № 1 (32). С. 63–64.

Ооржак, Л. Н. (2012) Проблема подросткового суицида в Республике Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4 (15). С. 31–36.

Пермякова, Е. Ю., Бацевич, В. А., Красильникова, В. А., Зимина, С. Н., Хафизова, А. А. (2022) Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 237–252. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>

Пирузян, Л. А., Гюльазизова, К. С., Николаева, И. С. (2009) Исследование взаимосвязи смертности от суицида с фенотипом NAT2 и географическими координатами различных этнических популяций мира // Технологии живых систем. № 8. С. 33–45.

Пирузян, Л. А., Николаева, И. С., Гюльазизова, К. С., Кабанкин, А. С., Синцов, А. В., Радкевич, Д. А., Радкевич, Л. А. (2011) Полиморфизм гена рецептора витамина D (VDR) и суицид // Технологии живых систем. Т. 8. № 8. С. 56–62.

Попов, В. И., Ушаков, И. Б., Левушкин, С. П., Жуков, О. Ф., Скоблина, Н. А. (2022) Многолетняя динамика физического развития детей в России // Экология человека. Т. 29. №2. С. 119–128. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco96734>

Порецкова, Г. Ю., Гаврюшин, М. Ю., Печкуров, Д. В., Сазонова, О. В. (2018) Физическое развитие детей, имеющих хроническую патологию // Медицинский альманах. № 3 (54). С. 45–47.

Разварина, И. Н., Груздева, М. А. (2019) Здоровье детей школьного возраста: факторы риска // Society and Security Insights. Т. 2. № 4. С. 115–120. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)4-10](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-10)

Санчат, Н. О., Омзар, О. С. (2022) Индексная оценка физического развития детей в республике Тыва // Children's medicine of the North-West. Т. 10. № 2. С. 63–66.

Санчат, Н. О., Гоголев, А. В. (2023) Индивидуально-типологический статус и функциональные возможности городских старшеклассников в Республике Тыва // Медицина: теория и практика. Т. 8. № 2. С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.56871/MTP.2023.80.66.004>

Санчат, Н. О., Курганская, Т. М., Грицинская, В. Л. (2024) Оценка и самооценка физического развития у старших школьников в Республике Тыва // Children's Medicine of the North-West. Т. 12. № 4. С. 182–191. DOI: <https://doi.org/10.56871/CmN-W.2024.25.29.015>

Семенова, Н. Б., Манчук, В. Т. (2007) Характер интеллектуального дефекта при тяжелом йодном дефиците // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т. 107. № 4. С. 59–63.

Семенова, Н. Б. (2017) Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: смена традиционного образа жизни // Суицидология. Т. 8. № 4 (29). С. 31–43.

Семенова, Н. Б. (2018) Суицидальное поведение у детей и подростков коренных народов Сибири: социальные факторы риска // Суицидология. Т. 9. № 4 (33). С. 3–16. DOI: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-04\(33\)-3-16](https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-04(33)-3-16)

Трошина, Е. А., Мазурина, Н. В., Сенюшкина, Е. С., Маколина, Н. П., Галиева, М. О., Никанкина, Л. В., Малышева, Н. М., Даржаа, А. Б., Сенги, Ю. С. (2021) Мониторинг эффективности программы профилактики заболеваний, связанных с дефицитом йода в Республике Тыва // Проблемы Эндокринологии. Т. 67 №1. С. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.14341/probl12715>

Харрасов, А. Ф., Сарыг, С. К. (2021) Исследование некоторых антропологических особенностей жителей Тувы различных климатических зон // International Journal of Professional Science. № 11. С. 74–81. DOI: https://doi.org/10.54092/25421085_2021_11_74

Хольшина, М. А., Кылгыдай, А. К. Ч. (2014) О медико-демографических проблемах населения Республики Тыва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. № 2. С. 65–67.

Хомякова, И. А., Балинова, Н. В. (2017) Антропологические исследования в Туве и Северной Монголии: тувинцы, тувинцы-тоджинцы, цаатаны // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 2. С. 12–25.

Alcaide Martin, A., Mayerl, S. (2023) Local thyroid hormone action in brain development // International journal of molecular sciences. Vol. 24 (15). Article 12352. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijms24151235>

Barros, N., Tulve, N. S., Heggem, D. T., Bailey, K. (2018) Review of built and natural environment stressors impacting American-Indian/Alaska-Native children // Reviews on Environmental Health. Vol. 33. Issue 4. P. 349–381. DOI: <https://doi.org/10.1515/reveh-2018-0034>

Danubio, M. E., Sanna, E. (2008) Secular changes in human biological variables in Western Countries: an updated review and synthesis // Journal of Anthropological Sciences. Vol. 86. P. 91–112.

Echavarría-Ramírez, L. M., Tirapu-Ustárroz, J. (2021) Neuropsychological examination in children with intellectual disabilities // Revista de Neurología. Vol. 73. № 2. P. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.33588/rn.7302.2021025>

Eickmann, S. H., Emond, A. M., Lima, M. (2016) Evaluation of child development: beyond the neuromotor aspect // Jornal de Pediatria. Vol. 92. Issue 3. Supplement 1. P. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jped.2016.01.007>

Fetene, D. M., Betts, K. S., Alati, R. (2017) Mechanisms in endocrinology: Maternal thyroid dysfunction during pregnancy and behavioural and psychiatric disorders of children: a systematic review // European Journal of Endocrinology. Vol. 177. № 5. P. 261–273. DOI: <https://doi.org/10.1530/EJE-16-0860>

Gautam, N., Dessie, G., Rahman, M. M., Khanam, R. (2023) Socioeconomic status and health behavior in children and adolescents: a systematic literature review // Frontiers in Public Health. Vol. 11. Article 1228632. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1228632>

Konner, M. (2010) The evolution of childhood: Relationships, emotion, mind. Harvard University Press. 960 p.

Kołodziej, H., Łopuszka, M., Lipowicz, A. (2015) Secular trends in body height and body mass in 19-year-old polish men based on six national surveys from 1965 to 2010 // American Journal of Human Biology. № 27. P. 704–709.

Kolset, S. O. (2020) Intellectual disability and nutrition-related health // EMBO Molecular Medicine. Vol. 12. № 10. Article e12899. DOI: <https://doi.org/10.15252/emmm.202012899>

López Galera, R. M., Castiñeiras Ramos, D., Rocha, H. (2021) Cribado neonatal del hipotiroidismo congénito [Neonatal screening for congenital hypothyroidism] // Revista Espanola de Salud Publica. Vol. 95. Article e202101010.

Miguel, P. M., Pereira, L. O., Silveira, P. P., Meaney, M. J. (2019) Early environmental influences on the development of children's brain structure and function // *Developmental medicine and child neurology*. Vol. 61. № 10. P. 1127–1133. DOI: <https://doi.org/10.1111/dmcn.14182>

Schiera, G., Di Liegro, C. M., Di Liegro, I. (2021) Involvement of thyroid hormones in brain development and cancer // *Cancers*. Vol. 13. № 11. Article 2693. DOI: <https://doi.org/10.3390/cancers13112693>

Vasconcellos, A. C. S., Barrocas, P. R. G., Ruiz, C. M. V., Mourão, D. S., Hacon, S. S. (2018) Burden of mild mental retardation attributed to prenatal methylmercury exposure in amazon: local and regional estimates // *Ciencia & saude coletiva*. Vol. 23. № 11. P. 3535–3545. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-812320182311.15812016>

Whitesell, N. R., Howley, C. T., Asdigian, N. L., Clifford, C., Senehi, N., Sarche, M. (2022) Tribal early childhood research center peds community of learning. Community perspectives on developmental screening of American Indian and Alaska native children // *Infant Mental Health Journal*. Vol. 43. № 4. P. 558–575. DOI: <https://doi.org/10.1002/imhj.21992>

Yang, W., Liang, X., Sit, C. H. (2022) Physical activity and mental health in children and adolescents with intellectual disabilities: a meta-analysis using the RE-AIM framework // *The international journal of behavioral nutrition and physical activity*. Vol. 19. № 1. P. 80. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-022-01312-1>

Yokoya, M., Higuchi, Y. (2019) Day length may make geographical difference in body size and proportions: An ecological analysis of Japanese children and adolescents // *PloS One*. Vol. 14. №1. Article P.e0210265. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210265>

Zhou, B., Chen, Y., Cai, W. Q., Liu, L., Hu, X. J. (2020) Effect of gestational weight gain on associations between maternal thyroid hormones and birth outcomes // *Frontiers in Endocrinology*. № 11. Article 610. DOI: <https://doi.org/10.3389/fendo.2020.00610>

Дата поступления: 15.12.2025 г.

Дата принятия: 03.03.2026 г.

REFERENCES

Ag-ool, E. M. (2007a) Comparative characteristics of the features of physical development of adolescents in Tuva and other ethnic groups. *Gigiena i sanitariya*, no. 2, pp. 47–50. (In Russ.)

Ag-ool, E. M. (2007b) Influence of socio-hygienic and environmental factors on the health status and physical development of schoolchildren in the Republic of Tuva. *Gigiena i sanitariya*, no. 1, pp. 64–67. (In Russ.)

Ag-ool, E. M. (2008) Study of the physical development of adolescents in the Republic of Tuva. *Gigiena i sanitariya*, no. 1, pp. 67–70. (In Russ.)

Aksyanova, N. G. (2009) Main results of race-genetic studies in Tuva in the 20th century (review of literature sources). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4 (40), pp. 137–145. (In Russ.)

Batsevich, V. A., Mashina, D. A. and Permyakova, E. Yu. (2020) Socio-economic transformations in the territory of Tuva and changes in adaptive biological characteristics in the indigenous population. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*, no. 4, pp. 20–31. (In Russ.)

Batsevich, V. A., Permyakova, E. Yu., Mashina, D. A., Yasina, O. V. and Khrustaleva, O. V. (2020) Comparison of urban and rural groups of school-age children in the Republic of Tuva according to bioimpedance analysis data under conditions of “transformation” of the traditional way of life. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (51), pp. 148–160. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-13>

Batsevich, V. A., Mashina, D. A., Krasilnikova, V. A., Yasina, O. V. and Permyakova, E. Yu. (2021) Changes in anthropological characteristics of youth in Tuva in connection with the influence of socio-economic factors. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 148–163. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.12>

Buduk-ool, L. K. (2008) Regional features of the functional status of students living in the Republic of Tuva. *Ekologiya cheloveka*, no. 1, pp. 26–30. (In Russ.)

Buduk-ool, L. K. (2011) Morphophysical characteristics of students' bodies as an indicator of adaptation to environmental conditions. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennye i sel'skokhozyaystvennye nauki*, no. 2 (9), pp. 48–53. (In Russ.)

Volova, T. L., Shelygin, K. V., Men'shikova, L. I. and Son, I. M. (2022) Childhood disability due to mental disorders in the Arkhangelsk Region: structural and dynamic trends. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 122, no. 9, iss. 2, pp. 90–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202212209290>

- Gritsinskaya, V. L., Sanchat, N. O. and Omzar, O. S. (2009) *Current trends in growth, development and health of children and adolescents in the Republic of Tuva*. Krasnoyarsk, OOO "Verso". 101 p. (In Russ.)
- Gritsinskaya, V. L. (2012) Dynamics of physical development indicators in newborns in the Republic of Tuva. *Gigiena i sanitariya*, vol. 91, no. 1, pp. 57–59. (In Russ.)
- Gritsinskaya, V. L. and Sendi, S. S. (2012) Features of physical development and nutrition of schoolchildren in the Republic of Tuva. *Voprosy detskoy dietologii*, vol. 10, no. 4, pp. 6–8. (In Russ.)
- Gritsinskaya, V. L., Salchak, N. Yu., Sanchat, N. O. and Omzar, O. S. (2013) Comprehensive assessment of the physical development of children in the Republic of Tuva. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk*, no. 3–2 (91), pp. 60–63. (In Russ.)
- Gritsinskaya, V. L. and Sanchat, N. O. (2021) Indicators of growth and development of children in the Republic of Tuva depending on the type of feeding. *Children's Medicine of the North-West*, vol. 9, no. 2, pp. 38–44. (In Russ.)
- Dutkin, M. P. (2017) Ethnocultural factors of suicidal behavior. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Meditsinskie nauki*, no. 4 (09), pp. 42–45. (In Russ.)
- Krasilnikova, V. A., Buduk-ool, L. K. and Aizman, R. I. (2005) Features of physical development of urban and rural primary schoolchildren in the Republic of Tuva. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 143–148. (In Russ.)
- Krasilnikova, V. A., Buduk-ool, L. K. and Aizman, R. I. (2008) Morphofunctional development of schoolchildren of Tuvan and Russian nationalities. *Fiziologiya cheloveka*, vol. 34, no. 1, pp. 74–81. (In Russ.)
- Kuchma, V. R., Rapoport, I. K., Sukhareva, L. M., Skoblina, N. A., Sedova, A. S., Chubarovskiy, V. V. and Sokolova, S. B. (2021) Health of children and adolescents in school ontogenesis as a basis for improving the system of medical support and sanitary-epidemiological well-being of students. *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii*, vol. 65, no. 4, pp. 325–333. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-4-325-333>
- Lyakh, V. I., Levushkin, S. P., Son'kin, V. D. and Skoblina, N. A. (2021) Trends in changes in physical development indicators of children, adolescents and youth at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century (review). *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, no. 11, pp. 56–59. (In Russ.)
- Manchuk, V. T., Semenova, N. B., Muzafarova, A. F., Orlova, Yu. N. and Dolgushina, E. E. (2013) Psychopathological foundations of suicidal behavior in adolescents of the indigenous peoples of Siberia. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk*, no. 4 (92), pp. 141–146. (In Russ.)
- Mendelevich, B. D. (2009) Features of morbidity with mental and behavioral disorders in children in the Russian Federation. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, no. 3 (11), article 7 [online] Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/135/30/lang,ru/> (accessed 12.09.2025). (In Russ.)
- Ovcharenko, E. S. and Fefelova, V. V. (2014) Physical development of children with impaired motor activity. *Byulleten' Severnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, no. 1 (32), pp. 63–64. (In Russ.)
- Oorzhak, L. N. (2012) The problem of adolescent suicide in the Republic of Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (15), pp. 31–36. (In Russ.)
- Permyakova, E. Yu., Batsevich, V. A., Krasilnikova, V. A., Zimina, S. N. and Khafizova, A. A. (2022) Comparison of morphofunctional adaptation of university youth in Kyzyl and Moscow (in different ethno-ecological conditions). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 237–252. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>
- Piruzian, L. A., Gyul'azizova, K. S. and Nikolaeva, I. S. (2009) Study of the relationship between suicide mortality and the NAT2 phenotype and geographical coordinates of various ethnic populations of the world. *Tekhnologii zhivyykh sistem*, no. 8, pp. 33–45. (In Russ.)
- Piruzian, L. A., Nikolaeva, I. S., Gyul'azizova, K. S., Kabankin, A. S., Sintsov, A. V., Radkevich, D. A. and Radkevich, L. A. (2011) Polymorphism of the vitamin D receptor (VDR) gene and suicide. *Tekhnologii zhivyykh sistem*, vol. 8, no. 8, pp. 56–62. (In Russ.)
- Popov, V. I., Ushakov, I. B., Levushkin, S. P., Zhukov, O. F. and Skoblina, N. A. (2022) Long-term dynamics of physical development of children in Russia. *Ekologiya cheloveka*, vol. 29, no. 2, pp. 119–128. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco96734>
- Poretskova, G. Yu., Gavryushin, M. Yu., Pechkurov, D. V. and Sazonova, O. V. (2018) Physical development of children with chronic pathology. *Meditsinskiy al'manakh*, no. 3 (54), pp. 45–47. (In Russ.)
- Razvarina, I. N. and Gruzdeva, M. A. (2019) Health of school-age children: risk factors. *Society and Security Insights*, vol. 2, no. 4, pp. 115–120. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)4-10](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-10)

Sanchat, N. O. and Omzar, O. S. (2022) Index assessment of physical development of children in the Republic of Tuva. *Children's medicine of the North-West*, vol. 10, no. 2, pp. 63–66. (In Russ.)

Sanchat, N. O., Kurganskaya, T. M. and Gritsinskaya, V. L. (2024) Assessment and self-assessment of physical development in senior schoolchildren in the Republic of Tuva. *Children's Medicine of the North-West*, vol. 12, no. 4, pp. 182–191. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.56871/CmN-W.2024.25.29.015>

Sanchat, N. O. and Gogolev, A. V. (2023) Individual-typological status and functional capabilities of urban high school students in the Republic of Tuva. *Meditina: teoriya i praktika*, vol. 8, no. 2, pp. 25–30. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.56871/MTP.2023.80.66.004>

Semenova, N. B. and Manchuk, V. T. (2007) Nature of intellectual deficit under severe iodine deficiency. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 107, no. 4, pp. 59–63. (In Russ.)

Semenova, N. B. (2017) Causes of suicidal behavior among indigenous peoples of Siberia: the change of traditional lifestyle. *Suicidologiya*, vol. 8, no. 4 (29), pp. 31–43. (In Russ.)

Semenova, N. B. (2018) Suicidal behavior in children and adolescents of the indigenous peoples of Siberia: social risk factors. *Suicidologiya*, vol. 9, no. 4 (33), pp. 3–16. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-04\(33\)-3-16](https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-04(33)-3-16)

Troshina, E. A., Mazurina, N. V., Senyushkina, E. S., Makolina, N. P., Galieva, M. O., Nikankina, L. V., Malysheva, N. M., Darzhay, A. B. and Sengi, Yu. S. (2021) Monitoring the effectiveness of a program for the prevention of iodine deficiency-related diseases in the Republic of Tuva. *Problemy endokrinologii*, vol. 67, no. 1, pp. 60–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14341/probl12715>

Kharrasov, A. F. and Saryg, S. K. (2021) Study of certain anthropological features of residents of Tuva from different climatic zones. *International Journal of Professional Science*, no. 11, pp. 74–81. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.54092/25421085_2021_11_74

Khol'shina, M. A. and Kylgydai, A. K. Ch. (2014) On the medical and demographic problems of the population of the Republic of Tuva. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya*, no. 2, pp. 65–67. (In Russ.)

Khomyakova, I. A. and Balinova, N. V. (2017) Anthropological research in Tuva and Northern Mongolia: Tuvans, Tuvans-Todzhins, Tsaatans. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*, no. 2, pp. 12–25. (In Russ.)

Alcaide M., Mayerl, S. (2023) Local thyroid hormone action in brain development. *International journal of molecular sciences*, vol. 24 (15), article 12352. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijms24151235>

Barros, N., Tulve, N. S., Heggem, D. T. and Bailey, K. (2018) Review of built and natural environment stressors impacting American-Indian/Alaska-Native children. *Reviews on Environmental Health*, vol. 33, issue 4, pp. 349–381. DOI: <https://doi.org/10.1515/reveh-2018-0034>

Danubio, M. E. and Sanna, E. (2008) Secular changes in human biological variables in Western Countries: an updated review and synthesis. *Journal of Anthropological Sciences*, vol. 86, pp. 91–112.

Echavarría-Ramírez, L. M. and Tirapu-Ustárriz, J. (2021) Neuropsychological examination in children with intellectual disabilities. *Revista de Neurología*, vol. 73, no. 2, pp. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.33588/rn.7302.2021025>

Eickmann, S. H., Emond, A. M. and Lima, M. (2016) Evaluation of child development: beyond the neuromotor aspect. *Jornal de Pediatria*, vol. 92, issue 3, supplement 1, pp. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jped.2016.01.007>

Fetene, D. M., Betts, K. S. and Alati, R. (2017) Mechanisms in endocrinology: Maternal thyroid dysfunction during pregnancy and behavioural and psychiatric disorders of children: a systematic review. *European Journal of Endocrinology*, vol. 177, no. 5, pp. 261–273. DOI: <https://doi.org/10.1530/EJE-16-0860>

Gautam, N., Dessie, G., Rahman, M. M. and Khanam, R. (2023) Socioeconomic status and health behavior in children and adolescents: a systematic literature review. *Frontiers in Public Health*, vol. 11, article 1228632. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1228632>

Konner, M. (2010) *The evolution of childhood: Relationships, emotion, mind*. Harvard University Press. 960 p.

Kołodziej, H., Łopuszka, M. and Lipowicz, A. (2015) Secular trends in body height and body mass in 19-year-old polish men based on six national surveys from 1965 to 2010. *American Journal of Human Biology*, no. 27, pp. 704–709.

Kolset, S. O. (2020) Intellectual disability and nutrition-related health. *EMBO Molecular Medicine*, vol. 12, no. 10, article e12899. DOI: <https://doi.org/10.15252/emmm.202012899>

López Galera, R. M., Castiñeiras Ramos, D. and Rocha, H. (2021) Neonatal screening for congenital hypothyroidism. *Revista Espanola de Salud Publica*, vol. 95, article e202101010. (In Esp.).

Miguel, P. M., Pereira, L. O., Silveira, P. P. and Meaney, M. J. (2019) Early environmental influences on the development of children's brain structure and function. *Developmental medicine and child neurology*, vol. 61, no. 10, pp. 1127-1133. DOI: <https://doi.org/10.1111/dmcn.14182>

Schiera, G., Di Liegro, C. M. and Di Liegro, I. (2021) Involvement of thyroid hormones in brain development and cancer. *Cancers*, vol. 13, no. 11, article 2693. DOI: <https://doi.org/10.3390/cancers13112693>

Vasconcellos, A. C. S., Barrocas, P. R. G., Ruiz, C. M. V., Mourão, D. S. and Hacon, S. S. (2018) Burden of mild mental retardation attributed to prenatal methylmercury exposure in amazon: local and regional estimates. *Ciencia & saude coletiva*, vol. 23, no. 11, pp. 3535-3545. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-812320182311.15812016>

Whitesell, N. R., Howley, C. T., Asdigian, N. L., Clifford, C., Senehi, N. and Sarche, M. (2022) Tribal early childhood research center peds community of learning. Community perspectives on developmental screening of American Indian and Alaska native children. *Infant Mental Health Journal*, vol. 43, no. 4, pp. 558-575. DOI: <https://doi.org/10.1002/imhj.21992>

Yang, W., Liang, X. and Sit, C. H. (2022) Physical activity and mental health in children and adolescents with intellectual disabilities: a meta-analysis using the RE-AIM framework. *The international journal of behavioral nutrition and physical activity*, vol. 19, no. 1, pp. 80. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-022-01312-1>

Yokoya, M. and Higuchi, Y. (2019) Day length may make geographical difference in body size and proportions: An ecological analysis of Japanese children and adolescents. *PloS One*, vol. 14, no. 1, article P.e0210265. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210265>

Zhou, B., Chen, Y., Cai, W. Q., Liu, L. and Hu, X. J. (2020) Effect of gestational weight gain on associations between maternal thyroid hormones and birth outcomes. *Frontiers in Endocrinology*, no. 11, article 610. DOI: <https://doi.org/10.3389/fendo.2020.00610>

Submission date: 15.12.2025.

Acceptance date: 03.03.2026.

Психопатологические расстройства у подростков Республики Тыва с различным онлайн-поведением

Лидия С. Эверт

Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

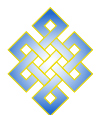
В статье анализируются проблемы расстройств психопатологического спектра у подростков и молодежи Республики Тыва с различными видами онлайн-поведения — адаптивным, неадаптивным и патологическим.

Источником анализа выступили результаты онлайн-тестирования случайных выборок лиц подростково-юношеского возраста, проводившегося в 2022–2023 гг. (1028 чел.: 76 русских и 952 тувинцев) с использованием Google Forms скрининговой анкеты и психометрических опросников для верификации вида онлайн-поведения и компонентов интернет-контента. Для оценки психопатологических расстройств у участников исследования был использован Симптоматический опросник SCL-90-R, который позволяет верифицировать характеристики девяти шкал. В анализ включены показатели шести из них: обсессивности-компульсивности, межличностной сензитивности, враждебности,

фобической тревожности, паранойяльных тенденций и психотизма, а также интегральные характеристики — интенсивность дистресса и общий индекс тяжести симптомов.

Выявлено, что независимо от варианта онлайн-поведения тувинская часть выборки характеризуется более низким уровнем интенсивности дистресса (47,9% у тувинцев и 34,9% у русских). Обнаружены этнические различия в группах с одинаковым онлайн-поведением. Как у русских, так и у тувинцев с патологическим использованием интернета значительно чаще выявлялись выраженные обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, враждебность, паранойяльные тенденции, психотизм, а также повышенная интенсивность дистресса и высокий общий индекс тяжести симптомов. Среди респондентов с адаптивным онлайн-поведением большая доля лиц с высоким уровнем обсессивности-компульсивности и общего индекса тяжести симптомов наблюдалась в русской группе по сравнению с тувинскими сверстниками. Подростки-тувинцы с адаптивным и неадаптивным видом онлайн-поведения чаще характеризовались низкой интенсивностью дистресса, чем аналогичные группы представителей русского этноса.

Ключевые слова: Тува; подросток; молодежь; онлайн-поведение; тувинцы; русские Тувы; обсессивность-компульсивность; межличностная сензитивность; враждебность; фобическая тревожность; паранойяльная тенденция; психотизм

Для цитирования:

Эверт Л. С. Психопатологические расстройства у подростков Республики Тыва с различным онлайн-поведением // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 166–195. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.11>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0665-7428

Psychopathological disorders in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior

Lidiya S. Evert

Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center,
SB RAS, Russian Federation

The article analyzes problems of psychopathological spectrum disorders in adolescents and young people in the Republic of Tuva with different types of online behavior: adaptive, maladaptive, and pathological. The analysis is based on the results of online testing of random samples of individuals of adolescent and youth age, conducted in 2022–2023 (1,028 participants: 76 Russians and 952 Tuvans) using Google Forms, a screening questionnaire, and psychometric scales to verify the type of online behavior and components of Internet content. To assess psychopathological disorders in the study participants, the Symptom Checklist SCL-90-R was used, which makes it possible to verify the characteristics of nine scales. The analysis included indicators of six of them: obsessiveness–compulsiveness, interpersonal sensitivity, hostility, phobic anxiety, paranoid ideation, and psychoticism, as well as integral indices: intensity of distress and the global severity index of symptoms.

It was found that, regardless of the type of online behavior, the Tuvan part of the sample is characterized by a lower level of distress intensity (47.9% among Tuvans and 34.9% among Russians). Ethnic differences were identified in groups with the same type of online behavior. Among both Russians and Tuvans with pathological Internet use, pronounced obsessiveness–compulsiveness, interpersonal sensitivity, hostility, paranoid ideation, psychoticism, as well as increased intensity of distress and a high global severity index of symptoms were recorded significantly more often. Among respondents with adaptive online behavior, a larger proportion of individuals with a high level of obsessiveness–compulsiveness and a high global severity index of symptoms was observed in the Russian group compared to their Tuvan peers. Tuvan adolescents with adaptive and maladaptive types of online behavior were more often characterized by low distress intensity than comparable groups of representatives of the Russian ethnic group.

Keywords: Tuva; adolescent; youth; online behavior; Tuvans; Russians of Tuva; obsessiveness–compulsiveness; interpersonal sensitivity; hostility; phobic anxiety; paranoid ideation; psychoticism

For citation:

Evert L. S. Psychopathological disorders in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 166–195 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.11>

Введение

Юношеский возраст является критической стадией в жизненном цикле человека, и его можно определить как переходный период от детства ко взрослой жизни, в течение которого люди испытывают серьезные биологические, когнитивные и социально-эмоциональные изменения. Подростки вынуждены справляться со стрессовыми жизненными событиями и проблемами, вызванными этими изменениями. Они сталкиваются с конкретными задачами развития, включая начало самостоятельной жизни и переопределение отношений со взрослыми и сверстниками. Неоспоримую роль в формировании личности играет Интернет, предоставляя подростку возможности для общения со сверстниками, получения новых знаний и самовыражения (Черемисина, Комаров, 2021; Кекеева и др., 2022).

В последние десятилетия неадаптивное пользование Интернетом или интернет-зависимость (ИЗ) стала одной из наиболее актуальных проблем во всех странах мира, достигнув глобальных масштабов, сопоставимых с последствиями других поведенческих аддикций, особенно в подрост-

ково-молодежной среде (Егоров и др., 2020; Эверт, Серен-оол, Сат, 2023; Piqueras et al., 2024; Tereshchenko et al., 2022). Стремительная цифровизация радикально изменила структуру досуга, общения и обучения подростков, сделав Интернет основной средой их социальной активности и самореализации. Подростковый возраст при этом является критически важным с точки зрения их нейropsychологического развития, формирования идентичности и уязвимости к поведенческим аддикциям. На этом фоне неадаптивное и патологическое пользование интернетом (*problematic internet use*, интернет-зависимость) всё чаще рассматривается как один из ведущих факторов риска расстройств психопатологического спектра в подростково-юношеском возрасте (Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022; Bickham, 2021; Peterka-Bonetta et al., 2019).

Многочисленные популяционные исследования и мета-анализы последних лет показывают, что распространённость проблемного интернет-использования среди детей и подростков в разных странах колеблется в интервале 7–15%, при этом доля подростков с неадаптивным использованием Интернета (группы риска) нередко достигает 20–30%. В докладах ЕС и ВОЗ подчёркивается необходимость системного мониторинга дезадаптивного использования интернета подростками и разработки для данного контингента целевых профилактических стратегий (Tereshchenko et al., 2022; Restrepo et al., 2020; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende 2025; Nogueira-López., 2023; Jayanti et al., 2024).

Особую актуальность проблема приобретает в связи с устойчиво демонстрируемой ассоциацией интернет-зависимого поведения с широким спектром психопатологических проявлений (Bickham, 2021; Shannon et al., 2022; Guo et al., 2020; Winds, Aebi, Plattner, 2024; Rajanna, Sathyanath, 2021; Piqueras et al., 2024). Высоко значима ассоциация интернет-зависимого поведения с агрессивностью, враждебностью и нарушениями межличностных отношений (Guo et al., 2020; Yen-Ju et al., 2020; Hayat, Shahla, Summiya, 2024; Ran et al., 2025; Lee et al., 2019).

Интернет-зависимость (ИЗ), как генерализованная, так и ее специфические формы (проблемное использование смартфонов, социальных сетей, компьютерных игр), является актуальной проблемой общественного здравоохранения вследствие высокой распространенности среди подростков и частой коморбидности с психическими расстройствами (Семенова и др., 2022). В последние десятилетия интернет-зависимое поведение у подростков демонстрирует устойчивую и тревожную связь с широким спектром нарушений нервно-психического здоровья. Прежде всего, аддиктивные формы поведения часто сопровождаются коморбидными психическими расстройствами, такими как депрессивные эпизоды, генерализованное тревожное расстройство, социальная фобия и синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Помимо этого, они тесно ассоциируются с аффективными расстройствами, импульсивностью и низкой самооценкой.

Со стороны психопатологической симптоматики у интернет-зависимых подростков наблюдается более выраженная картина обсессивно-компульсивных, тревожных, депрессивных и конверсионных расстройств. Развитие интернет-зависимого поведения у подростков и молодежи обусловлено рядом личностных факторов, связанных с возрастными особенностями. К ним относятся: стремление к новым ощущениям, повышенная тревожность, агрессивность и враждебность к социальному окружению, дефицит коммуникативных навыков. Эти факторы создают предпосылки для формирования уязвимых групп молодежи в интернет-среде (Гончарова, 2022).

Для российской подростковой популяции актуальность проблемы усугубляется сочетанием общих мировых тенденций цифровизации с особенностями социально экономического контекста и состоянием их психического здоровья. Региональные исследования в республиках Сибири, включая Туву, подчёркивают сочетание неблагоприятных социальных факторов, высокой нагрузки стрессоров и быстрого роста цифровой включённости подростков, что формирует «идеальные условия» для формирования поведенческих аддикций и связанных с ними психопатологических расстройств (Эверт и др., 2020; Семенова и др., 2020; Фотекова и др., 2024; Tereshchenko et al., 2021, 2022; Гречаный и др., 2020).

Концептуальная основа исследования опирается на теоретические подходы, рассматривающие расстройства психопатологического спектра (РППС) как одно из частых проявлений нарушения психоэмоционального статуса подростков, связь этих расстройств с особенностями онлайн-поведения, а также закономерности распространения и этнических различий психопатологических нарушений, ассоциированных с использованием интернета подростками Тувы.

Зарубежные исследования убедительно демонстрируют выраженную коморбидность патологического использования Интернета и его специфических форм со спектром психопатологических состояний, оказывающих негативное влияние на нервно-психическое здоровье молодежи (Rajanna, Sathyanath, 2021; Bickham, 2021; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Nogueira-López et al., 2023; Guo et al., 2020). Однако в России такие исследования немногочисленны, а сведения о распространенности дезадаптивного использования Интернета среди подростков различных регионов остаются разрозненными и неполными, особенно в отношении национальных республик Южной и Восточной Сибири (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023; Фотекова и др., 2024).

Изложенное выше подтверждает актуальность и необходимость изучения распространенности РППС и их связи с особенностями онлайн-поведения подростков с учетом этнических различий, что особенно значимо для молодежи национальных республик Южной и Восточной Сибири.

Целью настоящего исследования стала оценка выраженности расстройств психопатологического спектра у подростков Тувы — представителей тувинского и русского этносов с различными типами онлайн-поведения: адаптивным, неадаптивным и патологическим использованием Интернета. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: проанализировать распространенность различных типов онлайн-поведения в общей выборке подростков Тувы и отдельно в группах тувинского и русского этносов; изучить связь психопатологических расстройств (обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные тенденции и психотизм) с онлайн-поведением в общей группе исследования; выявить этнические особенности характеристик расстройств психопатологического спектра у подростков Тувы в зависимости от типа онлайн-поведения.

Материал и методы исследования

Материалы данной работы являются частью комплексного исследования, проведенного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) ФИЦ КНЦ СО РАН по двум темам научно-исследовательских работ: «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков Центральной Сибири в условиях распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.); «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг., рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064–6). Исследование выполнено коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко) в соответствии с этическими принципами Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации и одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН.

Исследование проведено методом онлайн-тестирования (Google Forms) в 2022–2023 гг. с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (CIAS) и психометрического опросника SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised). В исследование включены 1028 лиц подростково-юношеской популяции в возрасте 12–18 лет, постоянно проживающих в Республике Тыва, из них: 952 представителя тувинского этноса и 76 русского этноса — учащихся средних общеобразовательных учебных заведений и средних специальных учебных заведений (колледжей, училищ). Медиана возраста участников составила 15,0 [14,0; 16,0] лет. Распределение по полу: мужчины — 37,0% (380 человек), женщины — 63,0% (648 человек). Исследование проведено с одобрения Министерства здравоохранения Республики Тыва, согласовано с администрациями учебных заведений. От всех участников получено информированное согласие.

Нами обследованы случайные выборки подростков, что, безусловно, не позволяет претендовать на полную репрезентативность всей подростковой популяции регионов, охваченных скринингом, в том числе — лиц подросткового возраста Тувы, формирование репрезентативной группы нами не планировалось. При использовании в тексте понятия «подростки Тувы», мы имеем в виду только территориальное проживание (подростки Тувы), а не их этническую принадлежность.

В исследовании использованы стандартные термины для классификации онлайн-поведения: адаптивное пользование интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и пато-

логическое пользование Интернетом (ППИ), принятые в международных медико-социальных исследованиях (Durkee et al., 2016). Классификация типов онлайн-поведения проведена с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Интерпретация результатов осуществлялась в соответствии со следующими диапазонами суммарного балла: 27–42 балла — адаптивное пользование интернетом (АПИ); 43–64 балла — неадаптивное пользование интернетом (НПИ); 65 и выше — патологическое пользование интернетом (ППИ) / интернет-зависимость (ИЗ).

Для оценки психопатологической симптоматики использовался опросник SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised) (Derogatis, Lipman, Covi, 1973; и др.²), состоящий из 90 пунктов, организованных в девять основных шкал и три интегральных индекса. Основные шкалы охватывают следующие характеристики: соматизация, обсессивно-компульсивные симптомы, межличностная чувствительность, депрессия, тревога, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность и психотизм. Интегральные индексы включают: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс симптоматического дистресса (PSDI) и общее число утвердительных ответов (PST). Каждый пункт опросника оценивается по пятибалльной шкале Лайкерта (от 0 до 4), где 0 означает «совсем нет», а 4 — «очень сильно».

Анализ включал оценку выраженности шести шкал опросника SCL-90-R у подростков трёх групп сравнения, различающихся по типу онлайн-поведения: адаптивное пользование Интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и патологическое пользование Интернетом (ППИ). Степень выраженности психопатологических расстройств классифицировалась в соответствии с авторскими критериями, разработанными для каждой из анализируемых шкал. Оценивались три уровня выраженности: низкий, умеренно выраженный и значительно выраженный. При анализе также использовались три интегральных показателя: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс симптоматического дистресса (PSDI) и общее число утвердительных ответов (PST). Характеристики шкал опросника оценивали в общей выборке подростков с различными типами онлайн-поведения и отдельно в группах, сформированных по этнической принадлежности.

Статистический анализ проведен на основе электронной базы данных, сформированной из результатов онлайн-тестирования. Обработка данных выполнена с использованием модуля непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде процентных долей с 95% доверительными интервалами (ДИ), рассчитанными по методу Уилсона с использованием онлайн-калькулятора. Для сравнения категориальных переменных между двумя независимыми группами применялся критерий χ^2 Пирсона. Различия считали статистически значимыми при уровне $p \leq 0,05$. В анализ включались только те опросники и шкалы, по которым участники исследования предоставили полные ответы на все пункты.

Распространенность и структура онлайн-поведения

Среди всех обследованных в Туве подростков, включенных в статистический анализ, адаптивное (АПИ) и неадаптивное (НПИ) пользование Интернетом регистрировалось у равного числа лиц, соответственно: АПИ — у 44,6% (459/1028, ДИ = 41,6–47,7) и НПИ — у 44,6% (458/1028, ДИ = 41,5–47,6; $p_{1-2} = 0,965$, $\chi^2 = 0,00$), а 10,8% (111/1028, ДИ = 9,0–12,8) обследованных характеризовались патологическим использованием Интернетом (ППИ).

Среди подростков русской этнической принадлежности АПИ отмечалось у 56,6% (43/76, ДИ = 45,4–67,1), НПИ у 32,9% (25/76, ДИ = 23,4–44,1) и ППИ — у 10,5% (8/76, ДИ = 5,4–19,4), $p_{1-2} = 0,004$, $\chi^2 = 8,62$; $p_{1-3} < 0,001$, $\chi^2 = 36,15$; $p_{2-3} < 0,001$, $\chi^2 = 11,19$.

Аналогичные показатели у подростков-тувинцев составляли 43,7% (416/952, ДИ = 40,6–46,9), 45,5% (433/952, ДИ = 42,3–48,7) и 10,8% (103/952, ДИ = 9,0–13,0), $p_{1-2} = 0,434$, $\chi^2 = 0,61$; $p_{1-3} < 0,001$, $\chi^2 = 259,50$; $p_{2-3} < 0,001$, $\chi^2 = 282,78$.

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.

² Derogatis L. R. Symptom Checklist-90-R: Administration, scoring & procedure manual for the revised version of the SCL-90. Minneapolis, MN: National Computer Systems, 1994.

Опросник SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised) является одним из наиболее широко применяемых стандартизированных инструментов для оценки расстройств психопатологического спектра. Применение SCL-90-R позволило выявить распространенность психопатологической симптоматики у подростков с различными типами онлайн-поведения. Психопатологическая симптоматика у подростков с различными типами онлайн-поведения отличается значительным разнообразием проявлений. Ниже представлены результаты анализа шести шкал опросника, которые были включены в исследование и характеризуют психопатологический профиль подростков с адаптивным использованием Интернетом (АПИ), неадаптивным использованием Интернетом (НПИ) и патологическим использованием Интернетом (ППИ).

Обсессивно-компульсивные симптомы являются одним из компонентов психопатологических расстройств. Они включают когнитивные и поведенческие проявления: непроизвольные мысли, компульсивные действия и перфекционизм. Обсессивно-компульсивные расстройства (ОКР) характеризуются навязчивыми мыслями (обсессиями) и повторяющимися действиями (компульсиями), которые направлены на снижение тревоги.

Таблица 1 представляет результаты анализа распространенности и выраженности обсессивно-компульсивных расстройств (ОКР) у подростков с различными типами онлайн-поведения в зависимости от этнической принадлежности.

Таблица 1. Уровень обсессивности-компульсивности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением
Table 1. Obsessive-compulsive behavior in Russian and Tuvan adolescents with different online behavior

Группы обследованных	Уровень обсессивности-компульсивности						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=35)	23	65,7 (49,2–79,2)	7	20,0 (10,0–35,9)	5	14,3 (6,3–29,4)	ав=0,0001 ас<0,0001 вс=0,5259
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	7	26,9 (13,7–46,1)	6	23,1 (11,0–42,1)	ав=0,0872 ас=0,0438 вс=0,7488
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=390)	321	82,3 (78,2–85,8)	47	12,0 (9,2–15,7)	22	5,6 (3,8–8,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0016
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=426)	215	50,5 (45,7–55,2)	115	27,0 (23,0–31,4)	96	22,5 (18,8–26,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,1316
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=105)	31	29,6 (21,6–38,8)	24	22,9 (15,9–31,8)	50	47,6 (38,3–57,1)	ав=0,2719 ас=0,0071 вс=0,0002
Всего (п=990)	606	61,2 (58,1–64,2)	200	20,2 (17,8–22,8)	184	18,6 (16,3–21,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3631
р1–2 (χ2)	р1–2=0,2172 (χ2=1,52)		р1–2=0,5249 (χ2=0,40)		р1–2=0,3771 (χ2=0,78)		

p1-3 (χ^2)	p1-3=0,1409 (χ^2 =2,17)	p1-3=0,1668 (χ^2 =1,91)	p1-3=0,0036 (χ^2 =8,48)	
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,5356 (χ^2 =0,38)	p2-3=0,0996 (χ^2 =2,71)	p2-3=0,0371 (χ^2 =4,34)	
p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 (χ^2 =91,57)	p4-5<0,0001 (χ^2 =28,58)	p4-5<0,0001 (χ^2 =46,98)	
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 (χ^2 =112,20)	p4-6=0,0051 (χ^2 =7,86)	p4-6<0,0001 (χ^2 =117,28)	
p5-6 (χ^2)	p5-6=0,0001 (χ^2 =14,86)	p5-6=0,3876 (χ^2 =0,75)	p5-6<0,0001 (χ^2 =26,59)	
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,0167 (χ^2 =5,73)	p1-4=0,1762 (χ^2 =1,83)	p1-4=0,0446 (χ^2 =4,03)	
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,9629 (χ^2 =0,00)	p2-5=0,9936 (χ^2 =0,00)	p2-5=0,9489 (χ^2 =0,00)	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,6354 (χ^2 =0,22)	p3-6=0,1276 (χ^2 =2,32)	p3-6=0,4169 (χ^2 =0,66)	

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Среди 990 подростков Тувы, включенных в обследование и предоставивших полные ответы на шкалу обсессивно-компульсивных симптомов, 61,2% продемонстрировали низкий уровень выраженности: проявления навязчивостей у них были незначительными. Умеренно выраженный уровень обсессивно-компульсивных расстройств отмечен у 20,2% участников, а значительную выраженность симптомов выявили у 18,6% подростков (табл. 1).

Среди русских подростков значительно выраженной симптоматикой навязчивостей чаще отличались лица с ППИ, чем с АПИ (62,5% и 14,3%), кроме того, у подростков с ППИ чаще, чем в группе с НПИ, регистрировался значительно выраженный уровень обсессий и компульсий — 62,5% против 23,1% (табл. 1).

Среди подростков-тувинцев значительной выраженностью ОКР чаще отличались лица с ППИ (47,6%) в сравнении с НПИ (22,5%) и АПИ (5,6%), в тоже время степень выраженности данной характеристики у подростков с НПИ была выше аналогичного показателя у подростков-тувинцев с АПИ. Умеренно выраженный уровень ОКР значительно чаще был характерен для подростков-тувинцев с ППИ (22,9%), чем с АПИ (12,0%); подростков с НПИ также отличала значительно более частая встречаемость данного показателя в сравнении с группой с АПИ (27,0% против 12,0%). Противоположная направленность межгрупповых различий касалась низкого уровня ОКР: у подростков-тувинцев низкий уровень данного показателя регистрировался значительно реже у лиц с ППИ (29,6%), чем с НПИ (50,5%) и АПИ (82,3%), а у лиц с НПИ чаще, чем с АПИ (табл. 1).

Этнические различия анализируемого показателя включали более частую встречаемость ОКР значительной степени выраженности у подростков русского этноса с АПИ (14,3%) в сравнении с аналогичной выраженностью показателя у подростков-тувинцев с АПИ (5,6%). Среди обследованных с АПИ подростки-тувинцы отличались более частой встречаемостью низкого уровня ОКР — 82,3% против 65,7% (табл. 1).

Межличностная сензитивность (Interpersonal Sensitivity, INT) является еще одним компонентом расстройств психопатологического спектра. Эта шкала измеряет дискомфорт в межличностных взаимодействиях, проявляющийся в виде чувства неполноценности, застенчивости и негативных ожиданий от общения. Расстройство характеризуется чувствами личностной неадекватности и неполноценности, которые особенно выражены при сравнении себя с другими людьми. В таблице 2 представлены результаты анализа межличностной сензитивности у подростков групп сравнения с различными типами онлайн-поведения.

Таблица 2. Уровень межличностной сензитивности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 2. Level of interpersonal sensitivity in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень межличностной сензитивности						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=33)	25	75,8 (59,0–87,2)	4	12,1 (4,8–27,3)	4	12,1 (4,8–27,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	3	11,5 (4,0–29,0)	10	38,5 (22,4–57,5)	ав=0,0027 ас=0,4022 вс=0,0250
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=349)	298	85,4 (81,3–88,7)	22	6,3 (4,2–9,4)	29	8,3 (5,8–11,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3086
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=414)	232	56,0 (51,2–60,7)	59	14,2 (11,2–17,9)	123	29,7 (25,5–34,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=104)	40	38,5 (29,7–48,1)	12	11,5 (6,7–19,1)	52	50,0 (40,6–59,4)	ав<0,0001 ас=0,0939 вс<0,0001
Всего (п=934)	611	65,4 (62,3–68,4)	100	10,7 (8,9–12,9)	223	23,9 (21,3–26,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,0402 ($\chi^2=4,21$)		p1–2=0,9452 ($\chi^2=0,00$)		p1–2=0,0182 ($\chi^2=5,57$)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,0370 ($\chi^2=4,35$)		p1–3=0,2999 ($\chi^2=1,07$)		p1–3=0,0020 ($\chi^2=9,54$)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,5356 ($\chi^2=0,38$)		p2–3=0,3143 ($\chi^2=1,01$)		p2–3=0,2311 ($\chi^2=1,43$)		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 ($\chi^2=76,89$)		p4–5=0,0004 ($\chi^2=12,60$)		p4–5<0,0001 ($\chi^2=54,37$)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 ($\chi^2=93,14$)		p4–6=0,0753 ($\chi^2=3,16$)		p4–6<0,0001 ($\chi^2=94,84$)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0013 ($\chi^2=10,30$)		p5–6=0,4721 ($\chi^2=0,52$)		p5–6=0,0001 ($\chi^2=15,30$)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,1435 ($\chi^2=2,14$)		p1–4=0,2047 ($\chi^2=1,61$)		p1–4=0,4563 ($\chi^2=0,56$)		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,5477 ($\chi^2=0,36$)		p2–5=0,6998 ($\chi^2=0,15$)		p2–5=0,3459 ($\chi^2=0,89$)		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,9570 ($\chi^2=0,00$)		p3–6=0,3093 ($\chi^2=1,03$)		p3–6=0,4956 ($\chi^2=0,46$)		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

На шкалу межличностной сензитивности предоставили полные ответы 934 обследованных подростков Тувы. Среди участников исследования 65,4% продемонстрировали низкую выраженность межличностной чувствительности, с проявлениями в пределах допустимого уровня. Значительная выраженность отмечена у 23,9% подростков, а умеренно выраженный уровень выявлен у 10,7% участников (табл. 2).

Среди подростков русской этнической принадлежности значительно выраженной симптоматикой межличностной чувствительности характеризовалось большее число лиц с ППИ (62,5%), чем с АПИ (12,1%), а у подростков с НПИ анализируемая выраженность показателя встречалась чаще (38,5%), чем у подростков АПИ (12,1%). Напротив, у последних значительно чаще (75,8%) отмечался низкий уровень сензитивности в сравнении с группой ППИ (37,5%) и НПИ (50,0%) (табл. 2).

Среди подростков-тувинцев наличием значительно выраженных проявлений межличностной сензитивности чаще характеризовались лица с ППИ (50,0%), чем с НПИ (29,7%) и АПИ (8,3%), различия частоты встречаемости уровня выраженности анализируемой характеристики между подростками с НПИ и АПИ были также статистически значимыми. Направленность изменений низкого уровня сензитивности в сравниваемых группах была противоположной: встречаемость низкой выраженности межличностной сензитивности была выше у тувинцев с АПИ (85,4%), чем с НПИ (56,0%) и ППИ (38,5%). Среди подростков-тувинцев с НПИ была больше численность лиц с низким уровнем сензитивности (56,0%) в сравнении с группой АПИ (85,4%). Статистически значимых этнических различий частоты встречаемости и выраженности межличностной сензитивности выявлено не было (табл. 2).

Враждебность также нередко рассматривается в качестве одной из характерных особенностей проявлений психопатологических расстройств в подростковом возрасте. Шкала враждебности (Hostility) опросника измеряет наличие и выраженность агрессивных мыслей и поведения (раздражительность, вспышки гнева, чувство обиды). Таблица 3 иллюстрирует результаты сравнительного анализа проявлений *враждебности* у подростков с различным использованием Интернетом и этнической принадлежностью.

Таблица 3. Уровень враждебности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением
Table 3. Levels of hostility among adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень враждебности						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=23)	16	69,6 (49,1–84,4)	4	17,4 (7,0–37,1)	3	13,0 (4,5–32,1)	ав=0,0004 ас=0,0001 вс=0,6815
2 гр. Русские с НПИ (п=25)	14	56,0 (37,1–73,3)	2	8,0 (2,2–25,0)	9	36,0 (20,2–55,5)	ав=0,0003 ас=0,1560 вс=0,0169
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=229)	179	78,2 (72,4–83,0)	30	13,1 (9,3–18,1)	20	8,7 (5,7–13,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,1340
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=373)	218	58,4 (53,4–63,3)	66	17,7 (14,2–21,9)	89	23,9 (19,8–28,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0379

6 гр. Тувинцы с ППИ (n=104)	42	40,4 (31,5–50,0)	18	17,3 (11,2–25,7)	44	42,3 (33,3–51,9)	ав=0,0002 ас=0,7783 вс=0,0001
Всего (n=762)	472	61,9 (58,4–65,3)	120	15,7 (13,3–18,5)	170	22,3 (19,5–25,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0011
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,3322 (χ^2 =0,94)		p1–2=0,3257 (χ^2 =0,87)		p1–2=0,0665 (χ^2 =3,37)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,1088 (χ^2 =2,57)		p1–3=0,2063 (χ^2 =1,60)		p1–3=0,0059 (χ^2 =7,58)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,3621 (χ^2 =0,83)		p2–3=0,4091 (χ^2 =0,68)		p2–3=0,1868 (χ^2 =1,74)		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 (χ^2 =24,57)		p4–5=0,1350 (χ^2 =2,23)		p4–5<0,0001 (χ^2 =21,90)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 (χ^2 =45,74)		p4–6=0,3111 (χ^2 =1,03)		p4–6<0,0001 (χ^2 =51,93)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0011 (χ^2 =10,70)		p5–6=0,9271 (χ^2 =0,01)		p5–6=0,0002 (χ^2 =13,76)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,3473 (χ^2 =0,88)		p1–4=0,5658 (χ^2 =0,33)		p1–4=0,4939 (χ^2 =0,47)		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,8103 (χ^2 =0,06)		p2–5=0,2125 (χ^2 =1,55)		p2–5=0,1726 (χ^2 =1,86)		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,8726 (χ^2 =0,03)		p3–6=0,1990 (χ^2 =1,65)		p3–6=0,2673 (χ^2 =1,23)		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Из 762 включенных в анализ обследованных общей выборки обследованных в Туве подростков с корректно данными ответами на вопросы шкалы «Hostility», 61,9% характеризовались низким (в пределах допустимого) уровнем проявлений враждебности, у 22,3% имела место значительно выраженная симптоматика враждебности и 15,7% опрошенных отличались умеренной выраженностью проявлений враждебности (табл. 3).

Среди русских подростков единственным показателем, имевшим статистически значимые различия, была большая доля лиц со значительно выраженными проявлениями враждебности в группе с ППИ (62,5%) в сравнении с группой АПИ (13,0%). По остальным грациям выраженности враждебности значимых различий не установлено.

Подростки-тувинцы чаще характеризовались наличием лиц со значительно выраженной симптоматикой враждебности (42,3%), чем подростки с НПИ (23,9%) и АПИ (8,7%). Частота встречаемости значительно выраженного уровня враждебности у подростков с НПИ превышала значения данного показателя подростков с АПИ (23,9% и 8,7%).

Противоположная тенденция имела место при сравнительном анализе частоты встречаемости низкого уровня враждебности у подростков-тувинцев: существенно выше была встречаемость минимально выраженных проявлений враждебности в группе с АПИ (78,2%) в сравнении с подростками группы НПИ (58,4%) и ППИ (40,4%). У тувинцев также чаще регистрировался низкий уровень враждебности у подростков с АПИ в сравнении с группой НПИ. Статистически значимых различий частоты встречаемости и выраженности враждебности в группах подростков различной этнической принадлежности установлено не было (табл. 3).

Шкала фобической тревожности (Phobic Anxiety) опросника отражает страх перед специфическими ситуациями (агорафобия, социальные фобии, страх одиночества). Фобическая тревожность

(страхи) рассматривается в контексте наличия расстройств психопатологического спектра у представителей подросткового возраста. Таблица 4 включает данные сравнительного анализа выраженности фобической тревожности у подростков, различающихся этнической принадлежностью и онлайн-поведением.

Таблица 4. Уровень фобической тревожности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 4. Level of phobic anxiety in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень фобической тревожности						P
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=20)	8	40,0 (21,9–61,3)	6	30,0 (14,5–51,9)	6	30,0 (14,5–51,9)	ав=0,5073 ас=0,5073 вс=1,0000
2 гр. Русские с НПИ (п=23)	10	43,5 (25,6–63,2)	5	21,7 (9,7–41,9)	8	34,8 (18,8–55,1)	ав=0,1158 ас=0,5457 вс=0,3259
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	1	12,5 (2,2–47,1)	2	25,0 (7,1–59,1)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,5218 ас=0,0389 вс=0,1306
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=242)	111	45,9 (39,7–52,2)	81	33,5 (27,8–39,6)	50	20,7 (16,0–26,2)	ав=0,0053 ас<0,0001 вс=0,0015
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=356)	106	29,8 (25,3–34,7)	102	28,6 (24,2–33,6)	148	41,6 (36,6–46,8)	ав=0,7417 ас=0,0010 вс=0,0003
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=93)	15	16,1 (10,0–24,9)	26	28,0 (19,9–37,8)	52	55,9 (45,8–65,6)	ав=0,0517 ас<0,0001 вс=0,0001
Всего (п=742)	251	33,8 (30,5–37,3)	222	29,9 (26,7–33,3)	269	36,2 (32,9–39,8)	ав=0,1062 ас=0,3274 вс=0,0095
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,8176 (χ^2 =0,05)		p1–2=0,5358 (χ^2 =0,38)		p1–2=0,7385 (χ^2 =0,11)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,1593 (χ^2 =1,98)		p1–3=0,7913 (χ^2 =0,07)		p1–3=0,1117 (χ^2 =2,53)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,1147 (χ^2 =2,49)		p2–3=0,8493 (χ^2 =0,04)		p2–3=0,1712 (χ^2 =1,87)		
p4–5 (χ^2)	p4–5=0,0001 (χ^2 =16,14)		p4–5=0,2094 (χ^2 =1,58)		p4–5<0,0001 (χ^2 =28,45)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 (χ^2 =25,32)		p4–6=0,3324 (χ^2 =0,94)		p4–6<0,0001 (χ^2 =39,43)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0083 (χ^2 =6,98)		p5–6=0,8949 (χ^2 =0,02)		p5–6=0,0132 (χ^2 =6,14)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,6125 (χ^2 =0,26)		p1–4=0,7514 (χ^2 =0,10)		p1–4=0,3275 (χ^2 =0,96)		

p2-5 (χ^2)	p2-5=0,1670 ($\chi^2=1,91$)	p2-5=0,4754 ($\chi^2=0,51$)	p2-5=0,5213 ($\chi^2=0,41$)	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,7874 ($\chi^2=0,07$)	p3-6=0,8577 ($\chi^2=0,03$)	p3-6=0,7185 ($\chi^2=0,13$)	

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

В общей выборке 742 обследованных в Туве подростков с корректно данными ответами на вопросы шкалы «Phobic Anxiety» соотношение числа подростков с низким, умеренно и значительно выраженным уровнем фобий распределилось практически в равных долях — по 1/3 для каждой из оцениваемых градаций данной характеристики (соответственно 33,8%, 29,9% и 36,2%) (табл. 4).

У тувинских подростков с патологическим использованием Интернетом (ППИ) отмечена более высокая распространенность значительно выраженной фобической симптоматики (55,9%) в сравнении с группами неадаптивного (41,6%) и адаптивного пользования Интернетом (20,7%). В группе с неадаптивным использованием тувинские подростки показали более высокие показатели значительно выраженных фобий по сравнению с группой адаптивного пользования интернетом.

Среди русских подростков сравнение частоты встречаемости и выраженности всех градаций фобической тревожности в группах, различающихся онлайн-поведением, статистически значимых различий не выявило. Значимых этнических различий встречаемости и выраженности фобий (страхов) в сравниваемых группах (тувинцы/русские) также выявлено не было (табл. 4).

Шкала паранойяльных тенденций «Paranoid tendencies» в поведении (параноидные идеи — Paranoid Ideation) оценивает проективное мышление и подозрительность (недооценка, чувство преследования, недоверие). Наличие и выраженность проявлений паранойяльности в группах подростков русского и тувинского этноса с различным онлайн-поведением отражены в таблице 5.

Таблица 5. Уровень паранойяльных тенденций у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 5. Level of paranoid tendencies in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень паранойяльных тенденций						P
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=29)	19	65,5 (47,3–80,1)	8	27,6 (14,7–45,7)	2	6,9 (1,9–22,0)	ав=0,0038 ас<0,0001 вс=0,0370
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	6	23,1 (11,0–42,1)	7	26,9 (13,7–46,1)	ав=0,0038 ас=0,0872 вс=0,7488
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	1	12,5 (2,2–47,1)	4	50,0 (21,5–78,5)	ав=0,2482 ас=0,6143 вс=0,1057
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=299)	219	73,2 (68,0–77,9)	49	16,4 (12,6–21,0)	31	10,4 (7,4–14,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0306
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=383)	172	44,9 (40,0–49,9)	108	28,2 (23,9–32,9)	103	26,9 (22,7–31,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6859

6 гр. Тувинцы с ППИ (п=98)	24	24,5 (17,0–33,9)	28	28,6 (20,6–38,2)	46	46,9 (37,4–56,7)	ав=0,5175 ас=0,0010 вс=0,0080
Всего (п=843)	450	53,4 (50,0–56,7)	200	23,7 (21,0–26,7)	193	22,9 (20,2–25,8)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6868
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,2441 (χ^2 =1,36)		p1–2=0,7015 (χ^2 =0,15)		p1–2=0,0450 (χ^2 =4,02)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,1530 (χ^2 =2,04)		p1–3=0,3786 (χ^2 =0,78)		p1–3=0,0034 (χ^2 =8,57)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,5356 (χ^2 =0,38)		p2–3=0,5176 (χ^2 =0,42)		p2–3=0,2224 (χ^2 =1,49)		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 (χ^2 =55,11)		p4–5=0,0003 (χ^2 =13,22)		p4–5<0,0001 (χ^2 =29,04)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 (χ^2 =73,89)		p4–6=0,0081 (χ^2 =7,01)		p4–6<0,0001 (χ^2 =63,14)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0002 (χ^2 =13,48)		p5–6=0,9417 (χ^2 =0,01)		p5–6=0,0001 (χ^2 =14,67)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,3733 (χ^2 =0,79)		p1–4=0,1286 (χ^2 =2,31)		p1–4=0,5530 (χ^2 =0,35)		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,6137 (χ^2 =0,25)		p2–5=0,5730 (χ^2 =0,32)		p2–5=0,9973 (χ^2 =0,00)		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,4168 (χ^2 =0,66)		p3–6=0,3269 (χ^2 =0,96)		p3–6=0,8675 (χ^2 =0,03)		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Из 843 включенных в анализ подростков, обследованных в Туве, корректно заполнивших шкалу, оценивающую уровень паранойяльности (паранойяльных тенденций в поведении), 53,4% обследованных имели низкий (в пределах допустимого) уровень паранойяльных тенденций в поведении и по 1/4 — умеренно и значительно выраженную симптоматику анализируемого показателя (соответственно 23,7% и 22,9%) (табл. 5).

Подростки-тувинцы с ППИ в большем проценте случаев имели значительно выраженный уровень паранойяльных тенденций в поведении (46,9%), чем лица с НПИ (26,9%) и АПИ (10,4%). В группе с НПИ доля лиц со значительно выраженным уровнем паранойяльности была больше аналогичного показателя группы с АПИ. Соотношение численности подростков с низкой выраженностью паранойяльных тенденций в группах сравнения (с АПИ, НПИ и ППИ) имело противоположную направленность, документируемую большей численностью подростков с низким уровнем данного показателя в группе с АПИ и значительно меньшей их численностью в группах с НПИ и ППИ. Среди тувинцев умеренно выраженным уровнем параноидных идеаций чаще характеризовались подростки с ППИ и НПИ в сравнении с группой АПИ (табл. 5).

Для 50,0% русских подростков с ППИ была характерна значительная выраженность паранойяльности, что оказалось существенно выше аналогичной характеристики группы с АПИ (6,9%), а показатель подростков с НПИ (26,9%) значительно превышал его величину у подростков с АПИ (6,9%). Частота встречаемости и уровень паранойяльных тенденций в поведении были сопоставимы среди русских подростков и подростков-тувинцев в аналогичных по виду онлайн-поведения группах, значимых этнических различий установлено не было (табл. 5).

Шкала психотизма (Psychoticism) опросника выявляет изоляцию и шизоидные тенденции (социальную отчужденность, странные убеждения, перцептивные нарушения). Таблица 6 представляет особенности уровня психотизма подростков, различающихся этнической принадлежностью и видом онлайн-поведения.

Таблица 6. Уровень психотизма у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением
Table 6. Psychoticism levels in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behaviors

Группы обследованных	Уровень психотизма (Psychoticism)						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=25)	19	76,0 (56,6–88,5)	4	16,0 (6,4–34,7)	2	8,0 (2,2–25,0)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3841
2 гр. Русские с НПИ (п=23)	14	60,9 (40,8–77,8)	4	17,4 (7,0–37,1)	5	21,7 (9,7–41,9)	ав=0,0025 ас=0,0070 вс=0,7101
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	2	25,0 (7,1–59,1)	2	25,0 (7,1–59,1)	4	50,0 (21,5–78,5)	ав=1,0000 ас=0,3017 вс=0,3017
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=259)	186	71,8 (66,0–76,9)	51	19,7 (15,3–25,0)	22	8,5 (5,7–12,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0003
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=371)	174	46,9 (41,9–52,0)	105	28,3 (24,0–33,1)	92	24,8 (20,7–29,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,2798
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=95)	29	30,5 (22,2–40,4)	24	25,3 (17,6–34,8)	42	44,2 (34,6–54,2)	ав=0,4186 ас=0,0512 вс=0,0061
Всего (п=781)	424	54,3 (50,8–57,8)	190	24,3 (21,4–27,5)	167	21,4 (18,7–24,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,1658
p1–2 (χ2)	p1–2=0,2586 χ2=1,28		p1–2=0,8972 χ2=0,02		p1–2=0,1779 χ2=1,82		
p1–3 (χ2)	p1–3=0,0091 χ2=6,81		p1–3=0,5657 χ2=0,33		p1–3=0,0073 χ2=7,19		
p2–3 (χ2)	p2–3= 0,0804 χ2=3,06		p2–3=0,6389 χ2=0,22		p2–3=0,1293 χ2=2,30		
p4–5 (χ2)	p4–5<0,0001 χ2=38,66		p4–5=0,0138 χ2=6,07		p4–5<0,0001 χ2=27,35		
p4–6 (χ2)	p4–6<0,0001 χ2=49,69		p4–6=0,2556 χ2=1,29		p4–6<0,0001 χ2=59,87		
p5–6 (χ2)	p5–6=0,0041 χ2=8,25		p5–6=0,5548 χ2=0,35		p5–6=0,0002 χ2=13,91		
p1–4 (χ2)	p1–4=0,6556 χ2=0,20		p1–4=0,6556 χ2=0,20		p1–4=0,9324 χ2=0,01		
p2–5 (χ2)	p2–5=0,1931 χ2=1,69		p2–5=0,2564 χ2=1,29		p2–5=0,7411 χ2=0,11		
p3–6 (χ2)	p3–6=0,7435 χ2=0,11		p3–6=0,9869 χ2=0,00		p3–6=0,7517 χ2=0,10		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «p».

Корректно дал ответы на вопросы шкалы психотизма 781 подросток из всех включенных в общую выборку обследованных в Туве, из их числа 54,3% опрошенных отличались низким уровнем данной характеристики психопатологических расстройств, для 1/5 подростков было характерно наличие умеренно (24,3%) и значительно (21,4%) выраженного уровня психотизма (табл. 6).

Значительно выраженную симптоматику психотических проявлений чаще имели тувинцы с ППИ (44,2%), чем их сверстники из группы с НПИ (24,8%) и АПИ (8,5%). Подростки с НПИ отличались большей величиной данного показателя в сравнении с обследованными группы АПИ. Противоположная тенденция отмечалась в сравниваемых группах для показателя низкого уровня психотизма — среди тувинцев с АПИ лиц с низкой (в пределах допустимого уровня) выраженностью психотизма было значительно больше (71,8%), чем было таких лиц в группе с НПИ (46,9%) и ППИ (30,5%). Тувинцы с ППИ имели меньшую численность лиц с низким уровнем психотизма, чем подростки с НПИ.

Для русских подростков с ППИ чаще была характерна значительная выраженность проявлений психотической симптоматики (50,0%), чем для подростков с АПИ (8,0%), у которых, напротив, значительно чаще регистрировался низкий (допустимый) уровень психотизма (76,0%). Статистически значимых этнических различий частоты встречаемости и всех градаций психотизма в аналогичных по онлайн-поведению группах подростков тувинского и русского этносов установлено не было (табл. 6).

Для комплексной оценки расстройств психопатологического спектра (РППС) используются несколько интегральных показателей, включая общий индекс тяжести симптомов (GSI). GSI является глобальным показателем психопатологической нагрузки и наиболее чувствительным индикатором текущего состояния и выраженности расстройства. Этот индекс интегрирует информацию о количестве симптомов и интенсивности переживаемого дистресса. В таблице 7 представлены результаты анализа выраженности общего индекса тяжести симптомов у подростков групп сравнения с различными типами онлайн-поведения.

Таблица 7. Уровень общего индекса тяжести симптомов у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 7. Overall symptom severity index (ossi) levels in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behaviors

Группы обследованных	Уровень общего индекса тяжести симптомов (GSI)						P
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=38)	28	73,7 (58,0–85,0)	6	15,8 (7,4–30,4)	4	10,5 (4,2–24,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,4973
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	15	57,7 (38,9–74,5)	4	15,4 (6,2–33,5)	7	26,9 (13,7–46,1)	ав=1,0000 ас=0,3017 вс=0,3017
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=399)	345	86,5 (82,8–89,5)	43	10,8 (8,1–14,2)	11	2,8 (1,5–4,9)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=432)	244	56,5 (51,8–61,1)	109	25,2 (21,4–29,5)	79	18,3 (14,9–22,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0134

6 гр. Тувинцы с ППИ (n=106)	37	34,9 (26,5–44,4)	25	23,6 (16,5–32,5)	44	41,5 (32,6–51,0)	ав=0,0700 ас=0,3225 вс=0,0054
Всего (n=1009)	672	66,6 (63,6–69,4)	187	18,5 (16,3–21,0)	150	14,9 (12,8–17,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0272
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,1808 $\chi^2=1,79$		p1–2=0,9651 $\chi^2=0,00$		p1–2=0,0877 $\chi^2=2,92$		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,0472 $\chi^2=3,94$		p1–3=0,2281 $\chi^2=1,45$		p1–3=0,0008 $\chi^2=11,34$		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,3170 $\chi^2=1,00$		p2–3=0,2376 $\chi^2=1,39$		p2–3=0,0656 $\chi^2=3,39$		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 $\chi^2=90,35$		p4–5<0,0001 $\chi^2=29,00$		p4–5<0,0001 $\chi^2=51,80$		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 $\chi^2=120,85$		p4–6=0,0006 $\chi^2=11,79$		p4–6<0,0001 $\chi^2=129,60$		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0001 $\chi^2=15,88$		p5–6=0,7254 $\chi^2=0,12$		p5–6<0,0001 $\chi^2=26,03$		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,0332 $\chi^2=4,53$		p1–4=0,3494 $\chi^2=0,88$		p1–4= 0,0120 $\chi^2=6,32$		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,9037 $\chi^2=0,01$		p2–5=0,2580 $\chi^2=1,28$		p2–5=0,2735 $\chi^2=1,20$		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,8821 $\chi^2=0,02$		p3–6=0,1201 $\chi^2=2,42$		p3–6=0,2475 $\chi^2=1,34$		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Среди 1009 подростков общей выборки обследованных в Туве и предоставивших полные ответы на шкалу общего индекса тяжести симптомов (GSI), большинство (66,6%) продемонстрировали низкую выраженность этого показателя. Умеренно выраженный уровень GSI отмечен у 18,5% участников, а значительную выраженность выявили у 14,9% подростков (табл. 7).

У подростков-тувинцев с патологическим использованием Интернетом (ППИ) выявлена более высокая распространенность значительно выраженного уровня общего индекса тяжести симптомов (41,5%) по сравнению с группами неадаптивного (18,3%) и адаптивного пользования Интернетом (2,8%). Доля лиц со значительной выраженностью симптомов была выше в группе с неадаптивным использованием интернетом (18,3%) в сравнении с группой адаптивного пользования (2,8%). Аналогичная, но противоположно направленная, тенденция анализируемых показателей отмечалась и относительно такой категории показателя GSI, как низкая степень его выраженности. Умеренно выраженным уровнем общего индекса тяжести симптомов значительно чаще характеризовались подростки-тувинцы с ППИ (23,6%) и НПИ (25,2%) в сравнении с представителями группы АПИ (10,8%) (табл. 7).

Подростки русского этноса с патологическим использованием интернетом (ППИ) имели более высокую долю лиц со значительной выраженностью общего индекса тяжести симптомов (62,5%) в сравнении с группой адаптивного пользования Интернетом (АПИ). В противоположность, низкая выраженность этого показателя (в пределах допустимого уровня) чаще отмечена у лиц с адаптивным использованием Интернетом (73,7%).

Этнические различия по показателю общего индекса тяжести симптомов (GSI) выявили более высокую численность русских подростков со значительной выраженностью этого показателя в сравнении с тувинскими сверстниками в группе с адаптивным использованием Интернетом (АПИ). И, напротив, среди подростков с АПИ частота встречаемости низкого уровня GSI была выше у подростков тувинской (86,5%), чем русской (73,7%) этнической принадлежности (табл. 7).

Индекс симптоматического дистресса (PSDI) характеризует интенсивность переживаемых симптомов и служит индикатором модели реагирования при заполнении опросника: тенденция к усилению или минимизации выраженности симптоматического дистресса при ответах. В *таблице 8* представлены результаты анализа индекса симптоматического дистресса у подростков групп сравнения с различными типами онлайн-поведения.

Таблица 8. Уровень интенсивности дистресса у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 8. The level of distress intensity in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень интенсивности дистресса (PSDI)						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=48)	22	45,8 (32,6–59,7)	17	35,4 (23,4–49,6)	9	18,7 (10,2–31,9)	ав=0,2988 ac=0,0045 bc=0,0662
2 гр. Русские с НПИ (п=27)	5	18,5 (8,2–36,7)	12	44,4 (27,6–62,7)	10	37,0 (21,5–55,8)	ав=0,0403 ac=0,1287 bc=0,5796
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	2	25,0 (7,1–59,1)	1	12,5 (2,2–47,1)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,5218 ac=0,1306 bc=0,0389
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=524)	316	60,3 (56,1–64,4)	148	28,2 (24,6–32,2)	60	11,4 (9,0–14,5)	ав<0,0001 ac<0,0001 bc<0,0001
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=459)	178	38,8 (34,4–43,3)	172	37,5 (33,2–42,0)	109	23,7 (20,1–27,8)	ав=0,6835 ac<0,0001 bc<0,0001
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=111)	23	20,7 (14,2–29,2)	32	28,8 (21,2–37,9)	56	50,4 (41,3–59,6)	ав=0,1618 ac<0,0001 bc=0,0010
Всего (п=1177)	546	46,4 (43,6–49,2)	382	32,5 (29,8–35,2)	249	21,2 (18,9–23,6)	ав<0,0001 ac<0,0001 bc<0,0001
p1–2 (χ2)	p1–2=0,0180 χ2=5,60		p1–2=0,4409 χ2=0,59		p1–2=0,0805 χ2=3,06		
p1–3 (χ2)	p1–3=0,2703 χ2=1,22		p1–3=0,1988 χ2=1,65		p1–3=0,0082 χ2=7,00		
p2–3 (χ2)	p2–3=0,6873 χ2=0,16		p2–3=0,1005 χ2=2,70		p2–3=0,2012 χ2=1,63		
p4–5 (χ2)	p4–5<0,0001 χ2=45,35		p4–5=0,0021 χ2=9,49		p4–5<0,0001 χ2=25,99		
p4–6 (χ2)	p4–6<0,0001 χ2=57,68		p4–6=0,9012 χ2=0,02		p4–6<0,0001 χ2=93,31		
p5–6 (χ2)	p5–6=0,0004 χ2=12,77		p5–6=0,0883 χ2=2,91		p5–6<0,0001 χ2=30,99		

p1-4 (χ^2)	p1-4=0,0510 $\chi^2=3,81$	p1-4=0,2938 $\chi^2=1,10$	p1-4=0,1372 $\chi^2=2,21$	
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,0347 $\chi^2=4,46$	p2-5=0,4680 $\chi^2=0,53$	p2-5=0,1186 $\chi^2=2,44$	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,7741 $\chi^2=0,08$	p3-6=0,3191 $\chi^2=0,99$	p3-6=0,5102 $\chi^2=0,43$	

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Среди подростков общей обследованной в Туве выборки, предоставивших полные ответы на индекс симптоматического дистресса (PSDI), 46,4% продемонстрировали низкий уровень дистресса, 32,5% — умеренно выраженный уровень и 21,2% — значительно выраженный уровень (табл. 8).

Среди тувинских подростков распространенность значительной выраженности дистресса была выше в группах с патологическим (50,4%) и неадаптивным использованием Интернетом (23,7%) в сравнении с адаптивным (11,4%). Кроме того, показатель значительной выраженности дистресса в группе с неадаптивным использованием был выше, чем в группе с адаптивным использованием. Противоположная тенденция отмечалась в сравниваемых группах для показателя низкого уровня интенсивности дистресса — среди тувинцев с АПИ лиц с низкой (в пределах допустимого уровня) выраженностью дистресса было значительно больше (60,3%), чем было таких лиц в группе с НПИ (38,8%) и ППИ (20,7%). Тувинцы с ППИ имели меньшую численность лиц с низким уровнем дистресса, чем подростки-тувинцы с НПИ (табл. 8).

Подростки русской этнической принадлежности характеризовались большей численностью лиц со значительной интенсивностью дистресса (62,5%) в сравнении с группой подростков с АПИ (18,7%). Кроме того, русские подростки с НПИ отличались меньшей встречаемостью низкого уровня дистресса (18,5%), чем их сверстники русской этнической принадлежности с АПИ (45,8%) (табл. 8).

Этнические различия индекса симптоматического дистресса выявили более низкую распространенность низкого уровня дистресса у русских подростков с адаптивным использованием Интернетом (45,8%) в сравнении с тувинскими подростками с адаптивным использованием Интернетом (60,3%). Также значительно меньшей была встречаемость низкого уровня дистресса у русских подростков с НПИ (18,5%), чем у их сверстников-тувинцев с НПИ (38,8%).

Общее число утвердительных ответов (PST) отражает широту диапазона симптоматики, то есть количество утверждений опросника, по которым участник отметил уровень выраженности выше нулевого. PST является одним из интегральных показателей психопатологических расстройств, верифицируемых с помощью опросника SCL-90-R.

Анализ распределения подростков по уровню выраженности PST выявил, что как русские, так и тувинские подростки с патологическим использованием Интернетом (ППИ) чаще демонстрировали значительную широту диапазона симптоматики (соответственно 62,5% и 42,3%), несколько меньшими величинами данного показателя характеризовались подростки (русские и тувинцы) с НПИ (соответственно 18,5% и 27,4%) и значительно реже регистрировался значительно выраженный уровень данного показателя у подростков с АПИ (12,5% — у русских, 6,9% — у тувинцев). Этнических различий анализируемого показателя в группах сравнения выявлено не было.

Результаты проделанной работы позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Скрининговое исследование 1028 подростков Республики Тыва с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (CIAS) и опросника SCL-90-R выявило высокую распространенность как адаптивного пользования Интернетом (АПИ), так и неадаптивного пользования Интернетом (НПИ) — по 44,6% в каждой группе. Доля подростков с патологическим использованием Интернетом / интернет-зависимостью (ППИ/ИЗ) составила около 10–11% и была одинакова у тувинских и русских подростков;

2. По всем анализируемым шкалам опросника SCL-90-R — обсессивно-компульсивным симптомам, межличностной сензитивности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльным тен-

денциям и психотизму — а также по интегральным индексам (общий индекс тяжести симптомов, индекс симптоматического дистресса и общее число утвердительных ответов) выявлена однонаправленная зависимость: от АПИ к НПИ и далее к ППИ наблюдается систематический рост доли подростков с умеренно и значительно выраженными психопатологическими проявлениями и, соответственно, снижение доли лиц с низким (допустимым) уровнем психопатологической симптоматики;

3. Подростки с патологическим использованием Интернетом (ППИ/ИЗ) во всех этнических группах характеризуются наибольшей психопатологической нагрузкой: у них существенно чаще фиксируются значительно выраженные обсессивно-компульсивные симптомы, межличностная сензитивность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность и психотизм, а также высокие значения общего индекса тяжести симптомов (GSI), индекса наличного дистресса (PSDI) и показателя широты диапазона симптоматики (PST);

4. Группа подростков с неадаптивным использованием Интернетом (НПИ) занимает промежуточное положение между АПИ и ППИ по уровню выраженности психопатологической симптоматики: при НПИ доля умеренно и значительно выраженных расстройств по большинству шкал опросника SCL 90 R достоверно выше, чем при АПИ, но ниже, чем при ППИ, что позволяет рассматривать НПИ как потенциально значимый фактор, способствующий формированию у подростков более выраженных расстройств психопатологического спектра;

5. У подростков с адаптивным использованием Интернетом (АПИ), независимо от этнической принадлежности, преобладает низкая выраженность (в пределах нормального диапазона) обсессивно-компульсивных симптомов, межличностной сензитивности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций и психотизма, а также низкие значения GSI, PSDI и более узкий диапазон симптоматики (PST), что свидетельствует о сравнительно благополучном психическом статусе данной группы;

6. Подростков тувинской этнической принадлежности отличают следующие особенности:

- при ППИ отмечается максимальная доля лиц со значительно выраженными обсессивно-компульсивными симптомами, межличностной сензитивностью, враждебностью, фобической тревожностью, паранойяльностью, психотизмом и высокими уровнями GSI, PSDI и PST;

- при НПИ частота умеренно и значительно выраженных психопатологических проявлений достоверно выше, чем при АПИ;

- при АПИ большинство подростков имеют низкий уровень указанных симптомов и интегральных показателей, что подчёркивает защитный характер адаптивного онлайн поведения;

7. Среди русских подростков обнаружена та же направленность связей вида онлайн поведения с психопатологическими показателями, однако при ППИ у них чаще фиксируются высокие (значительно выраженные) уровни обсессивно-компульсивных симптомов, межличностной сензитивности, психотизма, паранойяльности, общего индекса тяжести симптомов (GSI), интенсивности дистресса (PSDI) и широты диапазона симптоматики (PST) по сравнению с русскими сверстниками с АПИ и НПИ;

8. Этнические различия касаются преимущественно подростков с адаптивным и неадаптивным использованием Интернетом: у подростков тувинского этноса с АПИ чаще регистрируются низкие уровни обсессивно-компульсивной симптоматики, враждебности, дистресса (PSDI) и общего индекса тяжести симптомов (GSI), чем у русских сверстников с АПИ, тогда как среди подростков с НПИ и ППИ частота и выраженность психопатологической симптоматики в целом сопоставимы между подростками тувинской и русской этнической принадлежности;

9. Полученные данные подтверждают, что характер онлайн поведения (адаптивное, неадаптивное, патологическое) является значимым маркером уровня психопатологической нагрузки у подростков и отражает степень неблагополучия в эмоциональной и поведенческой сфере, тогда как этническая принадлежность модифицирует преимущественно «фоновые» уровни отдельных симптомов в группах с адаптивным интернет-поведением, но не меняет самой закономерности связи между типом интернет-пользования и выраженностью психопатологической симптоматики;

10. Результаты исследования обосновывают необходимость проведения скрининга онлайн-поведения подростков с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (CIAS) в сочетании с оценкой психопатологической симптоматики по опроснику SCL-90-R с целью раннего выявления

групп риска (НПИ и особенно ППИ/ИЗ) и своевременного проведения профилактических и коррекционных мероприятий, направленных на предупреждение формирования и хронизации расстройств психопатологического спектра в подростковом возрасте.

Указанная ниже таблица 9 дает наглядное представление о важнейших закономерностях психопатологических расстройств у подростков Тувы с различным онлайн-поведением.

Таблица 9. Сводная таблица психопатологических расстройств у подростков Тувы с различным онлайн-поведением

Table 9. Summary table of psychopathological disorders in Tuva adolescents with different online behaviors

Показатели по шкалам опросника SCL-90-R	Онлайн-поведение			Этнические различия	Практическое значение
	АПИ	НПИ	ППИ		
1. Обсессивность-компульсивность	Преобладает низкий уровень	Умеренный уровень чаще, чем при АПИ	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия сглаживаются	Скрининг и ранняя профилактика для НПИ и ППИ
2. Межличностная сензитивность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Внимание к межличностной сфере при НПИ и ППИ
3. Враждебность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Коррекция агрессивности в группах риска
4. Фобическая тревожность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Психопрофилактика тревожных расстройств
5. Паранойяльность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Мониторинг паранойяльных тенденций
6. Психотизм	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Раннее выявление психотических проявлений
7. Общий индекс тяжести симптомов (GSI)	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Комплексная оценка психопатологии

8. Интенсивность дистресса (PSDI)	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Оценка выраженности дистресса
-----------------------------------	----------------	-------------------	---	---	-------------------------------

Таким образом, как следует из *таблицы 9*, АПИ характеризуется преимущественно низким уровнем психопатологической симптоматики по всем шкалам опросника SCL-90-R. НПИ занимает промежуточное положение: умеренно выраженные симптомы встречаются чаще, чем при АПИ, но реже, чем при ППИ. ППИ связано с максимальной выраженностью психопатологических проявлений по всем показателям. Этнические различия проявляются в основном при АПИ: у тувинцев ниже уровни отдельных симптомов и интегральных индексов, чем у русских. При НПИ и ППИ различия между этническими группами минимальны. Практическая значимость включает необходимость проведения скрининга интернет-поведения подростков с использованием CIAS и SCL-90-R для раннего выявления групп риска (особенно НПИ и ППИ) и проведения профилактических мероприятий.

Обсуждение

В последние годы использование Интернета населением Республики Тыва вошло в поле внимания ученых (Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022). Исследования ряда авторов были направлены на анализ различных факторов и патологических состояний, ассоциированных с психопатологическими расстройствами. Однако в этих работах, как правило, не рассматривалась роль онлайн-поведения подростков в развитии нарушений психоэмоционального статуса (Захарова и др., 2020; Tereshchenko, 2023; Нестерова, Левин, 2020). В одной из наших публикаций с соавторами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) представлены результаты анализа распространенности типов пользования Интернетом — адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ) и патологического (ППИ) — а также особенностей контента, потребляемого подростками Кызыла (столица Республики Тыва) различной возрастно-половой и этнической принадлежности. Но и в данном исследовании не была проведена оценка ассоциаций между типами пользования Интернетом и расстройствами психопатологического спектра. Работы, посвященные изучению ассоциаций онлайн-поведения с расстройствами психопатологического спектра единичны (Фотекова и др., 2024). Хотя, безусловно, данное направление является актуальным, что и обусловило выбор темы представленного нами исследования.

Результаты настоящего исследования подтверждают и дополняют представление о неадаптивном (НПИ) и патологическом (ППИ/ИЗ) пользовании Интернетом как о самостоятельном факторе психопатологической нагрузки в подростковом возрасте. Полученные данные согласуются с выводами крупных международных и российских работ, но вносят существенный вклад за счёт: использования валидизированного инструмента CIAS для дифференциации адаптивного, неадаптивного и патологического интернет-поведения; комплексной оценки широкого спектра психопатологических проявлений по опроснику SCL-90-R; анализа этнокультурных различий (русский и тувинский этносы) в рамках единого культурно-социального контекста.

Распространённость и структура проблемного (дезадаптивного) интернет-пользования. Доля подростков с патологическим использованием Интернетом (ППИ/ИЗ) в выборке подростков Республики Тыва (около 11%) сопоставима с данными международных мета-анализов и крупных популяционных исследований, где распространённость ППИ/ИЗ у подростков и молодёжи обычно колеблется в диапазоне 6–15% в зависимости от методики и пороговых значений используемых критериев. Российские данные по подросткам Центральной Сибири, полученные с использованием той же шкалы CIAS, демонстрируют близкие величины распространённости интернет-аддикции (около 6,8–6,9%) при высокой доле неадаптивных форм пользования (Tereshchenko et al., 2021; Эверт и др., 2020; Tereshchenko et al., 2022), что подтверждает репрезентативность и сопоставимость результатов настоящего исследования с другими региональными выборками (Restrepo et al., 2020; Bickham, 2021; Nogueira-López et al., 2023).

Установленный нами факт приблизительно равного представительства адаптивного и неадаптивного пользования Интернетом в общей выборке (по 44,6%) хорошо согласуется с выводами

о «широком субклиническом слое» подростков с НПИ, находящихся в зоне риска, но ещё не достигших уровня клинически выраженной зависимости. Зарубежные исследования показывают, что именно промежуточная группа подростков с неадаптивным использованием Интернетом (moderate/problematic use) является основным источником психопатологической симптоматики и функционального неблагополучия, тогда как выраженная интернет-зависимость встречается реже, но ассоциирована с максимально выраженными нарушениями (Nogueira-López et al., 2023; Tereshchenko et al., 2022; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Guo et al., 2020; Restrepo et al., 2020).

Анализируемая в исследовании триада видов интернет-поведения (адаптивное — неадаптивное — патологическое) концептуально соответствует современным моделям континуума цифрового поведения, где акцент смещается от дихотомии «норма — патология» к представлению о риске и тяжести нарушений. Это имеет важное клиничко-профилактическое значение, поскольку позволяет не только выявлять уже сформировавшуюся интернет-зависимость, но и верифицировать большую группу подростков с неадаптивным онлайн-поведением как мишень для раннего вмешательства (Tereshchenko et al., 2022; Restrepo et al., 2020).

Психопатологические профили при различном онлайн-поведении. Наиболее значимым результатом настоящей работы является демонстрация чётко обозначенной связи между видом интернет-поведения и уровнем психопатологической симптоматики по всем анализируемым шкалам SCL-90-R и интегральным индексам (GSI, PSDI, PST). По мере перехода от АПИ к НПИ, а затем к ППИ, закономерно возрастает численность подростков с умеренно и значительно выраженными проявлениями обсессивно-компульсивной симптоматики, межличностной сензитивности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльности и психотизма, а также интегральных показателей тяжести и широты симптоматики. Эти данные полностью согласуются с результатами крупных исследований, показавших, что ППИ/ИЗ у детей и подростков ассоциировано с более высокими уровнями как внутренней (депрессия, тревога, эмоциональные расстройства), так и внешней (агрессия, поведенческие проблемы, гиперактивность) психопатологии. Метаанализы и систематические обзоры подчёркивают устойчивую связь ППИ с депрессией, тревогой, стрессом и снижением субъективного благополучия, а также с нарушениями сна, соматической симптоматикой и повышенной частотой суицидального поведения (Bickham, 2021; Tereshchenko et al., 2021; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Restrepo et al., 2020; Guo et al., 2020; Shannon et al., 2022; Winds, Plattner, 2024; Nogueira-López et al., 2023; Tereshchenko et al., 2022).

Особый интерес представляют результаты по обсессивно-компульсивной симптоматике и психотизму. В ряде работ показано, что обсессивно-компульсивные симптомы являются одним из наиболее устойчивых предикторов интернет-аддикции, тогда как депрессия, тревога, враждебность, межличностная сензитивность и психотизм в большей степени выступают последствиями или сопутствующими проявлениями сформировавшегося ППИ/ИЗ. Наши данные, фиксирующие значимый рост числа подростков со значительно выраженными обсессивно-компульсивными симптомами и психотизмом в группе ППИ по сравнению как с АПИ, так и с НПИ, хорошо вписываются в эту модель (Winds, Aebi, Plattner, 2024; Zamboni et al., 2020). Важно отметить, что аналогичная закономерность показана и в крупных выборках студентов, где по мере нарастания тяжести интернет-аддикции резко увеличивается распространённость клинически значимых депрессивных симптомов, психотизма и паранойяльности. В работах, использующих опросник SCL-90-R, неоднократно демонстрировалось, что проблемное интернет-пользование связано с более высокими баллами по всем основным шкалам опросника, включая обсессивно-компульсивные симптомы, межличностную чувствительность, враждебность, фобическую тревожность, паранойяльные идеи и психотизм (Guo et al., 2020; Zamboni et al., 2020).

Показатель широты диапазона симптоматики (PST), использованный в настоящем исследовании, дополняет эту картину, показывая, что у подростков с ППИ не только возрастает интенсивность отдельных симптомов, но и существенно расширяется спектр проблем, затрагивающих разные психопатологические домены. Такое «мультифокальное» вовлечение эмоциональной, поведенческой и когнитивной сфер отмечается и в других работах по ППИ у подростков и, вероятно, отражает переход от ограниченных реакций стресса к более генерализованному расстройству адаптации (Restrepo et al., 2020; Guo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022).

Агрессия, враждебность и паранойяльные тенденции. Выявленное в настоящем исследовании увеличение выраженности враждебности и паранойяльных тенденций в поведении у подростков с

ППИ особенно значимо с точки зрения риска агрессивного и асоциального поведения. Современные данные свидетельствуют о том, что ППИ и интернет-аддикция у подростков связаны с повышенной агрессивностью, включая физическую и вербальную агрессию, в том числе через посредство тревоги и эмоциональной дисрегуляции. Лонгитюдные исследования показывают, что именно чрезмерное и дисфункциональное пользование Интернетом может предшествовать росту агрессивного поведения, а не только наоборот (Zhang et al., 2022; Ran et al., 2025; Thomas et al., 2022).

Наличие связи ППИ с паранойяльными идеями и психотизмом, выявленной в настоящем исследовании, также имеет подтверждение в литературе. Показано, что тяжёлая интернет-аддикция ассоциирована с повышенной частотой психотически-подобных переживаний и паранойяльных идей. В частности, базовый уровень паранойяльности может предсказывать развитие интернет-аддикции в последующем, тогда как сформировавшаяся зависимость сама по себе усиливает выраженность психотических симптомов и связанных с ними проявлений дистресса. Это укладывается в представление о двусторонней, взаимно поддерживающейся связи между уязвимостью к психотической симптоматике и патологическим интернет-поведением (Guo et al., 2020; Lee et al., 2019; Yen-Ju et al., 2020).

Этнокультурные особенности: подростки тувинской и русской этнической принадлежности. Одной из особенностей настоящего исследования является сопоставление психопатологических профилей подростков тувинского и русского этносов в пределах одной географической и социокультурной среды. Большинство существующих исследований либо не учитывают этнический фактор, либо рассматривают его в виде косвенной ковариаты. Публикации, посвящённые Туве, в основном описывают психоэмоциональное состояние подростков и молодёжи в связи с онлайн-поведением и социально-экономическими условиями региона, но без детальной психопатологической стратификации по опроснику SCL-90-R (Фотекова и др., 2024; Эверт и др., 2023; Зайцева и др., 2024; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022).

Результаты проведенного исследования показали, что ключевая закономерность — рост психопатологической нагрузки от АПИ к НПИ и ППИ — сохраняется в обеих этнических группах. Этнические различия касаются преимущественно «фона»: подростки тувинской этнической принадлежности с адаптивным интернет-поведением демонстрируют, как правило, более низкие уровни обсессивно-компульсивной симптоматики, враждебности, дистресса и общего индекса тяжести симптомов по сравнению с русскими сверстниками, тогда как при НПИ и ППИ выраженность психопатологических расстройств становится сопоставимой в обоих этносах. Это косвенно согласуется с данными о региональных и гендерных различиях в уровне эмоциональных и поведенческих проблем у российских подростков, а также с выводами о том, что цифровое поведение и психическое здоровье опосредуются целым комплексом культурных, социальных и семейных факторов (Tereshchenko et al., 2022; Семенова и др., 2020; Фотекова и др., 2024). Таким образом, можно предположить, что этнокультурный контекст в большей степени влияет на исходный уровень уязвимости и доступные стратегии совладания (в группе АПИ), тогда как при формировании патологического интернет-поведения (ППИ) универсальные механизмы аддикции и психопатологической декомпенсации нивелируют межэтнические различия.

Возможные механизмы связи ППИ и психопатологии. Современные теоретические модели (в первую очередь I-PACE-модель поведенческих аддикций) рассматривают ППИ как результат взаимодействия личностных особенностей, аффективных и когнитивных факторов и исполнительных функций самоконтроля. С этой точки зрения, подростки с повышенной эмоциональной уязвимостью (депрессия, тревога, эмоциональная нестабильность), склонностью к обсессивно-компульсивным и тревожно-подозрительным переживаниям, а также с трудностями регуляции импульсов и внимания, с большей вероятностью выбирают интернет как средство компенсации негативного аффекта, избегания реальных стрессоров и межличностных ситуаций (Ran et al., 2025; Huang, Ma, Fan, 2025; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022).

В свою очередь, регулярное использование интернет-ресурсов как стратегии эмоционального «самолечения» закрепляет патологические паттерны, усиливает социальную изоляцию, нарушает сон и биоритмы, повышает уровень стресса и истощает ресурсы саморегуляции, что ведёт к нарастанию депрессии, тревоги, враждебности и других психопатологических проявлений. Лонгитюдные данные свидетельствуют о том, что часть симптомов (например, обсессивно-компульсивные)

может предшествовать развитию интернет-аддикции, тогда как рост депрессии, тревоги, враждебности, межличностной сензитивности и психотизма чаще является следствием уже сформировавшегося ППИ. Полученные в настоящей работе результаты, демонстрирующие выраженное ухудшение всех интегральных индексов опросника SCL-90-R (GSI, PSDI, PST) в группе ППИ, хорошо вписываются в эту «двойную» модель предрасположенности и усугубления (Tereshchenko et al., 2021; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Shannon et al., 2022; Yen-Ju et al., 2020; Piqueras et al., 2024; Restrepo et al., 2020; Guo et al., 2020; Zhang et al., 2022).

Клинико-профилактическое и общественное значение. Совокупность полученных данных и их согласованность с данными мировой и отечественной литературы позволяют рассматривать характер интернет-поведения подростков как важный клинический маркер неблагополучия в эмоциональной и поведенческой сфере. Европейские и международные экспертные обзоры подчёркивают необходимость включения оценки ППИ в систему мониторинга психического здоровья подростков и разработки целевых профилактических программ в образовательных учреждениях. Российские исследования подростков Сибири также показывают высокий уровень распространённости ППИ и его устойчивые связи с эмоциональными и поведенческими проблемами, нарушением сна и соматическими жалобами (Эверт и др., 2020; Tereshchenko et al., 2021, 2022; Семенова и др., 2020; Nogueira-López et al., 2023; Restrepo et al., 2020; Фотекова и др., 2024).

В этом контексте использование шкалы CIAS совместно с опросником SCL-90-R, как реализовано в данном исследовании, представляется методологически обоснованным и практически целесообразным. Шкала CIAS показала хорошую надёжность и прогностическую валидность в подростковых выборках как в азиатских, так и в российских популяциях, что позволяет уверенно использовать её порог ≥ 65 баллов для верификации ППИ/ИЗ. Опросник SCL-90-R обеспечивает многомерную оценку психопатологической симптоматики и позволяет дифференцировать подходы к оказанию психологической помощи в зависимости от выраженности аффективных, тревожных, обсессивно-компульсивных, психотических и других компонентов нарушений (Effatpanah et al., 2020; Mak et al., 2014; Ko et al., 2019; Семенова и др., 2020). Практически это означает, что подростки с ППИ и особенно с ППИ должны рассматриваться как группы повышенного и высокого риска, требующие не только просветительских и поведенческих вмешательств, направленных на регуляцию онлайн-поведения, но и полноценного психологического/психиатрического обследования для выявления и коррекции сопутствующих психопатологических расстройств (Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Ran et al., 2025; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022; Guo et al., 2020).

Ограничения исследования и направления дальнейших работ. Несмотря на значимые результаты, проведенное исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации данных. Во-первых, поперечный дизайн не позволяет делать однозначные выводы о причинно-следственных связях между видом интернет-поведения и психопатологическими проявлениями. Как показывают лонгитюдные работы, связь между ППИ и психопатологией, вероятно, двусторонняя. Во-вторых, оценка строилась на самоотчётах в формате онлайн-анкетирования, что может быть сопряжено с вероятными систематическими искажениями (социальная желательность, недооценка тяжести симптомов, выборка более «цифрово включённых» подростков, см.: Yen-Ju et al., 2020; Piqueras et al., 2024; Kang et al., 2025). В-третьих, в работе использованы скрининговые психометрические инструменты, а не клиническая диагностика, поэтому речь идёт о степени выраженности симптомов, а не о нозологически очерченных расстройствах. Наконец, этническая структура выборки была асимметричной (преобладание подростков тувинской этнической принадлежности), что ограничивает возможности обобщения результатов на русскоязычную подростковую популяцию в целом.

Перспективные направления дальнейших исследований включают лонгитюдное прослеживание динамики интернет-поведения и психопатологической симптоматики, более детальный анализ роли конкретных типов онлайн-активности (игры, социальные сети, видеоконтент и др.), а также интеграцию данных о семейных, школьных, социально-экономических и травматических факторах (включая кибербуллинг и офлайн-насилие). Особое значение имеет разработка и оценка эффективности комплексных профилактических программ, сочетающих цифровую гигиену, тренинг эмоциональной регуляции, улучшение реальной социальной включённости и поддержку семейного функционирования (Ran et al., 2025; Yen-Ju et al., 2020; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025).

Таким образом, учитывая широкий спектр негативных последствий интернет-зависимого поведения в виде высокой распространенности расстройств психопатологического спектра, комплексное исследование психоэмоционального статуса подростков с интернет-зависимостью представляется чрезвычайно актуальной проблемой, требующей оперативного решения. Выявление специфических особенностей и взаимосвязей в структуре их психического состояния позволит разработать более эффективные методы профилактики и психологической коррекции. В целом, полученные результаты подтверждают, что в условиях стремительной цифровизации общества оценка и модификация онлайн-поведения подростков должна стать неотъемлемой частью стратегии охраны психического здоровья на уровне как системы образования, так и службы здравоохранения.

Заключение

Проведённое скрининговое исследование психопатологических расстройств у подростков Республики Тыва в зависимости от характера онлайн-поведения позволило получить комплексные, объективно верифицируемые данные о взаимосвязи между видом интернет-пользования и выраженностью психопатологической симптоматики в популяции 1028 подростков (92,6% тувинского и 7,4% русского этноса; 37,0% лиц мужского и 63% женского пола; медиана возраста 15,0 лет). Направленность настоящего исследования, посвященного анализу коморбидности психопатологических расстройств и особенностей онлайн-поведения у подростков Тувы, во многом соответствует тематике научных исследований, проводимых как зарубежными, так и отечественными авторами.

Результаты нашей работы показали, что характер пользования Интернетом (адаптивное, неадаптивное, патологическое) представляет собой объективный, валидный и клинически значимый маркер психопатологической нагрузки у подростков, отражающий как текущий психический статус, так и перспективные риски развития более тяжёлых расстройств в подростковом и постподростковом возрасте.

Необходимы лонгитюдные исследования для оценки прогностической значимости выявленных маркеров и разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции на основе полученных данных. Сопоставление результатов исследований, проведённых различными авторами, требует использования унифицированных методологических подходов, включая применение стандартизированных диагностических инструментов и общих критериев оценки результатов. Необходимо продолжить исследования, направленные на изучение долгосрочных последствий патологического пользования интернетом для нервно-психического здоровья подростков Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончарова, Е. М. (2022) Особенности повышения психологической устойчивости личности подростка к деструктивному влиянию социальных сетей // Психология и педагогика служебной деятельности. № 4. С. 243–247. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-243-247>

Гречаний, С. В., Егоров, А. Ю., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Шмуклер, А. Б. (2020) Интернет-аддикция у молодых взрослых: формы онлайн-активности, половые различия, коморбидные психические и наркологические расстройства // Вопросы наркологии. Т. 187. № 4. С. 78–102. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_78

Егоров, А. Ю., Гречаний, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин, А. Е., Понизовский, П. А., Вантей, В. Б., Громыко, Д. И. и др. (2020) Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Захарова, Е. М., Берникова С. М., Бакина М. И., Андреева, М. В. (2020) Проблема интернет-зависимости в школьной, молодежной и взрослой среде // Alma mater. № 12. С. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.12-20.082>

Зайцева, О. И., Терещенко, С. Ю., Колодяжная, Т. А., Зайцева, Ж. Г. (2024) Психологические проблемы у подростков Республики Тыва с разными видами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 119–135. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Мыева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Нестерова, А. А., Левин, Л. М. (2020) Зарубежные и отечественные исследования интернет-зависимости и включенности в социальные сети у молодежи // Человеческий капитал. Т. 133. № 1. С. 92–99. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.01.10>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Шубина, М. В. (2022) Характеристика психического статуса интернет-зависимых подростков: гендерные и возрастные особенности // Профилактическая медицина. Т. 25. № 8. С. 83–89. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Фотекова, Т. А., Власова, Е. Н., Митрухина, С. В., Монгуш, Ч. Н. (2024) Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 136–158. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

Черемисина, О. О., Комаров, В. В. (2021) Влияние сети интернет на развитие личности подростка: девиации, риски и перспективы // Молодежь и современный мир: психологические проблемы взаимодействия : сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Коваль. Тамбов : Издательский дом «Державинский». 173 с. С. 147–151.

Эверт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Becerril-Atxikallende, I., Jaureguizar, J., Galende, N. (2025) Problematic Internet Use and Psychological Distress in High School Students // Healthcare. Vol. 13. Issue 24. Article 3231. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare13243231>

Bickham, D. S. (2021) Current Research and Viewpoints on Internet Addiction in Adolescents // Current Pediatrics Reports. Vol. 9. № 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40124-020-00236-3>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294.

Derogatis, L. R., Lipman, R. S., Covi, L. (1973) SCL-90: an outpatient psychiatric rating scale-preliminary report // Psychopharmacology Bulletin. Vol. 9. № 1. P. 13–28.

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. et al. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 13. Issue 3. Article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Effatpanah, M., Moharrami, M., Rajabi Damavandi, G., Aminikhah, M., Hosein Nezhad, M., Khatami, F., Arjmand, T., Tarighatnia, H., Yekaninejad, M. S. (2020) Association of Internet Addiction with Emotional and Behavioral Characteristics of Adolescents // Iranian Journal of Psychiatry. Vol. 15. № 1. P. 55–66.

Guo, W., Tao, Y., Li, X., Lin, X., Meng, Y., Yang, X., Wang, H., Zhang, Y., Tang, W., Wang, Q. et al. (2020) Associations of Internet Addiction Severity With Psychopathology, Serious Mental Illness, and Suicidality: Large-Sample Cross-Sectional Study // Journal of medical Internet research. Vol. 22. № 8. Article e17560. DOI: <https://doi.org/10.2196/17560>

Hayat, M., Shahla, S., Summiya, A. (2024) Problematic Internet Use and Mental Health: The Road to Violence // Violence and Gender. Vol. 11. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1089/vio.2023.0059>

Huang, S., Ma, Z., Fan, F. (2025). Unraveling the core symptoms across distinct trajectories of problematic Internet use among 27,577 adolescents: Cross-lagged panel network analyses // Addictive Behaviors. Vol. 167. Article 108356. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2025.108356>

Jayanti, M., Manas R. B., Rituparna, M., Priyadarsini, S., Pranab, K. M. Sonali, Kar (2024) Prevalence and Impact of Internet Addiction Disorder Among Adolescents and Young Adults // The Open Public Health Journal. Vol. 17. Article e18749445345806. DOI: <https://doi.org/10.2174/0118749445345806241010081642>

Kang, Y., Feng, X., Zhang, T., Yin, K., Wang, P. (2025) From comfortable to conflicted: a three-year longitudinal symptom evolution of problematic Internet use among junior high school students // Frontiers in Psychiatry. Vol. 16. Article 1635911. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1635911>

Ko, C. H., Chen, S. H., Wang, C. H., Tsai, W. X., Yen, J. Y. (2019) The Clinical Utility of the Chen Internet Addiction Scale-Gaming Version, for Internet Gaming Disorder in the DSM-5 among Young Adults // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. Issue 21. Article 4141. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16214141>

Lee, J.-Y., Ban, D., Kim, S.-Y., Kim, J.-M., Shin, I.-S., Yoon, J.-S., Kim, S.-W. (2019) Negative Life Events and Problematic Internet Use as Factors Associated With Psychotic-Like Experiences in Adolescents // *Frontiers in Psychiatry*. № 10. Article 369. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00369>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H., Ho, R. C. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents // *Journal of abnormal child psychology*. Vol. 42. P. 1237–1245. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Nogueira-López, A., Rial-Boubeta, A., Guadix-García, I., Villanueva-Blasco, V. J., Billieux, J. (2023) Prevalence of problematic Internet use and problematic gaming in Spanish adolescents // *Psychiatry research*. Vol. 326. Article 115317. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115317>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M., Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 89. № 2. P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Piqueras, J. A., Rico-Bordera, P., Galán, M., García-Oliva, C., Marzo, J. C., Pineda, D. (2024) Problematic internet use profiles and their associated factors among adolescents // *Journal of Research on Adolescence*. Vol. 34. № 4. P. 1471–1485. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.13014>

Rajanna, K., Sathyanath, S. M. (2021) Problematic internet use, depression, stress and anxiety among adolescents in an urban area in South India: a cross sectional study // *International Journal Of Community Medicine And Public Health*. Vol. 8. № 7. P. 3385–3393. DOI: <https://doi.org/10.18203/2394-6040.ijcmph20212592>

Ran, J., Xu, J., Luo, D., Li, T., Xu, J. (2025) Problematic internet use and aggression in Chinese middle school students: mediation effect of reality social connectedness // *Frontiers in Public Health*. № 13. Article 1587400. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1587400>

Restrepo, A., Scheininger, T., Clucas, J., Alexander, L., Salum, G. A., Georgiades, K., Paksarian, D., Merikangas, K. R., Milham, M. P. (2020) Problematic internet use in children and adolescents: associations with psychiatric disorders and impairment // *BMC Psychiatry*. Vol. 20. № 1. Article 252. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02640-x>

Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P. J., Hellemans, K. G., Guimond, S. (2022) Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis // *JMIR mental health*. Vol. 9. № 4. Article e33450. DOI: <https://doi.org/10.2196/33450>

Tereshchenko, S. Y. (2023) Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review // *World Journal of Psychiatry*. Vol. 13, № 5. P. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Semenova, N., Shubina, M., Gorbacheva, N., Novitskii, I., Moskalenko, O., Lapteva, L. (2022) Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. № 13. Article 7593. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19137593>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Smolnikova, M., Shubina, M., Gorbacheva, N., Moskalenko, O. (2021) Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study // *International journal of environmental research and public health*. Vol. 18. № 19. Article 10397. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph181910397>

Thomas, C. L., Ingels, D. J., Kazmi, M. A., Ohu, E. A., Belle, C., Spitzmueller, C. (2022) Adolescents' problematic internet use in secondary school students in Lagos, Nigeria: A preliminary examination of individual and family-based predictors and consequences // *Computers in Human Behavior*. Vol. 132. Article 107247. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107247>

Winds, K., Aebi, M., Plattner, B. (2024) Problematic Internet Use Among Adolescent Male and Female Psychiatric Inpatients: A Gender Perspective // *Child psychiatry and human development*. Vol. 55. № 2. P. 497–509. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-022-01408-6>

Yen-Ju, Lin., Ray, C. Hsiao, Tai-Ling, Liu., Cheng-Fang, Yen (2020) Bidirectional relationships of psychiatric symptoms with internet addiction in college students: A prospective study // *Journal of the Formosan Medical Association*. Vol. 119. № 6. P. 1093–1100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfma.2019.10.006>

Zamboni, L., Portoghese, I., Congiu, A., Carli, S., Munari, R., Federico, A., Centoni, F., Rizzini, A. L., Lugoboni, F. (2020) Internet Addiction and Related Clinical Problems: A Study on Italian Young Adults // *Frontiers in Psychology*. № 11. Article 571638. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.571638>

Zhang, Y., Hou, Z., Wu, S., Li, X., Hao, M., Wu, X. (2022) The relationship between internet addiction and aggressive behavior among adolescents during the COVID-19 pandemic: Anxiety as a mediator // *Acta psychologica*. Vol. 227. Article 103612. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103612>

Дата поступления: 23.01.2026 г.

Дата принятия: 16.04.2026 г.

REFERENCES

Goncharova, E. M. (2022) Features of increasing the psychological resilience of an adolescent's personality to the destructive influence of social networks. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti*, no. 4, pp. 243–247. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-243-247>

Grechanyi, S. V., Egorov, A. Yu., Soldatkin, V. A., Yakovlev, A. N., Ilyuk, R. D. and Shmukler, A. B. (2020) Internet addiction in young adults: forms of online activity, gender differences, comorbid mental and substance use disorders. *Voprosy narkologii*, vol. 187, no. 4, pp. 78–102. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_78

Egorov, A. Yu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Yakovlev, A. N., Ilyuk, R. D., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Vantei, V. B., Gromyko, D. I. et al. (2020) Clinical and psychopathological characteristics of individuals with Internet addiction: a pilot study. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Zakharova, E. M., Bernikova, S. M., Bakina, M. I. and Andreeva, M. V. (2020) The problem of Internet addiction among schoolchildren, young people and adults. *Alma mater*, no. 12, pp. 82–86. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.12-20.082>

Zaitseva, O. I., Tereshchenko, S. Yu., Kolodyazhnaya, T. A. and Zaitseva, Zh. G. (2024) Psychological problems in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 119–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) A study of the online identity of university students in Russian regions (the case of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social culture of the Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Nesterova, A. A. and Levin, L. M. (2020) Foreign and Russian studies of Internet addiction and social media involvement among young people. *Chelovecheskii kapital*, vol. 133, no. 1, pp. 92–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.01.10>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Yu., Evert, L. S. and Shubina, M. V. (2022) Characteristics of the mental status of Internet-dependent adolescents: gender and age features. *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 25, no. 8, pp. 83–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Yu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.)

Fotekova, T. A., Vlasova, E. N., Mitrukhina, S. V. and Mongush, Ch. N. (2024) Severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and young people in Tuva with different variants of online behavior. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 136–158. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

Cheremisina, O. O. and Komarov, V. V. (2021) The influence of the Internet on the development of an adolescent's personality: deviations, risks and prospects. In: *Youth and the modern world: psychological problems of interaction: collection of scientific papers* / ed. by N. A. Koval. Tambov, Izdatelskii dom "Derzhavinskii". 173 p. P. 147–151. (In Russ.)

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Adolescents of Kyzyl (Republic of Tuva) in online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Yu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction among adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and the structure of consumed content. *Byulleten sibirskoi meditsiny*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

- Becerril-Atxikallende, I., Jaureguizar, J. and Galende, N. (2025) Problematic Internet Use and Psychological Distress in High School Students. *Healthcare*, vol. 13, issue 24, article 3231. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare13243231>
- Bickham, D. S. (2021) Current Research and Viewpoints on Internet Addiction in Adolescents. *Current Pediatrics Reports*, vol. 9, no. 1, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40124-020-00236-3>
- Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294.
- Derogatis, L. R., Lipman, R. S. and Covi, L. (1973) SCL-90: an outpatient psychiatric rating scale-preliminary report. *Psychopharmacology Bulletin*, vol. 9, no. 1, pp. 13–28.
- Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. et al. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, issue 3, article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>
- Effatpanah, M., Moharrami, M., Rajabi Damavandi, G., Aminikhah, M., Hosein Nezhad, M., Khatami, F., Arjmand, T., Tarighatnia, H. and Yekaninejad, M. S. (2020) Association of Internet Addiction with Emotional and Behavioral Characteristics of Adolescents. *Iranian Journal of Psychiatry*, vol. 15, no. 1, pp. 55–66.
- Guo, W., Tao, Y., Li, X., Lin, X., Meng, Y., Yang, X., Wang, H., Zhang, Y., Tang, W., Wang, Q. et al. (2020) Associations of Internet Addiction Severity With Psychopathology, Serious Mental Illness, and Suicidality: Large-Sample Cross-Sectional Study. *Journal of medical Internet research*, vol. 22, no. 8, article e17560. DOI: <https://doi.org/10.2196/17560>
- Hayat, M., Shahla, S. and Summiya, A. (2024) Problematic Internet Use and Mental Health: The Road to Violence. *Violence and Gender*, vol. 11, issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1089/vio.2023.0059>
- Huang, S., Ma, Z. and Fan, F. (2025) Unraveling the core symptoms across distinct trajectories of problematic Internet use among 27,577 adolescents: Cross-lagged panel network analyses. *Addictive Behaviors*, vol. 167, article 108356. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2025.108356>
- Jayanti, M., Manas R. B., Rituparna, M., Priyadarsini, S., Pranab, K. M. and Sonali, K. (2024) Prevalence and Impact of Internet Addiction Disorder Among Adolescents and Young Adults. *The Open Public Health Journal*, vol. 17, article e18749445345806. DOI: <https://doi.org/10.2174/0118749445345806241010081642>
- Kang, Y., Feng, X., Zhang, T., Yin, K. and Wang, P. (2025) From comfortable to conflicted: a three-year longitudinal symptom evolution of problematic Internet use among junior high school students. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 16, article 1635911. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1635911>
- Ko, C. H., Chen, S. H., Wang, C. H., Tsai, W. X. and Yen, J. Y. (2019) The Clinical Utility of the Chen Internet Addiction Scale-Gaming Version, for Internet Gaming Disorder in the DSM-5 among Young Adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 16, issue 21, article 4141. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16214141>
- Lee, J.-Y., Ban, D., Kim, S.-Y., Kim, J.-M., Shin, I.-S., Yoon, J.-S. and Kim, S.-W. (2019) Negative Life Events and Problematic Internet Use as Factors Associated With Psychotic-Like Experiences in Adolescents. *Frontiers in Psychiatry*, no. 10, article 369. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00369>
- Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H. and Ho, R. C. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents. *Journal Of Abnormal Child Psychology*, vol. 42, pp. 1237–1245. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>
- Nogueira-López, A., Rial-Boubeta, A., Guadix-García, I., Villanueva-Blasco, V. J. and Billieux, J. (2023) Prevalence of problematic Internet use and problematic gaming in Spanish adolescents. *Psychiatry research*, vol. 326, article 115317. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115317>
- Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M. and Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 89, no. 2, pp. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>
- Piqueras, J. A., Rico-Bordera, P., Galán, M., García-Oliva, C., Marzo, J. C. and Pineda, D. (2024) Problematic internet use profiles and their associated factors among adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, vol. 34, no. 4, pp. 1471–1485. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.13014>
- Rajanna, K. and Sathyanath, S. M. (2021) Problematic internet use, depression, stress and anxiety among adolescents in an urban area in South India: a cross sectional study. *International Journal Of Community Medicine And Public Health*, vol. 8, no. 7, pp. 3385–3393. DOI: <https://doi.org/10.18203/2394-6040.ijcmph20212592>

Ran, J., Xu, J., Luo, D., Li, T. and Xu, J. (2025) Problematic internet use and aggression in Chinese middle school students: mediation effect of reality social connectedness. *Frontiers in Public Health*, no. 13, article 1587400. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1587400>

Restrepo, A., Scheininger, T., Clucas, J., Alexander, L., Salum, G. A., Georgiades, K., Paksarian, D., Merikangas, K. R. and Milham, M. P. (2020) Problematic internet use in children and adolescents: associations with psychiatric disorders and impairment. *BMC Psychiatry*, vol. 20, no. 1, article 252. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02640-x>

Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P. J., Hellemans, K. G. and Guimond, S. (2022) Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR mental health*, vol. 9, no. 4, article e33450. DOI: <https://doi.org/10.2196/33450>

Tereshchenko, S. Y. (2023) Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review. *World Journal of Psychiatry*, vol. 13, no. 5, pp. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Semenova, N., Shubina, M., Gorbacheva, N., Novitskii, I., Moskalenko, O. and Lapteva, L. (2022) Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 13, article 7593. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19137593>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Smolnikova, M., Shubina, M., Gorbacheva, N. and Moskalenko, O. (2021) Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study. *International journal of environmental research and public health*, vol. 18, no. 19, article 10397. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph181910397>

Thomas, C. L., Ingels, D. J., Kazmi, M. A., Ohu, E. A., Belle, C. and Spitzmueller, C. (2022) Adolescents' problematic internet use in secondary school students in Lagos, Nigeria: A preliminary examination of individual and family-based predictors and consequences. *Computers in Human Behavior*, vol. 132, article 107247. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107247>

Winds, K., Aebi, M. and Plattner, B. (2024) Problematic Internet Use Among Adolescent Male and Female Psychiatric Inpatients: A Gender Perspective. *Child psychiatry and human development*, vol. 55, no. 2, pp. 497–509. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-022-01408-6>

Yen-Ju, Lin., Ray, C. Hsiao, Tai-Ling, Liu. and Cheng-Fang, Yen (2020) Bidirectional relationships of psychiatric symptoms with internet addiction in college students: A prospective study. *Journal of the Formosan Medical Association*, vol. 119, no. 6, pp. 1093–1100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfma.2019.10.006>

Zamboni, L., Portoghesi, I., Congiu, A., Carli, S., Munari, R., Federico, A., Centoni, F., Rizzini, A. L. and Lugoboni, F. (2020) Internet Addiction and Related Clinical Problems: A Study on Italian Young Adults. *Frontiers in Psychology*, no. 11, article 571638. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.571638>

Zhang, Y., Hou, Z., Wu, S., Li, X., Hao, M. and Wu, X. (2022) The relationship between internet addiction and aggressive behavior among adolescents during the COVID-19 pandemic: Anxiety as a mediator. *Acta psychologica*, vol. 227, article 103612. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103612>

Submission date: 23.01.2026.

Acceptance date: 16.04.2026.

Калдак-Хамар: десакрализация и новая сакрализация

Чимиза К. Ламажаа

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Шенне Б. Майны

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируется история строительства автомобильной дороги через горный перевал Калдак-Хамар (Тес-Хемский кожуун Республики Тыва), связавшей в 1938-1941 гг. столицу Тувинской Народной Республики Кызыл с южными районами страны. Стройка рассматривается как один из тувинских вариантов народной мобилизационной, романтизированной социалистической стройки, самым ярким примером которой позднее стал БАМ (1970–1980-е гг.). В общественной памяти тувинцев она сохранилась в песнях, стихах, преданиях и публицистическом образе «тувинского БАМа», однако в науке ей до сих пор не было посвящено отдельного исследования. Работа основана на документах Национального архива Республики Тыва, публикациях газеты «Шын» 1930-х годов, литературных и краеведческих изданиях, районной прессе, кинохронике 1941 г., современных медиатекстах, театральных постановках и полевых материалах авторов.

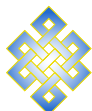

Концептуальной рамкой выступает идея множественных интерпретаций мира А. К. Ольшлегель, дополненная подходами антропологии сакрального ландшафта, инфраструктурного поворота, исследований советского прометеизма и теории культурной памяти.

Показано, что стройка была организована как ритуальная драма покорения горы-хозяина: гора антропоморфизировалась, но уже как противник, которому адресовались прямые обращения и песенные «отчеты» о победе. Прослежены метаморфозы отношения тувинцев к горам в XIX–XXI вв.: от почитания горы-хозяина через советский пафос покорения к современному наложению слоев, когда на одном перевале сосуществуют

стела трудового подвига, религиозное строение, оваа и ритуальные ленты, а сам перевал вновь осмысливается как священный.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; Калдак-Хамар; автомобильная дорога; Тувинская Народная Республика; культура гор; дорожная инфраструктура; покорение природы; культурная память; место памяти; множественные интерпретации мира

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Майны Ш. Б. Калдак-Хамар: десакрализация и новая сакрализация // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 196–221. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.12>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Kaldak-Khamar: Desacralization and Resacralization

Chimiza K. Lamazhaa

Farabi University, Republic of Kazakhstan,

Shenne B. Mainy

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines the history of the construction of a motor road across the Kaldak-Khamar mountain pass (Teskhemsky kozhuun, Republic of Tuva), which connected Kyzyl, the capital of the Tuvan People's Republic, with the country's southern districts in 1938–1941. The project is considered as a Tuvan variant of a popular mobilizational and romanticized socialist construction endeavour, whose most prominent later example was the Baikal–Amur Mainline (BAM) of the 1970s–1980s. In Tuvan collective memory, the construction project has endured in songs, poems, legends, and the journalistic image of the “Tuvan BAM”; however, it has not previously been the subject of a dedicated scholarly study. The research draws on documents from the National Archives of the Republic of Tuva; issues of the newspaper Shyn published in the 1930s; literary and local-history publications; district press materials; a 1941 newsreel; contemporary media texts; theatrical productions; and the authors' field materials.

The conceptual framework is provided by A. K. Olshlegel's idea of multiple interpretations of the world, supplemented by approaches from the anthropology of sacred landscapes, the infrastructural turn, studies of Soviet Prometheanism, and cultural-memory theory.

The study demonstrates that the construction project was organized as a ritual drama of conquering the mountain-master: the mountain was anthropomorphized, yet cast as an adversary, addressed directly and presented with sung “reports” of victory. The article traces transformations in Tuvan attitudes toward mountains from the nineteenth to the twenty-first century: from reverence for the mountain-master, through the Soviet rhetoric of conquest, to the contemporary superimposition of symbolic layers. At the pass today, a stele commemorating labour achievement, a religious building, ovaas and ritual ribbons coexist, while the pass itself is once again understood as sacred.

Keywords: Tuva; Tuvans; Kaldak-Khamar; motor road; Tuvan People's Republic; mountain culture; road infrastructure; conquest of nature; cultural memory; site of memory; multiple interpretations of the world

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Mainy Sh. B. Kaldak-Khamar: Desacralization and Resacralization. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 196–221. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.12>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: shenne85@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9106-2148

Введение

Ландшафт Тувы более чем на 80% состоит из гор, поэтому горы для тувинцев всегда были не просто формами рельефа, а участниками социальной жизни: хозяевами территорий, прародителями родовых групп, адресатами обрядов освящения *дагылга* (Кенин-Лопсан, 2021: 71–72, 98–99; Дагылга: тувинские ... , 2021; и др.). В предыдущей работе мы показали, что *даг* 'гора' представляет собой ключевой концепт тувинской культуры, объединяющий богатейшую горную лексику, семантику мировосприятия и социальную регуляцию взаимоотношений людей и гор (Ламажаа, Майны, 2026). В том числе мы упомянули, что если в традиционной культуре горы для тувинцев были священными, то в XX в. культура гор пережила радикальный вызов со стороны социалистического проекта преобразования природы, который предполагал не поклонение горе, а ее покорение (там же: 19–20).

В советской и постсоветской исследовательской традиции символом мобилизационныхстроек, соединявших индустриальную задачу с идеологическим пафосом и массовым энтузиазмом, стала Байкало-Амурская магистраль (БАМ) — «последняя стройка социализма» (Байкалов, 2022), «финальное выражение советского прометеизма» (Ward, 2009), которая разворачивалась активно в 1970–1980-х гг. У Тувы, вошедшей в состав СССР лишь в 1944 г., был свой, значительно более ранний и почти забытый наукой аналог: строительство автомобильной дороги через перевал Калдак-Хамар на Восточном Танну-Ола в 1938–1941 гг., связавшей столицу Тувинской Народной Республики (ТНР) Кызыл с южными кожуунами (районами). Стройка велась практически вручную, силами аратов почти всех кожуунов страны и осталась в народной памяти как *улусчу тудуг* 'всенародная стройка'. В современной публицистике ее прямо называют «тувинским БАМом»¹, хотя хронологически она предшествовала БАМу на три с половиной десятилетия.

Актуальность обращения к этому эпизоду определяется не только лакуной в историографии Тувы. Дорога через Калдак-Хамар представляет собой редкий по наглядности случай, когда на одном небольшом участке ландшафта последовательно отпечатались все основные формы отношения тувинцев к горам: досоветское почитание горы-хозяина на караванном пути, революционный пафос покорения гор, фольклорная и литературная героизация стройки и, наконец, современное наложение слоев, при котором стела в честь строителей соседствует с религиозным строением, *оваа* (строением для поклонения) с ритуальными лентами. Сегодня перевал, строительство дороги на котором некогда знаменовало покорение горных вершин, вновь стал местом молитвы.

Цель статьи — проанализировать метаморфозы отношения тувинцев к горам в XIX–XXI вв. на примере дороги через перевал Калдак-Хамар. Перевал рассматривается нами как место памяти о советском (в тувинском варианте — народно-революционном) проекте покорения гор, в котором соединились инфраструктура, фольклор и множественные интерпретации мира в тувинской культуре гор.

Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) систематизировать разрозненные сведения об истории пути через Калдак-Хамар до конца 1930-х гг.; 2) реконструировать организацию строительства 1938–1941 гг. и показать его характер как ритуальной драмы покорения; 3) проследить культурную фиксацию стройки в песнях, поэзии, прозе, кино и театре; 4) охарактеризовать современное состояние перевала как места памяти с наложением культурных слоев.

Источниковая база исследования включает: делопроизводственные документы Тес-Хемского кожууна и переписку с центральными органами ТНР 1936 г. из фондов Национального архива Республики Тыва (далее — НА РТ); публикации газеты «Шын» 1936 г.; глава «Калдак-Хамар» из книги «Новая Тува» генерального секретаря ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) С. К. Тока, опубликованная в альманахе «Улуг-Хем» в 1966 г.²; справочные ведомственные издания об автодорогах, автотранспорте Тувы; краеведческие издания, посвященные Тес-Хемскому кожууну и его сто-

¹ По сути, Калдак и Хамар — это два разных места. Калдак — река, а Хамар — перевал [Электронный ресурс] // TMGnews. Информационное агентство «Тувамедиагрупп». 2025, 10 сентября. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/po-suti-kaldak-i-hamar-eto-dva-raznyh-mesta-kaldak-reka-a-hamar-pereval-do-1940-h-godov-doroga-soedinivshaya-yug-respubliki-tyva-s-eyo-stoliczej/> (дата обращения: 10.07.2026).

² Тока С. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем (литературно-художественный альманах). 1966. № 8. С. 3–21. Текст вошел в роман автора «Слово арата»: Тока С. Слово арата. М.: 1972. С. 447–462.

лице — с. Самагалтай; очерки и воспоминания в республиканской («Шын») и районной («Самагалдай») прессе; документальный фильм «Страна голубой реки» («Цветущая Тува») (1941, режиссер С. Киселев, Центральная студия кинохроники, г. Москва)¹; современные онлайн-медиа; собранные воспоминания от жителей Тес-Хемского кожууна, составляющие полевые материалы авторов (далее — ПМА)². Значительная часть источников написана на тувинском языке; переводы выполнены авторами.

Народная стройка в зеркале науки и публицистики

Строительство дороги через Калдак-Хамар до сих пор не становилось предметом отдельного научного исследования. В обобщающих трудах по истории Тувы дорожное строительство периода ТНР упоминается в ряду хозяйственных мероприятий республики, но вне какой-либо культурологической или антропологической проблематики (Аранчын, 1982: 178; История Тувы, 2007: 237; Моллеров, 2022: 114).

Интересен тот факт, что стройке в целом уделено мало внимания в официальных документах и политическом, а также академическом дискурсах. Специальные сборники документов ТНР и Тувинской автономной области документов, подготовленные и изданные Национальным архивом Республики Тыва в начале XXI в. под научной редакцией ведущих историков республики, информации об этой стройке не содержат. В юбилейном докладе первого Президента Республики Тыва Ш. Д. Ооржака на 220-летию Самагалтая в 1993 г. о ней говорилось без опоры на документы³. И, как мы уже сказали, историческая наука отдельно не обращалась к этому эпизоду.

Одну из причин этого научного молчания мы видим в политической судьбе руководителя стройки. Дорога сооружалась под руководством министра торговли и промышленности ТНР А. М. Чимба, впоследствии председателя Совета Министров ТНР (1941–1944) и председателя облисполкома Тувинской автономной области. Историк М. С. Байыр-оол специально отмечает: «Под его руководством прокладывалась знаменитая 243 километровая дорога через Калдак-Хамар, соединившая Самагалтай с Кызылом» (Байыр-оол, 2011: 156–157). В 1957 г. сам А. Чимба опубликовал в «Ученых записках ТНИИЯЛИ» статью «Развитие промышленности и транспорта в Туве»⁴, но он ограничился отчетным стилем с общими цифрами, без указаний отдельных строек. В 1961 г. Чимба был снят со всех постов и подвергнут опале, инициированной С. К. Тока, после чего о нем «долго и упорно молчали» (Байыр-оол, 2011: 157). Вместе с опальным руководителем из официального исторического нарратива советской Тувы выпала и сама стройка: память о ней сместилась в фольклорно-публицистический регистр, где главным героем остался Тока.

Именно поэтому основной массив сведений о стройке сегодня содержится только в публицистике и краеведении. Наиболее подробным сводом стала книга государственного деятеля, сына одного из участников стройки И. М. Сувандии «Улусчу тудуг — Калдак-Хамар» («Народная стройка — Калдак-Хамар») 2009 г.⁵ (рис. 1). В ней содержатся основные сведения о местности, архивные документы, найденные автором, обширные выдержки из романа С. Тока «Слово арата» о стройке на Калдак-Хамар, воспоминания ветеранов и очевидцев, тексты речей на юбилеях. Книга вышла на тувинском языке и возможно поэтому до сих пор оставалась без внимания академической науки. В монографии М. Михалева данная книга упоминается с характеристикой «изрядно романтизированного контекста» (Михалев, 2023: 159), что, на наш взгляд, несправедливо по отношению к большой работе энтузиаста, хотя бы в части источниковой ценности.

¹ Страна голубой реки [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Тыва. YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QmFAn4PMTXk> (дата обращения: 11.07.2026). Сюжет о строительстве дороги через Калдак-Хамар начинается с 34-й минуты фильма.

² ПМА — полевые материалы авторов: беседы со старожилками и уроженцами Тес-Хемского кожууна Республики Тыва, 2025–2026 гг.

³ Самагалдай — Тываның баштайгы найысылалы = Самагалтай — первая столица Тувы / авт.-сост. А. С. Демби-рель, В. С. Кривдик. Кызыл: Новости Тувы, 1996.

⁴ Чимба А. Развитие промышленности и транспорта в Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. V / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1957. С. 83–87.

⁵ Сувандии И. М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009.

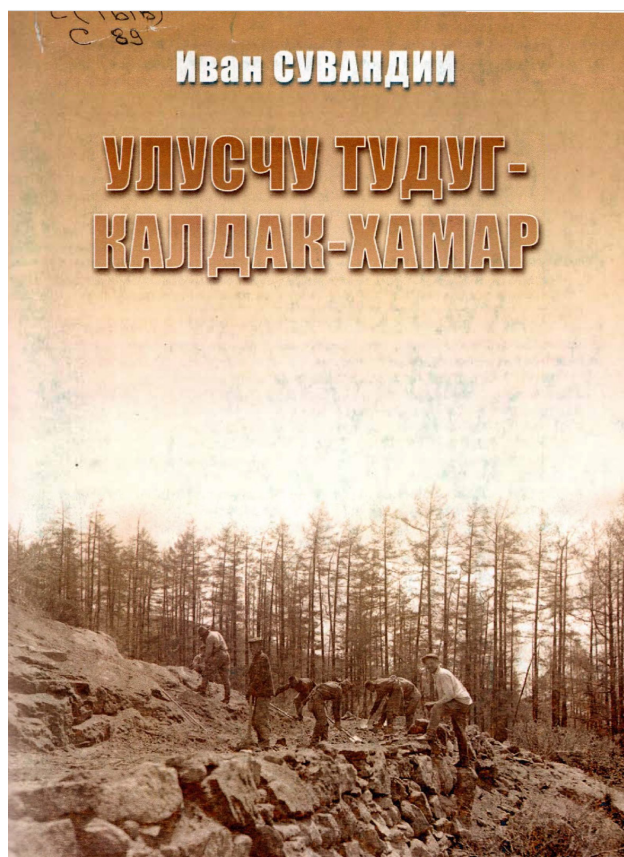

Рис. 1. Обложка книги И. М. Сувандии «Улусчу тудуг — Калдак-Хамар»
(«Народная стройка — Калдак-Хамар») 2009 г.

Fig. 1. The cover of the book by I. M. Suvandii "National construction — Kaldak-Hamar",
2009.

Также интерес представляет очерк журналиста и детского писателя Чооду Кара-Куске «Калдак-Хамар», подготовленный к 220-летию Самагалтая и опубликованный в 1997 г. в газете «Шын»¹. Отдельные материалы публиковала районная газета «Самагалдай», в том числе перепечатки воспоминаний старожилов из архива центральной козуунной библиотеки². Юбилейная книга «Самагалтай — первая столица Тувы» (1996) сохранила стихотворение о стройке и воспоминания ее участников³. В 1996 г. в Кызыле вышел в свет сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва⁴. Дороге через перевал Калдак-Хамар в нем посвящен специальный раздел⁵. Современные информационные агентства поддерживают романтизированный образ дороги: в 2025 г. ИА «Тувамедиагрупп» опубликовало материал, в котором стройка названа «тувинским БАМом», а перевал описан как место, где путники и сегодня останавливаются для подношений⁶.

¹ Кара-Куске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. № 39 (15864). С. 2. (На тув. яз.). Очерк написан в 1993 г. к 220-летию Самагалтая.

² Калдак-Хамар шаанда [Калдак-Хамар в старину] // Самагалдай. 2011, 6 июля. С. 8. (На тув. яз.).

³ Самагалдай — Тываның баштайгы найысылалы = Самагалтай — первая столица Тувы / авт.-сост. А. С. Дембирель, В. С. Кривдик. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 106–107.

⁴ Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 79–80.

⁵ Там же. С. 79–86.

⁶ По сути, Калдак и Хамар — это два разных места. Калдак — река, а Хамар — перевал [Электронный ресурс] // TMGnews. Информационное агентство «Тувамедиагрупп». 2025, 10 сентября. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/po-suti-kaldak-i-hamar-eto-dva-raznyh-mesta-kaldak-reka-a-hamar-pereval-do-1940-h-godov-doroga-soedinivshaya-yug-respubliki-tyva-s-eyo-stoliczej/> (дата обращения: 10.07.2026).

В научной литературе перевал упоминается эпизодически. К упомянутым в начале раздела работам также добавим монографию М. Михалева, который, рассуждая о транспортной доступности и транзитном значении ТНР (между Россией, Монголией и Китаем), напомнил о строительстве дороги через Калдак-Хамар (Михалев, 2023: 158–159).

В нашей предыдущей работе Калдак-Хамар назывался как пример ресакрализации советского объекта в рамках анализа концепта *даг* в тувинской культуре (Ламажаа, Майны, 2026: 20–21). Топонимические предания Юго-Восточной Тувы, к ареалу которых относится перевал, исследовала А. С. Донгак (Донгак, 2018), святые топонимы Тувы — Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2024).

Совсем иначе выглядит исследовательский ландшафт вокруг позднесоветского аналога тувинской стройки — БАМа. Здесь сложилась целая историография: от монографии К. Уорда о БАМе как выражении позднесоветского социализма (Ward, 2009) до антропологических исследований постсоветской судьбы магистрали и «бамовской» идентичности (Поворознюк, 2020) и исторических работ о повседневности строителей (Байкалов, 2022), не считая уже многочисленных научных статей.

Этот контраст подчеркивает лакуну: тувинская «народная стройка» 1938–1941 гг., типологически родственная БАМу, но развернувшаяся в обществе, еще жившем кочевой культурой с культом гор, заслуживает отдельного внимания науки. Этим и обусловлена научная новизна нашей работы.

Концептуальная основа

Материал, с которым мы имеем дело, разнороден: архивные документы о ремонте дороги, идеологические тексты, народные песни, сатирические куплеты, воспоминания участников стройки, кинохроника, современные ритуальные практики на перевале. Для его связного анализа мы используем несколько концепций, ядром которых выступает концепция множественных интерпретаций мира, а дополнением — четыре подхода, каждый из которых соответствует определенному ракурсу и поясняет разные стороны социокультурных явлений.

Ядро составляет концепция множественных интерпретаций мира (*Plurale Weltinterpretationen*) А. К. Ольшлегель, разработанная на тувинском материале (Oelschlaegel, 2013). Согласно ей, носители культуры могут параллельно применять несколько взаимоисключающих, казалось бы, картин мира — например, анимистическую, буддийскую и рационально-техническую, — переключаясь между ними ситуативно и не переживая это как противоречие. Эта концепция одновременно улавливает и советский пафос покорения горы, и параллельное сохранение ее культа, и их сегодняшнее сосуществование на одном перевале, не сводя одно к другому и не выставляя одну из интерпретаций «ложной». Мы уже использовали эту концепцию при анализе концепта *даг* (Ламажаа, Майны, 2026).

Помимо этой работы, мы учитываем актуальные исследования антропологии сакрального и культурного ландшафта. Гора в тувинской культуре — не декорация, а субъект отношений: у нее есть «голова» (*баш*), «нос» (*хамар*), «спина» (*арга*), она «способна» слышать обращения и требовать почтения. Классическая работа К. Бассо о том, как «мудрость сидит в местах» и как ландшафт хранит моральное знание сообщества (Basso, 1996), дает язык для описания агентности горы. Без этой рамки невозможно понять, почему дорожной стройке в Туве сопутствовали прямые обращения к перевалу как к живому существу.

Также мы учитываем инфраструктурный поворот в социальных науках. Б. Ларкин определил инфраструктуру как «вещи и отношения между вещами», обладающие собственной политикой и поэтикой: дорога не только перевозит грузы, но и транслирует обещание модерности (Larkin, 2013). П. Харви и Х. Нокс на материале горных дорог Перу показали, как дорожное строительство перекраивает космологию местных сообществ и как в полотне дороги материализуются государственные обещания и локальные страхи (Harvey, Knox, 2015) — это самый близкий зарубежный аналог нашего кейса. В русскоязычной науке это направление поддержано О. А. Поворознюк, которая анализирует БАМ как «эмоциональную инфраструктуру» и воплощение коллективной памяти (Поворознюк, 2020). Эта теоретическая рамка позволяет корректно сформулировать центральный парадокс Калдак-Хамара: полотно дороги продолжает удерживать советскую идеологию покорения даже тогда, когда над ним повязывают ритуальные ленты.

Третье важное для нас направление из четырех дополнительных — исследования советского прометеизма и «борьбы с природой». П. Джозефсон описал «технологии грубой силы», превращавшие

реки, леса и горы в объекты индустриального штурма (Josephson, 2002); К. Уорд показал, как БАМ стал финальным выражением этого прометеизма, соединив инженерную задачу с героическим нарративом (Ward, 2009). Эта рамка нужна нам как характеристика того, что именно наложилось на тувинскую культуру гор: язык штурма и покорения.

И, наконец, четвертое — теория культурной памяти. Вслед за Я. Ассманом мы различаем коммуникативную и культурную память и рассматриваем канонизацию стройки в текстах и монументах как переход от живого воспоминания к институционализированной памяти (Ассман, 2004). Разграничение функциональной и накопительной памяти А. Ассман (Ассман, 2014) помогает увидеть, как песня строителей десятилетиями выполняла роль функциональной памяти сообщества. Понятие места памяти П. Нора (Нора, 1999) прямо описывает сегодняшний Калдак-Хамар: стела о подвиге и оваа с лентами — материальная точка, в которой соединились два разных прошлых.

Устная история сообщает не только факты, но и значения: память сжимает время, смещает даты и переводит биографию в эпос. Это обстоятельство описывается в наблюдениях А. Портелли (Portelli, 1991). Наконец, для народной сатиры на распорядителей стройки мы привлекаем понятие скрытых транскриптов Дж. Скотта — неофициальных дискурсов подчиненных, существующих в тени официального (Scott, 1990).

Таким образом, для анализа нашего объекта в интересующем нас ракурсе мы опираемся на целую связку концепций, позволяющих рассматривать «тувинский БАМ» как социокультурное явление: сакральный ландшафт описывает исходное состояние отношений тувинцев с перевалом; прометеизм и инфраструктурный поворот — то, что было привнесено стройкой; культурная память — то, как стройка фиксировалась и пересобиралась в последующие десятилетия; множественные интерпретации мира — итоговое состояние, в котором все слои сосуществуют.

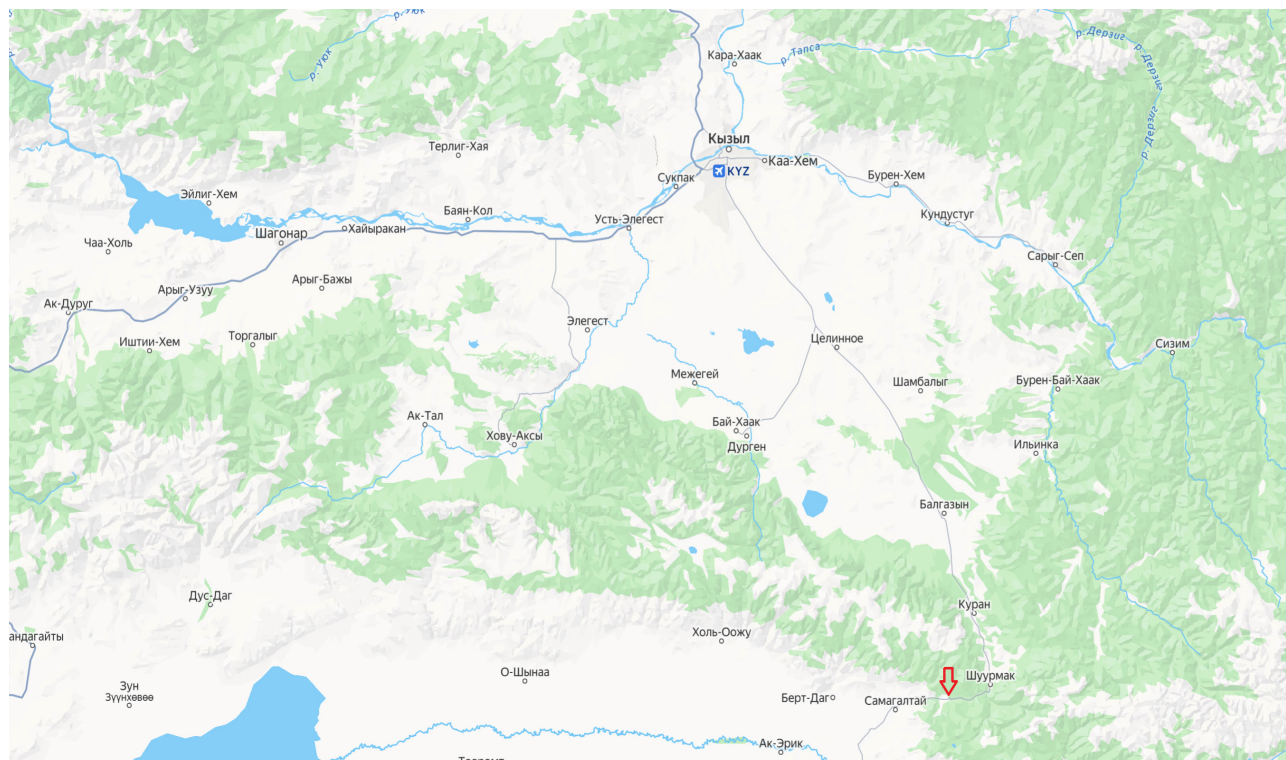

Рис. 2. Перевал Калдак-Хамар на карте Тувы. Фрагмент карты, подготовленной на основе сервиса «Яндекс-Карты»¹.

Прим.: Местоположение перевала указано красной стрелкой (авторская графическая обработка).

Fig. 2. Kaldak-Khamar pass on the map of Tuva. A fragment of a map prepared based on the Yandex-Maps service.

Note: The location of the pass is indicated by a red arrow (author's graphic processing).

¹ Яндекс Карты: картографический сервис. URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 10.07.2026).

Перевал Калдак-Хамар до стройки

Перевал Калдак-Хамар расположен на хребте Восточный Танну-Ола, в Тес-Хемском кожууне, на пути из Центральной Тувы в Убсунурскую котловину. Через него проходит автомобильная дорога, связывающая Кызыл с Самагалтаем — старейшим поселением и первой столицей Тувы — и далее с Эрзином и границей с Монголией (рис. 2).

Само двойное название хранит топонимическую двусоставность, о которой до сих пор спорят. Правда, этот спор присутствует в общественном дискурсе, не научном. Лишь в «Топонимическом словаре» Б. К. Ондар сообщается, что объяснить первую часть оронима Калдак-Хамар не удастся, а вторая связана с монгольским заимствованием *хамар* 'нос, рыло; в оронимии отрог горы, мыс'» (Ондар, 2007: 231). В лексикографических изданиях тувинского языка этот ороним и его составные не обсуждаются.

И. М. Сувандии писал, что Калдак — это река (лог), по руслу которой была проложена дорога. Его версия следующая: название восходит к временам, когда Тувой управляли в китайское время монголы, поэтому слово *калдак* исходит от монгольского *гал гол*, что в переводе на тувинский будет звучать *кол хем* 'главная река'. *Хамар* же — это название горного хребта/перевала, через который шла старая дорога, ныне заброшенная¹.

Чооду Кара-Куске, разбирая этот вопрос, указывал, что Калдак и Хамар — два разных объекта: *Калдак* — лог/река, по которой проложена новая трасса, *Хамар* — перевал старой дороги; до 1940-х гг. ездили только *хамарлап*, т. е. через Хамар. У нижнего конца Чиңге-Хажата дороги расходятся: вниз по реке — *Калдак оруу*, вверх на хребет — *Хамар оруу*. Летом 1935 г., когда начали копать дорогу в лог Калдака, писал он, народ стал ездить «и Калдактап, и Хамарлап» — *ооң уламындан бо ийи ат каттыжа берген* 'из-за этого два имени соединились'. Закреплению способствовала песня «Калдак-Хамар», сложенная тогда же (слова Оюн Кунзенмаа). Отсюда его полемический вывод: называть нынешний перевал (Чаа-Оваа 'Новый оваа') Калдак-Хамаром — неверно; воспетый в песне перевал — Хамарский, а «Хамар к нынешней дороге отношения не имеет»².

Путь через перевал существовал издревле как вьючная и гужевая дорога, часть трансграничной торговой сети: из Тувы — в Монголию, а значит и из России через Туву в Монголию. По воспоминаниям старожилов, зафиксированным районной газетой, через Калдак-Хамар шли обозы на юг — в Улясутай и далее в города Азии; возчики ночевали у костров на перевале³. Как писал В. Дубровский, это была древняя караванная дорога, удобная для езды на двуколках и для караванного движения верблюдов и людей⁴. По воспоминаниям старейшины села Самагалтай Василия Сарба, «это была единственная дорога, по которой можно было выехать из Тувы»⁵, и данная формулировка показывает совершенно иную ориентированность тувинцев на внешний мир, на юг, как на важнейшие территории торговли, политических и прочих связей (сегодня — на север, на остальную Россию).

Как пишет З. Б. Самдан, старожил в 1970 г. ей рассказывал о том, что из монгольской Урги через Калдак-Арт 'перевал Калдак' переходили караваны, груженные товаром, поэтому эту дорогу называли *Торгу оруу* 'Шелковой дорогой' (Самдан З., 2017: 245).

Помимо этого, дорога соединяла остальную Туву со ставкой амбын-нойона — правителя Танну-Урянхая, ставка которого располагалась в Самагалтае. Поэтому Калдак-Хамар печально известен в дореволюционной истории и как место, где был смертельно ранен в июле 1916 г. последний амбын-нойон Агбан-Демчи (История Тувы, 2007: 36). В марте 1919 г. здесь происходила стычка между

¹ Сувандии И. М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. С. 11–13.

² Кара-Куске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2.

³ Калдак-Хамар шаанда // Самагалдай. 2011, 6 июля. С. 8. Там же приводятся свидетельства З. Журавлева и ссылка на описание дорог Урянхайского края инженером В. М. Родевичем.

⁴ Дубровский В. Начало // Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 25.

⁵ Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 81. См. также: Самдан З., 2017: 245. Хотя, надо сказать, что был еще один путь из Центральной Тувы в Монголию — через Западный Танну-Оола, вдоль реки Хондергей (Сердобов, 2017: 65).

монгольскими военными и русскими (Самдан А., 2017: 149–150). Перевал был вписан и в революционную историю: известно, что в мае 1921 г. его перешел отряд красных партизан С. К. Кочетова, разбивший белогвардейцев у Тарлашкына¹.

При этом для кочевого населения юга Тувы перевал оставался объектом традиционного почитания, как и всякий *арт* 'перевал': на перевалах устраивались *оваа* (каменные насыпи), произносились благопожелания, оставлялись подношения хозяину местности. О последнем факте, правда в несколько уничижительном ключе, писал даже С. К. Тока: «Дорога через перевал была до того тяжелой, что иные араты на подступах к Танды читали молитвы, обращаясь за благословением к ламам и шаманам»². Гора «работала» одновременно в двух регистрах — хозяйственном (путь, который надо преодолевать) и сакральном (хозяин пути, которого надо почитать), и эти регистры не конфликтовали: они соответствовали разным ситуациям одной жизни, что и описывает модель множественных интерпретаций мира (Oelschlaegel, 2013).

Ситуация изменилась с появлением автомобиля. Первая машина прошла по дороге от Кызыла до Минусинска летом 1926 г., а перевод транспорта с гужевого на автомобильный стал разворачиваться в середине 1930-х гг.³, и старая гужевая дорога через «Хамарские кручи» сразу обнаружила свою непригодность для моторного транспорта. Архивные документы 1936 г. рисуют картину бедственного состояния пути. 18 апреля 1936 г. президиум малого хурала Тес-Хемского кожууна принял постановление (*токтал*) № 4 о ремонте дороги через перевал Калдак: дорога признавалась настолько трудной, что по ней «не пройдут ни телега, ни сани, ни машина» («*терге, чанак, машина соруп полбас берге*», орфография источника. — Авт.); работы предписывалось выполнить в шестимесячный срок; документ подписали председатель кожууна Таакпан и секретарь Монгальби (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 611, л. 12–14). Как происходили подобные ремонтные работы показывают фотографии тех лет, которые мы нашли в фондах Национального музея Республики Тыва (см. рис. 3, 4).

Рис. 3. Скальные работы на перевале через Танну-Ола, дорога Балгазын-Самагалтай, 1935 г.

Фото из фондов Национального музея Республики Тыва, НМРТ КП-11286-983.

Fig. 3. Rock-cutting works at the pass across the Tannu-Ola Range, the Balgazyn-Samagaltay road, 1935.

Photograph from the collections of the National Museum of the Republic of Tuva, NM RT KP-11286-983.

¹ Калдак-Хамар шаанда // Самагалдай. 2011, 6 июля. С. 8.

² Тока С. К. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем (литературный альманах). 1966. № 8. С. 15.

³ Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 30.

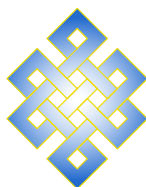

Рис. 4. Араты на ремонте дороги Танну-Ола. Кызыл-Арыг — Самагалтай, первая половина XX в.
Фото из фондов Национального музея Республики Тыва, НМ РТ КП-11286-624.

Fig. 4. Arats repairing the Tannu-Ola road. Kyzyl-Aryg — Samagaltay, first half of the 20th century.
Photograph from the collections of the National Museum of the Republic of Tuva, NM RT KP-11286-624.

21 мая 1936 г. Чагырга (администрация) Тес-Хемского кожууна написала письмо (донесение) № 119 в Совет министров ТНР о том, что араты встретили решение о ремонте дороги с радостью, 220 человек из 12 сумонов будут готовы к 1 июня, у руководства республики запрашивалась техника, инструменты, средства (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 611, л. 20)¹.

Ход этого ремонта отразила передовица газеты «Шын» от 24 июня 1936 г., написанная по письму заместителя председателя Совета Министров ТНР Ойдуца. Под руководством Таакпана (с товарищами Томбу и Намзыраем) около 200 аратов из 12 сумонов устроили проезды через три брода Хань-Хема, выполнили четыре выемки в лощинах, срезали восемь крутых и два наклонных склона, построили четыре новых моста, привели в порядок участок протяженностью около 13 км; убирали камни, деревья, грязь. Советская транспортная организация «Совтранс», заинтересованная в трассе, помогала жильем, питанием и техническим руководством. Газета сопровождала отчет лозунгами к 15-летию республики: «Пусть процветает пятнадцатилетие! Пусть развернется дорожное строительство!»²

Эти документы важны в двух отношениях. Во-первых, они показывают, что мобилизационная модель — сотни аратов со своим инвентарем под руководством местных *дарга* — была отработана на Калдак-Хамаре уже в 1936 г., за два года до большой стройки. Во-вторых, в них еще нет никакой героической риторики покорения: это сугубо деловые документы о ремонте.

Толчком к радикальному решению — строительству новой трассы — стали катастрофы на старой дороге. Источники сохранили сведения по меньшей мере о двух. По свидетельству Ч. Кара-Куске, на Хамарской дороге перевернулась машина, перевозившая 28 человек с Нарынского золотого прииска; никто не выжил, и именно после этого от Хамарских круч отказались, решив вести новую

¹ Сувандии И. М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. С. 18.

² Араттар Калдак арттың оруун аңнап турары [Араты ремонтируют дорогу через перевал Калдак] // Шын. 1936, 24 июня. № 50 (551). (На тув. яз.) (вырезка в деле: НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 611, л. 99).

дорогу по руслу Калдака¹. Воспоминания старожилов, записанные в нескольких книгах, говорят об аварии осенью 1937 г. у Шуурмака: груженный людьми с прииска грузовик сорвался на спуске и загорелся, все находившиеся в кузове погибли; спаслись лишь двое мальчиков, которых родители успели выбросить из кузова².

Трагедия широко освещалась в газетах, на место выезжал сам С. К. Тока. Он уже знал сложности этой дороги и описывал в своей книге, как его машина тяжело взбиралась на хребты, а в какой-то момент ему с товарищами пришлось толкать транспортное средство, а затем впрягать и быков, лошадей³. По оценке информантов, трагедия стала «последней каплей» в решении вопроса о новой дороге (ПМА). О рискованности спусков говорит бытовая деталь: шоферы привязывали позади машин бревна, которые волочили по земле и служили тормозами (ПМА). В случившемся в 1937 г. очевидцы винят также водителя, который не привязал к задку машины «лесину с торчащими сучьями», как это делали остальные⁴.

Таким образом, к 1938 г. сложились все предпосылки стройки: экономическая (снабжение юга страны и торговля с Монголией), техническая (непригодность гужевой дороги для автомобилей), социальная (череда катастроф) и политическая (курс ТНРП на социалистическую модернизацию). Но сама форма, в которую вылилась стройка, определялась не только ими — она была продиктована особой драматургией отношений с горой.

Народная стройка

Как писал С. Тока, идея очищения дороги Калдак принадлежала секретарю партийной ячейки района Сартыылу Сундувею, и республиканское партийное правительство поддержало инициативу партийного хошкома (хошунного комитета) Теса⁵.

В 1938 г. правительство ТНР и ЦК ТНРП приняли постановление о строительстве новой автомобильной дороги Кызыл — Самагалтай через Калдак-Хамар⁶. Новая трасса, в отличие от старой, прокладывалась по руслу и логу реки Калдак — решение, принятое после катастроф на Хамарских кручах⁷. Общая протяженность дороги от столицы до Самагалтая составляла 243 км (Байыр-оол, 2011: 156). Во время этого строительства, с самого его начала и была создана Дорожная служба кожууна⁸.

Административно стройкой руководило Министерство торговли и промышленности ТНР во главе с А. М. Чимба; в дорожном отделе министерства работали начальник О. Т. Ензак, инженер Розонов, прораб Макаров; проектированием занимался Коковин, чертежником был Кутепов; ответственность за строительство Чимба, по его воспоминаниям, делил с советским специалистом Слуцким (там же: 157). Уже этот перечень показывает характерную для ТНР гибридную организацию: тувинское политическое руководство, советские инженеры (техническое руководство) и аратская рабочая сила (рис. 5).

¹ Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2.

² Воспоминания чабана Ивана Данзуруна см.: Самагалтай — первая столица Тувы. 1996. С. 174–175. Очевидец, ездивший с отцом к месту аварии, упоминает ее и в публикации: Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 82, а также: Калдак-Хамар шаанда // Самагалдай. 2011, 6 июля. С. 8.

³ Тока С. К. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем (литературный альманах). 1966. № 8. С. 3–4.

⁴ Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 82.

⁵ Тока С. К. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем (литературный альманах). 1966. № 8. С. 15.

⁶ Сведения о постановлении приводятся в изданиях: Самагалтай — первая столица Тувы. 1996. С. 282; Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 82 (номер и точная дата документа в изданиях отсутствуют). И. М. Сувандии не приводит в своей книге текста документа о начале строительства, хотя дает текст постановления об окончании стройки.

⁷ Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2.

⁸ Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 85.

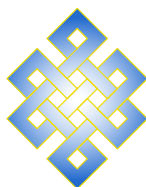

Рис. 5. Кадр из фильма «Страна голубой реки», 1941 г.
Fig. 5. A shot from the film "The Land of the Blue River", 1941.

Рабочая сила мобилизовывалась по принципу шефства: участки дороги — «делянки» — распределялись между кожуунами, сумонами и арбанами; распределением занимались уполномоченные чиновники, в памяти старожилов остались имена дарга Дарзыга, Хокпела, Сарбаа (ПМА)¹.

География мобилизации была общенациональной. Участница стройки Зоя Аракчаа, работавшая на Калдакской дороге в 1942 г., свидетельствовала о том, что в ней «участвовал народ почти всех уголков Тувы», и повторяла ту же формулу: *езулуг улусчу тудуг* — подлинно народная стройка². С. К. Тока в очерковых главах «Новой Тувы» прямо называл стройку «всетувинской»³.

Как пишет И. М. Сувандии, согласно Саавыр (положению) о трудовом участии населения в строительстве и ремонте санных, тележных и автомобильных дорог, утвержденному 3 января 1937 г. Советом министров ТНР, все граждане государства от 18 до 45 лет работали на дорогах бесплатно по 10 часов в день 5 суток в году, причем бывшим феодалам этот срок увеличивался в два раза — 10 суток в году⁴. Фактически речь шла о трудовой повинности, и последнее примечание указывает на то, что среди участников были и группы населения, отдельно учитываемые как неблагонадежные. Так, например, это были «дети феодалов». Известен эпизод из биографии эмчи-ламы (ламы-целителя) Кенден-Сюрюна Езутуевича Хомушку, который в силу своего происхождения (сын феодала) с 15-летнего возраста «таскал бревна при строительстве дороги на перевале Калдак-Хамар»⁵. В целом И. М. Сувандии достаточно подробно представляет социальный состав строителей, в том числе молодых ревсомольцев⁶; отдельно останавливается на большой роли женщин, девушек⁷; упоминает тоджинцев-оленоводоов, которые прибывали на место после большого пути, через несколько тайг⁸.

¹ Сатирические куплеты о Дарзыге и Хокпеле см. ниже; о распределении участков см. также: Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2.

² Аракчаа З. Калдак оруун касчыл чордум [Я копала Калдакскую дорогу] // Оюн-Бартан Д. Тес-Хем — чоргааралым, хундүткелим, хандыкшылым [Тес-Хем — моя гордость, мое почтение, моя привязанность]. Кызыл: Республиканская типография, 2007. С. 42–44. (На тув. яз.).

³ Тока С. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем: литературно-художественный альманах. 1966. № 8. С. 3–6.

⁴ Сувандии И. М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. С. 43.

⁵ Кенден-Сурун Езутуевич Хомушку // Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. С. 208.

⁶ Сувандии И. М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. С. 37–38.

⁷ Там же. С. 37, 40–41.

⁸ Там же. С. 25.

Начальник дорожного управления О. Т. Ензак вспоминал:

«Орукту хая болгаш малгашты таварыштыр чоруткан бис. Ол езулуг-ла улусчу тудуг болган»

‘Мы вели дорогу через скалы и грязь. Это была подлинно народная стройка’¹.

Строитель Б. Х. Чавырык рассказывал:

«В Шуурмаке была база с двумя-тремя домиками-складами, куда доставлялись товары из Кызыла. В летнее время их возили через Хамарский перевал, а зимой по санному наледному пути Калдака, который летом закрывался, так как берега речушки были непроходимы: заросли, скалы, болото... Новая дорога должна была пройти именно по этому маршруту. Часть людей валила деревья, расчищала заросли, другие шли следом, снимали дерн, а за ними принимались за работу люди с лопатами, кайлами. Наиболее ‘совершенной техникой’ являлась тачка. Взрывчаткой не пользовались, скалы раскалывали ломами, кирками, большие куски оттаскивали при помощи волов и лошадей»² (рис. 6–8).

QR-код ссылки
на фильм.
QR code of the movie
link.

Рис. 6–8. Кадры из фильма
«Страна голубой реки»,
1941 г.

Fig. 6–8. Stills from the film
“The Land of the Blue River”,
1941

¹ Цит. по: Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2.

² Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 82–83.

По воспоминаниям участницы стройки З. Аракчаа:

«долбила скалу киркой, копала землю, ломом откалывала камни, наполняла землей телеги-тачки — включилась в эту коллективную, веселую и очень важную работу народа. Тогда моего зятя (мужа сестры) Ораажая Сакпая ударило скатившимся сверху камнем, и он лечился в Самагалтайской больнице.

Пробивать Калдакскую дорогу было тяжелее, чем Хамарскую. Густой караганник, лес и деревья не пропускают человека, куда ни ступи — сплошь вода да грязь. Дожди не прекращались, ни возможности, ни времени просушить одежду не было. Не то что шалаш поставить — даже места для костра не находилось, не было и места, где привязать коня и попасти скот. Оба берега реки очень крутые, ущелье тесное — множеству людей приходилось работать, теснясь друг к другу¹.

Средства брались из дорожного бюджета ТНР, складываемого из дорожных сборов. Например, на 1938 г. он в целом составлял 390 тыс. акша, из них 145 тыс. выделялось на новое строительство, из которых 80 тыс., т. е. 55% — направлялось на Калдак².

Уже через год, 29 августа 1939 г. Президиум ЦК ТНРП принял постановление «Об окончании строительства Калдакского шоссе в 1939 г.»³ В нем по докладу С. Токи было признано, что стройка имеет «громадное хозяйственное, политическое и культурное значение»; работа Минпромторга признана неудовлетворительной (из 8 км трудного участка «кое-как пройдено только 3 1/2 км», на 17 августа работает всего 60–70 рабочих); решено довербовать 400 рабочих (Тес-Хем — 200, Тандинский и Каа-Хемский — по 50, Кызыл с пригородными сумонами — 100), развернуть соревнование между хошунами, рабочих доставить к 10 сентября; Минпромторгу и Тувинценкоопу велено обеспечить инструментами, оборудованием и продуктами; завершить основные работы к концу 1939 г. Подписано председателем Президиума ЦК ТНРП С. Тока.

Тем не менее, работы продолжались и в 1940-м г. Так, Политбюро ЦК ТНРП 6 января 1940 г. заслушивал доклад секретаря Тес-Хемского кожкома Таакпана о политико- и культурно-массовой работе; отмечено активнейшее участие кожууна в народной стройке⁴.

В основном работы завершились к 1941 г. З. Аракчаа пишет, что открытие дороги состоялось в 1942 г.:

«Туда и мы, сумонная молодёжь, примчались верхом. По указанию руководителей дорожного строительства мы уложили последние мосты. Затем все мы верхом прибыли к мосту в устье Шураштыг-Хема и тем же строем двинулись на поляну Чаа Оваа (к нынешнему перевалу Калдак-Хамар). Дождавшись открытия дороги, через день-другой машины пошли следом за нами»⁵ (рис. 9, 10).

В военные годы интенсивность работ упала, но подворная разверстка трудового участия сохранялась; более того, до 1950-х гг. содержание дороги распределялось между населением «метрами»: семьи и хозяйства отвечали за свои участки полотна⁶. Асфальтовое покрытие появилось значительно позднее, уже с приходом дорожной техники⁷.

По формальным признакам перед нами классическая мобилизационная стройка — прямой типологический предшественник БАМа: общенациональный призыв, шефство территорий, ручной труд, героическая риторика, санкция высшего партийного руководства (ср.: Ward, 2009; Байкалов, 2022). Однако тувинский случай обладает измерением, которого не знала позднесоветская магистраль. Стройка разворачивалась в обществе, где гора была субъектом отношений, и потому сама оказалась выстроена как перформативный акт переопределения этих отношений — как ритуальная драма покорения.

¹ Аракчаа З. Калдак оруун касчыл чордум [Я копала Калдакскую дорогу] // Оюн-Бартан Д. Тес-Хем — чор-гааралым, хундүткелым, хандыкшылым [Тес-Хем — моя гордость, мое почтение, моя привязанность]. Кызыл: Республиканская типография, 2007. С. 43. (На тув. яз.).

² Дороги Тувы. Сборник, посвященный 60-летию автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 44–46.

³ Сувандии И. М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. Вклейка после с. 36.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Аракчаа З. Калдак оруун касчыл чордум [Я копала Калдакскую дорогу] // Оюн-Бартан Д. Тес-Хем — чор-гааралым, хундүткелым, хандыкшылым [Тес-Хем — моя гордость, мое почтение, моя привязанность]. Кызыл: Республиканская типография, 2007. С. 43. (На тув. яз.).

⁶ Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2.

⁷ Там же.

Рис. 9, 10. Кадры из фильма «Страна голубой реки», 1941 г.
Fig. 9, 10. Stills from the film "The Land of the Blue River", 1941.

Ключевое свидетельство — текст Тока. В главах «Новой Тувы» повествователь обращается к перевалу прямо, как к живому существу:

«...Смотри и слушай, Калдак: к тебе идут люди всей Тувы, движутся целыми хошунами. Штурмом возьмут твои неприступные кручи, разглядят твои горбы, осушат твои болота. Они одолеют тебя, потому что они теперь люди свободные, люди крылатые»¹;

«Палатки, шалаши — на каждом шагу, красные флаги развевались как на наадыме.

Первая великая народная стройка Тувы началась. Мы пришли к тебе, гордый, веками неприступный Калдак!»²

Гора остается антропоморфизированной, но знак отношения меняется на противоположный: адресат почтительных благопожеланий становится адресатом вызова. Обращение к горе перед тем, как ее «одолеть», структурно повторяет обрядовое обращение к хозяину перевала — только теперь оно произносится от имени народа-победителя. В терминах Б. Ларкина дорога здесь выступает не просто техническим объектом, а посланием: полотно, пробитое в скалах, материально закрепляет новую иерархию, в которой человек выше горы (Larkin, 2013). А в терминах П. Харви и Х. Нокс стройка перекраивает локальную космологию: то, что было владением хозяина местности, становится фронтом работ (Harvey, Knox, 2015).

¹ Тока С. К. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем (литературный альманах). 1966. № 8. С. 15.

² Там же. С. 17.

Драма имела и своих трикстеров (от английского *trickster* ‘ловкач, обманщик’, архетип персонажа, который нарушает правила, вносит хаос и приносит непредсказуемость в устоявшийся порядок). В народной памяти сохранились сатирические куплеты об уполномоченных, распределявших повинности, — например, о *дарга* (начальнике) Дарзыге, заночевавшем посреди засеянного поля: «Тараан тараа ортузунга / Дарзыг дарга хонуп алган...» («Посреди посеянного хлеба / расположился на ночлег дарга Дарзыг...»)¹. Эти тексты — характерный скрытый транскрипт (Scott, 1990): не оспаривая саму стройку, народная сатира выговаривала недовольство ее распорядителями. Официальный пафос и низовая насмешка сосуществовали вместе.

Рис. 11. Кадр из фильма «Страна голубой реки», 1941 г.
Fig. 11. A shot from the film “The Land of the Blue River”, 1941.

Наконец, завершение стройки оформлялось и как зрелище. Зоя Аракчаа подробно описала эпизод киносъемки (которая затем вошла в фильм «Страна голубой реки», о чем будет сказано далее): строителей посадили на белых и черных коней, колонна с красным флагом двинулась верхом от моста у устья Шураштыг-Хема к нынешнему перевалу Чаа-Оваа; впереди ехали *дарга* Хорлуу и Семис-Хоортай, сама рассказчица — на сером коне² (рис. 11). Конная колонна аратов со знаменем, снятая для хроники, — это уже не строительство, а постановка строительства: ритуальная драма, зафиксированная камерой для вечности.

Культурная фиксация: песня, поэзия, кино, театр

Уникальность Калдак-Хамара состоит в том, что проект покорения горы был немедленно и надолго закреплен в культурных текстах — причем не только в официальной печати, но и в жанрах самой народной культуры.

Песенная фиксация началась еще до большой стройки. По свидетельству Х. А. Анчымаа-Тока, опубликованному к 220-летию Самагалтая, песня «Калдак-Хамар» родилась летом 1935 г., когда С. К. Тока с группой ответственных работников и артистов объезжал южные кожууны; слова ее сложила Оюн Кунзенмаа³. Песня возникла в момент, когда дорога только начинала осмысляться как государственное дело: культурная рамка опередила инфраструктурную. С. К. Тока также упоминает

¹ Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2. Там же — куплеты о Хокпеле.

² Аракчаа З. Калдак оруун касчып чордум... С. 42–44.

³ Свидетельство Х. А. Анчымаа-Тока приводит Ч. Кара-Күске: Кара-Күске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2. Он же связывает появление песни с началом работ в логу Калдака в середине 1930-х гг.

об этом: «Наша молодежь пока только в песнях расчищает дорогу через Калдак...»¹, приводит он в своей книге слова С. Сундувея, сетовавшего на бездорожье.

Главным же текстом стала песня строителей, которую Тока привел в «Новой Туве» уже в связи с развернувшейся стройкой:

Калдак-Хамар, ты грозным был,
Мы покорили твои вершины.
Народ дорогу проложил —
Летите, быстрые машины!²

Лозунг покорения природы сохраняется самой культурой в жанре народной песни, а не только в советской прессе. Песня обращена к горе во втором лице — то есть удерживает традиционную коммуникативную структуру обращения к хозяину перевала, — но наполняет ее отчетом о победе.

В категориях А. Ассман это образцовая функциональная память: короткий, ритмизованный, легко воспроизводимый текст, который десятилетиями «носил» в себе смысл события для сообщества (Ассман, 2014). Образы гор в тувинской традиционной песенной культуре в целом были устойчиво связаны с почитанием и тоской по родной земле (см.: Санчай, 2023: 85–89) — на этом фоне песня о покоренном перевале выглядит новацией, инверсией жанра.

Литературная канонизация стройки принадлежит Тока: главы «Калдак-Хамар» из книги «Новая Тува», опубликованные в альманахе «Улуг-Хем» в 1966 г., закрепили канонический нарратив — бедственная старая дорога, воля партии, всенародный энтузиазм, победа над горой³. Характерно, что канонизация совершилась в 1960-е гг., уже после опалы Чимба: фактический руководитель стройки в каноне отсутствует, героем-демиургом выступает народ под руководством партии.

Кинематографическая фиксация произошла по горячим следам: в документальном фильме Центральной студии кинохроники «Страна голубой реки» (1941) стройке посвящен отдельный сюжет⁴. Хроника сохранила и образ конной колонны со знаменем, о съемках которой вспоминала З. Аракчаа. Фильм адресовался в первую очередь советскому зрителю: молодая народная республика демонстрировала свою модернность языком, понятным эпохе, — языком покоренной природы.

Поэтическая память о стройке оказалась долгоживущей и — что важно — меняющей тональность. В 1980-х гг. поэт Оолет Чинмит (Өөлөт Чинмит) написал стихотворение «Калдак-Хамар», опубликованное в его поэтическом сборнике⁵, а затем в юбилейной книге Самагалтая⁶.

Характерно то, что обращение к перевалу здесь также прямое, но уже не с интонацией вызова, а почтения:

Чуртум каазын элбекшиткен
Чурумалдыг бедик сын сен.
Аргыжылга оруу болган
Амыдырал көвүрүү сен.
Ырак, чооктан келген чонга
Ыдык арт сен, Калдак-Хамар.

Умноживший красу моей родины,
ты — живописный высокий хребет.
Ставший дорогой сообщения,
Ты — мост жизни.
Для людей, приезжающих издалека и с ближних мест,
Ты — священный перевал, Калдак-Хамар⁷.

¹ Тока С. К. Калдак-Хамар (главы из книги «Новая Тува») // Улуг-Хем (литературный альманах). 1966. № 8. С. 5.

² Там же. С. 21.

³ Тока С. Калдак-Хамар... С. 3–6, 15.

⁴ Страна голубой реки [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Тыва. YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QmFAn4PMTXk> (дата обращения: 10.07.2026). Сюжет о строительстве дороги через Калдак-Хамар начинается с 34-й минуты фильма.

⁵ Өөлөт Чинмит. Калдак-Хамар. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1989. С. 3–4.

⁶ Чинмит Ө. Калдак-Хамар : [стихотворение] // Самагалтай — первая столица Тувы. 1996. С. 106–107. (На тув. яз.). Стихотворение сопровождается пометой автора о 50-летию постройки дороги и фотографиями строителей 1938 г. и стелы.

⁷ Построчный перевод наш. — Авт.

Позднее на эти стихи была сложена песня (мелодия Кан-оола Баазан-оола), опубликованная районной газетой. Мы видим, что здесь происходит решающий семантический сдвиг: в песенном рефрене перевал именуется уже не покоренным противником, а святыней и благодетелем. Эпитет *ыдык* 'священный' возвращает перевалу сакральный статус — но теперь уже вместе с дорогой: священным объявляется не нетронутый хребет, а перевал, через который проложен «мост жизни». Ресакрализация не отменила советский слой, а вобрала его.

Песенная жизнь Калдак-Хамара продолжает жить, причем на разные стихи. Как мы уже упоминали, существуют песни на стихи О. Кунзенмаа, С. К. Тока (об этой песне пишет В. Ю. Сузукей, см.: Сузукей, 2007: 136), О. Чинмита (ее также исполняет хор, об этом пишет А. К. Баазан-оол¹). При этом также исследователи говорят о наличии народной песни «Калдак-Хамар» (Ондар, Кошкендей, Хомушку, 2018: 60; и др.²) и ряд исполнителей включают ее таким образом в свой репертуар, например, группа «Хун-Хурту»³, Айдысмаа Кошкендей⁴.

Строительство дороги вошло и в театральную постановку. Речь идет о постановке пьесы драматурга Клары Сагды «Калдак-Хамар», режиссер-постановщик Марианна Кара-Сал⁵. В центре сюжета пьесы — встреча специалиста из СССР Маруси и местного жителя, жизнелюбивого парня Багай-оола, которая произошла на строительстве дороги. «На фоне новых перемен между молодыми людьми вспыхивают романтические чувства. Но суждено ли им быть вместе? Найдут ли молодые пути друг к другу?», — гласит анонс спектакля. Таким образом, мы видим события 1938–1941 гг. и как место романтической встречи, зарождения любви в художественном переосмыслении.

Современная память: наложение слоев

Сегодняшний Калдак-Хамар представляет собой место памяти в точном смысле П. Нора — материальную точку, в которой кристаллизуются и соседствуют разные прошлые (Нора, 1999). На перевале и у дороги сосуществуют строения, каждое из которых отсылает к своему слою истории.

Первый слой — монументально-советский. В 1991 г., к юбилею провозглашения Танну-Тувинской Республики, на развилке у нижнего конца Чиңге-Хажат — там, где расходятся Калдакская и Хамарская дороги, — был открыт памятник строителям дороги⁶ (рис. 12). Стела фиксирует канонический нарратив трудового подвига: народ проложил дорогу. Существенна дата: монумент советской стройке был поставлен в год распада СССР, когда сам советский проект уже уходил в прошлое, — то есть с самого начала он был не пропагандой, а именно памятником, знаком завершенной эпохи.

Второй слой — религиозный: перед стелой построена небольшая культовая беседка-павильон с характерными чертами для буддийско-шаманистской сакральной инфраструктуры Тувы (рис. 13). Прямоугольный план, четыре угловые опоры, полностью открытые боковые стороны с невысокими парапетами-балюстрадами: она предназначена не для входа человека, а для «принятия» подношений и обзора святыни. То есть, чтобы подойти к памятнику советского строительства, надо пройти через религиозное строение, в котором надо настроиться соответственно.

¹ Баазан-оол А. К. «Хемим сенден менди ээреп, келген оглун байыр тудайн...» (жизненный и творческий путь композитора К. Д. Баазан-оола) // Культура Тувы: прошлое и настоящее: материалы межрегиональных научно-практических конференций 2023–2024 гг., г. Кызыл / ред.-сост. Е. К. Карелина. Кызыл: Типография «Про-Лидер», 2024. С. 22.

² Кан-оол А. Х. Песенная традиция тувинцев Эрзинского кожуна в начале XXI века: дисс. ... канд. иск. Новосибирск, 2020. С. 11; Санчай Ч. Х. Образы родной земли в народных песнях тувинцев // Хоомей (горловое пение) — феномен культуры народов Центральной Азии: научные доклады VIII-го Международного этномузыкологического симпозиума (7–9 июля 2023 г., г. Кызыл) / отв. ред. Е. Е. Карелина. Кызыл, 2023. С. 119.

³ Монгуш У. О. Непокоримый сын горы Дугай: научно-популярное издание о творчестве Кайгал-оола Ховалыга. СПб.: Сциентиа, 2021. С. 77.

⁴ Кан-оол А. Х. Народная песня — моя судьба (страницы из творческой биографии Айдысмаа Кошкендей) // Хоомей (горловое пение) — феномен культуры народов Центральной Азии: научные доклады VIII-го Международного этномузыкологического симпозиума (7–9 июля 2023 г., г. Кызыл) / отв. ред. Е. Е. Карелина. Кызыл, 2023. С. 59.

⁵ Вечер в честь Клары Сагды [Электронный ресурс] // Национальный музыкально-драматический театр Республики Тыва имени Виктора Кок-оола. URL: <https://theatre-tuva.ru/novosti/vecher-v-chest-klary-sagdy.html> (дата обращения: 10.07.2026).

Рис. 12. Памятник строителям дороги через перевал Калдак-Хамар. Фото В. Мумбалдая, 2026 г.
Fig. 12. Monument to the builders of the road through the Kaldak-Khamar pass. Photo by V. Mumbaldai, 2026

Рис. 13. Культовая беседка-павильон перед памятником строителям дороги.

Фото В. Мумбалдая, 2026 г.

Fig. 13. The iconic gazebo-pavilion in front of the monument to the builders of the road.

Photo by V. Mumbaldai, 2026

На перевале Чаа-Оваа, чуть вдали от этой стелы, установлены жерди, к которым путники повязывают ритуальные ленты (Ламажаа, Майны, 2026: 20–21). Практика подношений на Калдак-Хамаре полностью вписывается в общетувинскую традицию почитания перевалов и придорожных оваа, переживающую с 1990-х гг. отчетливое возрождение (Ламажаа, 2021; Ритуальные ленты ... , 2024). В республиканских СМИ перевал прямо назван святым: «Перевал Калдак-Хамар — святое место. На его вершине принято поклоняться большому Оваа и Субургану, молиться и подносить первинку белой пищи, прежде чем проехать дальше»¹.

QR-код
локации стелы.
QR code
of the stele location.

¹ Лопсан Ш. Калдак-Хамар [Электронный ресурс] // Шын. 2024, 25 сентября. № 73. URL: <https://shyn.ru/medeeler/kaldak-hamar/> (дата обращения: 10.07.2026). (На тув. яз.).

Антрополог К. Пименова в начале 2000-х гг. во время полевой работы в Туве записала среди шаманских алгышей (благопожеланий) такой текст:

*Оой Эрзин хемим, Нарын хемим
Морен хемим, Тес-ле хемим
Тарлашкыным ээлери
Бурганарым чаларанар оой
Калга чадаан Калдак-Хамар
Ээлери бурганарым
Бай-Даг, Сайгын ыдык ээлер
Бурганарым чаларанар ооой*

Ой, Эрзина-реки, Нарына-реки,
Морена-реки и Тес-Хема
Тарлаашкына (местность недалеко от Эрзина) хозяйева
Мои боги, снизойдите ой!
(Перевала) Калдак-Хамара, который монголы не смогли
захватить, хозяйева, мои божества,
Бай-Дага, Сайгына святые хозяйева,
Мои божества, снизойдите, ой!¹

Это почтительное упоминание Калдак-Хамара и божеств уже взято из алгышей современных тувинских шаманов.

По оценкам А.-Х. Х. Базырчап, перевал также входит в число достаточно активно посещаемых природных и историко-культурных объектов Тес-Хемского района, где он считается брендом², и Тувы в целом³. Поэтому здесь также в целях борьбы с засорениями был установлен билборд с правилами поведения на месте, считающемся священным. Его фотография приводится в одной из наших работ (Ритуальные ленты ..., 2024: 168).

Несмотря на признание перевала священным, на этом месте также устраиваются районные культурные мероприятия. Например, в 2012 г. здесь проходил I Республиканский фестиваль-конкурс живой музыки «Калдак-Хамар», среди вокально-инструментальных ансамблей⁴. Проводятся праздники животноводов района Наадым⁵.

Современное медиаописание перевала воспроизводит оба слоя разом: информагентство рассказывает о «тувинском БАМе» и стеле строителям — и тут же о субургане, лентах и молитве на перевале⁶.

Перед нами не «смена парадигм», при которой новое вытесняет старое, а сосуществование. Путники, останавливающиеся сегодня на перевале, повязывают ленты и совершают подношения, почти не задумываясь о том, что молятся там, где гора была «вскрыта» дорогой, «покорена» людьми,

¹ Алгыш 20 Приложения 2. Алгыш тувинской шаманки Ховалыгмы Эртинеевны Куулар (Кызыл, общество «Адыг Эрэн») // Пименова К. В. Возрождения и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период (основные проблемы): дисс. ... канд. ист. н. М., 2007. Примечания в скобках даны в источнике. — *Авт.*

² По Кутузовскому проспекту на тувинском скакуне [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 29. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/29/3965-po-kutuzovskomu-prospektu-na-tuvinskom.html> (дата обращения: 10.07.2026)

³ Базырчап А.-Х. О. Природные и историко-культурные объекты на территории Тувы как ресурсы развития туристского потенциала региона // Ермолаевские чтения: материалы VIII научно-практической конференции «Ермолаевские чтения», посвященной 95-летию Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва и Году семьи в России (Кызыл, 21–22 мая 2024) / отв. ред.-сост. С. С. Тулуш. Кызыл: Типография МБОУ СОШ 19 «Профлидер», 2025. С. 95.

⁴ I Республиканский фестиваль-конкурс живой музыки «Калдак-Хамар», среди вокально-инструментальных ансамблей [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Тыва. 2012, 19 сентября. URL: <http://tuvaculture.ru/841-i-respublikanskij-festival-konkurs-zhivoj-muzyki-kaldak-hamar-sredi-vokalno-instrumentalnyx-ansamblej.html> (дата обращения: 10.07.2026).

⁵ По Кутузовскому проспекту на тувинском скакуне [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 29. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/29/3965-po-kutuzovskomu-prospektu-na-tuvinskom.html> (дата обращения: 10.07.2026).

⁶ По сути, Калдак и Хамар — это два разных места. Калдак — река, а Хамар — перевал [Электронный ресурс] // TMGnews. Информационное агентство «Тувамедиагрупп». 2025, 10 сентября. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/po-suti-kaldak-i-hamar-eto-dva-raznyh-mesta-kaldak-reka-a-hamar-pereval-do-1940-h-godov-doroga-soedinivshaya-yug-respubliki-tyva-s-eyo-stoliczej/> (дата обращения: 10.07.2026).

бросавшими вызов хребту, и рядом со стелой, прославляющей эти деяния. Дорожное полотно продолжает выполнять советское обещание модерности — «летите, быстрые машины!», — тогда как ленты над ним адресованы хозяину перевала, которого стройка когда-то символически низложила. Это и есть та самая ситуация множественных интерпретаций мира, которую А. К. Ольшлегель описала на тувинском материале: носители культуры ситуативно переключаются между рациональной, буддийской и анимистической рамками, не переживая их сосуществование как конфликт (Oelschlaegel, 2013). Калдак-Хамар дает этой модели редкую по наглядности материальную иллюстрацию: все интерпретации собраны в одной точке ландшафта и закреплены в разных по происхождению знаках.

Работа памяти видна и в характерных смещениях, о которых писал А. Портелли: устная и публицистическая память сжимает и сдвигает хронологию, подчиняя ее смыслу (Portelli, 1991). В сегодняшних пересказах стройка обычно датируется «1938–1940 гг.» и предстает единым героическим рывком, тогда как источники показывают многослойный процесс: ремонт мобилизованными аратами в 1936 г., постановление 1938 г., основные работы до 1941 г., продолжение повинностей в военные годы и «пометровое» содержание дороги населением до 1950-х гг. Песня, родившаяся, по свидетельству современницы, еще в 1935 г. при объезде южных кожуунов, задним числом стала «песней стройки». Смещается и топонимика: имя Калдак закрепилось за перевалом, который исторически звался Хамарским, и это смещение само стало предметом краеведческой полемики¹. Память укрупняет событие, стягивая к нему соседние эпизоды, — верный признак того, что событие работает в культуре как миф основания.

Показательна и социальная траектория памяти. Из официальной историографии советской Тувы стройка практически выпала — как мы предположили выше, не в последнюю очередь из-за опалы ее руководителя А. М. Чимба. Хранителями сюжета оказались локальные институты: районная газета, кожуунная библиотека, юбилейные книги, школьные краеведы, старейшины. Именно они в 1990-е гг., в момент общенационального переучреждения памяти, вернули стройку в публичное поле — очерком Кара-Куске, стихотворением и песней Чинмита, воспоминаниями участниц, краеведческими книгами, памятником на развилке. В терминах А. Ассман произошел переход сюжета из накопительной памяти (архив, подшивки, воспоминания) в функциональную (юбилей, песня, монумент) (Ассман, 2014). При этом характерно, что реактуализация 1990-х гг. шла уже не под знаком покорения, а под знаком наследия: стройка вспоминалась как общее дело народа — улусчу тудуг, — а перевал воспевался как «священный» и «мост жизни».

Наконец, современная память о Калдак-Хамаре встроена в более широкий постсоветский процесс, отмеченный исследователями БАМа: инфраструктура позднего социализма становится ресурсом идентичности и эмоциональной привязанности локальных сообществ (Поворознюк, 2020; Байкалов, 2022). Для жителей Тес-Хема дорога — предмет гордости и родовой причастности, многие вспоминают, что их отцы, деды участвовали в стройке. На этот факт биографии информанты сами обращают особое внимание.

Например, краевед В. Б. Монгуш вспоминает: «Иргит Бегзи, мой отец, является участником строительства знаменитой дороги “Калдак-Хамар”, соединяющей Тес-Хемский, Эрзинский районы с другими районами республики»². Также и ветеран Л. Донгак говорит о прошлом отца героини очерка — журналистки С. Данзын-оол: «...был послушником в большом хурээ Самагалтая, а в 19-летнем возрасте вместе с красными партизанами под руководством С. К. Кочетова участвовал

¹ Кара-Куске Ч. Калдак-Хамар // Шын. 1997, 3 апреля. С. 2; По сути, Калдак и Хамар — это два разных места. Калдак — река, а Хамар — перевал [Электронный ресурс] // TMGnews. Информационное агентство «Тувамедиагрупп». 2025, 10 сентября. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/po-suti-kaldak-i-hamar-eto-dva-raznyh-mesta-kaldak-reka-a-hamar-pereval-do-1940-h-godov-doroga-soedinivshaya-yug-respubliki-tyva-s-eyo-stoliczej/> (дата обращения: 10.07.2026).

² См.: Ооржак Л. Х. Валентина Бегзиевна Монгуш — краевед по призванию // Музей: вопросы сохранения, изучения и использования культурного наследия: Материалы научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 85-летию основания Национального музея Республики Тыва, 105-летию со дня рождения советского специалиста Николая Михайловича Богатырева и 100-летию единения России и Тувы. Кызыл, 9–11 июня 2014 г. / сост. А.О. Дыртык-оол., М.М. Мандан-Хорлу. Новосибирск, 2014. С. 276. Выделено курсивом в цитате нами. — Авт.

в бою у местечка Тарлашкын, где были разгромлены “белые”, а также активно работал на строительстве и реконструкции дороги через перевал Калдак-Хамар — вот такой у неё был отец с особенной биографией»¹.

При всем при этом тувинский случай добавляет то, чего нет в классических бамовских исследованиях: здесь эмоциональная инфраструктура срослась с сакральным ландшафтом, и дорога оказалась включена в систему религиозного почитания местности, которую когда-то символически отменяла.

Заключение

История дороги через Калдак-Хамар позволяет проследить метаморфозы отношения тувинцев к горам на протяжении двух столетий в пределах одного участка ландшафта.

В XIX — начале XX в. перевал существовал в двойном регистре: хозяйственном как звено караванной торговли, путь к ставке амбын-нойона, и сакральном — с почитанием духу-хозяину. Эти регистры не конфликтовали, соответствуя разным ситуациям одной кочевой жизни. Автомобиль и модернизационный курс ТНР 1930-х гг. изменили эту ситуацию.

Стройка 1938–1941 гг. воспроизвела все формальные признаки мобилизационной социалистической стройки — общенациональный призыв, шефство территорий, ручной труд, героическую риторику. В этом смысле она стала ранним тувинским прообразом БАМа. Но ее культурная механика была иной: в обществе, где гора — субъект, покорение оформилось как ритуальная драма. Гора антропоморфизировалась, но уже как противник; ей адресовались прямые обращения («Смотри и слушай, Калдак...») и песенные отчеты о победе («Мы покорили твои вершины»); стройка ставилась как зрелище — вплоть до конной колонны со знаменем, снятой кинохроникой. Прометеевский язык штурма был усвоен тувинской культурой через ее собственную коммуникативную форму — обращение к горе.

Культурная фиксация стройки оказалась очень богатой, в нее вошли и народная песня, и сатирические куплеты, и очерковая проза Тока, и кинохроника 1941 г., и позднейшие стихи и песни, даже театральная постановка. Именно она обеспечила сюжету жизнь после того, как официальная историография, потерявшая опального руководителя стройки, замолчала. Локальная память Тес-Хема вернула стройку в публичное поле в 1990-е гг. — но уже в новом ключе: перевал был снова сакрализован вместе с дорогой, став «священным перевалом» и «мостом жизни».

Сегодняшний Калдак-Хамар — стела трудового подвига, сакральное строение, *оваа* и ритуальные ленты в одной точке — представляет собой материализованную модель множественных интерпретаций мира (Oelschlaegel, 2013) и место памяти (Нора, 1999), в котором соединены, казалось бы, несовместимые прошлые. Советский проект покорения горы не был ни отменен, ни забыт: он был вобран тувинской культурой гор как еще один слой отношений с горой-хозяином. В этом, на наш взгляд, состоит главный итог рассмотрения кейса для антропологии инфраструктуры и исследований культурной памяти: дорога может одновременно быть трофеем покорения и объектом почитания, и сила культуры измеряется ее способностью удерживать оба смысла.

Перспективы исследования связаны прежде всего с расширением источниковой базы для сугубо исторического исследования с выявлением новых документов о строительстве, целенаправленной записью устных историй потомков строителей. Отдельного внимания заслуживает сравнительное изучение других «народных строек» ТНР и ранних социалистических инфраструктурных проектов в кочевых обществах Внутренней, Центральной Азии.

¹ Донгак Л. Журналист угбам [Сестра моя журналист] [Электронный ресурс] // Шын. 2024, № 17. 6 марта. URL: <https://shyn.ru/medeeler/zhurnalist-ugbam/> (дата обращения: 10.07.2026). (На тув. яз.).

Благодарности

Благодарим за помощь в опросе информантов Анну Момбужаевну Ламажаа, уроженку Тес-Хема, и Светлану Максимовну Мунзук, архивариуса Национального театра РТ имени Виктора Кок-оола, а также специалистов Национальной библиотеки Республики Тыва им. А. С. Пушкина и Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман, А. (2014) Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

Ассман, Я. (2004) Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры. 368 с.

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Издательство «Наука», Сибирское отделение. 339 с.

Байкалов, Н. С. (2022) Последняя стройка социализма: исторический опыт позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета. 332 с.

Байыр-оол, М. С. (2011) Взлет и опала Александра Чымба // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 151–173.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Донгак, А. С. (2018) Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>

История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное издательство. 248 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тувинские обряды дагылга в XXI веке // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2026) Горная страна — культура гор // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.1>

Михалев, М. (2023) Засечная черта Внутренней Азии. Южная Сибирь и евразийская интеграция. М. : ИКСА РАН. 295 с.

Моллеров, Н. М. (2022) Советский фактор в пространственно-экономическом развитии ТНР // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 2(2). С. 102–117. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-102-117

Нора, П. (1999) Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета. 328 с. С. 17–50.

Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 551 с.

Ондар, М. В., Кошкендей, И. М., Хомушку, Ч. О. (2018) Топонимы в фольклоре тувинцев (на материале героического эпоса и народных песен) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 53–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.4>

Поворознюк, О. А. (2020) (Пост)советская инфраструктура: политика идентичности и эмоций на БАМе // Сибирские исторические исследования. № 3. С. 32–47. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/29/3>

Ритуальные ленты и флаги в тувинской культуре (2024) / Ч. К. Ламажаа, Ш. Б. Майны, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай, под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета. 195 с.

Самдан, А. А. (2017) Вторжение китайского и монгольского отрядов в Туву (1918–1919 гг.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.9>.

Самдан, З. Б. (2017) Тес девискээринден бижиттинген бурунгу чугааларның төөгүге ужур-дузазы [Историческое значение старинных преданий, записанных на территории Тес-Хема] // Учёные записки / ТИГПИ. Вып. XXIV. Кызыл: ... С. 240–260.

Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Сердобов, В. Н. (2017) Речные долины как пути сообщения между районами Тувы и соседними территориями Саяно-Алтая в древности и Средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 16, № 3: Археология и этнография. С. 62–69.

Сувандии, Н. Д. (2024) Святые топонимы Тувы: лексико-семантические группы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>

Сузукей, В. Ю. (2007) Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М. : Композитор. 408 с.

Basso, K. H. (1996) *Wisdom Sits in Places: Landscape and Language among the Western Apache*. Albuquerque : University of New Mexico Press. 171 p.

Harvey, P., Knox, H. (2015) *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca : Cornell University Press. 264 p.

Josephson, P. R. (2002) *Industrialized Nature: Brute Force Technology and the Transformation of the Natural World*. Washington : Island Press. 313 p.

Larkin, B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327–343. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>

Oelschlaegel, A. C. (2013) *Plurale Weltinterpretationen. Das Beispiel der Tyva Südsibiriens*. Fürstenberg/Havel : SEC Publications / Kulturstiftung Sibirien GmbH. 268 p.

Portelli, A. (1991) *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany : State University of New York Press. 341 p.

Scott, J. C. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven : Yale University Press. 251 p.

Ward, C. J. (2009) *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press. 218 p.

Дата поступления: 10.07.2026 г.

Дата принятия: 20.07.2026 г.

REFERENCES

Assmann, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.)

Assmann, J. (2004) *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Translated from German by M. M. Sokolskaya. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 368 p. (In Russ.)

Aranchyn, Yu. L. (1982) *The Historical Path of the Tuvan People to Socialism*. Novosibirsk, Nauka Publishers, Siberian Branch. 339 p. (In Russ.)

Baikalov, N. S. (2022) *The Last Construction Project of Socialism: The Historical Experience of Late Soviet Modernization in the Areas of the Baikal–Amur Railway Mainline*. Ulan-Ude, Buryat State University Press. 332 p. (In Russ.)

Baiyr-ool, M. S. (2011) The rise and fall of Aleksandr Chymba. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 151–173. (In Russ.)

Dagylga: Tuvan Consecration Rites in the Twenty-First Century (2021). Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.)

Dongak, A. S. (2018) Toponymic tales and legends of South-Eastern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 126–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>

The History of Tuva (2007) : in 3 vols. Ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)

Khenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditional Culture of Tuvans*. Translated from Tuvan. Kyzyl, Children's Literary Website "Rainbow of Tuva"; Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvan *dagylga* rites in the twenty-first century. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2\[eo.iea.ras\]](https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2[eo.iea.ras])

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2026) Mountain country: mountain culture. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.1>

Mikhalev, M. (2023) *The Notched Line of Inner Asia: Southern Siberia and Eurasian Integration*. Moscow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. 295 p. (In Russ.)

Mollerov, N. M. (2022) The Soviet factor in the spatial and economic development of the Tuvan People's Republic. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, 2022, no. 2(2), pp. 102–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-2-102-117>

Nora, P. (1999) Issues in places of memory. In: Nora, P., Ozouf, M., Puimege, J. de and Winock, M. *France-Memory*. Translated from French by D. Khapaeva. St Petersburg: St Petersburg University Press. 328 p. Pp. 17–50. (In Russ.)

Ondar, B. K. (2007) *Toponymic Dictionary of Tuva*. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 551 p. (In Russ.)

Ondar, M. V., Koshkendei, I. M. and Khomushku, Ch. O. (2018) Toponyms in Tuvan folklore: evidence from heroic epics and folk songs. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 53–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.4>

Povoroznyuk, O. A. (2020) (Post-)Soviet infrastructure: the politics of identity and emotions on the BAM. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 32–47. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/29/3>

Ritual Ribbons and Flags in Tuvan Culture (2024). Ch. K. Lamazhaa, Sh. B. Mainy, N. D. Suvandii and Ch. Kh. Sanchai. Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, Tuvan State University Press. 195 p. (In Russ.)

Samdan, A. A. (2017) The invasion of Chinese and Mongolian detachments into Tuva, 1918–1919. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–153. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.9>

Samdan, Z. B. (2017) The historical significance of ancient legends recorded in the Tes-Khem area. *Uchenye zapiski / TIGPI*, issue 24. Kyzyl, s. n. Pp. 240–260. (In Tuvan.)

Sanchai, Ch. Kh. (2023) Images of the native land in the musical and song culture of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Serdobov, V. N. (2017) River valleys as communication routes between the regions of Tuva and neighbouring territories of the Sayan–Altai in antiquity and the Middle Ages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 16, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 62–69. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2024) Sacred toponyms of Tuva: lexical-semantic groups. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 191–202. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>

Suzukei, V. Yu. (2007) *Musical Culture of Tuva in the Twentieth Century*. Moscow, Kompozitor. 408 p. (In Russ.)

Basso, K. H. (1996) *Wisdom Sits in Places: Landscape and Language among the Western Apache*. Albuquerque, University of New Mexico Press. 171 p.

Harvey, P. and Knox, H. (2015) *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca, Cornell University Press. 264 p.

Josephson, P. R. (2002) *Industrialized Nature: Brute Force Technology and the Transformation of the Natural World*. Washington, Island Press. 313 p.

Larkin, B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*, vol. 42, pp. 327–343. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>

Oelschlaegel, A. C. (2013) *Plurale Weltinterpretationen. Das Beispiel der Tyva Südsibiriens*. Fürstenberg/Havel, SEC Publications / Kulturstiftung Sibirien GmbH. 268 p.

Portelli, A. (1991) *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, State University of New York Press. 341 p.

Scott, J. C. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, Yale University Press. 251 p.

Ward, C. J. (2009) *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press. 218 p.

Submission date: 10.07.2026.

Acceptance date: 20.07.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.3.13

Статья

Этническая гомогамия и межэтнические браки в Туве: по материалам Всероссийской переписи населения 2021 года

Тамара К. Ростовская

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,
Виктор В. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
Российская Федерация,

Арсений М. Ситковский

Российский университет дружбы народов;
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

В статье выявляется масштаб, структура и гендерно-этническая конфигурация межэтнических супружеских пар в Туве по материалам Всероссийской переписи населения 2021 г. (опубликованные итоги переписи по этническому составу населения, а также сведения Росстата о распределении супружеских пар по этнической принадлежности супругов). В исследовании применены методы описательной демографической статистики, матричного анализа супружеских пар, расчёта долей этнически гомогамных и межэтнических союзов, а также оценки гендерной асимметрии русско-тувинских брачных сочетаний.

Показано, что в 49964 супружеских парах Тувы, в которых оба супруга указали этническую принадлежность, 48702 пары являются этнически однородными, а 1262 (2,53%) — межэтническими. Центральной особенностью брачной структуры населения Тувы выступают крайне высокая гомогамия тувинцев и концентрация смешанных союзов вокруг русско-тувинского сочетания. На него приходится 555 пар (44,0% всех межэтнических супружеских пар).

Полученные результаты уточняют представления о межэтнической брачности в Туве и показывают, что статистическая редкость смешанных браков должна интерпретироваться не только через численное соотношение этносов, но и через устойчивость социальных границ, выявляемую статистикой по состоянию в браке.

Ключевые слова: тувинцы; русские Тувы; межэтнический брак; этническая гомогамия; супружеская пара; этническая принадлежность; Всероссийская перепись населения; этнодемография; Тува; Республика Тыва

Исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Фаузер В. В., Ситковский А. М. Этническая гомогамия и межэтнические браки в Туве: по материалам Всероссийской переписи населения 2021 года // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 222-235. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.13>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, директор Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры ГМУ Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6к1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Адрес: 167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26. Эл. адрес: fauzer.viktor@yandex.ru

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Российского университета дружбы народов; младший научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6к1. Эл. адрес: omnistat@yandex.ru

Ethnic Homogamy and Interethnic Marriages in Tuva: Evidence from the 2021 All-Russian Population Census

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation,*

Viktor V. Fauzer

*Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,*

Arseniy M. Sitkovskiy

*RUDN University; Institute for Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article examines the scale, structure, and gender-ethnic configuration of interethnic married couples in Tuva based on data from the 2021 All-Russian Population Census (published results on the ethnic composition of the population, as well as Rosstat data on the distribution of married couples by spouses' ethnicity). The study employs methods of descriptive demographic statistics, matrix analysis of married couples, calculation of the shares of ethnically homogamous and interethnic unions, and assessment of gender asymmetry in Russian–Tuvan marital combinations.

It is shown that among 49,964 married couples in Tuva in which both spouses reported their ethnicity, 48,702 couples are ethnically homogeneous, while 1,262 (2.53%) are interethnic. A central feature of Tuva's marital structure is the extremely high homogamy among Tuvans and the concentration of mixed unions around the Russian–Tuvan pairing, which accounts for 555 couples (44.0% of all interethnic married couples).

The results refine current understandings of interethnic marriage in Tuva and demonstrate that the statistical rarity of mixed marriages should be interpreted not only through the numerical ratio of ethnic groups, but also through the persistence of social boundaries, as revealed by marital status statistics.

Keywords: Tuvans; Russians of Tuva; interethnic marriage; ethnic homogamy; married couple; ethnicity; All-Russian Population Census; ethno-demography; Tuva; Republic of Tuva

Financing

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-78-30004 "Digital Demographic Observatory: Development of a System for Monitoring Demographic Processes in Russian Regions Using GIS Technologies and Big Data", <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

For citation:

Rostovskaya T. K., Fauzer V. V. and Sitkovskiy A. S. Ethnic Homogamy and Interethnic Marriages in Tuva: Evidence from the 2021 All-Russian Population Census. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 222–235 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.13>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor, Director, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor of the GMU Department, RUDN University. Postal addresses: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

FAUZER, Viktor Vilgelmovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Demography and Social Management, Institute of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 26 Kommunisticheskaya St., 167982, Syktyvkar, GSP-2, Russia. Email: fauzer.viktor@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8901-4817

SITKOVSKIY, Arseniy Mikhailovich, Junior Research Fellow, Research Laboratory for Language Dynamics in Minority Situations, RUDN University; Junior Research Fellow, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia; 6/1 Fotiyevoy St., 119333, Moscow, Russia. E-mail: omnistat@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8725-6580

Введение

Межэтнический брак в демографическом и социологическом анализе рассматривается не только как частный факт семейной биографии, но и как индикатор того, насколько устойчивыми или, напротив, проницаемыми являются границы между этническими группами. В отличие от институционально декларируемого согласия, брачная статистика фиксирует уровень повседневного сближения, который проявляется в наиболее приватной сфере социальной жизни — в выборе супруга, формировании родственных сетей, межпоколенческой передаче языка и этнической идентичности.

Для Тувы этот вопрос имеет особую социальную и научную актуальность. Тува относится к числу российских регионов с высокой концентрацией титульного этноса: по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г., среди лиц, указавших этническую принадлежность, тувинцы составляли 88,7%, русские — 10,1%, а совокупная доля остальных этнических групп была существенно меньше¹. Поэтому анализ межэтнических браков в Туве не сводится к абстрактной констатации полиэтничности, а требует учёта фактического доминирования титульной группы в составе населения региона. Напротив, сегодня он требует более точного вопроса: каким образом в условиях численного доминирования титульного этноса устроена брачная структура и какие сочетания действительно образуют ядро межэтнической брачности.

Цель статьи — выявить масштаб, структуру и гендерно-этническую конфигурацию межэтнических супружеских пар в современной Туве по материалам Всероссийской переписи населения 2021 г. (данным, предоставленным Росстатом авторам по запросу, о распределении супружеских пар по этнической принадлежности супругов)². Объектом исследования являются супружеские пары в Туве, в которых этническая принадлежность указана обоими супругами при заполнении переписной анкеты³. Предмет исследования — соотношение этнически гомогамных и межэтнических супружеских пар, а также распределение межэтнических брачных сочетаний по этнической принадлежности мужа и жены.

Для достижения цели решаются четыре задачи: во-первых, уточняется информационная база и операциональное определение этнически однородной и межэтнической супружеской пары; во-вторых, описывается этнический контекст Тувы как брачного рынка; в-третьих, оценивается общий уровень межэтнической брачности и гомогамии по основным группам супругов; в-четвёртых, выявляется структура межэтнических брачных сочетаний и интерпретируются её ключевые особенности в сопоставлении с исследованиями межэтнических браков и этносоциальных границ.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что низкая доля межэтнических супружеских пар в Туве объясняется не только численным преобладанием титульного этноса, но и устойчивостью этносоциальных границ, проявляющейся в высокой гомогамии тувинцев и концентрации смешанных союзов вокруг русско-тувинского сочетания. При этом настоящая статья не ставит задачу каузального анализа историко-демографических, миграционных, языковых, конфессиональных или поселенческих факторов. Эти сюжеты рассматриваются лишь как контекст для обсуждения статистически выявленной брачной структуры.

¹ Таблица 1. Национальный состав населения / Том 5. Национальный состав населения и владение языками // Всероссийская перепись населения 2021 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 04.05.2026).

² Использована специальная агрегированная табуляция Росстата, сформированная по запросу авторов из обезличенной первичной базы Всероссийской переписи населения 2021 г. Авторы получили готовую матрицу распределения супружеских пар по национальной принадлежности супругов. Письма Росстата от 26.03.2025 г. за № 1414/ОГ и от 11.09.2025 г. за № 3142/ОГ; официальный ответ Росстата от 11.02.2025 г. о распределении супружеских пар по этнической принадлежности супругов. См. [Additional material 1](#).

³ Речь идёт о переписных листах формы Л Всероссийской переписи населения 2021 г. Супружеские пары идентифицируются в обезличенной переписной базе по внутридомохозяйственным связям: фиксируются родственные отношения в домохозяйстве и наличие супруга(и) в данном домохозяйстве с указанием номера супруга(и). Национальная принадлежность учитывается по ответу на вопрос формы Л о национальной принадлежности, задаваемому по самоопределению. Поскольку этот вопрос не относился к обязательным, в анализ включены только случаи, в которых сведения о национальной принадлежности имеются по обоим супругам.

Обзор литературы

Теоретическая рамка исследования межэтнических браков восходит к классическим работам об ассимиляции, социальных границах и макроструктурных условиях межгрупповых контактов. В модели М. Гордона брачная ассимиляция рассматривалась как один из наиболее глубоких уровней включения группы в принимающее общество, поскольку она выходит за пределы поверхностного культурного приспособления и затрагивает родственные связи (Gordon, 1964). П. Блау и Дж. Шварц показали, что межгрупповые связи зависят от размера групп, их пространственного и социального распределения, а также от пересечения социальных кругов (Blau, Schwartz, 1984). В дальнейшем М. Калмейн систематизировал объяснения межэтнической и иной социальной гомогамии через три группы механизмов — индивидуальные предпочтения, влияние третьих сторон и структуру возможностей брачного рынка (Kalmijn, 1998).

Международные исследования подчёркивают, что доля межэтнических браков не может напрямую отождествляться с установками населения. На неё одновременно влияют образование и социальная интеграция, соотношение размеров этнических групп, локальная конфигурация брачного рынка и миграционное происхождение супругов (O'Leary, Finnäs, 2002; Kalmijn, van Tubergen, 2006; Elwert, 2020). Работы последних лет показывают также, что для этнических меньшинств выбор партнёра связан не только с собственной, но и с родительской этнолингвистической принадлежностью, а также с плотностью контактов внутри группы (Uggla, Saarela, 2024). Следовательно, брачная статистика выявляет результат взаимодействия структурных условий и социальных границ, но не раскрывает мотивы выбора супруга без привлечения микроданных и качественных материалов.

Важное место в международной литературе занимает анализ последствий смешанных браков. Они рассматриваются как индикатор социальной когезии, но одновременно как среда воспроизводства сложных идентичностей и семейных стратегий (Smits, 2010). Исследования показывают, что у смешанных союзов могут быть специфические брачные риски и особые механизмы согласования культурных норм внутри семьи (Milewski, Kulu, 2013), а в семьях смешанного состава по-особому формируется этническая идентичность детей (Obućina, Saarela, 2020). Эти выводы важны для интерпретации ситуации Тувы, где межэтнические браки немногочисленны, но социально значимы именно как пространство ежедневного взаимодействия разных этнокультурных норм.

В российской исследовательской традиции близкая проблематика развивалась прежде всего в этносоциологии и социологии семьи. Работы Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробизевой, А. А. Сусоколова и В. А. Тишкова закрепили подход, в котором этничность понимается как воспроизводимая социальная граница, а межэтнические контакты — как чувствительный индикатор социальной дистанции и включённости групп в общее социальное пространство (Социальная и культурная ..., 1998; Арутюнян, Дробизева, Сусоколов, 1999; Тишков, 2005). Современные отечественные обзоры подчёркивают, что межэтнический брак необходимо анализировать одновременно как демографический, социокультурный и политико-символический феномен (Лурье, 2018; Делова, 2024).

Отдельное направление составляют исследования семьи и идентичности в смешанных союзах. Показано, что семья играет существенную роль в формировании гражданской и этнической идентичности детей мигрантов и детей из смешанных семей, а внутрисемейные механизмы социализации нередко определяют, будет ли воспроизводиться моноэтническая или биэтническая идентичность (Безрукова, Поссель, Самойлова, 2018; Бурханова, Садретдинова, Мухамадиева, 2021). Для российских регионов важны и специальные исследования межнациональной семьи как особой среды адаптации и согласования культурных норм (Хачатрян, Чадова, 2016).

Методически ключевое значение для настоящей статьи имеет работа Е. Л. Сороко, где на материалах переписей населения 2002 и 2010 гг. анализировались этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации, строились матрицы этнических комбинаций и оценивались межэтнические дистанции (Сороко, 2014). На региональном уровне значимы исследования Татарстана, Удмуртии и Северного Казахстана, где межэтническая брачность рассматривалась как фактор этнодемографических процессов, молодёжных установок и трансграничного взаимодействия (Шулакова, 2015; Рубцов, Рожко, Биктимиров, 2020; Казиев, Старченко, Могунова, 2022). Эти работы показывают, что для анализа межэтнической брачности недостаточно общей доли смешанных союзов; требуется рассматривать структуру сочетаний, гендерную асимметрию и контекст локального брачного рынка.

Для тувиноведения значимы исследования семейно-брачных отношений у народов Сибири, в которых брачность рассматривается в связи с трансформацией традиций, демографическими сдвигами и устойчивостью этнокультурных норм (Гончарова, Савельев, 2004; Гончарова, 2010). Непосредственно русско-тувинским межэтническим бракам посвящена статья З. Ю. Доржу, где смешанные семьи рассматриваются как аспект межэтнического взаимодействия русских и тувинцев в советский и постсоветский периоды (Доржу, 2019). Существенное значение имеет и работа Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан, в которой на материалах 1959, 1970, 1979 и 1993 гг. показаны сокращение доли межнациональных браков и усиление внутриэтнической брачности в Туве (Балакина, Анайбан, 1995: 112–119). Проблематика социальной дистанции тувинцев и русских в Туве была ранее поставлена З. В. Анайбан в докторской диссертации². Новейшие публикации по Туве и сопредельным регионам показывают, что межэтнические браки связаны с более широким этнодемографическим и поселенческим контекстом: демографическим развитием, локализацией населения, семейной политикой и миграционным закреплением (Социально-стратификационные ... , 2020; Ситковский, Деловарова, 2025; Ростовская, Ситковский, Гишкаева, 2025; Ростовская, Натсак, 2026; Тиникова, Канзычакова, 2025; Фаузер, 2025). В этнокультурном отношении важен и более широкий фон работ о тюркских народах Восточной Сибири, позволяющий рассматривать семейную сферу как механизм воспроизводства языка, норм родства и этнической идентичности (Тюркские народы ... , 2008: 96–98).

Таким образом, существующая литература даёт теоретические основания для анализа межэтнических браков как индикатора социальных границ, содержит важные российские и зарубежные кейсы и включает ряд специальных работ по Туве. Однако в ней недостаточно представлен анализ актуальной переписной матрицы супружеских пар Тувы по этнической принадлежности мужа и жены. Именно этот пробел восполняет настоящая статья: её новизна состоит в использовании официальных данных Росстата о распределении супружеских пар по этнической принадлежности супругов и в выявлении на их основе структуры современной межэтнической брачности в Туве.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили два источника. Первый источник — опубликованные итоги Всероссийской переписи населения 2021 г., т. 5 «Национальный состав населения и владение языками»². Они использованы для характеристики этнического состава населения Тувы. Второй источник — данные Росстата о распределении супружеских пар по этнической принадлежности супругов³. Речь идёт о специальной выборке данных, предоставленной Росстатом по авторскому запросу; в неё включены только те случаи, в которых этническая принадлежность была указана респондентами в переписных листах и зафиксирована по обоим супругам. В авторском анализе термин «национальная принадлежность» используется только при ссылке на формулировку статистического источника; в интерпретации результатов применяется термин «этническая принадлежность».

Единицей анализа выступает супружеская пара. Основная расчётная совокупность включает 49964 пары в Туве, в которых оба супруга указали этническую принадлежность. Пары, где этническая принадлежность одного или обоих супругов не указана, не включались в расчёт долей этнически гомогамных и межэтнических союзов. Такое ограничение необходимо, поскольку межэтнический статус пары может быть корректно определён только при наличии сведений об обоих супругах.

¹ Анайбан З. В. Этносоциальные основы межэтнической напряженности в Республике Тыва в 90-е годы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 179.

² Том 5. Национальный состав населения и владение языками // Всероссийская перепись населения 2021 года. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 04.05.2026).

³ Использована специальная агрегированная табуляция Росстата, сформированная по запросу авторов из обезличенной первичной базы Всероссийской переписи населения 2021 г. Авторы получили готовую матрицу распределения супружеских пар по национальной принадлежности супругов. Письма Росстата от 26.03.2025 г. за № 1414/ОГ и от 11.09.2025 г. за № 3142/ОГ; официальный ответ Росстата от 11.02.2025 г. о распределении супружеских пар по этнической принадлежности супругов. См. [Additional material 1](#).

Этнически гомогамной, или этнически однородной, считается супружеская пара, в которой муж и жена указали одну и ту же этническую принадлежность. Межэтнической считается пара, в которой этническая принадлежность супругов различается. Данная операционализация соответствует логике матрицы «этническая принадлежность мужа × этническая принадлежность жены» и не предполагает оценки субъективных брачных предпочтений, мотивов выбора супруга или степени культурной интеграции семьи.

Методика исследования включает описательный статистический анализ, построение и интерпретацию матрицы брачных сочетаний, расчёт доли межэтнических пар в общей совокупности, определение гомогамии по основным этническим группам супругов, а также анализ гендерной асимметрии русско-тувинских сочетаний. Дополнительно использован трёхгрупповой диагностический показатель ожидаемой гомогамии при условно случайном распределении брачных сочетаний между тувинцами, русскими и совокупной группой «прочие этносы».

Расчёт выполнялся по формуле:

$$E = \sum (p_i^m \times p_i^f)$$

где p_i^m и p_i^f — доли мужчин и женщин соответствующей укрупнённой этнической группы в брачном массиве. Показатель применяется не как модель реального брачного выбора, а как вспомогательный ориентир, позволяющий показать, что наблюдаемая этническая гомогамия существенно превышает уровень, который следовал бы только из укрупнённой структуры численности супругов.

Ограничения исследования связаны с природой предоставленных данных. Они позволяют измерить фактическое распределение супружеских пар, но не раскрывают мотивацию выбора партнёра, историю знакомства, характер внутрисемейной коммуникации, религиозные различия, уровень образования супругов и городское или сельское место жительства конкретной пары. Поэтому выводы статьи относятся прежде всего к статистически наблюдаемой структуре межэтнических браков, а не к причинному объяснению всех факторов, влияющих на брачное поведение.

Результаты

Этнический состав Тувы формирует специфический контекст брачного рынка. По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., 315558 жителей региона указали этническую принадлежность. Абсолютное большинство среди них составляли тувинцы — 279789 человек, включая 7189 тувинцев-тоджинцев. Русские насчитывали 31927 человек. Остальные этнические группы были значительно менее многочисленны. Это означает, что межэтническая брачность в Туве развивается не в симметричном многоэтническом поле, а в условиях выраженного численного доминирования одной группы. Основные параметры этнической структуры населения и брачного массива представлены в таб. 1, а общий этнический контекст наглядно показан на рис. 1.

Таблица 1. Этнический состав населения Тувы и объём брачного массива, использованного в анализе
Table 1. Ethnic composition of the population of Tuva and the size of the marriage dataset used in the analysis

Показатель	Значение	Доля / пояснение
Лица, указавшие этническую принадлежность, человек	315558	100,0 % среди указавших
Тувинцы, человек	279789	88,7 %
в том числе тувинцы-тоджинцы, человек	7189	в составе тувинцев
Русские, человек	31927	10,1 %
Прочие этнические группы, человек	3842	1,2 %
Лица, не указавшие этническую принадлежность, человек	21093	вне расчёта этнических долей
Супружеские пары, где оба супруга указали этническую принадлежность, кол-во пар	49964	основная база анализа

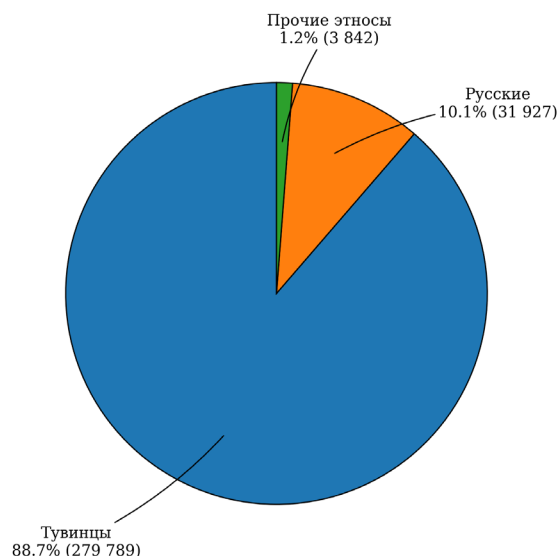

Рис. 1. Этнический состав населения Тувы в 2021 г. среди лиц, указавших этническую принадлежность
 Fig. 1. Ethnic composition of the population of Tuva in 2021 among persons who reported their ethnic affiliation

Общий уровень межэтнической брачности в Туве низок. Из 49964 супружеских пар, где оба супруга указали этническую принадлежность, 48702 пары являются этнически однородными, что соответствует 97,47%, а 1262 — межэтническими; доля последних составляет 2,53%. При этом внутри отдельных этнических групп различия весьма существенны. Среди пар с тувинским мужем межэтнические союзы составляют 0,71%, среди пар с тувинской женой — 1,40%. У русских супругов соответствующие показатели выше: 7,61% среди пар с русским мужем и 6,60% среди пар с русской женой. Для малочисленных групп доля межэтнических союзов заметно выше, однако этот результат не следует трактовать как большую «открытость» этих групп, поскольку он в значительной степени отражает ограниченный объём внутригруппового брачного рынка. Сопоставление основных групп супругов представлено в таб. 2, а на рис. 2 визуализированы различия по полу и этнической принадлежности.

Таблица 2. Этническая гомогамия и межэтнические браки по основным группам супругов в Туве
 Table 2. Ethnic homogamy and interethnic marriages among the main groups of spouses in Tuva

Группа супругов	Всего пар	Этнически однородные пары	Межэтнические пары	Доля межэтнических пар, %
Все пары, где оба супруга указали этническую принадлежность	49964	48702	1262	2,53
Пары с тувинским супругом	42901	42597	304	0,71
Пары с тувинской супругой	43204		606	1,40
Пары с русским супругом	6232	5758	474	7,61
Пары с русской супругой	6167		407	6,60
Пары с хакасским супругом	81	20	61	75,31
Пары с хакасской супругой	74		54	72,97
Пары с киргизским супругом	89	51	38	42,70
Пары с киргизской супругой	57		6	10,53
Пары с татарским супругом	44	11	33	75,00
Пары с татарской супругой	36		25	69,44

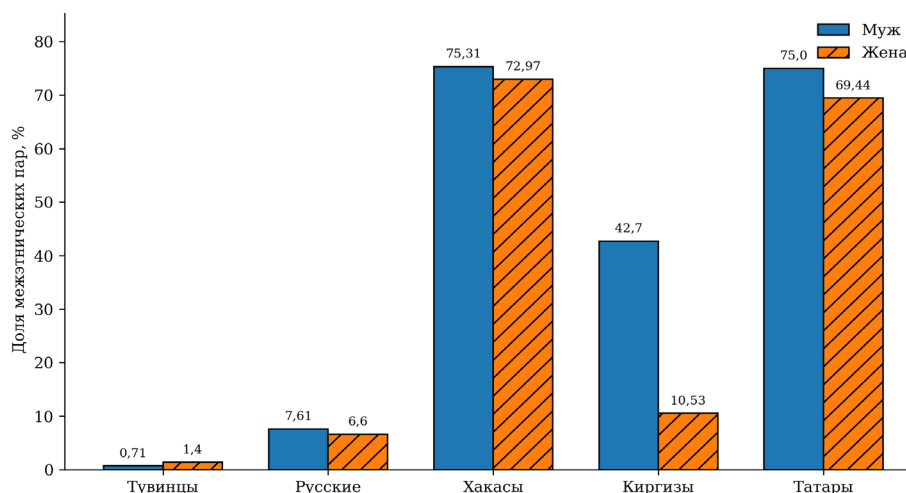

Рис. 2. Доля межэтнических супружеских пар Тувы в зависимости от этнической принадлежности супруга
Fig. 2. The proportion of interethnic couples in Tuva, depending on the ethnicity of the spouse

Наиболее важным результатом анализа является выраженная концентрация межэтнической брачности вокруг русско-тувинского сочетания. Среди 1262 межэтнических пар 353 представлены комбинацией «русский муж — тувинская жена», а 202 — комбинацией «тувинский муж — русская жена». Совокупно это 555 пар, или 44,0% всех межэтнических супружеских пар Тувы. Следовательно, почти каждый второй межэтнический союз в регионе связан именно с брачными контактами русских и тувинцев.

При этом гендерная асимметрия русско-тувинских сочетаний является устойчивой и статистически заметной: сочетание «русский муж — тувинская жена» встречается в 1,75 раза чаще обратного сочетания. Остальная часть межэтнической брачности формируется за счёт комбинаций малочисленных групп с тувинцами и русскими. Однако каждая из этих комбинаций имеет существенно меньший удельный вес по сравнению с русско-тувинским «ядром». Поэтому межэтническая брачность в Туве не образует равномерно распределённой сети сочетаний между многими этносами, а концентрируется вокруг ограниченного числа направлений. Наиболее многочисленные сочетания показаны в таб. 3 и на рис. 3.

Таблица 3. Наиболее многочисленные межэтнические брачные сочетания в Туве
Table 3. Most numerous interethnic marriage combinations in Tuva

Брачное сочетание	Число пар	Доля среди всех межэтнических пар, %
Русский супруг — тувинская супруга	353	28,0
Тувинский супруг — русская супруга	202	16,0
Супруг из категории «другие этносы» — тувинская супруга	124	9,8
Супруг из категории «другие этносы» — русская супруга	87	6,9
Тувинский супруг — супруга из категории «другие этносы»	64	5,1
Русский супруг — супруга из категории «другие этносы»	55	4,4
Киргизский супруг — тувинская супруга	37	2,9
Русский супруг — хакасская супруга	35	2,8
Хакацкий супруг — тувинская супруга	33	2,6
Украинский супруг — русская супруга	31	2,5

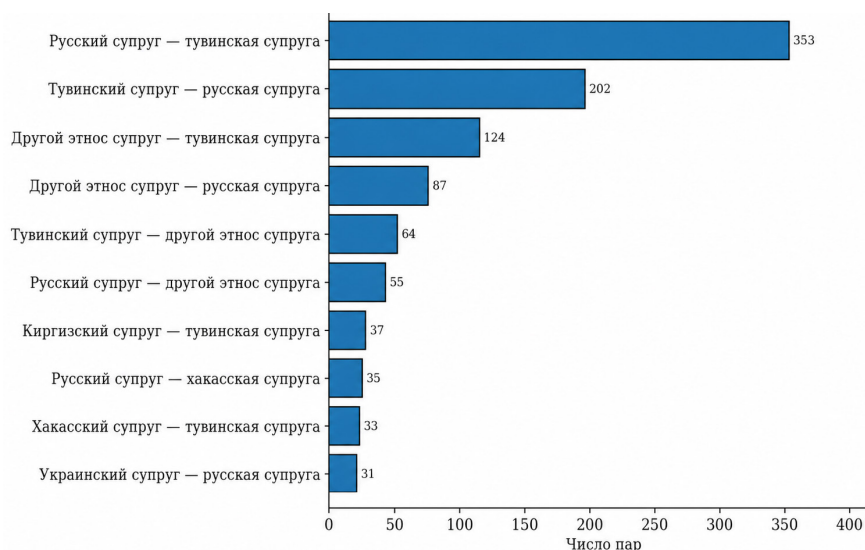

Рис. 3. Наиболее многочисленные межэтнические брачные сочетания в Туве
Fig. 3. The most numerous interethnic marriage combinations in Tuva

Дополнительная диагностическая проверка подтверждает, что наблюдаемая гомогамия не сводится к простой арифметике численного преобладания тувинцев. Если укрупнить брачный массив до трёх групп — тувинцы, русские и прочие этносы — и рассчитать условно ожидаемую долю однородных пар при случайном сочетании групп с учётом распределения мужей и жён, то она составит около 75,8%. Фактически наблюдаемая доля этнически однородных пар равна 97,47%. Иначе говоря, наблюдаемая гомогамия примерно в 1,29 раза выше условно ожидаемой. Этот расчёт не является моделью реального брачного выбора, но показывает, что уровень гомогамии существенно превышает тот, который следовал бы только из укрупнённой численности групп.

Итак, результаты позволяют выделить три основных эмпирических факта. Во-первых, межэтнические супружеские пары в Туве статистически редки. Во-вторых, наиболее закрытой в брачной структуре выступает титульная группа: межэтнические пары с участием тувинского мужа или тувинской жены составляют крайне малую долю соответствующих массивов. В-третьих, межэтническая брачность имеет ярко выраженное русско-тувинское ядро и гендерную асимметрию, при которой сочетание русского мужа и тувинской жены встречается чаще обратного сочетания.

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с теоретическим пониманием межэтнического брака как индикатора этносоциальных границ. Если следовать логике М. Калмейна, низкая доля смешанных союзов может быть связана не только с индивидуальными предпочтениями, но и с влиянием семейного окружения, культурных норм и структурой возможностей брачного рынка (Kalmijn, 1998). Для Тувы эти механизмы действуют в специфическом контексте высокой концентрации титульного этноса и ограниченного объёма альтернативного брачного рынка, о чём косвенно свидетельствуют данные о поселенческой структуре региона и концентрации населения в ограниченном числе опорных населённых пунктов (Ситковский, Деловарова, 2025).

В то же время результаты показывают, что численное доминирование тувинцев не является исчерпывающим объяснением. Если бы структура браков определялась только пропорциями этнических групп, наблюдаемая гомогамия была бы заметно ниже. Существенное превышение фактической гомогамии над условно ожидаемой указывает на наличие сильного барьера между этнически однородными и межэтническими брачными сочетаниями. Этот вывод не следует трактовать как прямое измерение негативных установок; корректнее говорить о статистически фиксируемой групповой замкнутости в сфере выбора супруга, что соответствует выводам российской этносоциологии о роли социальной и культурной дистанции (Социальная и культурная ..., 1998; Лурье, 2018).

Русско-тувинское ядро межэтнических браков отражает исторически наиболее значимый канал межэтнического взаимодействия в регионе. З. Ю. Доржу показывает, что русско-тувинские смешанные семьи возникали и в советский, и в постсоветский периоды, а их восприятие связано с вопросами языка, родства, религии, традиций и идентичности детей (Доржу, 2019). Новые переписные данные уточняют этот вывод: такие браки остаются главным типом межэтнических союзов, но их численность невелика относительно общего массива супружеских пар. Следовательно, русско-тувинские семьи имеют качественно важное значение для межэтнического взаимодействия, но количественно не размывают доминирующую тувинскую этническую гомогамию.

Особого внимания требует гендерная асимметрия русско-тувинских сочетаний. Преобладание пар «русский муж — тувинская жена» над сочетанием «тувинский муж — русская жена» может быть связано с историей расселения, различиями в городском и сельском брачном рынке, образовательными траекториями и социальными нормами выбора супруга. Вместе с тем выявленная асимметрия исторически не была постоянной: для 1959 г. были зафиксированы браки типа «тувинец — русская жена» при отсутствии тувинцев, вступивших в брак с русскими, тогда как к 1990-м гг. соотношение изменилось (Балакина, Анайбан, 1995: 116–117). Аналогичные по смыслу асимметрии фиксировались и в других исследованиях межэтнической брачности, где подчёркивалась зависимость структуры смешанных браков от пола, размера группы и локального баланса брачных возможностей (Fu, 2001; Qian, Lichter, 2007; Qian, Lichter, 2011). Однако переписная матрица не позволяет проверить эти объяснения напрямую, поэтому выявленная асимметрия должна рассматриваться как установленный эмпирический факт, требующий дальнейшего анализа на материалах микроданных, опросов и интервью.

Высокие доли межэтнических союзов у хакасов, татар, киргизов и других малочисленных групп не следует интерпретировать как безусловно более выраженную «открытость» этих групп. Международные и российские исследования показывают, что в малочисленных группах высокая доля смешанных браков часто оказывается следствием ограниченного числа потенциальных партнёров своей этнической принадлежности в пределах конкретного региона (Kalmijn, van Tubergen, 2006; Elwert, 2020; Рубцов, Рожко, Биктимиров, 2020; Казиев, Старченко, Могунова, 2022). Один и тот же показатель — доля межэтнических браков — поэтому имеет разный аналитический смысл для крупной титульной группы, второй по численности русской группы и малочисленных этнических групп.

С практической точки зрения результаты важны для региональной этнодемографической и семейной политики. Межэтнические браки в Туве нельзя рассматривать только как маркер интеграции или только как риск размывания этнокультурной специфики. Они образуют небольшой, но социально значимый сегмент семейной структуры, в котором особенно остро проявляются вопросы языка внутрисемейного общения, выбора этнической идентичности детей и отношений с расширенной роднёй. Именно поэтому статистический анализ должен дополняться качественными исследованиями смешанных семей, прежде всего русско-тувинских, в русле тех подходов, которые применяются к анализу внутрисемейной идентичности и социализации детей в смешанных союзах (Безрукова, Поссель, Самойлова, 2018; Бурханова, Садретдинова, Мухамадиева, 2021; Obućina, Saarela, 2020).

Сопоставление результатов с материалами Г. С. Гончаровой и Л. Я. Савельева показывает, что выявленная нами высокая этническая гомогамия согласуется с более ранними оценками брачных установок населения Тувы. По данным их исследования, ориентация на брак с супругом одной этнической принадлежности в Туве была выражена сильнее, чем в Хакасии, а доля этнически смешанных браков по материалам микропереписи 1994 г. оценивалась в 6,2% (Гончарова, Савельев, 2004: 220–222). Тем самым современные данные не опровергают вывод о высокой значимости этнической однородности при выборе супруга в республике, хотя прямое динамическое сопоставление ограничено различиями источников.

Заключение

Проведённое исследование позволило уточнить масштаб и структуру межэтнических супружеских пар в Туве по материалам ВПН–2021 и данным Росстата. Основной результат состоит в том, что межэтнические браки в регионе имеют низкую распространённость: при 49964 парах, где оба супруга указали этническую принадлежность, межэтническими являются 1262 пары, или 2,53%. Такая доля свидетельствует о высокой этнической гомогамии брачной структуры. В сопоставлении

с выводами Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан о сокращении доли межнациональных браков и росте внутриэтнической брачности в 1959–1993 гг. можно говорить о сохранении высокой этнической гомогамии как устойчивой характеристики брачной структуры Тувы (Балакина, Анайбан, 1995: 116–119).

Ключевая особенность Тувы состоит в сочетании численного доминирования тувинцев и устойчивой брачной гомогамии титульного этноса. Среди пар с тувинским мужем межэтнические союзы составляют 0,71%, среди пар с тувинской женой — 1,40%. У русских супругов доля межэтнических союзов выше, однако русско-тувинские сочетания остаются количественно ограниченными относительно общего массива браков. На них приходится 555 пар, или 44,0% всех межэтнических супружеских пар региона.

Гендерная асимметрия русско-тувинских браков выражается в том, что сочетание «русский муж — тувинская жена» встречается чаще, чем сочетание «тувинский муж — русская жена»: 353 и 202 пары соответственно. Этот результат фиксирует важное направление будущего анализа, поскольку требует проверки через данные о возрасте, месте жительства, образовании, миграционном опыте и семейных установках супругов.

Научная новизна статьи заключается в переходе от общей характеристики межэтнической брачности к анализу конкретной матрицы супружеских пар современной Тувы по этнической принадлежности мужа и жены. Такой подход показывает, что низкая доля смешанных браков не может быть объяснена только общей этнической структурой населения. Она должна рассматриваться как статистическое проявление устойчивых этносоциальных границ, сохраняющихся в брачной сфере. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение городско-сельских различий, возрастно-образовательной структуры супругов, внутрисемейной языковой практики и выбора этнической идентичности детьми в русско-тувинских и других межэтнических семьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов, А. А. (1999) Этносоциология. М.: Аспект Пресс. 271 с.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 140 с.
- Безрукова, О. Н., Поссель, Ю. А., Самойлова, В. А. (2018) Роль семьи в формировании гражданской идентичности детей мигрантов // Социологические исследования. № 4. С. 43–53.
- Бурханова, Ф. Б., Садретдинова, Э. В., Мухамадиева, Р. Р. (2021) Внутрисемейные факторы формирования моно- и биэтнической идентичности детей из межнациональных семей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2. С. 55–65. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_55
- Гончарова, Г. С. (2010) Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций // Новые исследования Тувы. № 3. С. 117–131.
- Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Нонпарель. 288 с.
- Делова, Л. А. (2024) Объяснительные концепции межэтнической брачности // Научный альманах. № 10–2 (120). С. 95–99.
- Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>
- Казиев, С. Ш., Старченко, Р. А., Могунова, М. В. (2022) Межнациональные браки между казахами и русскими Северного Казахстана // Социологические исследования. № 10. С. 128–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250016051-9>
- Лурье, С. В. (2018) Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. № 10. С. 122–148. DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>
- Ростовская, Т. К., Натсак, О. Д. (2026) Вопросы демографического развития Тувы по материалам Национального демографического доклада — 2024 // Новые исследования Тувы. № 1. С. 275–291. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.15>

Ростовская, Т. К., Ситковский, А. М., Гишкаева, Л. Н. (2025) Методология и практика проведения демографической экспертизы на примере региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов» // Новые исследования Тувы. № 4. С. 233–253. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.13>

Рубцов, В. А., Рожко, М. И., Биктимиров, Н. М. (2020) Межнациональные браки и их влияние на этнодемографические процессы (на примере Республики Татарстан) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 51–57. DOI: <https://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-51-57>

Ситковский, А. М., Деловарова, Л. Ф. (2025) Система расселения Республики Тыва: опорные населённые пункты // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.4>

Сороко, Е. Л. (2014) Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. Т. 1. № 4. С. 96–123. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России (1998) / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Институт социологии РАН. 388 с.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М.; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с.

Тиникова, Е. Е., Канзычакова, Н. Г. (2025) Тувинско-хакаские браки и их роль в динамике национального состава населения Хакасии // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.3>

Тишков, В. А. (2005) Этнология и политика: статьи 1989–2004 годов. М. : Наука. 382 с.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Фаузер, В. В. (2025) Коренные народы Севера России / Серия «Библиотека демографа». Вып. 25. Екатеринбург : УрО РАН. 308 с.

Хачатрян, Л. А., Чадова, А. А. (2016) Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 1 (25). С. 127–135.

Шулакова, Н. Н. (2015) Межэтнические браки в среде удмуртской молодёжи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10–3 (60). С. 214–217.

Blau, P. M., Schwartz, J. E. (1984) Crosscutting Social Circles: Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations. Orlando : Academic Press. 257 p.

Elwert, A. (2020) Opposites Attract: Assortative Mating and Immigrant–Native Intermarriage in Contemporary Sweden // European Journal of Population. Vol. 36. P. 675–709. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09546-9>

Fu, V. K. (2001) Racial intermarriage pairings // Demography. Vol. 38. No. 2. P. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2001.0011>

Gordon, M. M. (1964) Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York : Oxford University Press. 276 p.

Kalmijn, M. (1998) Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends // Annual Review of Sociology. Vol. 24. P. 395–421. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.395>

Kalmijn, M., van Tubergen, F. (2006) Ethnic intermarriage in the Netherlands: Confirmations and refutations of accepted insights // European Journal of Population. Vol. 22. No. 4. P. 371–397. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9105-3>

Milewski, N., Kulu, H. (2013) Mixed marriages in Germany: A high risk of divorce for immigrant-native couples // European Journal of Population. Vol. 30. No. 1. P. 89–113. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9298-1>

Obućina, O., Saarela, J. (2020) Intergenerational transmission of ethnic identity in mixed native couples in Finland // Acta Sociologica. Vol. 63. Issue 1. P. 103–123. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699319847507>

O’Leary, R., Finnäs, F. (2002) Education, social integration and minority-majority group intermarriage // Sociology. Vol. 36. Issue 2. P. 235–254. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038502036002001>

Qian, Z., Lichter, D. T. (2007) Social boundaries and marital assimilation: Interpreting trends in racial and ethnic intermarriage // American Sociological Review. Vol. 72. Issue 1. P. 68–94. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240707200104>

Qian, Z., Lichter, D. T. (2011) Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society // Journal of Marriage and Family. Vol. 73. No. 5. P. 1065–1084. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00866.x>

Smits, J. (2010) Ethnic intermarriage and social cohesion. What can we learn from Yugoslavia? // *Social Indicators Research*. Vol. 96. P. 417–432. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9485-y>

Uggla, C., Saarela, J. (2024) First Partner Choice in a Native Minority: The Role of Own and Parental Ethnolinguistic Affiliation // *European Journal of Population*. Vol. 40. No. 3. P. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09683-2>

Дата поступления: 30.04.2026 г.

Дата принятия: 11.05.2026 г.

REFERENCES

Arutyunyan, Yu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1999) *Ethnosociology*. Moscow, Aspekt Press. 271 p. (In Russ.)

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Contemporary Tuva: Socio-Cultural and Ethnic Processes*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Publishing Firm of the Russian Academy of Sciences. 140 p. (In Russ.)

Bezrukova, O. N., Possel, Yu. A. and Samoylova, V. A. (2018) The role of the family in shaping the civic identity of migrant children. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. no. 4, pp. 43–53. (In Russ.)

Burkhanova, F. B., Sadretdinova, E. V. and Mukhamadiev, R. R. (2021) Intrafamily factors in the formation of mono- and bi-ethnic identity of children from interethnic families. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*. no. 2, pp. 55–65. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_55

Goncharova, G. S. (2010) Changes in family and marital relations and the problem of stability of ethnocultural traditions. *New Research of Tuva*. no. 3, pp. 117–131. (In Russ.)

Goncharova, G. S. and Saveliyev, L. Ya. (2004) *Family and Marital Relations among the Peoples of Siberia: Problems, Trends, Prospects*. Novosibirsk, Nonparel. 288 p. (In Russ.)

Delova, L. A. (2024) Explanatory concepts of interethnic marriage. *Nauchnyi almanakh*. no. 10–2 (120), pp. 95–99. (In Russ.)

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction between Russians and Tuvans in Soviet and post-Soviet Tuva (on the example of nationally mixed families). *New Research of Tuva*. no. 1, pp. 144–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Kaziev, S. Sh., Starchenko, R. A. and Mogunova, M. V. (2022) Interethnic marriages between Kazakhs and Russians in Northern Kazakhstan. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. no. 10, pp. 128–137. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250016051-9>

Lurye, S. V. (2018) Interethnic marriages in the contemporary Russian national scenario. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. no. 10, pp. 122–148. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>

Rostovskaya, T. K. and Natsak, O. D. (2026) Issues of demographic development of Tuva based on the materials of the National Demographic Report — 2024. *New Research of Tuva*. no. 1, pp. 275–291. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.15>

Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. and Gishkaeva, L. N. (2025) Methodology and practice of demographic assessment using the example of the regional programme “Increasing Birth Rates in the Republic of Tuva for 2023–2025”. *New Research of Tuva*. no. 4, pp. 233–253. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.13>

Rubtsov, V. A., Rozhko, M. I. and Biktimirov, N. M. (2020) Interethnic marriages and their impact on ethnodemographic processes (the case of the Republic of Tatarstan). *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. vol. 6 (16), issue 3, pp. 51–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-51-57>

Sitkovsky, A. M. and Delovarova, L. F. (2025) Settlement system of the Republic of Tuva: Key settlements. *New Research of Tuva*. no. 2, pp. 70–91. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.4>

Soroko, E. L. (2014) Ethnically mixed married couples in the Russian Federation. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 1, no. 4, pp. 96–123. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>

Social and Cultural Distances. The Experience of Multiethnic Russia (1998). Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 388 p. (In Russ.)

Social Stratification Processes in the Republic of Tuva. (2020) Golenkova, Z. T. et al.; Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V., Sushko, P. E. (eds.). Moscow, Kyzyl, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (FNISTS RAN). 128 p. (In Russ.)

Tinikova, E. E. and Kanzychakova, N. G. (2025) Tuvan–Khakas marriages and their role in the dynamics of the national composition of the population of Khakassia. *New Research of Tuva*. no. 1, pp. 39–47. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.3>

Tishkov, V. A. (2005) *Ethnology and Politics: Articles 1989–2004*. Moscow, Nauka. 382 p. (In Russ.)

Turkic Peoples of Eastern Siberia (2008) Funk, D. A., Alekseev, N. A. (eds.). Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (2025) *Indigenous Peoples of the North of Russia*. Series “Biblioteka demografa”. issue 25. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 308 p. (In Russ.)

Khachatryan, L. A. and Chadova, A. A. (2016) Interethnic family in contemporary Russian society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. issue 1 (25), pp. 127–135. (In Russ.)

Shulakova, N. N. (2015) Interethnic marriages among Udmurt youth. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. no. 10–3 (60), pp. 214–217. (In Russ.)

Blau, P. M. and Schwartz, J. E. (1984) *Crosscutting Social Circles: Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations*. Orlando, Academic Press. 257 p.

Elwert, A. (2020) Opposites Attract: Assortative Mating and Immigrant–Native Inter marriage in Contemporary Sweden. *European Journal of Population*, vol. 36, pp. 675–709. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09546-9>

Fu, V. K. (2001) Racial inter marriage pairings. *Demography*, vol. 38, no. 2, pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2001.0011>

Gordon, M. M. (1964) *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins*. New York : Oxford University Press. 276 p.

Kalmijn, M. (1998) Inter marriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 395–421. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.395>

Kalmijn, M. and van Tubergen, F. (2006) Ethnic inter marriage in the Netherlands: Confirmations and refutations of accepted insights. *European Journal of Population*, vol. 22, no. 4, pp. 371–397. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9105-3>

Milewski, N. and Kulu, H. (2013) Mixed marriages in Germany: A high risk of divorce for immigrant-native couples. *European Journal of Population*, vol. 30, no. 1, pp. 89–113. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9298-1>

Obućina, O. and Saarela, J. (2020) Intergenerational transmission of ethnic identity in mixed native couples in Finland. *Acta Sociologica*, vol. 63, issue 1, pp. 103–123. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699319847507>

O’Leary, R. and Finnäs, F. (2002) Education, social integration and minority-majority group inter marriage. *Sociology*, vol. 36, issue 2, pp. 235–254. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038502036002001>

Qian, Z. and Lichter, D. T. (2007) Social boundaries and marital assimilation: Interpreting trends in racial and ethnic inter marriage. *American Sociological Review*, vol. 72, issue 1, pp. 68–94. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240707200104>

Qian, Z. and Lichter, D. T. (2011) Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society. *Journal of Marriage and Family*, vol. 73, no. 5, pp. 1065–1084. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00866.x>

Smits, J. (2010) Ethnic inter marriage and social cohesion. What can we learn from Yugoslavia? *Social Indicators Research*, vol. 96, pp. 417–432. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9485-y>

Ugla, C., Saarela, J. (2024) First Partner Choice in a Native Minority: The Role of Own and Parental Ethnolinguistic Affiliation. *European Journal of Population*, vol. 40, no. 3, pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09683-2>

Submission date: 30.04.2026.

Acceptance date: 11.05.2026.

Employment probabilities of migrants and local residents in the labor market of the Republic of Tuva

Victoria Yu. Ledeneva

Q University, Kazakhstan;

Institute of Social Demography of FCTAS RAS, Russian Federation,

Abubakr Kh. Rakhmonov

Institute of Social Demography of FCTAS RAS, Russian Federation

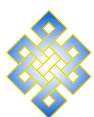
This article examines differences in employment odds between migrants and local residents in the Republic of Tuva (Russia) within a peripheral and economically constrained regional labor market. The empirical basis is individual-level microdata from the 2010 All-Russian Population Census (10% sample) harmonized in IPUMS International. The choice of these data is motivated by their status as the most recent comparable and publicly accessible microdata source that allows measurement of migrant status and key socio-demographic characteristics at the individual level, enabling statistically valid cross-group comparisons. In order to enhance contemporary relevance, the findings are interpreted in light of recent scholarship on migrant incorporation into the Russian labor market and descriptive administrative series on migration inflows to Tuva for 2018–2023, which indicate persistent structural constraints on employment and a predominantly work-oriented profile of mobility.

A binary logistic regression model is applied to estimate the probability of being employed (versus unemployed) among migrants relative to local residents, controlling for age (including a quadratic term), sex, marital status and education (N = 580 economically active individuals aged 15–64). Results indicate near-parity: migrants exhibit comparable or slightly higher odds of employment than local residents (OR = 1.05; $p < 0.001$), although the substantive magnitude of this difference is small. At the same time, a stable gender gap is observed (women have lower employment odds), and education remains one of the strongest predictors of employment. These patterns are interpreted as evidence consistent with employment-oriented and selective migration into the region. They remain relevant for understanding integration mechanisms in a “compressed” labor market. The study is explicitly statistical (not field-based); future research should test gender selectivity more directly, examine interactions between sex and migrant status, as well as assess job quality and sectoral employment structure.

Keywords: migration; employment; Tuva; labor market; integration; logistic regression

Financing

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant no. AP26103687 “Digital Migration: New Horizons for Socio-economic Development and Legal Integration”).

For citation:

Ledeneva V. Yu. and Rakhmonov A. Kh. Employment probabilities of migrants and local residents in the labor market of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3. C. 236–253. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.14>

LEDENEVA, Victoria Yurievna, Doctor of Sociology, Associate Professor; Leading Researcher, Q University; Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal addresses: 125 Baizakova St., 050026 Almaty, Kazakhstan; Bldg. 1, 6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation.

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9478-2917

RAKHMONOV, Abubakr Khasanovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Bldg. 1, 6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: abubak.93@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9924-5857

Вероятность занятости мигрантов и местных жителей на рынке труда Республики Тыва

Виктория Ю. Леденева

Q University, Казахстан; Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Абубакр Х. Рахмонов

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

Статья посвящена оценке различий в шансах занятости у мигрантов и местных жителей Республики Тыва (Россия) в условиях периферийного и экономически ограниченного регионального рынка труда. Эмпирическую основу составляют индивидуальные микроданные Всероссийской переписи населения 2010 г. (10%-ная выборка) из базы IPUMS International. Выбор именно этих данных обусловлен тем, что это последний сопоставимый и открыто доступный массив микроданных, позволяющий на уровне индивидов одновременно измерять статус мигранта и ключевые социально-демографические характеристики, необходимые для корректного статистического сравнения групп. Для актуализации контекста результаты интерпретируются с учетом современных исследований о включении мигрантов в российский рынок труда и описательных административных рядов миграционного притока в Тыву за 2018–2023 гг., отражающих сохраняющиеся структурные ограничения занятости и преимущественно трудовой профиль мобильности.

Анализ выполнен методом бинарной логистической регрессии и оценивает вероятность быть занятым (в сравнении с безработицей) у мигрантов относительно местных жителей при контроле возраста (включая нелинейность через возраст), пола, брачного статуса и образования ($N = 580$ экономически активных лиц 15–64 лет). Результаты показывают близость к паритету: у мигрантов шансы занятости сопоставимы или немного выше, чем у местных жителей ($OR = 1,05$; $p < 0,001$), однако величина эффекта невелика. Одновременно выявляется устойчивый гендерный разрыв (женщины имеют более низкие шансы занятости), а образование остается одним из наиболее сильных предикторов трудоустройства. Полученные выводы интерпретируются как свидетельство занято-ориентированной и селективной миграции в регион и сохраняют актуальность для обсуждения механизмов интеграции в условиях «сжатого» рынка труда. Подчеркивается, что исследование носит статистический характер; в качестве перспектив предлагаются углубленные проверки гендерной селективности миграции, взаимодействий «пол × мигрантский статус», а также анализ качества рабочих мест и секторальной структуры занятости.

Ключевые слова: миграция; занятость; Республика Тыва; рынок труда; интеграция; логистическая регрессия

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Для цитирования:

Ledeneva V. Yu. and Rakhmonov A. Kh. Employment probabilities of migrants and local residents in the labor market of the Republic of Tuva // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 236–253. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.14>

Леденева Виктория Юрьевна — доктор социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Q University; главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адреса: 050026, Казахстан, г. Алматы, ул. Байзакова, д. 125; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: vy.ledeneva@yandex.ru

Рахмонов Абубакр Хасанович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1. Эл. адрес: abubak.93@mail.ru

Introduction

The Republic of Tuva is one of the most remote and economically constrained regions of Russia, distinguished by its unique cultural and demographic profile. Tuva is located in southern Siberia on the border with Mongolia. Its population of 330.6 thousand people is predominantly indigenous Tuvans (over 88% ethnic Tuvans who speak the Tuvan language) with a minority of ethnic Russians (Gorina, 2022; Smirnykh, Polaykova, 2020). Tuva's demographic structure is distinct: it historically had one of the highest fertility rates in Russia, yielding a very youthful age distribution. The median age in Tuva is around the mid-20s — making it one of the youngest regions in the country — compared to a national median age over 40 (Anayban, Balakina, 2023; Poletaev, 2020). At the same time, the region faces long-standing socio-economic constraints, including a narrow economic base and limited diversification. Official statistics have often recorded that unemployment remains comparatively high and average incomes are lower than the national level; for example, the official unemployment rate in Tuva was about 18% in 2020, several times higher than the national average of 5–6% (Ledeneva, Rostovskaya, Oidup, 2025; Rakhmonov, 2022). The economy is largely oriented toward the public sector and small-scale agriculture. This limits the number of formal jobs outside government and social services. This context of structural economic constraints has profound implications for migration and labor market dynamics.

At the same time, Tuva occupies a distinctive place within the Russian Federation because of its specific historical trajectory. Unlike most Russian regions, Tuva followed a comparatively late path of incorporation into the Soviet state, joining the USSR only in 1944 (Abylkalikov, 2021). This historical trajectory is important for understanding the Republic's present-day social structure, including the persistence of strong ethnic identity and the centrality of the Tuvan population in the cultural landscape. Tuva remains one of the youngest regions of Russia, combining a comparatively high fertility level with a still elevated mortality burden and relatively low life expectancy, especially among men (*ibid.*). In demographic terms, this configuration differs from the pattern typical of many other Russian regions, where low fertility and advanced population ageing dominate. Together with long-term economic marginality, limited labor market diversification and sustained out-migration, these features create a distinctive social context in which migration cannot be interpreted solely through general all-Russian frameworks (Soyan, 2023).

Migration and employment outcomes in remote regions like Tuva remain under-researched. Most research on migrant labor market integration in Russia focuses on nationwide trends or major cities, whereas little is known about outcomes in smaller, non-metropolitan regions like Tuva (Vakulenko, Leukhin, 2017). On the one hand, migrants in Tuva might face disadvantages in finding jobs due to potential language/cultural differences and limited local networks. On the other hand, those who do migrate to a region with scarce opportunities may be a self-selected group (e.g., arriving with specific job offers or needed skills), which could give them an employment edge over locals. Tuva's labor market is also characterized by extremely low formal employment among women and a concentration of jobs in the public sector and resource-based industries, which may influence migrant-native differences in employment.

Against this backdrop, the present study provides a quantitative assessment of employment probabilities for migrants relative to native residents in Tuva. Recent microdata on individuals of working age are used, and a binary logistic regression model is applied to estimate the likelihood of being employed (versus not employed) as a function of migrant status, controlling for age, sex, marital status and education. This approach isolates the net association between being a migrant and the chance of employment. In doing so, the analysis addresses the questions of whether migrants in Tuva are disadvantaged, on par, or advantaged in terms of basic employment chances, and of how this pattern aligns with or diverges from findings in other contexts.

Remote regions with structural labor market constraints tend to generate distinctive patterns of labor market inclusion for both locals and newcomers. In such contexts, migrants can be disadvantaged by classic integration barriers — limited local social capital, imperfect knowledge of institutions and employers, and potential 'outsider' stigma or discrimination. These barriers may be amplified in Tuva by its particular socio-linguistic environment, where everyday communication and informal recruitment can occur in both Tuvan and Russian, potentially shaping access to networks and job information. At the same time, migration into peripheral regions is rarely random. A competing expectation is positive self-selection: individuals who relocate to a high unemployment territory are more likely to do so because they have pre-arranged employment, possess scarce skills or are recruited into specific sectors, which can raise their observed employment rates relative to the non-migrant population.

This study analyzes the resident migrant stock identified in the 2010 population census rather than current migration flows. In this article, migrants are understood as census-enumerated residents born outside the Republic of Tuva. By contrast, the 2018–2023 administrative statistics refer to registered migration flows and are used only as descriptive background; they are not directly comparable to the census-based stock measure.

A further conceptual distinction is necessary between settled migrants included in the permanent population and temporary labor migrants. The present analysis concerns the former rather than the latter. This distinction is theoretically important because their adaptation strategies, patterns of labor market incorporation and mechanisms of selectivity may differ substantially. Unlike temporary labor migrants, settled migrants recorded in the census were part of the resident population of the Republic of Tuva at the time of enumeration.

This selectivity appears especially plausible for Tuva. Badmaeva and Natsak describe labor migration in economically lagging Russian republics as an economically motivated household strategy: working-age residents, including Tuvans, often migrate to stabilize income, repay debts and support children, while maintaining ties through periodic return visits (Badmaeva, Natsak, 2021). The authors' account implies that mobility is strongly employment-driven and therefore selective toward individuals with higher work orientation or better job prospects. By extension, in-migration to Tuva may also be concentrated among those pursuing concrete employment opportunities — such as positions in government agencies or extractive industries — rather than among individuals with weak labor market attachment. Under this logic, the resident migrant population in Tuva could display relatively high employment likelihood because economically inactive individuals are less likely to migrate or remain.

Broader regional research reinforces the structural conditions that make Tuva an analytically important case. Akhmetova links migration intensity in national republics to levels of socio-economic development, emphasizing that regions with lower human development — Tuva is among them — face stronger out-migration pressures than more developed republics (Akhmetova, 2022). This perspective situates migration as an adaptive response to territorial inequality and limited opportunities. In Tuva, population size is strongly affected by net out-migration. If out-migration were reduced, high fertility and moderate mortality would translate into faster overall population growth (Ledeneva, Rostovskaya, Oidup, 2025). Complementing this, Baimurzina and Kabashova document that Tuva's rates are lower than in more economically advanced regions such as Bashkortostan (Baimurzina, Kabashova, 2022). The authors underline features of a constrained labor market — high informality, stagnant incomes and exceptionally low economic activity, particularly among women — indicating that labor market participation is shaped not only by individual characteristics but also by weak demand and limited institutional capacity.

These structural conditions in Tuva can be further interpreted through the lens of segmented, or dual, labor market theory. From this perspective, employment outcomes are shaped not only by individual qualifications, but also by the structure of labor demand itself, including the division between more stable and formalized segments of employment and more precarious, weakly institutionalized or informal forms of work (Wilson, Portes, 1980). In peripheral regions such as Tuva, where the public sector plays a disproportionately important role and private-sector opportunities remain limited, migrants may enter the labor market through specific channels linked to formal demand, while local residents may be more strongly represented in less formalized or economically marginal activities. This makes migrant-local differences in employment partly a reflection of labor market segmentation rather than of individual productivity alone (Portes, Jensen, 1989).

A related perspective is provided by the literature on ethnic enclaves and ethnic niches. Although Tuva does not represent a classic immigrant enclave economy in the conventional Western sense, this perspective remains useful as an analytical lens for understanding how ethnically structured networks, linguistic environments and historically shaped patterns of occupational concentration may influence access to employment (Sanders, Nee, 1987). In this context, labor market incorporation may depend not only on formal qualifications, but also on whether migrants' social and cultural profiles align with specific institutional sectors, recruitment channels or locally embedded networks. Used in this broader sense, the enclave/niche perspective helps explain why employment outcomes may be conditioned by ethnocultural structure and not solely by migrant status as such.

A stronger consideration of regional specificity is especially important in the case of Tuva. While the broader Russian literature usefully highlights the role of labor demand, human capital and migrant selectivity,

the Tuva case requires these mechanisms to be interpreted within a distinct demographic, economic and socio-cultural setting. The Republic combines long-term economic marginality, a limited formal labor market, high out-migration, low female labor force participation and a pronounced role of ethnocultural structure in shaping access to employment. These features suggest that migrant-native differences in employment are unlikely to reflect only individual characteristics or generic integration barriers. Rather, they are embedded in a regionally specific opportunity structure in which public sector employment, local networks, linguistic environment and historically shaped patterns of settlement may all influence labor market outcomes. Incorporating this regional perspective strengthens the interpretation of the statistical findings by linking observed employment probabilities to the institutional and demographic particularities of Tuva rather than treating them as a simple regional variation of all-Russian trends.

In addition to economic constraints, Tuva's labor market is structured by ethnocultural and sectoral patterns. Valiakhmetov et al. highlight that the titular ethnic group is strongly represented in public sector employment and certain traditional spheres, sometimes discussed as 'ethnic niches', whereas non-titular groups may be concentrated in other roles (Valiakhmetov et al., 2021). Importantly, the authors interpret these differences as arising largely from historical settlement and social structure rather than explicit formal exclusion. Such segmentation matters for migrant-native comparisons because employment chances depend on whether migrants' profiles align with the dominant niches and recruitment channels in the region (e.g., public administration, education or other state-linked sectors) or whether migrants are positioned in more precarious segments (Gorodzeisky, Semyonov, 2017).

Finally, Tuva's demographic and gender context provides an essential boundary condition for theory. Regional evidence indicates unusually low female participation in formal employment and a labor force composition heavily skewed toward men, reflecting gender norms, caregiving responsibilities and survival strategies outside standard wage employment (Baimurzina, Kabashova, 2022). This implies that aggregate employment differentials between migrants and natives may partly reflect compositional effects (e.g., gender structure, age, family status), not only 'migrant penalties' or advantages. Taken together, the literature suggests a theoretically ambiguous expectation: migrants may face integration barriers in a peripheral and culturally distinctive region, yet the employment-driven and selective nature of mobility described by Badmaeva and Natsak, combined with the segmented opportunity structure noted by Valiakhmetov et al. and the constrained labor market environment documented by Akhmetova, Baimurzina and Kabashova, implies that the observed migrant population residing in Tuva may be comparatively strongly attached to employment – potentially matching or exceeding natives' employment likelihood once demographic composition and regional labor market conditions are taken into account.

Methodology

Data source

The analysis uses individual-level microdata representing the working-age population of the Republic of Tuva, drawn from the 2010 All-Russian Population Census. A 10% sample of the census microdata for Tuva was obtained via the IPUMS International database (Minnesota Population Center). The census was conducted by Rosstat in October 2010 and covered all settlements of Tuva, including the capital city Kyzyl and 17 municipal districts (kozhuuns, encompassing small towns and rural villages). Enumerators visited every household; census interviews were primarily conducted in the Russian language which virtually all adults in Tuva understand (Tuvan was used informally by local enumerators for clarification when needed). Because this is a census-based sample, it is highly representative of Tuva's population. The sample weights provided with the IPUMS data were applied (expanding each person to reflect their probability of selection) to ensure representativeness. In total, the 10% census sample included roughly 30,000 individuals in Tuva. The analysis focuses on the working-age population, defined as ages 15–64 (inclusive), which aligns with the typical economically active age range in 2010 (at the time, 65 was the statutory retirement age for men and 60 for women, though many still worked beyond those ages). The sample is further restricted to those who are economically active – either employed or actively seeking work – in order to analyze employment probabilities within the labor force. This criterion excludes individuals who are neither working nor looking for work (such as full-time students, many retirees or homemakers not seeking jobs), as they are outside the labor force by standard definitions.

The choice of the 2010 census requires additional clarification. Although more recent census results for Russia are available in aggregate form, the 2010 census remains the most appropriate source for the present study for two reasons. First, it is the most recent Russian census round currently available in harmonized individual-level form through IPUMS International, which for Russia provides samples for 2002 and 2010 rather than for the 2021 census. Second, the latest All-Russian Population Census, officially labeled as the 2020 census but conducted in October–November 2021 after pandemic-related postponement, has raised documented concerns regarding data quality and comparability. Scholarly assessments show that the share of persons with unknown educational attainment and unknown marital status increased sharply in 2021 to 16.9% and 15.4%, respectively, compared with 2.9% and 3.1% in 2010, suggesting a much wider reliance on administrative sources for minimally observed records. For this reason, the 2021 census is less suitable for comparable micro-level analysis of employment outcomes, especially where the model relies on individual socio-demographic characteristics such as education and marital status.

The analytic sample was constructed in several stages. First, the analysis was restricted to the private household population. Second, only individuals aged 15–64 were retained in order to focus on the conventional working-age population. Third, the sample was limited to economically active persons, that is, respondents who were either employed or actively seeking work at the time of the census. In the final stage, observations with missing information on employment status, migrant status, sex, marital status or educational attainment were omitted. After these restrictions, the final analytic sample comprised 580 respondents. Accordingly, this sample does not represent the entire population of Tuva; rather, it captures the subset of economically active individuals aged 15–64 with complete information on all variables used in the regression model. Although this number may appear modest relative to the total population of the Republic, it reflects the labor force segment of the 10% census sample and is consistent with the low level of labor force participation in the region, particularly among women.

A conceptual clarification is also necessary regarding the migration measure used in the study. The analysis concerns the resident migrant stock identified in the 2010 census rather than current migration flows. In this article, migrants are defined as census enumerated residents born outside the Republic of Tuva, whether in another region of Russia or abroad. The comparison group consists of local residents born in Tuva who were part of the resident population at the time of enumeration. This distinction is important because the regression results describe the labor market position of settled migrants included in the permanent population of the region, not temporary labor migrants whose adaptation strategies and mechanisms of selectivity may differ substantially and who are generally not captured as part of the resident population in the same way. By contrast, the administrative data for 2018–2023 refer to registered migration flows and are therefore not directly comparable to the census-based stock measure.

In addition to the census microdata, the study uses official administrative migration statistics for 2018–2023 solely as descriptive background. Annual counts of arrivals to the Republic of Tuva by origin were obtained from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat), while the age distribution of arrivals was drawn from publications of Rosstat's territorial statistical office for Krasnoyarsk Krai, the Republic of Khakassia and the Republic of Tuva. These aggregated series are used to contextualize recent mobility patterns and are not included as covariates in the regression models.

Measures. The dependent variable is a binary indicator of employment status (1 = currently employed, 0 = not employed). The primary independent variable of interest is migrant status, coded 1 for migrants and 0 for natives. Several control variables known to affect employment are included:

- *Age*: Measured in years. To capture non-linear effects of age on employment, both age and age-squared (age^2) are included in the model.
- *Sex*: A dummy variable for female (1 = female, 0 = male). Given the very low labor force participation of women in Tuva, a negative coefficient for female is expected.
- *Marital status*: A dummy indicating whether the individual is married or in a cohabiting union (1 = married/in a union, 0 = not married or not in a union).
- *Educational attainment*: A categorical variable for highest completed education level with four categories: (i) no formal education, (ii) primary education, (iii) secondary education (includes basic and secondary general or vocational), and (iv) higher education (college/university degree). In the regression, 'no education' serves as the reference category.

In an extended specification, the model also includes respondents' ethnicity. This adjustment is substantively important in the context of Tuva, where migrant status may partly proxy ethnocultural affiliation. Controlling for ethnicity makes it possible to assess whether the estimated association between migrant status and employment reflects migration-related selectivity as such or, in part, the overlap between migrant status and ethnic composition.

Analytical approach: Binary logistic regression is employed to estimate the odds of being employed versus not employed. The model produces odds ratios (ORs) for each predictor, indicating the multiplicative effect on the odds of employment. An OR greater than 1 implies a positive association with employment (higher odds of being employed), while an OR less than 1 indicates a negative association. ORs are reported along with standard errors and 95% confidence intervals. Statistical significance is evaluated at the conventional levels ($p < 0.05$, with key effects noted at $p < 0.01$ or $p < 0.001$). All analyses are cross-sectional and aim to identify associations rather than establish causation. Table 2 displays the logistic regression results for the full model.

Results

Before turning to the regression results, it is useful to consider the broader context of migration in Tuva. *Figure 1* illustrates annual in-migration to Tuva in recent years, broken down by origin. The volume of incoming migrants is quite low for a region of Tuva's population size, and it has been consistently outweighed by the number of people leaving the region (out-migrants) each year. In 2018, for example, roughly 12–13 thousand people moved into Tuva, while an even greater number moved out, resulting in a net migration loss of about 1,000 individuals (Anayban, Balakina, 2023). This pattern of net out-migration persisted through the late 2010s and early 2020s. Virtually all migrants arriving in Tuva come from other parts of Russia; international immigration to Tuva is minimal. Taken together, these trends underscore that Tuva is not a major migrant destination, and those who do migrate into the Republic represent a select group.

The incoming migrants to Tuva also have a distinctive age profile. As shown in *Figure 2*, the majority of recent in-migrants are in the young working-age brackets (roughly late teens to 30s). A substantial share of migrants are young adults, while relatively few migrants are older (near or above retirement age). This age composition suggests that migration into Tuva is largely labor-driven — younger individuals moving in, presumably for work or career opportunities, rather than older people relocating.

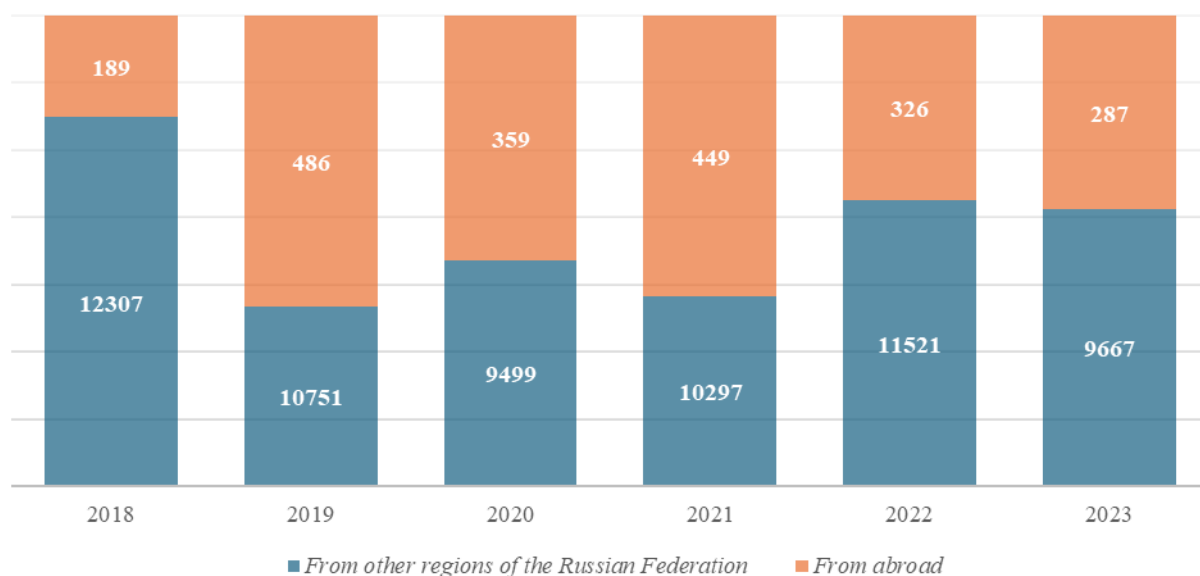

Fig. 1. Inflow of migrants to the Republic of Tuva from other regions of Russia and from abroad, 2018–2023, number of people.

Source: Data from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat).

Рис. 1. Приток мигрантов в Республику Тыва из других регионов России и из-за рубежа, 2018–2023 гг., чел.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата).

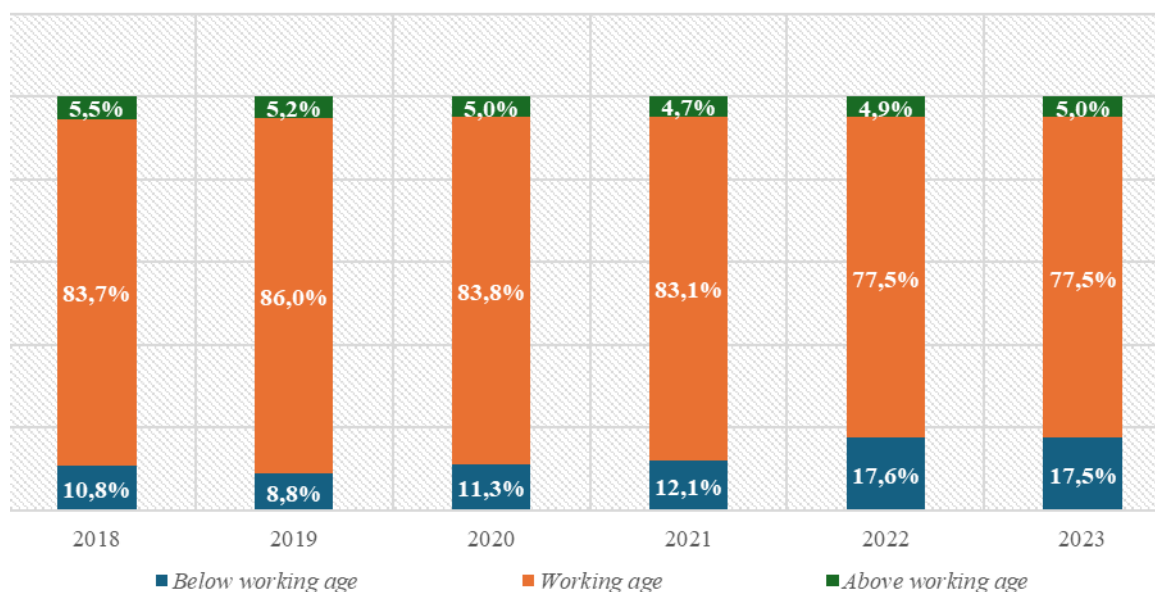

Fig. 2. Inflow of migrants to the Republic of Tuva by age groups, 2018–2023, %

Source: Data from the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for Krasnoyarsk Krai, the Republic of Khakassia and the Republic of Tuva (Rosstat).

Рис. 2. Приток мигрантов в Республику Тыва по возрастным группам, 2018–2023 гг., %

Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Росстат).

It also aligns with the possibility of migrants moving to Tuva to fill specific jobs (for instance, positions requiring certain skills), since employers are more likely to recruit working-age specialists. The age structure of the migrant inflow complements the overall population's age structure: Tuva has a very youthful population with high birth rates (Badmaeva, Natsak, 2021), and the influx of young migrants may slightly bolster the working-age population even as many local young people leave for opportunities elsewhere.

Table 1 provides the basic employment rates and characteristics of migrants versus natives in the sample. In the labor force sample, migrants actually exhibit a slightly higher employment rate than natives. Specifically, about 95% of migrants are employed (only ~5% unemployed), compared to about 91% of natives employed (9% unemployed). This is a first indication that migrants are *not* at a disadvantage in terms of finding jobs; if anything, they appear somewhat more likely to be employed than local Tuvans, even before controlling for other factors. However, it should be noted that migrants and natives differ in composition. The migrant group (23% of the sample, $N = 134$) is disproportionately male (over 95% of migrants in the labor force are men) and tends to be slightly younger on average than the native group. Many migrants in Tuva are working-age men who moved for employment, whereas the native labor force includes a small number of women and a broader age range, including older individuals approaching retirement. For instance, women constitute only 7% of natives in the labor force and an even smaller 2–3% of the migrant labor force. Thus, the descriptive figures hint that once these differences (sex, age, etc.) are controlled for, an even clearer picture of parity or a slight advantage for migrants may emerge.

The settlement structure of the analytic sample also deserves attention. As shown in Table 1, the sample is predominantly rural: 76.2% of respondents reside in rural areas, whereas only 23.8% live in urban settlements. This distribution is substantively important for interpreting employment outcomes in Tuva, since labor market opportunities are unevenly distributed across urban and rural contexts. In particular, urban areas are more likely to concentrate formal sector employment, while rural residents are more often associated with agricultural, household-based or less formalized forms of economic activity. Accordingly, migrant–local differences in employment may partly reflect differences in settlement structure rather than migrant status alone.

Table 1. Descriptive characteristics of the analytic sample for the employment model, the Republic of Tuva, 15–64
Таблица 1. Описательные характеристики аналитической выборки для модели занятости, Республика Тыва, в возрасте от 15 до 64 лет

Variable	%	N
<i>Employment status</i>		
Not employed	7.8	45
Employed	92.2	535
<i>Migration status</i>		
Native	76.9	446
Migrants	23.1	134
<i>Sex</i>		
Male	93.1	540
Female	6.9	40
<i>Age group</i>		
15–24	17.2	100
25–34	34.5	200
35–44	6.9	40
45–54	27.6	160
55–64	13.8	80
<i>Marital status</i>		
Not married / not in a union	37.9	220
Married / in a union	62.1	360
<i>Settlement type</i>		
Urban	23.8	138
Rural	76.2	442
<i>Educational attainment</i>		
No education	0.14	1
Primary	0.56	3
Secondary	34.5	200
Higher	64.8	376

In terms of education, migrants in the sample exhibit educational attainment that is comparable to, or slightly higher than, that of natives. The share with higher (tertiary) education is about 56% among migrants versus 53% among natives, indicating only a modest difference. This pattern is consistent with selective migration: some migrants may be specialists or professionals recruited to Tuva, whereas natives include a larger proportion with secondary education employed in local occupations. The overall education level in the analytic sample is relatively high (more than half with post-secondary credentials), partly because individuals with weaker labor market attachment — especially women with lower education — are less represented in the labor-force-based sample. In addition, prior research notes that the out-migration of ethnic Russians from Tuva in the 1990s, many of whom held skilled positions, reduced the Russian share to around 16% by 2010 (Dorzhu, 2016); those who remained may be disproportionately concentrated in formal sector employment, contributing to a higher education profile among workers (Chevalier, 2013). Both migrants and natives are predominantly married, although the marriage rate is slightly higher among migrants, plausibly reflecting a composition with more adult men and fewer young single individuals.

One particularly interesting descriptive finding is the age distribution anomaly noted earlier — the very small proportion of individuals aged 35–44 in the labor force (only 7% overall). This pattern holds for both natives and migrants, though it is more pronounced among natives. It suggests that many people born around 1966–1975 were not present in Tuva's 2010 labor force — likely due to heavy out-migration of that cohort in the late 1990s and early 2000s (when they were in their 20s and 30s). This aligns with reports that during Russia's post-Soviet economic crisis, working-age Tuvans (especially men in their 30s) left the Republic in large numbers in search of better opportunities (Abylkalikov, 2021). By 2010, those who remained or returned were relatively fewer, creating a 'hole' in the age structure of the workforce. This observation provides context for the regression: the migrants in the sample are mostly either younger newcomers or older-era migrants, since a whole cohort of potential migrants (and natives) in middle age

was partly 'lost' to out-migration. As Rostovskaya et al. discuss, such historical outflows have altered Tuva's demographic composition, leaving a younger population and a skewed age profile in the labor force (Rostovskaya, Natsak, Nakisbaev, 2025).

Table 2 displays the results of the binary logistic regression predicting the odds of being employed (versus unemployed) among labor force participants in Tuva. The table provides odds ratios (ORs) for each predictor, along with standard errors (SEs), z-statistics, p-values, and the 95% confidence interval of the OR. An OR above 1 indicates a factor associated with higher odds of employment, while an OR below 1 indicates lower odds of employment. The key findings for each variable are highlighted below.

Table 2. Binary logistic regression predicting odds of employment among migrants and natives in the Republic of Tuva, 15–64
Таблица 2. Бинарная логистическая регрессия для прогнозирования вероятности трудоустройства мигрантов и коренных жителей в Республике Тыва в возрасте от 15 до 64 лет

Predictor	OR	SE	Z	P	95% CI Lower	95% CI Upper
<i>Migrant status (ref. = all other population)</i>						
Migrants (1 = yes)	1.047	0.011	4.192	< 0.001	1.025	1.070
<i>Age</i>						
Age (years)	1.196	0.000	729.802	< 0.001	1.195	1.197
Age ² (years ²)	0.998	0.000	-632.839	< 0.001	0.998	0.998
<i>Sex (ref. = male)</i>						
Female (1 = female)	0.914	0.001	-102.577	< 0.001	0.912	0.916
<i>Marital status (ref. = not married / not in union)</i>						
Married / in a union (1 = yes)	1.485	0.001	423.708	< 0.001	1.488	0.001
<i>Settlement type (ref. = rural)</i>						
Urban	1.840	0.001	653.454	< 0.001	1.836	1.843
<i>Educational attainment (ref. = No education)</i>						
Primary education	1.026	0.012	2.103	0.0355	1.002	1.050
Secondary education	1.828	0.011	52.515	< 0.001	1.788	1.870
Higher education	4.575	0.011	132.341	< 0.001	4.473	4.679

Note: OR = odds ratio; SE = standard error; CI = confidence interval. The model also included a constant (not shown). All coefficients are significant at $p < 0.05$ or lower.

Looking first at the focal variable, *Migrant status*, the OR is 1.047 with a 95% confidence interval of [1.025, 1.070] and $p < 0.001$. This means that, holding age, sex, marital status and education constant, migrants have about 4.7% higher odds of being employed than natives. Although the magnitude of this effect is small, the coefficient is statistically significant. Substantively, an odds ratio close to 1.0 suggests near parity in employment chances, with migrants displaying only a slight advantage. Therefore, migrant status in itself does not appear to reduce the probability of employment in Tuva; if anything, it is associated with a modest increase in employment likelihood.

This finding is noteworthy in light of Tuva's structurally constrained labor market. Despite persistent economic difficulties in the region, migrants who are present in the labor force appear to be at least as successful as local residents in securing employment. Such a pattern is consistent with the interpretation that migration into Tuva is to a considerable extent employment-oriented and selective, with those arriving in the region more likely to possess either pre-arranged jobs or characteristics conducive to labor market incorporation. At the same time, this result is in line with broader evidence from Russia suggesting relatively rapid labor market absorption of migrants, particularly among men.

At the same time, the estimated effect should be interpreted with caution. The regression results do not describe temporary labor migrants, but rather settled residents with migration experience who were included in the permanent population at the time of the census. Their strategies of adaptation, patterns of labor market incorporation, and mechanisms of selectivity may differ substantially from those characte-

ristic of temporary labor migrants. Moreover, the observed average effect may conceal important internal heterogeneity. As suggested in the literature, the slight employment advantage associated with migrant status may in part reflect gender composition, given that the migrant group in Tuva is overwhelmingly male. Accordingly, the positive coefficient is likely to capture primarily the labor market position of male migrants, whereas the employment trajectories of female migrants may be considerably different.

One further consideration concerns the census-based measurement of employment itself. In Tuva, traditional forms of economic activity, especially livestock-related and other household-based forms of work among the indigenous population, may be incompletely reflected in standard employment categories. By contrast, migrants are more likely to be represented in state administration and other formal sector occupations that are more clearly captured by census employment definitions. For this reason, the observed employment advantage of migrants may partly reflect differences in the statistical visibility of employment rather than a pure advantage in actual labor market incorporation.

By turning to Age, we can observe a strong non-linear pattern. The coefficient for linear age is $OR = 1.196$ per year, and for age-squared is $OR = 0.998$ per year², both are highly significant ($p < 0.001$). The $OR > 1$ for Age and $OR < 1$ for Age² indicate an inverted-U shape in the probability of employment. In practical terms, at younger ages, each additional year greatly increases the odds of being employed. This implies that after finishing school young people can gain experience. The odds continue to rise in adulthood, but the quadratic term shows that beyond a certain age, the gains taper off and reverse. Calculating the approximate turning point: the odds peak when the age effect and age² effect balance out. Roughly, that occurs in the early 40s (solving $1.196^{*}(\Delta age)$ vs $0.998^{*}(\Delta age^2)$ yields a maximum around age 45, consistent with typical working life patterns). After the mid-40s, the odds of employment begin to decline with further aging, as more people retire or cannot work due to health issues. Thus, a 50-year-old has slightly lower odds of being employed than a 40-year-old, all else equal, and a 60-year-old has substantially lower odds (approaching retirement age).

The magnitude of the age effect is quite pronounced initially: for example, if we compare two identical individuals except one is 30 and the other is 20, the 30-year-old would have much higher odds of employment (because 10 years of age difference with $OR \sim 1.2$ per year compounds to a large increase). But if we compare 60 vs 50, the older person's odds are lower due to the quadratic downturn. The age terms collectively capture the life-cycle employment trajectory that is very steep in this data — a reflection that virtually all prime-age men are working, whereas youths and near-retirees have gaps.

Next, Sex (Female) has an OR of 0.914, indicating that women's odds of employment are about 0.91 times those of otherwise similar men — roughly 8.6% lower. This effect is statistically significant ($p < 0.001$) and points to a gender gap in employment even among those in the labor force. Recall that the sample already excludes most women who did not participate; those counted as female labor force participants are presumably relatively motivated to work or in need of work. Yet, even among this group, women are slightly less likely to actually have a job compared to men.

One plausible explanation is demographic. In Tuva, relatively high fertility and early family formation may generate a substantial childcare burden which can restrict women's participation in paid employment even within working ages. In such a context, lower employment among women may reflect not only labor market exclusion in the narrow sense, but also the interaction between demographic behavior, family responsibilities and limited opportunities for combining childcare with stable wage work. This interpretation is also consistent with broader regional evidence pointing to gendered divisions of labor, caregiving obligations and survival strategies beyond standard formal employment.

Several plausible reasons exist: women might face discrimination in hiring or may be concentrated in industries with fewer job vacancies in Tuva. They might also have more intermittent work histories or be choosier due to family responsibilities, leading to a slightly higher unemployment rate. The estimated gap (around 9%) is not enormous, but given the male-dominated sample, this likely reflects the difficulties of the few women who are trying to work. This result is consistent with broader patterns in Russia and elsewhere where women's unemployment rate can be higher and employment lower, though the gap here is smaller than one might expect — possibly because the women who do enter the labor force in Tuva are a self-selected group (perhaps more skilled or determined).

For *Marital status*, being married or in a union has an $OR = 1.485$, meaning married individuals have about 49% higher odds of employment than those not in a union (controlling for other factors). This coef-

ficient is also highly significant ($p < 0.001$). In the output, the confidence interval is extremely tight [1.482, 1.488], reflecting the large weighted sample and precision. The positive effect of marriage is in line with expectations: it could be driven by the male side of the sample (married men are more likely to be employed, as they may have family to support). It is also possible that those who are employed are more likely to get married, introducing some reverse causality or selection (employment can enhance marriage prospects). This control is included mainly to adjust for differences between migrants and natives — for example, if migrants are less likely to be married (e.g., young single men moving for work), this could affect employment propensity. But in the model, regardless of migrant status, being married correlates with higher employment odds. For women, marriage often has a neutral or negative effect on employment in some contexts; however, given the nature of the sample (few women and many men), the positive effect likely reflects that married men drive this coefficient upward.

Once *Settlement type* is introduced into the model, the interpretation of migrant status changes in an important way. In the baseline specification, migrants appeared to have a slight employment advantage. However, after controlling for urban-rural residence, the odds ratio for migrant status declines to 0.948 (95% CI: 0.927–0.968; $p < 0.001$). This indicates that, net of age, sex, marital status, education and settlement structure, migrants have approximately 5.2% lower odds of employment than local residents. Although the magnitude of this effect remains modest, its reversal relative to the baseline model is substantively important. It suggests that the apparent migrant advantage observed earlier was at least partly driven by compositional differences in place of residence rather than by migrant status alone. The coefficient for settlement type is itself large and statistically significant (OR = 1.840), confirming that employment chances in Tuva are strongly structured by the spatial organization of the labor market. This finding directly supports the argument that urban-rural differentiation must be taken into account when assessing migrant-local employment differences in the Republic. In other words, once settlement structure is incorporated into the model, the evidence no longer supports the interpretation that migrants enjoy a labor market advantage as such. Rather, the earlier pattern appears to reflect, at least in part, the concentration of different population groups in different settlement contexts with unequal access to formal employment.

Finally, *Education* shows a clear gradient. Using the tiny group with no education as baseline, those with *Primary education* have OR = 1.026, which is a modest 2.6% higher odds of employment than someone with no schooling, and this is marginally significant ($p = 0.035$). Essentially, having even a primary education provides a slight advantage over none — though the effect is small, likely because so few have no schooling that this comparison is not very meaningful. The effect grows for *Secondary education*: OR = 1.828, meaning secondary educated individuals have 83% higher odds of employment compared to someone with no education.

This is highly significant. In practical terms, a person who has finished high school (or vocational training) is much more likely to be employed than a person with no schooling at all — not a surprising result. Higher education has OR = 4.575, a very large effect (over 4.5 times the odds) relative to someone with no education. This suggests that those with university or institute degrees have dramatically better chances of being employed. However, caution is warranted: since the ‘no education’ category has only one individual, these ORs are somewhat notional. It might be more sensible to compare higher vs secondary: dividing 4.575 by 1.828 (if one were to compute an implied OR for higher vs secondary) would yield roughly 2.5. That implies that higher educated people have about 2.5 times the odds of employment compared to those with just secondary education — still a very strong effect. The huge ORs and extremely tight confidence intervals reflect that virtually everyone except the one person with no education is employed.

Indeed, in the data, that single individual with no education might have been unemployed (driving the baseline odds down to near zero), whereas the majority with schooling are employed. The takeaway is that education is a critical determinant of employment in Tuva. Given the scarcity of jobs, those with higher qualifications likely secure the available positions (in administration, education, skilled trades), whereas those with very low education might only be employable in manual or informal work if available, and many such individuals may not find jobs. This reinforces the earlier observation that the active labor force is skewed to the educated — less-educated people might not even be in the labor force because their job prospects are so poor (Rakhmonov, 2025).

Discussion

The findings from this study provide a nuanced picture of migrant-native labor market dynamics in one of Russia's more peripheral regions. Contrary to some expectations, no evidence is found that migrants are marginalized in Tuva's labor market — on the contrary, migrants are just as likely as natives to be employed, and even appear to have a slight statistical edge in employment probability. This result aligns with the hypothesis that migration into Tuva is highly selective and largely job-driven. Those outsiders who relocate to Tuva are often doing so for employment (e.g., teachers, doctors, invited specialists or entrepreneurs) (Abylkalikov, 2021), and thus they slot into jobs, whereas many local residents (particularly women and less-educated individuals) remain without work or out of the labor force. In essence, migrants in Tuva constitute a self-selected subset of the labor force that is highly motivated and perhaps better positioned to be employed. This interpretation resonates with findings by Kartseva, Florinskaya and Lazareva at the national level, which showed that migrant men in Russia often have equal or higher employment rates than native men, suggesting positive selection and strong labor force attachment among male migrants (Kartseva, Florinskaya, 2024; Lazareva, 2015). Tuva-specific evidence extends this pattern to a remote, rural region: even under adverse/strained economic conditions, migrant men who are present seem to integrate into employment effectively.

At the same time, these results should not be interpreted as evidence concerning temporary labor migrants. The analysis refers specifically to settled residents with migration experience who were included in the permanent population at the time of the census. Their adaptation strategies, patterns of labor market incorporation and mechanisms of selectivity may differ substantially from those of temporary labor migrants, whose employment trajectories are shaped by a different institutional and social context.

It is important to emphasize the gendered nature of this outcome. Tuva's labor market is extraordinarily male-dominated — a fact corroborated by official data and prior studies (Baimurzina, Kabashova, 2022; Kahanec, Zaiceva, 2009). The sample had over 93% men among labor force participants, reflecting that most women did not participate in formal employment. In such an environment, the migrant population in Tuva is also overwhelmingly male (the analysis indicates ~95% of migrants in the labor force were men). This means that the positive (or neutral) migrant effect observed is essentially driven by male migrants' experiences. If a counterfactual scenario with more female migrants coming to Tuva is considered, it is possible that greater difficulties would emerge — analogous to patterns in other settings where migrant women have lower employment due to family roles or discrimination. However, in reality very few migrant women are present in Tuva, likely because job opportunities for women are scarce and because the kind of migration happening (e.g., rotational work in mines or specialists coming in) is male-skewed. Badmaeva and Natsak note significant gender aspects in Tuva's migration: men are the predominant labor migrants, while women often stay behind or migrate as dependents (Badmaeva, Natsak, 2021). This context suggests that the finding of migrant parity might not hold if female migration were higher — it is contingent on the current composition of migrants. Future research could delve into this by examining, for instance, the outcomes of the few migrant women or exploring qualitative aspects of why migrant women are so few (e.g., cultural norms, safety concerns, lack of suitable jobs for women in Tuva).

Another angle to discuss is the role of ethnic and cultural integration. Migrants in Tuva are mostly non-Tuvans (ethnic Russians, Ukrainians, Kyrgyz, etc.), whereas natives are mainly Tuvans. Despite this ethnic divide, the results show no employment penalty for non-Tuvans. This suggests that ethnic background per se is not a barrier to getting a job in Tuva's labor market. Indeed, earlier studies (Valiakhmetov et al., 2021) argue that differences in employment among ethnic groups in Tuva are due more to educational and urban/rural factors than to ethnicity itself (Baimurzina, Kabashova, 2022). Many non-Tuvan migrants tend to occupy positions in urban centers (like Kyzyl) and often have higher qualifications (e.g., Russian doctors or teachers who moved to Tuva). Thus, they integrate into professional roles where their skills are needed and face little competition. Meanwhile, local Tuvans might be in more precarious or informal roles. It is telling that the public sector in Tuva — a major employer — includes both locals and some non-local specialists; the data imply that being a migrant does not exclude one from these jobs. It is also important to note that Russian is the official working language and is spoken by virtually everyone in the labor market, so language barriers are minimal (unlike in some other contexts where migrants struggle with the local language). This likely facilitates the integration of migrant workers in Tuva despite cultural differences. Moreover, qualitative findings from Badmaeva and Natsak indicate that migrants maintain close ties to

their home but also adapt to local conditions — for example, they may form their own ethnic communities (e.g., a small Russian community in Kyzyl, or Kyrgyz workers networking together) without directly clashing with the local Tuvan majority (Badmaeva, Natsak, 2021). The absence of an employment gap between migrants and natives could thus reflect a relatively smooth, if small-scale, integration process for those who do come. Migrants likely enter niches in the economy where they are welcomed (or at least accepted) due to labor demand.

The analysis also sheds light on the broader labor market challenges in Tuva that affect both migrants and natives. The extremely high returns to education ($OR = 4.6$ for higher education) and the high unemployment among less educated individuals underscore that job scarcity disproportionately hurts the low-skilled. This aligns with Baimurzina and Kabashova's observation that Tuva's economy cannot absorb all working-age people, and those with better qualifications have a significant advantage (Baimurzina, Kabashova, 2022). For policymakers, this suggests that improving educational attainment and vocational training in Tuva could raise overall employment. It also suggests that the kind of migrants Tuva might want to attract (or retain) are those with skills and education, as they integrate well and contribute to filling skilled positions. Indeed, many of the migrants in the sample likely fall into that category (e.g., professionals from outside). The finding that marriage correlates with higher employment also hints at the social stability factor — those who are settled (married, with family responsibilities) are more anchored in the labor force, whereas unattached individuals might be more inclined to drop out or leave the region. This could be reflective of a broader issue: single young people without jobs might choose to migrate out of Tuva (adding to the outflow), whereas those who are married and jobless face pressure to find work or might remain unemployed locally out of necessity. In the sample, only those in the labor force were captured, but it is worth noting that hidden unemployment and discouraged workers (especially among women) remain a major issue in Tuva. The present study does not directly measure that, but the findings indirectly point to it (given how few women are even counted as unemployed — most are simply not working nor seeking, likely due to discouragement or traditional roles).

Comparing these results to patterns in other regions, similarities emerge with certain other Russian ethnic republics. For example, research on regions like Dagestan or Chechnya (North Caucasus) often finds that local labor markets are limited and male out-migration for work is common, but those who migrate in are usually specialized personnel who find employment readily (Holland, Eldarov, 2012). Tuva appears to fit this mould of a peripheral 'donor' region in migration terms — it sends out labor migrants and only attracts a small number of workers in return. It is interesting that in the first nine months of 2020, Tuva actually had a slight migration inflow (as noted in the Introduction). That unusual moment (likely due to some people returning during the COVID-19 pandemic) did not change the fundamental dynamic that those who came or returned presumably did so for employment or family reasons. The fact that the 2010-based analysis shows migrants doing fine in terms of employment could have positive implications: if Tuva were to succeed in attracting more in-migrants (say, to develop projects or industries), those migrants might integrate into work as well as the data suggest. However, the scale is key — currently migrants are few and often come with arrangements in place. A mass influx could be different and might strain the labor market or create competition.

Finally, the study contributes to broader theoretical debates by highlighting a case where peripheral migration results in parity (or slight advantage) in employment outcomes for migrants. This contrasts with many Western cases where migrants often face disadvantages for long periods. It also provides an interesting comparison with other Russian regions: in many wealthier regions, migrants occupy the lowest rungs of the labor market (e.g., Central Asian migrants in Moscow working in construction or janitorial jobs). In Tuva, by contrast, migrants are relatively advantaged or on equal footing — not because Tuva is an easy environment (it is not), but because the selection mechanism produces a migrant cohort that is better matched to available jobs than the general populace. It is a reminder that migration outcomes are context-specific. Under limited labor-demand conditions, only certain types of migrants come (those fairly assured of jobs), whereas in a booming economy, a wide range of migrants come, including those who struggle to find good jobs. Therefore, one could say Tuva's labor market filters migration even before it happens — and the results are observing the outcome after that filtering.

Conclusion

In summary, this study found no evidence of an employment disadvantage for migrants in the Republic of Tuva; if anything, migrants have slightly higher odds of employment than native residents when accounting for personal characteristics. This outcome stands in contrast to some conventional expectations about migrant labor market difficulties, and it highlights how regional context can shape integration outcomes. Key determinants of employment in Tuva's labor force include age (with mid-career individuals faring best), sex (with men far more likely to be employed than women), marital status and education level. The overarching implication is that in a challenging labor market environment like Tuva, being a migrant does not hinder one's chances of having a job — perhaps reflecting the selective nature of migration to the region and the demand for skilled labor.

These findings enrich the understanding of migration and employment beyond the usual focus on large economies or metropolitan centers. They indicate that policies and theories of migrant integration should be flexible enough to account for local conditions. In Tuva, the immediate concern may not be migrant unemployment, but rather the broad issues of limited job creation and gender disparities that affect all residents. Future research could build on this work by examining other regional cases, exploring longitudinal outcomes for migrants or assessing aspects of job quality and earnings for migrants versus natives. Such research would further illuminate the complex interplay between migration and labor markets in diverse socio-economic settings.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. (2021) Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Akhmetova, G. F. (2022) Migration processes in national republics with different levels of human development: The cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>
- Anayban, Z. V. and Balakina, G. F. (2023) Demographic changes in the Republic of Tyva (according to the results of the All-Russian population censuses in 2010 and 2020). *Natural Resources, Environment and Society*, no. 3, pp. 59–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-4441-2023-3-59-68>
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Baimurzina, G. R. and Kabashova, E. V. (2022) Employment and income of the populations of the republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>
- Chevalier, J. F. (2013) Local language education in Southern Siberia: The republics of Tyva and Altai. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 56–84. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2013.120303>
- Dorzhu, Z. (2016) The socio-demographic situation in the Republic of Tuva: Conditions of social transformation, 1990s–early 2000s. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2016.150305>
- Gorina, T. I. (2022) Regional labour market of the Republic of Tyva: Trends and challenges. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 13, no. 4, pp. 26–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.848>
- Gorodzeisky, A. and Semyonov, M. (2017) Labor force participation, unemployment and occupational attainment among immigrants in West European countries. *PLOS ONE*, vol. 12, no. 5, art. e0176856. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0176856>
- Holland, E. C. and Eldarov, E. M. (2012) 'Going away on foot' once again: The revival of temporary labour migration from Russia's Dagestan. *Central Asian Survey*, vol. 31, no. 4, pp. 379–393. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.739819>
- Kahanec, M. and Zaiceva, A. (2009) Labor market outcomes of immigrants and non-citizens in the EU: An East–West comparison. *International Journal of Manpower*, vol. 30, no. 1–2, pp. 97–115. DOI: <https://doi.org/10.1108/01437720910948429>
- Kartseva, M. A. and Florinskaya, Yu. F. (2024) Labor market situation of international migrants in Russia: One among one's own. *Journal of the New Economic Association*, no. 2, pp. 75–97. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_75-97

Lazareva, O. (2015) Russian migrants to Russia: Assimilation and local labor market effects. *IZA Journal of Migration*, vol. 4, no. 1, art. 20. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40176-015-0044-9>

Ledeneva, V. Yu., Rostovskaya, T. K. and Oidup, T. M. (2025) Comparative analysis of the socio-demographic situation in the republics of the Siberian Federal District (Altai, Tuva, Khakassia). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 118–133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.9>

Poletaev, D. V. (2020) Adaptation and integration of labour migrants from the EAEU in Russia on the example of migrants from Kyrgyzstan. *Population and Economics*, vol. 4, no. 1, pp. 20–37. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e50747>

Portes, A. and Jensen, L. (1989) The enclave and the entrants: Patterns of ethnic enterprise in Miami before and after Mariel. *American Sociological Review*, vol. 54, no. 6, pp. 929–949. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095716>

Rakhmonov, A. Kh. (2022) New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan's socio-economic development. *Upravlenie*, vol. 10, no. 4, pp. 121–131. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131>

Rakhmonov, A. Kh. (2025) Educational migration as a new direction of labor migration from Central Asia: A theoretical analysis. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 25, no. 3, pp. 812–822. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-812-822>

Rostovskaya, T. K., Natsak, O. D. and Nakisbaev, D. V. (2025) The impact of migration processes on the ethnic and socio-demographic characteristics of the population of Tuva during the Soviet and post-Soviet periods. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 38–57. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.3>

Sanders, J. M. and Nee, V. (1987) Limits of ethnic solidarity in the enclave economy. *American Sociological Review*, vol. 52, no. 6, pp. 745–773. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095833>

Smirnykh, L. I. and Polyakova, E. Y. (2020) Income and the integration of migrants in the Russian labour market. *Journal of the New Economic Association*, no. 3, pp. 84–104. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-4>

Soyan, Sh. Ch. (2023) Modern demographic problems of the Republic of Tuva. *Population*, vol. 26, no. 3, pp. 43–54. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.4>

Vakulenko, E. and Leukhin, R. (2017) Wage discrimination against foreign workers in Russia. *Russian Journal of Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 83–100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.006>

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakaev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Ethnic and social features of employment in the republics of Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Wilson, K. L. and Portes, A. (1980) Immigrant enclaves: An analysis of the labor market experiences of Cubans in Miami. *American Journal of Sociology*, vol. 86, no. 2, pp. 295–319. DOI: <https://doi.org/10.1086/227240>

Submission date: 14.02.2026.

Acceptance date: 28.04.2026.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2023) Демографические изменения в Республике Тыва (по результатам Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.) // Природные ресурсы, среда и общество. № 3 (19). С. 59–68. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-4441-2023-3-59-68>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Баймурзина, Г. Р., Кабашова, Е. В. (2022) Занятость и доходы населения Республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Горина, Т. И. (2022) Региональный рынок труда Республики Тыва: тенденции и вызовы // Вестник Института социологии. Т. 13, № 4. С. 26–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.848>

Карцева, М. А., Флоринская, Ю. Ф. (2024) Международные мигранты на российском рынке труда: свои среди своих? // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 75–97. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_75-97

Леденева, В. Ю., Ростовская, Т. К., Ойдум, Т. М. (2025) Сравнительный анализ социально-демографической ситуации в республиках Сибирского федерального округа (Алтай, Тува, Хакасия) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 118–133. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.9>

Ростовская, Т. К., Натсак, О. Д., Накысбаев, Д. В. (2025) Влияние миграционных процессов на этнические и социально-демографические характеристики населения Тувы в советский и постсоветский периоды // Новые исследования Тувы. № 4. С. 38–57. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.3>

Смирных, Л. И., Полякова, Е. Ю. (2020) Трудовые доходы и интеграция мигрантов на российском рынке труда // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (47). С. 84–104. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-4>

Соян, Ш. Ч. (2023) Современные демографические проблемы Республики Тыва // Народонаселение. Т. 26, № 3. С. 43–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.4>

Chevalier, J. F. (2013) Local language education in Southern Siberia: The republics of Tyva and Altai // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Vol. 12, no. 3. P. 56–84. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2013.120303>

Dorzhu, Z. (2016) The socio-demographic situation in the Republic of Tuva: Conditions of social transformation, 1990s–early 2000s // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Vol. 15, no. 3. P. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2016.150305>

Gorodzeisky, A., Semyonov, M. (2017) Labor force participation, unemployment and occupational attainment among immigrants in West European countries // PLOS ONE. Vol. 12, no. 5. Art. e0176856. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0176856>

Holland, E. C., Eldarov, E. M. (2012) ‘Going away on foot’ once again: The revival of temporary labour migration from Russia’s Dagestan // Central Asian Survey. Vol. 31, no. 4. P. 379–393. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.739819>

Kahanec, M., Zaiceva, A. (2009) Labor market outcomes of immigrants and non-citizens in the EU: An East–West comparison // International Journal of Manpower. Vol. 30, no. 1–2. P. 97–115. DOI: <https://doi.org/10.1108/01437720910948429>

Lazareva, O. (2015) Russian migrants to Russia: Assimilation and local labor market effects // IZA Journal of Migration. Vol. 4, no. 1. Art. 20. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40176-015-0044-9>

Poletaev, D. V. (2020) Adaptation and integration of labour migrants from the EAEU in Russia on the example of migrants from Kyrgyzstan // Population and Economics. Vol. 4, no. 1. P. 20–37. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e50747>

Portes, A., Jensen, L. (1989) The enclave and the entrants: Patterns of ethnic enterprise in Miami before and after Mariel // American Sociological Review. Vol. 54, no. 6. P. 929–949. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095716>

Rakhmonov, A. Kh. (2022) New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan’s socio-economic development // Upravlenie. Vol. 10, no. 4. P. 121–131. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131>

Rakhmonov, A. Kh. (2025) Educational migration as a new direction of labor migration from Central Asia: A theoretical analysis // RUDN Journal of Sociology. Vol. 25, no. 3. P. 812–822. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-812-822>

Sanders, J. M., Nee, V. (1987) Limits of ethnic solidarity in the enclave economy // American Sociological Review. Vol. 52, no. 6. P. 745–773. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095833>

Vakulenko, E., Leukhin, R. (2017) Wage discrimination against foreign workers in Russia // Russian Journal of Economics. Vol. 3, no. 1. P. 83–100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.006>

Wilson, K. L., Portes, A. (1980) Immigrant enclaves: An analysis of the labor market experiences of Cubans in Miami // American Journal of Sociology. Vol. 86, no. 2. P. 295–319. DOI: <https://doi.org/10.1086/227240>

Дата поступления: 14.02.2026 г.

Дата принятия: 28.04.2026 г.

Корреляционный анализ влияния отдельных социально-экономических показателей на рождаемость Тувы (1990–2024 гг.)

Арсений М. Ситковский

Российский университет дружбы народов; Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российская Федерация

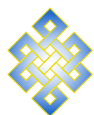
В статье анализируется влияние объективных социально-экономических показателей на рождаемость Тувы как региона с крайне высокой рождаемостью. Выявляются и содержательно интерпретируются статистически устойчивые взаимосвязи между динамикой суммарного коэффициента рождаемости и показателями благосостояния, жилищных условий, образования, здравоохранения, экономической динамики, миграции и системы расселения. Информационную базу составили многолетние ряды официальной статистики Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) по Туве за 1990–2024 гг.

Установлено, что наиболее содержательно интерпретируемые положительные корреляции общего суммарного коэффициента рождаемости в Туве фиксируются с валовым региональным продуктом на душу населения, вводом жилья, долей оплаты труда и социальных трансфертов в структуре доходов, ожидаемой продолжительностью жизни и мощностью амбулаторно-поликлинической сети. Наиболее выраженные отрицательные связи наблюдаются с обеспеченностью местами в дошкольных организациях, числом больничных коек, цифровой включённостью домохозяйств, кредитной задолженностью, бедностью, общей площадью жилья на одного жителя и миграционным сальдо.

Результаты показывают, что рождаемость Тувы определяется не одним фактором, а сочетанием нескольких разнонаправленных контуров. С одной стороны, её поддерживает ресурсная и институциональная обеспеченность семьи; с другой стороны, цифровая и потребительская модернизация статистически связана с ослаблением рождаемости. Практическая значимость исследования заключается в возможности более адресной настройки региональной демографической политики с учётом специфики региона.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости; рождаемость; фактор рождаемости; корреляционный анализ; очередность рождений; региональная демография; Тува; тувинцы

Исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

Для цитирования:

Ситковский А. М. Корреляционный анализ влияния отдельных социально-экономических показателей на рождаемость Тувы (1990–2024 гг.) // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 254–271. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.15>

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Российского университета дружбы народов; научный сотрудник лаборатории «Цифровой демографии» Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6к1. Эл. адрес: omnistat@yandex.ru

SITKOVSKIY, Arseniy Mikhailovich, Junior researcher, Research Laboratory «Dynamics of Languages in Minority Situations», RUDN University; Researcher, Laboratory of Digital Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow; 6k1 Fotiyevoy St., 119333, Russia, Moscow. E-mail: omnistat@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8725-6580

Correlation Analysis of the Impact of Selected Socio-Economic Indicators on Fertility in Tuva (1990–2024)

Arseniy M. Sitkovskiy

*RUDN University; Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article analyzes the impact of objective socio-economic indicators on fertility in Tuva as a region with extremely high fertility. It identifies and provides substantive interpretations of statistically robust relationships between the dynamics of the total fertility rate and indicators of welfare, housing conditions, education, healthcare, economic dynamics, migration, and the settlement system. The information base consists of long-term series of official statistics from Rosstat and the Unified Interdepartmental Statistical Information System (EMISS) for Tuva for 1990–2024.

It is established that the most substantively interpretable positive correlations of the overall total fertility rate in Tuva are observed with gross regional product per capita, housing commissioning, the share of wages and social transfers in the income structure, life expectancy, and the capacity of the outpatient-polyclinic network. The most pronounced negative relationships are observed with the provision of places in preschool institutions, the number of hospital beds, digital inclusion of households, credit indebtedness, poverty, total housing floor space per capita, and migration balance.

The results show that fertility in Tuva is determined not by a single factor, but by a combination of several multidirectional contours. On the one hand, it is supported by the resource and institutional security of the family; on the other hand, digital and consumer modernization is statistically associated with a weakening of fertility. The practical significance of the study lies in the possibility of more targeted adjustment of regional demographic policy, taking into account the specifics of the region.

Keywords: total fertility rate; fertility; fertility factor; correlation analysis; birth order; regional demography; Tuva; Tuvans

Financing

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-78-30004 "Digital Demographic Observatory: Development of a System for Monitoring Demographic Processes in Russian Regions Using GIS Technologies and Big Data", <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

For citation:

Sitkovskiy A. M. Correlation Analysis of the Impact of Selected Socio-Economic Indicators on Fertility in Tuva (1990–2024). *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 254–271. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.15>

Введение

В российском пространстве Тува занимает особое место как регион с длительно сохранявшейся высокой рождаемостью. Даже в периоды общероссийского снижения рождаемости (в 1990-е гг. и после 2015 г.) Тува оставалась в числе субъектов РФ с максимальными значениями суммарного коэффициента рождаемости, что делает её значимым кейсом для изучения общих демографических закономерностей. При этом высокая рождаемость в Туве сосуществует с бедностью значительной части домохозяйств, выраженным миграционным оттоком, молодым возрастным составом населения, существенной ролью сельского образа жизни и сильной этнокультурной спецификой семейного поведения. Уже одно это сочетание показывает, что простые объяснительные схемы здесь недостаточны.

По данным специального исследования Т. К. Ростовской, О. А. Золотаревой и Л. А. Давлетшиной о рождаемости в Туве, в 1991–2006 гг. средний суммарный коэффициент рождаемости в регионе

составлял 2,23 ребёнка на женщину, а в 2007–2021 гг. вырос до 3,10, что существенно отличало Туву от большинства субъектов РФ (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023: 41). Эта динамика была связана не только с инерцией традиционных репродуктивных установок, но и с реакцией населения на меры демографической политики, прежде всего на федеральный и региональный материнский капитал. Вместе с тем последующее снижение рождаемости после середины 2010-х гг. показывает, что одного институционального импульса недостаточно: даже в таком регионе рождаемость реагирует на более широкий набор социально-экономических изменений (там же: 41–42).

В этом смысле особенно важна постановка вопроса о том, какие именно изменения внутри Тувы в 1990–2024 гг. сопровождали повышение или понижение рождаемости. Межрегиональные сопоставления хорошо выявляют различия между субъектами РФ, но неизбежно смешивают собственно действие факторов и специфику региона как такового (Архангельский, 2019; Рыбаковский, Фадеева, 2024; Козлова, Макарова, Архангельский, 2024). Внутрирегиональный анализ временных рядов позволяет удерживать культурный, институциональный и этнический фон относительно постоянным и проследить, какие внутренние сдвиги шли рядом с изменением рождаемости. Для Тувы такой подход особенно продуктивен, поскольку регион обычно описывают как демографически специфичный субъект РФ с устойчиво высокими значениями рождаемости, тогда как конкретные внутренние статистические механизмы этой специфичности изучены слабее (Ростовская, Ситковский, Гишкаева, 2025 : 238–239).

Цель статьи заключается в выявлении, систематизации и интерпретации наиболее выраженных корреляционных связей между динамикой суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в Туве и отдельными объективными социально-экономическими показателями региона в 1990–2024 гг. Объектом исследования является рождаемость Тувы. Предмет исследования составляют взаимосвязи между динамикой суммарного коэффициента рождаемости и отдельными объективными социально-экономическими показателями региона.

Для достижения цели решались следующие задачи: охарактеризовать теоретико-методологические подходы к изучению факторов рождаемости; сформировать информационную базу исследования и описать методику корреляционного анализа; выявить общую структуру статистических связей между рождаемостью и социально-экономическими показателями Тувы; интерпретировать полученные связи по блокам благосостояния, жилищно-финансовых условий, экономической динамики, социальной инфраструктуры, здоровья населения, миграции и урбанизации; оценить значение очередности рождений как аналитической рамки интерпретации результатов.

Научная новизна статьи состоит в применении автоматизированного внутрирегионального корреляционного анализа к одному высокоспецифичному национальному региону России на длительном временном ряду за 1990–2024 гг. В отличие от работ, ориентированных на межрегиональную дифференциацию, в центре внимания находится внутритувинская динамика. В отличие от социологических исследований, акцент делается не на декларируемых установках населения, а на объективных статистически наблюдаемых изменениях социальной среды. Наконец, в отличие от многих работ по демографической политике, ориентированных преимущественно на оценку отдельных мер поддержки семей с детьми (Ростовская и др., 2021; Вакуленко, Ивашина, Свистильник, 2023; Мусин, 2024), статья не ограничивается фиксацией отдельных мер поддержки, а рассматривает рождаемость как результат взаимодействия нескольких блоков факторов.

Обзор литературы

В российской научной литературе исследования факторов рождаемости традиционно продолжают развиваться в нескольких взаимосвязанных направлениях.

Первое направление можно условно обозначить как экономико-ресурсное. В нём репродуктивное поведение интерпретируется через материальное положение домохозяйств, характер занятости, жилищные условия, уровень бедности, потребительские ограничения и меры государственной поддержки. Исследования показывают, что решение о рождении ребёнка тесно связано с обеспеченностью семьи ресурсами, однако сам характер этой связи не является линейным: улучшение условий может как стимулировать реализацию уже существующей потребности в детях, так и сопровождаться ростом альтернативных жизненных стратегий, уменьшающих детность (Багирова и др., 2018; Сукнёва, Барашкова, Постникова, 2020; Ниворожкина, Овчарова, Абазиева, 2010).

Региональная чувствительность рождаемости к инвестициям, занятости, структуре потребления и доступности услуг показана на материалах Приволжского федерального округа (Ильдарханова и др., 2022). Одновременно отмечается, что одинаковые меры в разных регионах дают различный эффект, а потому экономический фактор действует через призму локального демографического и культурного контекста (Рыбаковский, Таюнова, 2012; Архангельский, Фадеева, 2022).

Второе направление связано с социологическим и поведенческим анализом. Здесь в центре внимания находятся репродуктивные установки, желаемое и ожидаемое число детей, брачность, ценностные ориентации, субъективная оценка качества жизни и условий воспитания детей. Социологические исследования показывают, что репродуктивные решения нельзя вывести из одной только экономики: даже при сопоставимом уровне доходов семьи по-разному реагируют на перспективу рождения ребёнка в зависимости от устойчивости брака, возраста, образования, жилищной обеспеченности, локального окружения и образа желаемой семьи (Филимонова и др., 2023; Архангельский, Козлова, Калачикова, 2023; Ростовская и др., 2021).

С этим же направлением тесно связано изучение брачности как фактора рождаемости. Современные исследования показывают, что связь между брачностью и рождаемостью в России по-прежнему значима, хотя и претерпевает институциональные изменения (Синельников, 2025). Для Тувы данная проблематика принципиальна, поскольку трансформация брачно-семейных моделей уже зафиксирована на материалах Южной Сибири, включая Туву (Тиникова, 2019b). Речь идёт о снижении устойчивости зарегистрированного брака как единственной институциональной формы семейного поведения, росте разводимости и изменении календаря вступления в брак; эти процессы непосредственно связаны с календарём первых рождений и устойчивостью последующих репродуктивных решений (там же: 81–92).

Третье направление составляют исследования региональной и поселенческой дифференциации. Показано, что уровень и динамика рождаемости в России существенно различаются по регионам, а меры демографической политики взаимодействуют с уже сложившимся территориальным типом воспроизводства населения (Архангельский, 2019; Рыбаковский, Фадеева, 2024). На материалах Красноярского края продемонстрировано, что урбанизация, изменение городского образа жизни и трансформация структуры занятости выступают самостоятельными факторами снижения рождаемости (Копылов, 2022). В отношении сельских территорий, напротив, подчёркивается сохранение сравнительных преимуществ по рождаемости при одновременном нарастании социально-экономических ограничений (Красинец, Шевцова, 2021). Тем самым вопрос о рождаемости неизбежно смыкается с вопросом о типе расселения и характере пространственной организации жизни.

Четвёртое направление — исследования очерёдности рождений. Именно они сегодня особенно важны для корректной интерпретации суммарного коэффициента рождаемости. Исследования переходов к первому, второму и третьему ребёнку показывают, что эти переходы всё меньше подчиняются единой логике и всё сильнее зависят от разных групп факторов (Калабихина, Кузнецова, 2025). Особая чувствительность второго рождения к устойчивости семейной экономики, субъективному восприятию благосостояния и качеству социальной инфраструктуры отмечена в российской литературе (Ростовская и др., 2021). На материалах Норвегии показана высокая значимость соседского и локального социального окружения для третьих рождений (Bergsvik, 2020). В российских условиях сходную аналитическую рамку даёт одна из наиболее полных современных классификаций объективных и субъективных факторов рождаемости по очередности рождения (Козлова, Макарова, Архангельский, 2024).

В англоязычной литературе устойчиво выделяются несколько крупных блоков детерминант рождаемости. Обзорные и макроэкономические исследования показывают значимость рынка труда, экономической неопределённости и рецессий для откладывания рождений и изменения календаря детности (Balbo, Billari, Mills, 2013; Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011; Adserà, 2011; Matysiak, Vignoli, 2008; Matysiak, Sobotka, Vignoli, 2021). Пространственные различия, жилищные условия и доступность ухода за детьми рассматриваются как самостоятельные факторы переходов к первому и последующим рождениям (Kulu, Vikat, 2007; Kulu, 2013; Rindfuss et al., 2007). Для постсоциалистических стран дополнительно показана важность характеристик женской занятости и качества рабочих мест (Billingsley, 2010; Sinyavskaya, Billingsley, 2015).

Особое место занимают исследования этнокультурных и конфессиональных детерминант. Показано, что религиозность и связанный с ней нормативный контроль могут усиливать ориентацию на более высокую детность (Калачикова, Козлова, Архангельский, 2022; Сигарева, Сивоплясова, 2019). На материалах Республики Коми установлено, что этнокультурные различия сказываются не только на общем уровне рождаемости, но и на её структуре по очередности рождений (Попова, 2022). Аналогичный акцент на культурных нормах и семейном окружении содержится в работах по северокавказским регионам и по коренным народам Севера (Сигарева, 2019; Логинов, 2022).

Для Тувы этнокультурный аспект особенно значим. Ещё в первой постсоветской фундаментальной монографии о семейно-брачных отношениях народов Сибири брачно-семейные отношения Тувы рассматривались в связи со структурой семьи, этнокультурной нормой и репродуктивным поведением (Гончарова, Савельев, 2004: 6, 173–174). Устойчивость традиционных семейных установок среди молодёжи Тувы, их сравнительно большая ориентация на брак и детность по сравнению с рядом других национальных республик показаны в специальных этнодемографических исследованиях (Анайбан, 2016; Гайфуллин, 2022). Работы, посвящённые демографическому развитию Тувы, позволяют рассматривать её не только как регион высокой рождаемости, но и как пространство напряжённого взаимодействия между естественным приростом, миграцией, урбанизацией и трансформацией брачно-семейных моделей (Мандыт, 2017; Абылкаликов, 2021; Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Ахметова, 2022; Тиникова, 2019ab). При этом устойчивый естественный прирост не означает отсутствия структурных проблем.

Ключевой отправной точкой для специализированных исследований региона остаётся исследование Т. К. Ростовской, О. А. Золотаревой и Л. А. Давлетшиной о рождаемости в Туве в 1991–2021 гг., в котором показано сочетание высокой рождаемости, заметного эффекта пронаталистских мер и последующего снижения показателя после прохождения пика 2010-х гг. (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023: 41–42). Однако это исследование и близкие к нему работы по тематике демографического развития и демографической политики Тувы (Мандыт, 2017; Абылкаликов, 2021; Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Ростовская, Ситковский, Гишкаева, 2025: 238–239) преимущественно описывают динамику и место Тувы в общероссийском ранге, тогда как вопрос о конкретном наборе объективных статистических факторов внутри самой Тувы остаётся открытым.

Таким образом, современные исследования позволяют сделать три принципиальных вывода. Во-первых, рождаемость является многопричинным процессом, в котором экономические, инфраструктурные, культурные и семейные факторы переплетены. Во-вторых, сила и даже знак влияния одного и того же показателя могут меняться в зависимости от типа территории и очередности рождения. В-третьих, Тува уже достаточно хорошо рассмотрена как демографически специфический регион, но недостаточно изучена как самостоятельный объект факторного статистического анализа. Именно этот пробел и заполняет настоящее исследование.

Методика исследования и информационная база

Информационную основу исследования составили многолетние ряды официальной статистики Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) по Туве преимущественно за 1990–2024 гг.; отдельные исходные показатели имели продолжение до 2025 г.¹ В исходный массив включались демографические показатели, показатели благосостояния населения, структуры денежных доходов и расходов домохозяйств, жилищных условий, кредитной задолженности, экономической динамики, образования, здравоохранения, зарегистрированной заболеваемости, миграции и системы расселения². Автоматизированная обработка данных осуществлялась в среде Python на основе авторского скрипта, последовательно выполняющего очистку массива, отбор допустимых переменных и расчёт корреляционной матрицы.

¹ Перечень статистических показателей субъектов РФ, использованных для расчёта коэффициентов корреляции [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС). См.: [Additional material 1](#).

² База данных статистических показателей субъектов РФ, использованных для расчёта коэффициентов корреляции [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС). См.: [Additional material 2](#).

После фильтрации из базы исключались константные столбцы и показатели с избыточной разреженностью. Порог заполненности был задан на уровне 30% от числа наблюдений, что позволило сохранить максимально широкий набор переменных, но убрать те ряды, которые не создают статистической основы для интерпретации. В итоговый расчёт вошли 59 количественных показателей; временная рамка базы охватывает 1990–2025 гг., но по общему суммарному коэффициенту рождаемости (общему СКР), то есть среднему числу детей, которое родила бы одна женщина за весь репродуктивный период (15–49 лет) при сохранении возрастных уровней рождаемости соответствующего года, фактически доступны 35 годовых наблюдений за 1990–2024 гг.¹ Для каждого коэффициента использовались только совпадающие во времени наблюдения, то есть фактически применялся подход с исключением пропусков внутри каждой пары переменных.

В качестве зависимой переменной выбран общий суммарный коэффициент рождаемости (общий СКР, он же — СКР по всем очередностям рождения). В отличие от паритетно-специфических СКР вторых, третьих и последующих рождений, этот показатель отражает итоговую интенсивность рождаемости в целом. Такое решение обусловлено тем, что общий СКР даёт длинный сопоставимый ряд и позволяет исследовать длительную динамику Тувы на протяжении нескольких демографических циклов. В отношении СКР вторых, третьих и последующих детей ситуация иная: официальные сопоставимые ряды по ним для регионов России доступны только с 2018 г., а показатель СКР первых детей восстанавливается расчётным способом как разность общего СКР и коэффициентов вторых, третьих и последующих рождений. Для одного субъекта РФ это даёт лишь семь годовых наблюдений, чего недостаточно для статистически устойчивого корреляционного анализа по широкому набору факторов. Поэтому в статье эти показатели используются не как самостоятельное ядро вычислений, а как инструмент более тонкой интерпретации результатов по общему СКР.

Визуальное представление общего тренда и структуры показателя по очередности рождений представлено на рис. 1.

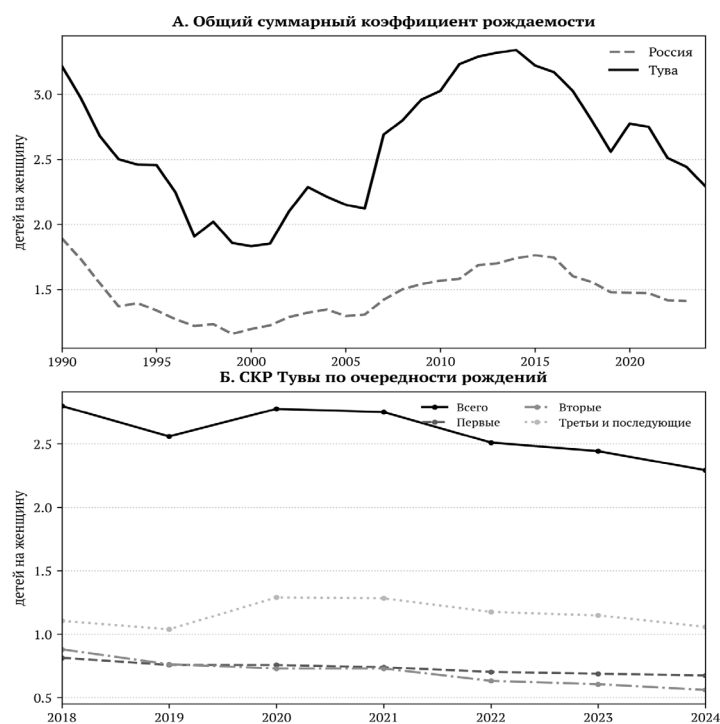

Рис. 1. Динамика общего суммарного коэффициента рождаемости в Туве и России (1990–2024 гг.) и СКР по очередности рождений в Туве (2018–2024 гг.).

Fig. 1. Total fertility rate in Tuva (1990–2024) and Russia and parity-specific TFR in Tuva (2018–2024).

¹ База данных коэффициентов корреляции Республики Тыва [Электронный ресурс]. См.: [Additional material 3](#).

Расчёт велся на основе коэффициента корреляции Пирсона, дополнительно скорректированного по длине ряда. Использовалась формула:

$$r^* = r \cdot \left(1 - \frac{1 - r^2}{n - 2}\right),$$

где r — классический коэффициент Пирсона, n — число совпадающих наблюдений. Такая поправка уменьшает вероятность переоценки силы связи в коротких рядах. Следовательно, используемые в статье значения можно трактовать как консервативные оценки тесноты взаимосвязи.

При интерпретации коэффициентов учитывались несколько методических ограничений. Во-первых, корреляция не тождественна причинности и может отражать влияние третьих переменных. Во-вторых, для части показателей, особенно номинальных денежных, значимым источником смещения выступают общие тренды инфляции и монетизации экономики. В-третьих, в одном регионе некоторые коэффициенты могут описывать не прямой факторный эффект, а запаздывающую реакцию инфраструктуры на уже сложившуюся высокую рождаемость. Именно поэтому в статье особое внимание уделяется не только величине коэффициента, но и его содержательной интерпретируемости.

С учётом этих ограничений в фокус анализа были вынесены прежде всего коэффициенты с абсолютным значением 0,5 и выше, а также те взаимосвязи умеренной силы, которые укладываются в логически непротиворечивую демографическую интерпретацию. Напротив, показатели, корреляция которых очевидно определяется размером населения или чисто статистическим трендом, рассматриваются как вспомогательные и не используются для содержательных выводов.

Общая структура выявленных связей

Корреляционная матрица по Туве показывает, что рождаемость региона связана с несколькими блоками факторов, часть из которых действует в противоположных направлениях. Уже это важно, поскольку распространённые объяснительные схемы — будь то бедность, этничность, меры поддержки или сельский уклад — отражают только отдельные элементы более сложной конфигурации.

Для аналитической компактности выделим наиболее выраженные и содержательно интерпретируемые корреляции общего суммарного коэффициента рождаемости с отдельными показателями. К положительному полю прежде всего относятся мощность амбулаторно-поликлинических организаций (0,828), валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения (0,684), ожидаемая продолжительность жизни при рождении (0,603), число выбывших (0,556), ввод жилой площади (0,552), доля оплаты труда в структуре доходов (0,529) и доля социальных трансфертов (0,525). К отрицательному полю относятся обеспеченность местами в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) (-0,885), число больничных коек (-0,877), доля домохозяйств с широкополосным доступом к Интернету (-0,848), задолженность по кредитам всего (-0,831), доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (-0,776), общая площадь жилых помещений на одного жителя (-0,736), индекс физического объёма оборота розничной торговли (-0,649) и миграционное сальдо (-0,641).

Графическое распределение наиболее интерпретируемых положительных и отрицательных коэффициентов показано на рисунке (рис. 2).

Анализ показывает, что знаки взаимосвязей распределены не по простой оси «лучше — выше рождаемость» или «хуже — ниже рождаемость». Например, ввод жилья, рост доли трудовых доходов и социальных трансфертов сопряжены с более высокой рождаемостью, но одновременно рождаемость статистически снижается при росте жилищной обеспеченности на одного жителя, кредитной нагрузки и цифровой включённости. Следовательно, речь идёт не об одном универсальном механизме, а о сосуществовании как минимум двух различных процессов.

Первый процесс можно условно назвать ресурсно-поддерживающим. Он проявляется там, где усиление материальной и институциональной базы семьи не сопровождается разрушением ориентации на детность, а напротив, помогает её реализовать. Второй процесс имеет модернизационно-сдерживающий характер. Он обнаруживается в тех показателях, которые отражают переход к более индивидуализированному, долговому, городскому и потребительски ориентированному укладу жиз-

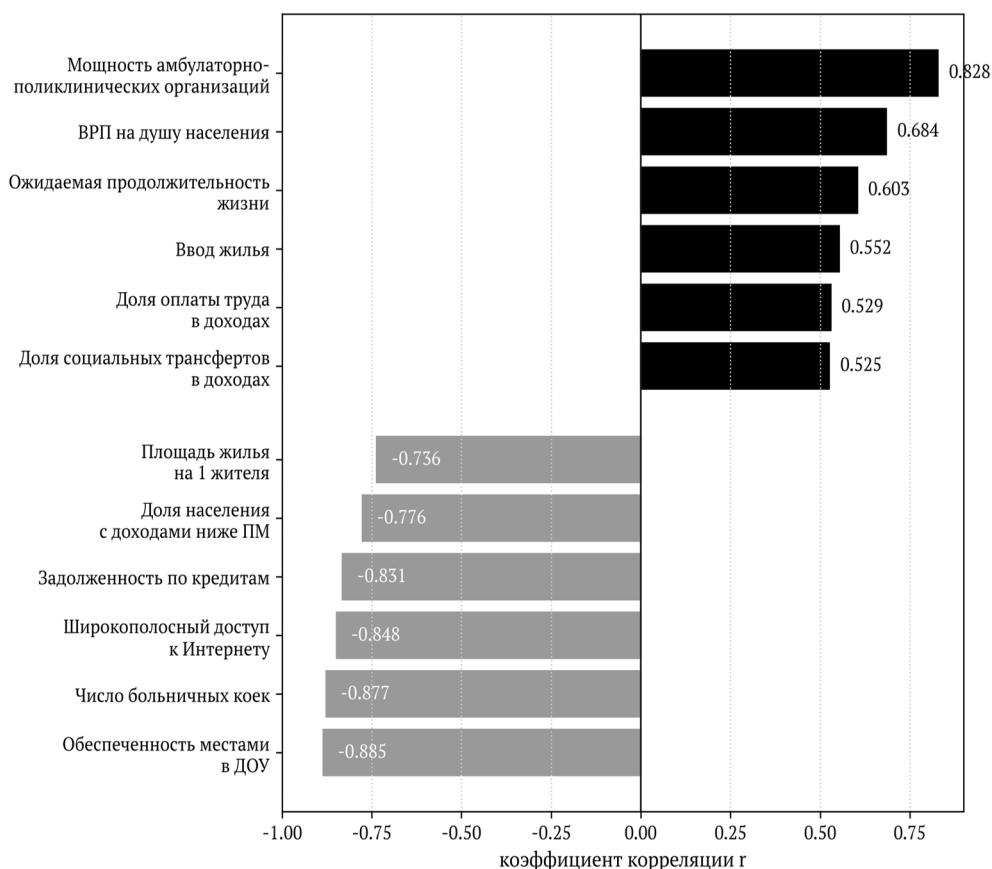

Рис. 2. Наиболее сильные положительные и отрицательные корреляции общего СКР с социально-экономическими показателями Тувы.

Fig. 2. Selected positive and negative correlations between total TFR and socio-economic indicators of Tuva.

ни. В Туве оба процесса действуют одновременно, и именно поэтому факторная картина рождаемости оказывается внутренне противоречивой.

Благосостояние, бедность и структура доходов

Блок показателей благосостояния даёт, на первый взгляд, неоднозначную картину. С одной стороны, положительные коэффициенты получены по доле оплаты труда в структуре денежных доходов (0,529) и по доле социальных трансфертов (0,525). С другой стороны, отрицательные коэффициенты фиксируются по денежным расходам домашних хозяйств (-0,570), располагаемым ресурсам (-0,549), сбережениям (-0,532), доле «других доходов» (-0,567) и особенно по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума (-0,776).

Такое сочетание требует аккуратной интерпретации. Отрицательная связь с бедностью содержательно вполне ясна: в Туве более высокая рождаемость статистически наблюдается не там, где бедность глубже, а там, где она относительно слабее. Иначе говоря, высокий уровень рождаемости нельзя интерпретировать как прямой эффект хронической депривации. Напротив, снижение бедности, вероятно, создаёт условия для сохранения уже сложившейся высокой потребности в детях. Этот вывод принципиален и для демографической политики, и для теории: борьба с бедностью в Туве не противоречит задаче поддержания рождаемости.

Положительная связь рождаемости с долей оплаты труда и социальных трансфертов позволяет сделать следующий шаг в интерпретации. Для Тувы важен не только абсолютный объём ресурсов, но и характер их происхождения. Там, где большее значение в доходах семей имеют труд и гарантирован-

ные социальные выплаты, рождаемость оказывается устойчивее. Это согласуется с выводами о факторах второго ребёнка и значимости блоков «труд» и «финансы» в российской рождаемости (Ростовская и др., 2021; Козлова, Макарова, Архангельский, 2024). В регионе с высокой рождаемостью базовая установка на детность, по-видимому, не нуждается в создании с нуля; ей требуется прежде всего ресурс для реализации.

В то же время отрицательные корреляции с денежными расходами, располагаемыми ресурсами и сбережениями нужно трактовать осторожнее. Эти показатели являются номинальными и потому в значительной степени впитывают общий тренд инфляции, роста цен и монетизации экономики. Их отрицательный знак нельзя напрямую переводить как утверждение, будто рост расходов или ресурсов сам по себе снижает рождаемость. Скорее он фиксирует то, что на длительном временном интервале более поздние и более монетизированные этапы социально-экономического развития Тувы совпали со снижением рождаемости после прохождения её пика. Следовательно, для аналитических и управленческих выводов гораздо важнее структурные характеристики доходов и бедности, чем сами абсолютные рублёвые величины.

Жилищные условия, кредитование и потребительская модернизация

Жилищно-финансовый блок обнаруживает наиболее выразительное внутреннее расслоение. С положительным знаком связан ввод жилой площади (0,552) и умеренно — число семей, нуждающихся в жилом помещении (0,353). С отрицательным знаком связаны общая площадь жилых помещений на одного жителя (-0,736), жилищные кредиты (-0,791), ипотечные кредиты (-0,791), задолженность по кредитам в целом (-0,831) и просроченная ипотечная задолженность (-0,589). Дополнительным индикатором того же модернизационного сдвига выступает доля домохозяйств с широкополосным доступом к Интернету (-0,848).

Положительная корреляция с вводом жилья вполне логична и содержательно убедительна. Новое жильё, даже если распределено крайне неравномерно, расширяет потенциальную возможность отделения молодых семей, снижает перенаселённость домохозяйств и делает реализацию репродуктивных планов менее затратной (Ситковский, Деловарова, 2025). Для Тувы, где многодетность и межпоколенная семейная кооперация распространены шире, чем в среднем по России, сам факт расширения жилищного фонда может иметь более сильное демографическое значение, чем в урбанизированных регионах с низкой детностью.

Напротив, отрицательная связь с общей площадью жилья на одного жителя на первый взгляд выглядит парадоксально. Однако для региона с высокой рождаемостью она вполне объяснима. Показатель «квадратные метры на человека» растёт не только от улучшения условий, но и за счёт замедления естественного прироста, уменьшения средней детности в домохозяйстве и старения населения. Поэтому его отрицательная корреляция со СКР скорее выражает сам эффект демографической трансформации: по мере снижения рождаемости средняя жилищная обеспеченность на человека растёт, а не наоборот. Аналогичную осторожность необходимо соблюдать и при интерпретации числа семей, нуждающихся в жилье: умеренно положительная связь здесь отражает скорее то, что высокая рождаемость порождает больший жилищный дефицит, чем то, что сам дефицит стимулирует деторождение.

Наиболее показательна отрицательная связь рождаемости с кредитной задолженностью. Совокупная, жилищная и ипотечная задолженность демонстрируют коэффициенты от -0,791 до -0,831. Это позволяет говорить о том, что вовлечение домохозяйств в долговую модель потребления статистически сопряжено со снижением рождаемости. Для молодой семьи кредит — это, с одной стороны, инструмент решения жилищной проблемы, но, с другой стороны, фактор жёсткой фиксации бюджета и роста неопределённости. В условиях Тувы этот эффект, вероятно, усиливается сравнительно низкой устойчивостью доходов и высокой долей семей, чувствительных к любому ухудшению финансового положения.

Отрицательная корреляция с широкополосным доступом к Интернету усиливает эту интерпретацию. Сама по себе цифровая включённость, разумеется, не снижает рождаемость. Но она хорошо маркирует переход к более модернизированному и индивидуализированному укладу, где возраст вступления в брак повышается, образовательные и профессиональные траектории удлиняются,

а детность сильнее конкурирует с другими жизненными стратегиями. Тем самым Интернет в статистике выступает не прямым фактором, а индикатором более глубокой социальной трансформации, ослабляющей прежнюю норму высокой детности.

Экономическая динамика и потребительский профиль

Связь рождаемости Тувы с макроэкономическими индикаторами неоднородна. Положительный коэффициент с ВРП на душу населения (0,684) показывает, что в рамках внутритувинской динамики экономический рост не сопровождался автоматическим падением рождаемости. Напротив, на тех этапах, когда экономика региона в расчёте на душу населения была сильнее, рождаемость сохраняла более высокие значения. Это противоречит упрощённой модернизационной гипотезе и ближе к тем работам, где подчёркивается возможность сосуществования экономического роста и сравнительно высокой рождаемости при наличии сильных семейных и культурных норм (Вишневыский, 1982: 190–214; Гончарова, Савельев, 2004: 6–7; Гайфуллин, 2022: 128–142; Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023: 41–42).

Вместе с тем индекс физического объёма оборота розничной торговли имеет заметную отрицательную связь со СКР (-0,649). Эта корреляция хорошо укладывается в логику потребительской модернизации. В отличие от ВРП, который может отражать общий экономический потенциал территории, розничная торговля ближе к повседневным практикам потребления. Следовательно, чем сильнее домохозяйства включены в расширяющийся потребительский контур, тем выше вероятность конкуренции между расходами на детей и иными потребительскими целями.

Именно сопоставление двух этих показателей — ВРП на душу населения и оборота розничной торговли — помогает уточнить характер экономического эффекта. Для Тувы важен не любой экономический рост, а его форма. Если рост выражается в укреплении доходной базы, бюджетной обеспеченности и строительстве, он может поддерживать рождаемость. Если же он прежде всего переводится в расширение потребительского поведения и долговой нагрузки, эффект оказывается обратным. В терминах экономического подхода Г. Беккера к рождаемости это можно интерпретировать как выбор домохозяйства между расходами на детей, повышением их «качества» и альтернативными направлениями потребления: когда дополнительные ресурсы снижают стоимость реализации уже имеющихся репродуктивных намерений и направляются в жильё, здоровье и инфраструктуру детства, они способны поддерживать рождаемость; когда же они уходят в конкурирующее потребление и долговые обязательства, субъективная цена рождения ребенка возрастает (Becker, 1960; Vogl, 2016).

Социальная инфраструктура и здоровье населения

Один из самых сложных для интерпретации блоков показателей связан с образованием, здравоохранением и заболеваемостью. Наибольшие по модулю коэффициенты всей матрицы относятся именно сюда: обеспеченность местами в дошкольных образовательных организациях имеет коэффициент -0,885, число больничных коек -0,877, тогда как мощность амбулаторно-поликлинических организаций, напротив, даёт положительную связь 0,828. Кроме того, положительно со СКР коррелируют ожидаемая продолжительность жизни (0,603) и ряд показателей зарегистрированной заболеваемости.

Буквальное прочтение отрицательной связи рождаемости с местами в ДОУ было бы методически неверным. Нельзя утверждать, будто дефицит детских садов повышает рождаемость. Более убедительно эта связь объясняется последовательностью событий: статистически значимое повышение суммарного коэффициента рождаемости в Туве пришлось на период после введения федеральных и региональных мер поддержки семей, включая материнский капитал; в этих условиях расширение дошкольной инфраструктуры запаздывало относительно возросшей нагрузки на неё (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023: 41–42; Вакуленко, Ивашина, Свистильник, 2023: 1077, 1087–1088; Мусин, 2024: 37–38). Следовательно, отрицательный коэффициент отражает не стимулирующий эффект дефицита, а хроническое запаздывание социальной инфраструктуры относительно демографического роста. Для Тувы этот вывод особенно важен, поскольку высокая рождаемость в сочетании с молодым возрастным составом населения закономерно повышает давление на дошкольную систему.

Аналогично следует трактовать и отрицательную связь с числом больничных коек. В России на длительном интервале сокращение стационарного фонда носило общестрановой характер и отражало институциональную перестройку здравоохранения. В такой ситуации падение коечного фонда в Туве совпало по времени с периодом ещё высокой, но уже снижающейся рождаемости, что и дало сильный отрицательный коэффициент. Следовательно, этот показатель нельзя считать прямым фактором снижения или повышения рождаемости; он скорее фиксирует фон структурной перестройки системы.

Положительная корреляция с мощностью амбулаторно-поликлинических организаций выглядит существенно более содержательной. В отличие от стационарного звена, амбулаторная сеть непосредственно связана с охраной материнства и детства, женскими консультациями, ранней диагностикой, профилактикой осложнений беременности и сопровождением детей первых лет жизни. Поэтому здесь уже можно говорить не только об индикаторе сопутствующего тренда, но и о возможном позитивном институциональном эффекте: чем доступнее повседневная амбулаторная помощь, тем устойчивее условия для рождения и воспитания детей.

Сходным образом интерпретируется положительная связь рождаемости с ожидаемой продолжительностью жизни. Этот показатель не является специальным «фактором рождаемости», но хорошо характеризует общий уровень социального благополучия и работоспособности систем жизнеобеспечения. Когда в регионе растёт ожидаемая продолжительность жизни, это, как правило, означает снижение остроты наиболее тяжёлых социальных рисков, повышение доступности базовой помощи и улучшение условий жизни. Для Тувы положительная связь между этими показателями особенно показательна: высокая рождаемость удерживается не на фоне тотального социального неблагополучия, а в более сложной конфигурации, где признаки общего улучшения социального самочувствия не разрушают, а поддерживают репродуктивное поведение.

Гораздо осторожнее нужно относиться к положительным коэффициентам по отдельным классам заболеваний — прежде всего по заболеваниям мочеполовой системы, глаза и инфекционным болезням. Эти показатели вряд ли можно считать самостоятельными факторами рождаемости. Скорее всего, они отражают более интенсивное обращение населения в медицинские организации, рост выявляемости, улучшение регистрации случаев и общий объём контактов с системой здравоохранения. В этом смысле они выступают статистическими спутниками расширения амбулаторной сети, а не самостоятельными рычагами демографического поведения. Такая трактовка согласуется с исследованиями, где система здравоохранения рассматривается как один из институтов, влияющих на воспроизводство населения, а для Тувы подчёркивается значение репродуктивного здоровья, сопровождения материнства и профилактической работы в региональных программах повышения рождаемости (Кривенко, 2021: 169–173; Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023: 36–39; Ростовская, Ситковский, Гишкаева, 2025: 243–244).

Миграция, урбанизация и пространственный контекст

Миграционный блок также содержит принципиально важные сигналы. Наиболее заметна отрицательная связь между рождаемостью и миграционным сальдо (-0,641), тогда как число выбывших имеет положительную корреляцию (0,556). Буквально из этого не следует, что отток населения повышает рождаемость. Здесь, как и в ряде других случаев, действует эффект селективности. Из Тувы в большей степени выезжают группы, связанные с образованием, городской занятостью и мобильными жизненными стратегиями. В структуре остающегося населения оказывается выше доля семей и локальных сообществ, для которых многодетность и более ранняя рождаемость культурно привычнее.

Содержательно это согласуется с работами, показавшими важную роль миграции в формировании современного демографического баланса Тувы (Абылкаликов, 2021; Абылкаликов, Баймурзина, 2022). Для региона характерна парадоксальная комбинация: естественный прирост остаётся высоким, а миграционный баланс — отрицательным. В таких условиях высокая рождаемость не отменяет демографических рисков, а сосуществует с ними. Более того, миграционный отток способен постепенно менять социальный состав населения таким образом, что краткосрочно рождаемость удерживается на относительно высоком уровне, но долгосрочно усиливается дефицит человеческого ка-

питала и возрастает зависимость региона от ограниченного числа внутренних демографических ресурсов.

Интересна и умеренно положительная связь рождаемости с долей городского населения (0,360). Этот результат отличает Туву от большинства межрегиональных исследований России, где урбанизация обычно снижает рождаемость (Ситковский, 2025). Внутри одного региона такой коэффициент можно объяснить иначе. Рост удельного веса городского населения в Туве связан не столько с завершённым переходом к мегаполисному образу жизни, сколько с концентрацией населения вокруг Кызыла и крупных районных центров при сохранении сильных родственных и этнокультурных связей, а также элементов сельского образа жизни. Иначе говоря, внутри Тувы урбанизация пока не тождественна глубокой модернизационной трансформации репродуктивного поведения. Такой тип пространственной концентрации близок к «ложной урбанизации»: формально население проживает в городском пространстве, однако по занятости, укладу повседневности и семейно-родственным практикам остаётся ближе к сельским сообществам. Это ещё один аргумент в пользу того, что механический перенос общероссийских моделей на Туву недостаточен.

Очерёдность рождений как аналитическая рамка интерпретации

Хотя основное корреляционное ядро статьи построено по общему суммарному коэффициенту рождаемости, интерпретация результатов требует учёта различий между первыми, вторыми и третьими рождениями. Российские исследования последних лет достаточно убедительно показывают, что факторы этих рождений различаются не только по силе, но и по направлению влияния (Ростовская и др., 2021; Козлова, Макарова, Архангельский, 2024; Калабихина, Кузнецова, 2025). Для первых рождений сравнительно важнее возрастные и брачные переходы, для вторых — устойчивость семейной экономики, жильё и условия совмещения родительства с занятостью, для третьих и последующих — локальная норма многодетности, окружение и накопленный семейный опыт.

На материалах Тувы это позволяет предложить несколько интерпретационных гипотез. Положительная связь общего СКР с трудовыми доходами, социальными трансфертами и вводом жилья с высокой вероятностью сильнее относится ко вторым рождениям, поскольку именно они наиболее чувствительны к вопросу, сможет ли семья «расшириться» без разрушения достигнутого уровня повседневной устойчивости. Отрицательные связи с кредитной задолженностью и потребительской модернизацией, вероятно, также прежде всего затрагивают вторые рождения, которые чаще всего оказываются предметом рационального семейного выбора.

В отношении третьих и последующих рождений большую значимость, по-видимому, сохраняют средовые и культурные факторы, которые хуже улавливаются официальной статистикой. Этнокультурная устойчивость многодетности, более ранние брачные переходы и сильные семейно-родственные сети, отмечаемые в исследованиях по Туве, скорее всего, продолжают поддерживать этот сегмент рождаемости даже тогда, когда модернизационное давление усиливается (Анайбан, 2016; Гайфуллин, 2022; Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023). Поэтому общий СКР региона выглядит более устойчивым, чем это можно было бы ожидать, исходя только из показателей бедности, кредитования или цифровизации.

Наконец, различия по очередности рождений помогают объяснить и кажущиеся статистические парадоксы. Если часть факторов сдерживает откладываемые или «планируемые» вторые рождения, но при этом почти не затрагивает культурно закреплённые третьи рождения в определённых социальных группах, общий СКР может снижаться медленнее, чем в среднем по России, сохраняя видимость высокой устойчивости. Для Тувы такое сочетание весьма вероятно, и именно поэтому последующие исследования по мере накопления данных должны быть ориентированы специально на паритетно-специфический анализ.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что рождаемость Тувы определяется сложной и внутренне неоднородной конфигурацией факторов. Выявленная структура связей свидетельствует о смешанном характере факторного поля национального региона с высокой рождаемостью. Более высокая рождаемость статистически сопряжена с ростом ВРП на душу населения, увеличением вво-

да жилья, повышением доли трудовых доходов и социальных трансфертов, расширением амбулаторно-поликлинической помощи и ростом ожидаемой продолжительности жизни. С её ослаблением, напротив, связаны рост кредитной задолженности, расширение цифровой включённости, углубление потребительской модернизации, отрицательное миграционное сальдо и часть инфраструктурных диспропорций.

Главный вывод состоит в том, что Тува не укладывается ни в схему «бедный регион — высокая рождаемость», ни в простую линейную модель модернизационного спада рождаемости. Более адекватной является переходная модель, в которой традиционно высокая потребность в детях ещё сохраняется, но всё сильнее зависит от формы экономических и социальных изменений. Улучшение базовой ресурсной обеспеченности семьи поддерживает рождаемость, тогда как включение домохозяйств в долговую и индивидуализированную модель поведения статистически связано с её сдерживанием.

Практическое значение результатов заключается в возможности более адресной настройки демографической политики. Для Тувы приоритетными представляются поддержка трудовых доходов молодых и многодетных семей, сохранение социальных трансфертов, наращивание жилищного строительства, развитие амбулаторного звена охраны материнства и детства и опережающее расширение дошкольной инфраструктуры.

Наше исследование показывает ограниченность прямого переноса общероссийских моделей факторов рождаемости на Туву без поправки на её этнокультурную и пространственную специфику. Для дальнейших исследований наиболее перспективны муниципальный анализ внутри Тувы и специальное изучение факторов по очередности рождений по мере удлинения статистических рядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Анайбан, З. В. (2016) Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. № 2. С. 90–104.

Архангельский, В. Н. (2019) Региональная дифференциация рождаемости в России // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сб. ст. X Уральского демографического форума : в 2 т. / отв. ред. О. А. Козлова. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН. Т. 1/ 434 с. С. 16–27.

Архангельский, В. Н., Козлова, О. А., Калачикова, О. Н. (2023) Региональные различия показателей рождаемости в реальных поколениях в России (по данным переписи населения 2020 года) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 31. № S2. С. 1165–1170. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170>

Архангельский, В. Н., Фадеева, Т. А. (2022) Резервы повышения рождаемости в России: к методике оценки // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18, № 2. С. 162–176. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.2>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Багирова, А. П., Быкова, Д. Г., Ворошилова, А. И., Шмарова, И. В., Шубат, О. М. (2018) Рождаемость и родительство в России: детерминанты и региональная дифференциация / под ред. А. П. Багировой. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 157 с.

Вакуленко, Е. С., Ивашина, Н. В., Свистильник, Я. О. (2023) Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. Т. 19. № 4. С. 1077–1092. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10>

Вишневский, А. Г. (1982) Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М. : Финансы и статистика. 287 с.

Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Нонпарель. 288 с.

Ильдарханова, Ч. И., Ершова, Г. Н., Ершова, Ю. Н., Ибрагимова, А. А. (2022) Экономические факторы повышения рождаемости в Приволжском федеральном округе: ретроспективный анализ (2000–2020 гг.) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 13. № 2. С. 288–303. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303>

Калачикова, О. Н., Козлова, О. А., Архангельский, В. Н. (2022) Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 40. № 4. С. 105–138. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138>

Калабихина, И. Е., Кузнецова, П. О. (2025) Порядковый переход в рождаемости в России // Демографическое обозрение. Т. 12. № 2. С. 108–131. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27497>

Козлова, О. А., Макарова, Н. М., Архангельский, В. Н. (2024) Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 1. С. 76–90. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_76_90

Копылов, И. В. (2022) Факторы и причины снижения рождаемости у городского населения Красноярского края в конце 1950-х — начале 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. № 477. С. 126–132. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/477/14>

Красинец, Е. С., Шевцова, Т. В. (2021) О тенденциях и проблемах социально-демографического развития сельских территорий России // Евразийское научное объединение. № 7–2 (77). С. 92–94. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.5168565>

Кривенко, Н. В. (2021) Роль системы здравоохранения в развитии благоприятных социально-демографических трендов в России // Международный научно-исследовательский журнал. Т. 113. № 11–3. С. 169–173. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.108>

Логинев, В. Г. (2022) Особенности воспроизводства населения уральского севера // Экономика региона. Т. 18. № 3. С. 699–713. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-6>

Мандыт, М. К. (2017) Республика Тыва как регион устойчивого естественного прироста населения // Успехи современного естествознания. № 7. С. 91–95.

Мусин, Э. Р. (2024) Региональный материнский капитал в России: анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 3. С. 37–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3>

Ниворожкина, Л. И., Овчарова, Л. Н., Абазиева, К. Г. (2010) Социально-экономические факторы роста рождаемости в России // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). № 2. С. 12–21.

Попова, Л. А. (2022) Уровень и структура рождаемости населения Республики Коми: факторы, тенденции, перспективы // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 77–93. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.5>

Ростовская, Т. К., Архангельский, В. Н., Кучмаева, О. В., Судьин, С. А. (2021) Факторы рождения второго ребёнка в современной России (анализ социологического исследования) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29. № 3. С. 430–436. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436>

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Давлетшина, Л. А. (2023) Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

Ростовская, Т. К., Ситковский, А. М., Гишкаева, Л. Н. (2025) Методология и практика проведения демографической экспертизы на примере региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов» // Новые исследования Тувы. № 4. С. 233–253. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.13>

Рыбаковский, Л. Л., Фадеева, Т. А. (2024) Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия // Уровень жизни населения регионов России. № 2. С. 271–281. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_271_281

Рыбаковский, О. Л., Таюнова, О. А. (2012) Факторы роста рождаемости в России во втором пятилетии XXI века // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 5. С. 81–84.

Сигарева, Е. П. (2019) Новое в семейных отношениях: взгляд молодежи Северного Кавказа // Демографический и миграционный портрет Кавказа / отв. ред. С. В. Рязанцев, Г. И. Гаджимурадова / Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 2. М. : Экон-Информ. 258 с. С. 46–57.

Сигарева, Е. П., Сивоплясова, С. Ю. (2019) Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи // Logos et Praxis. № 1 (18). С. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.1.10>

Синельников, А. Б. (2025) Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин (по данным переписей) // Женщина в российском обществе. № 4. С. 83–101. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.4.6>

Ситковский, А. М. (2025) Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции изменения численности населения России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 375–385. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385>

Ситковский, А. М., Деловарова Л. Ф. (2025) Система расселения Республики Тыва: опорные населённые пункты // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.4>

Сукнёва, С. А., Барашкова, А. С., Постникова, К. Ю. (2020) Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13>

Тиникова, Е. Е. (2019a) Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. // Genesis: исторические исследования. № 2. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163>

Тиникова, Е. Е. (2019b) Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. // Genesis: исторические исследования. № 9. С. 81–92. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>

Филимонова, И. В., Ивершинь, А. В., Комарова, А. В., Кривошеева, О. И. (2023) Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. Т. 26, № 1. С. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.5>

Adserà, A. (2011) Where Are the Babies? Labor Market Conditions and Fertility in Europe // European Journal of Population. Vol. 27. No. 1. P. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-010-9222-x>

Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. (2013) Fertility in Advanced Societies: A Review of Research // European Journal of Population. Vol. 29. No. 1. P. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>

Becker, G. S. (1960) An Economic Analysis of Fertility // Demographic and Economic Change in Developed Countries / ed. by the National Bureau of Economic Research. New York : Columbia University Press. 536 p. P. 209–240.

Bergsvik, J. (2020) Linking Neighbors' Fertility: Third Births in Norwegian Neighborhoods // Comparative Population Studies. No. 45. P. 359–394. DOI: <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-21>

Billingsley, S. (2010) The Post-Communist Fertility Puzzle // Population Research and Policy Review. Vol. 29, No. 2. P. 193–231. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>

Kulu, H. (2013) Why Do Fertility Levels Vary between Urban and Rural Areas? // Regional Studies. Vol. 47. No. 6. P. 895–912. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.581276>

Kulu, H., Vikat, A. (2007) Fertility differences by housing type: The effect of housing conditions or of selective moves? // Demographic Research. Vol. 17. No. 26. P. 775–802. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.26>

Matysiak, A., Sobotka, T., Vignoli, D. (2021) The Great Recession and Fertility in Europe: A Sub-national Analysis // European Journal of Population. Vol. 37. P. 29–64. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09556-y>

Matysiak, A., Vignoli, D. (2008) Fertility and Women's Employment: A Meta-analysis // European Journal of Population. Vol. 24. No. 4. P. 363–384. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-007-9146-2>

Rindfuss, R. R., Guilkey, D. K., Morgan, S. P., Kravdal, Ø., Guzzo, K. B. (2007) Child care availability and first-birth timing in Norway // Demography. Vol. 44. No. 2. P. 345–372. DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2007.0017>

Sinyavskaya, O., Billingsley, S. (2015) The importance of job characteristics to women's fertility intentions and behavior in Russia // Genus. Vol. 71. No. 1. P. 23–59. DOI: <https://doi.org/10.4402/genus-542>

Sobotka, T., Skirbekk, V., Philipov, D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World // Population and Development Review. Vol. 37. No. 2. P. 267–306. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>

Vogl, T. S. (2016) Differential Fertility, Human Capital, and Development // The Review of Economic Studies. Vol. 83. No. 1. P. 365–401. DOI: <https://doi.org/10.1093/restud/rdv026>

Дата поступления: 12.04.2026 г.

Дата принятия: 06.05.2026 г.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. (2021) Features of demographic development of Tuva: The contribution of migration to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Abylkalikov, S. I. and Baymurzina, G. R. (2022) Features of demographic processes in the cities of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative analysis. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Anaiban, Z. V. (2016) Contemporary ethno-demographic characteristics of youth groups in Tuva and Khakassia. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 90–104. (In Russ.)
- Arkhangelsky, V. N. (2019) Regional differentiation of fertility in Russia. In: Kozlova, O. A. (ed.) *Socio-Economic and Demographic Aspects of the Implementation of National Projects in the Region. Proceedings of the 10th Ural Demographic Forum*. In 2 vols. Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. 434 p. P. 16–27. (In Russ.)
- Arkhangelsky, V. N., Kozlova, O. A. and Kalachikova, O. N. (2023) Regional differences in fertility indicators in real cohorts in Russia (based on the 2020 population census data). *Problemy sotsialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, vol. 31, no. S2, pp. 1165–1170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170>
- Arkhangelsky, V. N. and Fadeeva, T. A. (2022) Reserves for increasing fertility in Russia: On the methodology of assessment. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*. vol. 18, no. 2, pp. 162–176. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.2>
- Akhmetova, G. F. (2022) Migration processes in national republics with different levels of human development (the case of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>
- Bagirova, A. P., Bykova, D. G., Voroshilova, A. I., Shmarova, I. V. and Shubat, O. M. (2018) *Fertility and Parenthood in Russia: Determinants and Regional Differentiation*. Bagirova, A. P. (ed.). Yekaterinburg, Ural University Press. 157 p. (In Russ.)
- Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V. and Svistilnik, Ya. O. (2023) Regional maternity capital programmes: Impact on fertility in Russia. *Ekonomika regiona*, vol. 19, no. 4, pp. 1077–1092. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10>
- Vishnevsky, A. G. (1982) *Population Reproduction and Society: History, Present, and a Look into the Future*. Moscow, Finansy i statistika. 287 p. (In Russ.)
- Gaifullin, A. Yu. (2022) Ethno-demographic characteristics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Goncharova, G. S. and Saveliev, L. Ya. (2004) *Family and Marital Relations among the Peoples of Siberia: Problems, Trends, Prospects*. Popkov, Yu. V. (ed.). Novosibirsk, Nonparel. 288 p. (In Russ.)
- Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N., Ershova, Yu. N. and Ibragimova, A. A. (2022) Economic factors of increasing fertility in the Volga Federal District: A retrospective analysis (2000–2020). *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, vol. 13, no. 2, pp. 288–303. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.288-303>
- Kalachikova, O. N., Kozlova, O. A. and Arkhangelsky, V. N. (2022) Religious determinants of Russians' reproductive intentions. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom*, vol. 40, no. 4, pp. 105–138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138>
- Kalabikhina, I. E. and Kuznetsova, P. O. (2025) Parity progression in fertility in Russia. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 12, no. 2, pp. 108–131. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27497>
- Kozlova, O. A., Makarova, N. M. and Arkhangelsky, V. N. (2024) Methodological approach to assessing factor influence on fertility in Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 20, no. 1, pp. 76–90. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_76_90

Kopylov, I. V. (2022) Factors and causes of fertility decline among the urban population of Krasnoyarsk Krai in the late 1950s — early 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 477, pp. 126–132. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/477/14>

Krasinets, E. S. and Shevtsova, T. V. (2021) On trends and problems of socio-demographic development of rural areas in Russia. *Evrasiiskoe nauchnoe ob'edinenie*, no. 7–2 (77), pp. 92–94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.5168565>

Krivenko, N. V. (2021) The role of the healthcare system in developing favourable socio-demographic trends in Russia. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, vol. 113, no. 11–3, pp. 169–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.108>

Loginov, V. G. (2022) Features of population reproduction in the Ural North. *Ekonomika regiona*, vol. 18, no. 3, pp. 699–713. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-6>

Mandyt, M. K. (2017) The Republic of Tuva as a region of sustainable natural population increase. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, no. 7, pp. 91–95. (In Russ.)

Musin, E. R. (2024) Regional maternity capital in Russia: Analysis of differences in eligibility conditions, amount and target use. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, vol. 4, no. 3, pp. 37–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3>

Nivorozhkina, L. I., Ovcharova, L. N. and Abazieva, K. G. (2010) Socio-economic factors of fertility growth in Russia. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*, no. 2, pp. 12–21. (In Russ.)

Popova, L. A. (2022) Level and structure of fertility of the population of the Republic of Komi: Factors, trends, prospects. *Problemy razvitiya territorii*, vol. 26, no. 6, pp. 77–93. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.5>

Rostovskaya, T. K., Arkhangelsky, V. N., Kuchmaeva, O. V. and Sudin, S. A. (2021) Factors of second-birth in contemporary Russia (analysis of a sociological survey). *Problemy sotsialnoi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*, vol. 29, no. 3, pp. 430–436. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436>

Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. and Davletshina, L. A. (2023) Features of fertility in the Republic of Tuva (1991–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–49. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. and Gishkaeva, L. N. (2025) Methodology and practice of demographic assessment using the example of the regional programme “Increasing Birth Rates in the Republic of Tuva for 2023–2025”. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 233–253. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.13>

Rybakovsky, L. L. and Fadeeva, T. A. (2024) Regional dynamics of fertility in Russia in the second fifteen years of the 21st century. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 2, pp. 271–281. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281

Rybakovsky, O. L. and Tayunova, O. A. (2012) Factors of fertility growth in Russia in the second five-year period of the 21st century. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, no. 5, pp. 81–84. (In Russ.)

Sigareva, E. P. (2019) New trends in family relations: The view of North Caucasus youth. In: Ryazantsev, S. V., Gadzhimuradova, G. I. (eds.) *Demographic and Migration Portrait of the Caucasus*. Series “Demography. Sociology. Economy”. Vol. 5, no. 2. Moscow, Ekon-Inform. 258 p. P. 46–57. (In Russ.)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2019) Fertility and religiosity in Russia: Assessing the relationship. *Logos et Praxis*, no. 1 (18), pp. 104–115. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.1.10>

Sinelnikov, A. B. (2025) The impact of demographic policy on marriage and fertility in different cohorts of Russian men and women (based on census data). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 4, pp. 83–101. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.4.6>

Sitkovsky, A. M. (2025) The impact of state agglomeration policy on the long-term trends in population size in Russia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie*, vol. 12, no. 3, pp. 375–385. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385>

Sitkovsky, A. M. and Delovarova, L. F. (2025) Settlement system of the Republic of Tuva: Key settlements. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–91. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.4>

Suknyova, S. A., Barashkova, A. S. and Postnikova, K. Yu. (2020) Fertility, number of children and family income: Trends and interrelations. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 13, no. 2, pp. 201–213. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13>

Tinikova, E. E. (2019a) Age and sex structure of the population of the cities of Southern Siberia in the mid-20th — early 21st century. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 74–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163>

Tinikova, E. E. (2019b) Marriage and divorce rates of the population of the cities of Southern Siberia in the mid-20th — early 21st century. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 81–92. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>

Fillimonova, I. V., Ivershin, A. V., Komarova, A. V. and Krivosheeva, O. I. (2023) Factors influencing the decision to have a child and the number of children among women in Russia. *Narodonaselenie*, vol. 26, no. 1, pp. 55–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.5>

Adserà, A. (2011) Where Are the Babies? Labor Market Conditions and Fertility in Europe. *European Journal of Population*, vol. 27, no. 1, pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-010-9222-x>

Balbo, N., Billari, F. C. and Mills, M. (2013) Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population*, vol. 29, no. 1, pp. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>

Becker, G. S. (1960) An Economic Analysis of Fertility. In: *Demographic and Economic Change in Developed Countries* / ed. by the National Bureau of Economic Research. New York, Columbia University Press. 536 p. Pp. 209–240.

Bergsvik, J. (2020) Linking Neighbors' Fertility: Third Births in Norwegian Neighborhoods. *Comparative Population Studies*, no. 45, pp. 359–394. DOI: <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-21>

Billingsley, S. (2010) The Post-Communist Fertility Puzzle. *Population Research and Policy Review*, vol. 29, no. 2, pp. 193–231. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>

Kulu, H. (2013) Why Do Fertility Levels Vary between Urban and Rural Areas? *Regional Studies*, vol. 47, no. 6, pp. 895–912. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.581276>

Kulu, H. and Vikat, A. (2007) Fertility differences by housing type: The effect of housing conditions or of selective moves? *Demographic Research*, vol. 17, no. 26, pp. 775–802. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.26>

Matysiak, A., Sobotka, T. and Vignoli, D. (2021) The Great Recession and Fertility in Europe: A Sub-national Analysis. *European Journal of Population*, vol. 37, pp. 29–64. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09556-y>

Matysiak, A. and Vignoli, D. (2008) Fertility and Women's Employment: A Meta-analysis. *European Journal of Population*, vol. 24, no. 4, pp. 363–384. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-007-9146-2>

Rindfuss, R. R., Guilkey, D. K., Morgan, S. P., Kravdal, Ø. and Guzzo, K. B. (2007) Child care availability and first-birth timing in Norway. *Demography*, vol. 44, no. 2, pp. 345–372. DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2007.0017>

Sinyavskaya, O. and Billingsley, S. (2015) The importance of job characteristics to women's fertility intentions and behavior in Russia. *Genus*, vol. 71, no. 1, pp. 23–59. DOI: <https://doi.org/10.4402/genus-542>

Sobotka, T., Skirbekk, V. and Philipov, D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*, vol. 37, no. 2, pp. 267–306. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>

Vogl, T. S. (2016) Differential Fertility, Human Capital, and Development. *The Review of Economic Studies*, vol. 83, no. 1, pp. 365–401. DOI: <https://doi.org/10.1093/restud/rdv026>

Submission date: 12.04.2026.

Acceptance date: 06.05.2026.

Социальное самочувствие в условиях парадокса закона Энгеля: институциональный анализ на материалах социологического исследования в Республике Тыва

Татьяна Г. Анисимова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Евгений О. Кубякин, Владимир В. Плотников

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Российская Федерация

В статье рассматривается феномен социального самочувствия населения Республики Тыва в контексте парадокса закона Энгеля — ситуации, когда высокая доля расходов на удовлетворение базовых потребностей (признак бедности, по закону Энгеля) сочетается с относительно благополучным субъективным восприятием жизни.

Исследование выявляет, почему при низких объективных показателях уровня жизни (высокий уровень бедности, низкие доходы) в рамках обследованной выборки наблюдается сравнительно высокий уровень удовлетворенности жизнью. В рамках институционального подхода анализируются данные социологического опроса населения республики 2021 г. (n=139), а также 2025 г. (n=142) и статистические показатели (уровень бедности, структура экономики Тувы). Показано, что большинство опрошенных положительно оценивают свою жизнь и адаптированы к условиям низкого материального обеспечения, что противоречит ожиданиям, вытекающим из закона Энгеля.

В качестве результатов приводятся распределения доходов и самооценок респондентов, а также индикаторы социального настроения (социального самочувствия). Обсуждение фокусируется на институциональных факторах: традиционном укладе и семейных связях, господдержке (социальные выплаты) и ограниченности материальных «стандартов» потребления, которые совместно смягчают негативное влияние бедности на субъективное благополучие. Несмотря на общее позитивное самочувствие, отмечают уязвимые группы (например, женщины чаще испытывают одиночество и тревожность).

Подчеркивается значение комплексного учета объективных и субъективных индикаторов качества жизни и формулируются рекомендации по усилению институтов, нацеленных на повышение уровня жизни в регионе без утраты социального благополучия.

Ключевые слова: социальное самочувствие; закон Энгеля; бедность; материальная самооценка; субъективное благополучие; институциональный анализ; социальный институт; уровень жизни; качество жизни; Республика Тыва

Для цитирования:

Анисимова Т. Г., Кубякин Е. О., Плотников В. В. Социальное самочувствие в условиях парадокса закона Энгеля: институциональный анализ на материалах социологического исследования в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 272-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.16>

Анисимова Татьяна Германовна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦРАН. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. Эл. адрес: anissimova07@gmail.com

Кубякин Евгений Олегович — доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского Экономического Университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, ул. Стремянный пер., д. 36. Эл. адрес: tspoz@yandex.ru

Плотников Владимир Валериевич — доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского Экономического Университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, ул. Стремянный пер., д. 36. Эл. адрес: sociometriya@mail.ru

Social Well-Being under the Engel's Law Paradox: An Institutional Analysis Based on Sociological Research in the Republic of Tuva

Tatiana G. Anisimova

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Evgeny O. Kubyakin, Vladimir V. Plotnikov

Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

The article examines the phenomenon of social well-being of the population of the Republic of Tuva in the context of the Engel's law paradox—a situation in which a high share of expenditures on basic needs (an indicator of poverty according to Engel's law) coexists with a relatively positive subjective perception of life.

The study explains why, despite low objective indicators of living standards (high poverty rates and low incomes), the surveyed sample demonstrates a comparatively high level of life satisfaction. Within an institutional framework, the analysis draws on data from sociological surveys conducted in the republic in 2021 (n=139) and 2025 (n=142), as well as statistical indicators (poverty rates and the structure of Tuva's economy). It is shown that most respondents positively assess their lives and are adapted to conditions of low material provision, which contradicts expectations derived from Engel's law.

The results include distributions of respondents' incomes and self-assessments, as well as indicators of social sentiment (social well-being). The discussion focuses on institutional factors: traditional ways of life and family ties, state support (social benefits), and limited material consumption "standards," which together mitigate the negative impact of poverty on subjective well-being. Despite the generally positive social well-being, vulnerable groups are identified (for example, women more often report feelings of loneliness and anxiety).

The article emphasizes the importance of a comprehensive consideration of both objective and subjective indicators of quality of life and formulates recommendations for strengthening institutions aimed at improving living standards in the region without compromising social well-being.

Keywords: social well-being; Engel's law; poverty; material self-assessment; subjective well-being; institutional analysis; social institution; standard of living; quality of life; Republic of Tuva

For citation:

Anisimova T. G., Kubyakin E. O. and Plotnikov V. V. Social Well-Being under the Engel's Law Paradox: An Institutional Analysis Based on Sociological Research in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 272-289. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.16>

ANISIMOVA, Tatiana Germanovna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: Building 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, Russia. E-mail: anisimova07@gmail.com

KUBYAKIN, Evgeny Olegovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow, Russia. E-mail: tspopz@yandex.ru

PLOTNIKOV, Vladimir Valerievich, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow, Russia. E-mail: sociometriya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2130-7357

Введение

Проблематика социального самочувствия населения приобретает особую актуальность в регионах с низкими социально-экономическими показателями. Под социальным самочувствием обычно понимается эмоционально-оценочное отношение людей к окружающей социальной реальности и своему месту в ней, отражающее степень удовлетворенности базовых потребностей и уровень адаптации к условиям жизни. Республика Тыва на протяжении последних лет стабильно демонстрирует одни из самых низких показателей качества жизни в Российской Федерации. По итогам 2020 г. доля населения Тувы с доходами ниже официальной черты бедности достигала 34,1%¹, что стало максимальным значением по стране. К 2022 г. уровень бедности снизился до 28,8%², однако регион по-прежнему возглавляет антирейтинги бедности и социального неблагополучия. Согласно закону Энгеля (Engel, 1857), чем ниже доходы семьи, тем больше доля этих доходов уходит на удовлетворение первичных (продовольственных) потребностей. Прямым следствием этого становится неудовлетворенность других потребностей и, соответственно, низкий уровень субъективного благополучия. Это определяет применение коэффициента Энгеля при оценке качества жизни населения. Международные классификации уровня жизни на основе коэффициента Энгеля относят страны с долей расходов на питание свыше 60% к категории крайне бедных. В этой связи Тува, характеризующаяся низкими среднедушевыми доходами (в 2021 г. — около 20 тыс. руб. в месяц)³ и значительной бюджетной нагрузкой на удовлетворение базовых нужд, должна была бы относиться к регионам с крайне низким уровнем субъективного благополучия населения.

Однако эмпирические наблюдения фиксируют парадоксальное явление: несмотря на объективные материальные трудности, многие жители Тувы не оценивают свое положение как катастрофическое и демонстрируют довольно высокий уровень удовлетворенности жизнью. Социологические исследования и статистические данные указывают, что население субъективно адаптировано к экономическим реалиям региона. Например, данные проведенного одним из соавторов статьи эмпирического исследования (Анисимова, 2023) свидетельствуют о том, что большинство тувинцев характеризуют свои семьи как «обеспеченные» или по крайней мере не считают себя бедными, даже если по официальным критериям их доходы относятся к малообеспеченным. Это противоречие между низкими объективными показателями уровня жизни и относительно благополучным субъективным восприятием своей жизни мы обозначаем как «парадокс закона Энгеля» применительно к социальному самочувствию⁴.

Для объяснения данного парадокса в настоящем исследовании используется институциональный анализ, опирающийся на совокупность экономических, социальных и культурных институтов, влияющих на поведение и установки населения. Институциональный подход предполагает рассмотрение не только экономических показателей, но и неформальных норм, традиций, а также механизмов государственной политики, формирующих адаптационные стратегии людей в условиях хронической бедности.

Таким образом, *цель исследования* состоит в том, чтобы выявить и объяснить причины сохранения относительно высокого уровня социального самочувствия населения Республики Тыва при низких объективных показателях уровня жизни, интерпретируя данное противоречие как проявление «парадокса закона Энгеля» в институциональном контексте.

¹ Росстат. Уровень бедности по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (2018–2024 гг.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_52.xlsx (дата обращения: 26.02.2026).

² Там же.

³ Росстат. Уровень бедности по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (2018–2024 гг.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_52.xlsx (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Стоит отметить, что классическая формулировка закона Энгеля не затрагивает проблематику социального благополучия: в его рамках описывается статистическая связь между уровнем дохода и долей расходов на питание. Однако практика применения данного закона в комплексных исследованиях социального самочувствия приобрела устойчивый характер. Выбранная автором формулировка «парадокс закона Энгеля» указывает не на ошибочность корреляции между доходами и тратами на продовольствие, но на ограничения применения подхода, при котором социальное самочувствие населения оценивается на основании коэффициента Энгеля.

Для выполнения поставленной цели определен следующий круг задач:

- определить характеристики объективных социально-экономических показателей Республики Тыва (уровень бедности, доходы населения, структура потребления, динамика прожиточного минимума и заработной платы);
- оценить субъективные показатели социального самочувствия населения на основе данных социологических опросов;
- сопоставить объективные и субъективные показатели уровня жизни с целью выявления расхождения между ними;
- интерпретировать выявленные результаты в контексте закона Энгеля, парадокса Истерлина, описывающего расхождение динамики доходов и субъективного благополучия, и институционального подхода.

В качестве объекта исследования выступает социальное самочувствие населения Республики Тыва в условиях низкого уровня материального обеспечения. Предмет исследования — институциональные факторы и механизмы, обеспечивающие сохранение позитивного уровня субъективного благополучия населения Республики Тыва при объективно низких показателях доходов.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют классические положения экономической теории потребления (закон Энгеля), концепции субъективного благополучия (в том числе понятие «общественное настроение» и социального самочувствия в отечественной социологии), а также подходы институциональной экономики (роль формальных и неформальных институтов в воспроизводстве бедности и адаптации к ней).

Источниковая база настоящего исследования включает в себя данные авторского социологического опроса, а также статистические сведения о социально-экономическом положении Республики Тыва.

Социологический опрос населения Республики Тыва был проведен в 2021 г. методом анкетирования в г. Кызыл (n = 139 человек). Опрос охватил совершеннолетних жителей Республики разных полов, возрастов, социального положения. Анкета включала блоки вопросов о материальном положении семьи, удовлетворенности различными сферами жизни, эмоциональном состоянии и жизненных ориентирах респондентов. Полученные данные были обработаны с использованием описательной статистики и методов анализа связей между признаками¹ (Анисимова, 2023). В 2025 г. в г. Кызыл было проведено повторное исследование (n = 142 человека), ключевые вопросы и индикаторы которого остались теми же.

Также в тексте использованы статистические данные по Республике Тыва. В их число входят находящиеся в открытом доступе данные Федеральной службы государственной статистики², данные Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва³, данные Министерства труда и социальной политики Республики Тыва⁴, результаты социологических опросов,

¹ Составлены частотные распределения, таблицы сопряженности по ключевым переменным.

² Росстат. Уровень бедности по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (2018–2024 гг.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_52.xlsx (дата обращения: 26.02.2026); Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации с 2021 по 2026 годы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm> (дата обращения: 05.05.2026); Уровень бедности по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации, 2018–2024 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.05.2026).

³ Экономика в цифрах [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. 2023. URL: <https://mert.rtyva.ru/p/019c1784-85d4-7695-a803-63040052fa0a/ekonomika-v-tsifrakh> (дата обращения: 05.05.2026); Экономика в цифрах [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. URL: <https://mert.rtyva.ru/p/019c1784-85d4-7695-a803-63040052fa0a/ekonomika-v-tsifrakh> (дата обращения: 05.05.2026); Прогноз социально-экономического развития Республики Тыва на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. 2024. URL: https://mert-tuva.ru/wp-content/uploads/2024/11/prognoz_ser_rt_na_2025g_i_na_planovyj_period_2026_i_2027_gg.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

⁴ Минтруд Тувы подвел итоги работы за 2025 год и определил задачи на 2026 год [Электронный ресурс] // ТуваМедиаГрупп. 2026. 12 февраля. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/mintrud-tuvy-podvel-itogi-raboty-za-2025-god-i-opredelil-zadachi-na-2026-god/> (дата обращения: 05.05.2026).

проведенных ВЦИОМ¹, данные Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества², а также статистические данные опубликованные в региональных социологических исследованиях отдельных авторов. Для интерпретации полученных результатов привлекались также аналитические материалы о социально-экономической специфике Тувы.

Обзор литературы

Теоретическая основа исследования включает в себя несколько направлений научной литературы, освещающих парадоксальную ситуацию сочетания бедности и высокого субъективного благополучия.

Во-первых, работы по закону Энгеля (Engel, 1857) показывают типичную зависимость: с ростом дохода доля расходов на питание снижается. Так, М. Чен (Chen, 2022) на примере провинций Китая подтвердил справедливость закона Энгеля, выявив, что при учете цен на продовольствие доля расходов на еду у беднейших домохозяйств существенно выше, чем у богатых. Аналогично, новейшие российские исследования фиксируют, что по мере повышения благосостояния структура потребления смещается от товаров первой необходимости к более дорогим продуктам. Авторы в региональном анализе подчеркивают классическую закономерность — у бедных групп чрезвычайно высока доля трат на питание, хотя в экстремальных случаях возможен парадокс Гиффена — рост спроса на дешевые базовые продукты вопреки росту цен (Jensen, Miller, 2008; Deaton, 2018; Нигматуллина и др., 2025). Эти работы задают методологическую базу для оценки уровня жизни; согласно закону Энгеля, Республика Тыва с ее низкими доходами должна была бы демонстрировать крайне низкое субъективное благополучие и высокий коэффициент Энгеля (более 60% расходов на еду). Однако эмпирически наблюдается отклонение от этой модели.

Во-вторых, литература по субъективному благополучию и парадоксу Истерлина (Easterlin, 1974) объясняет, почему рост доходов не всегда ведет к росту удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1999; Stevenson, Wolfers, 2008). Классическое исследование А. Кларк и др. (Clark, Frijters, Shields, 2007) показало, что счастье зависит не столько от абсолютного дохода, сколько от относительного — сравнений с окружением и собственными прежними достижениями. Это объясняет, почему в бедных сообществах люди могут быть довольны жизнью: адаптация и невысокие относительные притязания сглаживают эффект низкого дохода. Сам Р. Истерлин с соавторами (Easterlin et al., 2010), пересмотрев данные по 37 странам, подтвердил отсутствие положительной долгосрочной связи между ростом ВВП и уровнем жизни — в ряде стран при удвоении доходов удовлетворенность не выросла либо даже снизилась. «Парадокс Истерлина» подчеркивает роль нематериальных факторов и адаптационных механизмов, что актуально и для Тувы. Существенный интерес в данном контексте представляет исследование П. В. Белопашенцевой, которая выявила расхождение между данными официальной статистики и субъективными показателями самооценки материального благополучия (Белопашенцева, 2023). В период 2020–2021 гг., во многом, под влиянием пандемии и связанных с ней потрясений, показатели бедности подверглись изменению, однако имело место расхождение между изменениями показателей фактической бедности и динамикой самовосприятия населения. Это говорит о том, что необходимо учитывать не только объективные экономические факторы, но и субъективные. В этом контексте С. А. Лепешкин обращает внимание на то, что социальное самочувствие представляет собой комплексный показатель благополучия человека в обществе, включающий в себя как удовлетворенность материальными условиями, так и чувство социальной защищенности (Лепешкин, 2020). При этом, немаловажным субъективным фактором выступает уровень социальных запросов и ожиданий, по отношению к которым осуществляется оценочная деятельность реальных условий жизни. В этом контексте даже при невысоких уровнях доходов население может сохранять благоприятное социальное самочувствие за счет психологической адаптации к внешним условиям и снижению ожиданий.

¹ Одиночество и как с ним бороться [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2021. 19 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 05.05.2026).

² Нестик Т. А. Доклад // Психологическое состояние российского общества : материалы совместного заседания НКС ООН РАН и НИИ ДДИП 18 марта 2023 года / под общ. ред. Г. А. Тосуняна. М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. С. 115–136.

В-третьих, значительную роль играет применение институционального подхода к осмыслению причин бедности и условий ее смягчения. В масштабном исследовании Д. Аджемоглу и Д. Робинсона данный вопрос раскрывается через постановку вопроса о специфике институтов, определяющих область социально-экономических отношений (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Проецирование данного подхода на социальные процессы, развертывающиеся в Туве, позволяет осмыслить как причины бедности в регионе, так и то, почему объективно высокий уровень бедности не приводит к социальному краху. Исследования региональной бедности (Мониторинг доходов ... , 2025) свидетельствуют о высоком уровне показателей абсолютной бедности в Туве. Ряд исследователей (Zubarevich, Safronov, 2024; Зубаревич, Макаренцева, Мкртчян, 2020) обращает внимание на тенденции обострения регионального неравенства в России, при котором аграрно-сырьевые районы (в число которых входит и Тува) отстают в уровне экономического развития, несмотря на специальные меры, предпринимаемые органами власти для преодоления неравенства. Причины этого заключаются в структуре экономики региона (отсутствие крупной производственной базы и преобладание натурального хозяйства), которая определяет образ жизни населения и ограниченный доступ к источникам материального благосостояния. Вместе с тем, несмотря на сравнительно низкий уровень доходов населения, существуют механизмы поддержки и самообеспечения (государственная поддержка, самостоятельное производство продуктов натурального хозяйства), которые позволяют населению поддерживать приемлемый уровень жизни. Бюджетные выплаты и дотации способствуют поддержанию приемлемого уровня жизни, а традиционный уклад и связанные с ним стандарты оценки качества жизни способствуют толерантности к социальным трудностям. Как результат, на фоне негативных статистических показателей доходов населения, его социальное самочувствие можно обозначить как приемлемое. Это указывает на значимость осмысления институциональных факторов (таких, как практики семейно-общинной взаимопомощи или политика субсидирования населения) в рамках осмысления парадокса, фиксируемого в регионе.

Наконец, авторами данной статьи ранее был проведен ряд социологических исследований в Туве, что позволяет рассмотреть описанное выше противоречие с учетом собранного эмпирического материала. На уровне предшествующих исследований (Анисимова и др., 2022) нами исследовались факторы самореализации тувинцев и было определено, что недостаточное удовлетворение базовых потребностей существенно ограничивает возможности осуществления личной самореализации в образовательной и культурной сферах. Это указывает на остроту проблемы материального положения жителей региона. Однако О. Д. Натсак фиксирует специфическую динамику материальной самооценки жителей Республики Тыва (Натсак, 2022). Исследователь на основе опросов, проведенных с 2019 по 2021 гг., отмечает, что численность семей, относящих себя к «бедным», снижается, в то время как растет число семей, относящих себя к среднеобеспеченным. Таким образом, наблюдается расхождение между объективной статистикой доходов населения и показателями его субъективной оценки достатка и материального благополучия.

Проведенный обзор научных работ свидетельствует о том, что выбранный подход обоснован как в теоретическом, так и в прикладном плане. Зарубежные и отечественные работы, в которых изучаются закон Энгеля и парадокс Истерлина, определяют теоретический контекст, относительно которого ситуация в регионе может быть охарактеризована как аномальная. На основании исследований региональной экономики в России фиксируется ряд объективных проблем, характеризующих материальное положение жителей региона. Вместе с тем, исследователи обращают внимание на устойчивость социального самочувствия тувинцев за счет действия адаптивных институтов. Применение институционального подхода в сочетании с междисциплинарными данными (результаты социологических опросов и официальная статистика) дает ключ к осмыслению того, каким образом складывается ситуация, при которой влияние бедности на социальное самочувствие жителей региона значительно смягчается под влиянием общественных институтов. Все рассмотренные источники — от макроанализа до конкретных региональных кейсов — конвергируют в том, что парадокс Тувы реален и наилучшим образом объясним через призму институционального анализа.

Методы исследования

Для оценки материального положения респондентов использовались два показателя: самооценка уровня обеспеченности семьи (вопрос: «Оцените уровень обеспеченности вашей семьи», катего-

рии ответа: богатая, обеспеченная, малообеспеченная, бедная) и средний доход на одного члена семьи (в расчете на месяц, по категориям от «до 3000 руб.» до «свыше 15000 руб.»). Совокупность вопросов блока «Социальное самочувствие» включала индикаторы субъективного благополучия и эмоционального состояния, среди них: удовлетворенность текущей жизнью, ощущение счастья в данный жизненный период, наличие либо отсутствие депрессивных настроений, чувство одиночества, уверенность в своих силах и будущем, интерес к жизни и др. Кроме того, респонденты оценивали состояние своего здоровья, качество бытовых условий, а также психологический климат в семье — эти показатели рассматривались как дополнительные объективно-субъективные детерминанты самочувствия.

На этапе описательного анализа получены распределения ответов по указанным переменным, позволившие охарактеризовать средний уровень субъективного благополучия в выборке. Для выявления скрытого «парадокса» производилось сопоставление объективных (доходы, материальные условия) и субъективных (удовлетворенность, эмоциональные реакции) показателей. Институциональный анализ проводился на основе интерпретации результатов с привлечением контекстуальной информации о социальных институтах Тувы. В частности, учитывались такие институциональные факторы, как преобладание сельского хозяйства и натурального хозяйства, дефицит крупных производств и частного бизнеса, высокая доля занятости в бюджетном секторе. Также учитывалось, что в регионе (особенно вне больших городов) преобладают традиционно большие семьи с высоким числом детей (что влияет на низкий доход на душу населения в семьях республики), прочные родственные связи, совместное проживание нескольких поколений (по данным опроса, около 10% респондентов проживают вместе с родственниками, нередко объединяя бюджеты). Государственная политика и социальные программы также имеют особенности (значительный объем социальных выплат и дотаций в регион, новые меры поддержки семей с детьми, введенные в 2020–2021 гг., и пр. Эти институты социальной защиты смягчают крайние проявления бедности). Культурно-психологические установки региона ориентированы на ценности скромного потребления, адаптивные поведенческие модели выживания, религиозно-этнические факторы (например, элементы буддийской и шаманистской культур, потенциально влияющие на восприятие материального успеха и жизненных трудностей).

Стоит отметить, что выборка опроса (139 чел. на первом этапе и 142 — на втором) является относительно небольшой, что накладывает ограничения на статистическую значимость некоторых выводов. Тем не менее, результаты представляют ценность как пилотажное исследование, отражающее общие тенденции. Для проверки выявленных закономерностей в будущем целесообразно расширить объем выборки и использовать более строгие методы статистического анализа (например, регрессионный анализ детерминант удовлетворенности жизнью).

Результаты

Применение закона Энгеля при анализе материального благосостояния в отдельных странах, регионах или домохозяйствах прочно укоренилось в исследовательскую практику. В настоящее время исследователи используют коэффициент Энгеля (количественный показатель, отражающий долю от общего числа доходов, затрачиваемую на приобретение продовольствия) для оценки материального благосостояния, а также косвенной оценки социального благополучия. Так, в исследовании Р. Анкера (Anker, 2011), посвященном современному применению закона Энгеля, прямо указывается на его роль в оценке материального уровня жизни населения. В 2023 г. южнокорейские исследователи осуществили глубокий анализ взаимосвязи коэффициента Энгеля и социального благополучия (Moon, Hwang, Lee, 2023). В их исследовании была обоснована связь между коэффициентом Энгеля и уровнем удовлетворенности жизнью. К сходным выводам пришли китайские исследователи, показавшие, что коэффициент Энгеля применим как индикатор социально-экономического положения и жизненного уровня. В российской науке к сходным выводам пришла Л. С. Чемидова (Чемидова, 2019), рассмотревшая применимость закона Энгеля для оценки уровня жизни на примере ситуации в Калмыкии.

Республика Тыва демонстрирует атипичную картину в контексте закона Энгеля: несмотря на самые низкие в стране доходы населения (~20 тыс. руб. на человека в месяц), доля расходов на питание здесь не является максимальной. По данным за 2021 г. (Пастухова, Бельчик, Кочнева, 2023: 11),

тувинские семьи тратят на продукты порядка 29% своего бюджета — относительно низкий показатель среди регионов РФ. Для сравнения, по данным на 2022 г., в Ингушетии этот показатель составил 59%, в Дагестане — 55%, Чукотском автономном округе — 48%, а в среднем по России доля расходов на питание составляет 32.9% (Анищенко, Усманов, 2023: 4296). Таким образом, при крайне низком уровне доходов населения Тува выбивается из общей статистики и не демонстрирует превышение доли трат на питание (по отношению к средним показателям по стране), нарушая ожидаемую закономерность Энгеля.

Причины, по которым коэффициент Энгеля в Туве не максимален, могут быть объяснены особенностями социокультурного уклада и институтов региона. К ключевым факторам относятся: натуральное хозяйство, господдержка, семейная взаимопомощь и адаптивные стратегии. С одной стороны, многие сельские домохозяйства самостоятельно производят значительную часть продуктов питания, что существенно снижает их денежные расходы на еду. С другой стороны, традиционно сильные родственные связи и проживание нескольких поколений вместе способствуют перераспределению ресурсов и взаимной поддержке, не позволяя отдельным членам семьи остаться без средств (Социально-стратификационные ... , 2020). Длительная жизнь в условиях бедности выработала психологическую адаптацию — сниженные материальные ожидания. Многие жители не воспринимают свое положение как абсолютную бедность: людям хватает того, что они получают, и они довольствуются удовлетворением базовых нужд. При этом Тува — один из самых дотационных регионов России; обширные федеральные трансферты на социальные нужды обеспечивают поддержку населения и предотвращают состояние крайней нужды.

Отмеченный парадокс имеет параллели и в других бедных регионах. В традиционных аграрных обществах с высоким уровнем натурального самоснабжения, а также в экономиках с масштабным субсидированием продовольствия, фиксируется сравнительно низкий коэффициент Энгеля даже при невысоких доходах населения (Зубаревич, Сафронов, 2019). В этом контексте целесообразно осуществление междисциплинарного анализа: экономические индикаторы без учета социально-культурного контекста и характера институциональных процессов могут искажать реальную картину благосостояния. Интеграция экономических, социологических и институциональных подходов позволяет объяснить несоответствие между объективной бедностью и структурой потребления населения в регионе.

Приведем некоторую в контексте нашего исследования значимую статистику. Среднедушевые номинальные денежные доходы на душу населения в Республике Тыва (в расчете на месяц) существенно выросли за 2021–2024 гг. Если в 2021 г. они составляли около 20 435 руб. в месяц, то в 2022 г. — уже 24 460 руб.¹, что соответствует росту почти на 20%. В 2023 г. среднедушевой доход достиг 28 934 руб.² (еще на ~18% выше предыдущего года). По официальным данным, в 2024 г. этот показатель повысился до порядка 34 294 руб. (рост ~18,5% за год)³. Таким образом, суммарно за три года доходы на душу населения в регионе увеличились в 1,67 раза. Согласно данным на 2025 г., наблюдается дальнейший рост: среднедушевой доход оценивается около 39 104 руб. в месяц⁴, что примерно на 14% выше уровня аналогичного периода 2024 г. (Стоит отметить, что столь значительный прирост доходов в 2024 г. отчасти связан с единовременными социальными выплатами и высокими зарплатами в конце года, что отразилось на среднем значении.)

Официальный уровень бедности (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума) в Туве остается одним из самых высоких в стране, однако за последние годы демонстрирует устойчивое снижение. По данным Росстата, в 2021 г. за чертой бедности находилось порядка 28–29% жителей региона⁵. В 2022 г. показатель бедности составлял около 28,8%⁶. Далее наблюдается устой-

¹ Экономика в цифрах [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. 2023. URL: <https://mert.rtyva.ru/p/019c1784-85d4-7695-a803-63040052fa0a/ekonomika-v-tsifrakh> (дата обращения: 05.05.2026).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Уровень бедности по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации, 2018–2024 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.05.2026).

⁶ Там же.

чивая положительная динамика: уже по итогам 2023 г. доля малоимущего населения снизилась до 23,5%¹. Согласно официальным данным, за 2024 г. уровень бедности в Туве сократился еще более — до 20,4% населения². Это означает, что с 2019 по 2024 гг. показатель снизился совокупно на 13,7 процентного пункта — с 34,1% до 20,4%. По прогнозным оценкам правительства региона, в 2025 г. уровень бедности может составить примерно 20,2% (против ~20,4% годом ранее)³. Таким образом, намечается дальнейшее незначительное снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ)⁴.

Величина прожиточного минимума на душу населения в Республике Тыва ежегодно устанавливается постановлением правительства региона. В 2021 г. средний ПМ составлял около 11 494 руб. в месяц⁵. На 2022 г. он был утвержден в размере 12 070 руб., однако в связи с инфляционными процессами с июня 2022 г. повысился до 14 059 руб.⁶ Далее порог бедности продолжил расти: с 1 января 2023 г. ПМ был установлен на уровне 14 519 руб., с 2024 г. — 15 608 руб., и с 2025 г. — 17 910 руб. на душу населения ежемесячно⁷. Рост величины прожиточного минимума отражает удорожание потребительской корзины, но сопровождается опережающим ростом доходов в регионе.

Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника в Туве также динамично увеличивается. По данным Министерства экономики РТ, в 2021 г. средняя зарплата составляла порядка 46 тыс. руб.⁸, в 2022 г. — около 51,7 тыс. руб.⁹ В 2023 г. средняя начисленная зарплата выросла до 57,8 тыс. руб.¹⁰ В 2024 г. этот показатель составил 67,5 тыс. руб.¹¹ Прогноз на 2025 г. предусматривал дальнейший рост средней зарплаты до ~73,8 тыс. руб. в месяц¹². Рост зарплат — один из факторов, способствующих сокращению бедности в регионе.

Сводные данные по годам (2021–2025) приведены в *таблице 1*.

Большинство опрошенных живут в условиях ограниченных ресурсов. Так, половина семей респондентов имела среднемесячный доход на одного человека менее 10 тыс. руб., причем значительная часть — ниже величины прожиточного минимума (ориентировочно 11–12 тыс. руб. в 2021 г.). Лишь немногие участники опроса открыто идентифицировали себя как бедные. Сопоставление самооценки материального положения семьи с фактическими доходами дало любопытный результат. Подавляющее большинство опрошенных отнесли свои семьи к категориям «обеспеченная» (66% суммарно) или по крайней мере «малообеспеченная» (29%). Лишь 2% респондентов признали свою семью бедной, тогда как объективно доля семей с доходами ниже официальной черты бедности значительно выше. Это свидетельствует о разрыве между объективными критериями бедности и субъективной материальной самооценкой: многие семьи, которые статистически можно считать бедными, субъективно ощущают свое положение как приемлемое. Данный вывод согласуется с более

¹ Там же.

² Там же.

³ Минтруд Тувы подвел итоги работы за 2025 год и определил задачи на 2026 год [Электронный ресурс] // ТуваМедиаГрупп. 2026. 12 февраля. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/mintrud-tuvy-podvel-itogi-raboty-za-2025-god-i-opredelil-zadachi-na-2026-god/> (дата обращения: 05.05.2026).

⁴ Методологическое уточнение. С 2021 г. методика расчета прожиточного минимума изменилась (величина ПМ стала пересматриваться ежегодно, исходя из медианных доходов по стране), что повлияло на официальные оценки уровня бедности. Тем не менее, тренд на снижение бедности в Туве очевиден — регион удерживает лидирующие позиции по темпам снижения бедности в РФ.

⁵ Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации с 2021 по 2026 годы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm> (дата обращения: 05.05.2026).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Экономика в цифрах [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. URL: <https://mert.rtyva.ru/p/019c1784-85d4-7695-a803-63040052fa0a/ekonomika-v-tsifrakh> (дата обращения: 05.05.2026).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Прогноз социально-экономического развития Республики Тыва на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. 2024. URL: https://mert-tuva.ru/wp-content/uploads/2024/11/prognoz_ser_rt_na_2025g_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_gg_.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

масштабными исследованиями, например, О. Д. Натсак отмечает, что в 2021 г. в Туве уменьшилась доля домохозяйств, относящих себя к наименее обеспеченной группе, причем субъективные оценки материального положения оказались более оптимистичными, чем официальные данные о бедности (Натсак, 2022).

Таблица 1. Динамика доходов и бедности в Республике Тыва (2021–2025)
Table 1. Dynamics of Income and Poverty in the Republic of Tuva (2021–2025)

Год	Среднедушевой доход, руб/мес	Рост к пред. году, %	Уровень бедности, % населения	Прожиточный минимум, руб/мес	Среднемесячная зарплата, руб.
2021	20 435	+8,7	~28,5	11 494	46 084
2022	24 460	+19,7	28,8	12 070 (с 06/2022 — 14 059)	51 782
2023	28 934	+18,3	23,5	14 519	57 793
2024	34 294	+18,5	20,4	15 608	67 541
2025	~39 104	~+14	~20,2	17 910	~73 800

Результаты первоначального опроса, проведенного в 2021 г., фиксировали следующую структуру доходов респондентов: около 12% имели душевой доход ниже 3000 руб., еще 28% — в диапазоне 3000–8000 руб. в месяц; примерно у 39% доход находился в пределах 8000–15000 руб., и лишь у 21% превышал 15000 руб. Таким образом, не менее двух третей опрошенных жили на доходы ниже среднероссийского уровня, находясь либо около черты бедности, либо ненамного выше нее. Материальные условия проживания также далеки от комфортных: хотя 65% респондентов сообщили, что живут в собственном благоустроенном жилье, остальные указали на менее благополучные условия — съемное жилье (9%), общежитие (12%) или традиционное жилье типа юрты (5%). Тем не менее оценка своих бытовых условий носила сдержанно-позитивный характер — половина участников (49%) назвали условия хорошими, почти столько же (46%) — удовлетворительными, и лишь 5% охарактеризовали их как плохие.

Центральным результатом исследования стало выявление высокого уровня субъективного благополучия у значительной части респондентов вопреки неблагоприятным социально-экономическим условиям. Ключевые показатели настроений и самоощущения приведены в табл. 2.

Таблица 2. Субъективные показатели социального самочувствия респондентов, Республика Тыва, замеры 2021 г. и 2025 г.

Table 2. Subjective Indicators of Respondents' Social Well-Being, Republic of Tuva, 2021 and 2025 Survey Waves

Содержание вопроса	Индикатор	Доля положительных ответов по результатам 2021	Доля положительных ответов по результатам 2025	Доля отрицательных ответов по результатам 2021	Доля отрицательных ответов по результатам 2025
«Мне нравится моя сегодняшняя жизнь»	Удовлетворенность жизнью	90,0	88,6	10,0	11,4
«Настоящее время — самое счастливое в моей жизни»	Ощущение счастья в данный период	87,2	86,1	12,8	13,9

«Я чувствую себя человеком на своем месте»	Самореализация	90,8	91,1	9,2	8,9
«Уверен(а), что у меня все получится»	Оптимизм, уверенность в будущем	86,7	87,2	13,3	12,8
«У меня много интересных дел, некогда скучать»	Наличие интересов	76,9	78,4	23,1	21,6
«Я часто погружаюсь в невеселые размышления»	Склонность к хандре	38,4	39,9	61,6	60,1
«Периодически чувствую себя несчастным, депрессивным»	Депрессивные настроения	25,0	27,4	75,0	72,6
«Я часто чувствую сильное одиночество»	Чувство одиночества	15,6	17,6	84,4	82,4

Как следует из таблицы, показатели самооценки социального самочувствия в период с 2021 по 2025 г. изменились незначительно. Около 90% опрошенных в 2021 г. и 88,6% в 2025 г., в целом, довольны своей жизнью на данный момент и считают, что «находятся на своем месте» в обществе. Столь же высокая доля (87,2% и 86,1% соответственно) воспринимают нынешний период как счастливое время своей жизни. Примерно 85–90% испытывают уверенность в своих силах и завтрашнем дне, а более 3/4 не испытывают скуки, отмечая наличие в жизни множества интересных занятий. На основании этих показателей можно сделать первоначальный вывод о благоприятном социально-психологическом состоянии значительной части населения Тувы.

В то же время, определенная доля респондентов демонстрирует симптомы эмоционального неблагополучия. Так, в 2021 г. около 38% признались, что часто погружаются в грустные раздумья, а к 2025 г. этот показатель вырос до 39,9%. По данным обоих опросов около четверти опрошенных периодически чувствуют себя несчастными и впадают в депрессивное состояние (25% и 27,4% соответственно). Острая проблема — чувство одиночества, на которое в 2021 г. указали 15,6% участников, а в 2025 г. — 17,6%. Показательным моментом является то, что среди женщин доля одиноко себя чувствующих намного выше, чем среди мужчин (число женщин, отмечающих чувство одиночества, в обоих опросах почти пятикратно превышает долю аналогичных ответов среди мужчин). Эти цифры свидетельствуют, что, несмотря на общий позитивный фон, примерно каждый третий-четвертый житель находится в группе риска по снижению социального самочувствия (хроническая грусть, депрессия), и около каждого шестого ощущает недостаток социальной поддержки (одиночество). Интересно отметить гендерные различия: женщины в выборке обоих опросов чаще признавались в негативных переживаниях — помимо одиночества, у них выше доля жалующихся на плохое здоровье (14,5% женщин против 3% мужчин оценили свое здоровье как плохое) и депрессивные настроения (33% женщин на 16% мужчин сообщают о периодическом чувстве несчастья).

В целом, сформированный в опоре на данные исследования портрет социального самочувствия жителей Тувы выглядит следующим образом: при скромных объективных условиях жизни большинство адаптировалось к ним и сохраняет позитивное мироощущение, высокий уровень удовлетворенности жизнью, чувства счастья и оптимизма. Одновременно существует немалый пласт населения, испытывающий эмоциональные трудности, однако доля этого пласта не превосходит аналогичные показатели в более благополучных регионах. Для сравнения, по данным ВЦИОМ, осуществившего совместно с Институтом психологии РАН исследование психологического состояния россиян, уро-

вень тревожности и депрессивности населения в среднем по России в 2022 г. составил около 38% (доля респондентов, отметивших симптоматику клинической депрессии)¹. Таким образом, сами по себе низкие доходы и бедность не приводят автоматически к тотальному снижению субъективного благополучия в анализируемой общности.

Стоит отметить, что респонденты обоих опросов довольно высоко оценили нематериальные стороны своей жизни. Так, благоприятной обстановку в семье назвали ~76% опрошенных, еще ~15% посчитали ее нейтральной и лишь ~9% указали на неблагоприятный климат. Это означает, что семейные связи в целом являются ресурсом поддержки, а не стрессовым фактором для большинства. Состояние здоровья было оценено как хорошее ~57% участников, удовлетворительное — ~35%, плохое — ~9%². Учитывая труднодоступность медицинских услуг в регионе и распространенность факторов риска (например, по официальным данным, Тува лидировала по доле курящего населения и низкой продолжительности жизни), такая субъективная оценка здоровья также указывает на адаптивное восприятие — люди не склонны драматизировать свои недуги.

Подведем итоги. Результаты исследования свидетельствуют о том, что по объективным социально-экономическим показателям (уровень бедности, доходы населения, структура потребления, динамика прожиточного минимума и заработной платы) положение жителей Республики Тыва носит крайне неблагоприятный характер. Однако проведенные исследования субъективных оценок социального самочувствия свидетельствуют о том, что жители региона сохраняют устойчивые благоприятные показатели социального самочувствия, что противоречит первоначальным ожиданиям, выстраиваемым на основании оценки уровня материального благосостояния жителей региона. Способность тувинцев к сохранению благоприятных показателей социального самочувствия, по результатам проведенного исследования, может быть объяснена комплексом институциональных (государственные дотации, сети горизонтальной поддержки, самообеспечение части населения посредством ведения натурального хозяйства и т. д.), а также социокультурных факторов (сравнительно невысокий уровень притязаний, культура взаимопомощи). В совокупности это определяет особенности соотношения материального статуса и социального самочувствия тувинцев.

Обсуждение

Дискуссионный аспект данного исследования состоит в том, что авторским коллективом констатируется и эмпирически обосновывается наличие явлений и процессов, противоречащих распространенной в исследовательской среде практике оценки социального благополучия на основании применения закона Энгеля, который впервые был сформулирован и обоснован Е. Энгелем (Engel, 1857) и впоследствии верифицирован в ряде исследований (Chen, 2022; Нигматуллина и др., 2025; Jensen, Miller, 2008; Deaton, 2018).

Полученные данные ставят вопрос, почему же население Тувы демонстрирует столь высокое социальное самочувствие, находясь в условиях, которые обычно ассоциируются с крайне низким качеством жизни? С позиций классической экономической логики можно было бы ожидать противоположную картину — высокий уровень фрустрации, социальных напряжений и пессимизма. Разрешение этого парадокса лежит в плоскости анализа социальных институтов и специфических условий региона.

Первым ключевым фактором выступает особый экономический уклад Тувы. Как отмечают исследователи (Поподько, Гимадеева, 2016; Ооржак, 2020; Монгуш, Оюн, 2023), по экономическим показателям Республика Тыва характеризуется слабой индустриализацией, ограниченностью инфраструктуры и высокой значимостью аграрного и сырьевого секторов. В сельских территориях серьезные позиции сохраняют традиционное животноводство, а также личные подсобные хозяйства (Болат-оол и др., 2025). Это снижает зависимость благополучия семьи от денежных доходов: даже при низких доходах люди не голодают, так как имеют натуральные источники пропитания.

¹ Нестик Т. А. Доклад // Психологическое состояние российского общества : материалы совместного заседания НКС ООН РАН и НИИ ДДиП 18 марта 2023 года / под общ. ред. Г. А. Тосуняна. М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. С. 115–136.

² Представлены усредненные показатели по обоим опросам, что связано с незначительной динамикой ответов, позволяющей обобщить результаты.

В свою очередь, коэффициент Энгеля для таких хозяйств не отражает полноты картины — доля денежных расходов на еду может быть умеренной, поскольку еда производится самостоятельно. Таким образом, традиционная натуральная экономика сглаживает крайние проявления бедности и обеспечивает определенный уровень самодостаточности, что поддерживает удовлетворенность базовых потребностей.

Второй аспект — государственно-распределительные институты. Тува является одним из самых дотационных регионов России (значительная часть регионального бюджета формируется за счет федеральных трансфертов). Эти средства идут в том числе на выплату социальных пособий, зарплат бюджетникам и иные формы поддержки населения. В совокупности с федеральными программами (например, выплата пособий на детей, материнский капитал и др.) такая социальная политика создает иждивенческую зависимость населения от государства. По данным нашего исследования и внешних оценок, в Туве весьма велика доля семей, живущих на государственные выплаты (пенсии, пособия) или на заработки одного из членов семьи в бюджетной сфере. Так, в 2020 г. социальные выплаты составили 40,8% от общей структуры денежных доходов населения Тувы, тогда как оплата труда наемных работников — 53,1% (Баймурзина, Кабашова, 2022: 196). Хотя размеры выплат невелики, они относительно стабильны и гарантированы, что снижает чувство материальной неопределенности. Население воспринимает государственную поддержку как должное и не ощущает себя брошенным. В результате социальные институты поддержки компенсируют отсутствие рыночных возможностей. Это подтверждается и данными проведенных опросов — лишь около 5% заявили о плохих бытовых условиях, и почти никто не отнес свою семью к категории бедных — видимо, крайняя бедность частично нивелирована мерами поддержки.

Тесно связан с предыдущим фактором социально-культурный институт семьи и общины. Традиционные ценности тувинского общества включают сильные семейные узы, взаимопомощь родни и соседей, коллективизм. В условиях скудных ресурсов материальная и нематериальная поддержка внутри расширенных семей играет критическую роль. Молодые семьи часто проживают вместе с родителями, разделяя хозяйство (это подтверждается нашими данными о совместном проживании ~10% респондентов с родственниками). Отношения в тувинских семьях, как правило, строятся на принципах взаимопомощи и поддержки (Самба и др., 2024: 187). Такая система взаимовыручки может способствовать снижению чувства одиночества и тревоги: даже если у отдельного человека проблемы, он может быть уверен, что не останется без помощи. Вероятно, этим объясняется, почему субъективное ощущение одиночества относительно невысоко: по данным опроса, проведенного в 2025 г., лишь 17,6% респондентов отметили, что чувствуют себя одинокими. При этом, по данным ВЦИОМ, количественный показатель психологического переживания одиночества в среднем по России составляет около 23%¹. Кроме того, коллективистская культура может формировать установки терпимости к лишениям (Suh, Oishi, 2002). Когда «все живут небогато», индивидуальные материальные неудачи не так остро переживаются, отсутствует резкая зависть к недостижимому уровню жизни богатых слоев которых в местном окружении попросту мало (Chen, 2015).

Четвертое — психологические и поведенческие адаптации к бедности. Многолетняя жизнь в условиях ограниченных возможностей приводит к выработке поведенческих стратегий, позволяющих сохранять удовлетворенность. Данная ситуация может быть объяснена в контексте принципа относительной депривации, в соответствии с которым люди оценивают свое положение не только по абсолютному доходу, но и посредством сравнения с другими (Chen, 2015). В Туве, судя по всему, установился некий баланс между уровнем притязаний населения и реальными ресурсами. Респонденты в обоих опросах декларируют довольство тем, что имеют (около 90% нравятся их жизнь сейчас), а «соблазны» потребления в виде богатств больших городов для них не являются непосредственным ориентиром. Отчасти это напоминает парадокс Истерлина на макроуровне. После удовлетворения базовых нужд увеличение дохода мало влияет на субъективное счастье.

В то же время, не следует идеализировать ситуацию. Позитивное социальное самочувствие может быть хрупким: оно держится на устойчивости упомянутых институтов. Кроме того, несмотря на, в целом, позитивные показатели социального самочувствия, выявленные в ходе проведенных опро-

¹ Одиночество и как с ним бороться [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2021. 19 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 05.05.2026).

сов, обнаружилась существенная диспропорция психологического состояния жителей региона. Особенно уязвимы молодые женщины (для них характерны более высокие уровни неудовлетворенности здоровьем, эмоциональные проблемы). Это может свидетельствовать о смене поколенческих установок — молодежь, более интегрированная в информационное пространство, острее ощущает нехватку возможностей самореализации в регионе. Также нельзя исключать эффект социальной желательности в ответах: часть респондентов, отвечая «все хорошо», может просто воспроизводить принятые в обществе оптимистичные клише или не хотеть выглядеть неуспешными в глазах интервьюера. Поэтому дальнейшие исследования должны глубже проработать эти аспекты, возможно, с использованием качественных методов (интервью, фокус-группы), чтобы выяснить, насколько искренне и устойчиво это заявляемое благополучие.

С теоретической точки зрения, выявленный в Тuve случай подтверждает важность интеграции экономического, социологического и институционального подходов при анализе бедности и благополучия. Чисто экономические показатели (доход, потребление) недостаточны для понимания социального самочувствия. Необходимо учитывать институциональную среду, формальные правила (политика государства) и неформальные нормы (традиции, ценности), которые могут смягчать или усугублять влияние бедности на людей. В нашем случае, институты смягчают — выступают своего рода буфером, позволяющим поддерживать удовлетворенность жизнью даже в условиях, объективно классифицируемых как тяжелые.

Заключение

Обобщение результатов ряда исследований, а также анализ проведенных непосредственно авторами эмпирических исследований позволяют заключить о том, что для региона свойственен разрыв между объективной бедностью и субъективной обеспеченностью. В соответствии с данными опроса, жители Тувы не склонны считать себя бедными; субъективная материальная самооценка значительно выше, чем следовало бы из официальных показателей. Люди адаптировали уровень своих притязаний к реальным возможностям и, как правило, удовлетворены удовлетворением базовых нужд, не ощущая острой нехватки ресурсов. Замечен также, высокий уровень удовлетворенности жизнью и оптимизма. Около 85–90% опрошенных довольны своей жизнью в целом и настроены оптимистично, ощущают себя счастливыми в настоящий момент, уверены в будущем. Данный показатель является чрезвычайно высоким даже относительно общей статистики по России, что свидетельствует о действии серьезных компенсаторных механизмов, направленных на поддержание социального благополучия. Позитивное самочувствие поддерживается под влиянием ряда институциональных и культурных факторов, среди которых выделяются: натуральное хозяйство и самообеспечение, осуществление которых снижает материальную зависимость от денежных доходов; семейные и общинные связи, в совокупности выстраивающиеся в горизонтальные «сети взаимопомощи», обеспечивающие эмоциональное ощущение поддержки и социальных возможностей даже при условии сравнительно невысокого уровня личных ресурсов; действие государственной социальной поддержки населения; культурные нормы умеренности, определяющие терпимость населения к финансовым сложностям.

Несмотря на то, что, в целом, исследования фиксируют благоприятные показатели, существуют данные по отдельным группам (женщины, молодые люди), свидетельствующие о наличии потенциальных точек напряженности. Среди представителей данных групп фиксируется значительное (до 40%) проявление негативных состояний — депрессии, уныния, чувства безысходности. В условиях, когда влияние негативной экономической ситуации в значительной степени уравнивается институциональными механизмами поддержки, данные проблемы могут иметь неявный характер, однако их необходимо учитывать при осуществлении общего анализа.

С практической точки зрения полученные результаты имеют значимость, потому что они указывают на необходимость рассмотрения материального аспекта жизни населения без отрыва от социальных и культурных факторов, в совокупности определяющих образ жизни, возможности и социальное самочувствие населения. Это, в частности, имеет значение и при проектировании мер по поддержке населения: в условиях, сходных с условиями в Республике Тыва, целесообразно дополнять официальную политику по обеспечению роста доходов населения мерами, направленными на развитие институтов поддержки. Рекомендуются сохранять и развивать институциональные «буферы» — сис-

темы социальной защиты, поддерживающие семьи, стимулировать общественные инициативы взаимопомощи. Также немаловажно адресно работать с уязвимыми группами (женщины, молодежь) в плане психологической помощи, создания возможностей самореализации, чтобы предотвратить нарастание скрытой неудовлетворенности, которая со временем может вылиться в социальные проблемы (миграция, алкоголизм, протестные настроения). Необходимо повышать качество жизни не только через доходы, но и через улучшение инфраструктуры, доступности услуг (медицина, образование) — то есть через институциональные изменения, которые дадут населению ощущение заботы государства и перспектив.

В заключение подчеркнем, что опыт Тувы — это пример стойкости общества, опирающегося на традиции и коллективизм в преодолении трудностей. Его изучение полезно как с научной, так и с практической точек зрения. Оно напоминает, что человек живет не одним хлебом и что социальные отношения и институты могут менять влияние материальных факторов на благополучие. Для дальнейших исследований представляет интерес сравнение данной ситуации с другими регионами (например, сопоставление с регионами без подобных культурных буферов) и более глубокое изучение внутренних психологических механизмов адаптации к бедности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М. : АСТ. 693 с.

Анисимова Т. Г. (2023) Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект // Гуманитарий Юга России. № 3. С. 13–21.

Анисимова, Т. Г., Голенкова, З. Т., Кубякин, Е. О., Плотников, В. В. (2022) Социально-экономические факторы самореализации жителей Республики Тыва в культурной и образовательной сферах // Власть. № 6. С. 130–140. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9367>

Анищенко, А. Н., Усманов, Д. И. (2023) Изменение структуры питания населения регионов России как угроза обеспечения продовольственной безопасности // Креативная экономика. Т. 17. № 11. С. 4291–4308. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.11.119652>

Баймурзина, Г. Р., Кабашова, Е. В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Белопашенцева, П. В. (2023) Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. № 10. С. 78–90. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028306-9>

Болат-оол, Ч. К., Канзываа, С. О., Ховалыг, Н. А., Куулар, Э. А. (2025) Состояние и динамика животноводства Республики Тыва // Вестник Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. № 2 (82). С. 105–112. DOI: https://doi.org/10.48012/1817-5457_2025_2_105-112

Зубаревич, Н. В., Макаренцева, А. О., Мкртчян, Н. В. (2020) Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. Т. 27. № 4. С. 73–87.

Зубаревич, Н. В., Сафронов, С. Г. (2019) Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 61–68.

Лепешкин, С. А. (2020) Социальное самочувствие: индикаторы, типы и формы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. № 3 (35). С. 100–107.

Монгуш, О. Н., Оюн, А. О. (2023) Динамика показателей социально-экономического развития Республики Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 4. С. 61–69.

Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2024 год (2025) / Бобков, В. Н., Гулюгина, А. А., Одинцова, Е. В. и др. Вып. 3 (204) / отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М. : ИЭА РАН. 170 с.

Натсак, О. Д. (2022) Материальная самооценка жителей Республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.10>

Нигматуллина, Р. А., Габитова, З. Р., Асапова, А. А., Сайфутдинова, Э. Э. (2025) Закон Энгеля и парадокс Гиффена в формировании региональной корзины потребительских расходов // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 6. С. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2025.6.10>

Ооржак, К. К. (2020) Перспективы экономического развития сельских территорий Республики Тыва // Экономика Центральной Азии. Т. 4. № 1. С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.4.1.111167>

Пастухова, Е. Я., Бельчик, Т. А., Кочнева, О. П. (2023) Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы // Вопросы управления. № 3 (82). С. 5–18.

Поподько, Г. И., Гимадеева, Э. Н. (2016) Оценка потенциала развития Республики Тыва как проблемного региона России // Фундаментальные исследования. № 8–2. С. 372–376.

Самба, А. Д.-Б., Голиусова, Ю. В., Демидов, А. А., Ананьева, К. И. и Ондар, Н. Д. (2024) Социологический портрет неполной семьи в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 184–196. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др. ; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Чемидова, Л. С. (2019) Доходы и расходы сельского населения Республики Калмыкия как показатель уровня жизни // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 197–211. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-2-10-197-211>

Anker, R. (2011) Engel's Law Around the World 150 Years Later / Political Economy Research Institute. Working Paper Series. No. 247. Amherst, MA : Political Economy Research Institute, University of Massachusetts Amherst. 45 p.

Chen, M. (2022) Engel's law in China: Some new evidence // Review of Development Economics. Vol. 26. No. 3. P. 1640–1662. DOI: <https://doi.org/10.1111/rode.12887>

Chen, X. (2015) Relative deprivation and individual well-being // IZA World of Labor. Article 140. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.140>

Clark, A. E., Frijters, P., Shields, M. A. (2007) Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles // IZA Discussion Papers. No. 2840. P. 1–65.

Deaton, A. (2018) The Analysis of Household Surveys: A Microeconometric Approach to Development Policy. Reissue edition with a new preface. Washington, DC : World Bank. 479 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1331-3>

Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., Smith, H. L. (1999) Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. Vol. 125. No. 2. P. 276–302.

Easterlin, R. A. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // David, P. A., Reder, M. W. (eds) Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz. New York : Academic Press. 411 p. Pp. 89–125.

Easterlin, R. A., McVey, L. A., Switek, M., Sawangfa, O., Zweig, J. S. (2010) The happiness–income paradox revisited // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. Vol. 107. No. 52. P. 22463–22468. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1015962107>

Engel, E. (1857) Die Productions- und Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen // Zeitschrift des statistischen Bureaus des Königlich Sächsischen Ministeriums des Innern. Bd. 8. P. 1–54.

Jensen, R. T., Miller, N. H. (2008) Giffen behavior and subsistence consumption // American Economic Review. Vol. 98. No. 4. P. 1553–1577. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.98.4.1553>

Moon, J., Hwang, J., Lee, W. S. (2023) Relationship between the Engel Coefficient, Life Satisfaction, and Subjective Health for Senior Citizens in Korea: Moderating Effect of COVID-19 // Behavioral Sciences. Vol. 13. No. 1. Article 22. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs13010022>

Stevenson, B., Wolfers, J. (2008) Economic growth and subjective well-being: Reassessing the Easterlin paradox // IZA Discussion Paper. No. 3654. P. 1–102.

Suh, E. M., Oishi, S. (2002) Subjective well-being across cultures // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 10. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1076>

Zubarevich, N. V., Safronov, S. G. (2024) Interregional inequality in Russia and post-soviet countries in the 21st century // Regional Research of Russia. Vol. 14. No. 4. P. 513–524.

Дата поступления: 07.02.2026 г.

Дата принятия: 28.05.2026 г.

REFERENCES

- Acemoglu, D. and Robinson, J. (2015) *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Moscow, AST. 693 p. (In Russ.)
- Anisimova, T. G. (2023) Structural features of the social well-being of the population of Tuva: Gender aspect. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, no. 3, pp. 13–21. (In Russ.)
- Anisimova, T. G., Golenkova, Z. T., Kubyakin, E. O. and Plotnikov, V. V. (2022) Socio-economic factors of self-realization of residents of the Republic of Tuva in the cultural and educational spheres. *Vlast*, no. 6, pp. 130–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9367>
- Anishchenko, A. N. and Usmanov, D. I. (2023) Changes in the structure of nutrition of the population of Russian regions as a threat to food security. *Kreativnaya ekonomika*, vol. 17, no. 11, pp. 4291–4308. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.11.119652>
- Baymurzina, G. R. and Kabashova, E. V. (2022) Employment and income of the population of the Republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 186–207. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>
- Belopashentseva, P. V. (2023) Official and subjective poverty in Russia: The impact of the events of 2020–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 78–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028306-9>
- Bolat-ool, Ch. K., Kanzynvaa, S. O., Khovalyg, N. A. and Kuular, E. A. (2025) State and dynamics of animal husbandry in the Republic of Tuva. *Vestnik Izhevskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*, no. 2 (82), pp. 105–112. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.48012/1817-5457_2025_2_105-112
- Zubarevich, N. V., Makarentseva, A. O. and Mkrtchyan, N. V. (2020) Socio-economic situation of regions and demographic results of 2019 (based on the results of regular monitoring by INSAP RANEPa). *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 27, no. 4, pp. 73–87. (In Russ.)
- Zubarevich, N. V. and Safronov, S. G. (2019) The share of food products in the expenditure structure of the population of Russian regions as an indicator of the standard of living and the modernization of consumption. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no. 2, pp. 61–68. (In Russ.)
- Lepeshkin, S. A. (2020) Social well-being: Indicators, types, and forms. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 3 (35), pp. 100–107. (In Russ.)
- Mongush, O. N. and Oyun, A. O. (2023) Dynamics of socio-economic development indicators of the Republic of Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 61–69. (In Russ.)
- Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia — 2024* (2025) / Bobkov, V. N., Gulyugina, A. A., Odintsova, E. V. et al. Issue 3 (204). Moscow, IEA RAN. 170 p. (In Russ.)
- Natsak, O. D. (2022) Material self-assessment of residents of the Republic of Tuva in the context of poverty research (based on sociological studies). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 18, no. 1, pp. 64–72. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.10>
- Nigmatullina, R. A., Gabitova, Z. R., Asapova, A. A. and Sayfutdinova, E. E. (2025) Engel's law and the Giffen paradox in the formation of the regional basket of consumer expenditures. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, no. 6, pp. 62–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2025.6.10>
- Oorzhak, K. K. (2020) Prospects for the economic development of rural areas of the Republic of Tuva. *Ekonomika Tsentral'noy Azii*, vol. 4, no. 1, pp. 65–76. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.4.1.111167>
- Pastukhova, E. Ya., Bel'chik, T. A. and Kochneva, O. P. (2023) Incomes, poverty and consumer expenditures of the population of regions: Long-term trends and factors. *Voprosy upravleniya*, no. 3 (82), pp. 5–18. (In Russ.)
- Popod'ko, G. I. and Gimadeeva, E. N. (2016) Assessment of the development potential of the Republic of Tuva as a problematic region of Russia. *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 8–2, pp. 372–376. (In Russ.)
- Samba, A. D.-B., Goliusova, Yu. V., Demidov, A. A., Anan'eva, K. I. and Ondar, N. D. (2024) Sociological portrait of a single-parent family in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 184–196. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>
- Socio-stratification processes in the Republic of Tuva* (2020) / Golenkova, Z. T. et al. Moscow, Kyzyl, FNISTS RAN. 128 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Chemidova, L. S. (2019) Incomes and expenditures of the rural population of the Republic of Kalmykia as an indicator of the standard of living. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 2, pp. 197–211. (In Russ.)

Anker, R. (2011) *Engel's Law Around the World 150 Years Later* / Political Economy Research Institute. Working Paper Series. No. 247. Amherst, MA : Political Economy Research Institute, University of Massachusetts Amherst. 45 p.

Chen, M. (2022) Engel's law in China: Some new evidence. *Review of Development Economics*, vol. 26, no. 3, pp. 1640–1662. DOI: <https://doi.org/10.1111/rode.12887>

Chen, X. (2015) Relative deprivation and individual well-being. *IZA World of Labor*, article 140. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.140>

Clark, A. E., Frijters, P. and Shields, M. A. (2007) Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *IZA Discussion Papers*, no. 2840, pp. 1–65.

Deaton, A. (2018) *The Analysis of Household Surveys: A Microeconometric Approach to Development Policy*. Reissue edition with a new preface. Washington, DC, World Bank. 479 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1331-3>

Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E. and Smith, H. L. (1999) Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, vol. 125, no. 2, pp. 276–302.

Easterlin, R. A. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: David, P. A., Reder, M. W. (eds) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York, Academic Press. 411 p. Pp. 89–125.

Easterlin, R. A., McVey, L. A., Switek, M., Sawangfa, O. and Zweig, J. S. (2010) The happiness–income paradox revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, vol. 107, no. 52, pp. 22463–22468. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1015962107>

Engel, E. (1857) Die Productions- und Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen. *Zeitschrift des statistischen Bureaus des Königlich Sächsischen Ministeriums des Innern*, bd. 8, pp. 1–54. (In Germ.).

Jensen, R. T. and Miller, N. H. (2008) Giffen behavior and subsistence consumption. *American Economic Review*, vol. 98, no. 4, pp. 1553–1577. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.98.4.1553>

Moon, J., Hwang, J. and Lee, W. S. (2023) Relationship between the Engel Coefficient, Life Satisfaction, and Subjective Health for Senior Citizens in Korea: Moderating Effect of COVID-19. *Behavioral Sciences*, vol. 13, no. 1, article 22. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs13010022>

Stevenson, B. and Wolfers, J. (2008) Economic growth and subjective well-being: Reassessing the Easterlin paradox. *IZA Discussion Paper*, no. 3654, pp. 1–102.

Suh, E. M. and Oishi, S. (2002) Subjective well-being across cultures. *Online Readings in Psychology and Culture*, vol. 10, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1076>

Zubarevich, N. V. and Safronov, S. G. (2024) Interregional inequality in Russia and post-soviet countries in the 21st century. *Regional Research of Russia*, vol. 14, no. 4, pp. 513–524.

Submission date: 07.02.2026.

Acceptance date: 28.05.2026.

Чингис и Чингиз: растение и завоеватель

Чимиза К. Ламажаа

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Марал Б. Амалбекова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан,

Лина Р. Иргит

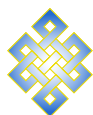
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация

Статья посвящена анализу имянаречения тувинцев детьми именами «Чингис» и «Чингиз» на рубеже XX–XXI вв., в контексте исторической памяти о Чингисхане и трансформации традиционной антропонимической системы Тувы. Авторы показывают, что эти имена сегодня почти полностью воспринимаются как отсылка к монгольскому завоевателю и символу степной державности, хотя тувинское Чингис изначально является ботанической номинацией со значением «мох» и лежало в основе преимущественно женских имен типа Чингис, Чингиспей. Источниковая база включает лексикографические и этимологические словари, научные исследования по истории и этнографии Тувы, материалы СМИ, а также массив данных органов ЗАГС Республики Тыва по регистрации имен в 1990–2025 гг.

В работе реконструируются уровни присутствия образа Чингисхана в современной культурной жизни Тувы: академический, музейно-выставочный, туристско-брендовый, политико-символический, народно-легендарный, культурно-творческий и антропонимический. Отмечается, что культ Чингисхана и связанных с ним фигур (например, Субэдэя) играет важную роль в самоидентификации тувинцев и формировании образов героической маскулинности. Подробно описаны традиционные ритуалы имянаречения и их смена в постсоветский период, когда родители получили свободу выбора, а охранительные «некрасивые» имена уступили место звучным и престижным, в том числе связанным с историческими персонажами.

Статистический анализ динамики имен показывает пик популярности «Чингис/Чингиз» в 1990-е годы на фоне национально-патриотического подъема, последующую «нормализацию» и устойчивое снижение частот в 2010–2020-е гг. При этом форма Чингис (1271 случая) заметно доминирует над Чингиз (210 случаев), а к 2020-м гг. вариант с конечным «з» практически исчезает, что интерпретируется как скрытая «ре-туванизация» имени и его фонетическое приспособление к местной языковой системе. Делается вывод о наложении и взаимодействии двух традиций — старой ботанической и новой историко-памятной — и о закреплении имени как мужского символа героизированной маскулинности.

Ключевые слова: имянаречение; тувинцы; Чингисхан; Чингис; Чингиз; тувинский язык; историческая память

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Амалбекова М. Б., Иргит Л. Р. Чингис и Чингиз: растение и завоеватель // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 290–305. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.17>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 98. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Амалбекова Марал Бимендиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Адрес: 010010, Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2. Эл. адрес: maraluspen@mail.ru

Иргит Лина Радиковна — студент Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48. Эл. адрес: lin.irgit@gmail.com

NATIVE LANGUAGE

Article

Chingis and Chingiz: A Plant and a Conqueror

Chimiza K. Lamazhaa

Farabi University, Republic of Kazakhstan,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation,

Maral B. Amalbekova

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan,

Lina R. Irgit

Herzen University, Russian Federation

The article examines the practice of naming Tuvan children with the names *Chingis* and *Chingiz* at the turn of the twentieth and twenty-first centuries, in the context of historical memory of Genghis Khan and the transformation of the traditional anthroponymic system of Tuva. These names are now almost exclusively perceived as references to the Mongol conqueror and a symbol of steppe statehood, although the Tuvan *Chingis* originally functioned as a botanical term meaning “moss” and served as the basis for predominantly female names such as *Chingis* and *Chingispey*. The source base includes lexicographic and etymological dictionaries, scholarly works on the history and ethnography of Tuva, media materials, as well as a dataset from the civil registry offices of the Republic of Tuva on name registration for the period 1990–2025.

The study reconstructs the levels at which the image of Genghis Khan is present in contemporary cultural life of Tuva: academic, museum and exhibition, tourism and branding, political-symbolic, folk-legendary, cultural-creative, and anthroponymic. It is noted that the cult of Genghis Khan and related figures (e.g., *Subedei*) plays a significant role in Tuvan self-identification and in shaping models of heroic masculinity. The article provides a detailed description of traditional naming rituals and their transformation in the post-Soviet period, when parents gained greater freedom of choice and protective “unattractive” names gave way to sonorous and prestigious ones, including those associated with historical figures.

A statistical analysis of name dynamics reveals a peak in the popularity of *Chingis/Chingiz* in the 1990s amid a rise in national-patriotic sentiment, followed by “normalization” and a steady decline in frequency in the 2010s–2020s. At the same time, the form *Chingis* (1,271 cases) clearly dominates over *Chingiz* (210 cases), and by the 2020s the variant ending in “z” has virtually disappeared. This trend is interpreted as a latent “re-Tuvanization” of the name and its phonetic adaptation to the local linguistic system. The authors conclude that two traditions—an older botanical one and a newer historical-memory-based one—overlap and interact, resulting in the consolidation of the name as a male symbol of heroic masculinity.

Keywords: naming practices; Tuvans; Genghis Khan; *Chingis*; *Chingiz*; Tuvan language; historical memory

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Amalbekova M. B. and Irgit L. R. *Chingis and Chingiz: A Plant and a Conqueror*. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 290–305. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.17>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

SUVANDII, Nadezhda Dariyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean, Faculty of Philology, Tuvan State University. Postal address: 98 Mongusha Sata St., Kyzyl, 667004, Russia. E-mail: suvandiin@mail.ru

AMALBEKOVA, Maral Bimendievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Practice of Translation, L. N. Gumilyov Eurasian National University. Postal address: 2 K. Satpayeva St., 010010, Astana, Republic of Kazakhstan. Email: maraluspen@mail.ru

IRGIT, Lina Radikovna, Student, Institute of the Peoples of the North, Herzen University. Postal address: 48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia. E-mail: lin.irgit@gmail.com

Введение

Одними из распространенных имен, которыми современные тувинцы называют своих детей, являются имена «Чингис» и «Чингиз», на первый взгляд кажущиеся фонетическими вариациями от имени основателя и первого великого хана Монгольской империи XIII в. Чингисхана (Тэмуджина, Темучина, Темучина).

Его наследие продолжает присутствовать и переосмысливаться на обширных территориях Евразии, где побывали войска монгольского завоевателя, а также на которые распространялись его власть или влияние (Чингисхан и судьбы ... , 2003, 2007; Кучина, 2012; Ванчикова, 2013; Марков, 2018; Исаков, 2024ab; Цыренова, Цыренов, 2024; Дьяченко, 2025; и др.). Причем влияние распространяется и в виде имянаращения на территории Центральной Азии (Монголии, ряде российских регионов, Кыргызстане, Казахстане и др.). Например, всем известно имя киргизского писателя Чингиза Айтматова (1928–2008). «Чингис» приобрело значение и топонима. Так, оно было присвоено в 2013 г. городу в Монголии, аймак Хэнтий, в 290 км от Улан-Батора. Как указывается в сообщениях монгольских СМИ, поводом и официальной мотивацией стало стремление подчеркнуть связь города и всего аймака Хэнтий с личностью Чингисхана¹.

Территория Тувы также входит в этот культурный ареал и тувинцы тоже сохраняют веками культурную память о монгольском хане. В том числе востребованным стало звучное имя полководца, вызывающее ассоциации с могущественной фигурой, со славой и достижениями.

Однако, надо также сказать о том, что у тувинцев происхождение имени *Чингис* (с тувинской буквой *ң* и глухой [s] на конце) не связывается только с известным монголом. Слово *чингис* в тувинском языке означает «мох» и считается одной из лексем области цветов и трав, из которых образовывались по традиции в первую очередь женские имена — *Чингис* и *Чингиспей* (в русском написании соответственно *Чингис*, *Чингиспей*). Например, Чингиспей упоминается в истории первой тувинской оперы «Чечен и Белекмаа»², как имя дочери богача.

Наш исследовательский интерес вызвал тот факт, что в определенный момент времени традиционное тувинское имя «Чингис» «потеряло» тувинскую ботаническую основу и стало считаться заимствованием личного имени монгольского хана. Причем это изменение осталось не замеченным никем: ни исследователями, ни общественностью, ни органами ЗАГС. Например, в отчете органов ЗАГС Тувы имена «Чингис» и «Чингиз» рассматриваются как одно. При этом отмечается, что с 1945 г. до 2017 г. «оно» было и остается стабильно популярным для имянаращения тувинцев. В этот период «этим именем», как отмечается в СМИ, назвали 2225 детей, а полное имя Чингис-Хаан дали 40 мальчикам³.

Поскольку эта проблема еще не входила в поле внимания ученых, то *целью настоящего исследования* является анализ имянаращения тувинцами детей «Чингис» и «Чингиз». Задачи исследования: 1) рассмотреть особенности традиционного имянаращения тувинцев и изменения традиций в свете выбранных имен; 2) описать проявления исторической памяти тувинцев о Чингисхане в прошлом и в современности; 3) представить динамику и особенности имянаращений тувинцами детей именами «Чингис» и «Чингиз» по территории Тувы.

Источниковая база исследования. Мы опираемся на материалы лексикографических словарей (этимологических, толковых), научную литературу, материалы СМИ, а также данные органов ЗАГС Республики Тыва (по рассматриваемым именам и фактам фиксации присвоения имени детям по районам республики в период от 1990 до 2025 гг.), полученные нами по запросу. Также авторский

¹ Өндөрхаан хотыг “Чингис хот” болголоо [Город Ундурхан, названный «Городом Чингиса»] // Монголын Үндэсний Олон Нийтийн цахим хуудас. 2013, 19 ноября. URL: <https://www.mnb.mn/i/11809> (дата обращения: 24.04.2026). (На монг. яз.)

² Автор музыки Р. Кенденбиль, либретто — С. Сарыг-оол (на основе тувинской народной сказки). См.: Юбилейный год для первой тувинской оперы «Чечен и Белекмаа» [Электронный ресурс] // ГАУ «Тувинская государственная филармония имени В. М. Халилова». URL: <https://tuvafil.ru/index.php/news/read/410> (дата обращения: 24.04.2026).

³ ЗАГС Тувы проанализировал, как менялась мода на имена с 1945 года [Электронный ресурс] // МК.Ru. Тыва. 2017, 27 декабря. URL: <https://www.mk-tuva.ru/articles/2017/12/27/zags-tuvy-proanaliziroval-kak-menyalas-moda-na-imena-s-1945-goda.html> (дата обращения: 23.04.2026).

коллектив имеет внушительный задел в области исследований антропоники тувинцев, благодаря работам одного из соавторов — Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2011, 2024, 2025; Сувандии, Кара-оол, 2021).

Из истории имянаречений тувинцев

У тувинцев, как уже фиксировалось в исследованиях одного из соавторов данной статьи Н. Д. Сувандии, существовала совокупность ритуалов (*ат бээриниң езулалы*) по имянаречению, которые основывались на верованиях, на народных знаниях (Сувандии, 2024). В том числе антропоники образовывались из растительной лексики, создавая целую лексическую группу, причем древнего происхождения (там же: 18–21). Как мы уже отметили, *чиңгис* фигурирует как тувинская ботаническая номинация и переводится как 'мох'.

Данная лексема широко встречается в текстах культуры самых разных времен и до сегодняшнего дня.

Чиңгис 'мох' упоминается в фольклоре. Например, есть загадка о мясе, который застрял в зубах: *Ак хаялар аразында / Алдын чиңгис чыдыр* 'Между белыми скалами / Золотой мох лежит'¹. Как отмечает М. В. Ондар, среди фраз-зачинов тувинских героических сказаний встречалась и такая: *Чиңгис чуруп, Чиңгирти чулуп турар шагда* 'Когда рисовались мхи, Когда катились Чиңгирти' (Ондар, 2022: 176).

Среди топонимов Тувы есть ряд наименований, включающих в себя слово *чиңгис*. Их зафиксировала Б. К. Ондар в «Топонимическом словаре Тувы»: *Чиңгис-Ак* (*чиңгис* 'мох' и *ак* 'белый') — река в Тоджинском районе, берущая начало в снежном высокогорье и протекающая по местам, изобилующим мхом; *Чиңгис-Ак-Хөл* (*чиңгис* 'мох', *ак* 'белый', *хөл* 'озеро') — озеро в Тоджинском районе; *Чиңгис-Каът* (*чиңгис* 'мох' и *каът* 'ряд, слой, солнечная сторона горного отрога (не покрытая снегом)') — река в Дзун-Хемчикском районе; *Чиңгис-Соор* (*чиңгис* 'мох' и *соор* от алтайского *соору* 'болотистое место с трясинной')².

Пейзажные зарисовки произведений тувинской литературы также не обходятся без упоминания мха. Так, в романе С. К. Тока «Араттың сөзү» («Слово арата») встречаются следующие описания: «*Орук чиңгис шыпкан кырлаңарның болгаш элезин тейлерниң аразында кадыры-биле дыйлаң-шыйлаң чоруткан турган*» 'Дорога была извилистой из-за крутизны среди покрытых мхом гребней и песчаных холмов'³; «*Ол чалымнарда чүгле ында-кайда ак чечектиг сөөскенден, даг согуназындан өске үнүш көзүлбес, чамдыктарының кырында шагжагар куу чиңгис чыдар*» 'На этих утесах лишь кое-где не видно другого растения, кроме таволги белоцветковой, горного лука, на некоторых лежит усталый серый мох'⁴.

Название растения бытует у тувинцев-тоджинцев в кличках оленей, например, *Чингис-Чиир* (*чиир* 'ест, кушает'), означая животного, который питается в основном мхом⁵.

Специалисты называют *чиңгис* растением, весьма полезным для разнообразного использования, в т. ч. благодаря его лекарственным качествам. Например, Д. К. Куулар и Т. М. Куулар писали, что *чиңгис* с древности растет в Туве в тайге и на болотистых низинах. Разрастаясь, образует торфяную массу, имеет тонкие стебли, шуршащие листья. Сок у него клейкий, корни утолщенные, ветвистые, извивающиеся. Тувинцы его использовали в медицинских целях как повязку, впитывающий влагу раны (Куулар Д., Куулар Т., 1974: 54).

Тем самым вполне логично, что *чиңгис* 'мох' зафиксирован в тувинско-русских словарях⁶, а также в словаре сельскохозяйственных терминов⁷. Но поскольку все ключевые лексикографические из-

¹ Тыва тывызыктар = Тувинский загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кунзегеша, 2021. С. 392.

² Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. С. 491.

³ Тока С. К. Проза чогаалдары, шии [Произведения прозы, стихи]. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2021. С. 137. (На тув. яз.).

⁴ Там же. С. 349.

⁵ Сувандии Н. Д. Основные лексико-семантические группы зоонимов в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020, № 6. С. 477.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. С. 512; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 534.

⁷ Кызыл-оол И. Т. Русско-тувинский словарь сельскохозяйственных терминов. Кызыл: Тувинско-книжное издательство, 1987. 2-3 изд. С. 136.

дания выходили в середине — второй половине XX в., то возможно с тех времен слово ушло в пассивную группу лексики, понятную для носителей тувинского языка, но употребляемую сегодня редко.

К сожалению, не завершенность проектов изданий толкового словаря тувинского языка под редакцией Д. А. Монгуша¹ и этимологического словаря тувинского языка Б. И. Татаринцева², в которых бы разбирались лексемы на букву «Ч», не дает возможности углубиться в разбор этой тувинской лексемы. Можно только отметить, что специализированные древнетюркские словари и этимологические словари базисной тюркской лексики не фиксируют общеизвестного древнетюркского корня со значением 'мох'. Однако в древнетюркском языке было прилагательное *čij* 'влажный, пропитанный влагой'³ — качественный корень с семантикой сырости, намокания, близкий к обозначению объекта, тесно связанного с влажной средой. То есть семантическая близость очевидна, однако она сама по себе не доказывает прямого родства терминов, поэтому мы оставим это упоминание только в качестве осторожной гипотезы, которую возможно разовьют (или опровергнут) наши коллеги.

В других тюркских языках мох выражается иными лексемами, чаще всего *muk* (в казахском, киргизском, алтайском, шорском, татарском, башкирском). Тувинский *чиңгис* 'мох' на этом фоне остаётся локальной единицей, чья возможная связь с древнетюркским пластом не засвидетельствована в существующих реконструкциях и требует отдельного сопоставительного анализа.

Вернемся к антропонимии. Имя давали ребенку через несколько дней после рождения, причем нарекал его не родитель, а другой человек. Это мог быть, во-первых, самый старший из членов родственных семей, проживавший в нескольких юртах в одном аале (поселении), во-вторых, человек, обрезавший пуповину при рождении. Кроме того, в третьих, простые араты за именем ребенка обращались к ламам, которые выбирали имя исходя из дня недели, месяца (по лунному календарю), даже по внешнему виду ребенка (Сувандии, 2011: 84–85).

В имянаренении использовалось несколько принципов, выраженных в лексико-семантических группах антропонимов (там же: 17–39). В том числе применялся принцип защиты детей от различных напастей, в том числе многочисленных болезней, распространенных в прошлые времена. Из суеверий имена давались с отрицательным значением, некрасивые (охранительные), т. е. считалось, что это отводит злые силы. Соответственно в традиционной Туве можно было встретить: *Чүдекпен* 'некрасивый', *Ыт-оол*, *Ытсыгбай* 'собака-мальчик или мальчик, похожий на собаку', *Ыглаңнаар* 'ноющая, хнычущая', *Быжынды* 'обрезок материи или лоскуток' и др. (там же: 87).

Помимо этого был и принцип использования в имянаренении и названий цветов и трав (там же: 18–21), в том числе мха — *Чиңгис*. Это были женские имена, поскольку в них было заложено пожелание быть такими же красивыми, как растения. Приставку *-ней* к имени (*Чиңгисней*) можно рассматривать как суффикс с ласкательной функцией. Таким же образом выстроен другой вариант женского имени — *Чиңгисмаа*.

Когда же в Туве в 1940-х гг. была введена паспортизация (Ламажаа, 2021: 9–11) и родители получили самостоятельность в выборе имен, то традиционный порядок и принципы были существенно изменены. Тувинцы перестали опасаться давать детям звучные имена; перестали быть востребованными охранительные имена и ряд ботанических имен. Среди новшеств оказались имена русские (*Александр*, *Семен*, *Валентина*, *Анна* и пр.), терминология русского языка (*Октябрь*, *Партизан*, *Бригадир*, *Стакан* и пр.) (Сувандии, 2011: 72–79).

И в этом ряду стали модными имена, которые могли каким-то образом прославить человека, возвысить и пр. Соответственно в Туве также распространились мужские имена в честь монголь-

¹ На сегодня вышли в свет 2 тома словаря с охватом букв от А до С: Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. А–Й; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. К–С.

² На сегодня вышли в свет 4 тома запланированного в 5-и томах словаря с охватом букв от А до С: Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2000. Т. 1. А–Б; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2002. Т. 2. Д, Ё, И, Й; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2004. Т. 3. К, Л; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2008. Т. 4. М, Н, О, Ө, П.

³ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 150.

ского правителя Чингисхана, а также его военачальника и соратника Субэдэя (Сувандии, 2009: 111; Байыр-оол, 2017). Но если по отношению к имени второго особых разногласий и вопросов не возникает, то в отношении имени хана есть ряд вопросов. Например, какова этимология имени самого хана? И как правильно пишется монгольское имя — *Чингис* или *Чингиз*?

Ответ на первый вопрос представлен в гораздо более обширном круге научной литературы, показывающей разные версии (Sodnom, 2018). Классической считается версия П. Пелье о том, что «Чингис» происходит от тюркского слова *teniz* 'море, океан' (Pelliot, 1949)¹ и скорее является не личным именем, а титулом. Личное же имя монгольского хана было Темуджин, которое дословно переводится как «человек из железа»². В недавней публикации монгольский историк Ульзийбаяр Содном, критикуя эту и другие версии в части трактовки происхождения имени-титула, считает, что титул «Чингис» произошел от термина *chigin/tigin*, который имеет семантическую связь с монгольским словом *chagan* (*цагаан*) 'белый', который традиционно ассоциируется с аристократией — «белой костью». Согласно гипотезе автора, титул «Чингис» образован добавлением суффикса множественного числа *-s* к основе *chigin*: *chigin* + *s* = *chigins/chinggis*. Тем самым титул, по его мнению, означает «белейший из белых», «высочайший из высоких», «чистейший из чистых», т. е. «высший принц среди всех высших принцев» (Sodnom, 2018: 97).

Относительно второго вопроса: в первую очередь сказать о том, что монгольская фонетика также «оглушает» последнюю согласную³, то есть строго говоря для монгол имя также звучит как *Чингис*. Русская же версия со звонким [z] в окончании — «Чингиз» — появилась очевидно из-за влияния персидских и арабских исторических источников, через которые европейцы и русские (летописцы, историки) впервые познакомились с историей монгольского завоевателя. Поскольку в персидском написании имени одна и та же буква может читаться и как [s], и как [z]⁴, при передаче этого имени на русский язык сложились конкурирующие варианты транслитерации — через *s* и через *z*, причем второй вариант стал даже более распространенным и дошел до современности. Так, труд историка Рашид ад-Дин (1247–1318) «Сборник летописей», написанный на персидском языке, в советском академическом переводном издании имеет версию *Чингиз*⁵. Она распространилась и в науке, и в целом в советской культуре и до сегодняшнего дня в русскоязычном пространстве. Публикаций, как научных, так и публицистических, научно-популярных с написанием имени *Чингиз* и *Чингиз хан* насчитываются тысячи.

Тем не менее, специалисты понимали нюансы написаний и придерживались правильной формы. Так, крупнейший российский монголовед Б. Я. Владимирцев еще в 1922 г. издал популярную биографию Чингисхана с написанием его имени по монгольским правилам⁶, после чего его книга переиздавалась еще неоднократно вплоть до начала XXI в.

Современная научная практика постепенно возвращается к более точной форме *Чингис* или *Chinggis*, отражающей оригинальное монгольское произношение с глухим [s]. Монгольские и англоязычные источники часто используют форму написания *Chinggis Khaan* или *Genghis Khan* (Broadbridge, 2018: xxi), в котором подразумевается глухая форма звука.

Подведем промежуточные итоги. Тувинское женское имя *Чиңгис* и монгольское имя (или титул) *Чингис* (хан) (которое в тувинских текстах также пишется с тувинской буквой *ң* — *Чиңгис*) исходят

¹ При этом тувинской лексемой, означающей море, является слово *далай* 'море' (Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 145), относительно происхождения которого есть разные версии: монгольское, китайское и др. (Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. С. 70–71). Сам Б. И. Татаринцев также отмечает древнетюркские лексемы, выражающие море — *талуй*, *теңиз* (Татаринцев, 1979: 112).

² Wilson J. What's in a Name? Genghis vs Chinggis [Электронный ресурс] // Medievalists.net. URL: <https://www.medievalists.net/2022/03/name-genghis-chinggis/> (дата обращения: 24.04.2026).

³ В монгольских языках и диалектах существует деление согласных фонем на сильные (глухие) и слабые (звонкие) (Татаринцев, 1979: 89–102). В тувинском языке, пишет Б. И. Татаринцев, этот признак («сила — слабость») также имеет значение, но есть различия комбинаторного характера — в отношении положения согласных в слове (там же: 90).

⁴ О полифонии в арабо-персидской системе письма см.: Белова и др., 2009.

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1960. Т. II.

⁶ Владимирцев Б. Я. Чингис-хан. Петербург, Москва, Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.

из разных корней, т. е. возможно это межъязыковые омонимы, «ложные друзья» переводчика с разной этимологией. Но параллели звучания, конечно, очевидны, поэтому для будущих исследователей данного вопроса мы также и напомним о словах Б. И. Татаринцева: «Учитывая ... особенности тувинско-монгольских языковых контактов и частотность совпадений звуковых оболочек слов этих языков (в ряде случаев подкрепляемые также большей, чем со словами тюркских языков, смысловой близостью), эти сближения в массе своей нельзя считать случайными» (Татаринцев, 1976: 23).

В нашем случае важнее только констатация того, что имя Чингис (*Чингис*) у тувинцев было исконно традиционным именем из числа ботанических номинаций, причем женским, которое в XX в. «трансформировалось» в мужское имя в честь монгольского хана Чингисхана. Оно стало соседствовать с вариантом *Чингиз*, которое стало распространенной формой написания имени исторического деятеля в русскоязычном пространстве стран СНГ.

Историческая память в Туве о Чингисхане

Рассмотрим вопрос о том, какой была историческая память местного населения Тувы о завоевателе XIII в., в какой форме она проявлялась в прошлом и в настоящем.

Как мы уже сказали, регион входит в ареал не просто распространения наследия Чингисхана, но и прямого подчинения его империи в прошлом (входя в зону «лесных народов» Саяно-Алтая). Он был территорией, на которой монголы строили города и прокладывали дороги (Кызласов, 1969: 130–171; История Тувы, 2001: 154–172). Как отмечают историки, в период расцвета империи в Туву проникло значительное число монголоязычных племен, которые сыграли значительную роль в этногенезе тувинцев (История Тувы, 2001: 162). Культурное влияние отразилось в формировании и развитии исторической памяти об эпохе Чингисхана. Эту тему обстоятельно разбирали М. В. Монгуш (Монгуш, 2010: 94–98), а также Б. У. Китинов и А. Г. Люлина (Китинов, Люлина, 2022). Мы только разовьем наблюдения наших коллег, систематизировав, и дополним их новейшими примерами.

Трепетное отношение жители Тувы к Чингисхану высказывали и в традиционной Туве, и в советские годы, хотя официально тогда это было табуированной темой. Например, М. В. Монгуш приводит ряд свидетельств исследователей Тувы на рубеже XIX–XX в. Так, русский исследователь А. В. Адрианов отмечал в 1888 г., что имя монгольского полководца «не сходит с уст Кемчикских сойотов. Они говорят, что хан Чингис есть родоначальник народа, он научил людей сеять хлеб, в доказательство чего указывают на древние, будто бы, Чингисовы, арыки, рвы; ... Многие считают Чингиса богом...»¹. Как отмечают исследователи, монгольский язык также считался языком официального общения и им владела и политическая элита традиционной Тувы, и население (Татаринцев, 1976: 7, 8); тувинцы широко пользовались старомонгольской письменностью, вплоть до 1930 г., когда был создан тувинский алфавит (Самдан, 2016: 7).

Немецкий этнограф О. Менхен-Хельфен, посетивший Туву в 1929 г., написал: «Шесть столетий не смогли затмить блеск имени Чингисхана. Оно светит ещё сегодня тувинцам и монголам, потомкам тех, кто завоевал мир, и которые теперь сами являются подданными подданных своих предков, как утешительная звезда в горести настоящего»². В 1914 г. британский путешественник Д. Каррутерс повторил почти то же наблюдение: «Чингисхан до настоящего времени обожествляется урянхайцами... Все добрые дела приурочиваются этому великому монгольскому предводителю»³.

В советское время в официальных кругах упоминать имя Чингисхана было не принято, публичные празднования его юбилея были запрещены даже в самой Монголии. Власти рассматривали любые попытки возвеличивания Чингисхана как проявления национализма и пресекали их. Единственными областями, где можно было относительно свободно говорить о Чингисхане, были искусство (драматургия, кино) и художественная литература. Как пишет М. В. Монгуш, в середине 1980-х гг. на

¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Урянхай — Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: АО «Красная звезда», 2022. Т. 3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX в.). С. 109.

² Mänchen-Helfen O. Reise ins asiatische Tuwa [Путешествие в азиатскую Туву]. Berlin SW 61: Verlag Der Bücherkreis GmbH, 1931. P. С. 138. (На нем. яз.).

³ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Пг., 1914. Ч. I. Урянхайский край. С. 215.

сцене Тувинского драматического театра шла пьеса Чылгычы Ондара «Кровавые следы». Сюжетная линия пьесы выстраивалась вокруг мысли: «Если бы не было такого гениального тувинского полководца как Субедэй (тув. Субудай), вряд ли бы Чингисхану удалось стать великим завоевателем, изменившим мир» (Монгуш, 2010: 95).

И хотя далеко не все тувинцы, в том числе представители тувинской интеллигенции однозначно героизируют Чингисхана и его роль в тувинской истории (там же: 97–98), тем не менее в постсоветское время ностальгия по Чингисхану в Туве приобрела новый импульс. Образ завоевателя здесь также стал использоваться в самых разных сферах, что можно рассматривать на нескольких уровнях: академическом, музейно-выставочном, туризме и брендинге, политико-символическом, народно-легендарном, культурно-творческом и антропонимическом.

На академическом уровне проводятся исследования, публикуются работы, проводятся научные мероприятия. В археологических, этнографических исследованиях советских ученых на территории Тувы фиксировались упоминания о монгольском периоде и предания местных жителей о Чингисхане. Например, этнографы и археологи еще с 1881 г. (начиная с открытия А. В. Адрианова) знают о каменном изваянии у скалы Бижикиг-Хая в Барун-Хемчикском районе, которое было датировано Л. Р. Кызласовым уйгурским, домонгольским, временем (VIII–IX вв.). Несмотря на этот факт, Кызласов отмечает, что тувинцы называют изваяние «Чингиз-хан» (Кызласов, 1979: 198). Тем самым в академическом дискурсе также отразились и народные поверья, и научная интерпретация переплелась с популярной верой.

Один из соавторов статьи Н. Д. Сувандии также зафиксировала название местности в Пий-Хемском районе *Уш-Көжээ* букв. 'три стелы' (у реки Биче-Баян-Кол), которые по народной легенде являлись указателями дороги для воинов Чингисхана (Сувандии, Кара-оол, 2021: 93).

Современные этнографы также опираются на данные генетических анализов Института общей генетики РАН¹, тем самым обнаруживая среди местных жителей прямых потомков Чингисхана². Сами ученые, этнические тувинцы, например, А. С. Донгак, признаются в наличии духовной связи с монгольской культурой, исторической памяти об «атмосфере эпохи Великой монгольской империи и воли и харизмы Чингисхана»³.

Музейные и выставочные практики. В Национальном музее им. Алдан-Маадыр в Кызыле регулярно проходят временные выставки, посвященные семье Чингисхана (например, выставка 2017 г. «Хан ханов» с восковыми фигурами Чингисхана, его матери Оэлун, друга-предателя Джамухи и др.⁴).

В сфере туризма и брендинга территории известен туристический маршрут «Дорога Чингисхана» (каменная кладка вдоль Енисея, протяженностью примерно 80 км, частично затопленная Саяно-Шушенским водохранилищем)⁵. Она позиционируется как следы древней торговой/военной дороги, связанной с именем Чингисхана. Эта легенда не является новой, о «дороге Чингисхана» упоминает также Л. Р. Кызласов (Кызласов, 1969: 8). Этнокомплекс «Алдын-Булак» («Золотой источник») также поддерживает легенду о захоронении Чингисхана в этих землях и предлагает посетителям погрузиться в кочевую культуру тувинцев⁶. Портал Tuva Travel отмечает, что исторический

¹ Захаров-Гезехус И. А. По следам Чингиз-хана. Генетик в Центре Азии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013.

² Донгак А. И встретились с потомком Чингисхана... [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2011, 21 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/3672-erzin.html> (дата обращения: 23.04.2026).

³ Донгак А. Дух великого Чингисхана и монгольский патриотизм [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институту. URL: <https://tigpi.ru/duh-velikogo-chingis-hana-i-mongolskij-patriotizm/> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Качан И. Тува: Чингисхан, его сыновья, его друзья и недруги [Электронный ресурс] // ИА ТуваОнлайн. 2017, 9 ноября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2017/11/09/tuva-chingishan-ego-synovya-ego-druzya-i-nedrug.html> (дата обращения: 23.04.2026).

⁵ Дорогой Чингисхана. 10 точек притяжения колоритной Тувы [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. 2021, 28 октября. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/dorogoy-chingiskhana-10-tochek-prityazheniya-koloritnoy-tuvy/> (дата обращения: 23.04.2026).

⁶ Там же.

путь тувинского народа проходит через период правления империи Чингисхана, что используется в культурном рассказе для гостей¹.

В общественной и политической символике бывший глава (2007–2021) Тувы Шолбан Кара-оол выступал за возрождение тенгрианства (архаической религии времен Чингисхана) и предложил обязать руководителей республики совершать обряды освящения священных гор (Бай-Тайга и др.), подчёркивая преемственность с времен Чингисхана².

В популярной среде, народных легендах, как пишет Т. А. Зыкова³, бытуют версии о трех возможных местах захоронения Чингисхана внутри границ Тувы: в Сут-Хольском районе, в Тоджинском и под каменным изваянием, о котором выше мы уже упомянули. У тувинцев есть мифологический образ Кезера, который носит также имена Кезер-Чингис-хан (*Кезер-Чингис-хан*), Кезер-Чингис-Хайыракан (*Кезер-Чингис-Хайыракан*), творца-созидателя всего сущего на земле⁴. Как отмечают исследователи, образ Чингисхана причудливо переплетается с образом тибетско-монгольского эпического героя Гэсэра (История Тувы, 2001: 155; Самдан, 2002: 236).

Б. У. Китинов и А. Г. Люлина отмечают, что культ Чингисхана чрезвычайно развит среди тувинцев КНР (Китинов, Люлина, 2022: 25).

Культурная жизнь Тувы не может также обойтись без образа завоевателя. Так, например, конкурс молодых дизайнеров «Искусство на тропе Чингисхана» (2015 г.) демонстрировал, как традиционные тувинские мотивы сочетаются с современными сюрреалистическими образами, вдохновлёнными именем Чингисхана⁵.

Общественный дискурс в соединении с академическим и политическим также поддерживает историческую память и о Субудей-маадыре, полководце армии Чингисхана, происхождение которого относят к танды-урянкайцам, предкам современных тувинцев (Китинов, Люлина, 2022: 25–26). В 2019 г. филолог К. А. Бичелдей издал биографию этого исторического деятеля в художественном изложении⁶. На ее презентации в октябре этого же года Председатель парламента Тувы Кан-оол Даваа сказал: «Образ великого полководца всегда вызывал в республике особый интерес. Личность Субудея до сих пор играет огромную роль в самоидентификации тувинского народа, воспитании подрастающего поколения республики» (Китинов, Люлина, 2022: 26). И как подчеркнули авторы статьи, «акцент на самоидентификацию народа через культ полководца и его роль в воспитании позволяет выделить более перспективный, нежели ретроспективный (в случае с культом Чингисхана) контекст поклонения» (там же). Проводятся отдельные мероприятия о Субудее (Ховалыг, Шой-Сюрюн, Донгак, 2016). И его имя, как мы уже сказали, то выражается также в имянаречении детей (Байыр-оол, 2017).

Таким образом, мы видим, что образ Чингисхана и деятелей его эпохи составляют неотъемлемую часть современной культурной жизни Тувы, что безусловно не могло не отразиться на такой сфере как имянаречение. Но этот процесс наложился на особую тувинскую основу.

¹ Люди и культура [Электронный ресурс] // Tuva Travel. URL: <https://tuva-travel.com/ru/culture/> (дата обращения: 23.04.2026).

² Приймак А. Дух Чингисхана овладевает Сибирью [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2019, 4 июня. URL: https://www.ng.ru/problems/2019-06-04/14_465_syberia.html (дата обращения: 23.04.2026).

³ Зыкина Т. А. Новейшие тувинские древности [Электронный ресурс] // Отечественные записки. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/novejshie-tuvinskie-drevnosti.html> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010. С. 12, 36, 37.

⁵ Лучшим дизайнером Тувы признана Юлия Хирбээ со своей коллекцией «Урянхайские принцессы» [Электронный ресурс] // Хранители Тувы. 2015, 3 июня. URL: <https://kntuva.ru/news/1631> (дата обращения: 23.04.2026).

⁶ Бичелдей К. А. Субудей. Великий урянхайский полководец. Историческая биография в художественном изложении. М.: Слово, 2019. С. 5.

Динамика имянаречений тувинцами детей Чингис и Чингиз

Имена *Чингис* и *Чингиз* распространились в Туве в советские годы, они остаются одними из самых популярных в республике и в постсоветское время¹. И трактовка имени в «пользу» завоевателя настолько стала популярной, что привела к тому результату, о котором мы упомянули во введении, когда органы ЗАГС стали считать *Чингис* и *Чингиз* одним именем, только с разными окончаниями, или парой слов, выглядящих двумя фонетическими и графическими презентациями одного заимствованного имени/титула.

Население также не стало разбираться в этих тонкостях и в итоге женское имя *Чингис* почти полностью стало считать типично мужским, причем в связи с именем Чингисхана².

Это переключение в «пользу» монгольского хана показывают нам, хотя и косвенно, данные органа ЗАГС, например, по г. Кызылу и Кызылскому району Тувы. Согласно статистическим сведениям из архива ЗАГС Республики Тыва (см. таблицу 1), в столичном округе в период с 1945 по 1965 гг. не было зафиксировано ни одного имени «Чингис» или «Чингиз» у новорожденных. Этот факт объясняется не столько тем, что имя не присваивалось, а сколько тем обстоятельством, что город в эти годы имел иную статистику этнического состава населения: в нем проживало больше русских, а тувинцы только мигрировали из сел (Ширап, 2019: 80–81; Доржу, Ширап, 2025).

Таблица 1. Имянаречения мальчиков и девочек в г. Кызыле и Кызылском районе Тувы именами «Чингис» и «Чингиз» в 1945–1990 гг.

Table 1. Naming of boys and girls in the city of Kyzyl and the Kyzylsky district of Tuva with the names "Genghis" and "Genghis" in 1945–1990.

Пятилетки	Чингис		Чингиз	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
1945–1950	-	-	-	-
1951–1955	-	-	-	-
1956–1960	-	-	-	-
1961–1965	-	-	-	-
1966–1970	1	-	2	-
1971–1975	15	1	3	-
1976–1980	38	-	16	-
1981–1985	171	2	64	-
1986–1990	523	11	54	-

С 1970-х гг. город наполняется тувинцами — горожанами-мигрантами, у которых рождаются дети — первое поколение рожденных в городе тувинцев. Мы видим по данным таблицы 1, что *Чингис* как традиционное женское имя продолжало присваиваться девочкам, но общая тенденция по маскулинизации очевидна. Число мальчиков с именем *Чингис* выросло за 20 лет с геометрической прогрессии, а имя *Чингиз* присваивалось и продолжает присваиваться исключительно мальчикам.

Дальнейшую динамику нам покажут уже показатели по всей республике, в которых мы не стали делать деления по полу, поскольку нас интересовал общий интерес жителей Тувы к двум именам, которые стали восприниматься вариациями одного имени (таблица 2).

¹ В Туве самые популярные женские имена: Айлуна, Алдын-Сай, Анастасия, Алина, Алиса, Александра, Даяна [Электронный ресурс] // ИА ТуваОнлайн. 2018, 17 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/12/17/v-tuve-samye-populyarnye-zhenskie-imena-ayluna-aldyn-say-anastasiya-alina-alisa-aleksandra-dayana.html> (дата обращения: 24.04.2026).

² Там же.

Таблица 2. Присвоение имен Чингис и Чингиз рожденным детям Тувы в 1990–2025 гг., согласно данным органов ЗАГС Республики Тыва¹

Table 2. Naming of Genghis and Genghis to the born children of Tuva in 1990–2025, according to the Registry Office of the Republic of Tuva

Годы	Чингис	Чингиз
1990	79	11
1991	104	14
1992	89	16
1993	59	11
1994	59	15
1995	54	13
1996	46	5
1997	40	9
1998	24	10
1999	30	7
2000	20	18
2001	30	8
2002	36	3
2003	30	3
2004	41	2
2005	33	5
2006	34	5
2007	34	7
2008	40	5
2009	33	3
2010	31	3
2011	35	3
2012	30	3
2013	28	3
2014	25	3
2015	36	6
2016	29	4
2017	32	5
2018	27	3
2019	18	2
2020	12	2
2021	11	1
2022	9	-
2023	10	1
2024	12	1
2025	10	-
ИТОГО	1271	210

Переведем указанные цифр в формат диаграммы.

¹ Среди данных ЗАГСа также встречались единичные варианты: *Чиңгис* (в тувинском написании) и *Чингис-оол*, которые мы не здесь учитываем.

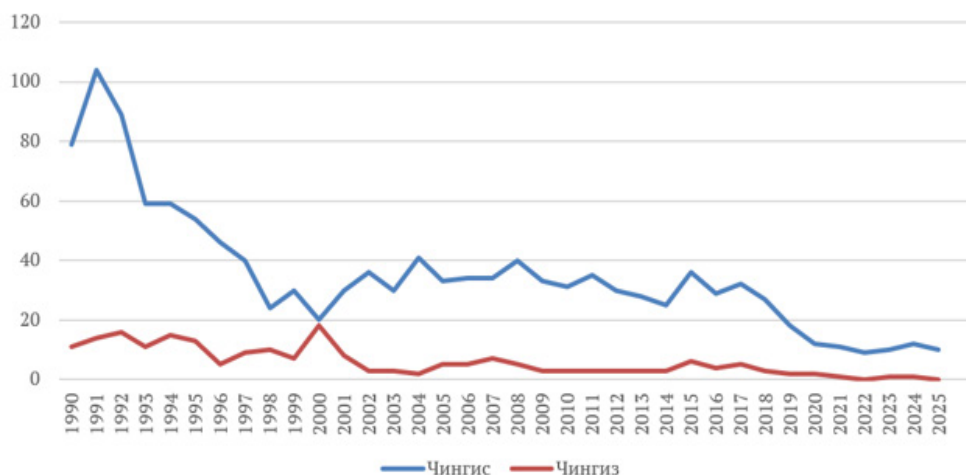

Диаграмма. Динамика присвоения имен Чингис и Чингиз рожденным детям Тувы в 1990–2025 гг., согласно данным органов ЗАГС Республики Тыва.
Diagram. The dynamics of naming Genghis and Genghis to Tuvan-born children in 1990–2025, according to the Registry Office of the Republic of Tuva

Диаграмма нам показывает в первую очередь этапность популярности имени (если его рассматривать как одно). 1990-е годы можно интерпретировать как пик «национально-патриотической волны» имяназвания: очень высокие показатели 1990–1992 гг. (примерно 80–100 новорожденных в год) совпадают с распадом СССР, ростом интереса к «своей» истории и фигурам степной державности. Дальнейшее снижение в 1996–2000-е гг. (падение с 50–60 к 20–40 в год) выглядит как нормализация: имя перестает быть новой модной маркерной практикой и превращается в устойчивый, но менее массовый выбор. С середины 2000-х до примерно середины 2010-х гг. колебания имени находятся в узком коридоре (примерно 25–40 имен в год), без резких скачков. Имя переходит из разряда «идеологически нагруженных» в разряд обычных массовых мужских имен, становясь своего рода нормой мужского имяназвания в Туве, а не только маркером отношения к историческому персонажу. После 2015 г. видна тенденция к устойчивому снижению частоты (с 36 — в 2015 г. до 10–12 — в 2020-е гг.).

Включение Тувы в более широкий российский и глобальный культурный контекст, который произошел в постсоветское время, привело к росту разнообразия имен, вследствие чего даже популярное традиционно-патриотическое имя начинает «проигрывать» конкуренцию более модным или интернациональным именам. Это согласуется с общим описанием перехода к свободному выбору имён и выходом за рамки традиционной системы. Мощная историческая память о Чингисхане сохраняется, но не требует повторного «подтверждения» в каждом поколении через имяназвание, тем более на фоне конкуренции с образом Субэдэя, который всё активнее используется именно как фигура самоидентификации.

Из таблицы и диаграммы также видно, что: *Чингис* количественно доминирует над *Чингиз* (1271 против 210 за весь период). Доля *Чингиза* заметно сокращается к концу периода, а в 2022 и 2025 гг. вообще не фиксируется. Выбор формы *Чингис* (с глухим согласным [s] в окончании) по сравнению с *Чингиз* (со звонким согласным [z] в окончании) можно интерпретировать как постепенное «локализирующее» переосмысление имени, возвращение к более «тувинской» (и монгольской) форме, тогда как *Чингиз* маркирует скорее общетюркскую/советско-интернациональную традицию.

Как мы уже сказали, с точки зрения тувинской фонетики форма *Чингис* структурно более естественна, а вариант персидской версии с [z] на конце остается чуждым фонологическому стандарту, нетипична именно финальной звонкой. Поэтому исчезновение варианта *Чингиз* в 2020-е гг. может означать, что конкуренция между двумя вариантами не просто завершается «победой» *Чингис*, но и что родители начинают осознанно избегать «чуждой» финальной звонкой согласной, тем самым «донационализируя» имя на фонетическом уровне.

В массовом сознании оба имени трактуются как отсылка к Чингисхану. Статистика динамики имяназваний *Чингис/Чингиз* в 1990–2025 гг. демонстрирует не только количественные изменения, но и завершившийся семантический сдвиг: бывшее «растительное» и женское по происхождению имя окончательно закрепилось в мужском сегменте и стало символом героизированной маскулинности. Но в распределении по формам (*Чингис/Чингиз*) проявляется обратное: выбор той формы, которая ближе к локальной лексике и фонетике тюркского и монгольского языков. То есть на уровне фонетической реализации и долговременной статистики просматривается восстановление традиционного звучания имени (через устойчивое доминирование и сохранение формы *Чингис*).

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать имена «Чингис» и «Чингиз» как точку пересечения нескольких пластов культурной памяти и языковых практик тувинцев, где локальная ботаническая традиция и глобальный монгольский миф взаимодействуют и взаимно переопределяют друг друга. Показано, что изначально тувинское *Чингис* как название мха, входящее в древний пласт растительной лексики, служило основой преимущественно женских имен и вписывалось в систему пожелательных, эстетически маркированных имен для девочек. Однако усиление образа Чингисхана в академическом, политическом и массово-культурном дискурсе Тувы привело к переосмыслению имени и его почти полному смещению в мужской сегмент, где оно стало символом силы, власти и героической маскулинности.

Историческая память о Чингисхане, поддерживаемая научными исследованиями, музейными выставками, туристическими маршрутами и политико-символическими жестами — все это создало широкий контекст, в котором выбор имени «Чингис/Чингиз» воспринимается как участие в престижной традиции и как маркер национально-культурной идентичности. В то же время статистика ЗАГС свидетельствует о временной ограниченности «патриотической волны» 1990-х гг. и постепенном снижении частоты этих имен на фоне роста разнообразия и интернационализации антропонимии в постсоветской Туве.

Особое значение имеет выявленный фонетико-семантический сдвиг в пользу формы Чингис: количественное доминирование этой формы и исчезновение варианта Чингиз в 2020-е гг. интерпретируется как процесс возвращения традиционного звучания имени. При том, что массовое сознание связывает оба варианта прежде всего с Чингисханом, долговременная статистика отражает возвращение к фонетически естественной для тувинского (как и монгольского) языка форме и скрытое сохранение исходной ботанической мотивации.

Таким образом, имяназрение Чингис/Чингиз оказывается индикатором более широких процессов: смены поколенческих стратегий именования, переосмысления национальной истории, конкуренции локальных и глобальных символов, а также поиска баланса между традицией и модерностью в репертуаре личных имен тувинцев.

Благодарности

Благодарим руководство и сотрудников органа ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва (всех районных отделений) за предоставленные сведения.

Вклад авторов:

Ламажаа Ч. К. — идея исследования, написание, редактирование статьи,

Сувандии Н. Д. — организация получения материалов из органов ЗАГС, написание раздела статьи,

Амалбекова М. Б. — сбор материалов, написание раздела статьи,

Иргит Л. Р. — обработка сведений из органов ЗАГС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байыр-оол, М. С. (2017) Имя Субудая в имяназрении тувинцев 1980–2000-х годов // Новые исследования Тувы. № 4. С. 154–170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.10>

Белова Г. А., Коган Л. Е., Лалезари С. В., Романова О. И. (2009) Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М. : Academia. 832 с.

Ванчикова, Ц. П. (2013) К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. № 2 (49). С. 112–119.

Доржу, З. Ю., Ширап, Р. О. (2025) Адаптация тувинцев-сельчан к городской жизни Кызыла в 1960–1980-е гг. // Новые исследования Тувы. № 4. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.2>

Дьяченко, Н. В. (2025) «Фигуры воспоминания» Чингисхан и Амир Тимур: сравнительно-политический анализ мемориальных образов в политическом дискурсе Монголии и Узбекистана // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 53. С. 80–91. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80>

Егорова, О. Г., Беляков, Д. А. (2023) Художественные интерпретации образа Чингисхана в англоязычной литературе XX и XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. Вып. 8. С. 2524–2529.

Исаков, А. В. (2024а) Семантика и прагматика упоминаний Чингисхана в текстах бурятской литературы XX века // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2(42). С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.2.42.012>

Исаков, А. В. (2024b) Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти // Монголоведение (Монгол судлал). Т. 16. № 2. С. 385–399. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-385-399>

История Тувы (2001) / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. 367 с.

Китинов, Б. У., Люлина, А. Г. (2022) Буддизм и шаманизм у современных тувинцев России и Китая: на примере народных культов и традиций // Ориенталистика. Т. 5(1). С. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

Кучина, Л. В. (2012) Культурная память, как проявление диалога культур народов. (отражение образа Чингиз-хана в культурной памяти калмыков) // Человеческий капитал. № 12 (48). С. 35–41.

Куулар, Д. К., Куулар, Т. М. (1974) Тыва эн үнүштер [Лекарственные растения в Туве]. Кызыл : Тувкнигоиздат. 68 с. (На тув. яз.).

Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века. М. : Изд-во Московского университета. 211 с.

Кызласов, Л. Р. (1979) Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Московского университета. 207 с.

Ламажаа Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Марков, В. И. (2018) Парадоксы культурной памяти: культ Чингисхана в XXI в. // Вестник культуры и искусств. № 1 (53). С. 43–51.

Ондар, М. В. (2022) Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте). Абакан : ООО «Кооператив “Журналист”». 320 с.

Салгараев, М. Т., Кулахмедова, А. (2025) Великие полководцы: Александр Македонский и Чингисхан // Turkic Historical Studies. Т. 4. № 7. С. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.47526/2024-1/3007-6366.51>

Самдан, А. А. (2016) Тувинские монголоязычные рукописи. Абакан : б. и. 185 с.

Самдан, З. Б. (2002) Поэтика тувинского мифа // Ученые записки / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл : Республиканская типография. Вып. XIX. С. 235–246.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : б. и. 208 с.

Сувандии, Н. Д. (2024) Обряд имянаречения как процесс категоризации в тувинском языке // Когнитивные исследования языка. № 5 (61). С. 691–695.

Сувандии, Н. Д. (2025) Сакральная значимость тувинских личных имен: традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 234–247. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.15>

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С. (2021) Тувинские собственные имена. Кызыл : Тувинский государственный университет. 224 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 130 с.

Ховалыг, Н. К.-К., Шой-Сюрюн, Т. М., Донгак, К. Н. (2016) Круглый стол «Урянхаец Субедей — Великий полководец» (г. Кызыл, 4 декабря 2015 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 232–241.

Цыренова, Н. Д., Цыренов, Ч. Ц. (2024) Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность // Монголоведение (Монгол судлал). Т. 16. № 2. С. 312–326. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-312-326>

Чингисхан и судьбы народов Евразии = Chingiskhan and destinies of nations of Euroasia (2003) : Материалы междунар. науч. конф., 3–5 окт., 2002 г / редкол.: С. В. Калмыков и др. Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета. 618 с.

Чингисхан и судьбы народов Евразии — 2 (2007) : материалы международной научной конференции, 11–12 октября 2007 г. / редкол.: С. В. Калмыков и др. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета. 580 с.

Ширап, Р. О. (2019) Социально-демографическое развитие г. Кызыла в 1940–1960-е гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. № 4 (52). С. 76–83.

Broadbridge, A. F. (2018) Women and the Making of the Mongol Empire. Cambridge University Press. 341 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108347990>

Pelliot, P. (1949) Histoire secrète des Mongols. Paris: Imprimerie Nationale. 205 p.

Sodnom, U. (2018) The Title Name: 'Ch(T)igin' or 'Chinggis' // Oriental Studies. Vol. 38. Issue 4. P. 94–99. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-38-4-94-99

Weatherford, J. (2004) Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York : Three Rivers Press. 2325 p.

Дата поступления: 28.02.2026 г.

Дата принятия: 13.03.2026 г.

REFERENCES

Bayyr-ool, M. S. (2017) Subudai's name in the naming practices of Tuvans in the 1980s–2000s. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 154–170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.10>

Belova, G. A., Kogan, L. E., Lalezari, S. V. and Romanova, O. I. (2009) *Languages of the world: Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic languages*. Moscow, Academia. 832 p. (In Russ.)

Vanchikova, Ts. P. (2013) On the origin of the cult of Genghis Khan: based on materials of the “White History”. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, no. 2 (49), pp. 112–119. (In Russ.)

Dorzu, Z. Yu. and Shirap, R. O. (2025) Adaptation of rural Tuvans to urban life in Kyzyl in the 1960s–1980s. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 23–37. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.2>

Dyachenko, N. V. (2025) “Figures of remembrance” Genghis Khan and Amir Timur: a comparative political analysis of memorial images in the political discourse of Mongolia and Uzbekistan. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 53, pp. 80–91. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80>

Egorova, O. G. and Belyakov, D. A. (2023) Literary interpretations of the image of Genghis Khan in English-language literature of the twentieth and twenty-first centuries. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, issue 8, pp. 2524–2529. (In Russ.)

Isakov, A. V. (2024a) Semantics and pragmatics of mentions of Genghis Khan in the texts of twentieth-century Buryat literature. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, no. 2 (42), pp. 79–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.2.42.012>

Isakov, A. V. (2024b) Genghis Khan in the folklore traditions of Mongolic peoples: mythological frameworks of memory. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*, vol. 16, no. 2, pp. 385–399. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-385-399>

History of Tuva (2001) Ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. 367 p. (In Russ.)

Kitinov, B. U. and Lyulina, A. G. (2022) Buddhism and shamanism among contemporary Tuvans of Russia and China: on the example of folk cults and traditions. *Orientalistika*, vol. 5 (1), pp. 15–34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

Kuchina, L. V. (2012) Cultural memory as a manifestation of the dialogue of peoples' cultures: reflection of the image of Genghis Khan in the cultural memory of Kalmyks. *Chelovecheskiy kapital*, no. 12 (48), pp. 35–41. (In Russ.)

Kuular, D. K. and Kuular, T. M. (1974) *Medicinal plants in Tuva*. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 68 p. (In Tuva.).

- Kyzlasov, L. R. (1969) *History of Tuva in the Middle Ages*. Moscow, Moscow University Press. 211 p. (In Russ.)
- Kyzlasov, L. R. (1979) *Ancient Tuva (from the Paleolithic to the ninth century)*. Moscow, Moscow University Press. 207 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Key problems in the study of kinship and kin groups among contemporary Tuvans: formalization, terminology, and maintenance of kin relations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Markov, V. I. (2018) Paradoxes of cultural memory: the cult of Genghis Khan in the twenty-first century. *Vestnik kultury i iskusstv*, no. 1 (53), pp. 43–51. (In Russ.)
- Ondar, M. V. (2022) *Features of the language of Tuvan heroic tales (in a comparative aspect)*. Abakan, OOO Kooperativ “Zhurnal’ist”. 320 p. (In Russ.)
- Salgaraev, M. T. and Kulakhmedova, A. (2025) Great military leaders: Alexander the Great and Genghis Khan. *Turkic Historical Studies*, vol. 4, no. 7, pp. 80–88. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47526/2024-1/3007-6366.51>
- Samdan, A. A. (2016) *Tuvan Mongolic-language manuscripts*. Abakan, s. n. 185 p. (In Russ.)
- Samdan, Z. B. (2002) Poetics of the Tuvan myth. In: *Uchenye zapiski*, ed. by V. D. Mart-ool. Issue XIX. Kyzyl, Republican Printing House. Pp. 235–246. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2011) *Tuvan anthroponymy*. Kyzyl, s. n. 208 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2024) The naming ritual as a categorization process in the Tuvan language. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 5 (61), pp. 691–695. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2025) The sacred significance of Tuvan personal names: tradition and modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 234–247. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.15>
- Suvandii, N. D. and Kara-ool, L. S. (2021) *Tuvan proper names*. Kyzyl, Tuvan State University. 224 p. (In Russ.)
- Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 130 p. (In Russ.)
- Khovalyg, N. K.-K., Shoi-Syuryun, T. M. and Dongak, K. N. (2016) Round table “Uryankhai Subedei — a great military commander” (Kyzyl, 4 December 2015). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 232–241. (In Russ.)
- Tsyrenova, N. D. and Tsyrenov, Ch. Ts. (2024) The Ordos mausoleum of Genghis Khan: history and modernity. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*, vol. 16, no. 2, pp. 312–326. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-312-326>
- Chingiskhan i sud’by narodov Evrazii = Chingiskhan and destinies of nations of Eurasia* (2003) Materials of the international scholarly conference, 3–5 October 2002. Ed. board: S. V. Kalmykov et al. Ulan-Ude, Buryat State University Press. 618 p. (In Russ.)
- Chingiskhan i sud’by narodov Evrazii — 2* (2007) Materials of the international scholarly conference, 11–12 October 2007. Ed. board: S. V. Kalmykov et al. Ulan-Ude, Buryat State University Press. 580 p. (In Russ.)
- Shirap, R. O. (2019) Socio-demographic development of the city of Kyzyl in the 1940s–1960s. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial’nye i gumanitarnye nauki*, issue 1. Social and Human Sciences, no. 4 (52), pp. 76–83. (In Russ.)
- Broadbridge, A. F. (2018) *Women and the Making of the Mongol Empire*. Cambridge University Press. 341 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108347990>
- Pelliot, P. (1949) *Histoire secrète des Mongols*. Paris, Imprimerie Nationale. 205 p.
- Sodnom, U. (2018) The Title Name: ‘Ch(T)igin’ or ‘Chinggis’. *Oriental Studies*, vol. 38, issue 4, pp. 94–99. DOI: [10.22162/2619-0990-2018-38-4-94-99](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-94-99)
- Weatherford, J. (2004) *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York, Three Rivers Press. 2325 p.

Submission date: 28.02.2026.

Acceptance date: 13.03.2026.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

DOI: 10.25178/nit.2026.3.18

Статья

Экзистенциальная проблематика человеческого бытия в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита

Шынгыс А. Умбетаев, Алуа Б. Темирболат

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Республика Казахстан

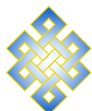
В статье анализируется поэзия двух авторов тюркоязычных народов — казаха Шакарима Кудайбердиева и тувинца Эдуарда Мижита — в контексте экзистенциального психологизма И. Ялома и его концепции «четырех данностей бытия». Исследование направлено на выявление способов художественного осмысления фундаментальных категорий человеческого существования — свободы выбора, одиночества, смерти, поиска смысла жизни в творчестве и в системе нравственных ценностей казахского и тувинского писателей. Произведения анализируются с точки зрения их философско-эстетических взглядов, этнокультурных традиций, в рамках которых формировалось и развивалось их литературное наследие.

Сопоставляются поэтические стратегии осмысления фундаментальных данностей бытия в определении национально обусловленных форм выражения предельного личного опыта в произведениях, выявляются типологические сходства и различия в интерпретации экзистенциальных проблем в творчестве поэтов.

Установлено, что экзистенциальный психологизм является ключевым элементом произведений поэтов. В творчестве рассмотренных авторов наблюдается общность философской проблематики при различии художественных моделей ее выражения, обусловленных историческим опытом и культурными традициями, в рамках которых формировались их эстетические взгляды и мировоззрение. При этом в лирике Ш. Кудайбердиева фундаментальные данности осмысляются преимущественно через этическую проблематику, нравственный выбор и идею духовного самосовершенствования личности. В поэзии Э. Мижита доминируют интроспекция, переживание абсурдности бытия, онтологическая тревога и мотивы одиночества, на уровне которых его произведения сближаются с психологической интерпретацией экзистенциального опыта.

Ключевые слова: казахская литература; тувинская литература; экзистенциальный психологизм; Шакарим Кудайбердиев; Эдуард Мижит

Для цитирования:

Умбетаев Ш. А., Темирболат А. Б. Экзистенциальная проблематика человеческого бытия в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 306-324. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.18>

Умбетаев Шынгыс Амантаевич — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: shyngys.amantay@gmail.com

Темирболат Алуа Берикбайкызы — доктор филологических наук, профессор кафедры казахской литературы и теории литературы Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: aluatem2015@gmail.com

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Existential Issues of Human Existence in the Poetry of Shakarim Kudayberdiuly and Eduard Mizhit

Shyngys A. Umbetayev, Alua B. Temirbolat

Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the poetry of two authors from Turkic-speaking peoples, the Kazakh writer Shakarim Kudayberdiuly and the Tuvan poet Eduard Mizhit, in the context of Irvin Yalom's existential psychologism and his concept of the "four givens of existence." The study aims to identify the ways in which fundamental categories of human existence — freedom of choice, loneliness, death, and the search for the meaning of life in artistic creativity and in the system of moral values — are conceptualized in the works of the Kazakh and Tuvan authors. Their works are examined in terms of their philosophical and aesthetic views and the ethnocultural traditions within which their literary legacy was formed and developed.

The article compares poetic strategies for comprehending the fundamental givens of existence, focusing on nationally conditioned forms of expressing ultimate personal experience in the authors' works, and reveals typological similarities and differences in the interpretation of existential problems in their poetry.

The study establishes that existential psychologism is a key element in the poets' works. In the writings of the authors considered, there is a commonality of philosophical problematics alongside differences in the artistic models of its expression, which are shaped by the historical experience and cultural traditions within which their aesthetic views and worldview were formed. In Sh. Kudayberdiuly's lyric poetry, the fundamental givens are interpreted primarily through ethical problematics, moral choice, and the idea of spiritual self-perfection of the individual. In the poetry of E. Mizhit, introspection, experience of the absurdity of existence, ontological anxiety, and motifs of loneliness predominate, bringing his works closer to the psychological interpretation of existential experience.

Keywords: Kazakh literature; Tuvan literature; existential psychologism; Shakarim Kudayberdiuly; Eduard Mizhit

For citation:

Umbetayev Sh. A. and Temirbolat A. B. Existential Issues of Human Existence in the Poetry of Shakarim Kudayberdiuly and Eduard Mizhit. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 306-324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.18>

UMBETAYEV, Shyngys Amantayevich, Doctoral Student, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: shyngys.amantay@gmail.com

ORCID: 0009-0005-4038-4410

TEMIRBOLAT, Alua Berikbaykyzy, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: aluatem2015@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7888-8957

Введение

Творчество Шакарима Кудайбердиева (1858–1931) — казахского поэта, философа и мыслителя рубежа XIX–XX вв. и Эдуарда Мижита (1961–2023) — народного писателя Тувы XX–XXI вв., переводчика и общественного деятеля, сформировалось, с одной стороны, в рамках тюркской литературной традиции, сложившейся в условиях кочевого образа жизни и взаимодействия мифологических, религиозных и философских систем; с другой — развивалось в контексте советской литературной парадигмы, оказавшей влияние на особенности восприятия и интерпретации, проблематику, эстетическое содержание и поэтику их произведений. В таком сочетании традиционного и идеологически обусловленного дискурсов формируются специфические модели их художественного мышления и репрезентации человеческого бытия. Для казахской культуры большое значение имели идеи ислама. Они пронизывают произведения Ш. Кудайбердиева. В советскую эпоху наследие казахского поэта-мыслителя было предано забвению. Его философско-эстетические взгляды, стремление к духовности, поиски истины и смысла жизни подверглись жесткой критике. Для тувинской культуры значимыми оставались шаманизм и буддизм, переосмысленные Э. Мижитом в культурном контексте исторической эпохи, в которую он жил и творил. В его творчестве органично сочетаются обращение к национальной мифопоэтической традиции и такие черты советской литературной поэтики, как усиленное внимание к социально-этической проблематике, публицистическая направленность, осмысление роли и места человека в контексте общественного развития.

В литературоведении наследие Ш. Кудайбердиева рассматривается в контексте культурно-исторического процесса конца XIX — начала XX в. Исследователями отмечается, что он был «летописцем своей эпохи», а «его творчество — энциклопедией народной жизни». Согласно их точке зрения, поэзия Ш. Кудайбердиева представляет собой философскую лирику, в которой центральное место занимает проблема нравственного выбора и духовной ответственности личности. В его творчестве «переплелись гуманизм и просветительство, религиозность и романтика высоких идеалов, аскетизм и религиозный морализм, высокая нравственность и философское мировидение» (Аубакир, Гайнулина, 2018: 18).

Ш. Кудайбердиев создавал свои произведения на казахском языке, хотя и владел русским языком, активно занимался переводческой деятельностью. Его творчество неразрывно связано с национальной культурой и системой духовных ценностей родного народа.

Э. Мижит характеризуется литературоведами как поэт философского склада. В его творчестве органично сочетаются мифологические представления тувинского народа и традиции русской культуры. Он создавал свои произведения на тувинском и русском языках, что обусловило билингвальный характер его поэтики. Исследователи отмечают присущие его лирике рефлексивность, внутренний драматизм и стремление к метафизическому осмыслению мира. Так, мнению Л. С. Дампиловой, билингвизм поэта расширяет художественные и культурные возможности его творчества, одновременно усиливая внутреннюю напряженность и экзистенциальную проблематику художественного высказывания (Дампилова, 2014: 158).

Актуальность исследования обуславливается необходимостью дальнейшего развития сравнительного изучения тюркских литератур и углубленного анализа философско-экзистенциальной проблематики в национальной поэзии. Творчество Ш. Кудайбердиева рассматривалось в контексте русской культуры. Исследователи отмечают, что влияние на произведения казахского поэта-мыслителя. Ими указывается близость философских воззрений Ш. Кудайбердиева с идеями Л. Н. Толстого (Смагулов, Кенжебекова, 2015). Лирика Э. Мижита рассматривалась с точки зрения проблемы билингвизма, в сравнении с произведениями казахского поэта Б. Кайырбекова. Литературоведами были отмечены близость их эстетических взглядов, структуры и хронотопа их стихотворений (Валикова, Шагимгереева, Кулиева, 2020). Тем самым выявлена продуктивность сравнительного изучения творчества писателей. Вместе с тем сопоставительное исследование поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита в аспекте экзистенциальной проблематики до настоящего времени не осуществлялось. Более того, их творчество не рассматривалось в системной связи с концепцией фундаментальных данностей человеческого бытия, разработанной американским ученым-психиатром И. Яломом (Ялом, 2019). Согласно его точке зрения, важнейшими категориями являются смерть, свобода, изоляция и бессмысленность. Данные понятия определяют особенности глубинных внутренних противоречий личности, характеризуют предельные состояния человеческого существования и служат основой для изучения тревоги, ответственности, одиночества и поиска смысла жизни.

Концепция И. Ялома получила применение при интерпретации художественных произведений, в которых экзистенциальные мотивы выступают структурообразующими элементами поэтики. Сквозь призму идей американского ученого, например, осмысляется роман Х. Хамди «Покажись мне, чтобы я мог взглянуть на тебя» (Naghdeali et al., 2025).

Научная новизна работы заключается в сравнительно-сопоставительном изучении произведений казахского и тувинского писателей сквозь призму экзистенциального психологизма, который позволил выявить универсальные и национально-специфические формы художественного отражения предельных вопросов человеческого существования. Впервые поэтическое наследие Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита рассматривается в системной связи с концепцией фундаментальных данностей бытия И. Ялома, и их творчество осмысляется как значимый феномен философско-поэтической традиции казахского и тувинского народов.

Междисциплинарный характер исследования обусловил обращение к таким научным областям, как литературоведение, философия (экзистенциальная философия, философская антропология), психология (экзистенциальная психология).

Проблема работы заключается в определении механизмов репрезентации бытийного опыта в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита, в которой философские и психологические проблемы раскрываются не в форме систематизированного учения, а на уровне образности, символики и интонации лирического высказывания. Такой подход позволяет рассматривать их произведения как особую форму мировоззренческой рефлексии, способную зафиксировать переживания личности в культурно обусловленных художественных моделях.

Цель статьи заключается в выявлении и сопоставительном изучении философско-психологических мотивов и художественных способов осмысления экзистенциальной проблематики человеческого бытия в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита, в определении степени их соотнесенности с данностями человеческого бытия, сформулированными в концепции И. Ялома. Объектом исследования являются стихотворения казахского и тувинского писателей. Предмет исследования — философско-психологические мотивы их творчества и художественные способы репрезентации, направленные на осмысление экзистенциальных оснований человеческого бытия.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи: 1) определить теоретико-методологические основания анализа экзистенциальной проблематики в художественном тексте на основе философской традиции экзистенциализма и концепции И. Ялома; 2) выявить особенности художественной репрезентации и мировоззренческую функцию категорий бессмысленности и смерти в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита; определить различия подходов писателей к проблеме конечности бытия; 3) проанализировать категории свободы и одиночества как формы экзистенциального самоопределения лирического героя; определить их роль и значение в структуре экзистенциального сознания Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита; 4) определить типологические особенности и философские основания культурно-философских моделей экзистенциального сознания, получивших отражение в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита.

Анализ произведений поэтов в рамках данного исследования осуществлялся преимущественно на материале их русскоязычных публикаций. Стихотворения Ш. Кудайбердиева рассматривались в переводе, тексты Э. Мижита — написанные им на русском языке благодаря его билингвальности. Следует отметить, что в процессе перевода происходит трансформация отдельных элементов поэтической формы и образности. Однако данное исследование направлено на выявление типологических и философских оснований художественного мышления, которые, как правило, сохраняются на уровне смысловых структур и концептуальных доминант и могут быть реконструированы на материале переводных текстов.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют идеи экзистенциальной психологии И. Ялома (Ялом, 2019), труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных творчеству Ш. Кудайбердиева (Аубакир, Гайнуллина, 2008; Аманиязова, 2019; Смагулова, Аубакир, Магазбеков, 2025; и др.) и Э. Мижита (Валикова, Шагимгереева, Кулиева, 2020; Донгак, 2020; Мижит, 2022; и др.). В работе применяются философско-онтологический анализ, компаративный, семиотический и герменевтический методы, позволившие рассматривать поэтический текст как пространство осмысления индивидуального и коллективного опыта бытия.

Источниковую базу исследования составляют поэтические тексты Ш. Кудайбердиева («В какой-то год сражаясь беспощадно», «Иные вторят, что жену оставил», «В году овцы под летний зной», «Бездушным став, обрел какую пользу?», «И я уйду, навечно сгину», «О себе», «О, мой казах, слезами обольешься»)¹ и Э. Мижита («Дух мысли»², а также «На грани», «Тень», «Умирая», «Стороны», «Спасение», «Время моей земли», «Сыну Айдемиру», «Одиноко в безмолвных горах»³).

Теоретические основания исследования

Концептуальной основой для психотерапевтической системы И. Ялома стали идеи экзистенциализма. Они были заложены в трудах С. Кьеркегора (Кьеркегор, 2023), Ф. Ницше (Ницше, 2024), М. Хайдеггера (Хайдеггер, 2003), Ж.-П. Сартра (Сартр, 2025), А. Камю (Камю, 2023). Экзистенциализм акцентирует внимание на осмыслении уникальности человеческого бытия и утверждении первичности существования по отношению к сущности. Личность в рамках данной философской парадигмы понимается как изначально свободная, однако эта свобода неразрывно связана с переживаниями абсурда, тревоги, отчуждения и необходимостью ответственности за собственный выбор. Поэзия как форма художественной интроспекции обладает особыми выразительными средствами для раскрытия и передачи данных состояний.

И. Ялом в своих исследованиях сместил акцент с бессознательных конфликтов на фундаментальные данности человеческого бытия. В работах «Теория и практика групповой психотерапии» (1970), «Экзистенциальная психотерапия» (1980) он интерпретирует групповые взаимодействия как отражение экзистенциальных противоречий личности (Ялом, 2019; Ялом, Лесц, 2024).

В концепции И. Ялома выделяются четыре фундаментальные данности человеческого бытия: смертность, свобода, онтологическое одиночество и поиск смысла жизни. Они являются неизбежными и обязательными составляющими существования людей. Конфронтация с этими данностями, с одной стороны, порождает внутренний кризис личности, проявляющийся в депрессии, тревоге, одиночестве или зависимостях; с другой — открывает возможность для осознания ответственности за собственную жизнь (Ялом, 2019: 9).

В процессе исследований И. Ялом обращается к художественно-публицистическим формам. Он создает так называемую «терапевтическую литературу», в которой экзистенциальный психологизм приобретает нарративное измерение. Согласно его точке зрения, осознание неизбежности смерти и сопутствующей ей неопределенности может становиться источником интенсивных страданий. Избегание данной темы нередко лежит в основе психопатологических состояний. В то же время навязчивая сосредоточенность на проблеме смерти также требует терапевтического осмысления.

Свобода, по мнению И. Ялома, предполагает признание способности человека к совершению выбора. В этом заключается основное отличие экзистенциальной психотерапии от детерминистских моделей психики. Однако осознание собственной свободы может восприниматься человеком как бремя, вызывающее у него тревогу и растерянность.

Внутриличностная изоляция проявляется в формах отчуждения субъекта от самого себя, в утрате автономии, в зависимости от внешних опор и защитных механизмов. Центральное место в бытии людей занимает проблема смысла жизни. Как утверждают исследователи, если мир не наделен объективным значением, ответственность за его обретение ложится на самого человека, что может восприниматься как непосильная задача и становиться поводом для обращения за помощью (Schnipke, MacKay, 2023: 73).

Экзистенциальная психотерапия И. Ялома объясняет как фундаментальные данности существования людей осмысляются на уровне индивидуального опыта. Акцент исследователя на внутреннем переживании, рефлексии и личностной ответственности создает методологические предпосыл-

¹ Все тексты опубликованы в издании: Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008.

² Мижит Э. Дух мысли [Электронный ресурс] // Портал национальных литератур. URL: <https://rus4all.ru/tvy/20190425/2681/dukh-mysli.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

ки для анализа онтологического опыта в художественном дискурсе. В поэзии, представляющей собой форму субъективного самовыражения автора, обращенного к собственному внутреннему опыту, данные процессы находят особое отражение, поскольку поэтическое мышление строится на интроспекции. Она выступает способом постижения экзистенциальных состояний личности и сосредоточена на внутреннем конфликте лирического «Я».

Интроспекция понимается в современной науке как метод самонаблюдения, направленный на осмысление собственных мыслей, чувств и состояний сознания¹. С данным понятием связано представление о транспарентности — прозрачности субъекта для самого себя и окружающего мира (Burne, 2018: 109; Беседин и др., 2021: 200).

Применение психотерапевтических концепций к анализу художественных текстов имеет устойчивую традицию в гуманитарных науках и связано с развитием психологического и психоаналитического литературоведения. В рамках данного подхода произведение рассматривается как форма отражения внутреннего мира личности. При этом категории психологической теории используются в качестве аналитического инструментария для постижения и объяснения смысловых и ценностных структур художественного текста. Соответственно концепция И. Ялома позволяет выстроить интерпретационную модель, основанную на выявлении в поэтическом тексте репрезентаций фундаментальных экзистенциальных данностей человеческого бытия (смерти, свободы, одиночества и смысла) и форм их переживания лирическим субъектом. Данная модель предполагает последовательный анализ образной системы, мотивной структуры и рефлексивных высказываний, на уровне которых раскрывается экзистенциальный опыт личности.

Изучение экзистенциального психологизма в поэзии требует применения методов, позволяющих анализировать внутренний мир лирического героя, его мотивацию и психологические переживания, репрезентированные в системе поэтических образов, в языке и в структуре текста (Заманская, 2001).

Концепция И. Ялома способствует пониманию особенностей мировоззрения и мировосприятия Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита. В процессе анализа их поэтических произведений идеи американского ученого используются в качестве философско-психологического инструмента интерпретации, направленного на выявление глубинных смысловых структур художественного текста.

Бессмысленность и смерть как экзистенциальные категории

Экзистенциальный психологизм в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита формируется как способ художественного осмысления предельных состояний человеческого существования. Он проявляется в сосредоточенности на внутреннем мире личности, в напряженной саморефлексии и в переживании утраты устойчивых смысловых опор.

Бессмысленность. Интересную трактовку данная категория получает в поэзии Ш. Кудайбердиева. Казахский писатель не ограничивается фиксацией экзистенциального кризиса. Он стремится найти и показать возможные пути смыслообразования, соединяя в своих произведениях философские размышления с этическим наставлением:

На корабле он ехал с этой мыслью,
Чтоб убедиться в пользе бескорыстной².

Категория «пользы» в данном контексте приобретает этическое содержание и становится своеобразным эквивалентом, квинтэссенцией смысла, которая побуждает лирического героя к действиям, оправдывает его поиски и усилия. Значимость человеческого существования связывается поэтом с моральной мотивированностью личности.

В стихотворении «Иные вторят, что жену оставил...» наблюдается противопоставление истинных и ложных жизненных ориентиров:

¹ Schwitzgebel E. Introspection [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/introspection/> (дата обращения: 31.10.2025).

² Кудайбердиұлы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 144.

— Одет-обут и на коне исправном.

Мне горя нет, носясь под флагом правды,

Я не стремлюсь к богатству, славе, чину,

Вглядишься с умом — предстану в прежнем здравье¹.

Отказ от внешних форм и атрибутов благополучия подчеркивает приоритет внутренней целостности и самодостаточности личности. Смысл бытия, по мнению автора, определяется не обретением материальных ценностей, а сохранением духовного здоровья, моральной и нравственной устойчивости.

Поэзия Э. Мижита строится как развернутый внутренний монолог, в котором экзистенциальные категории не декларируются, а проживаются, становясь частью психологического опыта лирического субъекта.

В стихотворении «Дух мысли» мотив бессмысленности приобретает форму предельного онтологического тупика:

В грядущем обещает только

Тупик бессмысленности гиблой...²

Будущее в данном произведении лишено ясности и открытости. Оно не имеет перспективы, не отражает движения и устремленности вперед. Эпитет «гиблой» усиливает бессмысленность бытия лирического героя, создает ощущение экзистенциальной обреченности. В стихотворении описывается кризисное состояние личности. Лирический герой утрачивает смысл жизни.

В стихотворении «На грани» тема бессмысленности раскрывается на уровне мотива утомительного и бесплодного поиска:

Устав от бесплодных

попыток поймать за хвост

ускользающих ящериц

мгновений,

прячущих во рту

прозрачные капельки смысла...³

Поиск смысла жизни в данном произведении представлен как непрерывное усилие, не приводящее к результату. Метафора ловли ящериц за хвост содержит в себе указание на невозможность обретения искомого: ящерица, сбрасывающая хвост, символизирует ускользающую сущность бытия. «Прозрачные капельки смысла» лишены материальности и устойчивости. Основная идея стихотворения заключается в иллюзорности и относительности бытия людей.

Мотив бессмысленности раскрывается в произведении на уровне онейрического времени-пространства. Лирический герой видит сон, отражающий противоречивость окружающего его мира и невозможность постижения смысла жизни:

Но и оттуда я возвращался

такой же усталый

от попыток ускользнуть

из лап кровожадных драконов

времени,

охраняющих горы и горы,

бессмысленно нагроможденных

смыслов⁴.

¹ Там же. С. 148.

² Мижит Э. Дух мысли [Электронный ресурс] // Портал национальных литератур. URL: <https://rus4all.ru/tvy/20190425/2681/dukh-mysli.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Мижит Э. На грани: из цикла «Сквозь себя» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Там же.

Сон не избавляет героя от экзистенциального напряжения. Он не обретает покоя и гармонии в онейрическом хронотопе. Категория времени предстает во сне героя в образе «кровожадных драконов», подчеркивающих ее разрушительный характер. «Нагроможденные смыслы» утрачивают упорядоченность и ценностную иерархию. Их образ символизирует хаотичность бытия человека. В стихотворении «На грани» бессмысленность понимается автором не как отсутствие смыслов, а как их избыток, лишенный внутреннего порядка и содержания.

Смерть. В поэзии Ш. Кудайбердиева экзистенциальные идеи переосмысляются сквозь призму этических идеалов и ценностей. Внимание автора сосредоточено на ответственности и нравственном преображении личности в ситуации, когда она оказывается на грани жизни и смерти.

В философской лирике казахского поэта мир предстает как пространство, в котором герой проходит через испытания. Он оказывается в ситуации, когда его душа ощущает сильное смятение. Герой утрачивает привычные ориентиры.

Образ «круговерти», возникающий в стихотворении «В какой-то год, сражаясь беспомощно...», обозначает предельную жизненную ситуацию, в которой привычный порядок нарушается и человек вынужден действовать в условиях неопределенности. Он символизирует драматизм бытия людей. Оказавшись на грани жизни и смерти, человек вынужден совершать нравственный выбор.

Фраза «Ей не было спасения» раскрывает напряженность, сложность ситуации, в которой оказалась женщина. Но даже в таком положении, по мысли автора, человек может совершить благородный поступок, тем самым раскрыв свою подлинную сущность и показав свою ответственность. Экзистенциальный ужас в поэзии Ш. Кудайбердиева трансформируется в этический императив — необходимость сохранить человечность даже тогда, когда внешние обстоятельства этому препятствуют.

Экзистенциально-нравственное содержание в лирике казахского поэта приобретает категория времени. Например, в стихотворении «В году овцы под летний зной» она служит отражением состояния человека. Через время раскрывается движение жизни людей, перемены, происходящие с ними в процессе их существования:

За годы не предстал бодрей,
Лишь смерти ближе окаем¹.

Приближение к смерти в данном стихотворении трактуется автором не как движение человека к миру небытия, а как прекращение у него духовной эволюции, нравственного совершенствования. Для Ш. Кудайбердиева экзистенциальной утратой является отсутствие у личности стремления к развитию. Смерть в понимании поэта выступает не как финал человеческой жизни, а как символ нравственного опустошения, к которому приводит бесплодное и бессмысленное проживание времени. Подтверждением тому служат следующие строки из данного стихотворения:

Бездушным став, обрел какую пользу?
Отрадно было лето в чистом поле.
Уверился, что смерть необратима,
Иначе бы искал отца невольн².

Риторический вопрос отражает состояние экзистенциальной тревоги, связанной с осознанием утраты нравственного содержания жизни. «Бездушность» героя раскрывает не онтологическую пустоту, а его отчуждение от духовных и нравственных ценностей. Осознание необратимости смерти усиливает данное состояние. Оно предоставляет человеку возможность оценить свой жизненный путь.

Экзистенциальная проблематика в поэзии Ш. Кудайбердиева не сводится к утверждению абсурдности бытия. Переживание лирическим героем предельных состояний — страха, утраты, приближения смерти — становится причиной нравственного выбора и внутреннего преобразования личности. Экзистенциальные мотивы в творчестве Ш. Кудайбердиева тесно переплетаются с его этической установкой, заключающейся в том, что смысл человеческого существования определяется ответственностью за собственные поступки и духовное развитие.

¹ Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 126.

² Там же. С. 134.

В поэзии Э. Мижита смерть осмысливается как неотъемлемая данность бытия людей. Она пронизывает человеческое существование и придает значимость жизни, подчеркивая ее краткосрочность, относительность и конечность. Пример тому стихотворение «Умирая»:

Умирая,
все листья,
хоть на миг,
успевают насладиться
чувством полета¹.

Смерть в понимании автора не противопоставляется жизни. Она выступает составляющей бытия. Жизнь — это миг перед неизбежной смертью, которым нужно наслаждаться. Мгновение перед исчезновением человека наделяется полнотой переживания. Чувство полета символизирует предельную свободу, достигаемую на границе бытия.

В стихотворении «Тень» смерть приобретает форму постоянного, но ускользающего присутствия:

Утром
тень смерти
была впереди
и убегала от меня².

Образ тени подчеркивает, с одной стороны, неизбежность смерти; с другой — ее неосязаемость. Она всегда присутствует в жизни человека, но остается за пределами его духовного и жизненного опыта. Поэтому людей нередко одолевают мысли о смерти:

... яростно мечется
в четырех стенах этой жизни
моя мысль о смерти...³

Данная категория становится источником внутренней тревоги человека, замкнутости его внутреннего мира. Пространство жизни редуцируется до «четырех стен», что усиливает ощущение экзистенциального плена.

Интересно противопоставление двух миров на уровне размышлений лирического героя. Рассуждая о неизбежности смерти, он пытается проникнуть в пространство инобытия и понять, что будет чувствовать и испытывать человек, оказавшийся в другом измерении.

Будет ли
также
и в смерти
неистово биться
о стекло бытия
моя мысль о жизни?...⁴

В стихотворении «Стороны» лирический герой задается риторическим вопросом о том, сможет ли он после смерти обрести покой или также будет испытывать страх, тревогу и сожалеть об утраченной жизни:

¹ Мижит Э. Умирая: из цикла «Глас тишины» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Мижит Э. Тень: из цикла «О невыразимом» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Там же.

⁴ Там же.

Я выбирал
в какую сторону мне
мечтать и любить,
в сторону жизни,
а может смерти?...¹

В понимании автора смерть не гарантирует избавления от противоречий, одолевающих людей. Сознание человека всегда будет пытаться найти смысл за пределами бытия.

Для поэзии Э. Мижита характерна двойственность образов. Она раскрывается на уровне дуализма бытия и идеи о необходимости совершения человеком выбора. Двойственность пронизывает переживания лирического героя. Он постоянно пытается найти ответ на вопрос о сущности смерти и значимости жизни, стремится определить свое отношение к ним.

С данной темой в произведениях Э. Мижита переплетается тема любви. По мнению поэта, она способна помочь человеку преодолеть страх перед смертью. Пример тому — стихотворение «Спасение»:

Я теплой и нежной
ладонью любви
спасаюсь от холода смерти,
нетерпеливое
ожидание которой
пронзает мне кости
до самого мозга...²

В данном произведении смерть соединяется с чувством холода, любовь — с нежностью и теплом. Противопоставление углубляет психологизм стихотворения. Более того, категории смерти и любви становятся осязаемыми.

В стихотворении «Спасение» описывается опыт столкновения субъекта с бессмысленным и враждебным бытием, переживаемым им как внутренний экзистенциальный кризис, в котором акт «спасения» становится формой сопротивления абсурду:

...спасаюсь от хаоса мрака,
алчно глядящего
мне прямо в душу
черным
бессмысленным оком
с тусклым,
как у мертвеца,
зрачком — луной...³

«Я» лирического героя не созерцает мир, а испытывает чувство страха. Реагирует на угрозу. Хаос символизирует состояние бытия, в котором утрачены смысл, порядок и ориентиры. Мрак персонифицируется и несет в себе агрессию. Он заглядывает в душу героя, тем самым вторгаясь в его внутреннее пространство. Мрак отражает состояние субъекта, который не может обрести покой и гармонию. «Черное бессмысленное око» символизирует абсурдность бытия.

Интересен образ Луны. Она предстает в произведении не как романтический символ, а как отражение мертвого «Я» лирического героя.

¹ Мижит Э. Стороны: из цикла «Бездна» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Мижит Э. Спасение: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Там же.

В стихотворении «Время моей земли» поэт переходит от микрокосма души к макрокосму истории. Категория смерти переплетается в данном произведении с категорией времени:

Здесь время кружится орлом
по спиралям эпох,
нанизывая на нить полета
жизни и смерти
людей и империй¹.

В стихотворении наблюдается экзистенциальное смирение перед масштабностью и безграничностью бытия. «Я» лирического героя сливается с круговоротом истории. Он предстает как часть окружающего его мира. «Время кружится орлом» — метафора, отражающая нелинейность времени. Оно предстает как некая надличностная категория, наблюдающая за людьми сверху. Человек в восприятии автора не субъекта, а объект времени. «По спиралям эпох» углубляет идею о нелинейном характере бытия людей. Данный образ отражает идею цикличности, накопления жизненного и исторического опыта. Фраза «нанизывая на нить полета» выражает мысль о том, что время не придает смысл деяниям людей, а лишь соединяет события в единую цепочку.

На уровне противопоставления «жизни и смерти, людей и империй» автор показывает одинаковую значимость судеб отдельных людей и государств. По его мнению, все оставляют свой след в истории.

Время в понимании Э. Мижита предстает как надличностная онтологическая сила, связывающая человеческие жизни и социальные события, эпохи в едином циклическом движении, в котором существование индивида оказывается включенным во всеобщее бытие.

Экзистенциальная проблематика в поэзии Ш. Кудайбердиева соотносится прежде всего с этическим измерением человеческого бытия. В своем стихотворении «В какой-то год, сражаясь беспомощно...» он пишет:

Помог он беззащитным в круговерти,
Хотя и сам был недалеко от смерти.
Вдруг женщина забегала ужасно,
Ей не было спасения, поверьте².

В данном произведении предельная ситуация, связанная с угрозой смерти, не становится объектом философской рефлексии. Она служит фоном для нравственного и благородного поступка героя. Ответственность за другого и готовность к действию, несмотря на угрожающую ему опасность, формируют этический императив, с помощью которого преодолевается хаос жизненных обстоятельств и утверждается значимость духовного выбора личности.

Таким образом, анализ категорий бессмысленности и смерти в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита показывает, что они выполняют различную мировоззренческую функцию в их произведениях. В творчестве казахского писателя переживание конечности сопряжено с нравственно-религиозным поиском и стремлением к восстановлению утраченной гармонии. Смерть выступает в понимании Ш. Кудайбердиева духовным испытанием героев. В поэзии тувинского писателя категории бессмысленности и конечности бытия приобретают более драматичный характер. Они отражают состояние онтологической тревоги и внутренней разобщенности человека с окружающим его миром.

Свобода и одиночество в структуре экзистенциального сознания

Переживание человеком бессмысленности и конечности жизни формирует кризисное основание бытия и одновременно актуализирует проблему выбора и внутренней ответственности. Эк-

¹ Мижит Э. Время моей земли: из цикла «Бусинки столетий» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 145.

зистенциальное сознание обнаруживает себя не только в столкновении с пределом, но и в акте самоопределения личности. Особое значение приобретает вопрос о способах существования человека, оказавшегося на грани жизни и смерти. В этом плане свобода и одиночество выступают ключевыми измерениями экзистенциального самоосмысления.

Свобода. Категория свободы в поэзии Э. Мижита осмысляется как внутренняя форма переживания бытия, сопряженная с тревогой, ответственностью и одиночеством человека. Она выступает своеобразным испытанием личности. Свобода в произведениях Э. Мижита обнажает человека перед лицом существования, лишая его внешних и внутренних жизненных ориентиров. Например, в стихотворении «Стороны», автор пишет:

Свобода —
это когда
не за что держаться
и не к кому идти¹.

В данном произведении свобода усиливает чувство одиночества и экзистенциальной уязвимости человека. В этом плане переживания героя сближаются с феноменом онтологической изоляции, под которой И. Ялом понимает необходимость человека самостоятельно совершать выбор, не имея возможности определить его правильность и разделить с Другим (Ялом, 2019: 300–360).

В стихотворении «Спасение» мотив свободы соединяется с идеей личной ответственности:

Никто
не придет
и не спасет.
Даже Бог
стоит в стороне,
ожидая
твоего шага².

Отстраненность образа Бога в данном произведении подчеркивает независимость человеческого существования. Спасение рассматривается автором не как дар свыше или извне, а как результат принятия личностью ответственности за собственную жизнь. Свобода переплетается в стихотворении поэта с чувством тревоги, опасения человека за собственное будущее. В этом плане авторская точка зрения соответствует экзистенциальному представлению о самотворении личности.

В стихотворении «Время моей земли» свобода осмысляется в сопряжении с историческим и коллективным опытом:

Я свободен
лишь настолько,
насколько способен
вынести
свою землю
в себе³.

В данном произведении свобода определяется способностью человека хранить память об истории и культурном наследии родной земли, нести за нее ответственность. Она подразумевает единство личностного и общественного бытия. Экзистенциальная свобода предстает в стихотворе-

¹ Мижит Э. Стороны: из цикла «Бездна» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Мижит Э. Спасение: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Мижит Э. Время моей земли: из цикла «Бусинки столетий» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

нии напряженное удержание собственной идентичности в условиях исторической и экзистенциальной нестабильности.

В поэзии Ш. Кудайбердиева данная категория получает этическое содержание. Свобода в понимании казахского писателя является результатом нравственного выбора и ответственности человека:

Покорствуя лъстецам, с пути собьешься,
О, мой казах, слезами обольешься.
Когда и впрямь направишься к науке,
Свободы для страны своей добьешься¹.

Свобода в понимании Ш. Кудайбердиева переплетается с чувством долга, стремлением к знаниям. Она выступает условием духовной гармонии, нравственной зрелости и целостности личности.

В отличие от произведений Э. Мижита, в которых свобода сопряжена с тревогой и переживанием одиночества, в творчестве Ш. Кудайбердиева свобода приобретает характер этического императива и внутренней опоры человека.

Одиночество. Центральное место в творчестве Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита занимает тема одиночества. Она осмысливается поэтами в контексте их системы эстетических идеалов и ценностей, представлений о сущности и смысле бытия.

В стихотворениях Э. Мижита одиночество рассматривается как онтологическое состояние, возникающее в предельной близости человека к окружающему его миру и к самому себе:

Одиноко
в безмолвных горах
я бродил
и невольно вскрикнул
не в силах вынести
их тишины².

Образ «безмолвных гор» отражает безысходность ситуации, в которой оказался человек. Их молчание оказывает экзистенциальное давление на лирического героя. Тишина выступает концентрированным выражением одиночества человека, вызывая у него тревогу и страх. «Невольный крик» лирического героя подчеркивает драматический разрыв между его внутренним переживанием и внешним миром.

Тема одиночества поднимается в стихотворении Э. Мижита «Сыну Айдемиру»:

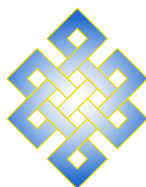
Когда-то я был одинок...
но я знал,
как знают
птица, дерево, зверь —
без знания,
что ты придешь ко мне,
сын мой...³

Появление образа сына, на первый взгляд, соотносится с мотивом преодоления одиночества через семейные узы. Однако в следующих строчках стихотворения становится очевидным, что ожидание лирического героя не устранило его экзистенциальную изоляцию, а, наоборот, усиливает ее:

¹ Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 132.

² Мижит Э. Одиноко в безмолвных горах: из цикла «Границы одиночества» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Мижит Э. Сыну Айдемиру: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

...я знал, что придешь
и ждал,
и от этого был
еще более одинок...¹

Такое противоречие обуславливается противопоставлением настоящего и будущего. По мысли автора, ожидающий человек переполнен переживаниями. Он одинок, поскольку сын придет в будущем, а в настоящем его нет рядом. Примечательно, что исполнение желания лирического героя, не спасает его. Он не обретает гармонию:

И вот
ты пришел,
мой сын, —
ты пришел, родной мой,
такой великой загадкой
и теперь
перед этой загадкой
я совсем один —
одинешенек...²

Одиночество трансформируется, но не исчезает. Ожидание переходит к встрече с Другим как непостижимой тайной. Образ сына выступает в стихотворении своеобразным зеркалом экзистенциальной ответственности и самопознания героя.

В стихотворении Э. Мижита «Спасение» одиночество соединяется с мотивами страха и отчаяния:

Одиночеством птицы,
улетающей вдаль,
я спасаюсь от свиста стрелы
отчаянья
с костяным наконечником
страха,
летающей — точно в цель —
в мое сердце...³

Образ птицы символизирует в произведении отдаление, дистанцию, которые в свою очередь служат причиной одиночества героя. Он подобно ей улетает, уходит от людей, что сохранить себя, свою духовную целостность и гармонию. Одиночество выступает в данном стихотворении формой защиты лирического героя от экзистенциальной угрозы.

В поэзии Ш. Кудайбердиева данная категория несет в себе более философски обобщенный характер. Она тесно связана с поиском смысла жизни и размышлениями автора о смерти:

Давно блуждает мысль во мне:
Кто произвел вселенский мир?
Душа живет ли стороне,
Когда от смерти станешь сир?⁴

¹ Там же.

² Там же.

³ Мижит Э. Спасение: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 125.

Фраза «блуждает мысль» раскрывает онтологическую неустроенность в сознании героя. Одиночество переживается им как утрата укорененности в мире. Его душа оказывается «в стороне», как бы вне смысла и вне целостности бытия.

Экзистенциальная изоляция усиливается в стихотворении «О себе»:

Где верный друг и где страна родная?

Имеешь ли хребет, их укрепляя?

Язык усох от жадности и чванства.

О чем жалеть изволишь, умирая?¹

В данном произведении одиночество предстает в своей предельной форме. Оно осмысляется автором как состояние человека, оказавшегося перед лицом смерти. Самоосуждение усиливает ощущение внутренней пустоты и экзистенциальной ответственности человека.

Мотив одиночества в стихотворении соединяется с переживанием относительно бессмысленности жизни героя:

Дела твои без отклика и пользы.

Бездонный мир от мыслей будет больше.

Труды мои не дали нужных всходов,

Хоть смерть с косою задержалась дольше².

Лирический герой ведет внутренний диалог с самим собой. Он оценивает свои поступки, значимость пройденного им пути. Его одиночество усугубляется бесполезностью его жизни. Признание героем бесплодности совершенных им усилий и деяний становится формой экзистенциального самоанализа.

Таким образом, рассмотрение категорий свободы и одиночества позволяет понять особенности экзистенциального сознания поэтов. В стихотворениях Ш. Кудайбердиева свобода мыслится как нравственный выбор и духовная ответственность личности. Одиночество носит более метафизический характер. Оно связано с этическим самоосуждением, размышлением о смерти и ответственности за прожитую жизнь. В произведениях Э. Мижита свобода сопряжена с драмой самоопределения. Одиночество переживается поэтом как динамическое, изменчивое состояние, возникающее даже, когда человек находится рядом с Другим и с миром. Тем самым в поэтическом мире Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита формируются различные модели экзистенциального самоопределения: этически центрированная и внутренне конфликтная.

Культурно-философские модели экзистенциального сознания

В поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита формируются культурно-философские модели экзистенциального сознания, основу которых составляют национальные традиции и универсальные онтологические проблемы. Несмотря на этнические и исторические различия, творчество казахского и тувинского писателей сближается на уровне внимания к причинам человеческого страдания и стремления к их осмыслению. В данном контексте анализ произведений обоих поэтов может быть соотнесен с концепцией И. Ялома, в рамках которой тревога трактуется как реакция на данности существования людей (Ялом, 2019: 20–30).

Для Ш. Кудайбердиева характерен просветительский тип философского бунта. Его поэзия формируется в русле нравственного поиска, где предельные вопросы бытия неразрывно связаны с этикой.

Казахская философия и поэзия XIX–XX вв. также насыщены экзистенциальными мотивами, которые во многом превосходят европейский экзистенциализм, однако укоренены в номадной культуре степей³. Онтологический опыт проявляется через ощущение одиночества человека в без-

¹ Там же. С. 146.

² Там же. С. 147.

³ Ким А. Групповой портрет казахского экзистенциализма [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/gruppovoy-portret-kazahskogo-ekzistentsializma/> (дата посещения: 31.10.2025).

граничной Вселенной, поиск смысла посредством выбора и ответственности, а также через противостояние абсурду жизни и смерти (Rakymzhan et al., 2022: 105).

Истоки творчества Э. Мижита восходят к шаманским текстам и рунной символике и типологически соотносятся с буддийскими представлениями о цикличности бытия. Тувинский писатель размышляет о морали, бытии и человеческой уникальности. Его поэтика в этом плане может быть соотнесена с идеями С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, А. Камю, И. Ялома. Однако данные философские основания проявляются не как прямое заимствование, а в преломлении через синкретическую систему мировосприятия писателя. Центральным мотивом его творчества становится осмысление экзистенции как «бытия-в-мире», где индивид сталкивается с абсурдом повседневности, не утрачивая своей связи с природным и космическим порядком.

В поэзии Э. Мижита жизнь предстает как фрагментированная реальность, в которой смысл не задан изначально, а конструируется в процессе рефлексии. Индивид в его творчестве — «чужой среди всех», брошенный в мир, где он сталкивается с безжалостностью социума и природы. Созданный поэтом образ соотносится с сартровской формулой «ад — это другие», но при этом сохраняет свой национально-культурный акцент: одиночество героя смягчается связью с природой и космосом.

Свобода в поэзии Э. Мижита осмысливается как бремя. Человек способен определять собственное существование, но неизбежно сталкивается с судьбой и пределами выбора. Абсурд проявляется в фрагментации мира, которому поэт сопротивляется через творчество. Сомнение не ведет к отрицанию. Оно трансформируется в этическую ответственность. Смерть мыслится как форма перехода и трансформации, сохраняя при этом потенциал экзистенциального ужаса (Мижит, 2022: 531).

Согласно точке зрения И. Ялома, осознание конечности бытия становится катализатором подлинной жизни человека, побуждая его к выбору значимых ценностей (Ялом, 2019). В поэзии Ш. Кудайбердиева мотив смерти пронизывает философскую лирику. В его творчестве она предстает как переход к высшему знанию. У Э. Мижита тема смерти приобретает более абсурдистское и урбанистическое звучание, сближаясь с традицией А. Камю. В обоих случаях образ смерти выступает источником экзистенциального озарения — момента, в котором страх порождает свободу.

По мнению И. Ялома, отчужденность и бессмысленность представляют собой фундаментальные данности, преодоление которых возможно через любовь и творчество (Ялом, 2019). Ш. Кудайбердиев решает эту проблему, синтезируя в своей поэзии восточную и западную мысль. Его творчество становится актом духовной ориентированности, в котором изоляция народа трансформируется в коллективный поиск смысла. Э. Мижит сосредоточен на личной форме отчужденности в индустриальном мире. Его тексты воспроизводят состояние «экзистенциального вакуума» в яломовском понимании: любовь предстает хрупкой связью, противостоящей абсурду, а поэзия — формой внутренней терапии.

Таким образом, в творчестве Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита получают воплощение две культурно-философские модели экзистенциального сознания. Первая представлена в произведениях казахского писателя и соотносится с казахской картиной мира. Она основана на этически ориентированном синтезе и гармонизирующем преодолении предельных состояний (Сапашев, 2020; и др.¹). Вторая получила отражение в поэзии Э. Мижита и соотносится с тувинской картиной мира. Она основана на интроспективном переживании разрыва и поиске внутренней целостности в условиях противоречивого мира (Кенин-Лопсан, 2006; Кужугет, 2006; Ламажаа, 2018; и др.²). Данные различия отражают не только индивидуальные поэтические стратегии писателей, но и глубинные особенности национальных культурных картин мира, получивших отражение в их произведениях и описанных в современных гуманитарных исследованиях.

¹ Жанпеисова, Н. М. Репрезентация национальных концептосфер в картине мира казахско-русских билингвов: дисс. ... д-ра фил. н. Уфа, 2006.

² Товуу С. С. Этническая картина мира тувинцев в историческом контексте их социальной реальности : дисс. ... канд. филос. н. Улан-Удэ, 2010.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить типологические сходства и различия в интерпретации экзистенциальных проблем в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита. Было установлено, что в творчестве казахского и тувинского писателей фундаментальные данности человеческого существования — смерть, свобода выбора, одиночество и поиск смысла жизни — выступают структурообразующими элементами поэтического мира. Они определяют особенности переживаний лирического героя. При этом способы их художественной интерпретации существенно различаются, что обусловливается национально-культурными традициями и историческим опытом.

В поэзии Ш. Кудайбердиева экзистенциальная проблематика осмысливается преимущественно в этическом измерении. Предельные вопросы бытия раскрываются через нравственный выбор, идею духовного самосовершенствования и стремление личности к гармонии, что соотносится с яломовским пониманием подлинного существования как ценностно ориентированного и ответственного.

В творчестве Э. Мижита доминирует интроспективная модель онтологического переживания. Его поэзия отражает опыт одиночества, абсурдности и тревоги, возникающих в условиях разрыва традиционных связей и трансформации культурной идентичности. Его творчество приобретает характер внутренней терапии и способа сопротивления экзистенциальной фрагментации.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что поэзия Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита представляет собой особую форму мировоззренческой рефлексии, в которой бытийный опыт человека репрезентируется не в форме систематизированного философского учения, а на уровне образности, символики и интонации лирического высказывания. Сравнительный анализ творчества казахского и тувинского писателей позволил выявить, что, несмотря на общность затронутых в произведениях обоих авторов фундаментальных экзистенциальных проблем, способы их художественного осмысления определяются национально-культурными моделями, формирующими различные типы переживания и интерпретации человеческого существования. Следовательно, творчество Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита можно рассматривать как репрезентацию культурно обусловленных стратегий осмысления экзистенции, отражающих специфику казахской и тувинской картин мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аманиязова, Б. А. (2019) Шәкәрім Құдайбердиевтің “Үш анық” шығармасының философиялық дүниетанымы [Философские основания произведения Шакарима Кудайбердиева «Три истины»] // Вестник Актыюбинского регионального университета имени К. Жубанова. № 3 (57). С. 187–193. (На каз. яз.)
- Аубакир, Ж. М., Гайнуллина, Ф. А. (2008) Творчество Шакарима Кудайбердиева и духовное бытие народа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 6. С. 17–21.
- Беседин, А. П., Волков, Д. Б., Кузнецов, А. В., Логинов, Е. В., Мерцалов, А. В. (2021) Интроспекция: современные подходы и проблемы // Эпистемиология и философия науки. Т. 58. № 2. С. 195–215. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158236>
- Валикова, О. А., Шагимгереева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Дампилова, Л. С. (2014) Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 158–163.
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвальность и транскультуральные практики. Т. 7. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Заманская, В. В. (2001) Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). № 1. С. 144–160.
- Камю, А. (2023) Бунтующий человек. Миф о Сизифе / пер. с франц. Е. В. Головиной. М. : АСТ. 512 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 319 с.
- Кьеркегор, С. (2023) Или — Или / пер. с дат. П. Ганзена. М. : АСТ. 512 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Мижит, Л. С. (2022) Философская лирика Эдуарда Мижита // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 3. С. 521–532. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>

Ницше, Ф. В. (2024) По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой. СПб. : Азбука. 544 с.

Сапашев, О. С. (2020) Принципы представления картины мира в казахской традиционной культуре // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия Востоковедения. № 4 (95). С. 70–81. DOI: <https://doi.org/10.26577/JOS.2020.v95.i4.09>

Сартр, Ж.-П. (2025) Экзистенциализм — это гуманизм. / пер. с фр. Т. В. Чугуновой, Н. И. Полторацкой. М. : АСТ. 160 с.

Смагулов, Ж. К., Кенжебекова Ж. А. (2015) Развитие казахско-русских литературных отношений: Л. Н. Толстой и Ш. Кудайбердиев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 2–1. С. 131–134.

Смагулова, А. Т., Аубакир, Ж. М., Магазбеков, Н. Ж. (2025) Текстологические и источниковедческие принципы установления аутентичных текстов поэзии Шакарима Кудайбердиева // Керуен. № 4 (89). С. 136–146. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2025.4-09>

Хайдеггер, М. (2003) Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков : Фолио. 503 с.

Ялом, И. (2019) Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М. : Класс. 576 с.

Ялом, И., Лесц, М. (2024) Групповая психотерапия / пер. с англ. С. Барковой, З. Замчук. СПб. : Питер. 624 с.

Burne, A. (2018) Transparency and Self-Knowledge. New York : Oxford University Press. 240 p.

Naghdeali, L. S., Ansari, N., Langeroodi, A. A., Parsaeipour, M. (2025) Analysis of the novel “Show Yourself to Me That I May Look at You” by Khawla Hamdi based on Irvin Yalom’s Existential Psychology Theory // Studies on Arabic Language and Literature. Vol. 16. No. 41. P. 299–336. DOI: <https://doi.org/10.22075/lasem.2025.36787.1465>

Rakymzhan, O. Shalabay, B., Zhumagulova, O., Kazhibayeva, G., Kairbekova, I. (2022) Existential Loneliness in Kazakh Literature and Modern World Literature: Cross-Cultural Insights from Metaphors and Frame-Based Analysis // International Journal of Society, Culture & Language. Vol. 10. No. 3. P. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.22034/ijsc.2022.543086.2468>

Schnipke, B., MacKay, M. (2023) Existential Issues in Psychotherapy // Innovations in clinical neuroscience. Vol. 20. No. 1–3. P. 72–75.

Дата поступления: 10.02.2026 г.

Дата принятия: 30.04.2026 г.

REFERENCES

Amaniyazova, B. A. (2019) Philosophical foundations of Shakarim Kudayberdiuly’s work “Three truths”. *Vestnik Aktyubinskogo regional’nogo universiteta imeni K. Zhubanova*, no. 3 (57), pp. 187–193. (In Russ. and Kaz.)

Aubakir, Zh. M. and Gainullina, F. A. (2008) The works of Shakarim Kudayberdi and the spiritual existence of the people. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no. 6, pp. 17–21. (In Russ.)

Besedin, A. P., Volkov, D. B., Kuznetsov, A. V., Loginov, E. V. and Mertsalov, A. V. (2021) Introspection: contemporary approaches and problems. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 58, no. 2, pp. 195–215. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158236>

Valikova, O. A., Shagimgereyeva, B. E. and Kulieva, Sh. A. (2020) Cosmos in logos: translingual poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16r>

Dampilova, L. S. (2014) The motif of doubleness in the poetry of Eduard Mizhit. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 158–163. (In Russ.)

Dongak, U. A. (2020) Innovation of the bilingual writer Eduard Mizhit (Tuvan poetry). *Polilingval’nost’ i transkul’turnye praktiki*, vol. 7, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Zamanskaya, V. V. (2001) The existential type of artistic consciousness in the twentieth century. *Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturnyy protsess)*, no. 1, pp. 144–160. (In Russ.)

Camus, A. (2023) *The rebel. The myth of Sisyphus*. Transl. from French by E. V. Golovina. Moscow, AST. 512 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of the Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (2006) *The spiritual culture of the Tuvans: structure and transformation*. Kemerovo, KemGUKI. 319 p. (In Russ.)

Kierkegaard, S. (2023) *Either/Or*. Transl. from Danish by P. Ganzen. Moscow, AST. 512 p. (In Russ.)

- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The national character of the Tuvans*. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 240 p. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2022) The philosophical lyrics of Eduard Mizhit. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 19, no. 3, pp. 521–532. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>
- Nietzsche, F. W. (2024) *Beyond good and evil*. Transl. from German by Yu. Antonovskiy, E. Sokolova. Saint Petersburg, Azbuka. 544 p. (In Russ.)
- Sapashev, O. S. (2020) Principles of representing the worldview in Kazakh traditional culture. *Vestnik KazNU imeni al'-Farabi. Seriya Vostokovedenie*, no. 4 (95), pp. 70–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26577/JOS.2020.v95.i4.09>
- Sartre, J.-P. (2025) *Existentialism is a humanism*. Transl. from French by T. V. Chugunova, N. I. Poltoratskaya. Moscow, AST. 160 p. (In Russ.)
- Smagulov, Zh. K. and Kenzhebekova, Zh. A. (2015) Development of Kazakh Russian literary relations: L. N. Tolstoy and Sh. Kудayberdi. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 2–1, pp. 131–134. (In Russ.)
- Smagulova, A. T., Aubakir, Zh. M. and Magazbekov, N. Zh. (2025) Textological and source-critical principles for establishing authentic texts of Shakarim Kудayberdi's poetry. *Keruen*, no. 4 (89), pp. 136–146. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2025.4-09>
- Heidegger, M. (2003) *Being and time*. Transl. from German by V. V. Bibikhin. Kharkiv, Folio. 503 p. (In Russ.)
- Yalom, I. (2019) *Existential psychotherapy*. Transl. from English by T. S. Drabkina. Moscow, Klass. 576 p. (In Russ.)
- Yalom, I. and Leszcz, M. (2024) *Group psychotherapy*. Transl. from English by S. Barkova, Z. Zamchuk. Saint Petersburg, Piter. 624 p. (In Russ.)
- Burne, A. (2018) *Transparency and Self-Knowledge*. New York, Oxford University Press. 240 p.
- Naghdeali, L. S., Ansari, N., Langeroodi, A. A. and Parsaeipour, M. (2025) Analysis of the novel “Show Yourself to Me That I May Look at You” by Khawla Hamdi based on Irvin Yalom's Existential Psychology Theory. *Studies on Arabic Language and Literature*, vol. 16, no. 41, pp. 299–336. DOI: <https://doi.org/10.22075/lasem.2025.36787.1465>
- Rakymzhan, O. Shalabay, B., Zhumagulova, O., Kazhibayeva, G. and Kairbekova, I. (2022) Existential Loneliness in Kazakh Literature and Modern World Literature: Cross-Cultural Insights from Metaphors and Frame-Based Analysis. *International Journal of Society, Culture & Language*, vol. 10, no. 3, pp. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.22034/ijsc.2022.543086.2468>
- Schnipke, B. and MacKay, M. (2023) Existential Issues in Psychotherapy. *Innovations in clinical neuroscience*, vol. 20, no. 1–3, pp. 72–75.

Submission date: 10.02.2026.

Acceptance date: 30.04.2026.

Орнамент как знак невербальной коммуникации (на материале дизайнерских коллекций казахской и тувинской одежды)

Валентина Д. Нарожная, Майра И. Кадеева

Южно-Казахстанский педагогический университет имени У. Жанибекова, Республика Казахстан,

Шенне Б. Майны

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Лаззат С. Канаева

Южно-Казахстанский педагогический университет имени У. Жанибекова, Республика Казахстан

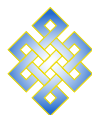
В статье рассматривается орнамент в современном казахском и тувинском костюме как особый способ невербальной коммуникации, отражающий ментальные особенности двух этнических групп и свидетельствующий об их генетической и культурно-исторической взаимосвязи. В качестве эмпирической базы используются коллекции сценических костюмов казахстанских дизайнеров Жанны Байтелиевой и Марата Еримбетова, а также тувинского дизайнера Вячеслава Донгака. Орнамент трактуется как сложная знаковая система, в которой каждый элемент узора и его цветовое решение соотносены с древней философией, мироощущением и способами репрезентации мира, насыщены религиозным, ритуальным и магическим содержанием.

На основе контент-анализа, описательного и сопоставительно-сравнительного методов выявляется семантическая нагрузка стилизованных визуальных мотивов, символика казахских и тувинских узоров, систематизируются их лексико-семантические типы. Показано, что казахский орнамент в современных дизайнерских практиках претерпевает переосмысление: теряя прямые охранительные и магические функции, он сохраняет высокую информативность и выступает маркером этнической идентичности и культурной преемственности.

Установлено, что тувинский орнамент, сформированный под влиянием буддийской ритуально-магической традиции и различных кочевых и оседлых художественных культур, сохраняет ярко выраженный синкретизм и сложность культурных кодов. В авторских коллекциях он функционирует как визуальный носитель культурной памяти и невербальный коммуникатор этнической принадлежности.

Сопоставительный анализ казахской и тувинской орнаментальных систем позволяет выявить общие тюркские корни, сходство структурных элементов, а также различия в доминирующих мотивах и композиционных принципах. Делается вывод о том, что этнический орнамент в современном дизайнерском костюме является ключевым визуальным «переводчиком» невербальной коммуникации, одновременно проявляющим культурное родство двух тюркоязычных народов и артикулирующим их специфическую этнокультурную идентичность.

Ключевые слова: казахская культура; тувинская культура; традиционная одежда; этнический орнамент; орнаментальный мотив; символизм; стилизация; дизайнерская одежда; Вячеслав Донгак; Жанна Байтелиева; Марат Еримбетов

Для цитирования:

Нарожная В. Д., Кадеева М. И., Майны Ш. Б., Канаева Л. С. Орнамент как знак невербальной коммуникации (на материале дизайнерских коллекций казахской и тувинской одежды) // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 325-345. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.19>

Нарожная Валентина Дмитриевна — доктор филологических наук, и. о. профессора кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова. Адрес: Республика Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. А. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: vdn53ru@gmail.com

Кадеева Майра Исаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова. Адрес: Республика Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. А. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: kadeyevamaira@gmail.com

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

Канаева Лаззат Сапарбековна — старший преподаватель кафедры переводческого дела и иностранных языков Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова. Адрес: Республика Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. А. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: Kanaeva_80@mail.ru

Ornament as a Sign of Nonverbal Communication: Evidence from Design Collections of Kazakh and Tuvan Clothing

Valentina D. Narozhnaya, Mayra I. Kadeyeva

Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,

Shenne B. Mainy

Tuvan State University, Russian Federation,

Lazzat S. Kanayeva

Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

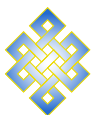
The article examines ornament in contemporary Kazakh and Tuvan costume as a specific form of nonverbal communication that reflects the mental characteristics of the two ethnic groups and points to their genetic and cultural-historical interconnectedness. The empirical base consists of stage costume collections created by Kazakh designers Zhanna Bayteliyeva and Marat Yerimbetov and Tuvan designer Vyacheslav Dongak. Ornament is interpreted as a complex sign system in which each element of the pattern and its color scheme is correlated with ancient philosophy, worldviews, and modes of representing the world, and is saturated with religious, ritual, and magical content.

Using content analysis together with descriptive and comparative-contrastive methods, the study identifies the semantic load of stylized visual motifs and the symbolism of Kazakh and Tuvan patterns and systematizes their lexico-semantic types. It is shown that Kazakh ornament in contemporary design practices undergoes reinterpretation: while losing its direct protective and magical functions, it retains high informative value and serves as a marker of ethnic identity and cultural continuity.

The analysis establishes that Tuvan ornament, shaped by Buddhist ritual-magical tradition and by various nomadic and sedentary artistic cultures, preserves a pronounced syncretism and complexity of cultural codes. In designer collections it functions as a visual carrier of cultural memory and as a nonverbal communicator of ethnic belonging.

Comparative analysis of Kazakh and Tuvan ornament systems reveals shared Turkic roots and similarities in structural elements, as well as differences in dominant motifs and compositional principles. The article concludes that ethnic ornament in modern designer costume is a key visual “translator” of nonverbal communication that simultaneously manifests the cultural kinship of the two Turkic-speaking peoples and articulates their specific ethnocultural identities.

Keywords: Kazakh culture; Tuvan culture; traditional clothing; ethnic ornament; ornamental motif; symbolism; stylization; designer clothes; Vyacheslav Dongak; Zhanna Bayteliyeva; Marat Yerimbetov

For citation:

Narozhnaya V. D., Kadeyeva M. I., Mainy Sh. B. and Kanayeva L. S. Ornament as a Sign of Nonverbal Communication: Evidence from Design Collections of Kazakh and Tuvan Clothing. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 325-345. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.19>

NAROZHNAIA, Valentina Dmitrievna, Doctor of Philology, Acting Professor, Department of Russian Language and Literature, Zhanibekov University. Postal address: 13 Baytursynov Str., 160012, Shymkent, Kazakhstan. Email: vdn53ru@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8928-1539

KADEYEVA, Mayra Isakovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Zhanibekov University. Postal address: 13 Baytursynov Str., 160012, Shymkent, Kazakhstan. Email: kadeyevamaira@gmail.com

ORCID: 0009-0001-0138-1568

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 9/B Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: shenne85@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9106-2148

KANAYEVA, Lazzat Saparbekovna, Senior Lecturer, Department of Translation Studies and Foreign Languages, Zhanibekov University. Postal address: 13 Baytursynov Str., 160012, Shymkent, Kazakhstan. Email: Kanayeva_80@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2405-0403

Введение

Исследования, связанные с изучением орнамента как выразителя культурного наследия и мировоззрения этноса, занимают важную нишу в современных научных изысканиях. Интерес к обозначенной теме связан с тем, что в настоящее время орнамент как важный элемент культуры через призму дизайнерских тенденций подвергается переосмыслению, в связи с чем возникает необходимость показать видоизменения узоров, расширить их смысловые значения и границы функционирования. Магические качества орнамента, как пишет А. А. Шевцова, «утеряны безвозвратно, а знаковость претерпела значительные изменения»¹. Национальную орнаментированную одежду стало иметь сейчас модно, престижно. Важность работы также связана с необходимостью описания орнамента и анализа его как традиционного элемента культуры, адаптированного в новой визуальной среде.

Отмечая информативную ценность орнамента как своеобразного визуального языка Степи, исследователи представляют его в качестве сложных семиотических систем, «которые и отражают мировоззрение людей, и выступают посредниками коммуникативных актов, и побуждают к определенным действиям» (Ламажаа, Майны, 2025: 7). Так, казахский народный орнамент, выполняя изначально сакральную функцию, служит оберегом своему хозяину; имеет свойство притягивать удачу и счастье; объединяет символы природы, мифы и сакральные понятия в определенную художественную систему (Шаханова, 1998; и др.²). Тувинский орнамент, связанный с обрядово-магическим содержанием буддийского культурного мира, отражает сложные культурно-этнические особенности различных эпох, сохраняет элементы творчества, эстетического начала, свое неповторимое своеобразие. С. И. Вайнштейн подчеркивает специфику развития современного тувинского орнамента, «синкретичность отдельных его форм, испытавших влияние художественной культуры многих кочевых и оседлых народов» (Вайнштейн, 1974: 147).

Цель настоящего исследования — провести сравнительный анализ этнических орнаментов в дизайнерских коллекциях казахской и тувинской одежды как знаков невербальной коммуникации.

В связи с поставленной целью предлагается решение задач:

- выявить семантическую нагрузку стилизованных визуальных мотивов и композиции одежды казахстанских дизайнеров Жанны Байтелиевой и Марата Еримбетова в знаковом пространстве традиционной орнаментальной культуры;
- охарактеризовать символическую значимость тувинских орнаментов в дизайнерских коллекциях Вячеслава Донгака как визуальных носителей культурного наследия этноса;
- провести сравнительный анализ казахских и тувинских орнаментов как важных визуальных трансляторов невербальной коммуникации.

Объектом исследования выступают авторские коллекции дизайнеров Жанны Байтелиевой³, Марата Еримбетова⁴, Вячеслава Донгака⁵, а предметом — сравнительный анализ стилизации этнических орнаментов как визуального знака коммуникации, культурного кода двух этносов.

¹ Шевцова А. А. Казахский народный орнамент как этнографический источник (на материалах XIX — начала XX веков): автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 2004. С. 17.

² Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: учеб. пособие. Алматы: Рауан, 2001.

³ Байтелиева Жанна Елтановна — основатель Дома моды «Janna Eltanova»; председатель Ассоциации креативной индустрии (г. Шымкент); руководитель Шымкентской ассоциации дизайнеров; входит в топ-5 лучших модельеров-дизайнеров, по версии международной премии «Most Fashionable Awards-2019»; лауреат номинации «Этно-Эрато — 2010» за лучший восточный костюм на Евразийском конкурсе высокой моды (г. Москва); обладательница кубка и диплома на выставке лучших казахстанских производителей «Национальная продукция-2019» и др.

⁴ Еримбетов Марат Налжигитович — дизайнер-модельер международного класса; член Союза дизайнеров Казахстана и Евразии; член Ассоциации креативной индустрии (г. Шымкент); обладатель «Золотых ножниц» Евразийского конкурса высшей моды национального костюма «Этно-Эрато-2010» (г. Москва), статуэтки «Ника» на международной выставке ЭКСПО-2017 (г. Астана); основатель и директор театра моды «Акбаян» Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова (г. Шымкент).

⁵ Донгак Вячеслав Октябрьович (1955–2025) — художник-модельер мирового уровня; получил в результате исследования культурного наследия по возрождению, сохранению и развитию национального тувинского костюма широкое признание в искусстве этнической дизайнерской моды. Лауреат Государственной пре-

Анализ орнаментов казахской одежды основан на исследовании отдельных дизайнерских коллекций Ж. Е. Байтелиевой¹, М. Н. Еримбетова²; тувинской — В. О. Донгака³.

Для решения поставленных задач использованы как общенаучные, так и специальные методы. Метод содержательного (документального) анализа применялся для изучения орнаментального искусства казахского и тувинского народов, понимания и интерпретации содержания извлеченного из лексикографических и научных источников материала. Для характеристики и систематизации орнаментов изучаемых культур авторы обращались к описательному методу, позволившему выделить единицы исследования, обобщить собранный материал, интерпретировать результаты наблюдения, представить лексико-семантическую классификацию казахских и тувинских орнаментов. Сравнительно-сопоставительный анализ применялся на этапе выявления и описания этнокультурных особенностей казахской и тувинской орнаментальных систем; методом аналогии охарактеризованы виды орнаментов, имеющих общие тюркские корни.

Обзор литературы

Многоаспектность настоящей темы отражена в ряде исследований семантического анализа компонентов традиционной культуры казахов, этнических процессов, способов ведения хозяйства, духовных ориентиров и моральных ценностей народа, нашедших воплощение в орнаментальном искусстве. А. Маргулан отмечает одну из важнейших функций орнамента народной одежды — показатель быта, традиций и этнической самобытности этноса, отражение взглядов на устройство мира, веру в их магическую и обереговую силу (Маргулан, 1986). В исследованиях казахской орнаменталистики отражена история народной одежды, содержится классификация орнаментов, этнографическое описание их мельчайших деталей, штрихов (Джанибеков, 1982, 1990); раскрывается глубокая символика и семантика элементов одежды как носителей культурного кода национальной идентичности (Нарожная, 2016).

Гармоничность сочетания орнамента с формой, пластикой украшаемой одежды, изображением животных, отражающих кочевой образ жизни скотоводов, показана в различных изданиях — альбомах, энциклопедиях, справочниках. Обширный иллюстрированный материал о принципах развития казахской орнаментальной системы, этимологии орнамента, его смысловом значении, культурологической и эстетической ценности, классификации орнаментальных групп представлен в альбоме казахского дизайнера, специалиста по традиционному орнаменту Е. Кожабаева⁴. Известный этнограф, художник Е. Оспанулы описал процесс формирования орнаментальных мотивов — от мельчайших элементов до объемных композиционных инсталляций, рассмотрел их этимологию и

мии Республики Тыва (1992); Заслуженный деятель искусств (1997); министр культуры Республики Тыва (2007-2014); Академик монгольской моды (2010); Президент Международной академии Моды мировых монголов (2015).

¹ Новикова А. Этническая мода из Шымкента выходит на международные подиумы [Электронный ресурс] // Телеканал Отырар. 2025, 19 декабря. URL: <https://otyrar.kz/2025/12/etnicheskaya-moda-iz-shymkenta-vyhodit-na-mezhdunarodnye-podiumy?ysclid=mlf7g6tdbp959099925> (дата обращения: 25.01.2026); Janna Eltanova — уникальный бренд из Шымкента [Электронный ресурс] // Телеканал Отырар. Шымкент TV—YouTube. 2025, 16 сентября. URL: <https://xnews.kz/2025/09/janna-eltanova-unikalnyj-brend-iz-shymkenta/> (дата обращения: 25.01.2026).

² Студенты поддерживают национальное искусство [Электронный ресурс] // Оңтүстік. 2025, 23 апреля. URL: <https://ontustikt.kz/ru/news/55226> (дата обращения: 02.02.2026); Показ казахской национальной одежды прошел в Шымкенте [Электронный ресурс] // Телеканал 24kz. 2024, 18 марта. URL: <https://24.kz/ru/news/culture/643244-pokaz-kazakhskoj-natsionalnoj-odezhdy-proveli-v-shymkente> (дата обращения: 02.02.2026).

³ Театр танца и костюма «Эдегей» [Электронный ресурс] // EDEGEY. URL: <http://edegey.ru> (дата обращения: 08.02.2026); Кима Донгак. Главная женщина [Электронный ресурс] // Главнаяженщина.рф. URL: <https://главнаяженщина.рф/dongak?ysclid=mo8je9zxn32822019> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ Кожабаев Е. Казахский орнамент как пиктограмма тенгрианской культуры и комбинаторика его модулей в современном дизайне. Альбом. Алматы: Мектеп, 2015.

семантику¹. Символизм и знаковость казахского орнамента, его полифункциональность, многозначность и вариативность отражены в энциклопедии Ж. Н. Шайгозовой, А. Б. Наурызбаевой².

Вопросам историко-этнографического значения тувинской одежды, принципам трактовки орнамента как важного знака этнической культуры, помогающего сохранить самобытность, посвящен ряд работ тувинских исследователей (Дьяконова, 1960; Потапов, 1969; Вайнштейн, 1967, 1974, 1991; Кенин-Лопсан, 2006; Майны, Кухта, 2019; Ховалыг, 2022).

Изучению особенностей тувинского орнамента посвящены монографии и диссертации ученых, в которых акцентируется внимание на их семантике (Ховалыг, 2018); иллюстрировании узорами теоретических положений (Адыг-Тюлюш, 2017); исследовании традиционной одежды тувинцев в этнографических коллекциях музеев России, семантике костюмного декора³.

С. С. Нава описывает маркеры китайской культуры, включенные в декоративные узоры на воротниках тона, знаковость узоров и правила их использования в этнической одежде (Нава, 2013). Философско-нравственное содержание тувинского орнаментализма через призму религиозных символов показано в трудах ученых, исследующих традиционную одежду как форму общественного сознания (Ламажаа, Майны, 2025; Ондар, 2016; Ноозун, 2016).

Декорирование народной тувинской одежды орнаментальными композициями, буддийскими знаками, символизм цвета узоров отражено как в традиционном костюмном комплексе тувинцев (Сиянбиль М., Сиянбиль А., 2000), так и на отдельных видах одежды — тувинском халате *тоне* или обуви — *идике* (Чап, Болгум-оол, 2008). Широкий диапазон атрибутики тибетского орнамента представлен в энциклопедии Р. Бира «Тибетские символы и орнаменты» (Бир, 2011), значительная часть которого стала считаться тувинской заимствованной. В трудах ученых, исследующих тувинскую культуру, анализируются работы модельеров, которые творчески интерпретируют в своих этнических коллекциях традиционный орнамент с учетом современного контекста⁴.

Подтверждая важность изучения орнаментального искусства двух тюркоязычных культур, авторы акцентируют внимание на исследовании актуальных дизайнерских этнических коллекций как знаков невербальной коммуникации.

Семантика этнических мотивов в коллекциях Ж. Байтелиевой, М. Еримбетова

Орнаментальные узоры, гармонично сочетающие в себе элементы этнического колорита и современного дизайна казахской одежды, представлены кейсами двух шымкентских дизайнеров-модельеров — Жанны Байтелиевой и Марата Еримбетова.

В основе коллекции женской одежды Ж. Байтелиевой лежит богатое орнаментальное наследие Казахстана, это «не прямое копирование, а художественная стилизация, позволяющая вдохнуть современное звучание в многовековые национальные традиции»⁵. Всего под руководством дизайнера на международных конкурсах представлено свыше 20 коллекций, в качестве образца для описа-

¹ Оспанулы Е. Этнографический атлас казахского орнамента. Стамбул: Imak Offset Basim Yayin, 2021.

² Шайгозова Ж. Н., Наурызбаева А. Б. Краткая энциклопедия знаков и символов казахской культуры. Алматы: КазНИИК, 2023.

³ Ондар А. Б. Актуализация историко-культурного наследия тувинцев музейными средствами (на материалах традиционного костюма): дисс. ... канд. культурологии. Кемерово, 2018.

⁴ Донгак Т. А., Донгак Ч. О. Дизайн одежды по национальным тувинским мотивам // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: VII МНПК. Кызыл: ТувГУ, 2022. С. 47–49; Сат А. Д. С. Дизайн-проектирование современного тувинского стилизованного костюма с использованием этнических элементов // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: VII МНПК. Кызыл: ТувГУ, 2022. С. 51–54; Оолак Т. А. Метаморфозы традиционного женского костюма тувинцев // МНСК–2021. Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции ЭТНОГРАФИЯ. Новосибирск: ННИГУ, 2021. С. 33–34.

⁵ Галушко И. От бабушкиной швейной машинки до фабрики, где создается эксклюзивный этностиль [Электронный ресурс] // Inbusiness.kz. Media Holding «Atameken Business». 2025, 22 ноября. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/ot-babushkinoj-shvejnoj-mashinki-do-fabriki-gde-sozdaetsya-eksklyuzivnyj-etnostil?ysclid=mp4z1skp7p410104943> (дата обращения: 11.12.2025).

ния в данной статье рассматривается коллекция «Нити времени», в которой автор показывает сочетание древних идей ковроткачества с трансформацией орнамента современной одежды.

Авторский принт ткани лег в основу коллекции женской одежды и аксессуаров «Нити времени», где легкие жакеты, широкие брюки, струящиеся макси-платья, пышные юбки отражают переосмысление в модернизированные текстуры традиционных мотивов, узоров, техник ковроткачества. «Одежда адаптирует методы манипуляций с нитями, найденные в традиционном текстильном искусстве, предлагая как элегантность, так и своего рода небрежность, которые, прекрасно сочетаясь, дополняют сложный образ», — отмечает автор коллекции¹. Украшением коллекции «Нити времени», совмещающим этнический стиль с современной эстетикой, являются аксессуары — сумки, выполненные в орнаментальной и цветовой гармонии с одеждой, носят эксклюзивный характер (рис. 1).

Рисунок 1. Фотоколлаж из коллекции «Нити времени». Фото из архива Ж. Байтелиевой, Туркестан, 2021 г.
Figure 1. Photocollage from the Collection «Threads of Time». Photo from the personal archive of Zh. Baiteliyeva, Turkestan, 2021.

Авторский принт на юбке модели (рис. 1А), накидке и поясе платья (рис. 1В) включает геометрические мотивы *су өрнегі* (волнообразная изогнутая линия между двумя вертикальными чертами, образующая ромб или четырехугольник); *ирек, ирек су* (зигзагообразный) — преломленные линии с закруглениями на концах, в соединении с другими мотивами создающие прямоугольники, бесконечные цепочки, изогнутые линии. «Комбинация оттенков красного, синего, коричневого и желтого

¹ Информация получена из личной беседы авторов с дизайнером Ж. Байтелиевой (Шымкент, 11.02.2026).

цветов в сочетании с геометрическими узорами создают тепло, покой, изящность, легкость струящегося изделия», — отмечает дизайнер¹.

Единство смысловой композиции «Нити времени» Ж. Байтелиевой создается переплетением геометрических мотивов орнамента с растительными и зооморфными. Так, мотив *сынык мүйіз* 'сло-манный рог', четыре раза загибающийся внутрь, представляет собой прямоугольник; *ботакөз* 'глаз верблюжонка' имеет ромбовидную форму (рис. 1А). Соединение геометрических и зооморфных знаков отмечается в узорах *қарға тұяқ* 'вороньи когти', *өркеш* 'верблюжий горб', изображенных в виде полосы из направленных вверх острых углов равнобедренного треугольника и дополняющих основную орнаментальную инсталляцию принта (рис. 1В). Весь принт повторяет сложный узор *алаша* 'ковра', передающий дуновение легкого степного ветра, состоит из множества цветных полос с вписанными геометрическими, растительными, роговидными мотивами и олицетворяет «единство, согласованность, причинно-следственную обусловленность жизни на земле» (Джанибеков, 1990: 142).

Оригинальным дополнением дизайнерской коллекции являются орнаменты, представленные на сумках, шарфах, платках (рис. 2).

Рисунок 2. Фотоколлаж платков из коллекции «Нити времени». Фото из архива Ж. Байтелиевой, Шымкент, 2025 г.

Figure 2. Photocollage of Scarves from the Collection «Threads of Time».

Photo from the personal archive of Zh. Baiteliyeva, Shymkent, 2025.

Сочетание птичьего мотива *құсмұрын*, *құстұмсық* *құсқанаты* с растительными мотивами *үшқұлақ*, *үшжапырақ* и *сақтық гүл* составляет палитру орнамента первого платка (рис. 2А). Этот же узор, но меньшего размера, обрамляет края платка. В орнаментализации второго образца (рис. 2В) использован контраст, когда мотив *төрт құлақ* 'крестовина' красного, белого и черного цвета разбросан по ткани бежево-розового оттенка на фоне просвечивающегося орнамента *қошқар мүйіз* 'бараний рог'. Это увеличивает эффект главного узора на фоне более светлого, второстепенного. Отдельные элементы флоры в орнаменте платков символизируют красоту, женственность, стремление к счастью. Бесконечно повторяющиеся водные мотивы *су өрнек*, зигзаг *ирек*, крючок *қармақ* завершают орнаментальную композицию платка, усиливая художественную эстетичность орнамента.

¹ Из личной беседы авторов с дизайнером Ж. Байтелиевой (Шымкент, 11.02.2026).

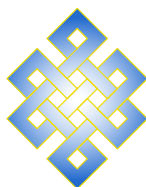
Рисунок 3. Женские шапаны из коллекции «Нити времени». Фото из архива Ж. Байтелиевой, Туркестан, 2021 г.
Figure 3. Women's shapans from the «Threads of Time» collection.
Photo from the personal archive of Zh. Baiteliyeva, Turkestan, 2021.

Оригинальным брендом коллекции являются шапаны¹, гармонично отражающие традиционный стиль орнамента (рис. 3).

Главную деталь композиции на рукавах и полах шапана составляет узор *қазмойын* 'гусиная шейка' в виде S-образной грациозной линии, дополненной ветвистыми узорами, а также мелкими растительными элементами *тәжі гүл* 'цветок-корона', *жетігүл* 'семицветье', *күлте* 'бутон', *үшқұлақ*, *үшжапырақ* 'трилистник', *бесжапырақ* 'пятилистник', *сақтық гүл* 'вьющийся стебель' и др. Птичий мотив, сочетающийся с вьющимися растительными элементами и S-образным знаком, символизирует бесконечность, продолжение рода, а узоры *құсмұрын*, *құстұмсық* 'птичий клюв', *құсқанаты* 'птичьи крылья' на одежде девушек выступают знаком счастья, свободы, независимости; в казахской культуре лебединая и гусиная шейки отождествляются с верностью, преданностью, любовью. Волнообразные водные узоры *су өрнек*, *ирек* в обрамлении основной композиции одежды означают вечное движение.

В целом в коллекции Ж. Байтелиевой «Нити времени» традиционные орнаменты, гармонично сочетающиеся с актуальными стилизованными формами и силуэтами, создают новые эстетические образы. В современных брендах орнаменты, переосмысливая узнаваемые узоры, дополняя друг друга, выступают своеобразной «визитной карточкой» человека, иллюстрируют через визуальные элементы архетипы символов казахской этнической культуры.

¹ Шапан — длинная распашная верхняя казахская одежда свободного кроя; значимая часть культурного наследия, отражающая историю и традиции народа.

Оригинальностью, креативным авторским решением отличаются работы Марата Еримбетова. Всего на республиканских, международных выставках автором представлено свыше 25 коллекций, из которых нами проанализированы «Тас дауысы» («Голос камня») и «Хассак».

В основу фольклорной коллекции «Тас дауысы» положены наскальные рисунки, петроглифы с изображением животных, человеческих фигур, ритуальных масок и других элементов древнего искусства, стилизованных в современный контекст. Орнамент сочетает космогонические и геометрические мотивы, которые указывают одновременно на особенности одежды и его сакральное значение (рис. 4).

Рисунок 4. Фотоколлаж женских образов из коллекции «Голос камня».

Фото из архива М. Еримбетова, Астана, 2017 г.

Figure 4. Photocollage of Women's Fashion Looks from the Collection «The Voice of Stone».

Photo from the personal archive of M. Yerimbetov, Astana, 2017.

Главным мотивом орнамента черного платья модели (рис. 4А) является стилизованное изображение древнегреческого Бога Солнца Ра с головой сокола, увенчанного солнечным диском и змеей. Солнце как источник света символизирует божественный статус, непрерывность жизни; змея — защиту и вечность. На бесконечность, жизненную эволюцию, связь неба с землей указывают также спиралевидный головной убор девушки. Фольклорные мотивы коллекции выражены сочетанием геометрических фигур неправильной формы и мифических животных с множеством щупалец, закругленных отростков, расположенных как на передней части платья (рис. 4А), так и на бортах верхней одежды (рис. 4В).

Коллекция этно костюма «Хассак» (древнее название казахов) состоит из нескольких линеек. В первой (рис. 5) отражен собирательный образ верхней женской и мужской казахской одежды, передающей эстетичность, красоту, с одной стороны, и практичность — с другой.

Орнамент на верхней одежде казахов, помимо эстетической функции, выполнял еще обереговую (отвлекать дурной взгляд от наиболее уязвимых частей тела) и утилитарную (предохранять края одежды от быстрого изнашивания). Орнамент коллекции «Хассак», предназначенной для средней социальной группы, представлен не богатой вышивкой, а нашиваемой на определенные части одежды плотной декоративной лентой-тесью. Основу такой орнаментальной тесьмы на мужской одежде

Рисунок 5. Коллекция верхней женской и мужской одежды «Хассак».

Фото из архива М. Еримбетова, Шымкент, 2021 г.

Figure 5. Collection of Men's and Women's Outerwear «Khassak».

Photo from the personal archive of M. Yerimbetov, Shymkent, 2021.

составляет бараний мотив — роговидный завиток *өткізбе*, который прослеживается как в узоре верхней части шапана, так и в головном уборе *қалпақ*, располагаясь выше мехового обрамления. Борты, низ и манжеты вышиты S-образным орнаментом в сочетании с разными элементами бараньего рога, а завершающая основной узор полоса — геометрическими и стеблевидными растительными мотивами. Второстепенные узоры *жапырақ* 'лист', *жапырақ гүл* 'цветы с листьями', *күлте* 'бутон', *сақтық гүл* 'вьющийся стебель', *ирек* 'зигзаг', *ирек су* 'волнообразный', означающие движение, служат для соединения элементов и заполнения пустот.

Бараний мотив также представлен в нашивной ленте-тесме женского камзола, но в сочетании с птичьими и растительными элементами, что отличает орнамент тонкостью, изяществом линий. Главную деталь композиции составляет узор *қазмойын*; ее дополняют мелкие растительные элементы *тәжі гүл*, *жетігүл*, *күлте*, *үшқұлақ*, *үшжапырақ*, *бесжапырақ*, *сақтық гүл* и др. Интерпретация основных элементов орнамента конусообразного головного убора девушки *саукеле* выражается солнечными знаками в сочетании с бараньими рогами. Второстепенные птичьи элементы *қарға тұяқ* 'вороньи когти' и растительные *тәжі гүл*, *қоза* 'коробочка хлопка' соединяют композицию в единое целое.

Рисунок 6. Фотоколлаж верхней одежды казахской знати из коллекции «Тұран». Фото из архива М. Еримбетова, Шымкент, 2021 г.
Figure 6. Photocollage of Traditional Outerwear of the Kazakh Nobility from the Collection «Turan».
Photo from the personal archive of M. Yerimbetov, Shymkent, 2021.

Как отмечает дизайнер, цель коллекции «Хассак» — визуально донести до зрителя эталон красоты одежды как важного инструмента национальной идентичности¹. Стилизованный орнамент как часть культурного наследия представляет «безмолвную» историю народа.

Вторая линейка «Тұран» представлена верхней одеждой казахской знати (рис. 6), отличающейся богатством, роскошью как ткани, так и орнамента, невербально указывающих на статус ее обладателя.

Основополагающим мотивом орнамента рубашки модели (рис. 6А) являются стилизованный узор *қошқар мүйіз* 'бараний рог' и его вариант *өткізбе* 'роговидный завиток', которые прослеживаются на передней части рубашки. Традиционно роговидные мотивы выражают достаток, благосостояние. Рельефные растительные мотивы (листья, бутоны, соцветия) в сочетании с зигзагообразными линиями прослеживаются в тамбурной вышивке наколенников и нижней части шаровар (рис. 6А). Замшевые вышитые шаровары указывают на социальное происхождение их владельца и ассоциируются с жизненной энергией, ростом, расцветом. Как видно, орнамент структурирует пространство: главные элементы орнаментальной инсталляции бóльшего размера располагаются по центру, второстепенные усиливают и дополняют их, что создает ритмическое единство всей орнаментальной композиции.

Особенностью тамбурной вышивки передней части желтой жилетки и белого шапана (рис. 6В) являются расположенные рядом крупные солярные круги, внутри которых шелком расшиты звезды в сочетании с геометрическими и растительными мотивами или свастикой — знака верховной власти, богатства, благополучия. «Космогонический узор *дәңгелек* (солярный круг), являясь центром композиции и сочетаясь с другими солнечными (*күн нұры*, *күн көзі*, *күн сәулесі*), а также лунными (*ай*,

¹ Из личной беседы авторов с дизайнером М. Еримбетовым (Шымкент, 13.02.2026).

айшык) узорами, на позументном шапане, бешпете ханов, биев, означал власть, энергию, мощь и силу, источник жизни на земле» (Джанибеков, 1990: 146; курсивы были в оригинале. — Авт.). Кроме того, многообразие орнаментов трансформируясь, стилизуясь, подчиняется законам композиции, как пишет Е. Кожабаев, визуально указывает на смысловые акценты: «крест-свастика — солярный знак, символ тенгрианства; круг — солнце и вечное небо; треугольник — священная гора Улытау; квадрат — земная жизнь; S-образный знак — символ бесконечности»¹.

Центр орнаментальной инсталляции шапана (рис. 6В) представляет единство космогонических, зооморфных, растительных узоров. Роговидные мотивы (*өткізбе, қошқар мүйіз, арқар мүйіз, қос мүйіз, сынық мүйіз*), узор *түйемойын* в соединении с космогоническими (*жұлдызгүл, топ жұлдыз, жұлдыз өрнек, төртайшық*) и растительными элементами (*үшқұлақ, үшжапырақ*) символизируют устойчивость власти, родовое благополучие, а также свет, вечность, бесконечность. Такие же узоры, расположенные на плечах и нижней части рукавов шапана (рис. 6А, 6В), плавно переходят в обрамление бортов и нижней части изделия. Крупный узор нижней задней части шапана (рис. 6С) своей вершиной уходит ввысь, указывая на небо, безграничную власть. Композиционная завершенность образа выражается обрамлением жилета и шапана неширокой контрастной полосой с крайними узорами того же цвета *ирек, ирек су, шет ою*, означающими бесконечность. Определенная семантика прослеживается и в головных уборах: темный меховой низ островерхой шапки хана означает земные богатства, бескрайние степи; белое навершие ассоциируется с высокими снежными горами (рис. 6В, 6С). Золотистый цвет в одежде казахской знати указывает на богатство, родовой достаток, величие и знатность.

Как отмечает дизайнер, в современных брендах много стилизации и авторского замысла художника, но важно понимать предназначение каждого орнамента, правильно использовать его соразмерно отдельным деталям одежды, соблюдать гендерную и цветовую характеристику².

Орнамент как носитель устойчивых смыслов в коллекциях обоих дизайнеров создает узнаваемый знаково-символический визуальный язык, идентифицирующий принадлежность к определенной культуре, эпохе, социальной группе. В дизайнерских коллекциях Ж. Байтелиевой, М. Еримбетова традиционный орнамент, сменяясь более свободными интерпретациями, выступает как наиболее устойчивый этнознаковый код невербальной коммуникации, как маркер ментальности этноса, показателя генетической и культурно-исторической памяти народа.

Символизм тувинских орнаментов в дизайнерских коллекциях Вячеслава Донгака

Идея национальной самобытности, прочной духовной связи между поколениями отражена в многочисленных коллекциях одежды с традиционными этническими мотивами, созданными Вячеславом Донгаком. Всего дизайнером представлено свыше 30 значимых коллекций, три из которых: «Шаманка Куу», «Пор-Бажын и «Дары Тенгри — кузунгу» — проанализированы в настоящей работе. Рассмотрим созданную по фольклорным мотивам коллекцию «Шаманка Куу» (рис. 7).

Каждый элемент орнамента, атрибут одежды шаманки, глубоко продуманный, пропитанный символизмом, составляет единое целое, означает мироздание, космос, систему мира и духов-предков, духов-животных как трансляторов идеи мироустройства. На головном уборе модели (рис. 7А) — ленте шириной 8–10 см — располагается узор из непрерывной полосы пересекающихся ромбов, олицетворяющих взаимосвязь между элементами окружающего мира. Выше околышка находятся перья орла (знака острого зрения): 40 крупных, 20 небольших и 2 длинных маховых суук-кара. Завершают убранство головного убора украшенные узором *ланзы*, располагающиеся по бокам и спускающиеся вниз две красные ленты *маак*, которые обозначают вечность и духовную непоколебимость, разум и гармонию, истинность учения и справедливость.

Символизм платья шаманки усиливается прикрепленными на разных деталях одежды неорнаментальными элементами в виде больших и малых круглых дисков, бахромы (рис. 7А, 7В). Создавая завершенность всей композиции, они сочетаются с орнаментальными мотивами и в данном

¹ Кожабаев Е. Казахский орнамент как пиктограмма тенгрианской культуры и комбинаторика его модулей в современном дизайне. Альбом. Алматы: Мектеп, 2015. С. 20.

² Из личной беседы авторов с дизайнером М. Еримбетовым (Шымкент, 13.02.2026).

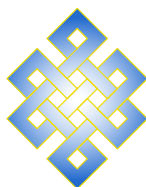

Рисунок 7. Фотоколлаж из коллекции «Шаманка Куу». Фото из архива К. Донгак, Кызыл, 2003 г.
Figure 7. Photocollage from the Collection «Shamanka Kuu». Photo from the personal archive of K. Dongak, Kyzyl, 2003.

контексте помогают шаманке в ритуалах, передают связь с природой, веру в покровителей. Большие диски указывают на верхние слои мироздания (Солнце, Луну) и нижний мир; малые — на мистические силы. Кроме того, они выступают как сакральные обереги. Обереговую функцию выполняют также колокольчики и бубенчики, отпугивающие своим серебристым, высоким звуком злых духов.

Края рукавов, спинная часть одежды, покрытые спускающимися вниз рядами бахромы, имитируют своеобразный птичий хвост; борта халата украшены орнаментом в виде волнистых линий змеиным мотивом — символа хранительницы мудрости, знаний шаманского траволечения. Широкий пояс украшен вышитыми фигурками ящериц, орнаментом в виде завитков, криволинейными геометрическими знаками (полу)овальных линий: *чалбыыштап* 'языки пламени'; *хана карак* 'глаз решетки юрты'; *сопун хээ*, *маска хээ* (Г- и Т-образный меандр); *хирээ бистеп* (зубчатый узор).

Птичьи (*куш хээзи*, *сөөл куш*) и геометрические мотивы (*чалбыыштап*, *хана карак*, *сопун хээ*, *маска хээ*, *хирээ бистеп*), красные ленты *маак* в головном уборе соотносятся с формой одежды шаманки как целостного образа птицы, где каждый элемент имеет сакральное значение. Кроме того, буддийские знаки в орнаменты одежды шаманки «считаются сопричастностью к религии, осознанием части своей культуры» (Ондар, 2016: 126).

Особого внимания среди дизайнерских работ В. Донгака занимает серия коллекций «Урянхайские принцессы», «Золотая Тыва», «Пор-Бажын», посвященных эпохе Уйгурского каганата.

Идея коллекции «Пор-Бажын», связанная с легендой о замужестве цинской принцессы Нинго с уйгурским каганом (см.: Вайнштейн, 1964), отражает эволюцию тувинской культуры через красоту одежды предков (рис. 8).

Коллекция состоит из пяти костюмных образов. В одежде главной героини, утонченной принцессы Нинго из легенды «Пор-Бажын», борта одежды, пояс и рукава декорированы узорами *алага* (меандр), *маска хээ*, которые играют роль не только оберегов, сакральных символов кочевого уклада

Рисунок 8. Фотоколлаж из коллекции «Пор-Бажын». Фото из архива К. Донгак, Китай, 2007 г.
Figure 8. Photocollage from the Collection «Por-Bazhin». Photo from the personal archive of K. Dongak, China, 2007.

жизни, но выступают как маркеры этнической идентичности, визуально-символический код древности, отголосок древней культуры. На воротнике расположены элементы четырехугольника *дөр-белчин* и коробки *хааржакчыгаиш*. В исследовании В. В. Семиспей¹ отмечается, что такие геометрические узоры не только украшают отдельные детали традиционной тувинской одежды, но и структурируют ее в целом. Рукава вышиты разновидностями элементов волн *чалгыгларның аңгы-аңгы хевирлерге аянчытканы* и декорированы аппликациями в виде оленей — одного из духов-покровителей сибирских народов, символа чистоты и благородства, осторожности и острого духа (рис. 8А, 8В). Водные мотивы в традиционной культуре тувинцев символизируют жизненную силу, связь кочевников с природой, а рога оленя ассоциируются с солнечными лучами и Мировым деревом. Изображение оленя на одежде принцессы несет как декоративную, так и сакральную функцию: обозначает социальный статус и духовную защиту.

На верхней задней части головного убора (рис. 8В) принцессы расположен орнамент *төгерик* 'круг, круглый', в котором центральное место занимает узор пиалы *аяк хээзи*, а обрамляет его меандр *алага*. *Төгерик* с центральной точкой воспринимается как циркульный орнамент, является солярным знаком, символизирующим жизненную силу, бесстрашие, вечную молодость. Подол передней части одежды декорирован вариациями орнаментов меандр *алага*, S-образным завитком *дегээ*, сложным завитком из двух спиралей, а также вариантами молоткового орнамента, что соотносится с бесконечностью жизни.

¹ Семиспей В. В. Тувинские национальные узоры: учеб.-метод. пособие. Кызыл: РИО ТувГУ, 2015. С. 15.

Орнаменты в представленной композиции «Пор-Бажын» (рис. 8А, 8В), а также сами элементы костюма работают как система «немых» знаков, задающих зрителю образ древнего, сакрального и внеповседневного персонажа. Высокий конический головной убор и полностью закрытое тело создают силуэт, похожий на шамана, жреца, жрицу-оракула, — это код инициации, принадлежности к «иному» миру и особому статусу. Отсутствие видимых частей тела (волос, фигуры) усиливает обезличивание: важен не индивид, а роль, функция проводника между мирами. Крупный круг с лучами и центральной точкой напоминает распространенный в археологических культурах Евразии солярный знак; он кодирует идеи жизни, энергии, небесного порядка. Концентрические круги и дуги на подоле читаются как образ колеса, круга времени, годового цикла, тем самым одежда «говорит» о космическом масштабе фигуры, выходе за личное время в мифологическое. Силуэты животных (олень / конь и т. п.), традиционно выступающие тотемами, передают коды защиты, силы, охоты, путешествия между мирами. Размещение животных на плечах, спине и рукавах (рис. 8А, 8В) невербально подсказывает, что эти силы «сопровождают» и оберегают носителя одежды, выступая духом-помощником шамана. Колесообразные мотивы и вытянутые знаки под ними (рис. 8А) напоминают древние изображения повозки или лодки; это знаки пути, перехода, движения, иногда — «транспорт» в мир духов. Такая символика переводит образ в плоскость не просто жреца, а проводника, посредника, руководящего коллективным переходом (ритуал, праздник, обряд). Ограниченная палитра (натуральный фон, контрастный темный орнамент) и крупный масштаб знаков делают их похожими на петроглифы или орнамент археологических находок; это код архаичности и «памяти культуры».

Коллекция «Дары Тенгри — кузунгу», созданная В. Донгаком по мотивам тувинских легенд и мифов, состоит из десяти оригинальных по мастерству изготовления женских и мужских образов, каждый из которых декорирован разноцветными ритуальными лентами *чалама*, имеющими в тувинской культуре сакральное значение (см.: Ритуальные ленты ... , 2024: 25–41). Главный объект коллекции на одежде девушек — нежные, грациозные чудо-птицы, несущие добро людям, ограждающие мир от зла. Девушек оберегают их верные стражники — гордые, свободные духом юноши-кочевники (рис. 9).

Рисунок 9. Коллекция «Дары Тенгри — кузунгу». Фото из архива К. Донгак, Москва, 2020 г.
Figure 9. Collection «Dary Tengri — Kuzungu». Photo from the personal archive of K. Dongak, Moscow, 2020.

Мифологизм образов передается изображенными на женской одежде стремящимися ввысь мифическими птицами с расправленными крыльями, что символизирует свободу, стремление к процветанию.

Орнамент из кругов разных размеров в комбинации с другими геометрическими фигурами — зигзагами, кривой решеткой, меандрами, прямоугольниками, ромбами, треугольниками — создает сложную композицию и несет определенную информацию: концентрический круг обозначает Солнце и цикличность жизни; зигзаг — бесконечность; треугольник — стремление к небу; ромб — плодородие и благополучие. Это объясняется тем, что геометрический орнамент был самым древним в тувинской культуре; с его помощью обозначали окружающую действительность: солнце, землю, горы, воду. Передняя сторона женского платья декорирована сетчатым орнаментом в виде чешуи *казырык* и его вариантами: *балык казыры* 'чешуя рыбы'¹, *кулун дую* 'жеребьячи копыта' (Вайнштейн, 1974: 147). Наряду с магической обереговой силой, чешуйчатый орнамент ассоциируется в кочевой культуре с достатком, благополучием, непрерывностью жизни, гармонией с природой. Верхняя одежда имеет стоячие воротники, украшенные ромбовидной вышивкой *хана карак* и меандром *саазын хээ*. Воротник «стегали в несколько рядов голубым или белым узором *волны*, имеющим смысл: пусть мой народ будет чистым, как морские волны, <...> сильным, подобно морским волнам, <...> вечным, как море» (Сиянбиль М., Сиянбиль А., 2000: 48). Узоры *хана карак*, *саазын хээ* на стежках воротника — также обереги, олицетворяющие прочность семейного очага.

В отдельных деталях одежды с основным орнаментом органично сочетается узор *кудрины* — *дыдыраштар* (от *дыдыраш* 'кудрявый, вьющийся')². Низ передней части всех женских костюмов декорирован узорами *от хээлери* (узор огня — символ семейного божества, покровителя дома), вариантами птичьего мотива — орла, символизирующего небо, свет, высоту помыслов. Задняя часть головных уборов девушек декорирована узором из парных пересекающихся изображений ромба и круга *кадын сырга* 'серьги принцессы'. Лента *маак* украшена узором *ланзы*, тувинского варианта *ваджры*. Навершием женских и мужских головных уборов является сплетенный из округлого шнура узел *дошка* — знак бесконечности жизни.

В целом дизайнерская одежда из коллекций В. Донгака, основанная на вере в одушевленность природы, жизненную силу, гармонию с окружающим миром, представляет собой органический сплав древних верований, традиций, элементов буддизма. В совокупности орнаменты и форма костюмов невербально «сообщают» зрителю: перед ним фигура из мифологического времени, обладающая особым знанием и властью, а сам показ превращается в ритуальное действие, а не просто демонстрацию моды.

Сравнительный анализ

Анализ коллекций дизайнерской одежды Ж. Елтановой, М. Еримбетова, В. Донгака позволил выделить универсальные (общие), обусловленные генетическим родством сравниваемых этносов, и уникальные (специфические) орнаменты как сложные визуальные тексты, особые коды этнокультурной самоидентификации. Общность казахской и тувинской культур связана с историческими корнями, древними религиозными представлениями о мире. Кочевой образ жизни обоих народов, отразившийся на их мировоззрении, стал основой для формирования хозяйственной деятельности, духовной культуры. Однако, несмотря на общее тюркское происхождение, ученые отмечают сильное монгольское влияние (буддизм) на тувинскую культуру (Вайнштейн, 1991; Кенин-Лопсан, 2006; Нава, 2013), и ислама — на казахскую (Джанибеков, 1982; Маргулан, 1986).

Обе культуры сегодня переживают бум возрождения к традиционному прошлому, в том числе в одежде, что также выливается в развитие этнической моды, проявление большого интереса к дизайнерам, адаптирующим этномотивы в повседневный стиль. Сами же дизайнеры, работающие с национальной айдентикой, находятся в постоянном поиске соединения традиционных орнаментов и творческих новаций. Свидетельством этому является тот факт, что бренды дизайнеров В. Донгак, Ж. Елтановой, М. Еримбетова представлялись на одних площадках показов моды в Ка-

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 15.

захстане, конкурсах Высокой моды в Москве «Этно-Эрато», неоднократно отмечались наградами в различных номинациях.

Коллаборация компонентов наскальных рисунков крепости Пор-Бажын в Туве и памятника древнего искусства Монголии Аршан хада с современной дизайнерской интерпретацией наглядно отражена в фольклорных брендах В. Донгака «Пор-Бажын» (рис. 8) и М. Еримбетова «Тас дауысы» (рис. 4), где авторы с помощью петроглифов доносят до современного зрителя красоту одежды далеких предков, их философские и духовные концепции, знакомят с мифами о боге Солнца Ра и цинской принцессе Нинго. Узоры солярного круга, которому поклонялись древние скотоводы (Маргулан, 1986: 83), с вписанными в него крестом-свастикой и различными геометрическими фигурами на верхней казахской и тувинской одежде указывают на высокое сословное происхождение ее владельцев. Дуализм креста-свастики отражает древний культурный смысл, показывая жизнь земную (с изображением креста по часовой стрелке) и потустороннюю (движение креста против часовой стрелки)¹.

Обе коллекции содержат космогонические, геометрические и зооморфные орнаментальные мотивы: казахские — *ирек, ирек су, су өрнегі, сынық мүйіз, ботакөз, өркеш, қарға тұяқ, құсмұрын, құстұмсық, құсқанаты*; тувинские — *дөрбелчин, хааржакчыгаш, чалгыгларның аңгы-аңгы хевирлерге аянчитканы* и др. Многие из них легко сочетаются друг с другом, трансформируясь так, что «порою бывает трудно выделить их по общепринятым признакам» (Джанибеков, 1990: 141).

Зооморфные мотивы представлены в тувинской культуре фигурами животных: *орла* — посланника верхнего божества; *ворона* — птицы мудрости; *лося* — духа, защитника природы (коллекция «Пор-Бажын», рис. 8); сказочной *птицы* (коллекция «Дары Тенгри — кузунгу», рис. 9).

Немаловажную «роль в формировании зооморфных мотивов казахского орнамента сыграл запрет ислама на изображение живых существ» (Маргулан, 1986: 83), поэтому в казахской орнаменталистике многочисленны узоры, напоминающие лишь «силуэты или отдельные части тела животных, например, верблюда: *табан* (ступня, след), *түйе мойын* (верблюжья шея), *ботакөз* (верблюжий глаз); птиц: *құс қанат* (крылья птицы), *құс тұмсық* (птичий клюв) *қаз мойын* (гусиная шейка) и др.» (Джанибеков, 1990: 142).

В обеих культурах знаком несокрушимой мощи, плодородия выступают рога барана, оленя или быка как символа Древа жизни (коллекции «Тұран», рис. 6; «Дары Тенгри — кузунгу», рис. 9). Следует отметить, что в казахской орнаменталистике это не только «роговидные дуговые линии, известные в искусствоведческой литературе под формально-типологическим названием *қошқар мүйіз* (бараньи рога), но и всевозможные вариации и композиции этого узора: *мүйіз* — рог, *қос мүйіз* — двойные рога, *сынық мүйіз* — сломанные рога» (Джанибеков, 1990: 141). В сочетании с растительными элементами роговидные мотивы обрамляют стоячий воротник, полы верхней одежды, края головных уборов и являются символом оберега, благополучия (коллекции «Хассак», рис. 5; «Тұран», рис. 6).

Узор казахской верхней одежды *крестовина* (скрещенные в квадрате элементы *қошқар мүйіз*) обозначает четыре стороны света, течение и завершение жизненного пути, что подтверждается бесконечно повторяющимися водными мотивами: *су өрнек*, зигзаг *ирек*, крючок *қармақ* и *шет өю*, которые завершают орнаментальную композицию, усиливая ее художественную эстетичность (коллекция «Нити времени», рис. 1, 3). В тувинской же культуре узор *крестовина* дополняется разнообразными водными мотивами — элементами волн *чалгыгларның аңгы-аңгы хевирлерге аянчитканы*, которые указывают на жизненную силу, связь с природой (коллекция «Пор-Бажын», рис. 8; «Дары Тенгри — кузунгу», рис. 9). Криволинейные геометрические мотивы *чалбыштап* 'языки пламени'; *хана карак* 'глаз решетки юрты'; *сопун хээ, маска хээ* (Г- и Т-образный меандр); *хирээ бистеп* (зубчатый узор), наряду с зооморфными (*куш хээзи, сөөл куш*), создают целостность образов и имеют сакральное значение (коллекции «Шаманка Куу», рис. 7; «Дары Тенгри — кузунгу», рис. 9).

В казахских коллекциях отмечены многообразные растительные мотивы: *тәжі гүл, жетігүл, күлте, үшқұлақ, үшжапырақ, бесжапырақ, сақтық гүл* (коллекции «Нити времени», рис. 1, 3; «Хассак», рис. 5); космогонические, геометрические и бараньи мотивы (коллекция «Хассак», рис. 5; «Тұран», рис. 6).

¹ Кожабаяев Е. Казахский орнамент как пиктограмма тенгрианской культуры и комбинаторика его модулей в современном дизайне. Альбом. Алматы: Мектеп, 2015. С. 21.

Отличительной чертой тувинского орнаментализма является наличие в них буддийских мотивов. В коллекции «Шаманка Куу» (рис. 7) используется бахрома и ленты *чалама*. По мнению исследователей, «ленты *чалама* являются не только атрибутами, но и самим духом шамана» (Кенин-Лопсан, 2002: 508). В орнаменте тувинской одежды в разные элементы вышивки включаются узоры *хана карак*, *саазын хээ*, отражающие статус его владельца. Лента *маак* украшена узором *ланзы*, а вершина головных уборов — узлом *дошка*¹ как символа бесконечности жизни; на основу жизни, мировоззрение кочевых народов, защиту от негативных явлений и очищение указывает огненный узор *от хээлери* (коллекция «Дары Тенгри — кузунгу», рис. 9).

Богато украшенные, красивые, красочные дизайнерские коллекции — это не просто одежда, не просто этническая мода. Это своеобразное искусство, которое, как мы знаем, через особый образный язык может выражать культурные смыслы, дух народа. Благодаря этническим элементам в современной стилизованной одежде «мода становится мощным инструментом в сохранении и продолжении национальной культуры» (Мухутдинова, 2024: 53). Орнаментализация одежды дает не только возможность идентифицировать себя со своим народом, и его культурой, но и через выбор этнических элементов выразить свою индивидуальность. Умелое использование дизайнерами орнаментов в стилизованной одежде и ее аксессуарах позволяет осознавать их коллекции как костюмы-образы, сочетающие в себе элементы культурного наследия с дальнейшей интеграцией в современные конструкции. «Этнические мотивы в современной моде — это некий мост, способ диалога между традицией и современностью» (Мехтиева, Алибекова, 2025: 58), это их бережная трансформация в современный силуэт, сохранение исторической памяти через невербальный культурный код. В этом контексте исследователь М. В. Топоева, характеризуя современные дизайнерские коллекции, подчеркивает своеобразный синтез «этнообразов и новых контекстов», <...> способствующих сохранению «собственного этнического своеобразия» (Топоева, 2025: 122).

Результаты исследования орнаментов в дизайнерских коллекциях казахской и тувинской одежды показали, что в эпоху стремительно развивающихся технологий этноодежда не только не утратила своего значения, но обрела оригинальные интерпретации в авторских брендах, органично соединив древние традиции и современные концепции. Такая стилизованная одежда сегодня стала частью культуры и истории, визуальным отражением духа казахского и тувинского народов, принадлежащих к древним тюркским племенам.

Заключение

Сравнительный анализ этнических орнаментов в дизайнерских коллекциях казахской и тувинской одежды продемонстрировал уникальный феномен визуальной «записи» символов, в которых современность органично переплетается с историей, бытом народов, философско-религиозным мировоззрением, связью с природой.

На материале авторских работ Жанны Байтелиевой, Марата Еримбетова, Вячеслава Донгака выявлены современные интерпретации этнических мотивов одежды в культурном наследии двух этносов; охарактеризована символика казахских и тувинских орнаментов как визуальных трансляторов передачи культурных, этнических и смысловых понятий; проведен сравнительный анализ общих (солнечный круг, свастика, бараньи узоры, водные мотивы) и специфических особенностей доминирующих элементов казахской (*құсмұрын*, *құстұмсық*, *тәжі гүл*, *жетігүл*, *күлте*, *үшқұлақ*, *үшжапырақ*, *сақтық гүл* и др.) и тувинской (*дыдыраштар*, *от хээлери*, узор *ланзы*, узел счастья) орнаментики.

На рассматриваемые культуры оказали влияние тюркские, монгольские традиции, при этом в тувинской культуре отмечается большое влияние буддизма. В результате этого произошла интеграция различных стилей и элементов, существенно обогатившая их орнаментальное искусство. Описаны традиционные элементы орнаментов двух этносов, которые легли в основу орнаменталистики стилизованных дизайнерских коллекций казахской и тувинской одежды.

Исследование орнаментов как символических визуальных текстов в авторских коллекциях одежды, идеи их трансформации в разных культурах перспективны и требуют дальнейшего все-

¹ См.: Сиянбиль М. Дошка – загадочный узел // Башкы. 2001. № 3. С. 48.

стороннего изучения. Собранные материалы, знакомящие обучающихся с особенностями межкультурной невербальной коммуникации, могут быть использованы в учебных курсах и программах всех уровней образования.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю благодарность генеральному директору Театра танца и костюма «Эдегей» (Республика Тува, г. Кызыл) Донгак Киме Чозаровне; основателю бренда женской одежды «Janna Eltanova» Байтелиевой Жанне Елтановне и дизайнеру, руководителю Театра моды «Ақба-ян» Еримбетову Марату Налжигитовичу (Республика Казахстан, г. Шымкент) за предоставленные материалы коллекций и помощь в их описании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыг-Тюлюш, Л. С. (2017) Тыва чоннун угулзалары, хээлери [Тувинские народные узоры]. Новосибирск : б. и. 180 с. (На тув. яз.)
- Бир, Р. (2011) Энциклопедия тибетских символов и орнаментов: пер. с англ. Л. Бубенковой. М. : Ориенталия. 428 с.
- Вайнштейн, С. И. (1964) Древний Пор-Бажин // Советская этнография. № 6. С. 103–114.
- Вайнштейн, С. И. (1967) Орнамент в народном искусстве тувинцев // Советская этнография. № 2. С. 45–61.
- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Джанибеков, У. Д. (1982) Культура казахского ремесла. Алма-Ата : Өнер. 144 с.
- Джанибеков, У. Д. (1990) Эхо... По следам легенды о золотой домбре. Алма-Ата : Өнер. 304 с.
- Дьяконова, В. П. (1960) Материалы по одежде тувинцев (по полевым материалам 1957–1958 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М.–Л. : АН СССР. 317 с. С. 238–266.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Мифы тувинских шаманов [Тыва хамнарның торулгалары]. Кызыл: Новости Тувы. 544 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 230 с.
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2025) Узел счастья в социокультурном пространстве Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 5–32. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.1>
- Майны, Ш. Б., Кухта, М. С. (2019) Тувинский костюм : традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 36. С. 232–243. DOI: <http://doi.org/10.17223/22220836/36/22>
- Маргулан, А. Х. (1986) Казахское народное прикладное искусство : в 2-х т. Алма-Ата : Өнер. Т. 1. 256 с.
- Мехтиева, Ш. М., Алибекова, М. И. (2025) Этнические мотивы в современной моде как диалог между традиционным прошлым и будущим // Материалы и технологии. № 2 (16). С. 51–62.
- Мухутдинова, Р. Ф. (2024) Этнические элементы в современной моде : синтез культур и формирование новых стилей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 2 (118). С. 78–84.
- Нава, С. С. (2013) Кочевая культура тувинцев сквозь призму культурных контактов: культурологическое исследование. Иркутск : Оттиск. 131 с.
- Нарожная, В. Д. (2016) Ментально маркированные концепты невербальной коммуникации. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 214 с.
- Ноозун, О. Х. (2016) Тувинское декоративно-прикладное искусство : вехи историко-культурного развития. Кызыл : Тываполиграф. 153 с.
- Ондар, А. Б. (2016) Символика и декорирование тувинского стилизованного национального костюма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12 (74). Ч. 2. С. 124–127.

- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 404 с.
- Ритуальные ленты и флаги в тувинской культуре (2024) / Ч. К. Ламажаа, Ш. Б. Майны, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета. 195 с.
- Сиянбиль, М., Сиянбиль, А. (2000) Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл : Типография Госкомитета печати и массовой информации РТ. 72 с.
- Топоева, М. В. (2025) Этническая мода: теоретические аспекты исследования // Вестник Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. № 5. С. 121–124.
- Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука ; НГОПО Союза писателей России. 336 с.
- Ховалыг, Р. Б. (2022) Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды «эдектиг тон» // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1293–1307. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307>
- Чап Ч. М., Болгум-оол, А. Т. (2008) Тыва угулзалар, хээлер [Тувинские узоры]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 60 с. (На тув. яз.).
- Шаханова, Н. Ж. (1998) Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы : Казахстан. 184 с.

Дата поступления: 19.11.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2026 г.

REFERENCES

- Adyg-Tyulyush, L. S. (2017) *Tuvan folk patterns*. Novosibirsk, s. n. 180 p. (In Russ. and Tuv.)
- Bir, R. (2011) *Encyclopedia of Tibetan symbols and ornaments*. Transl. from English by L. Bubenkova. Moscow, Orientalija. 428 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1964) Ancient Por-Bazhyn. *Sovetskaya etnografiya*, no. 6, pp. 103–114. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1967) Ornament in the folk art of the Tuvans. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 45–61. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1974) *History of folk art of Tuva*. Moscow, Nauka. 224 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1991) *The world of nomads of Central Asia*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.)
- Dzhanibekov, U. D. (1982) *Culture of Kazakh craftsmanship*. Alma-Ata, Öner. 144 p. (In Russ.)
- Dzhanibekov, U. D. (1990) *Echo... In the footsteps of the legend of the golden dombra*. Alma-Ata, Öner. 304 p. (In Russ.)
- Dyakonova, V. P. (1960) Materials on the clothing of the Tuvans (based on fieldwork of 1957–1958). In: *Proceedings of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition*. Materials on archeology and ethnography of Western Tuva, ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 317 p. Pp. 238–266. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2002) *Myths of Tuvan shamans*. Kyzyl, Novosti Tuva. 544 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of the Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 230 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2025) The knot of happiness in the sociocultural space of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 5–32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.1>
- Mainy, Sh. B. and Kukhta, M. S. (2019) Tuvan costume: tradition and modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, no. 36, pp. 232–243. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17223/22220836/36/22>
- Margulan, A. Kh. (1986) *Kazakh folk applied art*. In 2 vols. Alma-Ata, Öner. Vol. 1. 256 p. (In Russ.)
- Mekhtieva, Sh. M. and Alibekova, M. I. (2025) Ethnic motifs in contemporary fashion as a dialogue between the traditional past and the future. *Materialy i tekhnologii*, no. 2 (16), pp. 51–62. (In Russ.)
- Mukhutdinova, R. F. (2024) Ethnic elements in contemporary fashion: synthesis of cultures and formation of new styles. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 2 (118), pp. 78–84. (In Russ.)
- Nava, S. S. (2013) *The nomadic culture of the Tuvans through the prism of cultural contacts: a cultural studies investigation*. Irkutsk, Ottisk. 131 p. (In Russ.)
- Narozhnaya, V. D. (2016) *Mentally marked concepts of nonverbal communication*. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 214 p. (In Russ.)

Noozun, O. Kh. (2016) *Tuvan decorative and applied art: milestones of historical and cultural development*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 153 p. (In Russ.)

Ondar, A. B. (2016) Symbolism and decoration of the Tuvan stylized national costume. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (74), part 2, pp. 124–127. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 404 p. (In Russ.)

Ritual ribbons and flags in Tuvan culture (2024). Ch. K. Lamazhaa, Sh. B. Mainy, N. D. Suvandii, Ch. Kh. Sanchai; ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, Publishing House of Tuvan State University. 195 p. (In Russ.)

Siyanbil, M. and Siyanbil, A. (2000) *Traditional Tuvan costume (History. Symbolism)*. Kyzyl, Tipografiya Goskomiteta pechati i massovoy informatsii RT. 72 p. (In Russ.)

Topoeva, M. V. (2025) Ethnic fashion: theoretical aspects of research. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova*, no. 5, pp. 121–124. (In Russ.)

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvan traditional clothing*. Novosibirsk, Nauka; NG OPO Soyuza pisateley Rossii. 336 p. (In Russ.)

Khovalyg, R. B. (2022) Historical and ethnographic aspects of the Tuvan women's shoulder garment "edektig ton". *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1293–1307. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307>

Chap, Ch. M. and Bolgum-ool, A. T. (2008) *Tuvan patterns*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 60 p. (In Russ. and Tuv.)

Shakhanova, N. Zh. (1998) *The world of traditional culture of the Kazakhs (ethnographic essays)*. Almaty, Kazakhstan. 184 p. (In Russ.)

Submission date: 19.11.2025.

Acceptance date: 20.05.2026.

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

DOI: 10.25178/nit.2026.3.20

Статья

Структурно-семиотические и мифопоэтические доминанты «алматинского текста» в контексте русскоязычной прозы Казахстана

Елена С. Шмакова

Таразский университет имени М. Х. Дулати, Республика Казахстан,

Сауле Б. Бегалиева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлено исследование генезиса и структуры феномена «городского текста» в аспекте семиотической концепции, культурологического, антропологического и литературоведческого подходов. Наряду с феноменом «городского текста» рассматриваются понятия «локальный текст» на примере «алматинского текста». Актуальность его исследования определяется поликультурностью и поиском идентичности казахстанской литературой, в которой «алматинский текст» становится концепцией уникальных культурных локусов, исторических и мифологических доминант, отражающих авторские мироощущения и порождающих особый литературный тип горожанина. Материалами для исследования послужили прозаические тексты современных русскоязычных писателей Казахстана: Д. Накипова, Е. Клепиковой, И. Одегова, Л. Калаус, Ю. Се-ребрянского, М. Земского.

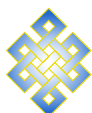

Выявлены и проанализированы ключевые компоненты «алматинского текста»: культурно-исторические доминанты, репрезентирующие образы города в прошлом и настоящем; мифопоэтические образы, соотносящиеся с городом, его историей; авторские мироощущения, отражающие авторскую рефлексию и выстраивающие образную систему «алматинского текста»; своеобразная персонажная система, включающая типологические образы городских персонажей, куда входит и сам город.

Показано, что исторический компонент в текстах интерпретируется по-разному:

Е. Клепикова использует иронический контекст для описания советских реалий, а Д. Накипов выражает неприязнь и сарказм к советской власти через интерпретацию аббревиатур, репрезентирующих авторскую позицию. Подтверждена тенденция наделяния города антропоморфными чертами и статусом персонажа в персонажной системе произведений. Мифологическая доминанта связывает город с тенгрианской мифологией и образом концентрического города (по Ю. Лотману), которая формирует сакральное и оценочное значение, а главной мифологической доминантой становится мотив утраченного рая. Установлено, что восприятие города напрямую зависит от автора. Намечен контраст между лирической ностальгией авторов с акцентом на советском прошлом и скептицизмом с фиксацией на современных реалиях массовой культуры.

Ключевые слова: городской текст; локальный текст; Алма-Ата; Алматы; алматинский текст; семиотический анализ; мифопоэтическая доминанта; авторское мироощущение; русскоязычная проза Казахстана; казахстанская литература

Для цитирования:

Шмакова Е. С., Бегалиева С. Б. Структурно-семиотические и мифопоэтические доминанты «алматинского текста» в контексте русскоязычной прозы Казахстана // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 346-362. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.20>

Шмакова Елена Сергеевна — доктор наук (PhD), и. о. ассоциированного профессора кафедры русского языка и литературы Таразского университета имени М. Х. Дулати. Адрес: Республика Казахстан, 080007, г. Тараз, ул. Сулейменова, д. 7. Эл. адрес: shmakovaelena87@mail.ru

Бегалиева Сауле Байазовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: sbegalieva@mail.ru

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

Structural-Semiotic and Mythopoetic Dominants of the “Almaty Text” in the Context of Russian-Language Prose of Kazakhstan

Elena S. Shmakova

M. Kh. Dulati Taraz University, Republic of Kazakhstan,

Saule B. Begaliyeva

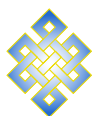
Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article investigates the genesis and structure of the phenomenon of the “urban text” through semiotic, cultural, anthropological, and literary approaches. In addition to the “urban text,” it considers the concept of the “local text” using the example of the “Almaty text.” The relevance of this object of study is determined by the multicultural character of Kazakhstani literature and its search for identity, within which the “Almaty text” emerges as a conceptualization of unique cultural loci, historical and mythological dominants that reflect authors’ worldviews and give rise to a specific literary type of the city dweller. The material for the study comprises prose works by contemporary Russian-language writers of Kazakhstan: D. Nakipov, E. Klepikova, I. Odegova, L. Kalas, Yu. Serebryansky, and M. Zemsky.

The article identifies and analyzes the key components of the “Almaty text”: cultural-historical dominants that represent images of the city in the past and present; mythopoetic images associated with the city and its history; authors’ modes of world-perception, which shape the figurative system of the “Almaty text”; and a distinctive character system that includes typological images of urban characters, among which the city itself is also included.

It is shown that the historical component is interpreted differently in the texts: E. Klepikova employs an ironic context to depict Soviet realities, while D. Nakipov expresses aversion and sarcasm toward Soviet power through his interpretation of abbreviations, which represent the author’s position. The study confirms a tendency to endow the city with anthropomorphic features and with the status of a character within the works’ character system. The mythological dominant links the city with Tengrian mythology and with the image of the concentric city (after Yu. Lotman), forming sacral and evaluative meanings, with the motif of a lost paradise becoming the principal mythological dominant. It is established that perception of the city is directly dependent on the author, with a marked contrast between lyrical nostalgia, focused on the Soviet past, and skeptical attitudes that highlight contemporary realities of mass culture.

Keywords: urban text; local text; Alma-Ata; Almaty; Almaty text; semiotic analysis; mythopoetic dominant; author’s worldview; Russian-language prose of Kazakhstan; Kazakh literature

For citation:

Shmakova E. S. and Begaliyeva S. B. Structural-Semiotic and Mythopoetic Dominants of the “Almaty Text” in the Context of Russian-Language Prose of Kazakhstan. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 346-362. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.20>

SHMAKOVA, Elena Sergeevna, PhD, Acting Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Taraz University named after M. Kh. Dulati. Postal address: 7 Suleimenova St., 080007, Taraz, Republic of Kazakhstan. E-mail: shmakovaelena87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5682-3581

BEGALIYEVA, Saule Bayazovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Av., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: sbegaliyeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3528-7756

Введение

Понятие «городской текст» в современном русскоязычном научном дискурсе обладает высоким исследовательским потенциалом. Интерес к нему был инициирован еще в первой четверти прошлого столетия в работах Н. П. Анциферова (Анциферов, 1926–1927), в середине прошлого столетия в исследованиях Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992), поддержан В. Н. Топоровым (Топоров, 2003) и другими исследователями феноменов городского и локального текстов.

В условиях поликультурного пространства СНГ в аспекте постколониальной критики особый интерес представляют именно локальные городские тексты, аккумулирующие и репрезентирующие уникальные культурные локусы, исторические и мифологические доминанты, отражающие авторские мироощущения и порождающие особый литературный тип горожанина. Так, исследователями раскрываются своеобразие «ташкентского текста» (Шафранская, 2010), «армянского текста» (Шафранская, 2022), «кавказского текста» (Шульженко, 2017), «грузинского текста» (Потапова, 2023), «крымского текста»¹, «тувинского текста» (Шафранская, Гарипова, Токарева, 2023).

Одним из таких локальных текстов в казахстанском русскоязычном литературном сегменте может рассматриваться «алматинский текст» — корпус текстов, созданных в рамках культурной жизни города Алматы и объединенных формирующими этот текст историческими, культурными, мифологическим доминантами.

Алматы — культурная столица Казахстана. Это город, вобравший в свой образ уникальные исторические, географические, культурные особенности, воспетые писателями и поэтами в Казахстане и за его пределами. Город возник как военное укрепление — Верный (в 1867 г.), став смещением различных этносов и культур: казахской, русской, узбекской, уйгурской. Мультикультурное ядро города стало его своеобразной доминантой, определившей дальнейшее культурное и историческое развитие. Со временем происходит трансформация из города-крепости в город-сад, и топоним Верный в 1921 г. сменяется на Алма-Ату (с каз. 'Яблоко-дед'). В советский период город становится убежищем и центром притяжения для творческой интеллигенции, художников, музыкантов, представителей балетного искусства. С 1929 по 1997 гг. город Алма-Ата являлся официальной столицей КазССР. В постсоветское время (с 1993 г.) город получает имя Алматы (каз. 'яблонево́ый') и становится мегаполисом, культурной столицей и деловым центром.

Исторические трансформации города находят отражение и в культурном поле, в частности, в литературно-художественном осмыслении города как персонажа, как фона для сюжетных перипетий, как текста и интертекста.

Актуальность предпринятого исследования продиктована необходимостью теоретического осмысления феномена «алматинского текста» в совокупности его структурно-семантических, культурно-исторических, мифопоэтических доминант на материале еще мало исследованной в этом аспекте современной русскоязычной прозы Казахстана.

Объектом исследования становится корпус прозаических текстов современных казахстанских русскоязычных авторов (Д. Накипова, И. Одегова, Л. Калаус, Ю. Серебрянского, Е. Клепиковой), в которых репрезентируется феномен «алматинского текста». Отбор материала исследования обусловлен, прежде всего, тем, что в творчестве указанных авторов «алматинский текст» представлен наиболее концептуально и многогранно, а образ города возводится в степень мифологемы, организующей художественное пространство. Предмет исследования — доминанты, структура и функции «алматинского текста» как совокупности иерархических урбанистических знаков и кодов, его исторической, мифологической, культурной, топонимической и индивидуально-авторской составляющей.

Цель исследования — выявить, систематизировать и интерпретировать доминанты «алматинского текста» в современной казахстанской русскоязычной прозе. Цель исследования достигается путем решения следующих задач: 1) охарактеризовать историческую составляющую «алматинского текста»; 2) рассмотреть феномен «алматинского текста» в аспекте культурных традиций; 3) выявить и интерпретировать мифологическую доминанту «алматинского текста»; 4) систематизировать и проанализировать персонажную систему «алматинского текста».

¹ Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов: учебное пособие. М.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт кино и телевидения (ГИТР)», 2020.

Особенности логической структуры исследования предопределили и отбор художественного материала, анализ которого сосредоточен на выявлении и интерпретации ключевых городских топосов и связанных с ними культурно-исторических реалий, определяющих авторское мироощущение. В настоящем исследовании рассматриваются тексты «новейшей» казахстанской русскоязычной прозы, в состав которой входят художественные произведения, написанные после обретения Казахстаном независимости, т. е. с 1993 г. (Ибраева, Сапарова, 2019; Темирболат, 2023). Город становится героем романа Д. Накипова «Круг пепла»¹. Хронотопическая целостность, репрезентированная в структуре, заглавиях, мотивах и образах-персонажах, характерна для «алматинских текстов» Е. Клепиковой «Алматинские быльки»². У И. Одегова в произведении «Снег в паутине»³ и Л. Калаус в цикле рассказов «Аля в меловом периоде»⁴ «семантически городские тексты связаны «Алма-Атинской» темой, идейно выраженной в отношении автора и героев к прошлому и настоящему города Алматы и к его историческим реалиям» (Шмакова, 2022: 222).

Методология исследования

В соответствии с определением Ю. М. Лотмана, который позиционирует город как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» (Лотман, 1999: 325), и «рассмотрением города как системы урбанистических знаков и кодов, сопряженных с понятием текста» (Шмакова, 2022: 218), интерпретация городского текста потребует применения междисциплинарного подхода: использования методов культурологии, антропологии, литературоведческих концепций — семиотики, герменевтики, мифопоэтики, гендерного и когнитивного литературоведения, психоаналитических стратегий интерпретации художественного текста.

В семиотике город трактуется как совокупность координатных средств смыслопорождения и смысловыражения, организующих городское пространство, «модель универсума», которая выражается «в мифах, религии, языке, обрядах, приметах, организации внутри жилища и планирование городов» (Анисимов, 2018: 34).

В рамках семиотической концепции город рассматривается как вторичная моделирующая система из знаков и кодов, в которой город мыслится в той же знаковой системе, что и текст. «Интерпретация города как текста и «городского текста» как текста о городе, структурируется на основе диалогичности, иерархичности и последовательности урбанистических знаков и кодов. Город как текст обладает выраженностью в определенных географических, личностно-биографических, мифологических рамках, характеризуется отграниченностью от внеположенных ему символически-знаковых элементов, что позволяет рассматривать совокупность текстов о городе на основе повторяющихся урбанистических знаков и кодов» (Шмакова, 2022: 97). Так формируются корпуса городских текстов — петербургский текст, московский текст, алматинский текст.

В культурологии городское пространство определяется как текст культуры, аккумулирующий культурное наследие разных эпох, культурологические коды и символы, легенды, духовное наследие его обитателей и строителей. Городской текст становится концептом культуры, определяющим культурную картину мира человека, он «универсален и национален одновременно, что обеспечивает его функционирование в координатах кода культуры» (Кузнецова, Петрулевич, 2018: 215).

Антропологический подход предполагает интерпретацию города как «онтологической идеи, через которую мы понимаем себя», определение города как тела, имеющего свою метафизику (Смирнов, 2012: 136). В рамках антропологического подхода развивается концепция биографии города, у истоков которой стоит немецкий историк Г. Б. Дройзен (Дройзен, 2004). Концепция предполагает рассмотрение города как живого «коллективного» существа, «собирательную личность, в «лицо» которой мы должны взглянуть, понять ее «душу», познать и восстановить биографию» (Ходинская, 2022: 323).

¹ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009.

² Клепикова Е. Г. Алматинские быльки (Странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви) // Дружба народов. 2010. № 7. С. 123–137.

³ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 1–24.

⁴ Калаус Л. Аля в меловом периоде // Крещатик. 2019. № 3 (85). С. 10–27.

Методология исследования «алматинского текста» базируется на структурно-семиотическом и мифопоэтическом подходах, в аспекте которых город рассматривается как семиотическое поле культурно-исторических знаков и кодов. Мифопоэтический метод позволяет выявить устойчивые мифологемы и архетипы, связанные с образом города, исследовать антропоморфизацию города, который становится Демииургом, полноценным персонажем в структуре художественного целого. Схема изучения «алматинского текста» представляет собой последовательное движение от констатации урбанистических знаков и кодов до интерпретации их культурно-исторических и мифологических смыслов.

Таким образом, анализ «алматинского текста» предполагает исследование его структурно-семантических, культурно-исторических, мифологических и литературоведческих доминант:

- культурно-историческое своеобразие алматинского текста (концепция Г. Б. Дройзена) (Дройзен, 2004);
- повествовательный фокус писателей на двух временных линиях изображения города — город ДО (Алма-Аты) и город ПОСЛЕ (Алматы);
- топиические и топонимические детали, ставшие стереотипами «алматинского текста», и отражающие его ментальность, аутентичность и идентичность;
- авторские мироощущения, выстраивающие образную систему алматинского текста (в том числе в мифопоэтическом аспекте) и формирующие авторскую позицию;
- система персонажей, характерная для алматинского текста, в центре которой — сам город, наделенный антропоморфными чертами; Как раз все это относится к методологии исследования.

Обзор литературы

Генезис феномена «городского текста» и развитие научного интереса к нему обусловлен становлением и развитием структуралистской и семиотической концепций, а также интерпретацией образа города в парадигмах культурологии и антропологии. Во многом на укоренение и развитие этого понятия повлияли работы К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 2011), Р. Барта (Барт, 1987), Ю. Кристевой (Кристева, 2004), в России — Н. П. Анциферова (Анциферов, 1991), Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992), В. Н. Топорова (Топоров, 2003) и др., определявших городской текст как систему урбанистических знаков и символов, совокупность художественных образов, мотивов и мифов, соотносящихся с определенными топонимическими и биографическими кодами.

Если городской текст в семиотической концепции — это вторичная моделирующая система знаков и кодов, кодирующих фундаментальные культурные и философские смыслы, то проблема локального текста рассматривается в несколько иной плоскости. Локальный текст, согласно Э. Ф. Шафранской, это «совокупность растиражированных в культуре и словесности (устной и письменной) представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии, образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками — всего того, что с течением времени становится сводом стереотипов о месте, или локальным текстом» (Шафранская, 2017: 22). Таким образом, локальный текст формирует и отражает региональную (этнокультурную) идентичность в ее уникальном семиотическом своеобразии.

Интерес казахстанских ученых к интерпретации проблемы локального текста направлен, в основном, на художественные тексты, созданные в рамках культурной жизни южной столицы — Алматы, однако существуют понятия «карагандинского текста» (Семенова, 2024: 173), «семипалатинского текста» (Рублев, 2011), «павлодарского текста» (Приходченко, 2022; Новоселова, Иост, 2020) и др.

В русскоязычный прозаический корпус «алматинских текстов» традиционно включаются тексты русскоязычных авторов Ю. Домбровского, романы Д. Накипова, произведения О. Марк, Ю. Серебрянского, М. Земскова, И. Одегова, Л. Калаус, Е. Клепиковой др. Проблема «алматинского текста» репрезентирована не только в художественных текстах современных казахстанских авторов, но и в научных исследованиях казахстанских и зарубежных ученых. Так, выявлению своеобразия и интерпретации локального «алматинского текста» посвящены исследования Г. И. Власовой (Власова, 2018, 2022а, 2022б). Исследователь вслед за Э. Ф. Шафранской (Шафранская, 2015) для выявления

своеобразия локального алматинского текста использует понятие «паттерн». На основе анализа текстов казахстанских авторов (О. Марк, Е. Клепиковой, Л. Калаус, М. Земскова) она выделяет следующие ключевые паттерны алматинского текста, характерные для их творчества: топонимические, ландшафтные и пространственные паттерны; мифологические, характеризующие город посредством устойчивых определений «город-сад», «яблоко», «гора». Исследователь обращает особое внимание на культурные и исторические паттерны, репрезентирующие историческую и культурную память, на маркированные заглавия, паттерны советской эпохи (Власова, 2022b: 73). Таким образом, как мы уже заключали, Г. И. Власова «отмечает диффузию исторического и мифологического пространства, внутри которой формируются сложные семантические связи, выстраивающиеся в целостную модель алматинского текста» (Шмакова, 2022: 220).

Исследованию локального алматинского текста посвящены статьи Ж. А. Баянбаевой (Баянбаева, 2015, 2016) и ее диссертация¹. В своих исследованиях на примере творчества Ю. Домбровского, которого Э. Ф. Шафранская называет основоположником алматинского текста, Ж. А. Баянбаева интерпретирует наиболее значимые элементы городского текста посредством ключевых концепций и мотивов. Город рассматривается как концепт «в системе его основных функций»² и становится в творчестве Ю. Домбровского каноническим. Он включает в себя, согласно исследователю, своеобразные «мифы, символы, геопрезентемы», «литературные портреты»³.

Теоретическая основа исследования феномена «алматинского текста» заложена и в научных трудах авторов настоящей статьи. Так, в диссертации Е. С. Шмаковой⁴ практический подраздел посвящен проблеме автора и героя в «алматинском тексте». Рассмотрены такие категории, как город-персонаж, город-миф, авторские мироощущения в эстетике «алматинского текста». Выявлены авторские стратегии интертекстуальной репрезентации образа города в творчестве Д. Накипова. В статье «Городские топосы как отражение авторского мироощущения» автора (Шмакова, 2022) прослеживается влияние авторских ментальных, эстетических установок на создание городских пространств в художественных текстах и связанных с ними культурно-исторических, мифологических кодов. В статье намечается попытка вычленить ключевые доминанты «алматинского текста». Указанные труды становятся теоретическим и методологическим заделом для настоящего исследования.

Представленный обзор немногочисленных исследований по проблеме «алматинского текста» позволяет выявить ряд лакун в формировании целостного представления этого феномена в его системном осмыслении. За пределами научного внимания остается структурно-семиотическая иерархия «алматинского текста» как единого сверткестекста со своими законами и иерархией. Исследования мифологических доминант «алматинского текста» носит фрагментарный характер, практически не исследуется новейший художественный материал, формирующий урбанистические неомифологические тенденции. Отсутствуют исследования, посвященные формированию нового типа героя — медиагорожанина, жителя Алматы, обладающего характерными чертами и встроеного в персонажную систему «алматинского текста». Попытка осмыслить указанные проблемы определяет новизну настоящего исследования.

Историческая составляющая «алматинского текста»

Исторический компонент в прозаическом корпусе «алматинского текста» коррелирует с историческими, культурными, социальными изменениями и потрясениями, происходившими в Казахстане и, в частности, в Алматы: советские реалии, смена названия города с Верного, на Алма-Ату и далее на Алматы, проблемы вырубки садов, застройки города и др. Многие авторы исследуют память о трагических исторических событиях, таких, как голод 1930-х гг. (Негизбаева, Нуршаихова,

¹ Баянбаева Ж. А. Алма-Атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского: функционально-семиотический аспект: дисс. ... канд филол. наук. М., 2017.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 62, 114.

⁴ Шмакова Е. С. Автор и герой: литературоведческий и научно-методический аспекты (на материале современной русской и русскоязычной прозы Казахстана): дисс. ... доктора философии (PhD). Алматы, 2025.

2022), «кукурузная кампания»¹, поднимают вопросы формирования культурной идентичности народа на фоне исторических потрясений, сосредотачиваются на пересечении судеб своих героев с важными историческими моментами, придавая своим текстам более личный и достоверный характер. Исторический компонент играет ключевую роль в выборе тематики, в создании эстетики и поэтики художественного текста.

Своеобразный художественный взгляд на исторические реалии прослеживается в творчестве Д. Накипова, включившего в свой роман «Круг пепла»² истории трагических событий, произошедших в Алма-Ате: землетрясение 1887 г.³ и трагические события в декабре 1986 г.⁴ Неприязнь и недоверие к советским властям автором выражены в языковых особенностях. Так, Д. Накипов дешифрует общепринятые аббрексеммы, соотносящиеся с периодом тоталитарного режима, придавая им индивидуально-авторские смыслы. Например, как мы уже отмечали, аббрексеммы «МВД — медведя военного-драного, НКВД — Народный комиссариат вонючих дел, ТЮЗ — театр юного злопыхателя и др. Аббревиатуры, указывающие на городские правоохранительные структуры советского периода и на доминантные городские топосы того периода, интерпретируются автором в саркастическом ключе, отражая авторскую позицию и отношение к историко-политическим и культурным реалиям того периода» (Шмакова и др., 2024: 1431).

Иной взгляд на исторические реалии представлен в цикле рассказов Е. Клепиковой «Алматинские быльки»⁵, который имеет жанровое расширение «Странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви». Автор ведет повествование на фоне исторических событий советских реалий и периода перестройки. Герои Е. Клепиковой с гордостью и восторгом рассуждают о первом полете человека на Луну, стоя в очереди за манкой, или сокрушаются о невозможности простым смертным «внедрить» в наркомовский детский сад свое чадо. Причем новость о «наших в космосе» кардинально меняет настроение, объединяет героев: «злая очередь браталась друг с другом, как немцы с русскими в окопах Первой мировой»⁶. Исторические события и реалия обыгрываются Е. Клепиковой в ироническом ключе. Иронический пафос рассказов репрезентируется не только в комичных ситуациях, но и в диалогах персонажей, апеллирующих то к диалектным особенностям «Вас вона сколько, а я одна на крупах парюся!», то к «одесскому говору» — «Товарищ женщина! Замолчите ребенка!!!»⁷

Таким образом, сквозь призму исторических событий и личных историй в «алматинском тексте» авторы создают многослойные нарративы, которые позволяют героям осмыслить свое место в мире, связь между прошлым и настоящим. «Алматинский текст» становится не только литературным, но и культурно-историческим феноменом, отражающим уникальный исторический путь Казахстана.

Культурные традиции «алматинского текста»

Культурные традиции Алматы, представленные в произведениях казахстанских авторов, отражают богатое культурное наследие, его осмысление и значение в контексте современности. В этой связи «алматинский текст» становится важным фоном для понимания культурной идентичности Южной столицы⁸ и, в целом, всего Казахстана.

¹ Шулембаева Р. Кукурузный рай, или Оттепель 50-х годов [Электронный ресурс] // Летопись «Казправды». 2019. 22 мая. URL: <https://kazpravda.kz/n/kukuruznyy-ray-ili-ottepel-50-h-godov/> (дата обращения 12.12.2025).

² Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009.

³ Разрушительное землетрясение 27 мая 1887 г., известное как «Верненская катастрофа», разрушившее около 2000 домов и унесшее жизни 154 человек.

⁴ События, произошедшие в Алма-Ате в декабре 1986 г. (Желтоксан), спровоцированные смещением первого секретаря ЦК Компартии Д. Конаева и назначение на его место Г. Колбина.

⁵ Клепикова Е. Г. Алматинские быльки (Странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви) // Дружба народов. 2010. № 7. С. 123–137.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ После переноса официальной столицы в Акмолу (ныне — Астана) за Алматы закрепился неформальный статус Южной столицы.

Самым ярким примером «культурноносного» «алматинского текста» можно назвать роман Д. Накипова «Круг пепла», который становится путеводителем по культурным топосам Алматы и погружает читателя в атмосферу театрального балетного искусства¹, живописи и музыки.

Ключевой культурной доминантой в «алматинском тексте» Д. Накипова становится образ Театра, вокруг которого концентрируются метафизические пласты городского пространства. Театр словно помещен автором в театральные декорации: «на грандиозном заднике неба» возвышаются «ажурные вершины гор», похожие на гигантский орган, «однако, всё это пейзажное обрамление ничего бы не стоило, если б не Театр! в центре. Его архитектура проста и находится, по-моему, в гармонии с городом и природой»². В романе происходит сакрализация культурного локуса театра: автор намеренно использует заглавную букву в написании, наделяя архитектурное сооружение именем и возводя его в статус аксиологического центра, в котором происходит кристаллизация культурной памяти города.

С Театром связаны знаковые имена и культурные артефакты Алматы, позволяющие автору семантически обогатить «алматинский текст» и закрепить за городом статус уникального семиотического пространства. Так, Д. Накиповым (вслед за Ю. Домбровским) поэтизируется образ известного художника Сергея Калмыкова³ (в романе — Калмыка), ставшего медиатором между реальным городом и его идеализированной репрезентацией в романе. В интерпретации Д. Накипова художник предстает как «невероятный праздник, подсолнух на асфальте, бразильский карнавал в центре демонстрации 7 ноября на площади»⁴, вместе с тем он генетически связан с Театром и всеми его обитателями. По мнению израильского писателя Д. Маркиша, художник С. Калмыков «сделался уникальной частью алма-атинского городского пейзажа»⁵, а по определению М. Л. Демидовой, «паттерном алма-атинского текста» (Демидова, 2020: 1).

Таким образом, «алматинский текст» Д. Накипова, наполненный культурными артефактами, культурными кодами, представляет собой уникальное онтологическое и семиотическое пространство, связанное с культурной жизнью города Алма-Аты.

В современных реалиях Алматы традиционная культура подвергается трансформации под влиянием культуры массового потребления. В рассказах М. Земскова, И. Одегова⁶ герои удовлетворяют свой досуг уже не в театрах и художественных галереях, а в торгово-развлекательных центрах, кинотеатрах, на курсах актерского мастерства.

В новейших «алматинских текстах» городское пространство (в том числе его культурная составляющая) подвергается десакрализации. Если в романе Д. Накипова «Круг пепла» культурным центром служили классические институты искусства, то в новейшей прозе культурные локусы смещаются в зону коммерциализации и развлекательного досуга. Так, в повести М. Земскова «Слабоумие» происходит трансформация театра (в широком смысле) из «эманации чистого искусства»⁷ в перформансы, тренинги личностного роста и прокачки женской энергии.

Главный герой повести записывается на курсы танцевального семинара японского танца *буто*⁸ для того, чтобы реанимировать свои отношения с девушкой, и потому что всякого рода перформансы и коучинг личностного роста становятся модными, определяющими статус человека в обществе. Театральное искусство у Земскова подменяется стремлением приобщиться к модным тен-

¹ Д. Накипов в 1964 г. окончил Московское хореографическое училище по направлению классического балета, работал в ГАТОБ имени Абая хореографом-либреттистом, сценаристом.

² Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 8.

³ Сергей Калмыков (1891–1967) — художник-авангардист, декоратор, ученик К. Петрова-Водкина, автор более полутора тысяч работ. С 1935 г. работал декоратором в ГАТОБ имени Абая в Алма-Ате.

⁴ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 61.

⁵ Маркиш Д. П. Белый круг: роман. Оренбург: Оренбургская книга, 2013.

⁶ Михаил Земсков и Илья Одегов, представители новейшей казахстанской русскоязычной прозы, основатели Открытой Литературной Школы Алматы (ОЛША).

⁷ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 8.

⁸ *Буто* или «танец тьмы» — разновидность авангардного японского танца, главными особенностями которого являются чрезмерно замедленные, гротескные движения, направленные на исследование темы смерти, трансформации и подсознания.

денциям, когда искусство становится в один ряд с посещением модного ресторана «Швейцарская сырная дырка» и владением «Лексусом»¹. Алматы предстает в повести в образе «обугленных улиц ломаного города»², в пространстве которого происходят не только физические разрушения, но и смещение онтологических координат современного человека.

Город в повести становится симулякр (по Ж. Бодрийяру), пространством внешних декораций, а его жители идентифицируют себя не через связь с классическим культурным наследием, а через количество посещенных модных курсов и тусовок. И если в романе Д. Накипова «Круг пепла» самоидентификация главных героев (Гевры, Мастера, Балерины) происходит через труд, боль и прозрение, то у героев М. Земскова — через развлечение и внешние атрибуты успеха.

Таким образом, искусство в повести десакрализуется до уровня престижного потребления. Городской текст фиксирует Алматы как деловой центр современного искусства массового потребления, а его жителей как играющих роли успешных, модных и «прокачанных» людей. Однако за фасадом этого симулякра скрывается «слабоумие», как энтропия, как метафора состояния современного городского общества, утратившего способности к глубокому, подлинному бытию и духовности.

В творчестве И. Одегова культурная составляющая «алматинского текста» структурируется вокруг глубоко личного, интимного пространства. Так, в произведении «Любая любовь»³, которое имеет жанровое расширение «Концерт в 7 частях», культурные коды актуализируются через «музыкальную» структуру повествования, в котором город становится сложным акустическим и сенсорным пространством. И если у М. Земскова культура — это симулякр, внешний аксессуар, то в творчестве И. Одегова она становится «внутренним зрением», при помощи которого автор с ностальгическими порывами стремится удержать ускользающую красоту старой Алма-Аты.

Пространство вокзала в цикле «Любая любовь» выступает ключевым топосом и подчеркивает статус города как медиатора между Севером и Югом, между культурой Востока и Запада. Выбор героя между Сибирью и Ашхабадом становится пространственной метафорой экзистенциального поиска идентичности. Ландшафт вокзала маркируется культурно-мифологической доминантой города — образом яблок: «Там яблоки. Большие, красные. Откуда такие зимой?»; «Яблоки красные, тяжелые. Откуда такие зимой?»; «Спелые яблочки. Арбузы в декабре. Ни комаров, ни сугробов»⁴. В этом контексте образ яблок выступает культурной доминантой «алматинского текста», связывающей героя с ностальгическим ощущением дома, который он пытается и одновременно страшится покинуть.

Персонажи «алматинского текста» И. Одегова — созерцатели. В отличие от персонажей М. Земскова, конфликт с городом у которых носит деструктивный характер, они стремятся к экзистенциальному освоению пространства, преодолевая внешнюю агрессию парковщиков, гаишников, злых людей в зале ожидания⁵.

Таким образом, в цикле И. Одегова происходит ресакрализация городского пространства через образы любви и музыки. Все это позволяет рассматривать «алматинский текст» И. Одегова как попытку сохранения гуманистического ядра в рамках современного литературного процесса в Казахстане.

Мифологическая доминанта «алматинского текста»

Мифологическая доминанта русскоязычных произведений «алматинского текста» связана с воссозданием системы представлений о городском пространстве посредством мифологических образов и мотивов. Динамичные отношения города и мифа порождают неомифы и городские легенды, формирующие систему мифологических доминант «алматинского текста».

Для «алматинского текста» современной русскоязычной прозы Казахстана характерны модели локального текста с определенными культурно-историческими и мифологическими ассоциациями. Однако они меняются в зависимости от смены фокуса изображения — Алма-Аты (изображение

¹ Земсков М. Слабоумие // Дружба народов. 2015. № 6. С. 9–63.

² Там же. С. 9.

³ Одегов И. Любая любовь. Концерт в 7 частях // Новый мир. 2012. № 1. С. 1–23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

города в советских реалиях) или Алматы (изображение современного города-мегаполиса). Разграничение этих образов становится необходимым для демонстрации перехода от советского прошлого к обретению идентичности и культурной глобализации. Два образа города, которые имеют различные культурно-исторические и мифологические доминанты, формируют на основе контраста между прошлым и будущим доминанты «алматинского текста» в целом. Таким образом, в «алматинских текстах» современных казахстанских русскоязычных авторов город представлен двумя образами — города ДО и города ПОСЛЕ (Шмакова, 2022).

Точкой соприкосновения двух образов становится мифологема гор или города на горе. Ю. М. Лотман определяет такой город как «посредника между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца — это ‘вечный город’» (Лотман, 1992: 208).

Топосы города на горе предполагают их вертикальную организацию, которая в семиотическом и мифологическом пространстве соотносится с формулой Дж. Лакоффа и М. Джонсона «выше=лучше» (Лакофф, Джонсон, 2004: 37). Вертикальная организация локусов и топосов приобретает оценочное значение, где верхняя часть города считается более благополучной, элитной, а нижняя — менее престижной. Эта семиотическая иерархия влияет и на организацию персонажной системы. Так, в рассказе И. Одегова «Снег в паутине»¹ персонажи делятся на две группы: 1) персонажи, живущие в нижней части города, менее престижной, однако имеющие положительные качества; 2) персонажи из верхней престижной части города, обладающие негативными качествами — сынки чиновников, представители власти и др.

Важной мифологемой становится граница города — место, где заканчивается город и начинается степь. Так, в рассказе И. Одегова «Снег в паутине»² город противопоставляется степи. Контраст намечается как на уровне пейзажных деталей: 1) городской пейзаж — «громадные кучи грязного, смерзшегося снега», «копоть на стенах», «серые каменные многоэтажки», «неубранный еще с осени мусор»; 2) пейзаж степи, представленный такими образами, как «широкий край поля», «девственный снег», «цепочка следов», так и в онтологической и философской плоскостях, где символический образ следов, оставленных лошадиными копытами, представляется ориентиром, жизненной установкой, оставленных предками-кочевниками.

В «Казахстанских сказках» Ю. Серебрянского³ мифологический компонент связан не только с пространственными представлениями города Алматы, маркированного такими мифообразами как яблоко, Кок-Тобе, мифологема юрты (Адибаева, Абуова, 2025). В тексте упоминаются такие географические локусы как Балхаш, Аральское и Каспийское моря. Э. Жанысбаева выделяет такие традиционные элементы мифопоэтики, характерные для «Казахстанских сказок» Ю. Серебрянского: «близнечный мотив, отражающийся в создании зеркальных образов соперничающих близнецов, выражающих две стороны бессознательного; интертекстуальная отсылка к мифу об Икаре и образу Икара; языческая вера в сглаз и др.»⁴

И, конечно же, главной мифологемой «алматинского текста», генетически связанной с его названием, становится мифологема яблока, которая отсылает «к устойчивому определению Алма-Аты как “города-сада”» (Власова, 2018: 529).

Мифологема яблока является одним из устойчивых архетипов в мировой культуре, литературе Востока и Запада. В глобальном осмыслении она содержит амбивалентную семантику — с одной стороны, «яблоко раздора» в греческой мифологии, запретный плод с древа познания добра и зла в христианской традиции, отравленное яблоко в европейских сказках; с другой — яблоки Гесперид в греческой мифологии, яблоки Идунн в скандинавской мифологии, молодильные яблочки в русской фольклорной традиции, мотив выбора плода, дарующего просвещение, любовь или молодость в восточной фольклорной традиции (например, в поэме Абая «Масгут»⁵) и др.

¹ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 1–24.

² Там же.

³ Серебрянский Ю. Казахстанские сказки. Алматы: Аруна, 2021.

⁴ Жанысбекова Э. Т. Мифологические образы и мотивы в современной казахстанской прозе: дисс. ... PhD. КазНПУ им. Абая. Алматы, 2018.

⁵ См.: Кунанбаев Абай. Избранное. Пер. с каз. М.: Художественная литература, 1981.

В контексте мифологической составляющей «алматинского текста» мифологема яблока коррелирует с мировой литературной традицией в плане амбивалентности образа, символизируя райские кущи, утраченный рай, мотив выбора, искушения. Однако, сохраняя универсальные архетипические черты, мифологема яблока в творчестве казахстанских авторов обретает глубоко национальные, этнокультурные коннотации.

Образы яблока и яблоневого сада в «алматинском тексте» наделяются космогоническими свойствами, статусом первоэлемента, вокруг которого возник город: «Алма-Ата — это ведь сад. Здесь и был сад. Ни домов, ни людей, только деревья. Яблоки были, цветы»¹. Город предстает в образе сакрального плода «И город наш в этом саду вырос, как яблоко, — чистый, солнечный, румяный»². В этом плане образ Алма-Аты коррелирует с христианской традицией райского сада, заполненного первозданной флорой и фауной, в котором у человека есть все для счастливой жизни: «яблоко с дерева сорвешь, воды из арыка зачерпнешь, и не надо больше тебе ничего»³.

Мифическое яблоко Апорт наделяется волшебными, гиперболизированными чертами: «апорт размером с голову»⁴, «яблоки метрового размера, а то и больше»⁵, «яблоки были с полкило каждое»⁶, «яблоки — невероятный апорт, размером почти с футбольный мяч»⁷. Созревшие плоды падают с гор с шумом подобно лавинам, их невозможно остановить, как стихию, но не разрушающую, а несущую благо. В основе мифологического образа яблока — символ плодородия, изобилия земли, ведь одним таким яблоком можно было накормить целую семью: «одного яблока и лепешки из тандыра хватало на хороший обед, люди отрезали себе куски размером с арбуз и уносили домой»⁸.

Однако, подобно легенде о грехопадении, Алма-Атинский яблочный рай утрачивается, появляются эсхатологические мотивы деградации и вымирания. С особой эмоциональностью неомиф об утраченном рае предстает в творчестве Д. Накипова и И. Одегова, в художественном осмыслении которых вырубка садов и умирание немногочисленных оставшихся деревьев, «сгорбленных человеческой жадностью»⁹ становятся метафорой деградации общества.

И. Одегов использует художественный образ последней яблони «со сломанной верхушкой»¹⁰ для критики урбанизации и оскудения духовного мира человека, проявляющегося в потере связи с природой. Через этот образ автор выражает ностальгию по временам, когда пахло «не песком и не пылью, а сочной жирной землей»¹¹, по арыкам¹² текла чистая горная вода, а не лежали горы прошлогоднего мусора. Сломанная верхушка яблони символизирует прерванную преемственность, физическое разрушение пространства, которое из благословенного рая превратилось в урбанистическую картину безжизненной и однотипной череды богатых коттеджей.

Для усиления трагизма Д. Накипов наделяет природу антропоморфными чертами, и яблоневый сад предстает как «цветущее яблочное племя»¹³, как живой чувствующий организм, принесенный в жертву времени. Несмотря на то, что в тексте появляются отсылки к Эдему, когда автор сравнивает яблоки с плодами, которые «никто, кроме первых людей на земле не вкушал»¹⁴, разрушение яблочного рая связывается не с абстрактным грехопадением, а с конкретным историческим событием — распадом СССР: «Собственно, все это вместе взятое, в крепкой замеси с переменами в жиз-

¹ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 24.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Серебрянский Ю. Казахские сказки. Алматы: Аруна, 2021. С. 60.

⁶ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 3–36.

⁷ Клепикова Е. В городе яблок. Были и небыли. Алматы: ООО «Издательские решения», 2016. С. 54.

⁸ Серебрянский Ю. Казахские сказки. Алматы: Аруна, 2021. С. 60.

⁹ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 17.

¹⁰ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 22.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Арык в Центральной Азии — небольшой оросительный канал, обеспечивающий водой городские улицы, парки, скверы, сельхоз угодья. Предназначен для орошения насаждений, снижения температуры воздуха.

¹³ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 3–36.

¹⁴ Там же.

ни и смертью советской страны (легендарной и ужасной, как сказочный див или казахская старуха-кемпир с медными ногтями), и стало причиной гибели дедовского сада»¹.

Образ «дедовского сада» в тексте Д. Накипова аккумулирует такие этнокультурные ценности как преемственность поколений, родовое наследие и сакральные связи между предками и потомками. Однако разрушение этих связей передается автором в образе утраты корней: «Сейчас хозяин Беке выкорчевывал старые яблони»².

Таким образом, ключевыми мифологическими доминантами «алматинского текста» становятся пространственные образы — вертикаль гор и горизонталь степи, в точке пересечения которых находится мифический город-сад. Главным мифологическим образом, актуализированным названием города, становится яблоко, гиперболизированное, выступающее символом эпохи абсолютного благоденствия города-сада. Важнейшей мифологической доминантой становится мотив утраты земного рая-сада, в котором обмельчание плодов, вырубка и вырождение садов служит метафорой духовного и социального кризиса.

Персонажная система «алматинского текста»

Ключевые локации, в рамках которых происходит развитие образов главных героев алматинских текстов, можно интерпретировать в двух направлениях:

— локации, связанные с советским прошлым, или город ДО (арыки, полные чистой воды и яблоневые сады, подступающие с предгорий прямо к городу, дивный магазин «Союзпечать-Кругозор» у Л. Калаус, алматинский «Бродвей», парки и театры у Д. Накипова);

— современные реалии, город ПОСЛЕ (арыки, заваленные мусором, вырубленные сады, многоэтажные человейники, облупленная штукатурка, прошлогодний мусор, заваленный снегом у И. Одегова, М. Земскова; город-сад превращается в деловой центр, в мегаполис — шумный и грязный).

В городском тексте формируется и особый литературный тип героя — горожанина или даже медиагорожанина (М. Л. Паламарчук)³, обладающего рядом характерных черт: он деятельностный, предприимчивый, деловой, иногда беспринципный; оторванный от лона природы и от традиционных ценностей; обладает городским менталитетом; является активным потребителем и производителем медиаинформации, постов в соцсетях и других атрибутов массовой культуры⁴. Таковы герои М. Земскова, И. Одегова, Л. Калаус. Причем этническая принадлежность героя не является доминантным признаком, поскольку на первый план выходит его урбанистическая идентичность, сформированная мультикультурной средой мегаполиса.

Так, в рассказе И. Одегова «Снег в паутине» сюжет разворачивается вокруг многоквартирного дома в одном из районов Алматы. Система персонажей выстраивается автором по принципу локальности и периферийности местоположения персонажей. Все центральные персонажи, за исключением Назара, приехавшего в город ради покупки машины и Геннадия, живущего в пригороде, являются городскими жителями. И. Одегов называет горожан людьми-масками, людьми-оболочками, а сам город — местом, опутанным паутиной и отравленным ядом несуществующего паука, символизирующего массовую культуру потребления.

Типичными персонажами для городского текста являются:

— одинокая старушка пенсионерка (И. Одегов «Снег в паутине», Л. Калаус «Три мойры»), которая иллюстрирует несовершенство социальной системы;

— сынки местных чиновников (М. Земсков «Слабоумие», И. Одегов «Снег в паутине»);

— хипстеры — представители массовой культуры потребления (И. Одегов «Снег в паутине», Ю. Себрянский «Пражаки»);

— предприниматели и коррумпированные чиновники.

¹ Накипов Д. Вечная Мама, или Камушки в потоке (главы из романа) // Простор (журнал). 2018. № 11. С. 3–36.

² Там же.

³ Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен: автореф. дисс. ... к. филос. наук. Архангельск, 2009.

⁴ Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии): автореф. дисс. ... д. филос. н. СПб., 2004.

Персонажная система «алматинского текста» — это сложная структура, в которой персонажи определяются типом взаимодействия с городским пространством. Так, персонажи М. Земскова — типичные представители медиагорожан. Они живут в ежедневной погоне за модными трендами, город для них — это не сакральные локусы и место памяти, связи с предками, это лишь набор декораций для самопрезентации (рестораны, офисы, арт-площадки и т. д.). Для творчества И. Одегова характерным типом становится герой-созерцатель. Он отрицает современную культуру и с сожалением ностальгирует об уходящем Золотом веке города-сада, подмечая те детали, что игнорирует медиагорожанин: запах земли, большие красные яблоки на вокзале, доживающую свой век последнюю яблоню со сломанной верхушкой.

Город и сам становится героем в пределах городского текста. В романе Д. Накипова город — это живое существо, «большой, непомерно быстро растущий ребенок»¹, со сложным и непредсказуемым характером, с бурными снами, которые «кончались криком на рассвете»². Для создания образа города Д. Накипов использует метафору города как человека, точнее ребенка. Создание образа города сопровождается включением интертекстуальных элементов, характеризующих город как персонаж. Например, исторический факт «Верненского землетрясения» 1887 г., который представлен не в формате констатации исторического факта, а как трагичная художественно-образная предыстория взросления юного города, оставившая неизгладимый отпечаток в его характере, мировоззрении и «тревога с той поры стала частью его взросления»³.

Автор интерпретирует эту трагедию не только как человеческую катастрофу, но и как личную трагедию города-живого существа. И эта трагедия вызывает у автора жалость к городу, он испытывает за него постоянное беспокойство и тревогу. Повествовательный фокус смещается на навязчивое чувство страха, тревоги и предчувствие беды, развившиеся у города.

Город в повести И. Одегова «Снег в паутине» олицетворяется, становится действующим лицом («снег всегда был к лицу Алма-Ате»⁴), наделяется антропоморфными и животными чертами: «крыши стали похожи на гигантские оскаленные пасти»⁵. Город становится живым организмом — сложным механизмом со своей инфраструктурой.

Заключение

Исследование устанавливает, что городской текст — это вторичная моделирующая система знаков (или паттернов), кодирующих фундаментальные культурные и философские смыслы. Разграничение понятий «городской текст» и «локальный текст» базируется на каноничности и исследовательском фокусе. Так, городской текст соотносится с крупными историческими городами, центрами империй, он концентрирует и аккумулирует философские, идеологические и культурно-исторические доминанты. Локальный текст требует обоснования своей уникальности и своеобразия, заключающихся в фокусировании на региональных особенностях, быте, этнографии, диалоге культур и т. д.

«Алматинский текст» ввиду описанных выше его особенностей порождает своеобразное художественное пространство, сложную семиотическую систему, в которой функционируют характерные литературные типы и выстраивается своеобразная персонажная система. В «алматинском тексте» сублимированы уникальные ландшафтные, культурно-исторические, мифологические особенности, отражен диалог культур.

Генезис «алматинского текста» связан с исторической трансформацией локуса из военного укрепления в город-сад и далее в современный мегаполис. Эта эволюция порождает две антитетичные художественные модели города ДО и города ПОСЛЕ. Город ДО ассоциируется с идеализированным прошлым, выраженным метафорически в мифологических образах благодатного города-сада; город ПОСЛЕ соотносится в художественных текстах современных авторов со скептическим

¹ Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. Алматы: СаГа, 2009. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же.

⁴ Одегов И. Снег в паутине // Новый мир. 2015. № 12. С. 1.

⁵ Там же. С. 23.

восприятием современных реалий массовой культуры и урбанизации, а в мифологическом контексте с образами утраченного рая.

Таким образом, для алматинского текста характерны следующие доминанты: историческая составляющая, биография города (голод 1930-х гг., землетрясение 1911 г., переименования города и др.); культурные традиции Алма-Аты и Алматы (столкновение в алматинских текстах элитарной культуры и культуры массового потребления со всеми ее атрибутами); узнаваемые локации и топонимика (Кок-Тобе, Бродвей, Микры, Теренкур, Зенкова и т. д.); мифологическая доминанта (яблоко, сад, горы, концентрический город или город на горе, как признак исключительности); авторские мироощущения, формирующие в целом образ города в художественном тексте (оптимистические и пессимистические); особый литературный тип городского текста (медиагорожанин, созерцатель, симулякр, медиатор); интерпретация города как персонажа, выполняющего определенную художественную функцию.

Таким образом, проведенное исследование с опорой на исследованный научный и художественный материал позволяет легитимизировать «алматинский текст» как самобытный и уникальный культурный феномен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адибаева, Ш. Т., Абуова, Б. П. (2025) Символика юрты в сборнике «Казахстанские сказки» Ю. Серебрянского: апробация методики социального чтения // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Филологические науки. Т. 93. №. 3. С. 49–56.
- Анисимов, Н. О. (2018) Город в дискурсе семиотики // *Juvenis Scientia*. № 12. С. 33–35. DOI: <https://doi.org/10.32415/jscientia.2018.12.09>
- Анциферов, Н. П. (1926–1927) Книга о городе. Ленинград : Брокгауз и Ефрон. Ч. 3. Жизнь города. 299 с.
- Анциферов, Н. П. (1991) Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М. : Книга. 102 с.
- Барт, Р. (1987) Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М. : Изд-во Моск. ун-та. 514 с. С. 387–422.
- Баянбаева, Ж. А. (2015) Алма-Ата в прозе Ю.О. Домбровского // Полилингвильность и транскультурные практики. №. 5. С. 354–359.
- Баянбаева, Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. №. 2. С. 77–84.
- Власова, Г. И. (2022a) Локальный «алматинский» текст в малой прозе Лили Калаус // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 г. Вып. 11. / отв. ред. Т. Г. Аркадьева. СПб. : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 400 с. С. 106–115.
- Власова, Г. И. (2022b) Локальный «казахстанский текст» как научная категория современного литературоведения // Научный поиск в филологии: теория, методология, практика: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора А.Е. Агмановой / отв. ред. Е. А. Журавлева. НурСултан : ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 330 с. С. 69–74.
- Власова, Г. И., Кривошапова, Т. В. (2018) Городской текст южной столицы Казахстана в современной поэзии и прозе // Русистика: вчера, сегодня, завтра. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции, София, 29 июня — 2 июля 2017 г. / отв. ред. В. Аврамова. София : Общество русистов Болгарии. 793 с. С. 517–530.
- Демидова, М. Л. (2020) Сергей Калмыков как паттерн алма-атинского текста // Наука в мегаполисе / *Science in a Megapolis*. № 6 (22). С. 1–3.
- Дройзен, И. Г. (2004) Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб. : Владимир Даль. 582 с.
- Ибраева, Ж. Б., Сапарова, А. Ж. (2019) Казахская литература в период независимости // Вестник Инновационного Евразийского университета. № 3. С. 24–28.
- Кристева, Ю. (2004) Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М. : Российская политическая энциклопедия. 656 с.

Кузнецова, А. В., Петрулевич, И. А. (2018) Концепт города: код культуры и нарратив // Вестник Адыгейского государственного университета. №. 4 (229). С. 212–219.

Лакофф, Д., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. М. : УРСС. 256 с.

Леви-Строс, К. (2011) Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М. : АСТ. 536 с.

Лотман, Ю. М. (1992) Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра. Т. 2. 479 с. С. 208–221.

Лотман, Ю. М. (1999) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.

Негизбаева, М. О., Нуршаихова, А. А. (2022) Тема голодомора в Казахстане (1932–1933 гг.) в науке и СМИ // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Журналистика. № 3 (140). С. 92–102.

Новоселова, Е., Иост, О. (2020) К вопросу о функционировании павлодарского локуса в творчестве С. Музалевского и В. Семерьянова // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Филологические науки. Т. 4. №. 4 (74). С. 260–267.

Потапова, Е. В. (2023) «Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития // Известия Смоленского государственного университета. №. 4 (64). С. 41–54.

Приходченко, И. О. (2022) Оппозиции в локальном тексте художественной прозы Павлодара (на материале павлодарской мемуарной литературы 1930-х годов) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 16. №. 2. С. 60–69.

Рублев, К. А. (2011) Художественное своеобразие повести Н. Черновой «Мороз-трава» // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 15–16 сентября 2011 года / отв. ред. В. И. Габдуллина. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет. 519 с. С. 176–185.

Семенова, А. В. (2024) Поэтика карагандинской повести Е. Зейферт «Плавильная лодочка» // Вестник Калужского университета. № 3. С. 87–93.

Смирнов, С. А. (2012) Антропология города // Человек.ru. №. 8. С. 136–151.

Темирболат, А. Б. (2023) Особенности развития казахской прозы в период Независимости // Keruen. 7 8(1). С. 24–38. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>

Топоров В. Н. (2003) Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство. 616 с.

Ходинская, М. В. (2022) Биография города: истоки жанра // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: Материалы V Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 80-летию со дня памяти А. А. Ухтомского, Ярославль, 23–24 сентября 2022 года / сост. Е. А. Федорова. Ярославль : ООО «Филигрань». 386 с. С. 321–326.

Шафранская, Э. Ф. (2010) Ташкентский текст в русской культуре. М. : Art House media. 301 с.

Шафранская, Э. Ф. (2017) Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (25). С. 22–29.

Шафранская, Э. Ф. (2022) Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. №. 6s. С. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова Г. Т., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Шафранская, Э. Ф., Лебедева, Е. В. (2015) Алма-Ата как локальный текст // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь. № 3. С. 272–282.

Шмакова, Е. С. (2022) Городские топосы как отражение авторского мироощущения // Keruen. Т. 74. №. 1. С. 218–227. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.1-17>

Шмакова, Е. С., Байжигит, Б. С., Бегалиева, С. Б. (2024) Художественное своеобразие идиостиля современных русскоязычных писателей Казахстана: А. Жаксылыкова, А. Кима, Д. Накипова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 15. №. 4. С. 1419–1442. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1419-1442>

Шульженко, В. И. (2017) «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 11. №. 1. С. 104–108.

Дата поступления: 23.10.2025 г.

Дата принятия: 06.03.2026 г.

REFERENCES

Adibaeva, Sh. T. and Abuova, B. P. (2025) Symbolism of the yurt in the collection "Kazakh tales" by Yu. Serebryansky: testing a method of social reading. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Filologicheskie nauki*, vol. 93, no. 3, pp. 49–56. (In Russ.)

Anisimov, N. O. (2018) The city in the discourse of semiotics. *Juvenis Scientia*, no. 12, pp. 33–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32415/jscentia.2018.12.09>

Antsiferov, N. P. (1926–1927) *The book about the city*. Part 3. Life of the city. Leningrad, Brockhaus and Efron. 299 p. (In Russ.)

Antsiferov, N. P. (1991) *The soul of Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. The reality and myth of Petersburg*. Moscow, Kniga. 102 p. (In Russ.)

Barthes, R. (1987) Introduction to the structural analysis of narrative texts. In: *Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX–XX centuries. Treatises, articles, essays*, comp. and ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 514 p. Pp. 387–422. (In Russ.)

Bayanbayeva, Zh. A. (2015) Alma-Ata in the prose of Yu. O. Dombrovsky. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*, no. 5, pp. 354–359. (In Russ.)

Bayanbayeva, Zh. A. (2016) The local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*, no. 2, pp. 77–84. (In Russ.)

Vlasova, G. I. (2022a) The local "Almaty" text in the short prose of Lili Kalas. In: *Russian literature in a foreign audience: proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg, November 18, 2022, issue 11, ed. by T. G. Arkad'eva. Saint Petersburg, Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A. I. Gertsena. 400 p. Pp. 106–115. (In Russ.)

Vlasova, G. I. (2022b) The local "Kazakhstan text" as a scholarly category of contemporary literary studies. In: *Scientific research in the field of philology: theory, methodology, practice: a collection of materials from the international scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of Professor A. E. Agmanova*, ed. by E. A. Zhuravleva. Nur-Sultan, ENU im. L. N. Gumileva. 330 p. Pp. 69–74. (In Russ.)

Vlasova, G. I. and Krivoshchapova, T. V. (2018) The urban text of the southern capital of Kazakhstan in contemporary poetry and prose. In: *Russian studies: yesterday, today, tomorrow*. Collection of reports of the jubilee International Scientific Conference, Sofia, June 29 – July 2, 2017, ed. by V. Avramova. Sofia, Obshchestvo rusistov Bolgarii. 793 p. Pp. 517–530. (In Russ.)

Demidova, M. L. (2020) Sergey Kalmykov as a pattern of the Almaty text. *Science in a Megapolis*, no. 6 (22), pp. 1–3. (In Russ.)

Droysen, J. G. (2004) *Historik. Lectures on the encyclopaedia and methodology of history*. Saint Petersburg, Vladimir Dal'. 582 p. (In Russ.)

Ibrayeva, Zh. B. and Saparova, A. Zh. (2019) Kazakh literature in the period of independence. *Vestnik Innovatsionnogo Evraziyskogo universiteta*, no. 3, pp. 24–28. (In Russ.)

Kristeva, J. (2004) *Selected works: The destruction of poetics*. Transl. from French. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 656 p. (In Russ.)

Kuznetsova, A. V. and Petrulich, I. A. (2018) The concept of the city: cultural code and narrative. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (229), pp. 212–219. (In Russ.)

Lakoff, G. and Johnson, M. (2004) *Metaphors we live by*. Transl. from English by A. N. Baranov and A. V. Morozova. Moscow, URSS. 256 p. (In Russ.)

Levi-Strauss, C. (2011) *Structural anthropology*. Transl. from French by V. V. Ivanov. Moscow, AST. 536 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1992) Symbolism of Petersburg and problems of the semiotics of the city. In: Lotman Yu. M. *Selected articles*, in 3 vols. Tallinn, Aleksandra. Vol. 2. 479 p. Pp. 208–221. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1999) *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 464 p. (In Russ.)

Negizbayeva, M. O. and Nurshaikhova, A. A. (2022) The topic of the Holodomor in Kazakhstan (1932–1933) in scholarship and the media. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya Zhurnalistika*, no. 3 (140), pp. 92–102. (In Russ.)

Novoselova, E., Iost, O. (2020) On the functioning of the Pavlodar locus in the works of S. Muzalevskiy and V. Semyanov. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Filologicheskie nauki*, vol. 4, no. 4 (74), pp. 260–267. (In Russ.)

Potapova, E. V. (2023) “Armenian” vs “Georgian” local texts: on the genesis and development paths. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (64), pp. 41–54. (In Russ.)

Prikhodchenko, I. O. (2022) Oppositions in the local text of Pavlodar prose (based on Pavlodar memoir literature of the 1930s). *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, vol. 16, no. 2, pp. 60–69. (In Russ.)

Rublev, K. A. (2011) The artistic specificity of N. Chernova's novella “Moroz-trava”. In: *Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Barnaul, September 15–16, 2011, ed. by V. I. Gabdullina. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 519 p. Pp. 176–185. (In Russ.)

Semenova, A. V. (2024) The poetics of the Karaganda novella by E. Zeifert “Plavil'naya lodochka”. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, no. 3, pp. 87–93. (In Russ.)

Smirnov, S. A. (2012) Anthropology of the city. *Chelovek.ru*, no. 8, pp. 136–151. (In Russ.)

Temirbolat, A. B. (2023) Specifics of the development of Kazakh prose in the period of independence. *Keruen*, vol. 78 (1), pp. 24–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>

Toporov, V. N. (2003) *The Petersburg text of Russian literature: selected works*. Saint Petersburg: Iskusstvo. 616 p. (In Russ.)

Khodinskaya, M. V. (2022) Biography of the city: origins of the genre. In: *Philological readings. Human. Text. Discourse: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the memory of A. A. Ukhtomsky*, Yaroslavl, September 23–24, 2022, comp. by E. A. Fedorova. Yaroslavl, OOO “Filigran”. 386 p. Pp. 321–326. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2010) *The Tashkent text in Russian culture*. Moscow, Art House media. 301 p. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2017) Liars and fantasists as a pattern of local texts of the twentieth century. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, no. 1 (25), pp. 22–29. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F. (2022) The Armenian text: poetry and prose. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, no. 6s, pp. 135–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.135>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) The novel of Roman Senchin: the poetics of the Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Shafranskaya, E. F. and Lebedeva, E. V. (2015) Alma-Ata as a local text. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3, pp. 272–282. (In Russ.)

Shmakova, E. S. (2022) Urban topoi as a reflection of the author's worldview. *Keruen*, vol. 74, no. 1, pp. 218–227. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.1-17>

Shmakova, E. S., Bayzhigit, B. S. and Begaliyeva, S. B. (2024) The artistic specificity of the idiostyle of contemporary Russian-language writers of Kazakhstan: A. Zhaksylikov, A. Kim, D. Nakipov. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 15, no. 4, pp. 1419–1442. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1419-1442>

Shul'zhenko, V. I. (2017) The “Caucasian text” of Russian literature: boundaries of description and paradoxes of perception. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, vol. 11, no. 1, pp. 104–108. (In Russ.)

Submission date: 23.10.2025.

Acceptance date: 06.03.2026.

Быһах 'нож' в якутской языковой картине мира

Алевтина А. Скрыбина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

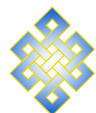
В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта «быһах» 'нож' в якутской языковой картине мира с привлечением корпуса лексикографических, паремиологических и фольклорных источников. Исследуется понятийное ядро концепта, представленное лексемой «быһах» и её разветвленной синонимией и видовой дифференциацией (бадаайы, батас, батыйа, үрүөх, хотохоон, гэндээ, үрүөх). Особое внимание уделяется образу ножа в традиционной культуре, его символической связи с маскулинностью; рассматриваются функции антропометрического эталона и роли семиотического индикатора родственных связей, что отражено в паремиологии и фольклоре.

Отмечается глубокая сакрализация артефакта: выявлен и проанализирован ряд эвфемистических субститутов (кырыылаах, отойор и др.), используемых в охотничьей практике. Это свидетельствует о включении ножа в сферу ритуализированной коммуникации и табу. Установлено, что концепт выполнял ключевые функции в обрядовых практиках: выступал как инструмент шаманской медиации, мощный оберег и объект строгих поведенческих норм.

Делается вывод о трансформации статуса якутского ножа в современности: от утилитарно-ритуального предмета он превратился в один из ключевых репрезентативных брендов и материальных символов этнокультурной идентичности Якутии. Исследование подтверждает, что концепт быһах 'нож' представляет собой многомерное образование, в котором сплетаются языковые, мифологические, социальные и аксиологические коды народа саха.

Ключевые слова: концепт культуры; быһах; нож; якутский язык; якуты; якутская культура; языковая картина мира; эвфемизация; языковое табу

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Скрыбина А. А. Быһах 'нож' в якутской языковой картине мира // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 363-379. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.21>

Скрыбина Алевтина Афанасьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: Россия, г. Якутск, 677027, ул. Петровского, д. 1. Эл. адрес: alevtinaskr@gmail.com

SCRYABINA, Alevtina Afanasyevna, Candidate of Philological Sciences, Researcher, Department of the Yakut Language, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovskogo Str., 677027, Russia, Yakutsk. E-mail: alevtinaskr@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8677-9320

Byyhakh 'knife' in the Yakut Linguistic Worldview

Alevtina A. Skryabina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article presents a linguoculturological analysis of the concept "byyhakh" 'knife' in the Yakut (Sakha) linguistic worldview, drawing on a corpus of lexicographic, paremiological, and folklore sources. The study examines the conceptual core of the term, represented by the lexeme "byyhakh" and its ramified synonymy and specific differentiation (badaai, batas, batyya, üriöh, khotokhoon, gend'yee, üriöh). Attention is paid to the image of the knife in traditional culture and its symbolic association with masculinity; the article considers its functions as an anthropometric standard and as a semiotic indicator of kinship relations, as reflected in proverbs and folklore.

The analysis reveals profound sacralization of the artifact. A range of euphemistic substitutes (kyryylaakh, otoyor, and others) used in hunting practice is identified and described, indicating the inclusion of the knife in a sphere of ritualized communication and taboo. It is established that the concept performed key functions in ritual practices: it acted as an instrument of shamanic mediation, a powerful protective charm, and an object governed by strict behavioral norms.

The article concludes that the status of the Yakut knife has undergone transformation in modern times: from a utilitarian object it has become one of the key representative brands and material symbols of the ethnocultural identity of Yakutia. The study confirms that the concept "byyhakh" 'knife' constitutes a multidimensional formation in which linguistic, mythological, social, and axiological codes of the Sakha people are intertwined.

Keywords: cultural concept; byyhakh; knife; Yakut language; Yakuts; Yakut culture; linguistic worldview; euphemization; linguistic taboo

Financing

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00703 "A study of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture relating to domestic utensils and tableware: a comparative-historical perspective."

For citation:

Skryabina A. A. Byyhakh 'knife' in the Yakut Linguistic Worldview. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 363-379. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.21>

Введение

В современной лингвистике в русле антропоцентрической парадигмы наблюдается устойчивый рост интереса к лексике материальной культуры как ключу к реконструкции языкового сознания. Теоретической основой данного направления служит понимание концепта как многомерного ментального образования. Вслед за Ю. С. Степановым мы трактуем концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 2004: 43), что особенно релевантно для артефактов, где предметное значение неразрывно связано с историческим опытом и аксиологическими коннотациями. Данное исследовательское поле активно развивается, о чём свидетельствуют работы, посвящённые как широким сферам («еда», см.: Шхумишхова, Сапиева, 2022; Машкович, 2020), так и отдельным артефактам: чаю и пиале у калмыков (Есенова Т. Б., Есенова Т. С., 2012, 2025), юрте в киргизской и тувинской культурах (Абдраза-

кова, 2022; Дербишева, 2023), посуде в татарском языке (Замалетдинов, Хуснуллина, 2014). Исследования активно используют лингвокультурологический и когнитивный подходы, привлекая данные паремиологии (Жданова, 2024) и фольклора (Бочина, 2025). Однако при очевидном интересе к материальной культуре, концепт ножа в тюркских языках, и, в частности, в якутском, не становился объектом комплексного лингвокультурологического анализа. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Концепт *byhax* 'нож' занимает уникальное положение в якутской языковой картине мира, что обусловило выбор его в качестве объекта данного исследования. В культурах, чье формирование и существование исторически было связано с суровыми природными условиями и комплексным хозяйствованием (охота, скотоводство, рыболовство), базовые инструменты, применяющиеся для жизнеобеспечения, разделки добычи, защиты и бытовых нужд, неизбежно сакрализуются и обрастают сложной семиотикой. Концепт *byhax* 'нож' в якутской языковой картине мира является ярким примером такого синтеза: выходя за рамки наименования простого орудия труда, данное понятие аккумулирует в себе концентрированное выражение системы ценностей, норм поведения и картины мира народа саха. Эволюция данного концепта демонстрирует диахронический переход от статуса утилитарного артефакта в рамках охотничье-собирательской экономики к роли статусного культурного символа и маркера этнической идентичности. Якутский нож сегодня функционирует как один из ключевых репрезентативных брендов Республики Саха (Якутия), занимая равное место в ряду таких универсальных культурных кодов, как хомус (варган), алмазы и героический эпос олонхо¹.

Якутский нож хорошо изучен в ряде научных направлений: этнографическом, археологическом, а также в аспекте этимологии. Фундаментальное значение имеют труд В. Л. Серошевского, зафиксировавший морфологические характеристики и хозяйственную роль ножа в традиционном быту якутов (Серошевский, 1993: 382–384). Вопросы происхождения и эволюции ножа на материале археологических раскопок рассматриваются в работах А. Н. Алексеева (Алексеев, 1996: 26–34), И. В. Константинова (Константинов, 1978: 24–25). Наиболее полная характеристика типологии якутского ножа, его конструктивных особенностей и традиций бытования представлена в монографии Н. И. Егорова «Якутский нож» (Егоров, 2015). Локальные особенности клинков, характерные для Таттинского района, описаны в статье Д. Е. Малышева (Малышев, 2025). Определенный вклад в изучение ножевой традиции вносит исследование В. Г. Попова, посвященное наименованиям видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного анализа (Попов, 2019: 110–111). В современной научной литературе также освещаются вопросы технологической эволюции ножа: в работе Э. А. Аргуновой и О. Г. Кривошапкиной рассматривается синтез традиционных приемов кузнечного ремесла и инновационных технологий (Аргунова, Кривошапкина, 2024); исследование А. С. Акимовой и Е. П. Федоровой посвящено терминологическому аппарату, анализу кузнечных терминов и способам их терминообразования (Акимова, Федорова, 2021).

При всей значимости перечисленных работ концепт *byhax* 'нож' до сих пор не рассматривался как целостное лингвокультурологическое образование, интегрирующее языковые, мифологические, социальные и аксиологические коды. За рамками исследований оставался вопрос о том, как именно нож, будучи материальным артефактом, структурирует картину мира, выступает этическим регулятором, маркером идентичности и объектом сакрализации. Оригинальность предлагаемого подхода заключается в смещении фокуса с описания ножа как предмета материальной культуры на реконструкцию концепта — ментального образования, в котором сконцентрированы ценностные установки и культурный опыт народа саха. Это позволяет восполнить существующий пробел и представить якутский нож не просто как инструмент или этнографический экспонат, а как ключевой элемент языковой картины мира, сохраняющий актуальность в современном социокультурном пространстве.

Цель исследования заключается в осуществлении комплексного лингвокультурологического анализа концепта *byhax* 'нож' в якутской языковой картине мира. Объект исследования — концепт *byhax* 'нож' как фрагмент якутской языковой картины мира и лингвокультурный феномен. Предмет

¹ Якутский нож — гордость народа саха [Электронный ресурс] // ЯСИА. 2016, 2 ноября. URL: <https://archive.ysia.ru/obshhestvo/yakutskij-nozh-gordost-naroda-saha/> (дата обращения: 11.03.2026).

исследования — языковые средства якутского языка, вербализующие концепт *быһах* ‘нож’, и особенности их функционирования в якутской языковой картине мира.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- раскрыть понятийное содержание концепта *быһах* ‘нож’ путем анализа дефиниций, этимологических истоков и морфологических характеристик традиционного якутского ножа;
- систематизировать лексико-семантические группы номинаций, репрезентирующих структуру концепта, и выявить иерархические отношения «ядро — периферия» в его семантическом поле;
- охарактеризовать образный компонент концепта на материале фольклорных текстов, паремологии и мифологических представлений, выявить основные группы образов, связанных с ножом;
- исследовать ценностный компонент концепта, включая феномен табуирования и эвфемизации лексемы *быһах* в контексте охотничьих культов и сакральных практик народа саха;
- определить актуальное состояние и тенденции трансформации концепта *быһах* ‘нож’ в современном социокультурном пространстве Республики Саха (Якутия).

Вслед за ведущими представителями отечественной лингвокультурологии (Лихачев, 1997; Карасик, Слышкин, 2001; Воркачев, 2004; Степанов, 2004; Попова, Стернин, 2007) мы рассматриваем концепт *быһах* ‘нож’ как многомерное образование, выделяя для его анализа понятийное, образное и ценностное ядро. Данный подход позволяет провести системный анализ, выявив не только логическое ядро концепта *быһах* ‘нож’, но и его культурно-специфическую образность и аксиологические коннотации, что в совокупности и составляет предмет настоящего исследования в рамках якутской языковой картины мира. В работе применяются общенаучные методы описания и сравнения, собственно лингвистические методы компонентного, контекстуального, семантического анализа, концептуальный анализ.

Источниковую базу исследования составляют языковые данные, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников якутского языка¹. Для проведения типологических параллелей и выявления этнокультурной специфики привлекаются данные словарей других тюркских и монгольских языков².

Понятийное содержание концепта

Применяя описанный методологический подход, обратимся сначала к анализу понятийного ядра концепта, репрезентированного в лексико-семантическом поле якутского языка.

Ядерной лексемой, вербализующей концепт *быһах* ‘нож’ в якутском языке, является одноименное слово *быһах*, этимологически восходящее к общетюркскому лексическому фонду. Семантичес-

¹ Тылдьыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдьыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026); Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1958; Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1. А-Дь; Диалектологический словарь якутского языка = Саха тылын диалектологическай тылдьыта: содержит свыше 8500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.

² Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969; Алтайско-русский словарь=Алтай-оруссөзлик / редакционная коллегия: А. Э. Чумакаев (отв. ред.) и др. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018; Хакасско-русский словарь=Хакас-оруссөзтік: (ок. 22 тыс. слов) / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968; Севортян Э. В. Этимологический словарь: Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М.: Наука, 1978; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003; Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь = Орос-монгол — монгол-орос орчин усийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G-P; Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук: около 30000 слов. Новосибирск: Наука, 2004.

кое наполнение данной лексемы в якутском языке раскрывается через дефиницию: *быһах* — «инструмент с заточенной с одной стороны металлической частью (лезвием), удлиненной и узкой формы, укрепленной в рукояти»¹. В Словаре якутского языка Э. К. Пекарского приводится расширенная синонимия: «нож, кинжал, меч»². Слово в различных фонетических вариантах наличествует в других тюркских языках: др.-тюрк. *bičäk* 'нож'³, алт. *бычак* 'нож; резец'⁴, хак. *пычак* 'нож, ножик'⁵, тув. *бижек* 'нож'⁶. В тюркологии реконструируемая праформа *bučag* 'нож' рассматривается как отглагольное производное от основы *buč-* / *bič-* со значением 'кроить, резать', которая, в свою очередь, возводится к праформе *bī* со значением 'лезвие', 'острие', 'нож'⁷. В якутском языке слово *быһах* закономерно образовано от глагольной основы *быс-* 'отрезать, резать, порезать', что отражает характерный для тюркских языков способ номинации инструмента через действие, для которого он предназначен.

Специфика понятийного содержания концепта *быһах* 'нож' во многом обусловлена уникальными морфологическими характеристиками традиционного якутского ножа, которые находят отражение в его языковой репрезентации. Как отмечает этнограф В. Л. Серошевский, традиционный якутский нож характеризуется следующими параметрами: длина клинка редко превышает 4 дюйма (~10 см), при ширине около ½ дюйма (~1,3 см). Клинок обладает прямой тупой спинкой, острым концом пальмовидной формы и слегка вытянутым лезвием. Конструктивной особенностью является асимметричная заточка: левая сторона клинка имеет сплошную фаску, в то время как правая сторона у качественных экземпляров остаётся слегка вогнутой. Хвостовик, предназначенный для монтажа в деревянную или костяную рукоять, вдвое короче лезвия (Серошевский, 1993: 382). Дополнительные свойства ножа описывает А. Я. Уваровский, указывая на его высокую гибкость — клинок гнётся вплоть до черенка. Несмотря на относительную мягкость металла, такой нож способен резать незакалённое железо, подобно олову, не теряя остроты лезвия и не подвергаясь остаточной деформации (Уваровской, 2003: 115).

Понятийное содержание концепта *быһах* 'нож' формируется на пересечении двух измерений: лингвистического (этимологическая связь с общетюркской глагольной основой *buč-* / *bič-* 'резать', определяющая номинацию инструмента через его функцию) и этнографического (уникальные морфологические характеристики — асимметричная заточка, пропорции клинка, гибкость металла). Данный синтез языковой универсалии и культурной специфики обуславливает особое положение концепта в якутской картине мира, отличающее его от соответствующих концептов в других тюркских языках.

Структура концепта «*быһах*» 'нож': лексико-семантические группы и периферия

Лексико-семантический анализ синтагматических связей лексемы *быһах* позволяет выявить обширную систему номинаций, отражающую глубокую видовую дифференциацию соответствующего концепта в якутской языковой картине мира. Зафиксированные в словарных источниках и диалектном материале единицы могут быть классифицированы на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ) по принципу функциональной специализации:

1. Гипероним и базовые функциональные типы: *быһах* — родовидовой гипероним ('нож'), *дьиэ уот быһаҕа* 'бытовой нож' — обобщающий утилитарный термин;

¹ Тылдьыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдьыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1958. Т. 1. Стлб. 633.

³ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 98.

⁴ Алтайско-русский словарь = Алтай-оруссөзлик / ред. коллегия: А. Э. Чумакаев (отв. ред.) и др. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 687.

⁵ Хакасско-русский словарь = Хакас-оруссөстик: (ок. 22 тыс. слов) / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 414.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 101.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь: Общетюркские и межатюркские основы на букву "Б". М.: Наука, 1978. С. 159.

2. Ножи по сфере профессиональной и хозяйственной деятельности: *булт быһаҕа* 'охотничий нож', *булт быһыччата* 'ножичек охотничий', *ойуу быһах / ойуу быһар быһычча* 'нож/ножичек для резьбы (по дереву, для орнаментов)', *мас ууһун онгор-хаһар быһыччата* 'ножичек мастера по дереву', *тирии быһаҕа* 'нож для кожи', *түүлээхсит быһаҕа* 'нож скорняжный', *отохут быһыччыта* 'ножичек лекарский для кровопускания', *иистэнньэн быһыччыта* 'швейный ножичек';

3. Ножи для обработки продуктов и сырья: *ас быһаҕа* 'кухонный нож', *болоһо быһах* 'простой кухонный нож', *эт быһаҕа* 'нож для мяса', *ньууча быһаҕа* 'нож хлебoreзный', *арыы быһаҕа* 'нож для масла', *муус анньар быһах* 'нож для колки льда', *кырынаас сүлэр быһычча* 'ножичек для снятия шкуры горностая', *таба сүлэр быһычча* 'ножичек для снятия оленьей шкуры', *саары сүлэр быһах* 'тупоконечный нож для съема шкуры', *үрүөх үрэр быһах* 'нож для очистки мездры шкуры';

4. Ножи по конструктивным особенностям: *биричиинэй быһах* 'перочинный, складной нож', *тосту тутар быһах* 'небольшой складной карманный нож', *халдаҕар быһах* 'нож с широким клинком', *быһах эрби* 'ножовка (пила)', *быыра быһах* 'большой метательный нож', *изт быһах / хамыйах хаһар изт быһах* 'двулезый изогнутый нож для выдалбливания (посуды, половника)', *мас быһах* 'деревянный нож';

5. Ножи по признаку пользователя: *дьахтар быһыччата* 'ножичек женский', *уол оҕо кыччанар быһыччата* 'нож строгальный для мальчика-подростка'.

Так, представленная систематизация демонстрирует, что лексема *быһах* является ядром сложного семантического поля, в котором классифицирующими признаками выступают функция, конструкция, обрабатываемый материал и социальный контекст использования.

Лексема *быһах* обладает продуктивным словообразовательным гнездом, включающим глаголы *быһахтаа* 'снабжать ножом', *быһахтан* 'хвататься за нож, угрожать ножом', *быһахтас* 'драться на ножах', а также отглагольное существительное *быһахтаһыы* 'поножовщина', которые маркируют семантику инструментальности, а также агрессии. Кроме того, парадигма номинативных производных включает существительные с деривационными аффиксами субъективной оценки: *быһычча* (*быһах* + *-ычча*) и *быһыйа* (*быһах* + *-ыйа*), оба со значением 'небольшой нож, ножик'.

К периферии лексико-семантического поля концепта *быһах* 'нож' относятся следующие лексемы: *бадаайы* 'большой нож', *батас* 'старинное холодное оружие', *батыйа* 'короткая пальма', *үрүөх* 'изогнутый нож для скобления шерсти или мездры', *хотохоон* 'ножичек', *гэндээ* 'нож; кинжал'.

Лексема *бадаайы* обозначает специализированную разновидность ножа крупного размера и значительного веса. Данный инструмент применялся для выполнения трудоёмких хозяйственных задач: долбления льда, рубки молодых деревьев (лиственницы, тальника), а также разделки мяса и крупной дичи; длина его клинка составляла 21–24 см (Егоров, 2015: 125). Лексикографические источники фиксируют значение 'большой якутский нож или ковш'¹, 'грубо отделанный, топорный, тяжеловесный; большой и длинный (об остроконечных предметах)', 'ножища'². Этимология слова *бадаайы* остаётся дискуссионной и определяется как неясная. Однако в рамках структурного анализа можно выделить корневой глагольный элемент *бад-*, которому исследователи реконструируют первичное значение 'вонзать', 'втыкать'³. Следовательно, с семантической точки зрения, *бадаайы* могло возникнуть как отымённое образование со значением 'то, чем вонзают (ударяют, пробируют)'. Так, значение слова *бадаайы* определяется не просто большим размером, а спецификой его применения — ударно-колющим действием, что и отличает данный тип ножа от других в якутской традиции.

Лексема *батас* в якутском языке обозначает 'старинное холодное оружие в виде большого ножа, насаженное на длинную рукоятку'⁴. В словаре Э. К. Пекарского зафиксированы следующие зна-

¹ Тылдьыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьын таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннарыы чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдьыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 331.

³ Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка=Саха тылын этимологическай тылдьыта / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2003. Ч.1. А-Дь. С. 107.

⁴ Тылдьыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. ...

чения: 'древнее воинское оружие, пальма, род огромного ножа, около 10 вершков длиной и не менее вершка шириной, лезвие с одной стороны, рукоятка не менее двух аршин длиной; оружие при охоте на медведей, отказ (у долганских бойцов); копье с длинным широким, пожевидным лезвием и короткой рукоятью; оно прямое и прямо положено на рукоятку, им можно и колоть и рубить; обыкновенный кинжал, как местное оружие'¹. Выделяются следующие разновидности *батас*: *саабыла батас* 'большая пальма', *үгүү батас* 'копье-пальма' и *салбах батас* 'коса'. В современном якутском языке семантика данной лексемы претерпела расширение и метафоризацию, приобретая переносное значение 'мощная сила, средство или опора в борьбе с кем-либо или чем-либо'². Например, П. А. Ойуунускай поэзияны олус таптыыра. Поэзия киниэхэ — доҕоро, охсуһар батаһа, көтөр кыната этэ 'П. А. Ойунский очень любил поэзию. Поэзия для него — друг, его боевая пальма, его крылья'³.

Относительно происхождения лексемы *батас* в научной литературе представлены три основные гипотезы.

1. Монгольская версия. Э. К. Пекарский отмечал соответствие слова *батас* камчатско-русскому и колымско-русскому *батас* в значении 'ножище, тесак'⁴. С. Калужинский предложил монгольскую этимологию, сопоставляя якутское слово с прамонгольским *мадаган* и его рефлексам (халх. *матга*, бур. *мадага*) (Калужинский, 1978: 111). Однако данная версия признаётся фонетически несостоятельной, поскольку не объясняет закономерный переход монгольского интервокального *-g-* в якутское *-с-*, что противоречит установленным звуковым соответствиям.

2. Версия внутренней деривации. Н. К. Антонов выдвинул гипотезу о происхождении *батас* от глагольной конструкции *батыры ас* 'вонзить', мотивируя это колющей функцией оружия (Антонов, 1977: 109). Данная гипотеза, однако, представляет собой пример народной этимологии и не находит строгого лингвистического подтверждения в силу отсутствия регулярных словообразовательных моделей.

3. Тюркская версия. Наиболее аргументированной в современной тюркологии является этимология, представленная Г. В. Поповым. Исследователь предлагает два вероятных пути происхождения: а) от тюркской основы *балту* / *балду* 'секира', 'топор' с последующим добавлением суффикса и редукцией согласного; б) от древнетюркского глагола *бат-* 'погружаться, нырять' (ср. якут. *батыры* 'вглубь', *батыры оһус* 'всадить', *батыры ас* 'вонзить')⁵. Оба варианта являются семантически мотивированными: первый связывает название с классом ударно-рубящего оружия, второй — с характерным для батаса проникающим, колющим действием.

Лексема *батыһа* определяется как разновидность холодного оружия — короткая пальма, представляющая собой широкий клинок, насаженный на укороченное древко. Словарные дефиниции подчёркивают её функциональную специфику: 'старинное холодное оружие с короткой рукояткой, с клинком длиной в полтора пяди'⁶; 'пальма, короткое охотничье копье в виде широкого и толстого ножа, укрепленного в березовом древке; отказ, острога; мясничий нож'⁷.

В отношении этимологии *батыһа* существуют две основные версии:

1. Версия внутреннего образования. Словообразовательный анализ позволяет интерпретировать *батыһа* как диминутивное производное от основы *батас*. Образование произошло путём присо-

¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 403.

² Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

³ Там же.

⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 403.

⁵ Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка=Саха тылын этимологическай тылдыта / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2003. Ч.1. А-Дь. С. 129.

⁶ Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьин таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

⁷ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1958. Т. 1. Стлб. 410.

единения к этой основе уменьшительно-ласкательного суффикса *-ыйа*, что типологически аналогично образованию *быһыйа* (*быһах* + *-ыйа*);

2. Монгольская версия. В. Г. Попов, наряду с тюркскими версиями происхождения, отмечает возможность связи *батыйа* с бурятским *батаа*, что, однако, требует дальнейшего фонетического и сравнительного обоснования (Попов, 2019: 107).

Лексема *үрүөх* в современном якутском языке функционирует как архаизм, обозначающий специализированный инструмент для выделки кожи: 'изогнутый нож для скобления шерсти или мездры'¹. Данное слово образовано от основы глагола *үр-* 'скоблить, счищать (мездру с кожи)' посредством деривационного суффикса *-үөх (-ых)*, типичного для образования названий инструментов и орудий в якутском языке (ср. *кыһых* 'скребок', *аалых* 'напильник'). В якутском языке слово *үр* является омонимом: *Үр I* — 'веять, нести струи воздуха, дуть (о ветре)', 'выпускать ртом сильную струю воздуха, дуть'. *Үр II* — 'издавать лай, лаять (о собаке)', 'выражать свое недовольство, в грубых, резких словах, браниться'². Э. К. Пекарский проводит прямую параллель между якутским *үр* и общетюркским корнем *sür-* со значениями 'тереть, растирать, скоблить, строгать', а также с монгольским *өрү-* 'тереть'³. В «Этимологическом словаре тюркских языков» праформа *sür-* реконструируется как общетюркская с широким семантическим полем, включающим действия механического воздействия на поверхность: 'тереть; строгать (рубанком, фуганком); скоблить; смазывать; вычеркнуть'⁴. Особый интерес представляет семантическое развитие в тувинском языке, где глагол *сүрер/сүр* помимо базовых значений 'гнать; преследовать' сохраняет архаичную производную семантику, непосредственно связанную с кожевенным ремеслом: 'очищать кожу (от сухожилий, остатков мяса, сала при выделке)'⁵.

Лексема *хотохоон* в якутском языке является синонимическим обозначением ножа ('ножичек')⁶. Этимологический анализ Э. К. Пекарского, а также данные современных сравнительно-исторических исследований свидетельствуют о её монгольском происхождении. Пекарский указывает на непосредственные соответствия: монг. *кутуџа* 'нож, ножик' и бурят. *хотоџо* 'нож'⁷. Современные словари подтверждают устойчивость этой лексемы: так, монгольское *хутга* фиксируется со значением 'нож'⁸. Наиболее полную реконструкцию семантической и фонетической эволюции этого термина предлагают материалы «Этимологического словаря монгольских языков», где приводится прамонгольская форма *kituγ-a* (транскрибируемая так же как *qituγa*) со значением 'нож'. Из этой праформы закономерно развились все засвидетельствованные современные формы: халх. *хутга*, бур. (вост.) *хутага*, (зап.) *хотёго*, бао. *хутоџо* 'нож'⁹. Параллельно существует альтернативная версия, связывающая *хотохоон* с тунгусо-маньчжурскими языками. Согласно этой точке зрения, лексема могла произойти от общетунгусо-маньчжурского корня *кото* 'большой нож' с добавлением уменьшительного аффикса *-коон* (Попов, 2019: 107). Ср. эвенк. *кото* 'нож', 'пальма'¹⁰.

¹ Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьинг таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

² Там же.

³ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 3. Стлб. 3165.

⁴ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы "Л", "М", "Н", "П", "С" / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003. С. 392.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 393.

⁶ Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. СӨ судаарыстыбаннай уонна дьинг таһымнаах тылларын харыстааһын уонна сайыннары чэрчитинэн анал бырайыак. Главная страница [Электронный ресурс] // Тылдыт. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта [Большой толковый словарь якутского языка]. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 28.01.2026).

⁷ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 3. Стлб. 3533.

⁸ Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский - монгольско-русский словарь = Орос-монгол - монгол-орос орчин усийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 864.

⁹ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G-P. С. 131.

¹⁰ Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэррук: около 30000 слов. Новосибирск: Наука, 2004. С. 306.

Лексема *гэндьээ* представляет собой диалектный синоним термина *быһах* 'нож', зафиксированный в говорах якутского языка. *Гэндьээ* — Анабарский район, долганский язык. *Улахан быһах* 'нож большого размера, кинжал'¹. Фонетический облик лексемы (*гэндьээ* / *кэндьээ*) и наличие вариативности начального согласного (*г*-/*к*-) может указывать на её возможное заимствование. Одним из вероятных источников может выступить лексика тунгусо-маньчжурских народов, с которыми якуты контактировали в процессе расселения по Сибири. М. С. Воронкин считает, что обнаружение начального звонкого согласного *г*- в есейском говоре на месте глухих согласных *к*-, *х*- обусловлено эвенкийским влиянием (Воронкин, 1984: 61, 62).

Так, концепт *быһах* 'нож' в якутском языке обладает выраженной иерархической структурой «ядро — периферия». Ядро концепта репрезентировано лексемой *быһах*, что подтверждается её высокой словообразовательной продуктивностью и развитой внутривидовой дифференциацией. Периферию составляют лексические единицы, классифицирующие ножи по функциональной специализации: хозяйственно-бытовые (*ас быһаҕа* 'кухонный', *дьиз-уот быһаҕа* 'бытовой'), профессиональные и промысловые (*булт быһаҕа* 'охотничий', *тирии быһаҕа* 'нож для кожи'), а также конструктивные типы (*биричиинэй быһах* 'складной', *халдаҕар быһах* 'с широким клинком'). Периферийную зону дополняют синонимичные номинации (*бадаайы*, *батас*, *батыһа*, *үрүөх*, *хотохоон*, *гэндьээ*), функционально специализированные или стилистически маркированные.

Образный (репрезентативный) компонент

Образный компонент концепта, представляющий собой совокупность чувственных представлений, метафор и символических репрезентаций, служит ключом к пониманию его культурной специфики. Как отмечает лингвокультуролог В. И. Карасик, «образная сторона концепта есть его чувственная, наглядная, часто метафорическая характеристика, возникающая в сознании человека при восприятии слова-имени концепта» (Карасик, 2004: 137).

В традиционной культуре народа саха нож служит важным и устойчивым знаком, указывающим на мужское начало. Эта семиотическая связь системно проявляется в обрядовой практике, мифологических представлениях и фольклорных текстах. В якутском героическом эпосе олонхо часто встречается выражение *уол оҕобут уһук тутан эрдэҕинэ, кыыс оҕобут кылаан тутан эрдэҕинэ* 'когда мальчики наши научатся держать ножи, а девочки научатся владеть ножницами'². Таким образом, нож становится символом мальчика, а ножницы — символом девочки. Данное противопоставление материализуется в обрядах, связанных с рождением мальчика, где изображение ножа, вырезанное из бересты, служило визуальным символом пола новорожденного и выполняло защитную функцию. Эти символы использовались также в ритуалах испрашивания ребенка у духов-покровителей. Согласно мифологическим верованиям, божество плодородия Айыысыт или Ийэйхсит посылает на землю душу мальчика, превращая её в нож или стрелу, а душу девочки — в ножницы (Кулаковский, 1979: 24).

В героическом эпосе олонхо нож является неотъемлемым атрибутом снаряжения богатыря. Он выполнял двойную функцию: будучи оружием ближнего боя, одновременно служил универсальным орудием в ходе долгих странствий героя:

Тоҕус кырыылаах, Кутаа уот кустуктаах, Эһэ үлүгүн саҕа хара дьайдаах Сабылалаах батыһалаах, Эрдэҕэс күөс саҕа кутаа уот илбистээх, Кыырыктаах үнүүлээх, Тоҕус уон бууттаах тимир Чомпо сүллүгэстээх, Бизс уон бууттаах тимир Мэрилиир мээчиктээх эбитэ үһү.

Имел он девятигранную, Играющую радугой огненной Сабельную пальму с черной нечистью Великою с подстилку из медвежьей шкуры, Имел он грозное копье, пылающее огнем кровожадности Великою со средний горшок. Имел он девяностопудовую, увесистую Железную палицу-булаву³.

¹ Диалектологический словарь якутского языка = Саха тылын диалектологическай тылдьыта: содержит свыше 8500 слов / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 83.

² Строптивый Кулун Куллуустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур : якутское олонхо [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; запись В. Н. Васильева; подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; пер. А. А. Попова и И. В. Пухова; вступ. ст. И. В. Пухова и Г. У. Эргиса; отв. ред. А. С. Мирбадалева]. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 142.

³ Строптивый Кулун Куллуустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур: якутское олонхо ред. А. С. Мирбадалева]. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 11.

Показательно, что в якутской паремиологии, в частности в загадках, происходит метафорическая антропоморфизация ножа, который предстаёт в образе удалого молодца или богатыря. Например: «Уол оҕо анала буолабын, тоҕус тимир чулуутунан онгоһуллубут дууна дохсуммун», — диэччи баар үһү 'Говорят, некто похваляется: "Меня, удалца из девяти отменных булатов вы ковали, да доброму молодцу предназначили"; Эрэстиин Боотур этэрбэс айаҕар инмит үһү 'Говорят, храбрый Эрэстиин-Боотур к голяшкам прирос'¹. Таким образом, нож выступает как телесное воплощение мужской души, акцентируя её активное, проникающее начало.

Быһах выполняет функцию универсального антропометрического эталона в якутской картине мира. Это наглядно демонстрирует фразеологизм *быһах быһаҕынан* 'очень обильно, много', в котором физический параметр инструмента — длина лезвия — используется как когнитивный инструмент для визуализации значительного объёма сыпучих веществ, например, в выражении: *Хаар быһах быһаҕынан түһэн эрэр* 'Снег идёт очень густо' (букв. 'начинает падать в размер лезвия ножа').

Одновременно данный артефакт выступает как семиотический индикатор родственных связей. В традиционном обществе саха, сформировавшемся в экстремальных природных условиях Севера, родственные и семейные связи выступали основным механизмом социальной кооперации и гарантией выживания человека. Как отмечал А. Е. Кулаковский, человек, принадлежащий к роду, воспринимался как полноценная социальная единица: *үгэр танаралаах, үгэр сууттаах киһи* 'человек, имеющий божество, которому молится, и суд, в котором судится', в противоположность изолированному, «дикому» существованию (Кулаковский, 1979: 210). В данной социальной парадигме *быһах* приобретает роль важного семиотического маркера, индикатора границ и качества родственных отношений. Эта функция ярко проявляется в паремиологическом фонде. Так, выражение *сурэххэ-быарга быһахтаммыкка дылы* 'подобно тому, как употребить нож против сердца и печени'² служит метафорой для обозначения тяжкого проступка — большой обиды, нанесённой ближайшему кровному родственнику. В данной паремии «сердце и печень» (*сурэх-быар*) в якутской языковой картине мира традиционно выступают символическим обозначением жизненно важного центра, средоточия жизни и душевных сил человека, что позволяет интерпретировать их как метафору основы рода и семейных уз. Соответственно, использование ножа против «сердца и печени» символизирует разрушение самих основ жизнеобеспечения и целостности рода.

Главным же правилом взаимоотношений между родными служит другая пословица: *Быһах угун кыстыбат, суор хараҕын онсубат* 'Нож не стругает своей рукоятки, ворон не выклеивает глаза ворону'³. Её смысл в том, что нельзя вредить тому, кто является частью тебя самого. Рукоять ножа (*уга*) выступает здесь метонимией «своего», неотъемлемой части единого целого. Пословица утверждает незыблемое правило внутригрупповой лояльности и взаимоподдержки: как нож не вредит сам себе, так и сородич обязан защищать своего. Таким образом, *быһах* становится инструментом осмысления и поддержания социального порядка, основанного на родовой солидарности.

Так, образный компонент концепта *быһах* 'нож' репрезентирован в якутской лингвокультуре тремя основными группами образов: 1) антропоморфные образы (нож как символ мужского начала, телесное воплощение мужской души, образ удалого молодца); 2) пространственно-количественные образы (нож как антропометрический эталон для измерения объёма); 3) социально-регулятивные образы (нож как метафора границ родственных отношений и инструмент осмысления социального порядка). Данные образные репрезентации отражают ключевые ценностные установки традиционной культуры саха: приоритет мужского начала, значимость рода и внутриродовой солидарности, а также тесную связь материальных артефактов с категоризацией окружающего мира.

¹ Саха таабырыннара = Якутские загадки / таабырыннары түмэн тылбаастаата, аан тылын суруйда, комментарийын онордо С. П. Ойунская. Якутскай : Саха сиринээҕи кинигэ изд-вота, 1975. С. 293.

² Кулаковский А. Е. Якутские пословицы и поговорки = Саха өһүн хоһооно. Якутск: Якутское государственное изд-во, 1945. С. 65.

³ Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / сост. Н. В. Емельянов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. С. 197.

Ценностный компонент

Ценностный (аксиологический) компонент концепта фиксирует отношение носителей культуры к обозначаемому объекту, его оценку в системе координат «сакральное / профанное», «свое / чужое», «опасное / безопасное». Как отмечает В. И. Карасик, «ценностная сторона концепта является определяющей для выделения самого концепта как культурно значимого ментального образования» (Карасик, 2004: 129). В якутской лингвокультуре ценностный статус *быһах* формируется прежде всего через его сакрализацию, которая задает аксиологическую рамку восприятия данного артефакта: нож осмысливается как предмет, обладающий пограничной природой — одновременно опасный и бережный, требующий особого, регламентированного обращения.

Наиболее репрезентативным проявлением ценностного компонента концепта выступает табуирование прямой номинации *быһах* и формирование системы эвфемистических замен, обусловленных его сакральным статусом. Запрет на прямое название ножа в промысловой практике маркирует его как объект, включенный в сферу ритуализированной коммуникации с миром духов. Сакральность ножа определяет его особое положение в культуре: он воспринимается не как обычный бытовой предмет, а как нечто, выходящее за рамки повседневности, а потому требующее особого обращения. Это отношение к ножу напрямую отражается в языке. Запрет называть нож прямо и использование вместо этого иносказательных названий (эвфемизмов) становятся не просто речевой привычкой, а практическим выражением той самой ценностной установки — правилом поведения, которое диктуется отношением к ножу как к сакральному предмету.

Как отмечает якутский исследователь И. П. Павлова, «тайная иносказательная речь, полная всяких условностей, прежде всего была присуща охотникам-промысловикам и дорожным людям» (Павлова, 2022: 2). Поскольку охота играла центральную роль в хозяйстве, все элементы охотничьей практики — номинации промысловых зверей, орудий и действий — подвергались эвфемизации с целью сокрытия намерений от духов-хозяев природы. Как показано в исследовании Е. Р. Николаева на материале вилуйского говора, табуирование лексики, связанной с объектами охоты (в частности, с медведем), является системным явлением, основанным на древних промысловых культах (Николаев, 2026). «Отправляясь на охоту за “промыслом пищи” (*бултуу-астыы*), промышленник прежде всего старается заручиться расположением бога огня и, чтобы задобрить его, подливает масло в огонь и приговаривает: “Госпожа Байанай с шапкой из головной шкуры! Пусть, выезжая в темный лес, никогда не возвращаюсь я с неокровавленными тороками (т. е. без убитого зверя)!”» (Худяков, 1969: 207). В рамках этой системы табуированию подверглась и базовая лексема *быһах*.

Глубинная семантика данного концепта коренится в глагольной основе *быһа-*, обладающей широким спектром значений: ‘проходить через, поперек’, ‘разрывать’, ‘отделять’, ‘отгонять’. Показательно, что от этой же основы образуются выражения, связанные с вербальной сферой и магическим мышлением: *быһа этимэ!* ‘не накличь беды, не сглазь!’, *быһа эттэххэ* ‘сказать наотрез’, *быһа хайҕаама* ‘не сглазь’. Эти идиомы отражают устойчивое поверье о том, что прямое, неосторожное слово, подобно острому лезвию, обладает силой «разрезать» ход событий, «отсечь» удачу или «накликать» беду. Таким образом, табу на прямое высказывание желаний или опасений (*быһа этиэн* ‘накликаешь беду’, *куһаҕаны ыраланыма* ‘не наворачивай себе худое’) оказывается в одной семантической парадигме с табуированием самого названия ножа. И инструмент, и слово воспринимались как силы, требующие осторожного обращения, поскольку их прямое, неподконтрольное применение могло привести к необратимым и опасным последствиям.

Этот комплекс верований непосредственно влиял на охотничью практику, формируя особый «подъязык» (*харыс тыл*), где прямое наименование ножа заменялось эвфемизмами, описывающими его форму или действие (*кырыылаах* ‘граненый’, *отойор* ‘режущий’). Следовательно, семантическое поле корня *быһа-*, объединяющее значения физического разделения и магики-речевого воздействия, служит ключом к пониманию сакрализации артефакта *быһах*. Нож становился не просто орудием, а материальным воплощением могущественной силы, способной как обеспечить жизнь, так и невольно разрушить её через нарушение табу, что и требовало его ритуального сокрытия за эвфемистическими наименованиями в контекстах, связанных с охотой и взаимодействием с духами.

В результате проведённого анализа в лексикографических источниках выявлено семь устойчивых эвфемистических субститутов для обозначения ножа: *кырыылаах* ‘гранёный’, ‘с острыми краями’, *уһуктаах* ‘остроконечный’, *отойор* ‘режущий’, *чокуйа* ‘ударяющий’ *сыркы* ‘издающий негромкий, короткий звук’, *сытыы* ‘острый’, *чылыпчык* ‘острый, тонкий, изящный’.

Их образование является классическим примером вторичной номинации, при которой новый смысл возникает посредством метафорического или метонимического переноса названия на основе сходства.

Данные эвфемизмы образуют несколько семантических групп по признаку мотивации:

- номинация по форме: *кырыылаах* 'гранёный', 'с острыми краями', *уһуктаах* 'остроконечный';
- номинация по функции: *отойор* 'режущий' (от глагола *отой* 'резать'), *чокуйа* 'ударяющий' (от глагола *чокуй* 'ударять'), *сыркы* (возможно, от глагола *сыр гын* 'издавать негромкий, короткий звук';
- номинация по качеству: *сытыы* 'острый', *чылыпчык* (от основы *чылып* 'острый, тонкий, изящный' с диминутивным суффиксом *-чык*).

В традиционной картине мира саха нож выполнял комплекс сакральных функций, выступая ключевым элементом ритуальных практик и обережной магии. В рамках шаманской традиции он использовался как инструмент трансформации и медиации. Этнографические данные свидетельствуют о ритуалах, в ходе которых шаман, осуществляя лечение, символически «впускал» в себя духов болезни, а затем прокалывал живот большим ножом насквозь. После ударов по клинку и его извлечения нож обретал вид «перегоревшего железа», что визуализировало идею уничтожения зла и ритуального возрождения шамана, сопоставимого с актом высекания нового огня. До сих пор у якутов сохранилось поверье: на пороге дома, у входной двери класть нож, посредник между мирами, он становится преградой от враждебных духов (Романова, 1997: 101–102).

Система многочисленных табу (запрет касаться огня, играть, точить ночью, переступать через нож или присваивать чужой, не дарить нож просто так) дополнительно сакрализовала предмет, регламентируя его использование. Важнейшей была охранительная функция ножа в обрядах жизненного цикла. Согласно поверьям, новорождённый, особенно в первые дни жизни, был крайне уязвим для злых духов (*абаасы*). Для его защиты в колыбель под матрас или подушку обязательно помещали нож в ножнах, поскольку считалось, что железо отпугивает нечистую силу (Гурвич, 1977: 116; Егоров 2015: 191).

Табуирование лексемы *быһах* в якутском языке обусловлено сакральным статусом ножа как ключевого орудия промысла и его включенностью в систему охотничьих верований. Запрет на прямое именование инструмента, наряду с табуированием названий зверей и промысловых действий, являлся частью ритуальной стратегии коммуникации с духами-хозяевами природы, направленной на обеспечение удачи в охоте. Данный факт подтверждает, что концепт *быһах* 'нож' в якутской лингвокультуре выходит за рамки утилитарного значения и приобретает черты сакрального артефакта, регламентированного в своем языковом выражении.

Быһах в современном социокультурном пространстве

В современном социокультурном пространстве Республики Саха (Якутия) статус *быһах* претерпел значительную трансформацию, эволюционировав от сугубо утилитарного и ритуального предмета до материального воплощения культурного кода и национального бренда Якутии. Его неповторимая форма, уходящая корнями в глубокую историю, сделала его визуальным маркером региональной идентичности (*фото*). Этот статус официально закреплён и поддерживается государством и обществом. Знаковыми явлениями, способствующими трансформации ремесла в публичную культурную практику, стали ежегодный конкурс «Дархан Уус» («Мастер»)¹ и фестиваль «Битва клинков — Кылаан Кылыс»², где осуществляется не только презентация эстетических качеств изделий, но и практическая апробация их функциональных характеристик посредством технических испытаний (на рез, гибкость и т. д.). Массовое участие сотен мастеров в указанном форуме свидетельствует о динамичном развитии кузнечного дела. Важным инструментом целенаправ-

¹ Андросов Г. Дархан Уус: Кто стал лучшим кузнецом? [Электронный ресурс] // SakhaLife. 2026, 23 февраля. URL: <https://sakhallife.ru/news/multicultural-yakutia/darhan-uus-kto-stal-luchshim-kuzneczm/> (дата обращения: 21.03.2026).

² В Якутске проходит конкурс на лучший якутский нож «Битва Клинков — Кылаан Кылыс» [Электронный ресурс] // МК в Якутии. 2025, 6 марта. URL: <https://yakutia.mk.ru/social/2025/03/06/v-yakutske-prokhodit-konkurs-na-luchshiy-yakutskiy-nozh-bitva-klinkov-kylaan-kylys.html> (дата обращения: 21.03.2026).

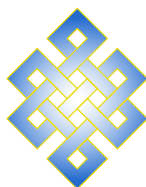

Фото. Былах из авторской булатной стали кузнеца-оружейника А. А. Данилова из личной коллекции А. С. Акимовой. Фото А. С. Акимовой, 2026 г.

Photo. A byyahk from the author's damask steel of the blacksmith-gunsmith A. A. Danilov from the personal collection of A. S. Akimova. Photo by A. S. Akimova, 2026.

ленной культурной политики, нацеленной на ревитализацию традиций, актуализацию культурных ценностей, раскрытие творческого потенциала мастеров и привлечение молодежи к кузнечному ремеслу, является регулярно проводимая с 2010 г. выставка-ярмарка «УУС-ЭКСПО» (Егоров, 2015: 151). Данное мероприятие обеспечивает платформу для профессиональной коммуникации, коммерциализации продукции и демонстрации преемственности технологического знания.

Якутские кузнецы последовательно презентуют свои работы на выставках федерального и международного уровня, получая профессиональное признание. Отдельные представители достигли статуса международных экспертов в области художественного и традиционного оружейного дела. Так, С. К. Билюкин является победителем престижного международного конкурса «Клинок» и десятикратным победителем российской выставки мастеров-изготовителей; Н. И. Потапов также удостоился первого места на российской выставке (там же: 128); А. А. Данилов стал победителем состязания «Стальные испытания»¹. При этом современные мастера (*дарханнар*) следуют древним традициямковки и обработки, передавая секреты предков: «профессия кузнеца у народа саха является потомственным занятием и передавалась внутри рода от отца к сыну вместе с инструментами и секретами мастерства» (Лексика материальной ... , 2025: 126). Таким образом, они не только сохраняют старинное мастерство, но и умело адаптируют его к современным запросам, делая якутский нож желанным предметом не только для использования, но и как объект искусства и гордости.

Особое значение в контексте устойчивости традиции приобретает работа с подрастающим поколением, поскольку приобщение молодежи к подзабытым профессиональным практикам представляет собой актуальную социокультурную задачу. Этот процесс реализуется на нескольких уров-

¹ Кузнец из Якутии победил в новом шоу «Стальные испытания» [Электронный ресурс] // ЯСИА. 2025, 12 сентября. URL: <https://ysia.ru/kuznets-iz-yakutii-pobedil-v-novom-shou-stalnye-ispytaniya/> (дата обращения: 21.03.2026).

нях: в рамках школьных уроков технологии, во внеурочной деятельности, а также через систему дополнительного образования, включающую профильные летние школы. Одной из старейших и наиболее авторитетных площадок такого рода является летняя школа «Центра творчества и духовности Мандар Уус», функционирующая с 2007 г. в Баягинском наслеге Таттинского улуса (региона, исторически знаменитого своими мастерами) под руководством народного мастера Б. Ф. Неустроева (Мандар Уус). В рамках этой школы талантливые дети получают возможность непосредственно постигать азы кузнечного дела и познавать секреты древнего ремесла (Егоров, 2015: 159).

Таким образом, якутский нож из инструмента утилитарного назначения и обрядового предмета трансформировался в один из главных символов якутской культуры, а также в узнаваемый бренд Республики Саха (Якутия). В этой связи показательно высказывание народного мастера Б. Ф. Неустроева (Мандар Уус), который еще в 1980-е гг. прогнозировал, что якуты станут известны миру как великие кузнецы. Свою мысль он объяснял просто: «У нас зима холодная, вечера длинные, что будем сидеть просто так?» (Егоров, 2015: 159). В этой фразе, при всей ее внешней лаконичности, отражается глубинная мировоззренческая установка: суровые природные условия (долгая зима, вынужденное пребывание в замкнутом пространстве) воспринимаются не как препятствие, а как стимул к развитию ремесленной деятельности и творческому поиску. Сегодня этот прогноз находит свое подтверждение в возрождении и расцвете кузнечного дела в Якутии, одним из ярких проявлений которого стала широкая популярность якутского ножа — как в регионе, так и далеко за его пределами.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что концепт *быһах* ‘нож’ является сложным, многоуровневым образованием, в котором переплетаются языковые, мифологические, социальные и аксиологические коды якутской культуры.

Концептуальность *быһах* для якутов и их культуры заключается в его системообразующей роли, которая пронизывает все ключевые сферы жизнедеятельности и мировоззрения. В материальной сфере нож выступает как универсальное орудие, обеспечивающее выживание в суровых природных условиях, что предопределило его особый статус. В социальной

организации он служит маркером половозрастных ролей (символ мужского начала) и этическим регулятором, кодирующим нормы внутриродовой солидарности и ответственности. В духовной культуре *быһах* функционирует как медиатор между мирами: он выступает оберегом, объектом табу, инструментом в шаманских ритуалах и неизменным атрибутом фольклорных героев, нередко персонифицируясь и обретая черты живого существа. Табуирование прямой номинации ножа в охотничьей практике служит наиболее ярким лингвистическим свидетельством его глубокой сакрализации.

Так, значение *быһах* для якутов выходит далеко за рамки утилитарного инструмента. Он связывает в единый узел практику выживания, социальные роли, обрядовые действия и ценностные представления, выступая одним из ключевых, опорных концептов традиционной картины мира.

В современном социокультурном пространстве статус *быһах* претерпел закономерную трансформацию: от предмета повседневного обихода и ритуального атрибута он эволюционировал в национальный бренд и визуальный символ этнической идентичности. Ежегодные конкурсы и фестивали, такие как «Дархан Уус» и «Битва клинков — Кылаан кылыс», способствуют не только сохранению, но и динамичному развитию кузнечного ремесла, обеспечивая преемственность мастерства и привлечение молодежи.

Таким образом, концепт *быһах* ‘нож’ демонстрирует, как конкретный артефакт материальной культуры, обусловленный хозяйственным укладом, становится ядром для формирования целостной системы смыслов, регулирующих отношения человека с миром, обществом и сакральной сферой. Отражённый в языке и фольклоре, сакрализированный в традиции и актуализированный в современной культурной политике, якутский нож остается живым символом, концентрирующим в себе историческую память и этнокультурную идентичность народа саха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдразакова, Г. Ш. (2022) Концепт «юрта» в киргизской языковой картине мира // Бюллетень науки и практики. Т. 8. № 6. С. 796–802. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/92>
- Акимова, А. С., Федорова Е. П. (2021) Кузнечные термины, относящиеся к якутскому ножу // Современное педагогическое образование. № 10. С. 208–210.
- Алексеев, А. Н. (1996) Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 144 с.
- Антонов, Н. К. (1977) О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. № 6. С. 108–109.
- Аргунов, Э. А., Кривошапкина, О. Г. (2024) Якутский нож: традиции и современность (изготовление якутского ножа) // Айыы Тангара и кузнечный культ в тэнгрианстве: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (21 сентября 2024 г., с. Нам, Республика Саха (Якутия), Россия) / отв. ред. Л. В. Федорова; редкол.: А. М. Копырин, Н. П. Уарова. Якутск : Международный фонд исследования Тенгри. 162 с. С. 15–36.
- Бочина, Т. Г. (2025) Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 305–320. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>
- Воркачёв, С. Г. (2004) Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис. 236 с.
- Воронкин, М. С. (1984) Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск : Книжное изд-во. 224 с.
- Гурвич, И. С. (1977) Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М. : Наука. 244 с.
- Дербишева, З. К. (2023) Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 257–271. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/19>
- Егоров, Н. И. (2015) Саха быһаҕа = Якутский нож. Якутск : Бичик. 204 с.
- Есенова, Г. Б., Есенова, Т. С. (2012) *Ээжин цэ* как прецедентный феномен лингвокультуры калмыков // Урал-алтайские исследования. № 2 (7). С. 7–13.
- Есенова, Г. Б., Есенова, Т. С. (2025) Концепт *aah* 'пиала' в лингвокультуре калмыков // Новые исследования Тувы. № 4. С. 417–435. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>
- Жданова, Т. А. (2024) Паремииологические средства выражения концепта орудия труда в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. № 1-2 (57). С. 41–45.
- Замалетдинов, Р. Р., Хуснуллина, Г. Н. (2014) Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. № 4 (38). С. 95–100.
- Калужиньски, С. (1978) Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (I-VIII) // Rocznik Orientalistyczny. Т. 39. З. 2. S. 1–116.
- Карасик, В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. (2001) Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : ВГУ. 181 с. С. 75–80.
- Константинов, И. В. (1978) Ранний железный век Якутии. Новосибирск : Наука. 127 с.
- Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды. Якутск : Книжное изд-во. 484 с.
- Лексика материальной культуры в якутском языке (2025) / А. С. Акимова, Ю. М. Борисова, Л. М. Готовцева и др. Новосибирск : СО РАН. 206 с.
- Лихачев, Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 320 с. С. 280–287.
- Малышев, Е. Д. (2025) Особенности клинка якутского ножа мастеров Таттинского района // Научные высказывания. № 1 (69). С. 31–34.
- Машкович, И. А. (2020) Концепт «еда» в русской лингвокультуре // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. № 1. С. 90–97.
- Николаев, Е. Р. (2026) Эвфемистические названия частей тела медведя в вилюйском говоре якутского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 386–398. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.21>
- Павлова, И. П. (2022) Приемы эвфемистической субституции в табуированной речи (на материале якутского языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13. № 2. С. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.15862/51FLSK222>

Попов, В. Г. (2019) Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (26). С. 106–116. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.01.26.016>

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007) Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток–Запад. 314 с.

Романова, Е. Н. (1997) Люди солнечных лучей с поводьями за спиной: (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М. : Координационно-методический центр ИЭА РАН. 200 с.

Серошевский, В. Л. (1993) Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия. 736 с.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры (3-е изд.). М. : Академический проект. 992 с.

Уваровской, А. Я. (2003) Ахтыылар = Воспоминания. Дьокуускай : Бичик. 208 с.

Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 437 с.

Шхумишхова, А. Р., Сапиева, С. К. (2022) Концепт «еда» и характеристика лексико-тематической группы «пища» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. № 2 (297). С. 116–121.

Дата поступления: 10.02.2026 г.

Дата принятия: 01.04.2026 г.

REFERENCES

Abdrazakova, G. Sh. (2022) The concept “yurta” in the Kyrgyz linguistic worldview. *Byulleten' nauki i praktiki*, vol. 8, no. 6, pp. 796–802. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/92>

Akimova, A. S. and Fedorova, E. P. (2021) Blacksmith terms relating to the Yakut knife. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 10, pp. 208–210. (In Russ.)

Alekseev, A. N. (1996) *Ancient Yakutia: Neolithic and Bronze Age*. Novosibirsk, IAEt SO RAN. 144 p. (In Russ.)

Antonov, N. K. (1977) On Yakut metallurgical terms. *Polyarnaya zvezda*, no. 6, pp. 108–109. (In Russ.)

Argunov, E. A. and Krivoschapkina, O. G. (2024) The Yakut knife: tradition and modernity (making the Yakut knife). In: *Aiyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism: proceedings of the 4th All-Russian scientific and practical conference (21 September 2024, Nam village, Republic of Sakha (Yakutia), Russia)*, ed. by L. V. Fedorova; editorial board: A. M. Kopyrin, N. P. Uarova. Yakutsk, Mezhdunarodnyy fond issledovaniya Tengri. 162 p. Pp. 15–36. (In Russ.)

Bochina, T. G. (2025) Tuvan riddles about artifacts in a linguocognitive perspective. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 305–320. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>

Vorkachev, S. G. (2004) *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow, Gnozis. 236 p. (In Russ.)

Voronkin, M. S. (1984) *The northwestern group of Yakut dialects*. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 224 p. (In Russ.)

Gurvich, I. S. (1977) *Culture of the northern Yakut reindeer herders. On the late stages of the formation of the Yakut people*. Moscow, Nauka. 244 p. (In Russ.)

Derbisheva, Z. K. (2023) The artifact “yurta” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 257–271. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/19>

Egorov, N. I. (2015) *Sakha byhaҕa = The Yakut knife*. Yakutsk, Bichik. 204 p. (In Russ.)

Esenova, G. B. and Esenova, T. S. (2012) *Eejin tsə* as a precedent phenomenon of the Kalmyk linguoculture. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, no. 2 (7), pp. 7–13. (In Russ.)

Esenova, G. B. and Esenova, T. S. (2025) The concept *aah* ‘bowl’ in the linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 417–435. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>

Zhdanova, T. A. (2024) Paremiological means of expressing the concept of tool in the Russian linguistic worldview. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2 (57), pp. 41–45. (In Russ.)

Zamaletdinov, R. R. and Khusnullina, G. N. (2014) Linguoculturological features of names for tableware and kitchen utensils in the Tatar language. *Filologiya i kul'tura*, no. 4 (38), pp. 95–100. (In Russ.)

Kaluzinski, S. (1978) Etymological studies in the Yakut language. Disyllabic stems (I–VIII). *Rocznik Orientalistyczny*, vol. 39, no. 2, pp. 1–116. (In Russ.)

Karasik, V. I. (2004) *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.)

- Karasik, V. I. and Slyshkin, G. G. (2001) The linguocultural concept as a unit of research. In: *Methodological problems of cognitive linguistics: a collection of scientific papers*, ed. by I. A. Sternin. Voronezh, VGU. 181 p. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Konstantinov, I. V. (1978) *The Early Iron Age of Yakutia*. Novosibirsk, Nauka. 127 p. (In Russ.)
- Kulakovskiy, A. E. (1979) *Scholarly works*. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 484 p. (In Russ.)
- Lexicon of material culture in the Yakut language* (2025). A. S. Akimova, Yu. M. Borisova, L. M. Gotovtseva et al. Novosibirsk, SO RAN. 206 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. (1997) The conceptsphere of the Russian language. In: *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: An Anthology*, ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia. 320 p. Pp. 280–287. (In Russ.)
- Malyshev, E. D. (2025) Features of the blade of Yakut knives made by masters of the Tattinsky district. *Nauchnye vyskazyvaniya*, no. 1 (69), pp. 31–34. (In Russ.)
- Mashkovich, I. A. (2020) The concept “food” in Russian linguoculture. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, no. 1, pp. 90–97. (In Russ.)
- Nikolaev, E. R. (2026) Euphemistic names for parts of the bear's body in the Vilyuy dialect of the Yakut language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 386–398. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.21>
- Pavlova, I. P. (2022) Methods of euphemistic substitution in taboo speech (based on the Yakut language). *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, vol. 13, no. 2, pp. 1–10. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15862/51FLSK222>
- Popov, V. G. (2019) Names of types of traditional Yakut offensive cold weapons as an object of comparative study. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, no. 1 (26), pp. 106–116. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.01.26.016>
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2007) *Cognitive linguistics*. Moscow, AST; Vostok–Zapad. 314 p. (In Russ.)
- Romanova, E. N. (1997) *People of sunrays with reins behind their backs: fate in the context of the mytho-ritual tradition of the Yakuts*. Moscow, Koordinatsionno-metodicheskiy tsentr IEA RAN. 200 p. (In Russ.)
- Sieroshevskiy, V. L. (1993) *The Yakuts. An ethnographic study*. 2nd ed. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 736 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants: A dictionary of Russian culture* (3rd ed.). Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.)
- Uvarovskai, A. Ya. (2003) *Akhtyylyar = Memoirs*. Dyokuuskay, Bichik. 208 p. (In Russ.)
- Khudyakov, I. A. (1969) *Brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad, Nauka, Leningrad branch. 437 p. (In Russ.)
- Shkhumishkhova, A. R. and Sapieva, S. K. (2022) The concept “food” and the characteristics of the lexical-thematic group “food”. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 2 (297), pp. 116–121. (In Russ.)

Submission date: 10.02.2026.

Acceptance date: 01.04.2026.

Концепт *Ант* в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры

Ариука И. Геляева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Джамият Дж. Хучинаева, Джульетта Б. Кумахова

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, Российская Федерация

В статье представлен междисциплинарный анализ концепта «Ант» в карачаево-балкарской этнолингвокультуре. Методологическую основу исследования составил структурированный подход к реконструкции и описанию культурного концепта, открывающий широкие перспективы его рассмотрения в аспекте формы, идеи, регулятива и предполагающий интеграцию возможностей разных областей знаний и семиотических систем. Материалом исследования стал репрезентативный корпус вербальных и невербальных текстов карачаево-балкарской этнолингвокультуры.

Методом аппликации словарных статей лексемы ант в разных тюркских языках выявлено, что репрезентант концепта «Ант» слово «ант» в значении «клятва, клятвенное обещание, зарок, обет, присяга» встречается в абсолютном большинстве тюркских языков как в виде существительного, так и аналитических глагольных форм. Отмечается важность этимологизации лексемы «ант», приводятся версии ее происхождения.

Особое внимание уделяется специфике лексемы «ант» как перформативного высказывания, репрезентирующего единство слова и речевого действия, совершаемого в момент произнесения клятвы. Приводятся примеры из мифологических текстов, эпоса, сказок, песен, паремий, обрядов, фрагменты клятв членов третейского суда, повседневной речи, которые свидетельствуют о бытовании в карачаево-балкарской этнолингвокультуре разных типов клятв, сочетающих клятвенную формулу с разными семиотическими средствами.

Выявлено, что концепт «Ант» объективирован в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры как динамическая система, о чём свидетельствуют различные концептуальные его составляющие, относящиеся к разным хронологическим этапам и отражающие характерные для них социально-культурные реалии.

Ключевые слова: концепт культуры; ант; карачаево-балкарский язык; карачаево-балкарская культура; присяга

Для цитирования:

Геляева А. И., Хучинаева Дж. Дж., Кумахова Дж. Б. Концепт *Ант* в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 380-399. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.22>

Геляева Ариука Ибрагимовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: gariuka@mail.ru

Хучинаева Джамият Джамаловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики профессионального обучения и иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. Адрес: 360000, Россия, г. Нальчик, пр-т Ленина, д. 1В. Эл. адрес: gjjamilia@mail.ru

Кумахова Джульетта Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики профессионального обучения и иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. Адрес: 360000, Россия, г. Нальчик, пр-т Ленина, д. 1В. Эл. адрес: cumakova.j@yandex.ru

The Concept of *Ant* in the Karachay-Balkar Ethnolinguoculture

Ariuka I. Gelyaeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation,

Jamilyat J. Khuchinaeva, Julietta B. Kumakhova

Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov, Russian Federation

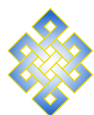
The article presents an interdisciplinary analysis of the concept of “Ant” in the Karachay-Balkar ethnolinguoculture. The methodological framework is based on a structured approach to the reconstruction and description of a cultural concept, which opens broad prospects for its examination in terms of form, idea, and regulatory function, and presupposes the integration of methods from various fields of knowledge and semiotic systems. The study draws on a representative corpus of verbal and non-verbal texts of the Karachay-Balkar ethnolinguoculture.

Through the application of dictionary entries for the lexeme ant across different Turkic languages, it has been established that the representative of the concept, the word ant meaning “oath,” “sworn promise,” “vow,” or “pledge,” occurs in the vast majority of Turkic languages both as a noun and within analytical verbal constructions. The importance of the etymologization of the lexeme ant is emphasized, and several hypotheses regarding its origin are discussed.

Attention is paid to the specificity of the lexeme “ant” as a performative utterance representing the unity of word and speech act performed at the moment of oath-taking. Examples are drawn from mythological texts, epic narratives, fairy tales, songs, paremias, rituals, as well as fragments of oaths of arbitration court members and everyday speech. These examples demonstrate the existence in the Karachay-Balkar ethnolinguoculture of various types of oaths that combine oath formulas with diverse semiotic means.

It is established that the concept of ant is objectified within the Karachay-Balkar ethnolinguocultural space as a dynamic system, as evidenced by its various conceptual components associated with different chronological stages and reflecting the socio-cultural realities characteristic of each period.

Keywords: cultural concept; Ant; Karachay-Balkar language; Karachay-Balkar culture; oath

For citation:

Gelyaeva A. I., Khuchinaeva J. J. and Kumakhova J. B. The Concept of *Ant* in the Karachay-Balkar Ethnolinguoculture. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 380-399. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.22>

GELYAEVA, Ariuka Ibragimovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: gariuka@mail.ru

KHUCHINAEVA, Jamilyat Jamalovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Vocational Training and Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov. Postal address: 1B Lenina ave., 360000, Nalchik, Russia. E-mail: gjjamilia@mail.ru

KUMAKHOVA, Julietta Borisovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Vocational Training and Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov. Postal address: 1B Lenina ave., 360000, Nalchik, Russia. E-mail: cumaxova.j@yandex.ru

Введение

Ант в карачаево-балкарской этнолингвокультуре относится к числу концептов, в которых реализуется одна из древнейших функций языка — магическая. Концепт *Ант* означает «торжественное уверение в чём-либо, обещание чего-либо»¹. Основным номинантом данного концепта является лексема *ант* 'клятва, обет, зарок, присяга'²; *къаргъаныу сёз, бир затны этер ючюн берилген сёз* 'клятва, клятвенное обещание, зарок'³.

Хотя в таком архаическом концепте объективируются истоки идей и ценностей многих культур, он до последних десятилетий не был объектом интенсивных исследований. Во второй половине XX в. исследованием клятв занимались в основном фольклористы, рассматривая их как малые жанры фольклора⁴. Заметный интерес к анализу клятвы отмечается в 1960–1970-е гг. в связи с появлением теории речевых актов, в рамках которой клятва квалифицируется как перформативное⁵ высказывание. Несмотря на пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей к проблеме перформатива (см.: Апресян, 1986; Бахтин, 1996; Остин, 1986; Серль, 1986), перформативные высказывания, в том числе и клятвы, на материале отдельных лингвокультур, так и карачаево-балкарской, до сих пор остаются малоизученными.

В первые десятилетия XXI в. исследования клятвы как речевого акта и жанра в лингвистическом, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах значительно активизировались. Так, анализу клятвы с точки зрения её функционирования в русской языковой картине мира посвящена работа Н. Ш. Галлямовой, в которой автор описывает прагматические правила реализации речевого акта «обещание, клятва», представленного несколькими макрополями, вербализация которых требует «употребление целой системы языковых и речевых средств, объединенных функционально и семантически» (Галлямова, 2010: 26). А. В. Карабыков рассматривает генезис жанра клятвы в истории культуры и отмечает, что «сохраняя уровень доверия, институт клятвы способствовал обеспечению целостности общества» (Карабыков, 2006: 230). И. И. Чесноков высказывает предположение, что «переориентированные речевые формулы проклятия и явились первичными формами объективации речевого акта «клятва»..., перформативный глагол «клянусь» является образованием позднего периода в развитии форм объективации клятвы» (Чесноков, 2013: 6). Речевыми характеристиками детской клятвы в советскую эпоху посвящена статья А. В. Сидоренко, в которой выявляются отличительные признаки детской клятвы (Сидоренко, 2016: 74–76). Структурно-семантический и функционально-прагматический анализ жанра «клятва» проводится на материале разных лингвокультур⁶. Сопоставительное изучение клятвы осуществляется также в рамках исследования речевых жанров (см.: Дампилова, 2022; и др.⁷). Среди исследований клятвы как речевого жанра выделяются работы, посвящённые анализу функционирования клятвы в различных типах текстов. Как особый тип рассматривается, например, текст брачной клятвы, который представляет собой «торжественное ритуальное обещание во время венчания или свадебной церемонии, в котором жених и невеста клянутся в верности и преданности друг другу» (Ланских, 2022: 94). Большинство исследований клятвы детерминированы общеизвестной теорией речевых актов. Более того, многие научные статьи, посвящённые клятве и выполненные на материале разных областей знания, в основном осуществлены в рамках данной теории (см.: Кормина, 2004; Мелик-Гайказян, Мещерякова, 2015). Что касается изучения клятвы как культурного концепта, то подобные работы еди-

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1983. Т. 2. К–О. С. 62.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

³ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁴ Хаджиева Т. М. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары [Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев] // Къарачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37.

⁵ Под перформативным понимается высказывание, равноценное действию.

⁶ Сиразиева З. Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань 2012.

⁷ Балданмаксарова Е. Е. Жанр клятвы в средневековой монгольской литературе XIII века // Новые российские гуманитарные исследования. 2019. № 14. С. 122.

ничны не только на материале отдельных лингвокультур, но и в области тюркологии в целом (Шенцова, 2021; Balabekova, Kurmanali, Otarbekova, 2024). На материале карачаево-балкарского языка опубликована единственная статья, которая посвящена выявлению особенностей клятв и заклинаний как речевых актов, используемых в повседневной речи (Геляева, Хучинаева, 2015).

Между тем *Ант* — это этнолингвокультурный концепт, который объективируется в разных текстах карачаево-балкарской культуры. Отсутствие специальных исследований клятвы как культурного концепта представляет значительный пробел в изучении карачаево-балкарской лингвокультуры.

Цель исследования состоит в комплексном междисциплинарном анализе концепта *Ант* во всём пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры. Объектом анализа является *Ант* как концепт карачаево-балкарской этнолингвокультуры. Предметом изучения выступают репрезентанты концепта *Ант* с точки зрения их формальной, понятийной и функциональной специфики в тезаурусе культуры.

Обозначенная цель обуславливает решение следующих задач: на основе анализа исторической и социально-культурной информации, представленной в текстах карачаево-балкарской культуры, а также материала этимологических словарей и мнений тюркологов о происхождении лексемы *ант*, предложить свои аргументы в пользу монгольского происхождения данной лексемы; описать *Ант* как концепт-словоформу посредством выявления имени концепта, а также разноструктурных его репрезентантов в карачаево-балкарском языке; установить понятийное содержание основной идеи концепта *Ант*, а также его концептуальные признаки, объективированные в разных типах клятв; определить особенности формально-семантической и функциональной объективации *Ант* как концепта-регулятива в различных культурных текстах на разных этапах развития этноса; с позиций ареальной лингвистики выявить схождения и расхождения репрезентантов концепта *Ант* карачаево-балкарского языка с номинантами данного концепта в других тюркских языках, относящихся к различным географическим ареалам.

Методологическую основу исследования составил структурированный подход к реконструкции, описанию и интерпретации культурного концепта, разработанный Ч. К. Ламажаа и предполагающий широкие перспективы его рассмотрения в аспекте формы, идеи, социальной регуляции (Ламажаа, 2023), а также определяющий интеграцию возможностей разных областей знаний и семиотических систем. Эта схема, обусловленная отечественными лингвокультурологическими и когнитивными исследованиями, в рамках которых концепт рассматривается как ключевая единица картины мира этнического сообщества, в которой отражены ценности культуры; как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов, 2007: 63); «... как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (там же); как «культурный ген, входящий в генотип культуры» (Ляпин, 1997: 17); как многослойное образование, имеющее полевую структуру (Попова, Стернин, 2001); как «микромодель культуры» с понятийным, образным и ценностным составляющими (Карасик, 2004: 115), на наш взгляд, представляет собой перспективный исследовательский алгоритм. Кроме того, применение таких методов, как сравнительно-сопоставительный, концептуальный и компонентный анализы, аппликация словарных статей разных тюркских языков, интервьюирование, способствует рассмотрению концепта *Ант* во всём пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры и определению его репрезентантов в любой знаковой форме и культурно-историческом контексте. Выявлению динамики концепта в контексте его функционирования в карачаево-балкарской этнолингвокультуре способствует также обращение к опыту, знаниям и филологической интуиции авторов статьи, являющихся этническими балкарцами.

Эмпирическим материалом исследования послужил весь репрезентативный корпус вербальных и невербальных текстов карачаево-балкарской этнолингвокультуры (толковые¹, двуязычные² сло-

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах]. / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996–2005.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989; Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965.

вари, фольклорные тексты¹, мифы², эпос «Нарты»³, тексты средств массовой информации⁴, обряды, записанные исследователями (Pröhle, 1909; и др.), а также записи авторов статьи со слов информантов-этнических балкарцев⁵.

Фактический материал других тюркских языков и этимологических словарей привлекался с целью этимологизации лексемы *ант* и выявления сходств и различий объективации концепта *Ант* в карачаево-балкарском языке в сравнении с другими тюркскими языками.

Этимология лексемы «ант»

Проблема этимологизации лексемы *ант* является дискуссионной для тюркологии в целом, поэтому представляется значимым обращение к существующим в тюркологии различным воззрениям о её происхождении.

С культурно-исторической точки зрения этимологизирование лексемы *ант* способствует определению динамики смыслового ядра концепта *Ант*, поскольку в этимоне происходит первичная концептуализация идеи концепта и экспликация пралогических знаний, норм и ценностей этнокультуры. Установление этимона как транслятора основных идей и ценностей культуры играет ключевую роль в выявлении исторической памяти, объективированной в репрезентантах концепта *Ант*.

Авторы этимологических словарей тюркских языков, приводя различные доводы об этимологии лексемы *ант*, склоняются к ее монгольскому происхождению. Например, Исмет Зеки Эюбоглу возводит лексему *ант* к монгольскому *anda* 'побратим, побратимство', включающему в себя значение *and içmek* 'клясться'⁶. Как отмечает автор, по клятвенному обряду монголов двое из разных родов в одну посуду капают по капле крови, перемешивают и пьют кровь друг друга, становясь таким образом братьями по крови⁷.

Со ссылкой на разные источники Э. В. Севортыян проводит различные сопоставления тюркского *ант/анд* с персидским *анд* 'двусмысленный, сомнительный', с домонгольским *анда* 'побратим' и средне-монгольским *анда* 'клятва'⁸.

И. В. Шенцова утверждает, что лексема *ант* арабского происхождения (Шенцова, 2021: 159). Возможность подобной этимологизации, казалось, не вызывает сомнения, если исходить из ареала распространения лексемы *ант* в языках тюркских народов юго-западного ареала. В восточных тюркских языках номинантами данного концепта выступают слова: *черт* в алтайском⁹, *сирт* в хакасском¹⁰, *шарт* в шорском¹¹, *дангыраг/дангырак*¹² и *тангырак*¹³ в тувинском языках. Если при-

¹ Карачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996.

² Карачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эль-брус, 2007.

³ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

⁴ Газета «Заман» (на балкарском языке).

⁵ Личный архив А. И. Геляевой. Записи со слов информантов были произведены автором в селениях Верхняя Балкария, Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики в 1983–2015 гг. Информанты дали согласие на публикацию своих персональных данных.

⁶ Ismet Zeki Eyuboğlu. Türk dilinin etimoloji sözlüğü. Üçüncü Basım. İstanbul: Sosyal Yayınlar, 1995. S. 31.

⁷ Там же.

⁸ Севортыян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и междюркские основы на гласные М.: Наука, 1974. С. 151.

⁹ Русско-алтайский словарь: около 33 000 слов / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. С. 246.

¹⁰ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 472.

¹¹ Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемеровское кн.-изд-во, 1993. С. 23.

¹² Тувинско-русский словарь: около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1968. С. 147.

¹³ Русско-тувинский словарь / под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. С. 218.

знать монгольское происхождение лексемы *ант*, то возникает закономерный вопрос: как лексема *ант*, минув языки народов, относящихся к одному географическому ареалу с Монголией, проникла в языки тюркских народов западных и южных регионов? На наш взгляд, ответом на этот вопрос в определённой степени может послужить то, что в казахском¹ и киргизском² языках, на лингвистической карте занимающих линию соприкосновения с восточными тюркскими языками, встречаются как лексема *ант*, так и *черт/сирт/шарт*, которые используются как синонимы. Казалось, этот факт даёт основание полагать, что влияние шло как с востока, так и с юго-запада, то есть, в восточных тюркских языках (алтайском, хакасском, шорском) в качестве номинанта концепта *Ант* используется древнетюркская лексема *şert* в разных фонематических вариантах в значении «клятва», а не «условие», как в «Древнетюркском словаре»³, а в юго-западных тюркских языках, в том числе и карачаево-балкарском, — заимствованная из арабского языка лексема *ант*, как отмечает И. В. Шенцова (Шенцова, 2021: 159).

Однако нам представляется сомнительной вероятность арабского происхождения лексемы *ант*. Известно, что основным фактором проникновения арабизмов в тюркские языки явилось распространение ислама. Если некоторые тюркские народы, например, башкирский и татарский, приняли ислам ещё X–XI вв., то в Карачае и Балкарии вплоть до начала XX в. древние языческие верования занимали значительное место (Джуртурбаев, 1991). Вхождение лексемы *ант* в карачаево-балкарский язык из арабского через посредство других языков также опровергается такими фактами карачаево-балкарской этнолингвокультуры, как широкое использование лексемы *ант* в мифологических текстах, а также в эпосе «Нарты», становление которого, по мнению В. И. Абаева (Абаев, 1957), относится предположительно к эпохе раннего железа, то есть, к VII в. до н. э. — V в. н. э., а значит — гораздо более раннему периоду возможного её заимствования из арабского языка.

Для определения этимона лексемы *ант* значительный интерес представляет реконструкция проведения клятвенного обряда, которая, на наш взгляд, способна пролить свет на этимологизацию лексемы *ант* как номинанта концепта *Ант* в тюркских языках. В этой связи особого внимания заслуживает форма репрезентации данного концепта в тувинском языке, — лексема *таңгырак*⁴, а также вариант *дангырак*⁵ с начальным звонким согласным, не имеющие фонематической близости с репрезентантами концепта *Ант* в других тюркских языках.

Автор «Этимологического словаря тувинского языка»⁶ Б. И. Татаринцев, приводя варианты с финальными звонким и глухим согласными *дангыраг* и *дангырак* со значением «клятва; присяга», отмечает, что приведённые варианты лексем связаны с передачей особенности произношения монгольского языка. Сравнивая данные лексемы тувинского языка с сарыг-югурским *тангырак* «обряд побратимства; названный брат», автор делает вывод, что существительные тувинского и сарыг-югурского языков — монголизмы, и для подтверждения своего мнения приводит примеры из монгольского и калмыцкого языков: *tangariy/тангырак* «клятва, обет; обещание; присяга»; *танһрг* «обет, торжественное обещание; клятва»⁷.

В рамках обсуждаемой проблемы интерес представляют приведённые в «Тувинско-русском словаре» две близкие по фонемному составу лексемы: *донгурак* «складной нож» и *дангырак* «клятва»⁸. Любопытна также пословица, приведённая в этом словаре: *Донгурактан дангырак чидик, тоолай-дан таалай чузурук* «Клятва острее ножа, слово быстрее зайца»⁹.

¹ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі [Толковый словарь казахского языка] / ред. К. Кенесбаев. Алматы: Қазақ ССР Ғылым Академиясының баспасы, 1961. Т. 2. С. 485.

² Киргизско-русский словарь [Кыргызча-орусча сөздүк] / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 906.

³ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. С. 520.

⁴ Русско-тувинский словарь / под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. С. 218.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 147.

⁶ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 2. С. 87–88.

⁷ Там же.

⁸ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 147.

⁹ Там же.

Фонематическая близость названных лексем представляется неслучайной. Мы полагаем, что название ножа *донгурак*, выступающего орудием совершения клятвенного обряда, стало номинацией обряда и клятвы в монгольском и тувинском языках.

Небезынтересен в контексте наших рассуждений бытовавший в древности обычай судопроизводства, отражённый в данной пословице тувинского языка, которая приводится также в сборнике пословиц в несколько ином переводе: *Донгурактан дангырак чидик. Тоолайдан таалай чузурук* 'Клятва ножа острее. Зайца молва быстрее'¹. Е. Е. Иванов в статье, посвящённой анализу абсурдных и парадоксальных пословиц в тувинском языке, со ссылкой на работу Г. Н. Курбатского, обобщает объективированный в пословице обряд, в соответствии с которым «подозреваемый должен был принести клятву-присягу в своей невиновности, после чего его подвергали жестоким пыткам-испытаниям» (Иванов, 2022: 1378). Автор отмечает, что самым страшным испытанием считалась клятва на ноже, при которой обвиняемый, держа во рту нож, клялся: «Если я лгу, пусть этот нож войдёт в меня и перережет все внутренности ...» (Курбатский, 2001: 235).

В этой связи заслуживает внимания то, что у многих народов оружие часто использовалось в качестве инструмента, сопровождающего совершение клятвы, что даёт большую вероятность метонимического переноса² названия оружия на номинацию клятвенного обряда и клятвы. Г. Н. Потанин также отмечает, что во время клятвенного обряда урянхайцы (тувинцы) лижут лезвие ножа, а «обряд заключения братства называется тангуракъ (нож, лезвие)» (Потанин, 2005: 39).

Приведённые выше примеры, а также мнение авторов лексикографических источников, дают нам основание утверждать, что имя концепта *Дангырак* в тувинском языке, восходящее к монгольскому слову *тангырак*, этимологически связано с названием орудия совершения клятвенного обряда — ножа, тогда как название данного концепта в карачаево-балкарском языке происходит от другого средне-монгольского слова *анда* 'клятва'³, в котором актуализируется клятва как слово, даваемое друг другу во время обряда. По всей видимости, поэтому в карачаево-балкарском языке как синонимы используются выражения *ант эт* и *ант сёз бер* 'клясться, божиться, давать зарок, зарекаться'⁴.

В рамках рассматриваемой проблемы достойно внимания также мнение О. А. Мудрака, который в работе, посвященной анализу раннесредневековой поэзии, записанной Махмудом Кашгарским, отмечает, что в «Диван Лугъат ат-Турк» «удалось обнаружить довольно большое количество монгольских заимствований в караханийском языке, характерном как для Махмуда Кашгарского (МК), так и для Юсуфа Баласагунского (QB — «Кутадгу Билиг»)» (Мудрак, 2012: 34). Это, как считает автор, является свидетельством тесных контактов между монголами и тюрками до монгольских завоеваний. В числе примеров, приведённых автором из «Диван Лугъат ат-Турк», есть и такое четверостишие:

*bičyās bitig qilurlar
andgej jeme berürler
xandın basut tilerler
basmil cömel tergeši*

'Малые (люди) ставят подписи.
Присягу еще дают.
От начальства ищут покровительства.
Подчиненные все строятся в ряды'⁵.

Используемое в данном четверостишии слово *andgej*, по мнению О. А. Мудрака, монгольского происхождения: «монголизм *andgej* < *andaGaj* 'клятва, клятвенное обещание; присяга' — этимологи-

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тув. кн. изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 26.

² Под метонимическим переносом понимается перенос наименования на основе соположенности, сопредельности предметов и явлений, вовлечённых в одну ситуацию.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 151.

⁴ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁵ Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi / Çeviren Besim Atalay. 3. Baskı. Cilt I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları: 521, 1992. S. 459.

⁶ Перевод О. А. Мудрака.

ческое соответствие тюрк. *ant* 'побратим'» (Мудрак, 2012: 41). Близкая фонематическая форма лексемы *андаҥар* 'клятва' встречается в современном якутском языке¹.

Мы поддерживаем мнение Э. В. Севортяна о происхождении лексемы *ант* как основного номинанта концепта *Ант* от средне-монгольского слова *анда* 'клятва'². Весьма интересными с точки зрения семантического развития этимона представляются приводимые в этом словаре сопоставления тюркского *ант/анд* с домонгольским *анда* 'побратим' и средне-монгольским *анда* 'клятва'³. Полагаем, что идея побратимства, репрезентированная в домонгольском слове *анда*, получила два вектора развития: в монгольском и тувинском языках в этимоне отражено название орудия совершения клятвенного обряда *донгурак* 'складной нож'⁴, в карачаево-балкарском — слово-клятва *ант*, произносимое во время обряда, как и в средне-монгольском *анда* 'клятва'.

Основанием неарабского происхождения лексемы *ант*, на наш взгляд, могут служить и следующие факты: а) в «Древнетюркском словаре», отражающем лексику тюркоязычных памятников VII–XIII вв.⁵, а также в «Диван лугат ат-турк», включающем в себя лексику X–XI вв.⁶, представлена лексема *ант*; б) в мифологических текстах карачаево-балкарского языка, а также эпосе «Нарты», ядро которого предположительно относится к VII в. до н. э. — V в. н. э., широко используется лексема *ант*.

Итак, данные анализа различных подходов к решению проблемы этимологизации лексемы *ант* в тюркских языках подтверждает происхождение данной лексемы в карачаево-балкарском языке от средне-монгольского слова *анда* 'клятва'.

Концепт-словоформа

Концепт *Ант* в карачаево-балкарском языке объективируется лексемой *ант*, которая в словарях толкуется как: *кзаргганыу сёз, бир затны этер ючюн берилген сёз* 'клятва, клятвенное обещание, зарок'⁷; 'клятва, обет, зарок, присяга'⁸. В указанном значении используется также слово *кзаргганыу* — имя действия от *кзаргган* 'божиться, клясться'⁹, которое происходит от древнетюркской глагольной формы *qarğan* 'ругать, проклинать'¹⁰.

В карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, *Ант* объективируется не только отдельной лексемой, но и посредством модели *ант* + глагольная форма *ант эт*.

Богат деривационный потенциал репрезентантов концепта *Ант*. Слова, производные от лексемы *ант*, в карачаево-балкарском языке приобрели различные семантические оттенки: *антлы* 'преданный, верный'; *антым* 'клянусь'; *антсыз* 'нечестный, недобросовестный'; *антсызма* 'честное слово' (используется в значении 'клянусь, я не я, если ...')¹¹; *антчы* 'клянувшийся часто'¹². Неко-

¹ Русско-якутский словарь / под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонов. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 228.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 151.

³ Там же.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 147.

⁵ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 520.

⁶ Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi/ Çeviren Besim Atalay. 3. Baskı. Cilt I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları: 521, 1992. S. 459.

⁷ Карачай-малкяр тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁸ Карачай-малкяр-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Сунчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

⁹ Карачай-малкяр тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 582.

¹⁰ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 426.

¹¹ Карачай-малкяр тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1. С. 161–162.

¹² Карачай-малкяр-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Сунчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

торые производные слова развили иные значения, например: *антсыз* '1) клятвopecтyпник, 2) безбожник, 3) сорванец, проказник, баловник, 4) жестокий, немилосердный'¹.

Слова, образованные от лексемы *кзаргга* 'проклинать', кроме возвратной формы глагола и её производных, формально и семантически связаны с древнетюркским словом *qarğa* 'ругать, проклинать', например: *кзарггыш* 'проклятие', *кзарггышылык* 'достойный проклятия, проклятый', *кзарггышычы* 'тот, кто часто проклинает'².

Лексема *ант* широко используется и в устойчивых сочетаниях: *ант этдир* 'ей-богу!'; *ант жетмезлик* 'сорванец, чертёнок'; *ант ургган* 'наказанный (богом)'; *ант ызындан болсун* 'пусть он будет проклят'³.

В современной повседневной речи балкарцев и карачаевцев репрезентанты концепта *Ант* — словоформы *ант этерге* 'клясться' и *кзаргганыргга* 'клясться' — не всегда находят выражение в структуре клятвенной формулы. Вместо предложений с данными словоформами: *Аллах бла кзаргганама, алмагганма* 'Клянусь Богом, я не брала' и *Ант этеме, алмагганма* 'Клянусь, я не брала' в обыденной коммуникации используются их эквиваленты без данных глаголов: *Аллах бир(ди), алмагганма*⁴ 'Ей-богу, я не брала досл. Бог един, я не брала'⁵, *Оллахий, алмагганма*⁶ 'Клянусь, я не брал'. Однако отсутствие глаголов *ант этерге* и *кзаргганыргга* в структуре клятвенной формулы не означает отсутствия смысла, присущего клятве.

Клятвенная формула без данных глаголов в зависимости от целей высказывания может выступать как речевой акт клятвы: *Анамдан ицхен сютюм харам болсун, мен ол жашха болушмасам*⁷ 'Пусть молоко матери будет мне не впрок, если я не помогу этому парню'.

Наряду со словоформами *ант этерге* и *кзаргганыргга* в репрезентации клятвы в карачаево-балкарском языке участвуют клишированные обороты с компонентами *ючюн* 'за', *хакгына* 'в честь', *къачына* 'в честь, во имя', например: *диним хакгына* 'клянусь своей верой (досл. во имя моей веры)'; *Аллах, фйхамбар хакгына* 'именем Аллаха и пророка (клянусь)'; *бу ашны къацына* 'клянусь этой едой (досл. во имя этой еды, уважая эту еду)'; *анамы заны ючюн* 'клянусь душой своей матери (досл. за душу своей матери)', характерные для речи пожилых людей.

Прагматическая цель клятвенной формулы поддерживается упоминанием в её структуре слов — имён кого-либо или чего-либо, жизненно важных, священных для говорящего и адресата. К числу таких имён, выступающих залогом незыблемости клятвы, относятся: *Аллах* 'Бог', *фйхамбар* 'пророк', *дин* 'религия, вера', *Тейри* — верховное божество в карачаево-балкарском языческом пантеоне, *жан* 'душа', *ата* 'отец', *ана* 'мать', *аш* 'пища, еда', *къач* 'честь, уважение', *бет* 'лицо', *сют* 'молоко'. Эти компоненты, несмотря на кажущееся различие, связаны с материальными и моральными основами жизни человека.

В структуре клятвенных формул в обыденной речи балкарцев и карачаевцев содержатся и такие компоненты, как *сау* 'живой, здоровый', *ёлме* 'не умирай': *Мажмудин сау келсин, анга бир хаттам зетмегенди*⁸ 'Клянусь Мажмудином (досл. Пусть Мажмудин вернётся живым), ничего плохого

¹ Там же.

² Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 583.

³ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1. С. 159.

⁴ Записано со слов Манияевой Багъалы Халимовны, 1957 г. р. Проживала в селении Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики.

⁵ Здесь и далее переводы выполнены А. И. Геляевой.

⁶ Записано со слов Мамаева Азрета Магомедовича, 1968 г. р. Место проживания селение Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики.

⁷ Записано со слов Чочаева Абусалама Тамуковича, 1939 г. р. Проживал в селении Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики. В тексте (и далее в текстах) сохранены особенности цокающе-зокающего диалекта карачаево-балкарского языка.

⁸ Записано со слов Жангоразовой Жансурат Османовны, 1936 г. р. Проживала в селении Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики.

я ему не сделала'; *Атам-анам ёлмесин, сенден бир зат бухтурмайма*¹ 'Клянусь отцом и матерью (досл. Пусть не умрут мои отец и мать), я от тебя ничего не скрываю'.

Единицы объективации концепта *Ант* функционируют в различных культурных текстах, относящихся к разным хронологическим этапам. К числу таких единиц относятся приведённые ниже устойчивые сочетания: *юйюнге ант кирсин* досл. 'чтобы в твой дом вошёл ант', *ант жетсин* досл. 'чтоб ант настиг', *ант ургъан* досл. 'ударенный Ант'²; *ант (сени) кзурутсун* досл. 'пусть Ант (тебя) уничтожит'³. Репрезентированная в их внутренней форме информация свидетельствует о глубокой укоренённости в карачаево-балкарском языке мифологических представлений об *анте* как о персонифицированном понятии и, как предполагает С. Кондыбай, о прототюркском божестве⁴. Кроме того, эти сочетания подтверждают, что «язычество предопределило существенные признаки менталитета этноса, его жизненную философию» (Геляева, 2002: 124).

По мнению Г. Г. Слышкина, «чем шире и разнообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним этот концепт является и тем большей ценностной значимостью в границах данного языкового коллектива он обладает» (Слышкин, 2000: 18). Многообразие формальной объективации *Ант* как концепта-словоформы подтверждает это мнение.

Итак, *Ант* как концепт-словоформа в карачаево-балкарском языке репрезентирован лексемами *ант*, *кзаргъаны*, *ант этерге*, *кзаргъаныргъа*, клятвенными формулами, не содержащими данные лексемы, клишированными оборотами с компонентами *ючюн* 'за', *хакъына* 'в честь', *къачына* 'в честь, во имя'.

Концепт-идея

В данном разделе для нас важна актуализация того, что концепты являются «важнейшими идеями культуры, имеющими богатство форм, в том числе словоформ, диалектически связываемыми с человеческой активностью (будучи их результатом и в свою очередь определяющие ее), а также с вещами, материальными объектами, которые воплощают в себе результаты осмысления человеком-создателем этих идей» (Ламажаа, 2023: 16).

Специфику *Ант* как концепта-идеи определяет то, что клятвы представляют собой перформативные⁵ высказывания. Действительно, особенность клятвенной формулы, по мнению автора теории речевых актов Дж. Остина (Остин, 1986), состоит в том, что её понятийную и функциональную основу составляет единство слова и действия, а именно: произнесение клятвенной формулы *ант этеме* 'клянусь' и есть выполнение речевого действия. В языке есть высказывания, которые не описывают и не называют действия, а производят его. «...Соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом»⁶, произнесение которого есть совершение речевого действия, а вид этого действия «звучит» в самом акте речи (Остин, 1986: 22; Арутюнова, 2023: 335).

Если основными номинантами концепта-идеи выступают словоформы *ант* и *кзаргъаны*, то клятва как речевой акт реализуется в словоформах-перформативах *ант этерге* и *кзаргъаныргъа*. Выступая в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени, эти словоформы выражают взятие на себя обязательства: *ант этеме* 'клянусь', *кзаргъанама* 'клянусь'. Поэтому словесное обязательство, на наш взгляд, есть идея концепта.

¹ Записано со слов Мамаевой Аминат Магомедовны, 1954 г. р. Место проживания селение Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

³ Къарачай-малкъар тилни ангълатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁴ Кондыбай С. Арғықазақ мифологиясы [Мифология предказахов]: в 4-х т. Алматы: Дайк-пресс, 2004. Т. 4. Раздел 10. (На каз. яз.).

⁵ Под перформативными понимаются высказывания, равноценные совершаемому действию.

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 372.

В карачаево-балкарском языке базовым концептуальным признаком *Ант* выступает сѣз 'слово, обещание'¹, поскольку человек, связывающий себя клятвой, даёт слово-клятву, обещает, уверяет выполнить взятое на себя обязательство.

Мы полагаем, что в основе культурной идеи концепта *Ант* лежат понятия «слово-обязательство», «слово-уверение», «слово-обещание» быть верным данному слову. Дальнейшее разворачивание этой главной идеи концепта, а именно: в выполнении каких обязательств уверяет клянувшийся — обуславливает воплощение в карачаево-балкарской культуре различных типов клятв: клятвы друзьям, клятвы врагам, клятвы членов суда, клятвы, используемые в обыденной жизни с целью уверения кого-либо в чём-либо.

В текстах тезауруса культуры карачаево-балкарского этноса, начиная с мифологических текстов и заканчивая судопроизводством в XIX в. и в первые десятилетия XX в., представлены различные типы клятв, в которых основная идея концепта *Ант* объективируется отличающимися компонентами смыслового наполнения.

В клятвах друзьям таким компонентом выступает «верность данному слову». К числу клятв и клятвенных обрядов, которые встречаются в мифологических текстах, а также бытуют и в наши дни, относится клятвенный обряд, совершаемый между друзьями. Этот обряд носит название *Чѣп ант* досл. 'Клятва соломинки'². Суть обряда заключается в следующем: двое парней брали соломинку за оба конца и произносили клятву: «Клянусь быть верным в горе и радости ... Если один из них просил другого поддержать в важном (чаще опасном) деле и протягивал соломинку, другой выражал своё согласие тем, что отрывал конец соломинки. При несогласии он не дотрагивался до соломинки. Тогда протягивающий ломал соломинку и кидал на землю, говоря, коли так, то наша дружба разорвана»³.

Примером клятвы врагам является, например, клятва главного героя эпоса «Нарты» Ёрюзмека, который поклялся истребить не только эмегенов⁴, но и божества нартов — Красного Фука⁵.

*Нартны дертин мен да
анга унутмам, ...
Къызыл Фуку, тейри, мен да къутултам!...
Ой, мен да Ёрюзбек болмам,
сен энди жасакъ салсанг,...
Нартны юсюнде андан кѣп а ойнасанг!...!*⁶

‘Его оскорбление нартов я не забуду, ...
Клянусь, Рыжему Фуку я этого не прощу!...
Ой, я Ёрюзбеком не буду, если впредь ты (их)
данью обложишь,... Если ты ещё над нартами
поизмываешься!...’⁷

Основная идея клятвы, обращённой к врагу, репрезентирована не глаголом *клянусь*, а формулой ‘Я Ёрюзбеком не буду, если ...’. Данной клятвой репрезентируется уверение не давать совершать несправедные дела.

Особым смысловым наполнением отличается и клятва-присяга главы стражников третейского суда. Выполняя распоряжение главы суда, он, взяв в левую руку горсть земли и держа в правой руке меч, говорил перед народом следующее:

¹ Къарачай-малкъар-орус сѣзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Сунчуева. М.: Русский язык, 1989. С. 556.

² Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 124.

³ Там же.

⁴ Эмегены — в текстах эпоса «Нарты» многоголовые чудовища, враги героев эпоса.

⁵ Фук — в карачаево-балкарской мифологии одна из трансформаций древнейшего образа покровителя плодородия, в виде «быка ветра», персонаж нартского эпоса.

⁶ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 82.

⁷ Там же. С. 317.

О Аллах!
Этген **антымы** сен буздурма,
Ызымдан аман сёз айтдырма,
Тёрен¹ аллында
бетими кызыртма!²

‘О Аллах!
Не дай мне нарушить мою клятву,
Не дай, чтобы меня вслед осуждали,
Не дай мне краснеть перед Тёре!

В данной клятве объективирован компонент основной идеи концепта — «слово-обязательство» соблюдения клятвы.

Самые ранние свидетельства объективации идеи клятвы мы находим в мифологических текстах и эпосе «Нарты»³, в которых часто встречаются обращения героев к *Тейри* и отдельным божествам как гарантам её исполнения. Клятвы, обращённые к *Тейри*, встречаются в сказаниях, являющихся наиболее архаическим пластом эпоса.

*Тейри! Сени кзулунгма,
Кесим да нарт улума!
Тейри! Санга антлыма,
Бир санга багынама!*⁴

‘Тейри! Я твой раб
Я есть сын нартв!
Тейри! Связан с тобой клятвой, Покоряюсь только
тебе одному!...

К числу клятв, обладающих большой воздействующей силой, фольклористы относят следующую: *Уас, Элия, гезе къачы*⁵, *Татартюп!*⁶ По легенде она «обращена к божеству молнии *Элия* и домику в местечке *Татартюп*, куда водили людей, подозреваемых в воровстве, чтобы они поклялись на цепи. Если подозреваемый был виновен, то он не мог ухватиться за цепь, потому что она поднималась высоко в небо»⁷.

Следующий клятвенный обряд, который встречается в мифологических текстах и использовался балкарцами и карачаевцами вплоть до начала XX в., называется *Таякъ ант* досл. ‘Палочная клятва/присяга’, которая произносилась перед судом Тёре. Это «обряд произнесения присяги, когда присягающие проходили под палкой из ветви почитаемого дерева, которую держали за оба конца двое старейшин»⁸. Не соблюдающих клятву называли *Ант алдагъан*⁹ ‘Клятвопреступник’ досл. ‘лгущий Анту’.

Те же концептуальные признаки, репрезентирующие основную идею *Ант*, представлены и в других составляющих тезауруса культуры карачаево-балкарского этноса — в сказках, лирических и героических песнях:

¹ Тёре — третейский суд.

² Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 125.

³ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

⁴ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 451.

⁵ Къач — в карачаево-балкарской мифологии 1) «крест, образ, икона, честь»; 2) «присяга»; её приносили, стоя в круге, перечёркнутом крестом; 3) метка в виде креста, которую наносили на правую лопатку молодого воина, прошедшего испытательный срок и принесшего присягу».

⁶ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 385.

⁷ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия [Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия]. Нальчик: Эльфа, 1996. С. 54.

⁸ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 478.

⁹ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия [Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия]. Нальчик: Эльфа, 1996. С. 54.

Мен ханны кызыма, сеннге барырга сёз бергеним
эсиге туюп, **антыма** ёлмейим деп келгенме,
эшигни ач¹

‘Я дочь хана, вспомнила, что дала слово выйти
за тебя, пришла сюда, чтобы не нарушить своей
клятвы, открой дверь’.

Ой тузакды дейле,
антым, кзоймайла,
Мени кьолумдагы кзурукьга,
Айжакьны суймей не этейим,
Ол юйретир ариу кылыкьга²

‘Ой оковы, говорят,
клянусь, не оставляю в покое,
О шесте, что в моей руке,
Как же не любить мне Айжакь,
Она научит хорошим манерам’

Анама тууган улан болмаймы,
Бу жашны айтханын кечирсем!³

‘Не буду я сыном своей матери,
Если я прошу слова этого парня!’

Такой компонент идеи концепта, как «слово-обязательство», объективируется и в клятвах воинов, в частности, песнях, посвящённых Великой Отечественной войне. В них отражаются реалии советского времени, исторические события и личности.

Ой, халал тенгим, багьалы тенгим,
Антлы болганьбыз экибиз.
Бир заманда эсингден кетмесин
Присягада сёзюбюз...
Аллах башыбызда, Жуков бизни бла,
Этген муратлагьа жетербиз.
Бир солдатыбызны орнуна биз
Фашистлени гунч этербиз⁴

‘Ой преданный друг, дорогой друг,
Мы связаны с тобой клятвой.
Никогда не забывай о словах,
(сказанных) во время присяги...
Бог над нами, Жуков с нами,
Добьёмся намеченной цели.
Вместо одного нашего солдата
Уничтожим (всех) фашистов’

При рассмотрении *Ант* как концепта-идеи интерес представляет сравнение судебной практики на Северном Кавказе в XIX в. с современным судопроизводством. Если в правовых институтах XIX в. большую роль играли нормы обычного права (Миллер, 1902; и др.⁵), а разные виды клятв расценивались как «способ раскрыть истину», как «форма доказательства» (Миллер, 1902: 42; Абайханова, 2014: 14), то в современном судебном процессе клятва обвиняемого не квалифицируется как правовой документ. Всё это, а также невостребованность произнесения присяги на карачаево-балкарском языке, привели к тому, что *Ант* с течением времени претерпел сужение значения. Однако, являясь частью обычного права карачаево-балкарской культуры, клятва в обыденной речи сохранила такие традиционные компоненты значения, характерные для концепта-идеи, как «уверение», «обещание», «обязательство», хотя лексемы *ант* и *кьаргьаныу* редко используются в клятвенной формуле. «Их появление в языковой структуре маркирует торжественность ситуации...», — отмечают А. И. Геляева и Дж. Дж. Хучинаева (Геляева, Хучинаева, 2015: 76).

¹ Къарачай халкъ таурухла [Карачаевские народные сказки] / сост. С. А. Гочияева, Р. А.-К. Ортабаева, Х. И. Суюнчев. Черкесск: Кар.-Черкесск. кн. изд-во, 1963. С. 185.

² Там же. С. 313.

³ Къарачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 254.

⁴ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия [Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия]. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 307–308.

⁵ Абаев М. К. Балкария // Мусульманин. Париж. 1911. № 14–17. С. 586–627.

Некоторая активность лексемы *ант* наблюдается в средствах массовой информации в связи с военной тематикой, например: *Антларына табыннган жашла бла ёхтемленеме*¹ 'Горжусь ребятами, которые верны своей клятве', *Антына кертчилиги, кишилиги бла айырмалыды*² 'Отличается верностью клятве и мужеством'; *Залим кьуллугъун Сизни эмда аскер антыны намысын тюшюрмей бардырады*³ 'Залим служит, соблюдая верность клятве воина и ответственность перед Вами'.

Итак, *Ант* как концепт-идея находит воплощение в разных составляющих карачаево-балкарской этнолингвокультуры. Ценность данного концепта в культуре подкрепляется такими концептуальными признаками основной идеи клятвы, как «уверение в верности данному слову», «обещание не нарушать клятвы», «уверение выполнить обязательство».

Концепт — социальный регулятор

Ант относится к существенным для карачаево-балкарской культуры ценностным доминантам, который в разные хронологические периоды жизни народа выполнял регулирующую роль в социуме, обуславливая определённый тип поведения человека. Оценочное отношение общества к клятвопреступнику, а также к человеку, верному данному слову, являлось мощным рычагом, организующим социальные взаимоотношения.

В текстах, относящихся к разным историческим этапам, регулирующая роль клятвы представлена по-разному. В историко-культурном плане интерес представляют клятвы членов Тёре, который в конце XIX — начале XX в. в Балкарии и Карачае играл большую роль в решении споров и конфликтов на основе норм обычного права. Например, как приговор, вынесенный себе перед лицом Тёре, выступает клятва-присяга главы третейского суда:

Ант алдагъан болсам...
От тёбеси болайым,
Кюл тёбеси болайым,
Тейриге, адамгъа да
*Аман бетден кёрюнейим!*⁴

'Если я нарушу свою клятву...
Да сгореть мне в огне
Да стать мне пепелищем,
Да презирают меня
Тейри и народ!'

Ант выполнял функцию регламентации деятельности и модели поведения должностного лица. Строгого наказания требовало общество к нарушившему клятву-присягу.

Клятву произносили также избранные в третейский суд люди.

...Башымдагъы кёк бла,
Тюбюмдеги жер бла
Ант этеме!
Кюн бла, Ай бла,
Жерими топурагъы сууу бла...
Ант этеме!
Тытыр ташым, от жагъам бла,
Тукъумум-жугъум бла
Ант этеме!
Антымы тутаргъа,
Тёреге, халкъгъа кертчи болургъа
Ант этеме!⁵

'...Небом, что надо мною,
Землёй, что подо мною
Клянусь!
Солнцем и Луной,
Почвой и водой...
Клянусь!
Родным домом, камнем очага,
Родом и близкими
Клянусь!
Оставаться верным клятве,
Быть честным перед народом и Тёре
Клянусь!'

¹ Темуккуланы А. [Темуккуева А.] Антларына табыннган жашла бла ёхтемленеме [Горжусь ребятами, верными клятвн] // Заман (газета). 2025, 21 июня. № 74 (21587). С. 10 (На балк. яз.)

² Холаланы М. [Холаева М.] Антына кертчилиги, кишилиги бла айырмалыды [Отличается верностью клятве и мужеством] // Заман (газета). 2026, 14 февраля. № 18 (21687). С. 2 (На балк. яз.).

³ Там же.

⁴ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 125.

⁵ Там же.

Эти клятвы, акцентирующие официальность ситуации, отличаются обязательностью использования клятвенной формулы *ант этеме*, тогда как в неформальной речи данная лексема встречается редко при сохранении прагматической цели высказывания.

Не все клятвы требовали такой жёсткой регламентации. Например, у балкарцев и карачаевцев существовал обычай клясться хлебом. Клятвенный обряд заключался в том, что испечённый хлеб вытаскивали из золы, прижимали к груди и произносили клятву: *Муну къачы мени урсун...* 'Этим хлебом клянусь досл. Пусть покарает меня честь этого хлеба, если...'¹. Этот клятвенный обряд репрезентирует также принятое в данном обществе отношение к хлебу как к священному объекту. В традиционной культуре ненадлежащее обращение с хлебом порицалось обществом. Поэтому клятва хлебом с небольшой трансформацией обряда используется в повседневной жизни и сегодня.

С принятием ислама в Балкарии и Карачае изменился порядок проведения клятвенного обряда. Клятва на Коране, её регулирующая роль заключалась в закреплении сказанных слов, что служило гарантией надёжности и нерушимости клятвы. Приведём вариант клятвы на Коране, записанный со слов информанта:

*Бу кзуран бла ант этеме жамауатны аллында бу адамны терс болмаганына. Ётюрюк айта эсем, мени Аллах урсун!*²

'Перед народом клянусь этим Кораном, что этот человек не виновен. Если я говорю неправду, пусть Бог меня покарает!'

Особый интерес с точки зрения динамики клятвенного обряда представляет статья В. Прёле, где описан сегмент обряда сватовства у карачаевцев (Pröhle, 1909). Хотя в описании В. Прёле нет клятвенных формул, весь контекст обряда, а также обещания отцов жениха и невесты в присутствии муллы, совершающего обряд и выступающего гарантом его исполнения, репрезентируют одну из форм бытования концепта *Ант* в карачаево-балкарской этнолингвокультуре и выполнения им регулирующей функции.

В современной карачаево-балкарской культуре, вопреки тому, что в обыденной коммуникации редко используются лексемы *ант этерге* и *кзаргъаныргъа*, соблюдение предписанных клятвой норм относится к неписанным правилам поведения. Широкое использование в повседневной речи таких синонимичных клятве словесных формул, как *сёз береме* 'даю слово'; *бойнума алама* 'обязуюсь выполнить (досл. беру на свою шею)', свидетельствует о незыблемости основной идеи клятвы — слова-обязательства, которое является ментальной установкой, выступающей ориентиром поведения в социальных отношениях: *Охо, Шахадат, Сейитланы ишлерин бу ыйыкда кзуаргъа мен боюнума алама*³ 'Хорошо, Шахадат, я обязуюсь (даю слово) организовать дело Сейита и других на этой неделе'.

Итак, в социальной жизни *Ант* в разной степени объективирован как концепт-регулятор. Жёстко регламентированная регулятивная функция концепта *Ант* проявляется в официальных обстоятельствах. Ситуации неформального общения, не требуя жёсткой регламентации и использования основных репрезентантов концепта, предписывают следование нормам обычного права.

Репрезентанты в тюркских языках

Сравнение репрезентантов концепта *Ант* карачаево-балкарского языка с его номинантами в тюркских языках способствует расширению понимания исторических и культурных взаимосвязей между тюркскими народами и выявлению возможных векторов формальной и семантической эволюции базовых концептов в результате проживания народов в разных географических ареалах. Кроме того, такое сравнение поможет выявить векторы развития данного концепта в тезаурусе карачаево-балкарской культуры.

¹ Къарачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 54.

² Записано со слов Чочаева Абдуллы Тамуковича, 1921 г. р. Проживал в селении Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики.

³ Боташланы И. Ж. [Боташев И. Ж.] Пъесала [Пьесы]. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 141.

Посредством метода аппликации словарных статей лексемы *ант* в разных тюркских языках выявлено, что концепт *Ант* в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, объективируется как отдельными лексемами, так и моделью *ант* + глагольная форма: *ант эт* 'клясться, божиться, давать зарок, зарекаться'¹, *ant etmek*, *ant içmek*² 'клясться'.

Анализ словарей тюркских языков показывает, что имя концепта *Ант* — лексема *ант* с вариациями фонем *ант/анд/онт* встречается главным образом в юго-западных тюркских языках: в азербайджанском³, башкирском⁴, казахском⁵, каракалпакском⁶, карачаево-балкарском⁷, киргизском⁸, кумыкском⁹, ногайском¹⁰; татарском¹¹, турецком¹², уйгурском¹³, узбекском¹⁴.

Лексема *кзаргъануу* является специфическим номинантом концепта *Ант* карачаево-балкарского языка. Возвратная форма глагола *кзаргъан* реализует значение 'клясться' только в карачаево-балкарском¹⁵ и шорском¹⁶ языках.

Во многих тюркских языках все образования от глагола *qarğa* сохранили представленное в «Древнетюркском словаре» значение 'проклинать, ругать'¹⁷. Например, в современном тувинском языке, как глагол *каргаар* / *карга* '1) проклинать; 2) ругать, бранить', так и образованные от него залоговые формы: *каргадыр* / *каргат*; *карганыр* / *карган* и производные *каргыш* 'проклятие' и *каргыштыг* 'проклятый', не связаны со значением клятвы, а реализуют семантику проклятия¹⁸.

Сравнение карачаево-балкарских лексем *ант* и *кзаргъануу* с репрезентантами данного концепта в языках тюркских народов, населяющих восточные регионы России, показывает, что из используемых в них слов *черт*¹⁹, *сирт*²⁰, *шерт*²¹, в современном карачаево-балкарском языке сохранилось слово *шарт*, которое развило значения, не связанные или отдалённо связанные с данным концептом: *шарт* '1. Условие, обстановка. 2. Свойство, признак, черта. 3. Пример, факт. 4. Правда, истина',

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эльфа, 1996. Т. 1. С. 159.

² Турецко-русский словарь / под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. С. 57.

³ Русско-азербайджанский словарь / под ред. А. Г. Оруджева. Баку: Азернешр, 1955. С. 154.

⁴ Русско-башкирский словарь: в 2-х т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1. А–О. С. 466.

⁵ Русско-казахский словарь / под общ. ред. Н. Т. Сауранбаева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. С. 278.

⁶ Русско-каракалпакский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 342.

⁷ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁸ Русско-киргизский словарь / под ред. К. К. Юдакина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. С. 284.

⁹ Кумыкско-русский словарь / под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2013. С. 29.

¹⁰ Русско-ногайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. С. 251.

¹¹ Русско-татарский словарь: в 4-х т. / глав. ред. Н. К. Дмитриев. Казань: Татарское книжн. изд-во, 1971. Т. 1. С. 43.

¹² Турецко-русский словарь / под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. С. 57.

¹³ Русско-уйгурский словарь / под ред. Т. Р. Рахимова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. С. 484.

¹⁴ Русско-узбекский словарь / под ред. Р. Абдурахманова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. С. 294.

¹⁵ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 582.

¹⁶ Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. С. 23.

¹⁷ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 426.

¹⁸ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 229.

¹⁹ Русско-алтайский словарь: около 33 000 слов / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. С. 246.

²⁰ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 472.

²¹ Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. С. 23.

шарт II 'Ясно, отчётливо'¹. В карачаево-балкарском языке реализуется лишь одно значение лексемы *şart* 'условие', зафиксированное в «Древнетюркском словаре»².

В карачаево-балкарском языке не используются также характерные для ряда тюркских языков слова арабского происхождения *نيمين* [йамин] *uemin*³ 'клятва, присяга' и *қасам/касам/سقلامسقى* [qsm]⁴ 'клятва'. Последнее в карачаево-балкарском языке приобрело форму *кесамат* и отличается значительным расширением семантики: '1. Решение, соглашение, договор, 2. Мнение, утверждение, 3. Умение, 4. Оценка, суждение'⁵.

Проведённый анализ номинантов концепта Ант в карачаево-балкарском языке сквозь призму тюркских языков свидетельствует о том, что основной номинант концепта — лексема *ант* сохранила формальное и смысловое единство с тюркскими языками юго-западного ареала. Второй номинант данного концепта *къаргъаныу* от древнетюркского глагола *qarğan* обнаруживает со многими тюркскими языками только формальную общность, поскольку в этих языках, как в «Древнетюркском словаре» и «Диван лугат ат-турк», все формы от глагола *qarğan* связаны с семантикой проклятия, а не клятвы.

Лексемы *şart*, *қасам*, *uemin*, используемые в других тюркских языках в значении «клятва», в карачаево-балкарском языке либо не употребляются вовсе, либо сформировали самостоятельные значения, отдалённо соотнесённые с семантикой концепта Ант.

Заключение

Результаты исследования репрезентантов концепта Ант в карачаево-балкарской этнолингвокультуре с точки зрения формы, идеи и функционирования подтверждают, что данный концепт характеризуется многогранностью, обусловленной, во-первых, интеграцией в нём не только особенностей данной этнолингвокультуры, но и общетюркских и монгольских компонентов; во-вторых, объединением элементов, относящихся к разным хронологическим этапам в жизни карачаево-балкарского этноса; в-третьих, представленностью в тезаурусе культуры не только вербальными, но и сопровождающими их иными семиотическими средствами.

Анализ данных лексикографических источников тюркских языков, различных составляющих тезауруса карачаево-балкарской этнолингвокультуры, а также мнений известных тюркологов позволил реконструировать первичную идею концептуализации Ант, репрезентированную лексемой *ант*, восходящей к средне-монгольскому слову *анда* 'клятва'.

Сравнение номинантов концепта Ант карачаево-балкарского языка и других тюркских языков показало, что основное имя концепта — лексема *ант* сохранила формальное и смысловое единство с репрезентантами данного концепта в современных тюркских языках юго-западного ареала. Лексема *къаргъаныу* является специфическим номинантом концепта Ант в карачаево-балкарском языке. Наличие лексем *ант* и *къаргъан* карачаево-балкарского языка в древнетюркских словарях, отражающих лексику VII–XII вв., зафиксированную также в памятниках древнетюркской письменности, свидетельствует о том, что данные слова относятся к наиболее древнему пласту словарного состава карачаево-балкарского языка, восходящего как к собственно тюркской, так и монгольской лексике.

Определено отличие концепта Ант от других концептов, состоящее в том, что его понятийную основу образует единство произнесённой клятвенной формулы и действия, которое создаёт культурную идею концепта Ант.

Проведённое исследование показало, что концепт Ант в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры представлен как динамическая система, концептуальные составляющие которого,

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [В трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эльфа, 1996. Т. 1. С. 973–974.

² Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 520.

³ Турецко-русский словарь / под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. С. 921.

⁴ Борисов В. М. Русско-арабский словарь: около 43000 слов: в 2-х т. М.: Изд-во «Русский язык», 1981. Т. 1. С. 361.

⁵ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 220.

объективируя различные периоды в истории народа, отражают характерные для него социально-культурный опыт, ценности и способы бытования.

Выявлено, что на разных этапах исторического развития в разной степени объективирована регулирующая роль концепта *Ант*, обуславливающая определенный тип поведения в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, В. И. (1957) Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос : Материалы совещания 19-20 окт. 1956 г. / редакция: В. И. Абаев [и др.]. Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во. 232 с. С. 39–56.
- Абайханова, П. И. (2014) Присяга в обычном праве Карачая // Северо-Кавказский юридический вестник. № 2. С. 13–17.
- Апресян, Ю. Д. (1986) Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45. № 3. С. 208–223.
- Арутюнова, Н. Д. (2023) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Ленанд. 384 с.
- Бахтин, М. М. (1996) Собрание сочинений. М. : Русские словари. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. 731 с. С. 159–206.
- Галлямова, Н. Ш. (2010) Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. № 3. С. 16–32.
- Геляева, А. И. (2002) Человек в языковой картине мира. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т. 177 с.
- Геляева, А. И., Хучинаева, Дж. Дж. (2015) Этноспецифическая манифестация клятв и заклинаний (на материале карачаево-балкарского языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1 (17). С. 74–81.
- Дампилова, Л. С. (2022) Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 81. № 3. С. 64–73.
- Джуртубаев, М. Ч. (1991) Древние верования балкарцев и карачаевцев : краткий очерк. Нальчик : Эльбрус. 256 с.
- Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Карабыков, А. В. (2006) Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): в 4 частях» / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово : Юнити. Ч. 3. Вып. 8. 340 с. С. 226–231.
- Карасик, В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 390 с.
- Кормина, Ж. В. (2004) Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. № 1 (33). С. 100–105.
- Курбатский Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре: Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 462 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Ланских, Ю. В. (2022) Брачная клятва как особый вид текста (на материале немецкого языка) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 2 (73). С. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.26456/vtflol/2022.2.094>
- Ляпин, С. Х. (1997) Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1 / отв. ред. (сост.) О. П. Скидан. Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та. 191 с. С. 11–35.
- Мелик-Гайказян, И. В., Мещерякова, Т. В. (2015) Клятва Гиппократа: трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 9. №1. С. 35–44.
- Миллер, Б. В. (1902) Из области обычного права карачаевцев, гл. IV и V // Этнографическое обозрение. Кн. LIV. № 3. С. 67–88.
- Мудрак, О. А. (2012) Поэзия у Махмуда Кашгарского как свидетельство тюркско-монгольских языковых контактов // Вопросы тюркологии. № 2. С. 7–46.

Остин, Дж. Л. (1986) Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII / сост. и вступит. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. 424 с. С. 22-131.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2001) Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8 / отв. ред. И. А. Стернин. Воронеж : Полиграф. 224 с. С. 27-30.

Потанин, Г. Н. (2005) Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск : Изд-во «АкЧечек». 1026 с.

Серль, Дж. Р. (1986) Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII / сост. и вступит. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. 424 с. С. 151-169.

Сидоренко, А. В. (2016) Детская клятва в советскую эпоху: речежанровые характеристики // Жанры речи. № 2. (14) С. 73-79.

Слышкин, Г. Г. (2000) Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / отв. ред. В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. Волгоград : Перемена. 228 с. С. 38-45.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур. 248 с.

Чесноков, И. И. (2013) Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 9 (84). С. 4-7.

Шенцова, И. В. (2021) Концепт «клятва» в шорском языке // Российская тюркология. № 1-2 (30-31). С. 157-165.

Balabekova, K. Ş., Kurmanali, A. A., Otarbekova, J. K. (2024) Kazak halk masallarındaki “ant”, “yemin” ve “vaat” (söz) kavramlarının edimbilimsel görünümü // Ясауи университетінің хабаршысы. № 2 (132). Б. 40-52. (На турец. яз.).

Pröhle, W. (1909) Karatschaische Studien // Keleti Szemle. № 10. S. 215-304.

Дата поступления: 06.10.2025 г.

Дата принятия: 06.04.2026 г.

REFERENCES

Абаев, V. I. (1957) Problems of the Nart Epic. In: *The Nart Epic: Proceedings of the Conference of October 19-20, 1956*, ed. by V. I. Abaev et al. Ordzhonikidze, North Ossetian Book Publishing House. 232 p. Pp. 39-56 (In Russ.).

Abaikhanova, P. I. (2014) The oath in the customary law of Karachay. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*, no. 2, pp. 13-17 (In Russ.).

Apresian, Yu. D. (1986) Performatives in grammar and dictionary. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 45, no. 3, pp. 208-223 (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (2023) *The Sentence and Its Meaning: Logical and Semantic Problems*. Moscow, Lenand. 384 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1996) *Collected Works*. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5: Works of 1940-1960. 731 p. Pp. 159-206 (In Russ.).

Gallyamova, N. Sh. (2010) The speech act of “promise, oath” in the Russian linguistic worldview: linguocultural and functional-pragmatic aspects. *Yazyk i kul'tura*, no. 3, pp. 16-32 (In Russ.).

Gelyaeva, A. I. (2002) *The Human Being in the Linguistic Worldview*. Nalchik, Kabardino-Balkarian University. 177 p. (In Russ.).

Gelyaeva, A. I. and Khuchinaeva, Dzh. Dzh. (2015) Ethnospecific manifestation of oaths and spells (based on the Karachay-Balkar language). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 1 (17), pp. 74-81 (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2022) The genre of oaths in Mongolian-Manchu sources. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 81, no. 3, pp. 64-73 (In Russ.).

Dzhurtubaev, M. Ch. (1991) *Ancient Beliefs of the Balkars and Karachays: A Brief Essay*. Nalchik, Elbrus. 256 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022) Absurd and paradoxical proverbs in the Tuvan language (ontological and logical aspects of proverb semantics categorization). *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373-1388 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Karabykov, A. V. (2006) The speech genre of oath in the history of culture. In: *Changing Russia: New Paradigms and New Solutions in Linguistics: Proceedings of the First International Scientific Conference (Kemerovo, August 29-31, 2006)*, ed. by E. A. Pimenov and M. V. Pimenova. Kemerovo, Yuniti. Part 3, issue 8. 340 p. Pp. 226-231 (In Russ.).

- Karasik, V. I. (2004) *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnozis, 390 p. (In Russ.).
- Kormina, Zh. V. (2004) Military oath: on the history of a performative. *Neprikosnovennyi zapas: Debaty o politike i kul'ture*, no. 1 (33), pp. 100–105 (In Russ.).
- Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore*. Kyzyl, Tuva Book Publishing House. 462 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lanskikh, Yu. V. (2022) Marriage oath as a special type of text (based on the German language). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 2 (73), pp. 94–100 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.2.094>
- Lyapin, S. Kh. (1997) Conceptology: toward the formation of an approach. In: *Concepts. Scholarly Works of the Center for Concept Studies*, issue 1, ed. by O. P. Skidan. Arkhangelsk, Pomor State University Publishing House. 191 p. Pp. 11–35 (In Russ.).
- Melik-Gaikazyan, I. V. and Meshcheryakova, T. V. (2015) The Hippocratic oath: transformation of semantics and revival of pragmatics. *Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, vol. 9, no. 1, pp. 35–44 (In Russ.).
- Miller, B. V. (1902) From the field of customary law of the Karachays, chapters IV and V. *Etnograficheskoe obozrenie*, book LIV, no. 3, pp. 67–88 (In Russ.).
- Mudrak, O. A. (2012) Poetry in Mahmud al-Kashgari as evidence of Turkic-Mongolic language contacts. *Voprosy tyurkologii*, no. 2, pp. 7–46 (In Russ.).
- Austin, J. L. (1986) How to do things with words. In: *New in Foreign Linguistics. Speech Act Theory*, issue XVII, comp. and introd. by I. M. Kobozeva, V. Z. Demyankov; ed. by B. Yu. Gorodetskii. Moscow, Progress. 424 p. Pp. 22–131 (In Russ.).
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2001) The interpretative field of a national concept and methods of its study. In: *Communication Culture and Its Formation*, issue 8, ed. by I. A. Sternin. Voronezh, Poligraf. 224 p. Pp. 27–30 (In Russ.).
- Potanin, G. N. (2005) *Essays on Northwestern Mongolia*. 2nd ed. Gorno-Altai, AkChechek Publishing House. 1026 p. (In Russ.).
- Searle, J. R. (1986) What is a speech act? In: *New in Foreign Linguistics. Speech Act Theory*, issue XVII, comp. and introd. by I. M. Kobozeva, V. Z. Demyankov; ed. by B. Yu. Gorodetskii. Moscow, Progress. 424 p. Pp. 151–169 (In Russ.).
- Sidorenko, A. V. (2016) Children's oath in the Soviet era: speech genre characteristics. *Zhanry rechi*, no. 2 (14), pp. 73–79 (In Russ.).
- Slyshkin, G. G. (2000) Discourse and concept (on the linguocultural approach to discourse studies). In: *Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse*, ed. by V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. Volgograd, Peremena. 228 p. Pp. 38–45 (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The Thin Film of Civilization*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 248 p. (In Russ.).
- Chesnokov, I. I. (2013) The speech act of "oath": origins and primary forms of objectification. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9 (84), pp. 4–7 (In Russ.).
- Shentsova, I. V. (2021) The concept of "oath" in the Shor language. *Rossiiskaya tyurkologiya*, no. 1–2 (30–31), pp. 157–165 (In Russ.).
- Balabekova, K. Ş., Kurmanali, A. A. and Otarbekova, J. K. (2024) The pragmatic representation of the concepts "ant", "yemin" and "vaat" (word) in Kazakh folk tales. *Yasawi universitetinin habarshysy*, no. 2 (132), pp. 40–52 (In Turk.).
- Pröhle, W. (1909) Karachay studies. *Keleti Szemle*, no. 10, pp. 215–304. (In Germ.).

Submission date: 06.10.2025.

Acceptance date: 06.04.2026.

Концепт хээсн 'котел' в лингвокультуре калмыков

Галина Б. Есенова, Тамара С. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

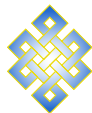
В статье анализируется концепт «хээсн» 'котел' в калмыцкой лингвокультуре (понятийное, образное и ценностное содержание). Языковой материал исследования получен из словарей калмыцкого языка, словарей бурятского и халха-монгольского языков, а также материалов эссе, написанных респондентами-калмыками для исследования в 2025 г.

Установлено, что в калмыцком языке концепт «хээсн» 'котел' имеет разнообразные обозначения, характеризующие его функции, размер, форму, цвет, материал. Номинантом концепта является имя существительное «хээсн», в современном языке не имеющее ограничений в дистрибуции и исторической перспективе. Понятийное содержание концепта: универсальный предмет посуды, реализующий как утилитарную, социальную, так и символическую функции. Образная составляющая концепта: большой, устойчивый, чугунный, черный, многофункциональный предмет для приготовления молочного чая, мяса, араки. Ценностный компонент концепта: значимый элемент картины мира калмыков, локально связанный с очагом, сакральным местом жилища. В калмыцкой культуре положительно оцениваются такие признаки «хээсн» 'котла', как «полный» и «большой», выступающие знаками благополучия, щедрости, хозяйственной состоятельности человека. «Пустой котел» понимается как знак бедности, негостеприимства, социальной неполноценности хозяина; через черный цвет котла негативно оценивается моральный облик человека. Концепт «хээсн» является культурным знаком, в котором отражаются базовые представления калмыков о жизни, пище и социальной норме.

Заключается, что концепт «хээсн» 'котел' в калмыцкой лингвокультуре прошел длительный процесс осмысления: от предмета посуды до «знака человеческих качеств». Зооморфные метафоры, метафоры «цвета», «количества», «полноты», орнитологические образы, а также предметы кочевого быта, осмысленные в устойчивых выражениях с участием вербализаторов концепта, свидетельствуют об оригинальности образного мышления кочевников-степняков и значимом месте концепта «хээсн» 'котел' в картине мира калмыцкого народа.

Ключевые слова: концепт; лингвокультура; калмыцкий язык; калмыки; калмыцкая культура; кочевая культура; хээсн; котел; материальная культура; гостеприимство

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Есенова Г. Б., Есенова Т. С. Концепт хээсн 'котел' в лингвокультуре калмыков // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 400-416. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.23>

Есенова Галина Борисовна — кандидат филологических наук, ведущий специалист научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_gb@gmail.com

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_ts@mail.ru

mail.ru

***Khääsn* ‘cauldron’ as a Concept in the Linguoculture of the Kalmyks**

Galina B. Esenova, Tamara S. Esenova

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article analyzes the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ in Kalmyk linguoculture, focusing on its conceptual, figurative, and axiological dimensions. The linguistic material for the study is drawn from dictionaries of the Kalmyk language, dictionaries of Buryat and Khalkha Mongolian, as well as essays written by Kalmyk respondents in 2025. The study establishes that in Kalmyk the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ has a variety of designations that characterize its functions, size, shape, color, and material. The nominative unit of the concept is the noun “*khääsn*”, which in contemporary usage has no restrictions in distribution or historical perspective. The conceptual content of the term is that of a universal vessel which simultaneously performs utilitarian, social, and symbolic functions.

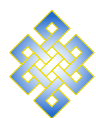
The figurative component of the concept comprises a large, stable, cast-iron, black, multifunctional item used for preparing milk tea, meat, and *araka*. Its value component is that of a significant element in the Kalmyk worldview, locally connected with the hearth as the sacred place of the dwelling. In Kalmyk culture, such features of “*khääsn*” ‘cauldron’ as “full” and “large” are positively evaluated as signs of prosperity, generosity, and the economic competence of the owner. A “empty cauldron” is interpreted as a sign of poverty, lack of hospitality, and social deficiency of the host; the black color of the cauldron can be associated with a negative moral evaluation of a person. The concept “*khääsn*” functions as a cultural sign that reflects basic Kalmyk ideas about life, food, and social norm.

The article concludes that the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ in Kalmyk linguoculture has undergone a long process of reinterpretation, from a household vessel to a “sign of human qualities.” Zoomorphic metaphors, color, quantity, and fullness metaphors, ornithological images, as well as items of nomadic everyday life, which are conceptualized in stable expressions with the participation of verbalizers of the concept, testify to the originality of the figurative thinking of steppe nomads and to the significant place of the concept “*khääsn*” ‘cauldron’ in the worldview of the Kalmyk people.

Keywords: concept; linguoculture; Kalmyk language; Kalmyks; Kalmyk culture; nomadic culture; *khääsn*; cauldron; material culture; hospitality

Financing

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00703 «Research on Turkic and Mongolian Material Culture Vocabulary Related to Household Utensils and Dishes: A Comparative Historical Aspect».

For citation:

Esenova G. B. and Esenova T. S. *Khääsn* ‘cauldron’ as a Concept in the Linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 400-416. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.23>

ESENOVA, Galina Borisovna, Candidate of Philology, Leading Specialist, Scientific Department, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin Str., 358000, Elista, Russia. E-mail: esenova_gb@gmail.com

ORCID: 0009-0004-3001-0100

Esenova, Tamara Sarangovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin Str., 358000, Elista, Russia. E-mail: esenova_ts@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7655-7751

Введение

Актуальность статьи определяется интересом современной науки к изучению концептов материальной культуры как важной составляющей картины мира этноса. В отличие от концептов, выражающих определенные идеи, предметные концепты имеют конкретную денотативную основу, однако их содержание не исчерпывается утилитарной функцией. Такие концепты содержат совокупность представлений, обусловленных практикой использования предмета в ежедневном обиходе, его символикой и культурной ценностью (Карасик, 2002; и др.¹).

Специфика предметных концептов заключается в их природе: с одной стороны, они связаны с материальной деятельностью человека, с другой — выступают как носители культурных смыслов, «сгустки культуры в сознании человека» (Степанов, 2004: 42). Наиболее ярко эта особенность проявляется в культуре кочевников, у которых ограниченный набор вещей выполняет широкий спектр функций. Из-за кочевого образа жизни утварь номадов должна быть универсальной, прочной и мобильной. А так как пища является базовой потребностью человека, посуда, связанная с приготовлением еды, используясь ежедневно для разных функций, занимает значительное место в их жизни. Посуда участвует и в выполнении человеком важных социальных функций: гостеприимстве, поддержании родственных отношений, распределении пищи. Именно поэтому в лингвокультурологии предметы посуды рассматриваются как концепты, которые отражают базовые ценности этноса (Wierzbicka, 1992), а их обозначения — как важные единицы языковой картины мира (Sharifan, 2011, 2017), участвующие в символике традиционной культуры (Эрдниева, 1985; Эрендженев, 1980; Жуковская, 2002; Ользеева, 2003; Бадмаев, 2005; Душан, 2016; и др.).

Среди предметов домашней утвари, связанной с приготовлением пищи, у кочевников особенно ценился котел, который имел разные названия в разных языках. В большинстве монгольских языков этот предмет обозначается именем существительным *тогоон*, которое восходит к старописьменному «ТОУУАН [*toyu-yan]: халх.², бур.³ *тогоон*, бао.⁴ *тубун* (*тэхон*), даг.⁵ *тувā* (*тугā*), дунс.⁶ *тубан*, мнгр.⁷ *туᠮᠣᠨ* 'котёл'»⁸; в тюркских языках обозначается именем существительным *паш* 'чугунная чаша, котел' — в тофаларском, сойотском, хакасском, тувинском языках⁹, *казан* — алтайском, башкирском, казахском языках¹⁰.

Концепт *хээсн* 'котел' в калмыцкой лингвокультуре занимает важное место, что определяется его связью с потребностной и социальной сферами, а пространственно через огонь/очаг — с сакральным местом жилища. Концепт *хээсн* осмыслен в практике гостеприимства, социальной коммуникации и представлен в разных языковых единицах (словах, словосочетаниях, пословицах, поговорках, загадках, эпическом тексте и др.).

Цель статьи — лингвокультурологический анализ концепта *хээсн* 'котел'. Задачи исследования: а) анализ понятийного содержания концепта *хээсн* 'котел' в калмыцком языке, б) изучение его образного компонента, в) анализ ценностной составляющей ментального объекта *хээсн* 'котел'.

Историография темы свидетельствует о существующем интересе ученых к исследованию названий посуды и домашней утвари в калмыцком языке (Рассадин, 2017; Мулаева, 2018; Трофимова, Мухаринов, 2025), однако концепт *хээсн* до настоящего времени не становился объектом специального лингвокультурологического анализа. Это определяет научную новизну и актуальность проведенного анализа.

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие. М.: Academia, 2001.

² халх. — халхаский язык.

³ бур. — бурятский язык.

⁴ бао — баоаньский язык.

⁵ даг. — дагурский язык.

⁶ дунс. — дунсянский язык.

⁷ мнгр. — монгорский язык.

⁸ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3. С. 168.

⁹ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 51.

¹⁰ Баскаков Н. А. Русско-алтайский словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1964. С. 261; Русско-башкирский словарь: в 2 т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. С. 439; Бектаев К. Б. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Издательство «Алтын Казына», 1999. С. 558.

Теоретико-методологическую базу исследования составили положения этнолингвистики о связи предметных концептов с материальной культурой и традиционным бытом (Толстой, 1995), лингвоконцептологии о языке как о средстве хранения и репрезентации культуры (Воркачев, 2004; Карасик, 2009; Красавский, 2001; Ламажаа, 2023; Слышкин, 2004; Степанов, 2004, 2007; Wierzbicka, 1992; Sharifian, 2011, 2017).

Языковой материал исследования составили данные, извлеченные методом сплошной выборки из имеющихся словарей калмыцкого языка¹, в необходимых случаях — из словарей бурятского и халха-монгольского языков², а также материалы эссе, отражающие функционирование концепта в сознании современных носителей калмыцкой лингвокультуры. Организация написания эссе проводилась в г. Элисте в ноябре 2025 г.; участвовало 16 женщин и 15 мужчин в возрасте от 41 до 82 лет, представляющие разные социальные слои (пенсионеры, работники аграрной, образовательной, торговой, правоохранительной, медицинской и др. сфер). Им было предложено написать мини-сочинение на калмыцком языке на тему «*Хэасн тускар санхла, ухандм орна...*». Когда я думаю о котле, я представляю себе...». Подобный подход уже использовался авторами для анализа других концептов (Есенова Г. Б., Есенова Т. С., 2025).

Собранный языковой материал исследовался с привлечением лексико-семантического, дистрибутивного, компонентного и интерпретативного методов анализа.

Анализ понятийного содержания концепта

Лексико-семантический анализ собранного методом сплошной выборки языкового материала позволил установить номинативное поле ментального образования *хэасн* 'котел'. Оно включает *хэасн* 'котел'³, *бакрсн* 'котел'⁴, *бакрсн* 'котел плоскодонный'⁵, *таңз* 'котел'⁶, *бакрсн* (*бакрсн*) 'котел с плоским дном'⁷, *лоңх* 'медный котел'⁸, *цө хэасн* 'чугунный котел'⁹, *тавг хэасн* — *төмр тулһта хот кедг ик, гүн*

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016.

² Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV; Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улаан-Удэ: «Республикын хэблэлэй үйлэдбэри» гжэ бүлгэмэй хэблэл, 2006.

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 587; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 395; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 360; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 344; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 130; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283-284.

⁴ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 46; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 90; Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 78.

⁵ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 78.

⁶ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178.

⁷ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 46; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 126; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 280.

⁸ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 128; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638.

йоралта, төгрг сав 'большой круглый, с глубоким дном котел для приготовления пищи, установленный на железном треножнике'¹. П. Смирнов, автор русско-калмыцкого словаря середины XIX в., приводит два слова для обозначения разных по размерам котлов: *хаисун* 'большой котел' и *тоһон* 'малый котел'². Имеющиеся словари калмыцкого языка лексему *тоһон* не фиксируют; отметим, что в родственных халха-монгольском и бурятском языках этот вид посуды обозначается *тогоо(н)*³.

Как видим, среди обозначений концепта есть единицы, которые в современной разговорной речи калмыков не употребляются и не регистрируются некоторыми источниками (*таңг, лоңх, тоһон*); отмечаются различия в семантике некоторых единиц (*бакрсн*); сочетанием существительного *хаасн* с другими словами обозначаются разновидности *хаасн* — все это свидетельствует о длительном процессе осмысления данного концепта калмыцким языковым сознанием. По нашему мнению, в калмыцком языке номинантом изучаемого концепта является имя существительное *хаасн*, поскольку оно используется в разных сферах и стилях, образует словосочетания, детализирующие разновидности *хаасн* и обозначающие важнейшие действия человека, связанные с ним.

Согласно лексикографическим источникам калмыцкого языка, *хаасн* имеет значение 'котел'⁴. В «Толковом словаре традиционного быта калмыков» и «Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков» *хаасн* определяется как 'котел', 'чугунная посуда для приготовления пищи'⁵.

Данная лексема употребляется с именами прилагательными (*ик хаасн* 'большой котел'), числительными (*нег хаасн* 'один котел'), местоимениями (*мана хаасн* 'наш котел'), глаголами (*хаас нерх* 'ставить котел'); в художественных (*Ца көвәһәрн көөстәд, хаасн дотран зөв эргәд шишгәд бәәнә — Эрнәжәнә К.* 'Чай по краям стал закипать, в котле перемешиваясь по правой стороне — Эрндженов К.⁶), разговорных (*кезәнә хальмгуд өрүн болһн хаасндан ца буслһдг билә* 'раньше калмыки каждое утро в котле чай варили'⁷), фольклорных (*хойр хөөнә толһа нег хааснд чандг уга* 'головы двух овец в одном котле не варят'⁸), научных (*эрк биш гер болһнд бәәдг юмнь — цө хаасн, түүндән цуг шалдрң хотан кедг* 'в каждом доме то, что есть, — чугунный котел, в нем готовили все виды жидкой пищи', см.: Амулакова, 2003: 14) текстах. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» слово *хаасн* встречается 5 раз (Тодаева, 1976: 453).

Лексема *хаасн* может сочетаться с другими словами для обозначения разновидностей данного вида посуды: *цө хаасн* 'чугунный котел', *тавг хаасн* — *төмр тулһта хот кедг ик, гүн йоралта, төгрг сав* 'большой круглый, с глубоким дном котел для приготовления пищи, установленный на железном треножнике'¹⁰. В языке ойратов Синьцзяна путем сочетания данной лексемы со словом *тулһа*

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

² Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. С. 176.

³ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV. С. 1373; Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улаан-Удэ: «Республикын хэблэлэй үйлэдбэри» гэжэ бүлгэмэй хэблэл, 2006. С. 241.

⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 587; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 344; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 360; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 178; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 395.

⁵ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 130; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283–284.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 360.

⁷ Полевые материалы Т. С. Есеновой, 1999 г.

⁸ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. С. 587.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638.

¹⁰ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129.

образуется бином *хээсен-тулһа* 'хозяйственная утварь, домашняя утварь'¹, т. е. отмечается расширение значения исходного слова.

На базе лексемы *хээсн* образуются глагольные словосочетания: *хээс нерх* 'ставить котел'; *хээс бэрх* а) 'заниматьсястряпней, готовить кушанье'; б) 'быть поваром'². О важности понятия, обозначенного лексемой *хээсн*, свидетельствует активное использование слова в фольклоре калмыков. Так, в загадке *Хээснь бичкн, хашнь амтәхн* 'Котел маленький, каша вкусная (ухан ум)'³, в пословице *Эврәннь махан күүнә хээснд чанулх* 'Позволять кому-либо обижать близкого человека, позволять кому-либо издеваться над ближним (букв. 'свое мясо давать варить в чужом котле')'⁴ прослеживается перенос значения. Таким образом, в лексеме *хээсн* отмечается переход от предметного значения к культурному.

Этнографические данные подтверждают ключевую роль *хээсн* в традиционном быту калмыков. По сведениям этнографов, культурологов, в прошлом в каждой калмыцкой семье имелся чугунный котел, в котором готовили все блюда (Эрдниев, 1985: 178; Амулакова, 2013: 14). «Самая необходимая посуда всякой калмыцкой семьи — чугунный котел (хайсун), который служил для варения всякой пищи» (Житецкий, 1893: 7). «Лишь богатые семьи имели особые котелки для чая» (Эрдниев, 1985: 178), *цяигин хайсын* 'котел для чая' (Житецкий, 1893: 7). В. И. Рассадин отмечает, что пища у монгольских народов, в том числе и калмыков, готовилась попеременно в одном котле, который использовался для приготовления всех блюд (Рассадин, 2017: 98) (фото 1).

Фото 1. Хээсн 'котел' из коллекции Национального музея Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова. Фото Т. С. Есеновой, 2026 г.

Photo 1. Khääsn 'cauldron' from the collection of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov.

Photo by T. S. Esenova, 2026.

¹ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 395.

² Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 587.

³ Там же.

⁴ Там же.

Ключевое место котла в культуре калмыков-кочевников обусловлено его многофункциональностью: он обеспечивал практически все основные пищевые процессы в традиционном хозяйстве скотоводов. Прежде всего, *хээсн* ежедневно использовался для приготовления чая, самого излюбленного напитка нашего народа, который варят по особому рецепту с добавлением соли, масла, заварки, молока. Монгольские народы относят молочный чай к *цахан идэн* 'белой пище', в связи с сакральностью белого цвета в культуре монгольских этносов чай оценивается как благословенный напиток, а предмет посуды, в котором он готовится, — как счастливый сосуд с благословенной *цахан идэн* 'белой пищей'.

В том же котле калмыки варили мясо, основную пищу скотоводов. В котле «баранина всегда занимает две трети котла, а остальное — вода... <...> обилие мяса дает вкусный суп», — писал П. Смирнов (Смирнов, 1999: 68).

Кроме того, в *хээсн* калмыки гнали молочную водку *араку*, которой отводится важное место в обрядовой практике. Так, *араку* использовали в мероприятиях жизненного цикла, в частности, при сватовстве. *Күүкнд эрк зөөлһн* 'сватовство' проходило в несколько этапов, которые назывались *нег бортх эрк* 'одна кожаная фляга араки', *хойр бортх эрк* 'две кожаные фляги араки', *хурвн бортх эрк* 'три кожаные фляги араки'.

Центральным элементом сложной системы варения араки был котел: *Чигэг ик хээснд кеһэд, дорнь хал түлэд, буслһад, уурнь цорһин нүкэр гүүһэд, оңһица киитн уснд тэвсн бэкрснд дусад, эрк болна* 'В большой котел наливают кумыс и ставят на огонь. Когда кумыс закипает, пар по перегонной трубе стекает в плоскодонный котел, установленный в корыте с холодной водой, где он охлаждается и получается водка-арака'¹. В данном описании можно отметить обозначения, называющие разные котлы: *ик хээсн* 'большой котел' и *бэкрсн* 'плоскодонный котел'.

И. Житецкий называет следующие предметы, используемые в процессе варения араки: большой чугунный котел (*арькин хайсын*), малый котел (*арькин бакрыс хайсын*), деревянные крышки (*бюркесен*), искривлённый деревянный полый цилиндр (*цорго*), деревянное корыто (*онгоцо*), сбитое из досок и играющее роль холодильника; *амсур* — маленькая палочка в палец толщиной, в расщелине одного конца которой продет пучок шерсти; посредством *амсура*, проводимого в меньшее отверстие малого котла, узнают, готова ли водка. Полный комплект посуды для варения араки был у более или менее состоятельных калмыков. У бедняков приспособления для винокурения были по частям (Житецкий, 1893: 8).

По свидетельству П. Смирнова, «однихотонцы, узнавши, что в какой-нибудь кибитке "сидят водку", без приглашения приходят и садятся полукругом около котла. <...> Когда "тепленькое" бывает готово, то хозяин обязан угостить всех присутствовавших при винокурении настолько, насколько хватит всего количества выделенной водки» (Смирнов, 1999: 68). Значит, котел, вокруг которого собираются люди, становится символом единения, а угощение содержимым котла — знаком щедрости, гостеприимства. Следовательно, котел в культуре калмыков не только предмет, в котором готовится пища, он имеет особую функцию — производство напитков, имеющих социальное значение: объединение людей и совместная трапеза. Социальная функция *хээсн* иллюстрируется в фольклорных текстах, усиливая аксиологический аспект концепта, о котором более подробно будет сказано в соответствующем разделе статьи.

Еще об одной функции котла сообщает автор XIX в.:

«Проезжая степями по местам, где сидели *хотоны*, можно с достоверностью определить, сколько котлов молока перегнано в водку. При винокурении на каждый котел из глины делают круглые пирамидки. <...> глиняную пирамидку снимают с отверстия, сушат под котлом и хранят в кибитке. В случае перекочевки в другое место сухие пирамидки оставляют на местах прежних кочевков — в доказательство благополучия, которым на тех местах пользовались как стада, так и сами скотоводы» (Смирнов, 1999: 68).

Здесь функция котла — мера содержимого.

Итак, в калмыцком языке концепт *хээсн* имеет разнообразные обозначения (*хээсн*, *тэңг*, *бэкрсн*, *бакрсн*, *лоңх*, *цө хээсн*, *тавг хээсн*), именем концепта является имя существительное *хээсн*, нейтраль-

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 103; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 257.

ное с точки зрения временной перспективы, употребляющееся в разных стилях речи и сферах. Особенности кочевой жизни калмыков обусловили универсальность *хээсн*: в нем попеременно варили мясо, чай, гнали араху. Понятийное содержание концепта: многофункциональный предмет посуды, реализующий как утилитарную, социальную, так и культурную функции.

Анализ образного компонента

Будучи главным, универсальным предметом, в котором готовилась пища, *хээсн* 'котел' занимал центральное место в хозяйственной системе калмыков-скотоводов. В кочевом быту предпочтение отдавалось прочным материалам: дереву, коже, чугуну, не использовались легко бьющиеся предметы, стеклянная, керамическая посуда.

Рассмотрим характерные признаки *хээсн* 'котел' путем лексико-семантического и контекстуального анализа обозначений концепта. Важным признаком этого вида сосуда является материал — чугун, обеспечивающий его прочность, долговечность и устойчивость. Чугунный котел обозначается словосочетанием *цө хээсн* или одним словом *хээсн* 'котел'. По форме дна выделяются котлы с плоским дном — *бэкрсн* (*бакрсн*)¹ и котлы с глубоким дном — *тавг хээсн*².

Следующим признаком *хээсн* 'котла' является размер, как правило, большой, который обозначается словосочетанием *ик хээсн*. Большой объем котла позволял готовить значительное количество пищи, что было необходимо как для семьи, так и при коллективной трапезе на мероприятиях с участием большого количества гостей. Большие котлы были в хурулах (буддийских храмах) и у состоятельных владельцев. Например, в хурульных кухнях имелись котлы, вмещавшие «ведер по пятнадцать воды» (Смирнов, 1999: 65), в которых готовилась пища во время религиозных служб. Так, в праздник *Гал-таяху* 'жертвоприношение огню' в кибитке главы семейства в большом котле варили целого барана. Затем одну часть сваренного мяса «сжигали на огне, остальную съедали только родственники» (там же: 50).

Большой размер котла является важнейшим признаком, поскольку он обуславливает ценность предмета в культуре калмыцкого народа как символа единения, коллективного участия в трапезе, в знаковых мероприятиях. Наблюдается перенос по типу: размер котла → количество вмещаемой в нем пищи → количество людей, объединенных участием в коллективной трапезе.

В фольклорных текстах осмысливаются характерные признаки *хээсн* 'котел', при этом используются зооморфные метафоры. Так, в загадках осмысливается такой признак котла, как черный цвет: *хар үкр өөд халэж, хамг амтн түүг халэж (хээсн)* 'черная корова вверх смотрит, все люди на нее глядят (котел)'³, *хар ноха хам гиж, хамг амтн түүг халэж (хээсн)* 'черная собака вдруг все схватила, все люди удивленно наблюдали это (котел)'⁴. Предметом описания в загадках, кроме цвета, является размер котла: *эндэс ирсн элүн хар, тендэс ирсн телү хар, дунднь бээсн дуукр цаһан, зарһ кедг шарһ цаһан (хээсн, туһ, һал, давсн)* 'отсюда — огромный черный, посередине — игривый белый, вершащий суд — желто-белый (котел, таган, огонь, соль)'⁵. В загадках с помощью зооморфных метафор описывается внешний вид данного предмета: *царин дүңгэ гестә, царцахан дүңгә һуйта (хээсн)* 'живот как у вола, ляжки как у саранчи (котел)'⁶. В некоторых случаях через сравнение цвета и содержимого котла создается образ насекомого: *хаалһин хажуд хар хээсн буслж бээнә (шорһлжһна үр)* 'на обочине дороги бурлит черный котел (муравейник)'⁷. Приведенные примеры свидетельствуют об участии данного предмета

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 46; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 126; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 280.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

³ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2007. С. 732.

⁴ Там же. С. 741.

⁵ Там же. С. 734.

⁶ Там же. С. 732.

⁷ Там же. С. 771.

в образном осмыслении окружающей действительности, специфика которого связана со скотоводческим занятием кочевников и природной средой степняков. Наблюдаем переход от осмысления предмета обихода к абстрактному образному осмыслению окружающей действительности.

В быту калмыков были предметы, которыми пользовались при приготовлении пищи в *хэасн* 'котле'. Это: *ең* 'ковш', 'черпак'¹, *төкиш* 'большой ковш', 'черпак'², *шанһ* 'половник'³, *шүр* 'сито (употребляется для процеживания калмыцкого чая)'⁴, *хэасна бүркэсн* 'крышка котла'⁵, *шүр шанһ* 'шумовка'⁶ и т. д. Предметы изготавливались из дерева.

«Хэаснднь модн бүркэсн бээдг, модн шанһ, ухрмуд урн күн ухуһар моднас зорад кезь авдг, халун хэасн тээдг модн хурвлжн тэвцтэ. Цээһн шүүрэр, эс гиж кевкүрэр шүүһэд ташр шүүрт хавлгдсн цээһин шариг шахад, үлдсн шүүсинь цээһүр кехин төлө шахлур гихэд бээдг. Үмснд булж, хальмг һуйр болһдг хойр тээвэ бээдг. Цээһн хэасндан чанчкад, домбд шүүһэд кедг бээж, домбасн тегэд ааһстан кеһэд уудг»

'У котла была деревянная крышка, использовались деревянная поварешка, ложки, которые мастера делали из дерева, треугольная подставка для горячего котла. Чайники выбирали ситом или шумовкой, отжимали их, а для выливания чая, полученного после выжимания чаинок, использовали *шахлур* — отжимку. Были две сковородки для выпекания в золе калмыцких лепешек. Сваренный в котле чай наливали в высокий чайник, из которого потом чай разливали по пиалам' (Амулакова, 2013: 14; перевод Т. С. Есеновой. — Авт.).

Эти предметы частого использования так же осмыслены в фольклоре калмыков. Так, например, в загадках встречается *хэасна бэрүл* 'ухват для котла' (*хар һахан өргн дуту* 'у черной свиньи подбородок короткий'⁷), *бэрүл* 'прихватки для котла' (*иргд ишкэ кевтнэ* 'у нижней части юрты лежит кусок кошмы', *иргд хойр дөрвлжн ишкэ кевтнэ* 'у нижней части юрты лежат две четырехугольные кошмы'⁸), *хавхг* 'затычка для котла' (*хар хуцин толһа деер харада шовун сууж* 'на голове черного барана сидит птица-ласточка', *байн күүнэ нутг деер бэ хоңһр сөөлһэтэ* 'в месте кочевки богача привязан сторожевой соловый', *һалын өөр һэргтэ күүкн* 'у огня — глупая девушка'⁹), *амсур* 'волосная кисточка для пробы араки' (*хамг эмтн күрш уга һазрт эврэкэ делдң күрч* 'куда не доберется ничто живое, туда долетит бабочка — вислокрылка'¹⁰). Процесс приготовления пищи в котле описывается через образ черной собаки: *хар ноха хам гиж, хамг эмтн түүг хэлэж* 'черная собака вдруг все схватила, все люди удивленно наблюдали это'¹¹. Процесс варения араки изображается в загадке как пейзажная зарисовка с использованием орнитологического образа: *жи гидг холд усн тогтсинь үзүв, жирнтин цаһан ташуд шовун суусинь үзүв (эрк нерх, оңһид ус кех, хавхг)* 'наблюдал, как на реке Джи устоялась вода, видел, как на косогоре Джирнт уселась птица (перегонять араку, наливать воду в колоду, затычка для котла)'¹².

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 128; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 281.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 130; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 285.

⁴ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 285.

⁵ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 129.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 285.

⁷ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. С. 734.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 735.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 741.

¹² Там же. С. 750.

Обратим внимание на присутствие в текстах фольклора образов животных (*хар хаха* ‘черная свинья’, *хар хуц* ‘черный баран’, *хар ноха* ‘черная собака’), элементов кочевой жизни (*ишкэ* ‘кошма’, *нутг* ‘стойбище кочевника’), через которые осмысливаются предметы посуды. В загадках используется прием метонимии: колористический признак (черный цвет) замещает целый предмет.

Итак, языковой материал свидетельствует о подробном осмыслении калмыцким языковым сознанием образа *хээсн*, при этом используются зооморфные метафоры, орнитологические образы, предметы кочевого быта; устойчивой метафорой является черный цвет.

Для определения представления о *хээсн* наших современников были изучены мини-сочинения на тему «*Хээсн тускар санхла, ухандм орна...*» ‘Когда я думаю о котле, я представляю себе...’

Приведем фрагменты некоторых эссе.

«*Миниһар болхла, хээсн — хальмг цэ буслһдг сав. Гер болһнд тиим хээсн бээнэ. Хальмг цэ чандг хээсн талдан, ик биш сав. Хээснд 2 литр ус кечкэд, деерин үс кеһэд, давс тэвэд, тослад, буслһад, самрад болһдв. Мини хээсн төмр, гишкн, уһаахт сэн*»

‘По-моему, *хээсн* — это посуда для приготовления калмыцкого чая. В каждом доме есть такие кастрюли. Для калмыцкого чая есть специальная кастрюля, небольшого размера. В кастрюлю наливаю 2 литра воды, добавляю молоко, масло, сою, кипячу, перемешиваю, и чай готов. Моя кастрюля железная, легкая, хорошо мыть’ (К. А., жен., 49 лет, учитель);

«*Манаад олн зүсн хээсдүд бээнэ. Ик хээснд халун хот чандув, махта хот болну, дотр болну тиим хот кехт хээсн сэн сав. Харсн өдрэн темдкхлэ олн күн хурна, күүкн, герин эзнтәһән, көвүтәһән, күүкнтәһән ирцхәнэ, худ эмгн чигн ирнэ, тиигэд гер дүүрнэ. Дала хот кех кергтә. Хээс дүүргэд хөөнә мах чаннав. Манахс цуһар махсг. 2 кило мах ик гидг хээснд чандв. Хээснд махн бурд гихэд буслхла, боднцг тэвэд, хуйртаһар махан буслһдв. Хальмг цәһән оңдан хээснд чандв. Бас ик хотта цәһин хээсн бээнә*»

‘У нас много разных кастрюль. В большой кастрюле готовлю горячую пищу, такая кастрюля для приготовления мясных ли блюд, для *дотура* ли подходит. Когда отмечаю день рождения, собирается много народу, дочь с мужем, с сыном, с дочкой приходят, сваха тоже может прийти, так собирается полный дом народа. Надо много еды готовить. Варю полную кастрюлю баранины. Наши все — любители мяса. Варю два килограмма мяса в большой кастрюле. Когда в кастрюле мясо начинает закипать, кладу картошку, лапшу, и все продолжает кипеть. Калмыцкий чай варю в другой кастрюле. Есть еще большая кастрюля, специальная для варки чая’ (С. А., женщ., 67 лет, пенсионерка);

«*Кезәнә цагт хальмг улс нег хээснд цэ чигн, махта хот чигн чандг бәәж. Һал деер цө хээсэн нердг бәәж. Һал болхла ишкә герин тал дунд бәәдг. Һал болн хээсн залһадата: һал уга болхла хот кәж болиго, хээсн уга болхла бас хот кәж болиго. Тиигэд чигн, һалан хадһл гиж хальмгуд келдг, хээсэн хадһл гиж бас келж болжана. Юңгад гихлә, хот чандг сав тертн, дотрнь хот бәәдг сав, тиим болхла, хээсн бәәхлә, гер-бүлин әмтн хотта-хоолта, эрүл-дорул болх. Хээсн герин эрүл-дорулин темдг. Хальмг улс тиигж санад, хээсэн цеврәр бәәрдг бәәж, хээсн — өлзәтә юмн гиж тоолдг*»

‘В давние времена калмыки в одном котле и чай, и мясо варили. Чугунный котел ставили на огонь. Очаг был посередине кибитки. Огонь и котел связаны между собой: если не будет огня, нельзя приготовить пищу, если не будет котла, тоже нельзя приготовить пищу. Поэтому-то калмыки говорят: “береги огонь”, “береги котел” — тоже можно сказать. Почему? Это посуда для приготовления пищи, емкость, куда кладут пищу, если есть котел, то домочадцы будут с едой, будут здоровы. Котел — это показатель благополучия дома. По этой причине калмыки держали котлы в чистоте, считали котел счастливым предметом’ (Д. Н., муж. 65 лет, педагог).

Материалы эссе показывают, что многие респонденты слово *хээсн* считают обозначением кастрюли. Только люди старшего возраста, знатоки этнографии и лингвокультуры калмыков, в своих интервью демонстрируют знание семантики слова *хээсн* ‘котел’ и понимание значимости *хээсн* в жизни народа. В ответах прослеживается понимание функции предмета в быту (приготовление мясных блюд и чая) и культуре (связь с очагом/огнем, маркер благополучия; связь содержимого *хээсн* с жизнедеятельностью человека). Однако респонденты не пишут об участии *хээсн* в приготовлении молочной водки. Эта важная функция предмета, позволяющая оценивать его как значимый элемент культуры, не называется современниками. В эссе отмечается функциональная дифференциация кастрюль для чая и для остальных блюд, кочевым прошлым народа объясняется универсальность предмета, его материал. Сказанное позволяет считать, что в сознании современных носителей

калмыцкой лингвокультуры *хээсн* — это кастрюля, предназначенная для приготовления калмыцкого чая (небольшого объема), мясных и других жидких блюд (большого размера), что указывает на трансформацию образной составляющей концепта.

Итак, в калмыцком языке концепт *хээсн* образует своеобразную концептосферу, в которую входят предметы, связанные с *хээсн*: *енг* 'ковш', 'черпак', *шүр шанһ* 'шумовка', *төкш* 'большой ковш', 'черпак', *шанһ* 'половник', *шүр* 'сито (употребляется для процеживания калмыцкого чая)', *хээснэ бүркэсн* 'крышка котла', *амсур* 'волосая кисточка для пробы араки', *хавхг* 'затычка для котла', *хээснэ бэрүл* 'ухват для котла' и др. Как и *хээсн*, в ходе использования эти предметы получили образное осмысление в культуре.

Перцептивный образ *хээсн*: большой, устойчивый, черный, чугунный многофункциональный предмет для приготовления молочного чая, мяса, араки. Образный компонент концепта раскрывается через метафоры «цвета» и «размера». Черный цвет *хээсн* указывает на связь предмета с огнем, а через очаг — с сакральным пространством жилища; размер *хээсн* указывает на количество пищи, а через него — на функцию единения, коллективизм калмыков (фото 2).

Фото. 2. Хээсн 'котел' в сельском быту калмыков. Фото Т. С. Есеновой, 2026 г.
Photo. 2. Khääsn 'cauldron' in the rural life of the Kalmyks. Photo by T. S. Esenova, 2026.

Нашими современниками *хээсн* понимается как кастрюля, за которой закреплена функция приготовления молочного чая и разных блюд; не отмечается функциональная универсальность предмета. Как этнографическое прошлое расценивается участие *хээсн* в приготовлении молочной водки.

Анализ ценностного компонента

Аксиология концепта *хээсн* основана на его функциональных и перцептивно-образных признаках и реализуется через систему устойчивых оппозиций и метафор, раскрывается в ходе рассмотрения места *хээсн* в этнокультуре калмыков, в обычаях, в характеристике человека.

Значимость *хээсн* 'котла' в миропонимании калмыков обусловлена его центральным положением в пространстве жилища (фото 3). Котел размещался над очагом, который находился в центре кибитки и являлся сакральным местом домашнего пространства (Душан, 2016; Ользеева, 2003; Жуковская, 2002; Болдырева, 2009; Шараева, 2019; Эрендженов, 1980; Эрдниев, 1985). Поэтому символика котла тесно связана с огнем/очагом. В загадках эта связь передается через метафорические образы, например: *Улан үкр хар үкриг долаж* 'Красная корова облизывает черную корову'¹, где огонь и котел осмысливаются как взаимодействующие сущности. В представлении степняков, котел мыслится посредником между огнем и пищей: в котле готовится пища, необходимая для поддержания жизни. Таким образом, котел включается в культурную модель, объединяющую огонь, пищу и жилище.

Хээсн 'котел' участвует в характеристике человека, его социальной оценке. Такие характеристики *хээсн*, как размер, наполненность, внешний вид, могут интерпретироваться как показатели

Фото. 3. *Хээсн* 'котел' в традиционном жилище калмыков. Фото Т. С. Есеновой, 2016 г.
Photo. 3. *Khääs* 'cauldron' in the traditional Kalmyk dwelling. Photo by T. S. Esenova, 2016.

¹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 733.

статуса и личностных качеств человека. Сказанное прослеживается в особом виде малого жанра калмыцкого фольклора — триадах, в которых участвует *хар хээсн* 'черный котел'. *Хурвн хар* 'три черных': *Хар хээснн йорал хар, хармч экнрин хар хар, хар саната седкл хар* 'У черного котла дно черное, у скупой женщины руки черные, у злого человека думы черные'¹, *Харалч күмни санан хар, хармч күмни хар хар, хар хээснн йорал хар* 'У проклинающего мысли черные, у скупого руки черные, у закопченного котла дно черное'².

На общность признака «черный цвет» указывают и изречения о *дөрвн хар* 'четыре черных': *Деегүр нисхэс керэ хар, дөрвн көлтөхэс хаха хар, хээр угаһас седкл хар, хээснн йоралын кө хар* 'Из летающих ворона черная, из четвероногих свинья черная, у жестоких душа черная, у котла на дне сажа черная'³. В приведенных примерах черный цвет котла переносится на характеристику человека, обозначая такие негативные качества, как скупость и злонамеренность, т. е. черный цвет котла становится основой для негативной моральной оценки человека.

В фольклорных текстах осмысливается и такой признак котла, как «пустота/наполненность» для оценки социальной состоятельности человека. Анализ фольклорного материала позволяет считать, что в калмыцкой лингвокультуре образ пустого котла имеет негативную оценку, т. к. ассоциируется с бедностью, недостатком ресурсов и нарушением социальных норм, прежде всего норм гостеприимства. Наиболее емко эта семантика выражена в триадах о *хурвн хоосн* 'трех пустых': *Усн уга хол хоосн, экн уга толһа хоосн, хот уга хээсн хоосн* 'Река без воды пуста, голова без ума пуста, котел без пищи пуст'⁴. Структура триады основана на смысловом сопоставлении природного, антропологического и бытового планов: река — голова — котел. Пустой котел включается в ряд образов недостаточности, где утрата содержания равнозначна утрате сущности.

Первый компонент пословицы — *усн уга хол хоосн* 'река без воды пуста' — задает наиболее общий план осмысления пустоты: река мыслится не просто как географический объект, а как водный поток. Именно вода составляет сущностное наполнение реки: если воды нет, река перестает выполнять свою природную функцию: не поит, не связывает пространство, не поддерживает жизнь. Следовательно, пустота здесь понимается как отсутствие содержания. Во второй части — *экн уга толһа хоосн* 'голова без ума пуста' — голова обозначает не только часть тела, но иместилище разума. Голова без ума столь же функционально несостоятельна, как река без воды. В этой части пословицы пустота получает не просто онтологическое, но и оценочное значение: отсутствие содержания равносильно человеческой неполноценности в социальном и нравственном отношении. Третий компонент — *хот уга хээсн хоосн* 'котел без пищи пуст' — приобретает еще более глубокий смысл. По аналогии с рекой без воды и головой без ума, котел без пищи лишается своего сущностного наполнения: его назначение — варить, бытьместилищем пищи, но без еды *хээсн* утрачивает свою ценность. Значит, пустой котел означает, что в доме нечего варить, нечем кормить семью и гостей, следовательно, нарушается нормальный ход жизни; пустой котел становится символом не только бедности, но и хозяйственного, социального и нравственного неблагополучия хозяина дома.

Анализ приведенных примеров позволяет считать, что *хээсн* в калмыцком языковом сознании вышел за пределы предметного значения котла и функционирует как носитель аксиологических смыслов, маркируя моральный облик человека, его социальную состоятельность.

Как показано выше, в калмыцкой лингвокультуре выделяется бинарная оппозиция «пустой котел/полный котел». В фольклорных контекстах встречаются выражения, связанные с приготовлением в котле мяса или наличием большого количества пищи, что указывает на представление о котле какместилище изобилия: *орад ирдэ болхнь, харм ик хээсн нерэ́та ба́эна* 'входят, а там стоит наготове огромный котел' (Тодаева, 1976: 453). В данном примере акцент делается на размере котла (*ик* 'большой') как маркере достатка: большой котел предполагает приготовление большого количества пищи, что, в свою очередь, связано с представлением о богатом хозяине или готовности накормить большое количество гостей. В эпическом дискурсе подобные детали с участием *хээсн* характеризуют пространство как благополучное и изобильное, например, маркируют сказочную страну *Бумбу*.

¹ Там же. С. 816.

² Там же. С. 817.

³ Там же. С. 826.

⁴ Там же. С. 818.

В фольклорных текстах часто говорится о том, что в котле варят мясо, готовят чай, а затем пища распределяется между участниками трапезы. Такие описания указывают на коллективный характер потребления пищи: котел «кормит» не одного человека, а группу, прослеживается функция котла «быть средством единения людей». Следовательно, полный котел символизирует не только богатство, но и щедрость, возможность поделиться пищей, что является важным аспектом социальной жизни.

В этом смысле одним из показательных примеров является строка из эпоса «Джангар»: *хойр хээсн махнд эс цаддг...* «двумя котлами мяса не наедаются»¹. В данном контексте *хээсн* «котел» является мерилем богатства и изобилия: чем больше котлов, тем выше достаток.

В ряде фольклорных текстов изобилие может выражаться через количественное накопление образов, связанных с котлом. Так, упоминание нескольких котлов, большого количества пищи или непрерывного процесса приготовления пищи создает представление об избыточности, является признаком богатства. В подобных случаях *хээсн* «котел» становится не простоместилищем, а мерилем изобилия. Кроме того, наполненность котла может рассматриваться как показатель «правильности» ведения домашнего хозяйства. Если пустой котел свидетельствует о нарушении нормального порядка, то полный котел, напротив, указывает на соблюдение традиционного уклада: есть скот, в котле готовится пища, поддерживается огонь, обеспечивается жизнедеятельность членов семьи.

Важным аспектом является и качественная характеристика пищи. В калмыцкой культуре особую ценность имеет мясная пища, поэтому полный котел, наполненный мясом или жирным бульоном (*хээсэр дүүрң шолн* «полный котел бульона»²), становится символом высокого уровня благополучия. Это объясняется тем, что мясо в кочевом хозяйстве является основным, но не всегда избыточным ресурсом, и его изобилие указывает на материальную обеспеченность дома.

Таким образом, в оппозиции «пустой котел/полный котел» вторая часть представляет норму. Как показано выше, в калмыцкой лингвокультуре *хээсэр дүүрң* «полный котел» содержит несколько важных смыслов: наличие пищи, состоятельность хозяина, гостеприимство, щедрость и соответствие нормам традиционной жизни. В совокупности эти значения формируют устойчивое положительное представление о *хээсн* «котле» как символе благополучия, изобилия и социальной гармонии. Значит, *хээсн* «котел» является не просто предметом посуды, но ключевым индикатором ценностных ориентиров калмыцкого социума, будучи включенным в систему критериев, по которым оценивается человек в калмыцком обществе.

На основании проведенного анализа можно считать, что аксиологический компонент концепта *хээсн* «котел» — значимый элемент картины мира калмыков. В калмыцкой лингвокультуре высоко оценивается *хээсэр дүүрң* «полный котел» — символ благополучия, достатка, щедрости, гостеприимства, хозяйственной состоятельности человека. *Хоосн хээсн* «пустой котел» толкуется как знак бедности, негостеприимства, социальной неполноценности хозяина; через черный цвет котла негативно оценивается моральный облик человека.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в калмыцком языке концепт *хээсн* «котел» имеет разнообразные обозначения (*тэңг, бэкрсн, бакрсн, лоңх цө хээсн, тавг хээсн*), именем концепта является существительное *хээсн*, не имеющее ограничений в дистрибуции. Понятийное содержание концепта: многофункциональный предмет посуды, реализующий как утилитарную, социальную, так и символическую функции. Образная составляющая *хээсн*: большой, устойчивый, чугунный, черный, универсальный предмет для приготовления молочного чая, мяса, араки. Ценностный компонент *хээсн* «котел»: значимый элемент картины мира калмыков, пространственно связанный с очагом, сакральным местом жилища. В калмыцкой лингвокультуре высоко оценивается *хээсэр дүүрң* «полный котел» — символ благополучия, достатка, щедрости, гостеприимства, хозяйственной состоятельности человека. *Хоосн хээсн* «пустой котел» понимается как знак бедности, негостеприимства, социальной неполноценности хозяина; через черный цвет котла негативно оценивается мораль-

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 624.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 344.

ный облик человека. Значит, концепт *хаасн* является культурным знаком, в котором отражаются базовые представления калмыков о жизни, пище и социальной норме.

Перспективы исследования мы связываем с дальнейшим анализом предметных концептов лингвокультур народов Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амулакова, Б. Э. (2013) *Өөрд-хальмгин сойлын үндснн заңшл* [Традиционная культура калмыков]. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. 123 с. (На калм. яз.).
- Бадмаев, А. А. (2005) *Традиционная утварь бурят в XIX — начале XX в.* Новосибирск : Наука. 204 с.
- Болдырева, В. М. (2009) Эркетеневские калмыки: субэтнические особенности культуры (на материале ритуала жертвоприношения огню) // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4. С. 21–26.
- Воркачев, С. Г. (2004) *Счастье как лингвокультурный концепт*. М. : Гнозис. 236 с.
- Душан, У. Д. (2016) *Избранные труды*. Элиста: КИГИ РАН. 376 с.
- Есенова, Г. Б., Есенова, Т. С. (2025) Концепт *aah* 'пиала' в лингвокультуре калмыков // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 417–435. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>
- Житецкий, И. А. (1893) *Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.)*. М. : Типография М. Г. Волчанинова. 87 с.
- Жуковская, Н. Л. (2002) *Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика*. М. : Восточная литература. 274 с.
- Карасик, В. И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик, В. И. (2009) *Языковые ключи*. М. : Гнозис. 405 с.
- Красавский, Н. А. (2001) *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград : Перемена. 495 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Мулаева, Н. М. (2018) О некоторых наименованиях посуды и кухонной утвари в калмыцком языке (на материале «Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»») // *Монголоведение*. Т. 10. № 2. С. 145–165. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-13-145-165>
- Ользеева, С. З. (2003) *Калмыцкие обычаи и традиции*. Элиста : АПП «Джангар». 256 с. (На калм. и русск. яз.)
- Рассадин, В. И. (2017) Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Вестник Калмыцкого университета*. Вып. 33 (1). С. 97–101.
- Слышкин, Г. Г. (2004) *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград : Перемена. 340 с.
- Смирнов П. (1999) *Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 247 с.
- Степанов, Ю. С. (2004) *Константы. Словарь русской культуры*. 3-е изд. М. : Академический проект. 992 с.
- Степанов, Ю. С. (2007) *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. М. : Языки славянской культуры. 246 с.
- Тодаева, Б. Х. (1976) *Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар»*. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 529 с.
- Толстой, Н. И. (1995) *Язык и народная культура*. М. : Наука. 512 с.
- Трофимова, С. М., Мухаринов, В. М. (2025) Названия посуды для приготовления молочной пищи в халхалмонгольском, бурятском и калмыцком языках с привлечением тюркского материала // *Вестник Калмыцкого университета*. № 3 (67). С. 107–115.
- Шараева, Т. И. (2019) «Живите в благоденствии!» (к вопросу об обрядах введения невесты в свадебной обрядности у калмыков) // *Монголоведение*. № 4. С. 862–887.
- Эрдниев, У. Э. (1985) *Калмыки: историко-этнографические очерки*. 3-е изд. Элиста : Калм. кн. изд-во. 282 с.
- Эрендженов, К. Э. (1980) *Цецн булг* [Родник мудрости]. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во. 188 с. (На калм. яз.).
- Sharifian, F. (2011) *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. 238 p.

Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. 171 p.

Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford : Oxford University Press. 487 p.

Дата поступления: 02.04.2026 г.

Дата принятия: 30.04.2026 г.

REFERENCES

- Amulakova, B. E. (2013) *Traditional culture of the Kalmyks*. Elista, KalmSU Publ. 123 p. (In Kalm.)
- Badmaev, A. A. (2005) *Traditional utensils of the Buryats in the 19th and early 20th centuries*. Novosibirsk, Nauka. 204 p. (In Russ.)
- Boldyreva, V. M. (2009) The Erketenev Kalmyks: subethnic features of culture (based on the ritual of sacrifice to fire). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 21–26. (In Russ.)
- Vorkachev, S. G. (2004) *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow, Gnozis. 236 p. (In Russ.)
- Dushan, U. D. (2016) *Selected works*. Elista, KIGI RAN. 376 p. (In Russ.)
- Esenova, G. B. and Esenova, T. S. (2025) The concept *aah* 'bowl' in the linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 417–435. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>
- Zhitetskiy, I. A. (1893) *Essays on the everyday life of the Astrakhan Kalmyks (ethnographic observations of 1884–1886)*. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova. 87 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya, N. L. (2002) *Nomads of Mongolia: culture, traditions, symbolism*. Moscow, Vostochnaya literatura. 274 p. (In Russ.)
- Karasik, V. I. (2002) *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.)
- Karasik, V. I. (2009) *Linguistic keys*. Moscow, Gnozis. 405 p. (In Russ.)
- Krasavskiy, N. A. (2001) *Emotional concepts in German and Russian linguocultures*. Volgograd, Peremena. 495 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Mulaeva, N. M. (2018) On some names of tableware and kitchen utensils in the Kalmyk language (based on "The explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhanggar'"). *Mongolovedenie*, vol. 10, no. 2, pp. 145–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-13-145-165>
- Olzeyeva, S. Z. (2003) *Kalmyk customs and traditions*. Elista, APP "Dzhangar". 256 p. (In Kalm. and Russ.)
- Rassadin, V. I. (2017) Common Mongolic lexis in the field of interior, household utensils and tableware in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, issue 33 (1), pp. 97–101. (In Russ.)
- Slyshkin, G. G. (2004) *Linguocultural concepts and metaconcepts*. Volgograd, Peremena. 340 p. (In Russ.)
- Smirnov, P. (1999) *Travel notes on the Kalmyk steppes of the Astrakhan province*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 247 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants. A dictionary of Russian culture*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 246 p. (In Russ.)
- Todaeva, B. Kh. (1976) *An attempt at a linguistic study of the epic "Dzhanggar"*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 529 p. (In Russ.)
- Tolstoy, N. I. (1995) *Language and folk culture*. Moscow, Nauka. 512 p. (In Russ.)
- Trofimova, S. M. and Mukharinov, V. M. (2025) Names of vessels for preparing dairy food in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages with reference to Turkic material. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 3 (67), pp. 107–115. (In Russ.)
- Sharaeva, T. I. (2019) "Live in prosperity!" (on the rites of introducing the bride in Kalmyk wedding ritual). *Mongolovedenie*, no. 4, pp. 862–887. (In Russ.)
- Erdniev, U. E. (1985) *The Kalmyks: historical and ethnographic essays*. 3rd ed. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 282 p. (In Russ.)

- Erendzhenov, K. E. (1980) *Spring of wisdom*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 188 p. (In Kalm.)
- Sharifian, F. (2011) *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins. 238 p.
- Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins. 171 p.
- Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford, Oxford University Press. 487 p.

Submission date: 02.04.2026.

Acceptance date: 30.04.2026.

Наименования кожаных сосудов в монгольских языках и тюркских языках Сибири (сравнительный аспект)

Надежда И. Данилова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Российская Федерация,

Светлана М. Трофимова

Калмыцкий государственный университет, Российская Федерация

Статья посвящена названиям бытовых сосудов из кожи у народов, говорящих на тюркских языках Сибири и северных монгольских языках. Авторы рассматривают эти слова в исторической перспективе и в контексте давних контактов между соответствующими сообществами. Показано, что единицы, связанные с повседневным бытом и хозяйством, особенно чувствительны к культурным влияниям и часто сохраняют следы давних связей.

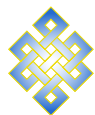
Исходным материалом послужили данные по нескольким сибирским тюркским и монгольским языкам, а также многочисленные словари и полевые записи. Слова, обозначающие кожу и кожаные сосуды, систематизируются по смысловым группам, прослеживаются их значения и изменения, в том числе переход от общего значения «кожа» к названиям конкретных предметов утвари. Анализ позволяет выявить общие корни и заимствования, а также случаи, когда сходные формы приобретают разные оттенки значения в разных языках.

Отдельный интерес представляют наименования сосудов, происхождение которых связано с образными характеристиками внешнего вида или формы. Авторы показывают, как из слов со значениями, связанными с телом, фигурой или объемом, формируются названия кожаных бурдюков, сум и других емкостей. Фиксируются и семантические сдвиги, когда первоначальное значение, связанное с частями тела или сырьем, переходит к обозначению предметов быта.

В выводах подчеркивается, что система названий кожаных сосудов отражает длительное и интенсивное взаимодействие тюркоязычных и монголоязычных народов. Показано, что в ряде сибирских тюркских языков устойчиво сохраняются элементы, восходящие к монгольской традиции, хотя их значение и употребление могли заметно измениться. Авторы поднимают вопрос о необходимости дальнейшего комплексного изучения подобной лексики как важного источника для реконструкции культурных контактов и хозяйственных практик в регионе.

Ключевые слова: кожаный сосуд; тюркский язык; монгольский язык; лексика посуды

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ 2025–2027 гг. № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Данилова Н. И., Трофимова С. М. Наименования кожаных сосудов в монгольских языках и тюркских языках Сибири (сравнительный аспект) // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 417–427. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.24>

Данилова Надежда Ивановна — доктор филологических наук, профессор; профессор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1. Эл. адрес: nadiv2008@mail.ru

Трофимова Светлана Менкеновна — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: trofimovasm@mail.ru

Names of Leather Vessels in Mongolic Languages and Turkic Languages of Siberia (Comparative Perspective)

Nadezhda I. Danilova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Federation,

Svetlana M. Trofimova

Kalmyk State University, Russian Federation

The article examines the names of domestic leather vessels among peoples speaking Turkic languages of Siberia and northern Mongolic languages. The authors analyze these lexical items in historical perspective and in the context of long-term contacts between the respective communities, demonstrating that units related to everyday life and household activities are particularly sensitive to cultural influences and often preserve traces of ancient connections. The empirical material comprises data from several Siberian Turkic and Mongolic languages, supplemented by numerous dictionaries and field notes.

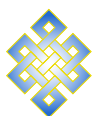
Words denoting leather and leather vessels are systematized into semantic groups, with their meanings and shifts traced, including the transition from the general meaning "leather" to the designation of specific household items. The analysis makes it possible to identify common roots and borrowings, as well as cases in which formally similar lexemes acquire different semantic nuances in different languages. Particular attention is paid to the names of vessels whose origins are associated with figurative characteristics of their external appearance or shape. The authors show how words with meanings related to the body, figure, or volume develop into names of leather bags, wineskins, and other containers, and record semantic shifts whereby primary meanings linked to body parts or raw material come to designate everyday objects.

The conclusions emphasize that the system of names for leather vessels reflects prolonged and intensive interaction between Turkic- and Mongolic-speaking peoples. It is shown that in a number of Siberian Turkic languages certain elements going back to the Mongolic tradition have been preserved, although their meaning and usage may have changed significantly. The authors argue for the necessity of further comprehensive study of this vocabulary as an important source for reconstructing cultural contacts and household practices in the region.

Keywords: leather vessel; Turkic language; Mongolic language; tableware vocabulary

Financing

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 25-18-00703 "Research on Turkic and Mongolian material culture vocabulary related to household utensils and dishes: a comparative-historical perspective."

For citation:

Danilova N. I. and Trofimova S. M. Names of Leather Vessels in Mongolic Languages and Turkic Languages of Siberia (Comparative Perspective). *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 417-427. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.24>

DANILOVA, Nadezhda Ivanovna, Doctor of Philology, Professor; Professor at the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS. Postal address: 1 Petrovskogo Str., 677000, Yakutsk, Russia. E-mail: nadiv2008@mail.ru [ORCID: 0000-0003-3542-8448](https://orcid.org/0000-0003-3542-8448)

TROFIKOVA, Svetlana Menkenovna, Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina Str., 358000, Elista, Russia. E-mail: trofimovasm@mail.ru [ORCID: 0000-0003-1812-7117](https://orcid.org/0000-0003-1812-7117)

Введение

Хозяйственная деятельность монголо- и тюркоязычных кочевых племен, большая часть которых занимала территории Внутренней Азии, была основана на экстенсивном скотоводстве. Домашний скот обеспечивал всем необходимым: продуктами питания, материалом для одежды и жилища, бытовой утвари (Содномпилова, Нанзатов, 2020). Общность способствовала появлению схождения и параллелей во многих тематических группах лексического фонда языков заселявших эти территории народов. А необходимость сравнительного изучения лексического фонда конкретно тюркских языков Сибири и современных монгольских языков обусловлена тем, что параллели в тематических группах лексики, отражающих традиции хозяйствования, многочисленны. Они представляют, видимо, разные периоды развития взаимодействия тюркских и монгольских племен. Относительно к представленной статье нужно еще отметить, что «монгольские заимствования в тувинской лексике составляют не менее 30%» (Татаринцев, 1976: 110). По Ст. Калужинскому, такова же доля монголизмов в якутском языке (Калужинский, 1961).

Известный российский тюрколог А. М. Щербак особо отметил многовековую взаимосвязь тюркских и монгольских языков, которая временами приобретала чрезвычайно прочный и активный характер (Щербак, 1966: 22). Исследованием данных языковых связей, в том числе в разных группах лексики, глубоко и продуктивно занимались многие поколения лингвистов-компаративистов (см.: Бурыкин, 2017: 191). В результате их изысканий установлено, что многие тематические группы лексики, среди них животноводческая, являются общими для тюркских и монгольских языков (Калужинский, 1978; Щербак, 1986; Рассадина, 2007; Сравнительно-историческая ..., 2001: 433).

Интерес к вопросам тюрко-монгольских языковых связей, в том числе и в лексике, не ослабевал и позже — опубликованы как отдельные статьи, так и монографии, эта тема анализируется в диссертациях. Из наиболее крупных работ следует назвать публикации А. В. Дыбо (Дыбо, 1996), А. М. Щербака (Щербак, 1966, 1986), В. И. Рассадина (Рассадина, 1980, 2007), А. А. Бурыкина (Бурыкин, 2017), Н. Н. Широковой (Широкова, 2015) и многих исследователей как тюркских, так и монгольских языков¹.

Цель исследования заключается в анализе слов, которые употребляются для обозначения бытовых сосудов, изготовленных из кожи домашних животных в тюркских языках Сибири: тувинского, алтайского, якутского и северно-монгольских языках: халха-монгольского, бурятского, калмыцкого².

Для достижения цели поставлены следующие задачи: выявление и систематизация слов со значением 'кожа' в тюркских языках Сибири и северных монгольских языках; анализ наименований кожаных сосудов монгольского происхождения в тюркских языках Сибири; анализ наименований кожаных сосудов образного происхождения в тюркских языках Сибири; анализ якутских наименований кожаных сосудов монгольского происхождения.

Для анализа материала статьи послужили словари: «Древнетюркский словарь» под редакцией В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака³, «Этимологический словарь алтайских языков»⁴, «Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б"»⁵, «Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д"»⁶, «Этимологический словарь тюркских языков»⁷, «Этимологический словарь

¹ Подробнее об истории и современном состоянии изучения лексического состава тюркских и монгольских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте и о его источниковой базе (см.: Лексика традиционного ..., 2024: 3–10).

² См.: Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. 13/3. С. 205–255.

³ Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, ЛО, 1969.

⁴ Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1–3 / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Leiden; Boston: Brill, 2003.

⁵ Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

⁶ Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г и Д. М.: Наука, 1980.

⁷ Этимологический словарь тюркских языков / сост. А. В. Дыбо. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. Т. 9 (дополнительный).

тувинского языка»¹, «Этимологический словарь монгольских языков — словарь корневых (неразложимых) слов монгольских языков»², «Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов»³, «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского⁴, «Большой толковый словарь якутского языка» под редакцией П. А. Слепцова⁵, «Толковый словарь традиционного быта калмыков» под редакцией Г. Ц. Пюрбеева⁶, «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах⁷, «Бурятско-русский словарь» в 2-х томах⁸, «Калмыцко-русский словарь» под редакцией М. К. Илишкина⁹, «Алтайско-русский словарь» под редакцией Н. А. Баскакова¹⁰, «Тувинско-русский» под редакцией Э. Р. Тенишева¹¹.

Также был привлечен полевой материал (ПМА)¹², записанный в г. Улан-Удэ в июле 2025 г. (информант Ц. Ц. Бальжинимаева, 1951 г. р.).

В статье использован комплекс методов лингвистики: метод систематизации лексических единиц по тематическому принципу, приемы сопоставительного анализа, который подразумевает сравнение лексем сибирских тюркских языков с монгольскими и установление общего и специфического в их семантике. По мере возможности проведен анализ заимствований, выполнена семантическая реконструкция.

Концептуальную базу анализа представленной статьи составил тезис, изложенный А. В. Дыбо, который заключается в том, что при исследовании разнохарактерных лексических явлений важно проследить семантическое развитие каждого слова, входящего в сравнение. Для этого целесообразно рассматривать лексико-семантические или тематические группы слов, что «позволит снять происшедшие смысловые изменения и с высокой вероятностью восстановить первоначальные значения слов в системе» (Дыбо, 1996: 17). Необходимость начать сравнительно-сопоставительный анализ лексики сопоставляемых языков с обзора словарных данных по тематическим группам подчеркнула также известный алтаист В. И. Цинциус (Цинциус, 1979: 4).

Слова со значением 'кожа' в тюркских языках Сибири и северных монгольских языках

Прежде чем приступить к анализу материала, нужно отметить, что существует многозначная общеалтайская основа *tēr̥i*, из которой образованы пра-монгольская основа со значением 'лицо, внешность' и пратюркская со значением 'кожа'¹³. Как видно отсюда, из общеалтайской основы в тюркских и монгольских языках образовались слова с разными значениями.

В большинстве тюркских языков слово *deri* 'кожа' имеет значения 'кожа', 'шкура', 'мех', 'ремень'¹⁴.

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000; Т. I. А–Б; Новосибирск: Наука: 2002. Т. II. Д, Ё, И, Й.

² Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I. А–Е.

³ Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков в мировом монголоведении / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Швернина. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II (G–P).

⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.; Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.

⁵ Большой толковый словарь якутского языка / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV: К.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г; Т. 2. Д–О; 2001. Т. 3. Ё–Ф; М.: Academia, 2002. Т. 4. Х–Я

⁸ Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2006. Т. I.; Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2008. Т. II.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.

¹⁰ Алтайско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия. 1964.

¹¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. 1968. С. 114.

¹² ПМА 2025, инф. Ц. Ц. Бальжинимаева, жен., 1951 г. р., запись 2025 г. на бур. яз.

¹³ Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1–3 / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 1366–1367.

¹⁴ Этимологический словарь тюркских языков / сост. А. В. Дыбо. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. Т. 9 (дополнительный). С. 207–208.

При этом в «Этимологическом словаре тюркских языков» отмечено, что общее смысловое содержание приведенных значений совпадает¹. Это подтверждает материал современных сибирских тюркских языков, в которых однокоренное слово совмещает значения 'кожа' и 'шкура', см., например, як. *тирии*, которое содержит значения 'кожа' и 'шкура'²; алт. *тере* также имеет значения 'кожа, шкура'³. А в тувинском языке в значениях 'кожа' и 'шкура (как сырье, товар)' упорядочиваются слова *алгы*, *кеш*, в значении 'кожа' — *хөм*, что говорит о самобытном пути развития данного языка⁴.

Что касается монгольских языков, то здесь в значениях 'шкура, кожа' используются основы от общемонгольского *arisun*⁵. В современных северно-монгольских это: бурятское *архан* 'кожа, шкура'⁶, калм. *арсн* (*арсн*) 'шкура, шкурка; кожа; мех'⁷, х.-монг. алха *арьс(ан)* 'шкура, шкурка, кожа, мех'⁸. Общемонгольский характер приведенной основы подчеркивается также и в специальных исследованиях, посвященных описанию традиционных видов хозяйственной деятельности народов Центральной Азии⁹.

В Этимологическом словаре монгольских языков приводится также единый корень *kijji*, который в современных языках дал следующие рефлексy: х.-монг. *хүж* и бур. *хүжэ*¹⁰. Данную основу современный Академический монгольско-русский словарь приводит в значении «выделанная целая шкура; кожаное изделие»¹¹. В бурятском языке, судя по данным Бурятско-русского словаря, это слово представлено в составе сочетаний, обозначающих виды тонко выделанной кожи, например: *хүжэ булгайр* 'юфть'; *хүжэ эльгэн архан* 'замша' и т. д.¹² Приведенное выше тувинское *кеш* 'кожа, шкура' возможно сопоставить с монгольской этимологической основой *kijji*.

Обзор и систематизация слов со значением 'кожа' в исследуемых классификационных группах языков показывает, что тюркские и монгольские в целом используют собственную, исконную лексику. Но при этом надо отметить, что в тувинском языке известно слово *кеш* в значении 'кожа, шкура', которое в лексикографических материалах родственных языков не отмечено.

Наименования кожаных сосудов монгольского происхождения в тюркских языках Сибири

Анализ данной группы лексики начнем по алфавиту — со слова *аржымак*, которое в значении 'кожаный бурдюк', 'кожаный бурдюк (для араки или хайтпака)' приведено в «Тувинско-русском словаре»¹³ и в диссертационном исследовании А. Ч. Ооржак¹⁴.

¹ Там же. С. 208.

² Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. Т. X (Буква Т). С. 366.

³ Алтайско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 248.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 53, 239, 490.

⁵ Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков в мировом монголоведении / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шерверина. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I: А–Е. С. 56.

⁶ Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2006. Т. 1. С. 83.

⁷ Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. С. 51; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. С. 90.

⁸ Большой академический монгольскорусский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г. С. 160.

⁹ Бальжинимаева Б. Д. Традиционная ремесленная терминология в монгольских языках северо-восточного ареала центральной Азии: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Элиста, 2006. С. 17.

¹⁰ Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков в мировом монголоведении / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шерверина. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II (Г–Р). С. 147.

¹¹ Большой академический монгольскорусский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г. С. 160.

¹² Бурятскорусский словарь. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2008. Т. II. О–Я. С. 483.

¹³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 68.

¹⁴ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. М., 2022. С. 13.

«Этимологический словарь тувинского языка» данное слово дает в том же значении с уточнением и сравнивает с алтайским *арчымак* ~ *арчмак* 'переметная сума' и хакасским *арчымах* 'кожаная сумка для продуктов; переметная сума'¹. В этом словаре приведены разные мнения по поводу происхождения этой основы. Видимо, все-таки правомернее соотнести это слово с монгольским корнем *arisun*, как в свое время предложил В. И. Рассадин². Нужно также принять во внимание приведенное Г. Ц. Пюрбеевым слово *архд*, которое употребляется для обозначения большого кожаного бурдюка для приготовления и хранения кумыса³. Возможно, со словом *аржымак* по своему происхождению связано с як. *ардьа* 'большая морда, верша для ловли рыбы'⁴. Этот же словарь приводит для сравнения с этим словом тюрк. *ардьа*, *эрдьэ* 'ящик'⁵. Здесь могло произойти развитие значения 'вместилище', к тому же, исконная лексика всегда имеет обширный семантический объем.

К словам исследуемой группы лексики монгольского происхождения в сибирских тюркских языках относятся тув. *көзээр* 'большая кожаная фляга', *көзээржик* 'кожаная фляжка (для кумыса или араки)', як. *көбүөр* 'большой кожаный мешок (мех)'⁶. Э. К. Пекарский сравнил это слово с бурятским *хүхүр* 'мех (сосуд)'⁷. Современный Толковый словарь якутского языка дает объяснение этого слова в том же значении⁸.

Однокоренные названия подобных больших кожаных бурдюков известны и в монгольских языках. Это современное монгольское *хөхүүр* бурдюк (из шкуры крупного рогатого скота)⁹, калм. *көкүр*¹⁰, бур. *хүхүүр* 'бурдюк, мешок из шкур'¹¹.

Бурдюки для кумыса у всех народов-кочевников — это вместилище кожаный сосуд для хранения жидкостей, которые шились из копченых шкур лошадей или рогатого скота¹². Бурдюк для кумыса у всех народов-кочевников — «это высокий кожаный сосуд для хранения кислого молока или других жидкостей, они шились из копченых шкур лошадей или рогатого скота» (Бальжинимаева, 2017: 13).

Здесь было бы уместным привести воспоминания П. С. Палласа во время путешествий по разным провинциям Российской империи в 1773 г.:

«...кожу калмычки выделывают одинаковым образом, вымыв в теплой воде начисто, вешают на воздухе, чтобы несколько провяли. Потом скоблят тупыми ножами с мясной стороны, чтобы оставшееся мясо и перепонки снять долой, и через то очистить кожу, дабы молоко лучше в оную входило. После сего расстилают кожи на войлоке для проветривания, и три дня подряд намазывают, намачивают по три раза в день оставшимися от вина молочными дрожжами, или кислым коровьим молоком, в которое кладут несколько соли. На четвертый день, высушив совершенно, мнут руками раскладывают в яме небольшой огонь, и бросают туда гнилое сухое дерево, сухой коровий помет и делают большой дым производящие вещи: но овечий помет гораздо способнее к тому признают. Около ямы втыкают колья наподобие пирамиды, которую покрывают кожами, дабы дым внутри держался. Потом верхние кожи вешают на низ, а нижние на верх, чтобы все ровно окурились: и сие курение с час продолжается. После чего кожи опять становятся несколько жестче, то их еще мнут, и делают мягкими, потом натирают толченым мелом, скоблят ножами, гладят, еще набеливают мелом, и напоследок выколотив всю пыль, шерсть вычищают» (Паллас, 1773: 473).

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А–Б. С. 136.

² Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. С. 115.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. С. 125.

⁴ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. С. 557.

⁵ Там же.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 256.

⁷ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд.-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959 Т. I, стлб. 112.

⁸ Большой толковый словарь якутского языка / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 4. С. 219.

⁹ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. X–Я. С. 151.

¹⁰ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 313.

¹¹ ПМА 2025, инф. Ц. Ц. Бальжинимаева, жен., 1951 г. р., запись 2025 г. на бур. яз.

¹² Бальжинимаева Б. Д. Традиционная ремесленная терминология в монгольских языках северо-восточного ареала центральной Азии: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Элиста, 2006. С. 11.

Что касается этимологии данного слова, то оно считается монголизмом в тюркских языках (Рас-садин, 1980: 69). Этимон этого слова — *kegür*, который в калмыцком языке представлен в виде рефлекса *күр*, *күүр* в значении 'кожаный сосуд для жидкости'. Этимологический словарь монгольских языков предлагает сопоставить основу с древнетюркским *küri* 'мера ёмкости'¹.

Итак, анализ сибирско-тюркских основ *аржымак* ~ *арчымак* ~ *арчмак* ~ *ардъа* и *көгээр* ~ *көбүүр* показал, что они имеют установленные монгольские параллели *хөхүүр* ~ *көкүр* ~ *күкүүр*. Это может служить свидетельством длительного контакта тюрко-монгольских этносов и тождества их хозяйственной деятельности и быта. Заметно, что из семантического ряда первого слова в некоторой степени выпадает якутская основа, первичное значение которой — 'ящик (<вместилище вообще>').

Наименования кожаных сосудов образного происхождения в тюркских языках Сибири

В разделе рассмотрены названия кожаных сосудов, основанные на их внешнем виде. Это универсальный способ номинации, характерный для базовой лексики.

Прежде всего, это слово *борбуй/борбуяк*, распространенное в тюркских языках Сибири. В тувинском языке отмечено слово *борбуяк* в значении 'фляга, фляжка'². В алтайском языке это слово отмечено в варианте *борбуй*, но им обозначается более крупный сосуд — 'бурдюк, сделанный из кожи, снятой с бедра коровы или лошади, вместимостью от одного до полутора ведер'³. В якутском языке однокоренное слово *борбуй* имеет значение 'подколенок, коленный сгиб'⁴, сопоставимое с нижеприводимым монгольским.

Этимология этого слова также представляет большой интерес. Этимологический словарь тюркских языков приводит основу *борбай/borbaj* в качестве одного из значений которого приводится 'бурдюк, сделанный из кожи, снятой с бедра коровы или лошади, вместимостью от одного полутора ведер'⁵. Тувинское *борбуяк* Б. И. Татаринцев представил как уменьшительную форму от *борбуй* и допустил его монгольское происхождение⁶. А. В. Дыбо тув. *borbak* привела в значении 'шарообразный' и предположила, что это слово соотносимо с *борбуй*⁷. Она высказала также мнение об его монгольском происхождении. При этом допустила, что тувинское *борбуй* может быть результатом контаминации⁸. Мнение о контаминации и метафоризации в данном названии может подтвердить приведенное в Тувинско-русском словаре значение 'сычуг (часть желудка жвачных животных)'. Оно сопоставимо со словом *борбаана* 'шарик (катыш) из шерсти (образуется в желудке у жвачных домашних животных)' и глагольной основой *борбаяр-/борбай-* 'принимать шарообразную (округлую) форму, округляться'⁹.

Монгольская основа *борви* одним из значений имеет 'кожаный бурдюк'¹⁰. Монгольский этимологический словарь приводит данную основу в следующих значениях: «1 х.-монг. *борви* пяточное сухожилие; бур. *борьбо* голень; калм. *бөрв* коленное сухожилие, коленный изгиб»¹¹. И при этом

¹ Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков в мировом монголоведении / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шервернина. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II (G–P). С. 113.

² Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. М., 2022. С. 13.

³ Ерленбаева Н. В. Бытовая лексика алтайского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Уфа, 2005. С. 17.

⁴ Пекарский Э. К. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. I. 499 стлб.

⁵ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. С. 194.

⁶ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А–Б. С. 256.

⁷ Этимологический словарь тюркских языков / сост. А. В. Дыбо. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. С. 443.

⁸ Там же. С. 443.

⁹ Там же.

¹⁰ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г. С. 265.

¹¹ Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков в мировом монголоведении / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шервернина. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I: А–Е. С. 98.

соотносит ее с х.-монг. *борви*, калм. *бөрв* кожаный бурдюк¹, что также дает обоснование допустить семантическое изменение по следующей линии: кожа на ноге домашнего животного > сосуд из кожи на ноге животного.

Из слов, обозначающих кожаные сосуды, известных в некоторых из сибирских тюркских языков, следует привести также тув. *барба* в значении 'кожаный вьючный мешок'², як. *марба* 'кожаная сумка'. В якутском языке это слово считается устаревшим и сравнивается с монгольским и тувинским *барба*³, оно известно давно — в значении 'переметная сума, дорожная сумка, котомка' привел в своем словаре О. Н. Бетлинг со ссылкой на А. Ф. Миддендорфа (Бётлинг, 1990: 611). Якутское *марба* 'кожаный мешок' В. И. Рассадина сравнил также с тув. *барба* 'кожаный вьючный мешок' и тоф. *барба* 'переметная сума' (Рассадина, 1981: 227). Происхождение тувинского *барба* связывается с признаком «раздутый»⁴, что вполне может быть допустимо, так же, как и в случае *борбуй*. По поводу этого слова Б. И. Татаринцев предположил, что территория распространения слова позволяет судить об его архаичности⁵. В современных монгольских языках это слово не известно, но возможно сопоставить его с корневой основой *barba* > *barbayar*, *barbayi*-, которая из тюркских языков известна в якутском и киргизском в образном значении 'вздувшийся, распухший, толстый'⁶. Если принять во внимание, что *барба*//*марба* — это большая кожаная сума, ее метафорическое обозначение вполне допустимо.

Еще одно слово образного происхождения, известное в рассматриваемых языках и обозначающее кожаный сосуд — алт. *тажуур* кожаный мех для жидкостей⁷, як. *таһыар* 'большой кумысный мех'⁸. Есть основание допустить, что оно монгольского происхождения, судя по данным Этимологического словаря монгольских языков, в котором отмечена общемонгольская основа *tajīyar*. В современных северомонгольских языках она также известна, см.: халх. *tajī-yar* 'короткий (о мехе, шерсти)'; бур. *тажагар* 'пузатый'⁹. Слово *тажагар* в значениях 'приземистый, кряжистый; пузатый' зафиксировано в современном бурятском словаре¹⁰. А монгольско-русский словарь приводит основу *ташмаг*, одним из значений которой является 'широкое кожаное ведро'¹¹, что позволяет допустить семантическую связь этого слова с приведенным этимологом *tajīyar*.

Приведенные в разделе наименования *борбуй*, *барба-марба*, *тажуур-таһыар* основаны на зрительном образе предмета и дают представление о внешнем виде кожаных сосудов. На основе анализа можно сделать вывод о том, что слово *борбуй* в своей семантической основе имеет значение 'шарообразный', а *барба-марба* — 'раздутый', *тажуур-таһыар* — 'пузатый'. Такой способ обозначения предметов, как известно, характерен для исконной лексики любого языка.

Якутские наименования кожаных сосудов монгольского происхождения

В якутском языке известно еще одно название кожаного сосуда — это *симиир* (или *симиир иһит*) 'суживающийся кверху высокий кожаный сосуд для приготовления и хранения кумыса'¹². Якутам

¹ Там же.

² Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. м., 2022. С. 13–14.

³ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. С. 233.

⁴ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. А, Б. С. 193.

⁵ Там же.

⁶ Этимологический словарь монгольских языков — первый опыт этимологического словаря корневых (неразложимых) слов монгольских языков в мировом монголоведении / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Севернина. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I: А–Е. С. 56.

⁷ Алтайско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энцикл., 1964. С. 138.

⁸ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд.-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I, стлб. 2597; Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 9. (Буква С: сөллөй — сээн, буква h): около 4000 слов и фразеологизмов. С. 219.

⁹ Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. Q–Z. С. 120.

¹⁰ Бурятскорусский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Рес. тип., 2008. Т. II. О–Я. С. 221.

¹¹ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. Ө–Ф. С. 206.

¹² Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 9. (Буква С: сөллөй — сээн, буква h): около 4000 слов и фразеологизмов. С. 773.

кожаный сосуд с таким названием известно было, видимо, давно. Так, О. Н. Бетлингк в своем словаре привел его с переводом 'кожаный мешок (М., Ув.), содержащий почти один анкер (34–36 л.)' (Бётлинг, 1990: 637) со ссылкой на А. Миддендорфа и А. Уваровского. Последний в повествовании о жизни якутов писал, что сосуд под названием *симиур*, сшитый из бычьей кожи, наполненный жидкой пищей, не промокает и может служить десятки лет. Э. К. Пекарский дал общее значение слова — это кожаный мех (мешок), кожаная посуда¹. Судя по словарю, мешок может быть из черной, особым родом выделанной кобыльей кожи или из пузыря, он был предназначен для хранения и перевозки молочных продуктов². Для сравнения здесь приведено бурятское слово *hiber* с другим значением, это 'плоский деревянный бак, в который сливается молоко после удоя' (там же). В современном бурятско-русском словаре отмечено слово *хиибэр* 'охладитель, куб для охлаждения (при выгонке молочной водки)'³. Остается допустить, что як. *симиур* тоже может иметь монгольскую параллель.

Монгольскую параллель имеет общее якутское название еще одного сосуда из кожи — *сири иһум*, устар. 'сшитый из особо выделанной бычьей кожи большой сосуд'⁴. В данном сочетании *сири* — это кожа, но особым образом выделанная, непромокаемая, из нее шьются кожаные сосуды⁵. В современном монгольском словаре зафиксировано однокоренное слово *шир*, среди значений которого отмечено 'кожа, шкура (крупного скота)'⁶. С этим словом, видимо, можно сопоставить бурятское *шиирэ* 'голень (у животных)'⁷. В Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков наряду с основами в других тюркских языках як. устар. *siri* в том же значении, на которое указал словарь Э. К. Пекарского. Здесь указано, что источником тюркских основ, имеющих явный территориальный признак, является монгольский язык, для сравнения приводятся следующие основы стпм. *siri(n)* 'кожа, сыромять'; х.-монг. *šir* 'кожа сыромять'⁸. Этимомом монгольского *шир* является основа *sir*, которая дала следующие рефлексy: х.-монг., калм. *шир*, бур. *шэрэ* в значениях 'кожа, шкура (крупного скота); сыромять'; калм. ~ *цэ* 'тюк чая (в количестве, вмещающемся в одной кожаной таре)'. По предположению авторов Этимологического словаря монгольских языков, с общемонгольской основой *sir*, кроме якутского, из тюркских можно сопоставить киргизскую *шири* 'сыромятная копченая кожа крупного скота'⁹.

Отмеченные в словарях якутского языка основы *симиур* 'сосуд для приготовления и хранения кумыса' и *сири иһум* 'сшитый из особо выделанной бычьей кожи большой сосуд' имеют монгольское происхождение, но не зафиксированы в рассмотренных нами материалах по тюркским языкам Сибири. В современном якутском языке эти сосуды входят в комплекс ритуальных сосудов, применяемых в церемонии кумысопития. Это также может говорить об обособленном развитии якутской лексики традиционной культуры в некоторые периоды истории народа-носителя языка.

Заключение

Предпринятый анализ показывает, что лексика для обозначения бытовых сосудов, изготовленных из кожи домашних животных, в тюркских языках Сибири и монгольских языках, имеет довольно однородный состав. При этом, из рассмотренных семи слов из сибирских тюркских языков, от-

¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.; Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.

² Там же.

³ Бурятскорусский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2008. Т. II. О–Я. С. 556.

⁴ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 9. (Буква С: сөллөй — сээн, буква h): около 4000 слов и фразеологизмов. С. 773.

⁵ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Л.: Изд. АН СССР, 1959. Т. I. стлб. 2243–2244; см. также: (Николаев, 2021: 98; Рассадин, 1980: 70).

⁶ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. Х–Я С. 361.

⁷ Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-оруд толи = Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2008. Т. II. С. 614.

⁸ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. С. 386.

⁹ Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. Q–Z. С. 120.

носящихся к тематической группе, шесть имеют установленные монгольские параллели, что свидетельствует об общности хозяйственных традиций народов-носителей исследуемых языков, а также о значительном влиянии традиционной монгольской культуры на образ жизни тюркских народов Сибири. Для данных языков характерно также обозначение кожаных сосудов на основе зрительного восприятия.

В целом, дальнейшие исследования тематических групп лексики тюркских языков Сибири и северно-монгольских языков с опорой на монгольские может привести к интересным результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бальжинимаева, Б. Д. (2017) Названия тары и емкостей из кожи в монгольских языках // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Т. 31. Вып. 3. С. 110–118.

Бётлинг, О. Н. (1990) О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск : Наука. 646 с.

Бурыкин, А. А. (2017) Об объеме и характере тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских лексических связей в новой перспективе: роль теории родства алтайских языков для выявления древних языковых контактов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Т. 33. Вып. 5. С. 190–198.

Дыбо, А. В. (1996) Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М. : ЯСК. 393 с.

Калужинский, С. (1961) Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке» (предварительные замечания на основе материалов «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского) // Труды Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Вып. 3 (8). С. 5–21.

Калужинский, Ст. (1978) Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (II) // Rocznik orientalistyczny. Т. 40. Z. 1. Р. 71–82.

Лексика традиционного скотоводства в тюркских и монгольских языках: сравнительно-сопоставительный аспект (2024) / Трофимова С. М. и др.; отв. ред. И. А. Невская. Новосибирск : Академиздат. 300 с.

Николаев, Е. Р. (2021) Лексико-семантические особенности наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (34). С. 96–107.

Паллас, П. С. (1773) Путешествие по разным провинциям Российской империи : в 3 ч. СПб. : Императорская академия наук. Ч. 1. 857 с.

Рассадин, В. И. (1981) Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник 1977 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы. 298 с. С. 219–231.

Рассадин, В. И. (1980) Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука. 115 с.

Рассадин, В. И. (2007) О проблемах этимологизации слов монгольских языков // Монголоведение. Т. 4(1). С. 27–39.

Содномпилова, М. М., Нанзатов, Б. З. (2020) Пять видов скота — основа кочевого хозяйства тюркомонгольских народов Внутренней Азии // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 16. № 1 (34). С. 131–140.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001). 2-е изд., доп., отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 821 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 129 с.

Цинциус, В. И. (1979) Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 263 с. С. 3–17.

Широбокова, Н. Н. (2015) О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 242–250.

Щербак, А. М. (1966) О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. № 3. С. 21–35.

Щербак, А. М. (1986) Тюрко-монгольские языковые связи // Вопросы языкознания. № 4. С. 47–59.

Дата поступления: 02.04.2026 г.

Дата принятия: 19.05.2026 г.

REFERENCES

- Balzhinimaeva, B. D. (2017) Names of leather vessels and containers in Mongolic languages. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 31, issue 3, pp. 110–118. (In Russ.)
- Böttling, O. N. (1990) *On the language of the Yakuts*. Transl. from German by V. I. Rassadin. Novosibirsk, Nauka. 646 p. (In Russ.)
- Burykin, A. A. (2017) On the scope and character of Turkic–Mongolic and Turkic–Tungusic–Manchu lexical ties in a new perspective: the role of the theory of kinship of the Altaic languages in revealing ancient language contacts. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 33, issue 5, pp. 190–198. (In Russ.)
- Dybo, A. V. (1996) *Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder girdle)*. Moscow, YaSK. 393 p. (In Russ.)
- Kaluzhinskiy, S. (1961) Some issues of Mongolic borrowings in the Yakut language (preliminary remarks based on materials from E. K. Pekarskiy's "Dictionary of the Yakut language"). *Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii YaF SO AN SSSR*, issue 3 (8), pp. 5–21. (In Russ.)
- Kaluzhinski, St. (1978) Etymological studies in the Yakut language. Disyllabic stems (II). *Rocznik orientalistyczny*, vol. 40, no. 1, pp. 71–82. (In Russ.)
- Lexicon of traditional animal husbandry in Turkic and Mongolic languages: a comparative-contrastive perspective* (2024). S. M. Trofimova et al.; ed. by I. A. Nevskaya. Novosibirsk, Akademizdat. 300 p. (In Russ.)
- Nikolaev, E. R. (2021) Lexico-semantic features of names for leather vessels (containers) for kumys in the Yakut language. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, no. 1 (34), pp. 96–107. (In Russ.)
- Pallas, P. S. (1773) *Journey through various provinces of the Russian Empire*, in 3 parts. Saint Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. Part 1. 857 p. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. (1981) Problems of common features in the Turkic languages of the Sayan–Altai region. In: *Turkological collection 1977*, ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 298 p. Pp. 219–231. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. (1980) *Mongol–Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow, Nauka. 115 p. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. (2007) On problems of etymologizing words of Mongolic languages. *Mongolovedenie*, vol. 4 (1), pp. 27–39. (In Russ.)
- Sodnompilova, M. M. and Nanzatov, B. Z. (2020) Five kinds of livestock as the basis of the nomadic economy of Turkic–Mongolic peoples of Inner Asia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*, vol. 16, no. 1 (34), pp. 131–140. (In Russ.)
- Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Lexicon* (2001). 2nd ed., expanded; ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 821 p. (In Russ.)
- Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 129 p. (In Russ.)
- Tsincius, V. I. (1979) Problems of comparative-historical study of the lexicon of the Altaic languages. In: *Research in the field of etymology of Altaic languages*, ed. by V. I. Tsincius. Leningrad, Nauka, Leningrad branch. 263 p. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Shirobokova, N. N. (2015) On change of classification type (based on Siberian Turkic languages). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 242–250. (In Russ.)
- Shcherbak, A. M. (1966) On the nature of lexical interrelations of Turkic, Mongolic, and Tungusic–Manchu languages. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.)
- Shcherbak, A. M. (1986) Turkic–Mongolic language contacts. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 47–59. (In Russ.)

Submission date: 02.04.2026.

Acceptance date: 19.05.2026.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редактор Б. Н. Гайдин.

№ 3, 2026

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/71>

*Фото из личного архива семьи Н. М. Монгуш.
Письменное разрешение на публикацию фотографии правообладателя
и родителей ребенка в редакции имеются.*

Подписано к публикации 28.08.2026 г.

Объем - 53,5 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia